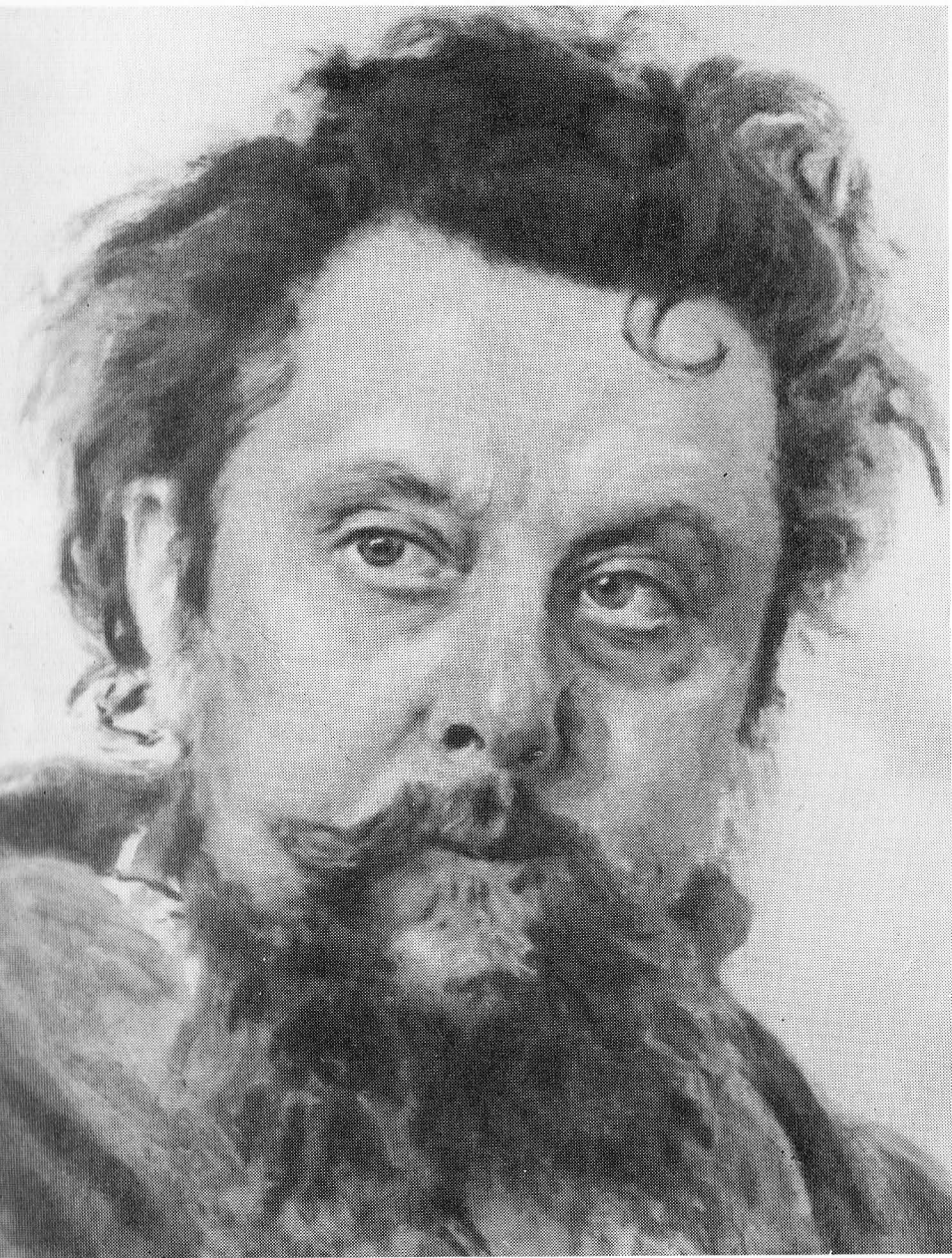

МУСОРГСКИЙ
ЛИТЕРАТУРНОЕ
НАСЛЕДИЕ

1968

М. П. Мусоргский
Портрет И. Е. Репина

МОДЕСТ ПЕТРОВИЧ МУСОРГСКИЙ

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ

*

Составители

А. А. ОРЛОВА и М. С. ПЕКЕЛИС

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ М. С. ПЕКЕЛИСА

МОДЕСТ ПЕТРОВИЧ МУСОРГСКИЙ

—

БИБЛИОТЕКА
Архангельского
Музыкального училища
МНБ. № 14681

ПИСЬМА БИОГРАФИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ И ДОКУМЕНТЫ

4

Модест Мусоргский

Составитель,
автор вступительной статьи
и комментариев
А. А. ОРЛОВА

Наше время открыло подлинные масштабы гения Мусоргского. Интерес к творчеству и личности великого композитора неизмеримо вырос и продолжает расти. Мусоргский действительно стал одним из самых популярных классиков русской музыкальной культуры. Не только в Советском Союзе, но и далеко за его пределами звучит музыка Мусоргского, издаются книги о нем. Несмотря на специфические сюжетные и языковые трудности, «Борис Годунов» и «Хованщина» ставятся на всех сценах мира. Выдающиеся зарубежные исполнители специально изучают русский язык, русскую историю, чтобы глубже проникнуть в дух и характер народных музыкальных драм Мусоргского. Каждое новое исследование о замечательном композиторе, вновь найденный документ, относящийся к его жизни, или обнаруженное его изображение вызывают величайший интерес.

Настоящее издание призвано удовлетворить самый широкий круг читателей: и тех, кто изучает творчество Мусоргского, его эстетические воззрения, и тех, кто интересуется биографией композитора. Здесь впервые объединены все обнаруженные до настоящего времени письма и статьи Мусоргского, все принадлежащие ему литературно-художественные тексты, его автобиография, а также документы, имеющие более или менее существенное значение.

В послевоенные годы все перечисленные материалы печатались редко и только выборочно. Таковы: книга «М. П. Мусоргский. Избранные письма» (М., 1953), отдельные публикации вновь найденных писем и документов Модеста Петровича («Советская музыка», 1954, № 3; «Музыкальная жизнь», 1962, № 23) и письма Мусоргского к Н. А. Римскому-Корсакову, воспроизведенные в академическом издании «Литературных трудов и переписки Н. А. Римского-Корсакова», том V (М., 1963).

Наиболее богат был изданиями как музыкальных произведений, так и литературных материалов Мусоргского предвоенный период, совлав-

ний с двумя юбилейными датами композитора — пятидесятилетием со дня смерти (1931) и столетием со дня рождения (1939). В публикации литературных источников значительную роль сыграли А. Н. Римский-Корсаков, В. Д. Комарова, П. А. Ламм и П. В. Аравин.

Настоящее издание, охватывающее все литературное наследие композитора, разделено на две книги. В первой представлены письма, автобиографические материалы, документы и разные записи. Во второй даны литературные произведения Мусоргского — либретто опер, текст песни, стихотворения и статьи.

Эпистолярная Мусоргского пополнена по сравнению со сборниками А. Н. Римского-Корсакова и П. В. Аравина теми письмами, которые были опущены их составителями, а также письмами, найденными в последние годы. Среди документов впервые публикуются длинные заявления автора в цензуру, касающиеся запрещения «Семиариста», а также материалы, связанные с именами Мусоргских. Последние дают возможность читателю составить представление о материальном положении семьи композитора и служат известной иллюстрацией к сообщениям Мусоргского в его письмах начала 60-х годов. В числе «разных записей» помещены проект программы концерта А. Н. Молаш и записка о Ц. А. Кюи, написанная для Л. И. Шестаковой.

В иллюстрациях обеих книг составители стремились раздвинуть привычные рамки изобразительного материала. Наряду с распространенными публикуются новые или малоизвестные иллюстрации, например, портрет юного Мусоргского работы М. О. Микешина, страница затерянного издания пьесы тринадцатилетнего Мусоргского «Подираторчик-полька», титульный лист авторской рукописи вокального сборника «Юные годы» (хранится в Парижской консерватории), факсимиле двух страниц письма композитора из коллекции «Метрополитен-опера» (США), редко воспроизводимые портреты Л. Б. Бертенсона, В. А. Гартмана, Д. М. Леоновой. Нововведением является включение в первую книгу репродукций произведений живописи, о которых имеются высказывания в письмах Мусоргского.

Все публикуемые в настоящей книге материалы сверены с сохранившимися авторскими рукописями. Это касается и тех документов, которые воспроизводились ранее по копиям: письма Мусоргского от 3 августа 1879 года, хранящегося теперь в «Метрополитен-опера» (США) и сверенного по фотокопии, полученной из Нью-Йорка, а также дарственной грамоты Т. И. Филиппову. В тех случаях, когда оригинал утрачен, это оговаривается в комментариях.

В заключение считаем своим долгом выразить благодарность за содействие в нашей работе Е. Л. Давидович, И. А. Коноплеву, Л. М. Кутателадзе, А. С. Лягуновой, А. Г. и М. Г. Орловым, А. С. Розанову, Е. Р. Язвинской и Н. Л. Слонимскому (США).

М. Пекелис

ЧИТАЯ ПИСЬМА МУСОРГСКОГО

В литературном наследии М. П. Мусоргского письма занимают очень важное место. Правда, количество их невелико, немногим более двухсотпятидесяти. И если сравнить эту цифру, например, с эпистолярным наследием П. И. Чайковского или П. А. Римского-Корсакова, то число сохранившихся писем Мусоргского покажется ничтожным. Но среди этой эпистолярной лишь очень небольшое носит незначительный характер. Большинство писем Мусоргского — ценнейшие творческие и автобиографические документы.

Эпистолярное наследие Мусоргского, охватывающее период всей творческой жизни композитора (1857—1881), вслед за его нотными автографами, является основным источником, из которого мы узнаем о музыкально-эстетических воззрениях композитора, можем проследить путь становления художника, историю создания большинства его произведений и понять процесс творчества.

Письма Мусоргского дают яркое представление о процессе его профессионального формирования — от неуверенных шагов робкого ученика до полного расцвета гениального мастера. Художник-мыслитель, много думающий, анализирующий, Мусоргский создал стройную эстетическую концепцию, которая воплощена в творчестве и последовательно выражена в его письмах. Письма Мусоргского отражают его эстетические взгляды и служат наглядным подтверждением, как упорно проводил композитор в творчестве свои художественные идеалы. Лишь в редких случаях (о них будет сказано ниже) эстетические взгляды Мусоргского вступали в противоречие с линией его творчества.

В письмах Мусоргского с юных лет видна тяга композитора к русской исторической тематике. Вначале это увлечение памятниками старины, затем изучение народного творчества, исторических источников.

О новаторстве музыкальных форм, диктуемых жизнью («художественная правда не терпит предвзятых форм»), и о трудностях при создании новых форм («заманчиво, но редкостно») Мусоргский часто говорит в письмах к В. В. Стасову, А. А. Голенищеву-Кутузову.

Проблема, постоянно беспокоившая Мусоргского и неоднократно затрагиваемая в письмах к В. В. Стасову, — это взаимоотношение народности, историзма и современности (интересно в этом отношении письмо от 16 июня 1872 года). Та же

тема, особенно волнующая композитора на подступах к «Хованщине», с большой силой и темпераментом отражена в известном письме к Репину от 13 июня 1873 года («народ хочется сделать: сплю и вижу его, ем и помышляю о нем» и т. д.). Вопрос связи искусства с современностью затронут также в ряде писем к Голенищеву-Кутузову. Проблема реализма — требование говорить людям правду, утверждение, что художник не может убежать от внешнего мира, — проходит через целый ряд писем к Голенищеву-Кутузову и Стасову. В некоторых письмах Мусоргский касается технологии (см., например, письмо к В. В. Стасову от 13 июля 1872 года), говорит о поисках новых выразительных средств, в частности, в эпоху работы над «Хованщиной» о создании «жизненной, не классической мелодии» или (в письме к Стасову от 25 декабря 1876 года) «осмысленно оправданной мелодии, творимой говором человеческим».

Только письма Мусоргского дают возможность заглянуть в его творческую лабораторию.

Мусоргский подолгу вынашивал замысел и записывал сочиненное тогда, когда оно окончательно складывалось в его сознании. Он постоянно говорит: «переводить на бумагу рано, пусть созреет». Высказывания в письмах по этому поводу подтверждаются рукописями произведений Мусоргского: каллиграфичность нотных автографов почти без помарок, отсутствие эскизов. Не будь писем, можно было бы предполагать, что эскизы и черновые записи попросту не сохранились, ибо архив композитора дошел до нас в далеко не полном виде. Но многочисленные высказывания в письмах, раскрывающих принципы творческой работы, позволяют сделать совершенно определенные выводы: искать черновики Мусоргского бесполезно, их не было и не могло быть.

Письма Мусоргского в известной степени помогают понять еще одну важную особенность его творчества, а именно: как действительные события вызывают к жизни музыкальные произведения.

Когда перед слушателями возникают гениальные народные сцены с остро отточенными социальными и психологическими характеристиками (можно напомнить хотя бы пролог «Бориса Годунова»), когда перед нами проходят отдельные персонажи, будто выхваченные из жизни, нельзя не припомнить известных слов композитора из его писем эпохи «Женитьбы», когда Мусоргский собирался совершить гигантский скачок к исторической народной опере. Суть этих высказываний выражена в письме к Ц. А. Кюи от 15 августа 1868 года: «У меня всегда так: я вот запримечу кой-каких народов, а потом при случае и тисну» (разрядка моя. — А. О.). Особенно интересно, что часто первообраз, на который опирается Мусоргский, создавая произведение по поводу реально существующего события, намного уступает по своей значительности созданному воображением композитора. Картина В. В. Верещагина «Забытый» (известная лишь по репродукции), изображающая убитого солдата, над которым кружится туча голодного воронья, конечно, очень сильна в своем жестоком реализме. Но музыка Мусоргского по эмоциональной силе намного превосходит живописное полотно, послужившее отправным толчком к созданию баллады «Забытый». В еще большей мере это относится к «Картинкам с выставки». Нам не известны подлинники рисунков Виктора Гартмана, но, судя по их воспроизведениям, тематика этих рисунков крайне незначительна и в наше время уже не может затронуть ни чувства,

ни воображения. Гениальная же фортепианная сюита Мусоргского, поводом для которой послужили рисунки Гартмана, стоит в ряду величайших произведений музыкального искусства. И письмо к В. В. Стасову о работе над этой сюитой позволяет понять силу вдохновенного озарения композитора, высоко поднявшегося над увиденным им и послужившим творческим импульсом.

Читая письма Мусоргского, мы можем понять, как он воспринимает внутренний мир своих героев, как глубоко проникает в их страдания, создавая образы не только воображением художника, но и сердцем человека необычайно отзывчивого и чуткого. И этим можно многое объяснить в его творчестве.

Письма Мусоргского показывают, сколь сильно в нем критическое начало в отношении своего творчества. Строгий самоанализ, стремление к совершенствованию проходят через все письма Мусоргского. В этом смысле особенно показательно признание в письме к В. В. Стасову от 19 июня 1873 года, как он «до лота лица» перерабатывает себя «в горниле» (ср. с письмами к П. С. Стасовой от 29 июля 1873 года и В. В. Стасову от 2 августа 1873 года, где звучит та же тема).

При этом интересно, что о некоторых произведениях композитор пишет много и подробно, ощущая потребность советоваться или делиться с друзьями мыслями по поводу рождающихся произведений (анализ «Ночи на Лысой горе» и *Intermezzo* с весьма важным сравнением двух этих произведений и определением их места в своем творчестве, наброски драматургического плана поэмы «Подибрад», позже «Хованщина» и другие). А о том, что ему ясно, Мусоргский пишет мало и скупо («Картинки с выставки») или вовсе не упоминает («Борис Годунов», особенно первая редакция, цикл «Без солнца») ... В то же время во многих письмах говорится о глубоком волнении, пережитом композитором в процессе создания ряда произведений («Ночь на Лысой горе», «Борис Годунов», «Картинки с выставки»). Из этих писем перед нами вырастает облик вдохновенного художника.

Поэтому он так не любил рассуждений о технологии (см., например, письмо к В. В. Стасову от 13 июля 1872 года о «кухне»). Отсюда его отрицательное отношение к занятиям мастерством Н. А. Римского-Корсакова или к Русскому музыкальному обществу и консерватории, как средоточию «среднепрофессионального» направления.

В то же время Мусоргскому отнюдь не чужды вопросы мастерства, и в его письмах мы находим немало технологических проблем, причем все, что он говорит и о музыкальной форме, и о гармонических последовательностях, и о понимании программности применительно к каждому конкретному произведению, изобличает эрудированного музыканта с острым слухом и великолепным чувством формы.

Если внимательно проследить за мыслями Мусоргского в его письмах, то особенно бросается в глаза, как сильно отошел в своей редакторской работе от авторских намерений Римский-Корсаков. В частности, финал второго действия «Хованщины» задумывался так: после прихода Шакловитого и его сообщения о найденном доносе на Хованских картина должна была кончаться «на одном грозном аккорде *pp*», несомненно изобличающем душевное потрясение участников драмы. Мусоргский намеревался кончить картину квинтетом, передающим смещение действующих лиц, но затем в дальнейшем отказался от него и сохранил первоначальный замысел. О том, что Мусоргский, зрело обдумав, отказался от такого

финала второго действия, свидетельствует его последнее письмо к В. В. Стасову с сообщением, что «Хованщина» вся кончена, за исключением последних тактов в последней картине (сцена самоожжения), где музыка находится в зависимости от сценических возможностей этой картины.

Римский-Корсаков закончил картину темой Преображенского марша; актеры в течение нескольких минут вынуждены представлять «немую сцену», а это выглядит неуместно. К таким же искажениям драматургического замысла можно отнести сокращения в народных сценах первого и третьего действий «Хованщины» или перестановку сцены смерти Бориса и «Кром» в «Борисе Годунове».

Письма Мусоргского показывают его творческую лабораторию как бы с разных точек зрения. Иногда перед нами скупая информация, но большей частью это вдумчивая оценка, самоанализ, а иной раз как бы мимоходом брошенное слово, характеризующее работу или процесс создания произведения.

Письма Мусоргского часто раскрывают методы его творческой работы. Некоторые произведения решаются сразу («Гартман кипит, как кипел «Борис»); другие рождаются постепенно из отдельных характерных сцен, психологических ситуаций. О вдохновленном творчестве Мусоргского можно узнать тоже только из писем. Музыкальные автографы, аккуратно датированные (вплоть до отдельных этапов сочинения), в этом смысле ничего не могут разъяснить. И то, что «иезуит не дал спать две ночи кряду» (во время работы над второй редакцией «Бориса») или что во время создания «Бориса Годунова» Мусоргский «жил «Борисом», в «Борисе», а «Хованщина» «кипит, как кипел «Борис», — эти призывания находятся именно в письмах композитора. Творческий процесс протекает у него иногда бурно, буквально на одном дыхании, а иногда, наоборот, мысли как бы держат композитора в узде, заставляя тщательно обдумывать и неоднократно переделывать намеченное. Так возникает «Хованщина» — постепенно, исподволь. Достаточно сравнить письмо к В. В. Стасову от 16—22 июня 1872 года, где излагаются общие принципы, основные исторические предпосылки музыкальной драмы, с последующими письмами, где обращено внимание на тщательное и всестороннее изучение источников, на основе которых составляется либретто. Отдельные исторические эпизоды особенно привлекают внимание композитора, так как из них рождаются драматические ситуации, психологические характеристики, образы, типы действующих лиц.

Именно письма Мусоргского раскрывают, как рано определилось влечение композитора к исторической тематике — основной линии его творчества.

В этой связи большой интерес представляет анализ оперы А. Н. Серова «Юдифь» в письме к М. А. Балакиреву от 10 июня 1863 года. Оценка этого произведения занимает важное место в истории формирования эстетических принципов Мусоргского — оперного драматурга, как они начали сказываться в пору творческой юности композитора. Перовное, на первый взгляд, отношение Мусоргского к «Юдифи» — то насмешливо-уничтожающее, то иронически-снисходительное, а местами почти восторженное — может произвести несколько противоречивое впечатление. На самом же деле это — свидетельство стремления Мусоргского объективно разобраться в достоинствах и недостатках оперы. Анализируя характеры отдельных персонажей, оркестровку оперы и особенно массовые эпизоды, Мусоргский высказывает глубокие мысли о роли народа в исторической опере. Последнее обстоятельство особенно важно для будущего автора «Бориса» и «Хованщины».

В письмах же, задолго до творческого воплощения, начинается пробираться тяготение Мусоргского к национальной теме. Показательно письмо к М. А. Балакиреву после первого посещения Мусоргским Москвы. Проявившийся здесь интерес к русской старине и русской истории предвосхищает создателя народных исторических музыкальных драм.

Мысли о народе, о подступах к народной музыкальной драме особенно ярко проступают в письмах Мусоргского в период завершения «Бориса Годунова». По времени окончание «Бориса» и начало «Хованщины» совпадают абсолютно точно: работая над сценой под Кромами, Мусоргский уже готовился к «Хованщине» и читал труды по истории. Если вспомнить это обстоятельство, то еще ярче — не как отвлеченная идея, а как манифест, рожденный самим творчеством, — прозвучит письмо Мусоргского к И. Е. Репину от 13 июня 1873 года о народе. Работа композитора над источниками только подтверждает глубокий историзм, который отличал русскую оперу и Мусоргского в первую очередь.

Письмо к И. Е. Репину следует рассматривать как эстетическую программу композитора в эпоху расцвета его творчества и в период работы над «Хованщиной». Высказывания Мусоргского свидетельствуют о глубокой и страстной тяге к народу, в котором он видел неиссякаемый источник для творчества.

Метод работы над исторической драмой, требование от художника глубокого знания материала, позволяющего с полной свободой обращаться с событиями прошлого (недостаточно интуиции, требуются основательные знания), в то же время необходимость осваиваться современным художником, Мусоргский высказывает в письме к А. А. Голенищеву-Кутузову от 2 марта 1874 года.

Письма подтверждают наше понимание идейного замысла «Бориса Годунова» и «Хованщины» не только как исторических музыкальных драм, но и произведений остроосовременных: «прошедшее в настоящем — вот моя задача», — писал Мусоргский Стасову 16 июня 1872 года. В этом смысле большой интерес представляет упомянутое выше письмо к Голенищеву-Кутузову от 2 марта 1874 года о работе поэта над драматической хроникой «Смута», где Мусоргский преподает урок современного воплощения исторической темы*.

Именно письма показывают, с каким вниманием в процессе создания своих опер Мусоргский относился к исторической достоверности, как он стремился к воссозданию подлинного колорита эпохи. В этом смысле любопытен вопрос В. В. Стасову (в письме от 6 сентября 1873 года) по поводу реплики Досифея в третьем действии «Хованщины». Написав: «Почто мятется!», Мусоргский говорит, что ему хотелось бы это выражение заменить другим: «о чем мечтанье?», и добавляет в форме вопроса: «но, кажется, пельзя». Этот незначительный, на первый взгляд, «эпистолярный эпизод» дает ключ к пониманию причин отхода Мусоргского от гениальных стихов Пушкина в «Борисе Годунове»*.

Здесь уместно напомнить, что именно в письмах Мусоргский разъясняет свое понимание «музыкального изложения» произведений Пушкина и Гоголя. В письме к Голенищеву-Кутузову от 15 августа 1877 года композитор, подробно развивая

* Добавлением к этому (или расшифровкой мысли) могут служить строки, также относящиеся к «Смуте» Голенищева-Кутузова, но, в сущности, выражающие собственный творческий опыт, из письма от 14 ноября 1879 года.

свою мысль в отношении «Сорочинской ярмарки», приходит к выводу, что «горе тем, кому блажь придет взять Пушкина или Гоголя только как текст!». Это очень важное замечание: оно раскрывает подход Мусоргского к литературным первоисточникам (в том числе и к своим собственным текстам, представляющим словесное выражение музыкальных образов и, при всем их подчиненном значении, играющим очень большую роль).

Высказывание композитора в письмах к тому же корреспонденту (от 15 августа и 10 ноября 1877 года) раскрывает взгляды на жанр комической оперы и даже шире — трактовки комизма, который подчас может носить грозный, обличительный характер.

Обоснование драматургических принципов его опер мы находим лишь в письмах. В музыкальных рукописях воплощен итог, результат раздумий, но сами раздумья можно обнаружить только в эпистолярном наследии композитора (о «Бориссе» — меньше и больше ретроспективно, уже во время замысла «Хованщины». Зато мыслями о «Женитьбе» и «Хованщине» заполнены многие письма).

К произведениям, создание которых наиболее полно отражено в письмах, надо в первую очередь отнести «Хованщину». Процесс создания «Хованщины» можно проследить по письмам Мусоргского от момента возникновения замысла. Сочинение оперы начинается с зарождения образа Марфы (сцена с Андреем Хованским перед самоожжением и вскоре за ней — сцена гадания). Мысль о народе, музыкальное воплощение идеи народной драмы возникает тогда же. И отсюда почти одновременно создаются последняя картина и вступление: прелюдии к «скиту» и «рассвет на Москве-реке», то есть образы умирающей Руси и Руси новой, рождающейся — основной драматургический узел всей концепции. Последовательность сочинения отдельных эпизодов народной драмы можно проследить до самого завершения «Хованщины». И если бы не письма, многое из истории сочинения оперы осталось невыясненным. Так же, как, скажем, о замысле симфонической поэмы «Подибрад» можно узнать только из письма Мусоргского к Римскому-Корсакову (от 15 июля 1867 года), потому что никаких записей этого сочинения, кроме приведенных в письме тем, не существует. Это относится и к авторской оценке «Женитьбы», определения ей места творческого эксперимента: только в письмах (к Шестаковой и Никольскому в 1868 году и позднее к Стасову и Голенищеву-Кутузову) Мусоргский затрагивает эту тему.

В целом же высказывания Мусоргского рисуют его как художника-новатора и яркую самобытную личность. Девиз «вперед к новым берегам» красной нитью проходит через его письма. И даже если не знать ни одной ноты из сочинений автора «Хованщины», предварительное ознакомление с его письмами убедительно показывает новаторство Мусоргского, вводящего в музыкальный «обиход» совершенно новую тематику. Это в равной степени касается содержания и формы. Непримириемость в отношении устоявшихся канонов Мусоргский высказывает с присущей ему смелостью и темпераментом.

Некоторые положения в письмах выглядят неожиданно и непонятно, они как бы находятся в явном противоречии с творчеством.

Так, Мусоргский — певец обездоленного народа, композитор-демократ и гражданин пренебрежительно отзываясь о творчестве Некрасова и потешается над «гражданским моговом» в поэзии. И это говорит Мусоргский — создатель песен

«Калистрат» и «Колыбельная Еремущки» на стихи Некрасова — песен, в которых скорбь о забытом народе проявляется с огромной силой и гражданский мотив звучит с необычайным пафосом, чем в творчестве Некрасова! Однако Мусоргский был не одинок в ироническом отношении к Некрасову. Для многих современников обстоятельства жизни поэта ставили под сомнение искренность его поэтических высказываний. Расхождение между словом и делом, видимо, и претило Мусоргскому, хотя как художник он воплощал в своем творчестве те же идеалы.

Та же линия недоразумений продолжается и в оценке Мусоргским произведений Голенищева-Кутузова, в раннем творчестве которого он с надеждой видел продолжение Лермонтова и радовался полному отсутствию у молодого поэта «гражданских мотивов» (не замечая таковых и в поэзии любимого им Лермонтова).

Столь же непонятым кажется восхищение Мусоргского архитектурным стилем, вошедшим в моду в царствование Александра II, известным под иронической кличкой «петушиного» или «стиля русс». Эта тяжеловесная безвкусная стилизация, пришедшая на смену классицизма, ничего общего, конечно, не имеет с подлинной народностью, за которую так страстно ратовал сам Мусоргский. Но здесь композитор оказался в русле тех увлечений, которые разделял Стасов и многие другие передовые деятели русской культуры. Прежде всего «стиль русс» явился реакцией на официальную, холодную и казенную, как тогда считали, архитектуру ненавистного царствования Николая Палкина (вспомним, что таких же взглядов придерживался А. И. Герцен). С другой стороны, Мусоргский, Стасов и многие другие испытывали восторг первооткрывателей. Ведь именно в те годыистики и искусствоведы впервые обратились к русской старине, изучали русский народный костюм, русский орнамент и стремление архитекторов, в частности друга Мусоргского В. А. Гартмана, перенести неповторимое по своему изяществу наследие национального зодчества в современные громоздкие сооружения; фальшь и искусственность подобного воплощения архитектурных форм древности не вызвала протеста, а, наоборот, всячески культивировалась и радовала. Только таким образом можно объяснить восторг Мусоргского перед аляповатыми сооружениями Гартмана и насмешку над таким гармоничнейшим созданием России, как Александринский театр, который композитор обзывает «нелепым строением».

К такому же недоразумению относится уже не эстетическое, а этическое явление, столь же необъяснимое в устах и под пером композитора-демократа, шестидесятника. Это грубые антипольские и антисемитские выпады Мусоргского в некоторых письмах. Ни в творчестве, ни в личных дружеских связях композитора мы не находим подтверждения подобным взглядам. Думается, что, с одной стороны, здесь сказалась типичная для дворянской и в особенности офицерской среды неряшливость выражений, обратившихся в дурную привычку. А с другой стороны — и, пожалуй, для Мусоргского типично именно это обстоятельство, — сказалось известное приспособление к духу корреспондента. Это особенно бросается в глаза в письмах 60-х годов к Балакиреву, узкий национализм которого носил совершенно иной, чем у Мусоргского, характер. Таковы отклонения Мусоргского от его эстетических и этических взглядов, которые следует учесть при чтении его писем, но в то же время понять их происхождение и найти объяснение бросающимся в глаза странностям и несообразностям.

Центральное место в письмах Мусоргского занимают вопросы собственного

творчества. И это вполне естественно и закономерно для каждого художника. Склонность к усидчивому труду и вдумчивой работе, стремление к самообразованию в различных областях знаний находят всестороннее отражение в письмах Мусоргского. Только по письмам можно судить и об эволюции, происходившей в его сложной душевной жизни, проследить за формированием его личности.

Тематика писем расширяется постепенно — от узко личных тем Мусоргский переходит к музыкально-общественным, особенно с момента зарождения Бесплатной музыкальной школы, сыгравшей огромную роль в пропаганде творчества Балакиревского кружка (противопоставление Русского музыкального общества и Бесплатной школы становится одной из любимых тем писем Мусоргского).

По письмам Мусоргского можно судить, с какой чуткостью композитор воспринимал передовые общественные течения эпохи. Встречи со студенческой молодежью, участие в спорах, затрагивающих острые, волнующие проблемы естествознания, истории, социальных явлений, — освещаются в письмах конца 1850 — начала 1860-х годов. Именно тогда определяются взгляды Мусоргского на цели и задачи искусства: «Искусство есть средство для беседы с людьми, а не цель» — так на склоне жизни сформулирует композитор свои взгляды. В эти годы складывается мировоззрение Мусоргского, его отношение к современному обществу, и в этом смысле очень интересны письма к М. А. Балакиреву и Ц. А. Кюи лета 1863 года из Псковской губернии, куда Мусоргский ездил по делам своих имений. В это время выкристаллизовываются и эстетические взгляды Мусоргского, в которых центральное место отводится народу, воплощению страданий и горестей которого композитор отдал весь свой огромный талант. Народ разгневанный, народ, поднимающийся в стихийном протесте против угнетателей, также близок композитору, и позднее он напишет сцену под Кромами в «Борисе Годунове», создавая которую делился с В. В. Стасовым (в письме от 11 сентября 1871 года) упоенностью этой работой.

В письмах Мусоргского находят отражение события и современной музыкальной жизни, за которой он пристально следит. Его внимание привлекают все виды и жанры музыкального искусства: от строгих концертных программ до театра-буфф. Отзывы о посещаемых концертах, оценка новых произведений, театральные впечатления заполняют его письма.

* * *

По письмам Мусоргского можно судить, насколько широк круг его чтений: он следит за журналами, новинками русской и зарубежной литературы, читает газеты, в курсе научных открытий. В письмах встречаются иной раз лишь намеки на это, отрывочные сведения, но они дают возможность представить, как широки и многообразны интересы Мусоргского, не ограничившего себя узкопрофессиональной сферой.

Мусоргский легко и непринужденно приводит в своих письмах отрывки из литературных произведений. Иной раз это цитаты, а иногда — просто ассоциации с известными поэтическими текстами.

Письма неоднократно показывают свойственную Мусоргскому непосредственность, пылкость, зачастую даже экзальтированную восторженность, а также умение

показаться от прежних несправедливых суждений. Наглядным примером могут послужить издательские отзывы о А. Г. Рубинштейне в 1860-х годах и восхищенный отзыв о «Рубине милом» в 1870-х годах. При этом отрицательное отношение к консерватории и РМО у Мусоргского не изменилось, но, чуткий художник и сам стесненный пианист, Мусоргский не мог пройти мимо гениального дарования Рубинштейна-пианиста.

Душевное богатство Мусоргского, огромный запас любви и нежности, так и не нашедшей выхода в общении с людьми, необычайно тонкая чувствительность и деликатность — все это отразилось в письмах, иной раз робко и неуверенно в попытке обрести дружеское понимание.

Жуткой безнадежностью, безысходной тоской наполнены некоторые письма к В. В. Стасову, Л. И. Шестаковой и особенно письма к А. А. Голенищеву-Кутузову, за дружбу которого, как за последнее прибежище цепляется Мусоргский, боясь остаться в полном одиночестве (письма от 9—11 декабря и от 23—24 декабря 1875 года).

Вопрос о характере литературного стиля Мусоргского может стать темой специального исследования. Здесь приходится сказать лишь несколько слов, поясняющих некоторые особенности публикуемой эпистолярной.

Язык писем Мусоргского — острый, образный, необычайно богатый, основанный на блестящем владении народной речью и, прежде всего, речью его родной Псковщины, — близок лучшим литературным образцам его времени, в частности художественной прозе Салтыкова-Щедрина. Эпистолярный стиль Мусоргского чрезвычайно разнообразен. Композитор блестяще владел различными литературными манерами, позволявшими ему перевоплощаться то в чиновника XVIII века, то в подъячего XVII столетия, то в юродивого, скомороха и т. п. Многие из писем Мусоргского отличаются необычной формой изложения, изысканно причудливой или нарочито корявой, иной раз мешающей сразу додуматься до смысла письма.

«Литературный грим», как удачно назвал этот дар А. Н. Римский-Корсаков, — не только свидетельство литературной и артистической одаренности, не только характерная для него черта перевоплощения художника или «защитная маска» застенчивого человека, но и образец замечательного владения всеми тонкостями русского языка, исторической и литературной эрудиции. Образцом изумительного владения речью в речевую стилистику изображаемой эпохи могут служить замечания на рукописи драмы А. А. Голенищева-Кутузова «Смута» («Шуйский»), опубликованные в приложении к Письмам Мусоргского к поэту, а также письма к Л. И. Шестаковой, А. А. Голенищеву-Кутузову, В. В. Никольскому.

Письма Мусоргского о природе воспринимаются как стихотворения в прозе*. Приведу лишь некоторые образцы поэтичнейших описаний Мусоргского, разбросанных в его письмах. Вот отрывок письма из Царского Села: «...тишина; вдали то труба стрелочника на чугушке звучит, то «собачки» сторожевые свою должность облаивают; а тут, как арфное glissando пробежит дремотой шелест листвы... «не-

* И не только о природе: письмо к Голенищеву-Кутузову от 23—24 декабря 1875 года — это почти поэтическое изложение душевного состояния композитора.

зрима луна» сквозь эту листву прямо к изголовью крадется, нежно, тихо крадется».

Но Мусоргский воспринимает природу не в одних лишь звучаниях, что естественно для композитора, но и сквозь гамму красок, как профессиональный живописец. Поразительное цветовое восприятие пейзажа особенно сильно сказалось в описании украинских впечатлений, когда северянин Мусоргский впервые ощутил обаяние красок южной природы: «Краса Полтавы — пирамидальные тополи как стражи-великаны стерегут дома, холмы и долины и при мягком лунном освещении, отражающемся на беленьких хатах и в воздухе, как *vert de lumière*, эти тополи-великаны почти черного цвета». Или еще: «Но если бы видели Вы необозримую даль украинских степей, видели бы звездное небо, все засеянное светилами и сквозь прозрачный воздух светлое и в то же время темное, как сапфир...».

А вот описание Крыма в письме к П. Г. Шемаеву: «Точно чудесный сон, припоминаются окрестности Полтавы, красавица Одесса и волшебный южный берег Крыма, — то грозный и недоступный, нахмуренный, от нависших на его скалы облаков, то нежный и приветливый, с роскошнейшими садами, прелестными, словно воздушными постройками, одетыми сверху донизу во вьющиеся редкостные растения, а сквозь эти затейливые одежды виднеются легкие резные карнизы крыш с кружевными галереями и балконами; при всем этом ярко-синее небо и зеленое, будто изумрудное море». Так чувствовать и так звукописать природу мог только большой художник.

И не случайно в письмах Мусоргского довольно большое место занимает сценка произведений изобразительного искусства, высказывания о проблемах живописи и скульптуры, сравнительная характеристика с музыкой. Примечательно, что в восприятии, например, ряда полотен Репина («Бурлаки», «Правительница Софья», «Из робких», «Протодьякон») сквозит определенное «сценическое действие»; образы, созданные кистью художника, обретают для Мусоргского драматическое движение. Затрагиваемые в письмах вопросы живописи и скульптуры по своей глубине, оригинальности и смелости суждений представляют интерес не только для музыковедов, изучающих художественные взгляды композитора, но и для искусствоведов. Характерно, что в одном из писем Мусоргский обронил такие слова: «чую все искусства».

Мысль Мусоргского (в письме к П. С. Стасовой от 26 июля 1873 года) — «художество должно воплощать не одну красоту» — является эстетическим кредо композитора и проходит через многие его письма.

Итак, несомненно, что эпистолярное наследие Мусоргского — ценнейший документальный материал, дающий возможность понять очень многое в творчестве и в эстетических воззрениях великого композитора.

МУСОРГСКИЙ В ОБЩЕНИИ С КОРРЕСПОНДЕНТАМИ

Каждому периоду жизни Мусоргского соответствуют циклы писем к определенным лицам. Особо выделяются письма к М. А. Балакиреву, Н. А. Римскому-Корсакову, В. В. Никольскому, Л. И. Шестаковой, В. В. Стасову и А. А. Голенищеву-Кутузову. По широте охвата разнообразных творческих проблем эти письма наиболее полно отражают многогранный облик их автора.

На первое место — и по времени и по роли учителя, старшего товарища, руководителя — следует поставить М. А. Балакирева, письма к которому открывают эпистолярию Мусоргского.

Знакомство Мусоргского с М. А. Балакиревым состоялось в первой половине декабря 1857 года в доме А. С. Даргомыжского, с которым Мусоргский познакомился незадолго до того. Начало занятий можно датировать довольно точно — около 15 декабря 1857 года.

Письма Мусоргского к Балакиреву охватывают 1857—1872 годы, но наиболее интенсивно Мусоргский писал Балакиреву в конце 1850-х и начале 1860-х годов; затем со второй половины 1860-х годов наступает спад, письма становятся эпизодическими и после 1872 года — со времени полного отхода Балакирева от жизни кружка — совсем прекращаются. В дальнейшем — с конца 1870-х годов — хотя встречи возобновляются, но переписка так и не восстанавливается. Таким образом, большая часть переписки относится к юношескому периоду жизни Мусоргского, периоду зарождения и постепенного развития художника, к периоду музыкальной учебы и внутреннего душевного брожения. Именно это и нашло место в письмах Мусоргского к своему старшему товарищу и руководителю, с которым молодой музыкант откровенно делится мыслями, душевными переживаниями, художественными впечатлениями. В письмах Мусоргского к Балакиреву преобладают широкие интеллектуальные запросы. Письма часто наполнены строгим и беспоощрительным самоанализом и в то же время юношеской доверчивостью к более зрелому другу.

Архангельск

Как уже упоминалось выше, приспособление к взглядам учителя проявляется, между прочим, в том, что именно в письмах к Балакиреву проскальзывают иной раз совершенно несвойственные Мусоргскому шовинистические тенденции. И если у Балакирева шовинизм впоследствии перерастает в систему его мировоззрения, то подобные настроения у Мусоргского несомненно случайны.

Писем Балакирева к Мусоргскому (за исключением двух незначительных записок) не сохранилось, и о них можно судить лишь по косвенным данным. По письмам Балакирева к В. В. Стасову и Ц. А. Кюи можно установить, как он воспринимал и оценивал Мусоргского: по мнению Балакирева, у Мусоргского «слабые мозги», он «почти идиот», он — «нелепый автор миксолидийских хоров», он полон «самохвальства», «самообожания» и т. п.

Необычность личности Мусоргского, его оригинальный ум, его юмор и склонность к пародированию, в ранние годы метания созревающей гениальной натуры, весь процесс становления характера, поиски новых, неизведанных путей в искусстве — все это отталкивало деспотическую, нетерпеливую и нетерпимую натуру Балакирева.

До нас не дошло письмо Балакирева (январь 1861 года), но по ответу Мусоргского можно заключить, как низко расценивал Балакирев интеллект младшего товарища, допустив язвительное замечание о тяготении последнего к ограниченным личностям. Ученик неожиданно взрывается и пишет Балакиреву раздраженную отповедь.

Мусоргский не раз предугадывает отрицательное отношение Балакирева к своим композиторским опытам (см. его письма от 19 января 1861 года и от 28 апреля 1862 года).

Деспотизм Балакирева, его требование безусловного подчинения всем его указаниям начинают тяготить Мусоргского, как только он чувствует, что становится на ноги. При всей мягкости и податливости натуры Мусоргский был нетерпим к насилию, особенно в музыкальных вопросах.

Письма Мусоргского к Балакиреву относятся главным образом к периоду **созревания и становления личности** молодого композитора. Ведущей идеей в переписке с Балакиревым является, в сущности, параллельность внутреннего созревания Мусоргского. С одной стороны, Балакирев является учителем, примером, образцом для молодого музыканта; а с другой стороны, в Мусоргском происходит непрерывный процесс высвобождения из-под влияния Балакирева. И, как свидетельствуют письма, это в равной степени происходило и в жизни и в творчестве Мусоргского.

Любопытно проследить по письмам, как обильно перечисляются работы учебного характера, — Мусоргский, выполняя задания старшего товарища, старательно пишет сонаты, симфонии, делает переложения оркестровых произведений других авторов; и одновременно, независимо от заданий Балакирева, создает самостоятельно такие произведения, как музыка к «Царю Эдипу», в которых уже на заре творческой деятельности ярко проявляются склонности композитора-драматурга.

Поиски своей темы, которая очень рано определяется как тема исторической музыкальной драмы, проходят вне зависимости от влияния «железной рукавицы Балакирева», который не в состоянии преодолеть яркую самобытность Мусоргского.

Мусоргский тяжело переживал катастрофу Балакирева: «слишком рано, догадываясь о том, как рано», писал он В. В. Стасову. Отношения прервались в 1871 году (к 1872 году относятся только два деловых письма Мусоргского). Это не мешало Мусоргскому высоко ценить Балакирева как композитора и в своей концертной деятельности постепенно обращаться к романсам Балакирева (достаточно указать на программы концертов, в которых Мусоргский аккомпанировал). По-прежнему ценил Мусоргский и былые общественные заслуги Балакирева.

Балакирев явился первым исполнителем (дирижером) хора «Поражение Синахериба» (в первой редакции, 1867) и Полонеза из оперы «Борис Годунов» (1872).

Мусоргский посвятил Балакиреву музыку сцены в храме к трагедии «Эдип» и первую редакцию хора «Поражение Синахериба». Балакиревскому кружку («Товариществу среды») посвящена незавершенная и несохранившаяся симфония; балакиревскому кружку, исполнителям и издателю посвящена опера «Борис Годунов».

Балакирев посвятил Мусоргскому романс «Введи меня, о ночь».

Время ученичества у Балакирева и его опеки сменяется стремлением Мусоргского к творческому общению с равными себе, и место Балакирева занимает Н. А. Римский-Корсаков.

Знакомство Мусоргского с Н. А. Римским-Корсаковым состоялось вскоре после первого визита Римского-Корсакова к Балакиреву 26 ноября 1861 года. Но более тесное сближение началось значительно позднее — приблизительно через год после возвращения Римского-Корсакова из заграничного плавания, то есть в последней трети 1860-х годов.

Расцвет дружеских отношений молодых композиторов приходится на 1867—1872 годы. Все дальше отходя от Балакирева, Мусоргский теснее сближается с

Римским-Корсаковым. Не случайно, что подробно о своей работе над «Ночью на Лысой горе», «Интермеццо», о замысле поэмы «Подибрад» он делится не с главой кружка, а с младшим товарищем.

Письма Мусоргского к Римскому-Корсакову второй половины 1860-х годов (из Минкина и Шилова) — свидетельство той взаимной товарищеской близости, какая установилась между обоими композиторами. Они делятся друг с другом своими музыкальными планами, подробно рассказывают о работе, и с взаимным уважением относятся к критике друг друга. Переписка заполнена творческими вопросами и лишь едва-едва намечаются в ней кой-какие бытовые детали, тоже связанные с музыкальной жизнью. Переписка Мусоргского с Римским-Корсаковым несомненно принадлежит к выдающимся эпистолярным памятникам общения двух больших композиторов.

Их интимно-дружеское общение прекратилось после женитьбы Римского-Корсакова, постепенного его отхода от жизни кружка и активного вовлечения в сферу консерваторской деятельности, к которой Мусоргский относился с явной враждебностью. Переписка между ними оборвалась. За 1870-е годы и до смерти Мусоргского сохранилось лишь два его письма к Римскому-Корсакову: одно — написанное после возобновления встреч — в 1876 году и последнее — чисто деловое — доверенность. Правда, со второй половины 1870-х годов Мусоргский бывал у Римских-Корсаковых. Но это уже было только творческое общение, без следа дружественной близости, какая существовала между ними прежде.

Да и отношение их к творчеству друг друга претерпело серьезные изменения. В стремлении Римского-Корсакова к самосовершенствованию Мусоргский видел отказ от новаторских поисков, отход к «академизму».

Римский-Корсаков тоже охладел к творчеству Мусоргского, что ясно видно по его письму к В. В. Стасову из Николаева от 26 июля 1874 года, где о произведениях Мусоргского Римский-Корсаков отзывался с намечающимся уже высокомерным холодом*. В конце 1870-х годов отрицательное отношение к творчеству Мусоргского становится уже очевидным, и с этого времени новаторские устремления автора «Хованщины» рассматриваются Римским-Корсаковым не иначе, как безграмотность и грязь. Это не мешало Римскому-Корсакову пропагандировать творчество Мусоргского в концертах Бесплатной школы и быть первым исполнителем ряда его произведений, а также активизировать творческую деятельность Мусоргского, когда Римскому-Корсакову казалось, что она замирала.

Под управлением Римского-Корсакова при жизни автора были исполнены: в 1874 году — хор «Поражение Сеннахериба» (во второй редакции), в 1879 году — отрывки из «Хованщины» («Пляска персидок», «Пробуждение и выход стрельцов», «Песня Марфы» — солистка Леонова) и в 1880 году — заключительная сцена Марфы из последней картины той же оперы (соло Леонова). Для этих концертов Римский Корсаков оркестровал «Пляску персидок» и вел переговоры с Балакиревым об инструментовке песни Параси из оперы «Сорочинская ярмарка», оркестровать которую начал сам Мусоргский, но не успевал к концерту (впрочем, концерт этот не состоялся из-за траура в связи со смертью Александра II).

* См.: Н. А. Римский-Корсаков. Собрание сочинений, т. V. М., Музгиз, 1963, стр. 356.

Мусоргский посвятил Римскому-Корсакову партитуру «Гопака» (для голоса и оркестра), а Римский-Корсаков посвятил Мусоргскому романс «Щеко к щеке ты моей прислонись» (из Гейне в переводе Михайлова, № 1 из оп. 2).

Дружеские отношения с В. В. Стасовым приходится на период высшего расцвета творчества Мусоргского.

Переписка Мусоргского со Стасовым охватывает период с 1872 по 1880 год. Таким образом, письма к Стасову как бы по эстафете продолжают оборвавшуюся переписку Мусоргского с Балакиревым. Но эти письма, по сравнению с письмами к Балакиреву, богаче фактами творческой жизни автора «Хованщины».

Знакомство со Стасовым состоялось вскоре после знакомства с Балакиревым, вероятно, в самом начале 1858 года (не позднее марта). В первые годы знакомства Мусоргский несколько критически относился к Стасову, о чем свидетельствует его письмо к В. В. Никольскому от 12 июля 1867 года, где Мусоргский называет Стасова «генералом от фельетонов» и иронизирует над его статьями.

Стасов тогда тоже недоверчиво относился к личности молодого композитора; он пишет Балакиреву 17 мая 1863 года: «Все у него вяло, бесцветно. Мне кажется, он совершенный идиот. [...] Мне кажется, оставить его без опеки, вынуть его вдруг из сферы, куда вы его насильно затолкнули, и пустить его на волю, на свою охоту и свои вкусы, он скоро зарос бы травой и дерном, как все. У него ничего нет внутри».

Но затем предубеждение Стасова переходит в восторженное преклонение перед гениальностью Мусоргского, и в дальнейшем подобных сомнений в его полноценности в высказываниях Стасова не встречается. В. В. Стасов поддерживает композитора в его новаторских исканиях, с неослабным вниманием следит за творческой работой и принимает горячее участие в создании «Хованщины» и других произведений.

Увлеченно толкая его на свершение новых дел, Стасов в то же время оставался равнодушным к внутреннему миру Мусоргского, попросту не замечая того, что с ним происходит. Характерно, что в письмах Мусоргского к Стасову нет той «исповеди души», которая свойственна ранним письмам к Балакиреву. Со Стасовым Мусоргского связывали идейная общность и творческий темперамент, но душевной близости между ними не было.

Стасов явился одним из вкладчиков группы, помогавшей Мусоргскому материально, в которую входили В. М. Жемчужников, Т. И. Филиппов и другие. Именно Стасову Балакирев, со слов Филиппова, поручил передать Мусоргскому, оставшемуся без заработка, о решении его поклонников выдавать композитору субсидию.

При жизни Мусоргского В. В. Стасов почти не выступал в печати о его произведениях. Наиболее значительная статья появилась после снятия со сцены заключительной картины («под Кромами») в опере «Борис Годунов».

Мусоргский посвятил В. В. Стасову оперы «Женитьба» и «Хованщина», хор «Поражение «Сеннахериба» (2-я редакция), «Картинки с выставки» и песни «Озорник», «Раёк» и «Жук» (№ 3 «Детской»). Коллективное посвящение «Бориса Годунова», естественно, включает и Стасова.

Исключительно теплыми, сердечными были отношения Мусоргского с Л. И. Шестаковой, с которой он познакомился в начале января 1866 года.

Дружеские чувства к Шестаковой, к которой Мусоргский питал подлинно сыновнюю привязанность, прошли через всю дальнейшую жизнь композитора и отражены в публикуемых письмах. Мусоргский высоко ценил Шестакову как центр, вокруг которого сплотился балакиревский кружок, неоднократно в письмах к ней подчеркивая значение той роли, которую ей довелось сыграть. С ней он делился своими замыслами, охотно рассказывал о работе.

Письма к Шестаковой касаются, главным образом, «художественно-бытовых» тем.

Ряд писем затрагивает и творческие проблемы. В частности, очень важное письмо от 30 июля 1868 года о «Женитьбе», о месте этого оперного отрывка в творчестве Мусоргского адресовано Л. И. Шестаковой.

Когда разладились отношения между товарищами по балакиревскому кружку, Мусоргский именно на Шестакову возлагает надежды по сплочению «развалившейся кучки»; у нее в доме происходят встречи Мусоргского с бывшими соратниками.

Мусоргский посвятил Л. И. Шестаковой песни: «Семинарист», «Пирушка» и № 2 из цикла «Песни и пляски смерти» («Серенада»).

С В. В. Никольским Мусоргский познакомился через Л. И. Шестакову, у нее в доме, в начале 1866 года. Общность интересов — любовь к русской истории, русской национальной культуре и языку — объединила и крепко сдружила Мусоргского и Никольского, называвших друг друга «дяньками». А. Н. Римский-Корсаков пишет о Никольском: «Блестящее знание русской речи, обширный исторический кругозор и живое чувство юмора создавали благодарную почву для дружеского общения Никольского с Мусоргским. Не случайно им — пушкиноведам — был облюбован для своего приятеля «Борис Годунов» в качестве оперного сюжета. Нужно думать, что дело не обошлось без советов Никольского и в компановке сценария оперы (в обеих ее редакциях). Известно, что именно им была подсказана Мусоргскому мысль (возбуждавшая такую зависть в В. В. Стасове) о приуроченье «Сцены под Кромами» к заключению оперы. Стиль писем Никольского часто весьма созвучен со стилем Мусоргского. Для Мусоргского в его письменном общении с В. В. Никольским характерно нарочито частое модулирование в высокий архаизирующий, тяжело-весело-витиеватый «штиль». Объяснение этого обстоятельства можно отчасти искать в письмах самого Никольского»*.

Письма Мусоргского к Никольскому по небольшому их числу вряд ли можно назвать «циклом», но по их содержанию, по серьезности обсуждаемых в них творческих проблем эти письма не уступают по своему значению обширным корреспонденциям.

Мусоргский посвятил Никольскому песни «Ах ты, пьяная тетеря» и «По грибы».

Начало знакомства Мусоргского с А. А. Голенищевым-Кутузовым относится, по видимому, к первой половине 1873 года. Близкие отношения между ними длились недолго — примерно пять лет, но композитора и поэта связывала подлинная дружба. Особенно тесно сошлись они после постановки «Бориса Годунова» в

* См.: «М. П. Мусоргский. Письма и документы». М. Музгиз, 1932, стр. 126, 127.

1874 году, когда Мусоргский все более и более стал отходить от бывших соратников (за исключением В. В. Стасова).

Письма Мусоргского к А. А. Голенищеву-Кутузову хронологически совпадают с письмами к В. В. Стасову. Они охватывают период с 1873 года по 1879 год. И тем не менее и по характеру своему и по тому, что Голенищев-Кутузов особенно тесно вошел в жизнь Мусоргского после распада балакиревского кружка, этот цикл стоит несколько особняком.

Наряду с широтой интеллектуальных интересов, письма наполнены интимно-дружескими интонациями, которых значительно меньше в письмах к товарищам по балакиревскому кружку.

К середине 1870-х годов относится творческое содружество Мусоргского и Голенищева-Кутузова — совместное создание циклов «Без солнца», баллады «Забытый» и «Песен и плясок смерти». На текст Голенищева-Кутузова написан также романс «Я видел почу» и рассказ о красной свитке в опере «Сорочинская ярмарка»; кроме того, Голенищев-Кутузов набросал текст «Рака» (Мусоргский начал писать эту песню на свой собственный текст, но вещь осталась незавершенной).

Мусоргский восторженно отзывался о литературном даровании Голенищева-Кутузова, явно преувеличивая достоинства поэта. Под непосредственным воздействием композитора и при его консультации Голенищев-Кутузов написал историческую драму «Смута», или «Василий Шуйский» (посвящена Мусоргскому). Голенищев-Кутузов относился к Мусоргскому восторженно, высоко ценил его советы, его мнение.

Совместная жизнь композитора с Голенищевым-Кутузовым была непродолжительной. Они поселились вместе осенью 1874 года, когда Голенищев-Кутузов переехал к Мусоргскому на Шпалерную из дома Зарембы на Пантелеймоновской (где за несколько лет до этого Мусоргский жил с Н. А. Римским-Корсаковым). В одной квартире с Модестом Петровичем Голенищев-Кутузов прожил зиму, весной уехал в деревню, а по возвращении осенью в Петербург поселился на Галерной улице. Мусоргский же оставался на Шпалерной до конца июня 1875 года. С конца июня 1875 года в течение месяца Мусоргский жил у Голенищева-Кутузова. Когда последний уехал в деревню, Мусоргский перебрался к П. А. Наумову.

В последние годы в письмах Мусоргского к Голенищеву-Кутузову все время ощущается какая-то недосказанная тревога, скрытая боль, которая все сильнее пронизывает отношение композитора к своему молодому другу. Внешне это расхождение началось с женитьбы поэта, и хотя впоследствии Мусоргский не только примирился с его браком, но подружился с женой Голенищева-Кутузова*, тем не менее трещина, образовавшаяся в отношениях с приятелем, не только не исчезла, но все увеличивалась. Это связано с переменой, происходившей в Голенищеве-Кутузове, скатывавшемся постепенно к реакции и к поэзии чистого искусства.

Мусоргский посвятил Голенищеву-Кутузову цикл «Без солнца», «Полководец» (№ 4 из «Песен и плясок смерти»), обработку песни Н. Н. Лодыженского «Восточная колыбельная песня», отрывок из сцены на Красной площади из второй картины четвертого акта «Хованщины» (Марфа и Андрей Хованский).

* О. А. Голенищевой-Кутузовой посвящены «Танцы персидок» из «Хованщины».

Из всех членов Могучей кучки первый, с кем сошелся Мусоргский в кружке Даргомыжского, был Ц. А. Кюи (конец 1857 года). Вначале Мусоргский относился к Кюи с большой сердечностью и на заре творческой деятельности охотно делился с ним своими замыслами, бывал у Кюи, принимал участие в домашних спектаклях, музыкальных вечерах. Кюи вместе с Даргомыжским подсказали Мусоргскому мысль об опере «Женитьба» по Гоголю.

В то же время Кюи с иронией относился и к личности Мусоргского, и к его творчеству, что неоднократно высказывал в письмах к товарищам по кружку.

Нельзя, конечно, игнорировать оценку «Бориса Годунова» — здесь сказалось и пренебрежение Кюи к личности композитора (упреки в поспешности сочинения, в нескромности), и полное непонимание драматургии оперы. Что касается Мусоргского, то он восхищался «Ратклифом»; к «Анджело» относился сдержанней.

Мусоргский посвятил Ц. А. Кюи песню «Светик Савишна».

Совсем иной характер отношений, судя по сохранившимся запискам, сложился у Мусоргского с М. Р. Кюи. Неизменно сердечный, теплый тон, ласковое внимание к детям (сын Кюи, Александр, был крестником Мусоргского). Дружеское расположение М. Р. Кюи к Мусоргскому особенно явственно проявилось в последние дни жизни композитора. Это именно она помогла устроить заболевшего на квартире у Д. М. Леоновой Мусоргского в Николаевский военный госпиталь в отделение Л. Б. Бертенсона (жена Бертенсона, певица Ольга Скальковская, дружила с Мальвиной Кюи).

Мусоргский посвятил М. Р. Кюи романс «Meines Herzens Sehnsucht» («Желание сердца»). Сыну Ц. и М. Кюи Александру (Саше) посвящен № 5 «Детской» («На сон грядущий»).

С Д. В. Стасовым Мусоргский познакомился в мае 1858 года «у постели заболевшего чем-то вроде тифа... Балакирева*».

Высоко ценя творчество Мусоргского, Д. В. Стасов пытался быть посредником между Мусоргским и Русским музыкальным обществом, Мусоргским и издательством П. И. Юргенсона.

В качестве одного из директоров Русского музыкального общества Д. В. Стасов способствовал включению в программы концертов произведений Мусоргского. В первый же сезон в концерте 11 января 1860 года было исполнено Скерцо В-dur.

Письма Мусоргского к Д. В. Стасову свидетельствуют о сердечности их отношений. Композитор был частым гостем в доме Стасова и называл семью своих друзей «много любимая мною семья».

Как передает В. Д. Комарова-Стасова в комментариях к письмам Мусоргского к Д. В. Стасову, в его семье композитора не только ценили «как гениального музыканта, но [...] он был там совсем близким человеком — для взрослых и для детей». Из самых писем к Д. В. Стасову, особенно из письма от 14 июня 1877 года, явствует также, что «и для Мусоргского, как ранее для М. И. Глинки, Л. И. Шестаковой, А. С. Даргомыжского, А. Г. Рубинштейна и П. И. Чайковского, Д. В. Стасов

* По указанию В. Д. Комаровой-Стасовой, знакомство состоялось в 1857 году; но в мае 1857 года Мусоргский не был знаком с Балакиревым, а Балакирев в это время был здоров.

является и верным помощником и советчиком в разных юридических и практических вопросах»*.

Шесть писем Мусоргского к П. С. Стасовой говорят об искренней симпатии, которая существовала между ними, о том, как глубоко почитала Стасова Мусоргского — гениального музыканта. Мусоргский также очень ценил и уважал П. С. Стасову.

Д. В. и П. С. Стасовым посвящены две песни «На даче» («Поехал на палочке» и «Кот-Матрос»).

Глубоко уважал Мусоргский старшую сестру Стасовых, известную деятельницу в области высшего женского образования, Н. В. Стасову, о чем свидетельствуют как письма к ней, так и упоминания о ней в письмах к В. В. Стасову.

Знакомство Мусоргского с сестрами Пургольд — Александрой Николаевной и Надеждой Николаевной — состоялось почти одновременно со знакомством сестер с остальными членами балакиревского кружка в марте 1868 года.

В те годы Мусоргский был дружен с обеими сестрами, особенно со старшей, Александрой Николаевной, замечательной исполнительницей его вокальных сочинений. Одно время Александра Николаевна была увлечена Мусоргским; по мнению ее сестры, Мусоргский также был не вполне равнодушен к А. Н. Пургольд. Вполне возможно, что это так. Но, принципиальный враг брака для художников, Модест Петрович преодолел увлечение. После замужества Александры Николаевны Мусоргский становится постоянным посетителем ее музыкальных вечеров. Она и впоследствии была одной из лучших исполнительниц его характерных произведений. В своем творчестве Мусоргский многим обязан А. Н. Молас. В этом отношении интересна запись в «Дневнике» Н. Н. Пургольд от 30 апреля 1871 года: «...я уверена, что некоторые вещи Мусоргского вовсе не были бы написаны, не будь Саша. Сам того не сознавая, он написал своих ребят («Детскую») из-за нее или для нее, потому что он хорошо знал, что кроме нее никто не может их исполнить как следует»**. С другой стороны как камерная певица А. Н. Молас многим обязана Мусоргскому (см., например, ее воспоминания об исполнении той же «Детской»***).

А. Н. Молас явилась первой публичной исполнительницей следующих произведений Мусоргского: «Раек», «Детская» и «Светик Савишна». Все ее, правда, немногочисленные выступления происходили при непосредственном участии композитора в качестве аккомпаниатора; конечно, и во всех домашних концертах аккомпанировал ей только Мусоргский. Мусоргский посвятил А. Н. Молас песню Хиври из оперы «Сорочинская ярмарка».

Н. Н. Пургольд по поручению Мусоргского приняла на себя заботу по изданию «Семинариста» в Лейпциге и вместе с сестрой провезла через границу несколько экземпляров. На одном из первопечатных экземпляров «Семинариста» Мусоргский сделал следующую надпись: «22 августа 1870 г. В память печатания моего «Семинариста» Надежде Николаевне Пургольд благодарный Мусоргский».

* См.: «М. П. Мусоргский. Письма и документы», стр. 186.

** А. Орлова. Труды и дни М. П. Мусоргского, стр. 27.

*** См. там же, стр. 209.

Впоследствии Мусоргский считал Н. Н. Римскую-Корсакову (Пургольд) виновницей обращения Н. А. Римского-Корсакова на путь «академизма» и в последние годы относился к ней довольно холодно.

Н. Н. Римская-Корсакова посвятила Мусоргскому свою музыкальную картину для оркестра «Заколдованное место» (1872). Мусоргский посвятил ей хор «Иисус Шавито».

Ряд писем Мусоргского адресован Н. П. Моласу, мужу А. Н. Пургольд, с которым у композитора после замужества Александры Николаевны установились приятельские отношения и они даже были на «ты». Впрочем, близости между ними, видимо, не было. По крайней мере, записки Мусоргского носят чисто деловой характер.

Мусоргский и И. Е. Репин познакомились, вернее всего, через В. В. Стасова: в 1871 году и тогда же сблизились. Они встречались, главным образом, у Стасова, который прозвал Мусоргского, Репина и Антокольского своей «тройкой». Репин не пропускал случая познакомиться с новыми сочинениями и замыслами Мусоргского, а последний постоянно посещал художественные выставки и с огромным интересом следил за развитием дарования Репина.

Дружеские отношения с Репиным не прекращались до последних лет жизни композитора и завершились замечательным портретом Мусоргского, созданным за несколько сеансов.

Знакомство Мусоргского с Л. И. Кармалиной относится к 1873 году.

Проживая некоторое время на Волыни, Кармалина записала там много народных песен, а на Кавказе записала по просьбе Мусоргского старинные раскольные песни. Один из напевов сохранился в черновых материалах Мусоргского и введен Римским-Корсаковым в заключительный хор «Хованщины» во время сцены самопожертвования.

К окружению Могучей кучки принадлежит также адресат Мусоргского А. П. Захарьина, пианистка, жена певца-любителя В. В. Захарьина и сестра А. П. и П. П. Арсеньевых. В ранний период балакиревского кружка Захарьины примыкали к нему, являясь постоянными участниками музыкальных собраний, которые нередко происходили также у них дома. Мусоргский вместе с другими членами кружка был частым гостем семейства Захарьиных.

Другим непременно участником более поздних музыкальных вечеров балакиревых в конце 1860-х годов был адресат — также единственного письма Мусоргского, врач, певец-любитель В. В. Васильев, исполнитель теноровых партий в операх Даргомыжского, Римского-Корсакова и Мусоргского.

Не будучи близок к композиторам балакиревского кружка и даже относясь враждебно к Новой русской школе, Э. Ф. Направник по роду своей деятельности волей-неволей общался с ними. Мусоргский познакомился с Направником либо в театре во время подготовки к исполнению трех сцен из «Бориса Годунова» (то есть в конце 1872 года), либо раньше, через Л. И. Шестакову, которая находилась с Э. Ф. Направником и его семьей в дружеских отношениях.

Мусоргский высоко ценил деятельность Направника как дирижера русской оперы (о чем писал, например, Шестаковой), хотя, конечно, не мог не знать о критическом взгляде Направника на музыку «Бориса Годунова» и творчество композиторов балакиревского кружка.

Под управлением Э. Ф. Направника исполнялись впервые: финал пролога («венчание на царство») из оперы «Борис Годунов» в концерте Русского музыкального общества в 1872 году, три картины из той же оперы в 1873 году и полностью вся опера в 1874 году, а также марш «Взятие Карса» в 1880 году. Несомненно, и к Э. Ф. Направнику относится коллективное посвящение «Бориса Годунова»: «Вам всем, что сочувственным делом, дали мне осуществить задачу, лежащую в основе оперы «Борис Годунов»...

Это же посвящение распространяется и на другого адресата Мусоргского, издателя В. В. Бесселя (об этом композитор сам писал ему). Знакомство Мусоргского с Бесселем относится, по-видимому, ко времени основания издательской фирмы «В. Бессель и К^о» в 1869 году, где уже в 1870 году напечатаны «Детская песенка» и «Сиротка». Издательство Бесселя, сыгравшее значительную роль в истории Могучей кучки, напечатало также многие произведения Мусоргского. В ежемесячном журнале Бесселя «Музыкальный листок» (основан в сентябре 1872 года, существовал по май 1877 года) печатались рецензии на произведения Мусоргского как самого Бесселя, так и сотрудников журнала. Последние, однако, явились врагами Новой русской школы (Г. А. Ларош, А. С. Фаминцын, Н. Ф. Соловьев), а потому в целом журнал стоял на позициях, чуждых Мусоргскому. Эта двойственность деятельности Бесселя в значительной мере определила и отношение к нему Мусоргского, не выходящее за грань обычной вежливости. Несомненно, отрицательную роль играла и материальная зависимость Мусоргского от Бесселя, нещадно эксплуатировавшего композитора, как это видно из лицевого счета последнего*.

Публикуя эти данные, а также перечень изданных В. В. Бесселем произведений Мусоргского, А. Н. Римский-Корсаков указывал, что композитор, по-видимому, не получил полностью даже того скромного гонорара за «Бориса Годунова», который ему причитался по предварительному условию, заключенному в 1874 году, а некоторые произведения Мусоргского печатались фирмой вовсе без гонорара (например, «Песня Марфы» и «Без солнца»).

К этому можно еще добавить, что после смерти Мусоргского фирма Бесселя заключила с Т. И. Филипповым договор на издание сочинений композитора, причем гонорар в договоре указан фиктивный, на самом деле Филиппов бесплатно предоставил Бесселю право издания, а Римский-Корсаков безвозмездно редактировал произведения Мусоргского.

Члены балакиревского кружка поддерживали с Бесселем знакомство, встречались с ним. Мусоргский также бывал у Бесселя (так, например, в письме к В. В. Стасову от 26 декабря 1872 года он рассказывает о встрече у В. В. Бесселя с М. А. Балакиревым и П. И. Чайковским).

В издательстве Бесселя при жизни автора впервые опубликованы следующие сочинения Мусоргского: «Детская песенка», «Сиротка», «Колыбельная Еремушки», «Спи, усни, крестьянский сын», «Ночь», «Озорник», «Стрекотунья белобока», «Раек», «Царь Саул», «Детская», «Песня Марфы» («Исходила младешенька») из «Хованщины», «Без солнца», «Забутый» и опера «Борис Годунов».

В. В. Бессель явился автором рецензий на «Бориса Годунова» и песню «Сиротка».

* «М. П. Мусоргский. Письма и документы», стр. 246.

Два объемистых письма Мусоргского к П. А. и С. П. Наумовым и М. И. Костюриной (Федоровой) свидетельствуют о дружеских отношениях композитора с этой семьей. Знакомство Мусоргского с П. А. Наумовым относится, видимо, к первой половине 1870-х годов; по крайней мере к 1875 году Наумов — уже близкий друг Модеста Петровича.

Мусоргский поселился в семье П. А. Наумова в конце июля 1875 года. Вначале, видимо, он собирался вернуться к А. А. Голенищеву-Кутузову, о чем А. А. Катенин сообщал поэту в деревню 4 сентября 1875 года. Но возвращение Голенищева-Кутузова задержалось, и Мусоргский остался у Наумова; когда же Голенищев-Кутузов приехал в Петербург, композитор к нему не переехал, впрочем, вскоре Голенищев-Кутузов женился.

В семье Наумова, состоявшей из главы семьи — П. А. Наумова, отставного офицера, его сына от первого брака («Сергушок») и гражданской жены Наумова (сестра его первой жены) М. И. Федоровой, урожденной Костюриной, Мусоргского любили и ценили, и сам композитор отвечал своим друзьям искренней привязанностью.

Если о личности П. А. Наумова можно почерпнуть сведения, приводимые А. П. Римским-Корсаковым в комментариях к «Письмам и документам» то о М. И. Костюриной (Федоровой) почти ничего не известно. В тех же комментариях указано, что она была петербургской домовладелицей, что к началу 80-х годов она разорилась, П. А. Наумов порвал с ней и вернулся к первой жене, а Мария Измайловна поселилась во вдовьем доме. Но на основании некоторых высказываний композитора можно составить известное представление о хозяйке Мусоргского, под гостеприимным кровом которой он прожил свыше четырех лет (см., например, письмо к А. А. Голенищеву-Кутузову от 1 ноября 1875 года, в котором Мусоргский отзывается о Марии Измайловне как о начитанной, интеллигентной женщине, характеризует ее как человека застенчивого и скромного). В архиве Мусоргского сохранилась копия его романса «Непонятная», переписанная Костюриной, с посвящением ей этого произведения и надписью Мусоргского: «барыне на елку». В тексте, сочиненном самим композитором, говорится о клевете, позвешенной на нее светом, который не понял ее и отнесся к ней незаслуженно сурово. В двух письмах, адресованных семье своих друзей, Мусоргский также очень сердечно обращается к Марии Измайловне.

Обстоятельства, при которых Мусоргский перестал жить у Наумовых, возможно, связаны с нарождающимся разрывом Наумова и Костюриной. Последнее упоминание Мусоргского о Наумовых — дарственная надпись С. П. Наумову на фотографии, датированная 20 апреля 1880 года.

Мусоргский посвятил С. П. Наумову песню «На Днепре» (2-я редакция «Песни Яремы»); М. И. Федоровой (Костюриной) посвящены романс «Непонятная» и начало последней картины «Хованщины» («Скит. Лес. Ночь»).

В письме Мусоргского к Наумовым упоминается некий Проколий Герасимович, которому композитор передает привет. Сохранилось письмо композитора к П. Г. Шемаеву, метрдолетелю «Малого Ярославца». Письмо к Шемаеву подчеркивает связи композитора с «Малым Ярославцем» (связи отнюдь не одного «питейного» свойства), подлинный демократизм Мусоргского, его симпатии к простым людям.

Постановка напомнит о сердечных распрях и приветах всему персоналу ресторана, причем не забыт никто, даже «господа при буфете».

И, наконец, еще одно письмо — И. Ф. Горбунову, также тесно связанному с кругом лиц последнего периода жизни Мусоргского.

Дружеские отношения Мусоргского с Горбуновым подтверждаются единственным дошедшим до нас письмом композитора, а также листком с дарственной надписью (неизвестно к чему «прикрепленной») в связи с двадцатипятилетним юбилеем Горбунова. Мусоргского и талантливого актера-рассказчика объединял не только «Малый Ярославец», завсегдастями которого они оба были (о чем имеется запись Горбунова в его дневнике (Государственный центральный театральный музей А. А. Бахрушина), но и общность художественных интересов, одинаковое отношение к народу, умение подмечать и воспроизводить яркие, типичные образы. Мусоргский с особым интересом относился к «сценам из народного быта», сочиняемым и отлично исполняемым Горбуновым; композитор несомненно находил в них общее со своими народными музыкальными картинками.

Талантливый самоучка, вышедший из «низов», Горбунов был отличным знатоком русской народной песни и сообщил Мусоргскому несколько тем, использованных композитором в «Хованщине».

Помимо «Малого Ярославаца», они встречались у их общего знакомого Т. И. Филиппова.

К случайным корреспондентам Мусоргского можно отнести писателя К. М. Станюковича, к которому сохранилась одна деловая записка — о местах на премьеру «Бориса Годунова», причем официальный тон письма свидетельствует об отсутствии близкого знакомства.

С П. С. Федоровым, начальником репертуара императорских театров у Мусоргского не было никаких отношений, за исключением чисто официальных, связанных с театром. Таково и единственное письмо композитора к Федорову, представляющее отзыв об опере Кюи «Анджело».

В известной мере случайными — тем более, что адресованы они представителям враждебной «консерваторской» партии — являются письма Мусоргского к Е. К. и К. К. Альбрехтам. Первое письмо носит сугубо официальный характер и подчеркивает отрицательное отношение Мусоргского к деятельности Русского музыкального общества. Второе — К. К. Альбрехту — отказ от сочинения хора для предпринятого им сборника. Альбрехт через посредство П. И. Чайковского обратился к членам балакиревского кружка с просьбой написать несколько номеров для составляемого хорового сборника. По этому поводу существует переписка между Чайковским и Балакиревым. Все композиторы балакиревского кружка под разными предлогами отказались от участия в сборнике, продемонстрировав этим свое недружелюбное отношение к «консерватористам». Мусоргский оказался не в единственном числе, послав вежливый, но категорический отказ.

С Е. К. Альбрехтом — петербуржцем — Мусоргский был, видимо, знаком лично, а К. К. Альбрехта, жившего в Москве, вряд ли когда-нибудь встречал.

Таково же по сути дела и более позднее письмо Мусоргского к старшинам Артистического кружка по вопросу об исполнении в Москве оперы «Борис Годунов».

Также к случайной корреспонденции относится деловое письмо к управляю-

этому именем Мусоргского и его жене А. С. и М. М. Морозовым, представляющее главным образом интерес с точки зрения выяснения материального положения композитора в середине 70-х годов.

Единственным, но не случайным является письмо Мусоргского к Н. М. Бернару, издателю ряда произведений композитора. В сущности, это письмо приоткрывает еще одну печальную страницу в биографии Мусоргского последних месяцев его жизни.

Как известно, когда Мусоргский остался без службы и без средств к существованию, составились две группы, оказывавшие ему помощь, — в одну входил Т. Н. Филиппов, В. В. Стасов, М. Н. Островский (брат писателя), В. М. Жемчужников, а другую возглавил старый товарищ Мусоргского Ф. А. Ванлярский. Первая группа давала Мусоргскому сто рублей в месяц и субсидировала окончание «Хованщины», а вторая, действовавшая независимо от первой, выдавала композитору семьдесят рублей в месяц на окончание «Сорочинской ярмарки»; причем Мусоргский был обязан каждый заверченный номер «Сорочинской ярмарки» передавать издателю Бернарду для печатания.

Издательство Бернарда впервые напечатало следующие произведения Мусоргского: полька «Подпрапорщик», «Близ южного берега Крыма», «На южном берегу Крыма», «Швея», «Раздумье» (листок из альбома).

Таков круг корреспондентов Мусоргского, точнее, — лиц, письма к которым дошли до нас.

Перечень имен, упоминаемых в письмах Мусоргского, очень обширен и разнообразен и служит еще одним подтверждением разносторонних интересов композитора. Только из-за того, что многие письма погибли, ряд людей оказывается исключенным из числа адресатов Мусоргского.

Упоминаемыми в письмах именами, конечно, далеко не исчерпывается список знакомых Мусоргского. Пожалуй, в количественном отношении перечисляется и корреспонденция меньшинство, ибо круг лиц, с которым композитор был так или иначе связан, неимоверно широк. Тем не менее, даже из того небольшого числа людей, которых Мусоргский называл в своих письмах, — а для него это в большинстве случаев, не считая его корреспондентов, самые близкие, — можно заключить, насколько разносторонни личные связи композитора, насколько богаты его интересы и как, наконец, Мусоргский постоянно тяготел к демократическим кругам разночинной интеллигенции.

ПУБЛИКАЦИЯ ПИСЕМ

Интерес к эпистолярному наследию Мусоргского возник у современников буквально сразу же после его смерти.

В биографии Мусоргского, напечатанной в майской и июньской книжках «Вестника Европы» за 1881 год, В. В. Стасов поместил довольно много отрывков из писем композитора. Почти все автографы Мусоргского и даже те, которые сам В. В. Стасов не опубликовал, хранят следы вдумчивой работы критика. Как очевидец событий и друг композитора, он считал необходимым расшифровать для будущих поколений неясные факты, уточнить даты. Его многочисленные пометки,

несмотря на отдельные неточности и запамятования, до сих пор служат незаменимыми вехами для исследователей. Пометки В. В. Стасова на письмах Мусоргского делятся на две категории: одни он делал сразу, читая письма (это относится только к письмам Мусоргского, адресованным лично ему), другие — много времени спустя, уже после смерти Мусоргского, может быть впервые читая письма композитора, вспоминая, воскрешая неизвестные другим подробности. После публикации В. В. Стасова в течение ряда лет письма Мусоргского не появлялись в печати.

Лишь в 1889 году в альбоме «Автографы музыкальных деятелей» (изд. Бернарда) было опубликовано факсимиле письма Мусоргского к Н. М. Бернгарду, а в 1897 году — письма композитора к Л. И. Кармалиной по копиям, представленным адресаткой редакции основанной в тот год «Русской музыкальной газеты».

В этом же году в том же издании было напечатано одно письмо Мусоргского к П. С. Стасовой. И снова большой интервал до 1909 года, когда к годовщине смерти Н. А. Римского-Корсакова в «Русской музыкальной газете» была напечатана часть писем Мусоргского к нему; письма к Римскому-Корсакову продолжали печататься в 1911 году.

В этом году отмечалось тридцатилетие со дня смерти Мусоргского, и «Русская музыкальная газета» выступила с рядом публикаций его писем. Были напечатаны письма Мусоргского к Ц. А. Кюи, к сестрам Пургольд, к В. В. Стасову (вышли отдельным изданием в том же 1911 году), к И. Е. Репину, к И. Ф. Горбунову, к Н. В. Стасовой. В 1911 же году в статье Г. Н. Тимофеева «Балакирев в Праге» в журнале «Современный мир» были опубликованы письма Мусоргского к Балакиреву, написанные в Чехию. Через два года, в 1913 году, в «Русской музыкальной газете» началось печатание всех писем Мусоргского к Балакиреву, продолжавшееся и в 1914 году, а в 1915 году они вышли отдельным изданием.

Большинство перечисленных публикаций прокомментировано современниками Мусоргского, людьми, хорошо знавшими его (Д. В. Стасов, Н. Н. Римская-Корсакова), а потому в фактическом отношении комментарии представляют большой интерес.

Следующая серия публикаций появилась в № 5-6 журнала «Музыкальный современник» за 1917 год. Здесь напечатаны письма Мусоргского к Л. И. Шестаковой из архива семьи Т. И. Филиппова и одно письмо к Э. Ф. Направнику (в статье А. Н. Римского-Корсакова о «Борисе Годунове»). На этом закончился первый — дореволюционный — период изданий писем Мусоргского.

В 1922 году в альманахе Пушкинского дома («Радуга») В. Д. Комарова-Стасова опубликовала письма к Д. В. Стасову.

Неоценимым вкладом в публикацию литературного наследия Мусоргского явилось издание «Писем и документов» под редакцией А. Н. Римского-Корсакова (Музгиз, 1932). Помимо всех известных до того времени писем Мусоргского, собрание пополнилось сорока четырьмя документами; среди них такие ценные письма, как к М. А. Балакиреву о «Юдифи», все письма к В. В. Никольскому, оба письма к П. А. и С. П. Наумовым и М. И. Костюриной и другие. Весь справочно-пояснительный аппарат к этому тому, составленный А. Н. Римским-Корсаковым при участии В. Д. Комаровой-Стасовой, основан на всестороннем обследовании архивных материалов и свидетельствах старших современников, очевидцев и участников

описываемых событий. Комментирование последующих публикаций писем Мусоргского оказалось немыслимым без обращения к материалам «Писем и документов».

В предисловии к этому сборнику А. Н. Римский-Корсаков, перечисляя пропавшие бесследно письма Мусоргского, особенно сетовал по поводу исчезновения следов писем композитора к А. А. Голенищеву-Кутузову.

Событием первостепенной важности стала публикация в 1939 году незадолго перед тем обнаруженных музыковедом П. В. Аравиным писем Мусоргского к А. А. Голенищеву-Кутузову. Опубликованные к столетию со дня рождения композитора в юбилейном номере журнала «Советская музыка», письма Мусоргского к Голенищеву-Кутузову вскоре вышли отдельным изданием. К ним были приложены обнаруженные в том же архиве одно письмо композитора к К. К. Альбрехту и одно — О. А. Голенищевой-Кутузовой.

В юбилейном же номере «Советской музыки» А. Н. Римский-Корсаков опубликовал письмо Мусоргского к В. В. Васильеву.

Последующие находки весьма незначительны. Письмо к П. С. Федорову опубликовано в 1954 году и несколько писем к Шестаковой, записка к К. М. Стапоковичу и наиболее ценное среди них — письмо к П. Г. Шемаеву — в 1959 году, в журнале «Советская музыка». Этим ограничивается пополнение эпистолярин Мусоргского.

В то же время за последние десятилетия утрачено довольно много писем, известных ранее. В частности, не обнаружено одно письмо к сестрам Пургольд. Никто не видел подлинников писем к Наумовым и Федоровой. Правда, одно письмо недавно всплыло — оказалось, что оно находится в Нью-Йорке. Видимо, и другое пошло за рубеж (оба письма — из архива Н. Ф. Финдейзена). Вполне вероятно, что таким же образом следует объяснить исчезновение писем к Шестаковой из архива Т. И. Филиппова, а также документов из архива В. В. Бесселя. Поэтому не лишено вероятности, что в будущем могут обнаружиться и другие пропавшие или не известные нам автографы Мусоргского.

В предисловии к сборнику «Писем и документов» А. Н. Римский-Корсаков перечислил те письма, которые должны были существовать, но которых не удалось найти. За исключением писем к Голенищеву-Кутузову, перечень исчезнувших остается прежним и к нему можно добавить еще немало адресатов, которым Мусоргский, без сомнения, писал.

Публикуемые письма заново выверены по автографам, причем во время сверки обнаружилось довольно большое число неточностей в прежних публикациях, включая и собрание А. Н. Римского-Корсакова. Неверно прочтены отдельные слова, иногда произвольно изменен их порядок, имеются ошибки в датировках. Кроме того, комментарии, при всем их документальном интересе, составлены зачастую крайне субъективно, иной раз проскальзывает пренебрежительный тон по отношению к Мусоргскому (например, в собрании А. Н. Римского-Корсакова совершенно необоснованно говорится о небрежности, неряшливости Мусоргского, а письмо к В. В. Стасову из Ялты отмечено, как написанное в напыщенном, неестественном и даже развязном тоне).

Не избежали ошибок даже позднейшие издания, такие, как публикация писем к А. А. Голенищеву-Кутузову, где текстологическая работа выполнена недостаточно тщательно.

Всего этого публикатор стремится избежать в настоящем издании.

Впервые публикуемых материалов в настоящем издании почти нет. Это лишь две записки к А. А. Голенищеву-Кутузову и черновик письма старшинам Артистического кружка в Москве. Однако уточнений в старых материалах произведено довольно много.

Неполно или неверно датированные прежде письма удалось датировать более точно (например, письмо 10 при прежней публикации датировано 25 января, тогда как в подлиннике стоит число 26 января; письмо 212 в прежнем издании имеет дату 24 ноября, хотя Мусоргский датировал письмо 29 ноября; в письме 82 проставлена редакторская дата 21 января, а авторская — 12 января, в то время как оригинал письма имеет авторскую дату 21 января).

А. Н. Римский-Корсаков письма без дат, как правило, датировал днем почтового штемпеля отправления. Но такая датировка применительно к Мусоргскому не всегда правильна, так как Мусоргский имел обыкновение писать письма поздно вечером, что видно из содержания ряда его писем (а некоторые письма имеют двойные — «ночные» — авторские даты). Имеются и ошибочные комментарии: на стр. 103 — по поводу датировки концерта РМО; на стр. 179 — о посмертной доработке оперы А. С. Даргомыжского «Каменный гость» сказано, что опера была закончена Римским-Корсаковым и оркестрована Кюи; на стр. 264 вместо поэмы Голенищева-Кутузова «Мученица», названа его же поэма «Гашиш»; на стр. 380 записка неизвестного о болезни Мусоргского датирована 1878 годом, хотя речь явно идет о последней болезни композитора. Попадают ошибки и в библиографических ссылках (например, в перечне исторических источников «Хованщины»). В «Письмах и документах» встречаются и неверно прочитанные слова, что подчас приводит к курьезам. Достаточно ограничиться лишь двумя примерами.

В письме от 12—13 августа 1858 года (письмо 8 по настоящему изданию) Мусоргский пишет: «...я прочел Глюка («Альцесту», «Ифигению в Авлиде» и «Армиду»), потом «Цампу», сегодня кончаю Реквием Моцарта...» и т. д. Прочитав вместо «Цампу» — «Цинну», А. Н. Римский-Корсаков поместил пространственный комментарий, поясняющий, сколько опер под таким названием существует и каким авторам они принадлежат. Между тем Мусоргский упомянул весьма популярную в XIX веке оперу Герольда «Цампа».

Шутливое написание на французский лад имени и фамилии Степана Шиловского в письме от 24 марта 1861 года (письмо 33 по настоящему изданию) — Stephan de Schillow — превратило в публикации А. Н. Римского-Корсакова супруга М. В. Шиловской в Степана Шильонского. И это не опечатка: Stephan de Schillon значит не только в тексте письма, но и в комментарии к нему.

Разумеется, все эти неточности, как и другие, устранены в новом издании. Устранена также и грубая ошибка в публикации писем к А. А. Голенищеву-Кутузову, где недатированное письмо Мусоргского, явно относящееся к концу 1878 года, датировано 1879 годом, хотя само содержание письма, а также косвенные данные позволяют без колебаний отнести письмо именно к 1878 году.

В комментариях приводятся только строго проверенные документальные данные. В то же время обильный фактический материал, приводимый А. Н. Римским-Корсаковым и В. Д. Комаровой-Стасовой, разумеется, используется и в нашем издании.

Несколько сведений относительно принципов публикации писем Мусоргского.

После заголовка — указания адресата — непосредственно под ним курсивом дается место написания и редакторская дата, независимо от наличия и полноты авторской даты. Авторская дата помещается в полном соответствии с оригиналом и на том же месте, где она помещена Мусоргским, то есть иногда в начале, иногда и конце письма.

Тексты публикуются по современной орфографии, но с соблюдением некоторых характерных особенностей («ройаль» вместо «рояль» и т. п.); дни недели, названия месяцев печатаются со строчной буквы, даже в тех случаях, если Мусоргский пишет их с прописной. Написание фамилий унифицировано, за исключением фамилии Мусоргского, который до начала 1860-х годов, а затем изредка и после этого писал ее без буквы *г*.

Следует обратить внимание, что свою фамилию Мусоргский произносил всегда на настоящий русский лад, с ударением на *у* — Мусоргский, а отнюдь не полонизируя ее, как это теперь многие делают — Мусóргский*, о чем писал А. П. Римский-Корсаков и о чем уместно напомнить, так как и сейчас еще возникает иной раз вопрос, как правильно произносить фамилию композитора.

Названия музыкальных, литературных и иных произведений заключаются в кавычки. Обращение во множественном числе второго лица всегда печатается в соответствии с оригиналом, так как у Мусоргского имеются обе формы обращения (со строчной и с прописной буквы).

Вычеркнутые Мусоргским слова, восстановленные при публикации, как правило, приводятся в подстрочных примечаниях, при воспроизведении черновиков они заключены в ломаные скобки: < >; недописанные слова и фразы напечатаны полностью с заключением в квадратные скобки [] восстановленного при публикации, за исключением описок, пропуска букв, которые включаются без каких-либо оговорок. Места сокращений (они минимальны) отмечены знаком купюры: [...] Подчеркнутые в автографе слова и фразы печатаются в разрядку, подчеркнутые двумя чертами — *курсивом в разрядку*, подчеркнутые тремя чертами — оговариваются в подстрочных примечаниях. Подчеркнутые в автографе отдельные буквы или слоги выделяются *курсивом*.

Надписи адресов на конвертах не приводятся, за исключением интересных по содержанию, включающих не просто адрес, а еще какие-либо сведения. Эти надписи помещаются вслед за текстом писем. Конверты же, как правило, используются для определения датировки по почтовым штемпелям.

Мусоргский очень часто пользуется знаком тире, отделяющим разные фразы писем. Эти тире не воспроизводятся, но вводятся абзацы, в тех случаях, где они требуются по смыслу (что частично совпадает с тире).

Примечания Мусоргского даются в сносках с указанием: *примеч. М. П. Мусоргского*; авторство других примечаний также оговаривается, если по смыслу их необходимо дать в сноске. В остальных случаях примечания других лиц выносятся в комментарии.

* «М. П. Мусоргский. Письма и документы», стр. 186.

Раздел комментариев построен следующим образом.

Каждый документ снабжается легендой, в которой указано место хранения автографа и приводятся сведения о первых публикациях, а из последующих — наиболее значительные издания (например, для писем к Шестаковой указан «Музыкальный современник», сборник «Письма и документы» и «Избранные письма»; для писем к Голенищеву-Кутузову указана «Советская музыка», отдельное издание и «Избранные письма»). В тех случаях, когда впервые публиковались отрывки из писем, а затем письма полностью — помещается указание на первую публикацию полностью. Вслед за легендой дается обоснование датировки, если письмо не имеет полной авторской даты или вовсе не датировано Мусоргским. Затем приводятся надписи и пометки на письмах, характеризующие письмо в целом (главным образом В. В. Стасова). После этого следуют собственно комментарии.

Письма расположены в хронологической последовательности.

А. ОРЛОВА

Письма

1857
209

1. М. А. БАЛАКИРЕВУ

Петербург, 15 декабря 1857 г.

Драгоценнейший Милый Алексеевич,

Не знаю, как благодарить Вас за выбор инструмента, я заранее убежден в том, что он хорош. Как только соберусь, так с божиею помощью и возьму его от Беккера.

Извещаю Вас заранее о том, что, несмотря на все желание провести с вами вечер в занятиях музыкальных¹, в этот вторник не могу; должен съехать к родным², они на меня больно озились, говорят, что «забыл совсем».

Если Вам угодно, то распорядитесь временем для урока сами, только дайте мне знать дня за два, чтобы я Вам мог дать ответ.

Готовый к услугам *Модест Мусорский*

2. М. А. БАЛАКИРЕВУ

Петербург, 17 декабря 1857 г.

17-е декабря

Прекраснейший Милый Алексеевич,

Преступник прощен и ждет Вас с нетерпением в четверг¹. Сегодня, слава богу, решилась участь так давно желанного рояля. Завтра достойнейший Беккер переселит его к нам. Я Вам должен быть тысяча раз благодарен за прекрасный выбор. *La machine est parfaitement solide**. Я сегодня так хватил по этой машине, что у меня в кончиках пальцев началась какая-то жгучая, острая боль, точно мурашки заходили, а машина ничего, хоть бы одна струна зазвенела. Тон прекрасный, басы очень хороши, я совсем доволен инструментом. К четвергу припас

* Машина совершенно прочная (*фр.*).

2-ю симфонию Бетговена, и ей-то суждено будет обновить инструмент. Еще раз благодарю Вас, Милий Ал., и жду в четверг непременно. Брат мой свидетельствует Вам свое наиглубочайшее почтение...

Ваш *Модест Мусорский*

1858_{год}

3. М. А. БАЛАКИРЕВУ

Петербург, 6 января 1858 г.

Прекраснейший Милий Алексеевич,

Ради бога, везите, я буду очень рад сблизиться с ним, тем более что те из его творений, которые я слышал от Вас, мне совсем по сердцу¹. Привезите непременно.

Ваш *Модест Мусорский*

P. S. Извините, что я так нескладно написал, голова кружится, только что из дворца с парада².

4. М. А. БАЛАКИРЕВУ

Петербург, 13 января 1858 г.

Понедельник, 13-го января

Прекраснейший Милий Алексеевич,

К величайшему сожалению, должен я известить Вас, что завтрашний вечер я не свободен, потому что иду в караул¹. Если вы будете так добры и выберете свободный день, я вам буду очень благодарен; только известите меня в случае вашего согласия.

Преданный Вам душою

Модест Мусорский

5. М. А. БАЛАКИРЕВУ

Петербург, 23 января 1858 г.

Прекраснейший Милий Алексеевич,

Вы не можете себе представить, как мне досадно, что наш музыкальный урок не устроился сегодня. Дело в том, что письмо мы получили после вас¹, и я в этот вечер в седьмом часу отправился с братом в Оперу². Мне ужасно досадно и совестно, тем более, что от Вас далеко до нашей Разъезжей, притом Вы не совсем здоровы... Впрочем, надеюсь на вашу снисходительность и доброту, я надеюсь, что вы не рассердитесь и будете по-прежнему любить Разъезжую.

Брат мой просил передать Вам свой почтительнейший поклон.

Ваш Модест Мусорский

Р. S. Завтра я дежурный; это досадно, ужасно хочется повидаться с Вами.

6. М. А. БАЛАКИРЕВУ

Петербург, 25 января 1858 г.

Драгоценнейший Милий,

К величайшему стыду, должен я признаться, что Allegro не готово и потому, как ли не досадно, а исполняю вашу просьбу: написать вам, если в случае не кончу этого, до тошноты надоевшего мне Allegro¹. Впрочем, не отчаиваюсь, надеюсь увидаться с Вами на неделе и попробовать свой ученический труд на Вашем инструменте.

На меня, между прочим, напала такая лень и нега, что я не знаю, как от этого отделаться; нет, конечно, ни за что не буду писать восточной музыки, это все ее козни². До свидания, начал письмо грустно, а кончил глупо.

Вам душою преданный

Модест Мусорский

7. М. А. БАЛАКИРЕВУ

Петербург, 8 июля 1858 г.

Вторник, 8-е июля

Дорогой Милий,

Вчера у Стасовых я имел удовольствие читать ваше письмо к ним из Москвы и zelo радовался, узнав, что вы совершенно здоровы¹. История с палкой заставила меня посмеяться немного (но, впрочем, зная, как

вы ее любили (по привычке к ней, конечно), я сейчас же перестал смеяться)²; замечания ваши в дороге очень забавны; плачущие дамы, доктор Гусар[ского] полка, лососина (ботвинья), стоящая 50 коп. сер., это ужасно смешно, Петруша на улицах московских, притягиваемый женщинами, которые его, вероятно, отталкивали, все это сцены презабавные.

Описание Кремля, Милий, заставило меня сильно призадуматься, впрочем, спасибо вам, минут пять мечтаний о нем доставили мне невыразимое наслаждение. Вообще говоря, я с наслаждением прочел ваше письмо³.

О себе писать нечего; та же рассеянность, те же занятия (музыка и литература), отъезд в деревню на свадьбу⁴, вот все, что я могу сказать от[носительно] моей особы. Касательно музыкальных занятий скажу вам, что начинаю писать сонату (в Es-dur), как-нибудь справлюсь; постараюсь, чтобы вышло хорошо. Намерен сделать маленькую интродукцию (в B-dur) и недалеко вступить в Allegro; еще готовится Scherzo и на досуге идут практические занятия в гармонии; ужасно хочется прилично писать! Кито вам кланяется и из Красного Села⁵ силится обнять вас, не знаю, как это ему удастся. Мы с ним играли (B-dur и C-dur) симфонии Шумана, он от них в восхищении и молодцом * читает ноты. Теперь ждем его в город, может быть, он принишет вам что-нибудь, он очень желал этого.

Кюи постоянно у Бамберга; этого, впрочем, не нужно писать, вы сами знаете. Вчера мне Стасов (Бах)^{6**} советовал на свадьбе заглянуть невесте под корсет, я восстал против этого, и эта оппозиция была причиною 2[-х] часовых рассуждений о таинственных частях тела человеческого, преимущественно женского, перечислялись болезни, разбиралась характеристика пикового туза (удачное название!), и целый вечер Бах твердил мне: а заглянете невесте под корсет?.. ужасно надоел.

Играл я там интродукцию к «Эдицу» (увертюра) и некоторые темы для сочинений, они Баху понравились, как кажется, это приятно.

Что ж я вам еще могу написать, кажется, ничего, да: когда я буду в Тихвине с Кито, то напишу вам свои впечатления, весело вам будет читать их или нет, не знаю, но только все-таки напишу, притом в Новгородской губер[нии] есть некоторые замечательные древности.

Теперь позвольте вам пожелать веселого и приятного препровождения времени в деревне, а главное здоровья, это есть желание и матушки, которая мне сейчас покричала в дверь: пожелай Мил[ию] Ал[ексеевичу] от меня здоровья — это самое важное! Пишите к нам, Милий, почаще, вы нас, откровенно скажу, очень обрадуете.

Ух! жарко ужасно, до свидания хотя в письме.

Ваш навсегда *Модест*

* Дальше зачеркнуто слово: «разбирает».

** Дальше зачеркнуто слово: «заметьте».

Р. S. Во-первых, извините, что дурно пишу, я всю неделю немного рассеян, а во-вторых, если будете писать от 8 или 9 до 25 числа, то адресуйте: в Новгородскую губ. Тихвинский уезд, Николаю Алексеевичу Бурцову для передачи нам.

8. М. А. БАЛАКИРЕВУ

Петербург, ночь с 12 на 13 августа 1858 г.

Драгоценнейший Милый,

Ничего не может быть несноснее рассеянности, а если еще к этому прибавится бестолковщина, так уж это из рук вон. Я в положительной безызвестности насчет вас, по своей милости, я писал к Вам адресовать письма между 10 и 25 июля в Новгородскую губернию, а 23 июля уехал оттуда, очень может быть, что ваше письмо находится там, по крайней мере я себя утешаю этим и не хочу думать, что с вами приключилось что-нибудь дурное. Как бы то ни было, а я вам пишу теперь, желая хоть заочно побеседовать с Вами. Время мы с Кито провели прекрасно в деревне, там был народный праздник по случаю свадьбы, и славный праздник. Я по этому случаю решился писать сонату в Es-dur и посвящаю ее молодым¹, кстати, вот Вам темы*.

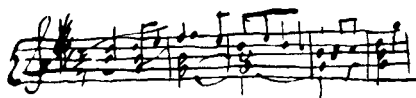
Интродукция перед финалом:

1-я тема Allegro Финала:

Scherzo:

« Вы уже знаете.

Остальные темы тоже есть, но только еще я не совсем решился их развивать.

Я их привез из деревни; теперь пишу fis-мольную сонатку, очень простенькую², и написал романс³.

Недавно у Веригиной играли антракты «Холмского» в 8 рук; я прочел Глюка («Альцесту», «Ифигению в Авлиде» и «Армиду»), потом «Цампу», сегодня кончаю Реквием Моцарта, играю беетговенские сонаты, те, которых еще не знал, quasi Fantasia мне очень понравилась.

Все в голове «Эдип», и так как я его хочу посвятить вам, милейший, то серьезно об нем подумываю, а то вы скажите охлаботина, да притом скверностей писать не следует.

Наш милый Cesar был 2 дня здесь у Бамберг, прилетел по чугунке, мы с ним шли от Б[амберг]га и очень приятно поговаривали.

Напишите, Милый, что-нибудь, я ужасно хочу узнать о Вас, ах вот что: в конце августа я, даст бог, поеду в Муром, ведь это близко от Вас, коли вы останетесь до половины сентября, так поедемте вместе в Питер. А я хочу посмотреть Москву, Волгу и побывать во Владимире⁴.

У нас великолепное лето, что-то в Вашем Нижнем?

Теперь я на досуге перевожу письма Лафатера⁵ — о состоянии души после смерти, вещь очень интересная, да притом меня всегда влекло в мечтательный мир, в письмах его кроме того есть чрезвычайно интересные физиогномические замечания, он был физиогномист, как вам известно, т. е. по физиогномии определял самый характер*. Вот его замечание насчет изображения Бахуса: довольно сангвинического темперамента, но, впрочем, заметно больше материального, нежели божественного, он прав, это делает честь художнику. Насчет состояния души он говорит: что душа усопшего человеку способному к ясновидению сообщает свои мысли, которые, будучи переданы ясновидящим оставленному его (душою) на земле другу, дают последнему понятие о ее нахождении после смерти. Заметьте, какое соотношение душ, впрочем, вы это, я думаю, прочтете, когда я переведу, оно очень интересно.

Это время я все думаю, думаю и думаю, о многом дельном думаю, и много планов роется в голове, кабы привести их в исполнение, славно было бы. Приедете, я вам объясню эти планы, теперь много писать, мои письма, я думаю, и без того вам не совсем приятны, потому что я дельного не привык еще писать, а пустяковина скоро приедается.

Милый, я вам расскажу забавную сцену с Кито в деревне. Пошли мы купаться, и не успел он войти в воду, как упал или, вернее, рухнул всем телом, волны поднялись страшные и все водяное царство застонало, и в это время Кито произнес только: удачно! Однако ж довольно, Кито вас обнимает, Милый, и я вас целую от души и желаю быть здоровым. Напишите, пожалуйста, поскорее.

Ваш *Модест*

2 часа ночи, пора спать, я, кажется, нескладно написал.

* Далее зачеркнуто слово: «человека».

1859 год

9. М. А. БАЛАКИРЕВУ

Петербург, 7 января 1859 г.

Среда

Дорогой Милый,

Ложа на представление «Руслана» взята в бель-этаже № 13-й с левой стороны и тамаш вас приглашает в нее, искренно просит вас не пренебречь этим призывом и приехать непременно¹. О том, как вы слушали лекцию Серова, надеюсь, расскажете нам, я уверен заранее, что вы скучали, потому что сюжет лекции невыносимо скучен².

Я на вас с Цезарем сердит за то, что Вы забраковали мою польку, впрочем она так ничтожна, что об ней нечего думать³, польки и вальсы, вообще танцевальные вещи, по моему мнению, музыкальные «пигмеи»*. Тут (в них), кроме чего-то, — ничего нет. До свидания, Милый, я и мы все надеемся вас увидеть в ложе № 13-й в четверг.

Душою преданный Вам

Модест

Р. С. Китоша поехал в Славянку⁴, он завтра будет, просил вас расцеловать. Мой поклон Софье Ивановне с семейством.

7-го января 1859 года.

10. М. А. БАЛАКИРЕВУ

Петербург, 26 января 1859 г.

26-го января

Милый,

У Шиловской сегодня никого и ничего не будет, поэтому выберем другой день и вместе съездим отобедать.

Ваш Модест

* Далее зачеркнуты слова: «в ряду музыкальных сочинений».

11. М. А. БАЛАКИРЕВУ

Петербург, 7 февраля 1859 г.

7-го февраля 1859 года

Суббота

Дорогой Милий,

Что значит ваше исчезновение? Меня оно ужасно беспокоит; уж не захворали ли вы? Известите нас, пожалуйста, и если вы здоровы и невредимы — напишите нам, будете ли вы у нас обедать в воскресенье; нам бы очень хотелось вас видеть, постарайтесь приехать, у нас Кито, готовый принять вас в свои нежные и роскошные объятия. Маман теперь практикуется в мельники¹, для того чтобы обыграть вас при первом удобном случае. До свидания, Милий.

Ваш *Модест*

12. М. А. БАЛАКИРЕВУ

Петербург, 2 мая 1859 г.

Дорогой Милий,

Известите как-нибудь Васеньку, что мы завтра приедем к нему обедать с Китошей; вероятно, это ему не будет в тягость.

Ваш *Модест*

Суббота
2 мая

13. М. А. БАЛАКИРЕВУ

Глебово, 12 июня 1859 г.

12-е мая

Дорогой Милий,

Начинается писание, только успевайте читать. Путь по чугунке вам известен; опишу путешествие от станции Крюково до Шиловских¹. Сначала местность незавидная, но ближе к Новому Иерусалиму довольно интересная. Новый Иерусалим на превосходном месте, за 5 верст видны восточные золотые луковичы; стоит на горке, vis-à-vis тоже гора (впрочем, чуть-чуть в сторону), где заштатный город Воскресенск, внизу речка, собор окаймлен леском, кругом стена с башенками вроде машинок, в которые вставляются* пастельные карандаши (забыл, как зовут эти машинки) с прибавкою флюгеров². Главный купол ужасно похож на gâteau Mathilde³ — презабавный; внутри, говорят, чудесно — по-

* Далее зачеркнуто: «черные».

смотрим. Каков патриарх Никон — недурное местечко выбрал. Оно слегка доминирует над окружающей местностью и очень красиво.

Теперь о Шиловских, барский дом роскошный на горе; сад английский (род парка) чудесный, vis-à-vis ферма, — все великолепно (оно так и должно быть — ведь богат, канальство, Шиловский), церковь миленькая, род соборчика.

У Шиловских хор певчих, заведует ими м-г Dupuis (вырочем, русский из хора Шереметева), певчие поют Бортнянского (кроме концертов) и разучивают интродукцию, польский, хор 4-го действия и финальный (гимн) из «Жизни за царя», — это штука приятная, позаймусь с ними, говорят, поют недурно, не кричат и получают приличное домашнее воспитание.

Теперь еще здесь почти никого нет кроме Варфоломеева (умный бирин), в скором времени явится tutta la compagnia* и Дарго с Любимской — а due**. Хозяева очень милы и Шиловская весьма заботится о приезжих. Больше пока нечего писать. Кланяйтесь Бахам, Пётре и Юлианам¹, если увидите, я им тоже напишу письмецо.

До свидания, будьте здоровы.

Ваш *Модест*

P. S. Письма адресуйте в Московскую губернию, заштатный город Воскресенск для передачи в село Глебово, Мод[есту] Петр[овичу] Мусорск[ому].

14. М. А. БАЛАКИРЕВУ

Глебово, 23 июня 1859 г.

Июня 23-го

Милый,

наконец мне удалось видеть Иерихон¹. Опишу Вам свои впечатления. Подъезжая только к Иерихону, я уже заметил, что он оригинален, колокольни и купола церквей так и пахнули древностью. Красные ворота забавны и очень мне понравились, от них до Кремля нет ничего особенно замечательного, зато Кремль, чудный Кремль — я подъезжал к нему с невольным благоговением. Красная площадь, на которой происходило так много замечательных катавасий, немного теряет с левой стороны, — от гост[инного] двора². Но Василий Блаж[енный] и Кремлевская стена заставляют забыть этот недостаток — это святая старина. Вас[илий] Блаж[енный] так приятно и вместе с тем так странно на меня подействовал, что мне так и казалось, что сейчас пройдет боярин в длинном зипуне и высокой шапке. Под Спасскими воротами я снял шляпу,

* Вся компания (ит.).

** Вдвоем (ит.).

этот народный обычай мне понравился. Новый дворец великолепен, в нем из теремов лучшая комната — бывшая Гран[овитая] палата, где судили, между прочим, Никона. Успенский собор, Спас на бору, Арханг[ельский] соб[ор] — это представители древности рука об руку с Вас[илием] Блаженным. В Арах[ангельском] соборе я с уважением осматривал гробницы, между которыми находились такие, перед которыми я стоял с благоговением, таковы Иоанна III, Дмит[рия] Донск[ого] и даже Романовых, — при последних я вспомнил «Жизнь за царя» и оттого невольно остановился. Лазил на колокольню Ив[ана] Вел[икого], с нее чудный вид на Москву; из Кремля со стороны дворца хороший вид на Замоскворечье, еще лучше вид с Москвы реки на Кремль в этом месте.

Был у Самарина, ел отличную ботвинью и видел половых в белых чистых рубахах. Гуляя по Москве, я вспомнил Грибоедова («на всех москвичах лежит особый отпечаток»³), по крайней мере на простом классе я убедился. Таких попрошайек и надувал свет не производил. При этом какие-то странные ухватки, вертлявость меня особенно поразили.

Вообще Москва заставила меня переселиться в другой мир — мир древности (мир хотя и грязный, но не знаю почему, приятно на меня действующий) и произвела на меня очень приятное впечатление. Знаете что, я был космополит, а теперь — какое-то перерождение; мне становится близким все русское и мне было бы досадно, если бы с Россией не поцеремонились в настоящее время, я как будто начинаю любить ее. Ах, забыл: в Ор[ужейной] палате есть карета царя Ал[ексея] Мих[айловича], деланная за границей — огромная. Внутри на европейском сидении сделано кресло (род porte-chaise). Я как взглянул, так и вообразил* себе фигуру Ал[ексея] Мих[айловича], отдающего приказы посланным в Малороссию воеводам.

До свидания, Милий. Ваш *Модест*

15. М. А. БАЛАКИРЕВУ

Петербург, 20 сентября 1859 г.

20-го сент. 1859 года,
10¹/₂ часов (вечера).

Милий,

Ваша увертюра испечена в 4 руки¹. Переложением я доволен, все места массы (в оркестре) вышли очень удачно, сплетения имитаций играть ловко, словом, все обстоит в порядке. Приходите завтра пораньше, часу в 6-м (пока мы будем одни), мы с Вами сыграем увертюру и исправим, что следует. Приходите, Милий, мне хочется поскорее ее приготовить.

Ваш *Модест*

Р. S. К ю н ждут нас завтра.

* Мусоргский сначала написал: «вспомнил»; потом зачеркнул.

16. М. А. БАЛАКИРЕВУ

Петербург, 4 октября 1859 г.

4-го октября.
Воскресенье.

Милый,

Уведомьте, душенька, будете ли вы завтра, т. е. в понедельник вечером дома; надеюсь, не стесняясь, в том случае, когда вы куда-нибудь предполагали ехать. Мы с Китошей везем вам Фон-Визина всего, это очень интересно прочесть. Вчера мы не были у Вас потому, что, узнав от Пестры, что Васенька дежурный и не будет дома, мы совершенно иначе распорядились днем. Насчет завтрашнего вечера дайте знать, хотите к нам или мы к Вам. Китинька вас целует и я тож. Мы сегодня в строении рук нелепого родителя генерал-Баха¹ и смотрим «Бригадира», Фон-Визина.

Ваш *Модест*

P. S. Мамап кланяется вам очень, очень...

17. М. А. БАЛАКИРЕВУ

Петербург, 8 октября 1859 г.

Милейший,

Пи Софья Ивановна, ни вы не могли лучше придумать. Мы все вас ждем с нетерпением. Мамап просит сказать вам, что «вы очень милы и распорядились прекрасно». Вчера мы видели Александра и Николая Стасовых, они нам передали о приезде Дмитрия, который понабезд множество интересных вещей¹. Если удастся мне завтра раненько утром уходить от Владимира, будут ли они вечером дома, то хорошо, а во всяком случае мы обещались быть у них в воскресенье. Везите Schumann, и каждую работы.

До свидания, Милый, завтра ждем вас.

Ваш *Модест*

Четверг
10-го октября

18. М. А. БАЛАКИРЕВУ

Петербург, ночь с 17 на 18 октября 1859 г.

Милый,

Наш сегодняшний спор был до такой степени интересен, что я, лопаясь спать, возымел намерение написать вам по поводу этого прения¹.

Если сам Моисей сказал народу «око за око, зуб за зуб», тогда я с вами соглашаюсь, потому что это основной закон для духа и направления народа. Мне кажется, что это правило явилось в самом народе, независимо от Моисея, вследствие грубости нравов. Доводы ваши: проклятие и обрезание — недостаточны: Христос вместо обрезания ввел крещение, оно несколько мягче, а в сущности тот же странный обряд. Проклятие назначалось за преступление, т. е. за невыполнение того или другого закона; вместо проклятия Христос ввел мысль о вечном мучении — это то же самое, только смягчил это покаянием. Вот мое объяснение; дайте на него письменный ответ в случае, если наверное знаете, что (око за око, зуб за зуб) положил сам Моисей.

Ваш *Модест*

19. М. А. БАЛАКИРЕВУ

Петербург, 19 октября 1859 г.

19-е окт.

Дорогой Милий,

Вы мне представили 2 пункта, которые предполагаете во мне¹. Начну с первого — мистицизма или, как вы удачно выразились — мистического штриха. Как известно вам, я два года тому назад или меньше был под гнетом страшной болезни, начавшейся очень сильно в бытность мою в деревне. Это мистицизм, смешанный с циническою мыслию о божестве. Болезнь эта развилась ужасно по приезду моем в Петербург; от вас я ее удачно скрывал, но проявление ее в музыке вы должны были приметить. Я сильно страдал, сделался страшно впечатлителен (даже болезненно). Потом, вследствие ли развлечения или того, что я предался фантастическим мечтам, питавшим меня долгое время, мистицизм начал мало-помалу сглаживаться; когда же во мне определилось развитие ума, я стал принимать меры к его уничтожению.

В последнее время я сделал усилие покорить эту идею и, к счастью, мне удалось. В настоящее время я очень далек от мистицизма и надеюсь навсегда, потому что и моральное и умственное развитие его не допускают.

Касательно взгляда на вас, я должен пояснить, каким образом вел я себя с вами, с самого начала нашего знакомства. Прежде я сознавал преимущество ваше; в спорах со мной видел большую ясность взгляда и стойкость с вашей стороны. Как ни бесился я иногда и на себя и на вас, но с истиной должен был согласиться. Из этого ясно, что чувство самолюбия подстрекало меня держаться упорно и в спорах и в отношениях с вами. Далее:

Вам известна бывшая, излишняя мягкость моего характера, вредившая мне в отношениях с людьми, которые не стоили этого. Раз закра-

шесся чувство уколотого самолюбия подняло всю гордость во мне. Нечего говорить о том, что я стал анализировать людей, вместе с этим быстро развивался и был сам у себя на стороже. Но все время я не пропускал и себе ни малейшего промаха в отношении к добру и истине. В отношении людей я вам многим обязан, Милый, вы меня славно умели толкать во время дремоты. Позже я понял вас совсем и душою привязался к вам, находя в вас, между прочим, отголосок собственных мыслей или иногда начало и зародыш их. Последние же наши отношения так сильно сроднили вашу личность с моей, что я совершенно уверился в вас. Слишком мейка и ничтожна роль паши, à la Дарг., чтобы я мог ее приписать вам, да она ни в каком случае не сродна вам. Спор у Васеньки не ребячество, а уродство, которое иногда встречается во мне — это болезненная утрата ума, даже вследствие физических причин. Не отказываюсь от того, чтобы вышеизложенные обстоятельства, только не мистицизм, оставили во мне свои следы; но теперь это бывает редко, а благодаря вашему добру, хорошему письму я теперь еще сильнее примусь готовить этой дряни остракизм навек из моей особы.

«Обломова» сегодня кончил² и уже поднял спор с Маман за любовь, Китушка меня поддерживал. В 4-й части совершенно объяснилась любовь, это обломовская, но все-таки любовь. Только вы неправы, Милый, в одном случае: женщина, какая бы ни была, не может полюбить Обломова, разве только Агафья Матвеевна. А propos*, читаю геологию, ужасно интересно³. Представьте, Берлин стоит на почве из инфузорий, некоторые массы их еще не умерли.

Ваш *Модест*

P. S. Вот мое объяснение, милейший; напишите, как оно вам понравилось и когда мы можем увидаться. Маман очень желает увидеть нас, а Китоша целует.

20. А. П. ЗАХАРЬИНОЙ

Петербург, 1 апреля, конец 1850-х — начало 1860-х гг.

1 апреля

Банкир, отправляющий деньги за границу — Гинсбург; контора его на Английской набережной, дом Риттера № 26-й. Извините меня, многоуважаемая Авдотья Петровна, что немного запоздал с оповещением.

Преданный Вам *Модест*

P. S. Не примите этого за 1-е апреля, для меня его не существует.

* Кстати (*фр.*).

1860 год

21. М. А. БАЛАКИРЕВУ

Петербург, 10 февраля 1860 г.

Дорогой Милый,

Я, слава богу, начинаю как будто поправляться после сильных, уже чересчур сильных, нравственных и физических страданий. Помните, милый, как мы с вами 2 года тому назад шли по Садовой улице (вы возвращались домой), это было летом. Перед этой прогулкой мы читали «Манфреда», я так наэлектризовался страданиями этой высокой человеческой природы, что тогда же сказал Вам, «как бы я хотел быть Манфредом»¹ (я тогда был совершенный ребенок), судьбе, кажется, угодно было выполнить мое желание, — я буквально оманфредился, дух мой убил тело. Теперь надо приниматься за всякого рода противоядия. Дорогой Милый, я знаю, что вы любите меня; ради бога, в разговорах старайтесь меня держать под уздцы и не давайте мне зарываться; мне на время необходимо оставить и музыкальные занятия и всякого рода сильную умственную работу, для того чтобы поправиться; рецепт мне — все в пользу материи и по возможности в ущерб нравственной стороны. Теперь мне ясны причины раздражения нервов; [...] но главная вот: молодость, излишняя восторженность, страшное, непреодолимое желание всезнания, утрированная внутренняя критика и идеализм, дошедший до олицетворения мечты в образах и действиях, — вот главнейшие причины. В настоящую минуту я вижу, что так как мне только 20 лет, физическая сторона не доформировалась до той степени, чтобы идти наравне с сильным нравственным движением* [...]; вследствие этого нравственная сила задушила силу материального развития. Надо помочь последней; развлечение и спокойствие, по возможности, гимнастика, купанье, должны меня спасти.

Сегодня мы с Кито были в балете («Пакеретта»), очень милый балет, было много красивых картин; но музыка, Милый, музыка ужаснейшая, Пуни — это музыкальный скиф. Странное впечатление произвел на меня балет, я был больной в нем, возвратясь, я лег соснуть; грёзы были самые мучительные, но до такой степени сладко-страдательные, до того упоительные, что в этом положении легко бы умирать; это было заключение (к счастью) моих страданий, теперь мне гораздо лучше, по крайней мере, я совершенно спокоен.

* Далее зачеркнута фраза: «вследствие чего последняя (нравственная сила) взяла верх и задушила первую (материальную)».

М. П. Мусоргский
Рисунок М. О. Микешина

PORTE-ENSEIGNE POLKA

PAR

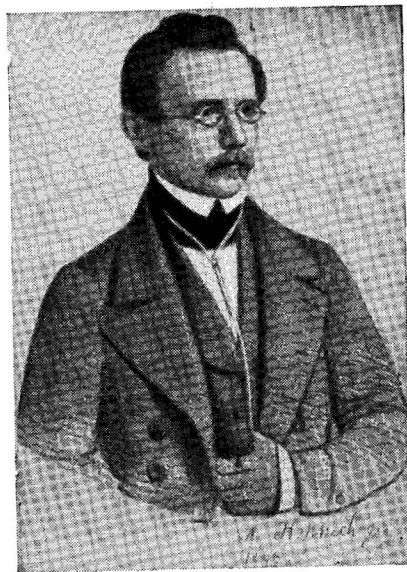
MODESTE MOUSSORSKY.

Vivo

INTRODUCTION

«Подпрапорщик-полька»

А. А. Герке

М. П. Мусоргский и Ф. П. Мусоргский

М. П. Мусоргский

Книжка сода

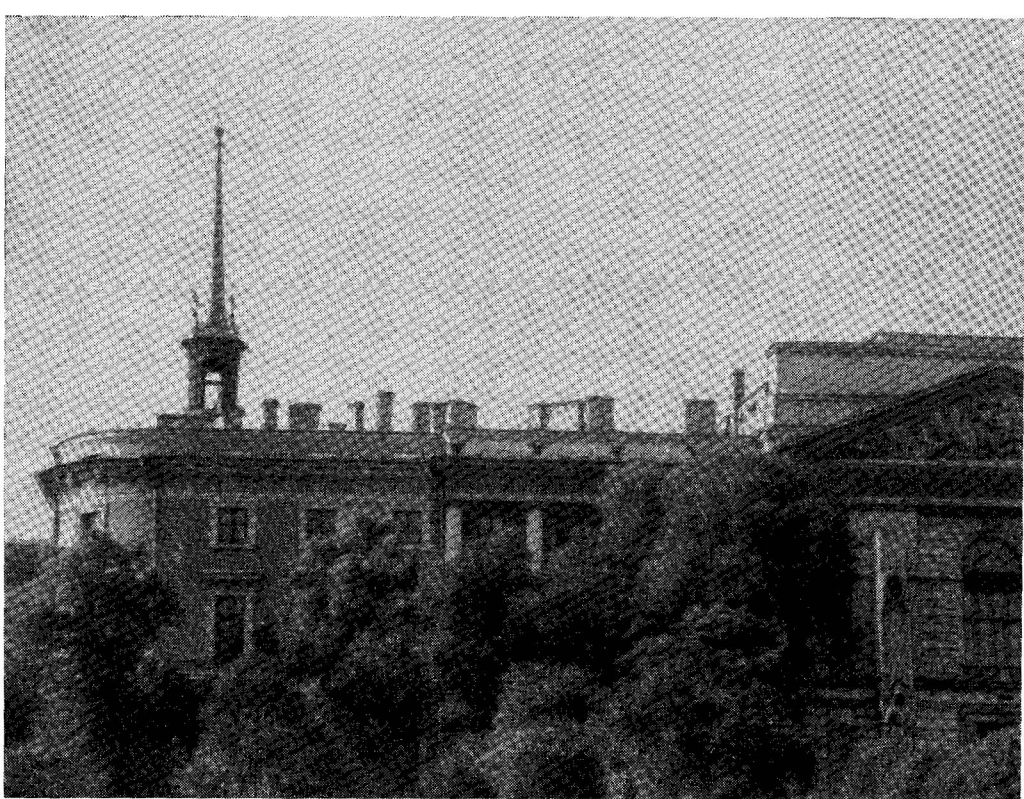

Сборник романсов (1857 года - 1862)

1. Виза на дельфина (романс) 109	11. Песня утренняя на Пиретический Мосты 27
2. Песня на (романс) 1	12. Песня на (романс) 29
3. Песня на (романс) 14	13. Песня (романс) 18
4. Песня на (романс) 5	14. Песня на (романс) 16
5. Песня на 7	15. Песня на (романс) 27
6. Песня на (романс) 12	16. Песня на (романс) 21
7. Песня на (романс) 18	17. Песня на (романс) 19
8. Песня на (романс) 19	18. Песня на (романс) 25
9. Песня на (романс) 22	
10. Песня на (романс) 23	

М. Моисеевич

M. Moussorgsky

Инженерный замок

М. А. Балакирев

Н. А. Римский-Корсаков

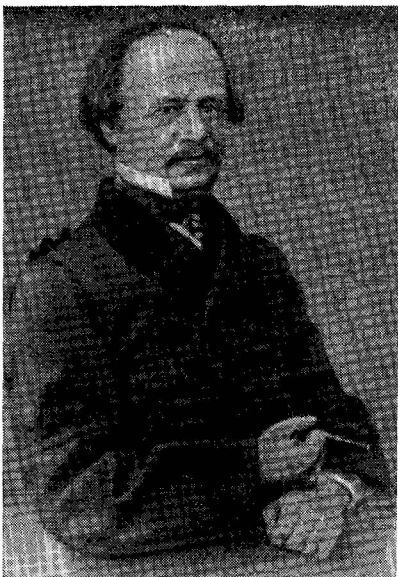

Ц. А. Кюи

А. П. Бородин

А. С. Даргомыжский

А. Н. Пургольд

Н. Н. Пургольд

Хотя причина моего послания к вам, Милий, совсем не желание высказаться, но, взяв перо, я вспомнил вас, мне стало приятно, и написанное здесь невольно вылилось.

Причина послания Васенька; мы условились в субботу блиновать у Васеньки, я хочу спросить вас, Милий, не много ли нас соберется, если нет и вы найдете, что можно блиновать, мы очень рады и отъядимся с Кито, который вместе с Маман вас целует. Тетушка и старушка Маркова и Лара Вам кланяются². Целую вас, Милий, от души, я ожил, кажется, от тяжелого сна.

Ваш *Модест*

Р. S. Скажите Софье Иванов[не], что ей кланяется пиковый туз. Жду ответа, Милий.

10-го февраля 1860 года.

22. М. А. БАЛАКИРЕВУ

Петербург, 14 февраля 1860 г.

БИБЛИОТЕКА
Архангельского
Музыкального училища
ИНВ. № 14681

Воскресенье, 14 февр.

Милий, завтра Кюи будет дома в 2 часа, поэтому, если можете, от Бекетихи заходите к нам и вместе махнем к Кюи; он мне написал презабавную записочку, которую я вам прочту¹. Кито вас целует.

Ваш *Модест*

23. М. А. БАЛАКИРЕВУ

Петербург, 26 сентября 1860 г.

26-е сентября
С.-Петербург.

Насилу-то собрался я написать вам, дорогой Милий. Я только что вернулся из деревни¹, узнал от Стасовых ваш адрес и спешу побеседовать с вами — так давно я с вами не видался. Вам, я полагаю, интересно будет знать, как я проводил время в подмосковной.

Почти до августа моя болезнь продолжалась, так что только урывками я мог отдаваться музыке, большею частью это время от мая до августа мозг был слаб и сильно раздражен. Однако я собрал некоторые материалы, необходимые впоследствии; «Эдип», сонатка двинулись. Соната почти готова, кое-что надо почистить в средней части, хвост удался². К «Эдишу» прибавилось 2 хора: Andante b-moll и к нему Allegro Es-dur, которые отправятся в интродукцию и теперь пишутся³. Еще я получил работу весьма интересную, которую надо приготовить к будущему лету.

Работа эта есть: полное действие на Лысой горе (из драмы Менгдена «Ведьма»), шабаш ведьм, отдельные эпизоды колдунов, марш торжественный всей этой дряни, финал — слава шабашу, который у Менгдена олицетворен в повелителе всего праздника на Лысой горе⁴. Либретто очень хорошее. Кой-какие материалы уже есть, может выйти вещь очень хорошая. Из мелких вещей написано: «Владыко дней моих», которая, на мой взгляд, вышла совсем удовлетворительно, и «Kinder-Scherzo», сильно понравившееся Гуссаковскому. Вот мои посильные труды.

Милий, вас должна порадовать перемена, происшедшая во мне и сильно, без сомнения, отразившаяся в музыке. Мозг мой окреп, повернулся к реальному, юношеский жар охладился, все уравнилось и в настоящее время о мистицизме ни полслова. Последняя мистическая вещь — это Andante b-moll (хор) из интродукции к «Эдипу». Я выздоровел, Милий, слава богу, совсем.

Впрочем, полно обо мне, увидимся, даст бог, о всем переговорим. Я слышал ~~маман~~, что вы собрали порядочное количество русских песен — это приятно⁵, Милий, Стасов говорил, что есть очень хорошие. Я надеюсь получить от вас весточку, Милий, я теперь в Питере, вы мой адрес знаете.

Гуссаковский производит очень хорошие вещи, он мне кое-что играл, теперь инструментует свое симфоническое аллегро⁶. Кстати, Милий, ему предлагают Захарьины жить с ними, он мне предложил этот вопрос и просил разрешения. Я, не совсем подробно зная образ мыслей и направление Ав[дотьи] Петр[овны], сказал ему одно: что я тут ничего ровно ему посоветовать не могу, хотя бы внутренне желал, чтобы ему было спокойнее и лучше жить. Он, кажется, писал к вам на этот счет, вы знаете хорошо Захарьиных, и вероятно, удовлетворили Гуссаковского более положительным ответом.

Пожалуйста, пишите, Милий, мне. Брат вас крепко целует. Маман посылает свой поклон и желает вам много, много хорошего.

Теперь я привожу все мои музыкальные грешки в порядок. Для меня настал новый период моей музыкальной жизни⁷. До свидания, дорогой Милий, крепко целую вас.

Модест

24. М. А. БАЛАКИРЕВУ

Петербург, 5 ноября 1860 г.

5-го ноября

Желал бы очень видеть вас, дорогой Милий, у себя в понедельник вечером. Если вы свободны, заходите пораньше; у нас будет добрая и вам приятная компания. Вчера у меня из головы вон «Kinder-Scherzo»;

Гуссаковский Вам передаст его. В воскресенье утром постараюсь быть у вас, но не знаю, как дела пойдут. Ждем вас в попельский непременно.

Модест

25. М. А. БАЛАКИРЕВУ

Петербург, 9 ноября 1860 г.

9-е ноября

Извещаю Вас, дорогой Милий, об одном весьма приятном для меня (и, вероятно, для вас тоже) обстоятельстве. Сегодня я был у Д. Стасова, — взять билеты для Шиловских. Он мне сказал насчет моего хора, что комиссия решила: если на репетиции я найду, что он может быть исполнен перед публикой, то они исполнят¹. Я по крайнему чувству сбережения своей личности сказал Стасову, что хор этот — *agitato* и короткий, что для того чтобы вышло это *agitato* эффектно, ~~его~~ должно подготовить *Andante*, хотя коротенькое, и потому я прошу его возвратить его мне. Уж не учить ли меня собралась эта безалаберная компания. Хор возвратится вспять, и я душевно рад, избегнув столкновений с Рубинштейном. Баста! Насчет Общества удовлетворен.

Брат вас целует, дорогой мой, а татам кланяется и просит сказать, что вам готовится варенье. Дайте мне ответ, Милий; я уверен, что вы оправдываете мой поступок. Целую вас крепко.

Модест

Р. С. Селивачевы от Вас в восторге; я у них вчера был, хорошо поговорили с студентами.

26. М. А. БАЛАКИРЕВУ

Петербург, 24 декабря 1860 г.

Спасибо вам, Милий, что вы меня освобождаете от необходимости писать новое Scherzo, т[е]м[б]о[лее], что я в настоящее время совсем не в шерцозном настроении, скорее способен на хорошее *Andante*. Ведением голосов займусь, начиная от 3-х гол[осов], и что-нибудь произведу путное, оно и к стати; для меня хороший стимул, когда я подумаю, что моя гармония имеет нечто общее с белибердой, этого не должно быть, и довольно. За Вашу увертюру не сердитесь очень, вспомните, что это первый опыт переложения¹, ибо 2-й Исп[анской] уверт[юры] нечего считать. У Стасовых увидимся.

Модест

27. М. А. БАЛАКИРЕВУ

Петербург, 27 декабря 1860 г.

27 декаб. 1860

Только что получил от Левашева письмо, дорогой Милий; он просит передать вам его адрес: в Моховой ул., д. Мейндорфа № 38, квартира № 2. Он только что переехал и просит навестить, пот[ому] что болен. Пишет, между прочим, что в конце января выходит в отставку, а в феврале уезжает в степи. Завтра, вероятно, увидимся, Милий, — наш вечер¹. Пока до свидания, пишу к вам, потому что боюсь забыть при свидании передать просьбу Левашева.

Ваш *Модест*

28. М. А. БАЛАКИРЕВУ

Петербург, конец декабря 1860 г., до 1 января 1861 г.

Желал бы очень повидаться с вами, дорогой Милий, но не могу, пот[ому] что «на дворе метель и вьюга», а меня кашель совсем разбил, так что началась первая к[исель], посижу дома.

Посылаю вам ваши партитуры, так ли в них инструментовка, как подобает? Посмотрите, мне нужно отметить инструменты в переложении. Бах здоров, если вы в воскресенье будете у Стасовых, то отвезите увертюру (партитуру), а антракты я сам отдам Баху. На все дайте великодушный ответ с формацией, явившейся от сообщения Даргуна с Русалкой, попросту Яшей.

В понедельник 2 января у Стасовых.

Модест

29. М. А. БАЛАКИРЕВУ

Москва, 13 января 1861 г.

Москва
13 января.

Принужден манкировать, дорогой Милий, — не услышу ваших вещей и Гуссаковского¹ — мороз страшный до 35 гр[адусов] доходит, я простудился и в путь пуститься не рискую, т[ем] б[олее] что я порядком стыл и

на 10 градусах, да еще 3 часа ждал на одном месте за недостатком паров в локомотиве.

И занят серьезным и хорошим делом — пишу Andante и Scherzo к D-dur симфонии², нанял рояль у Ланга и буду музицировать. Andante будет fis-moll, Scherzo H-dur уже пишется.

Был у Демидова, не застал дома, сегодня вечером он будет, вероятно, у меня. Вы, услышав исполнение антрактов, если найдете переложение приличным, отдайте черновые с увертюрой Кито; он мне перешлет в Иерихон.

Поцелуйте Гуссакевича и Мустафу³ и напишите, как пройдут антракты и Allegro Гуссак[овского]. Непременно напишите и подробно; затем, что в среду играть будете, пожалуйста, Милий.

Обрел я здесь фантазию Шумана, посвященную Листу, — швах, и что за fantastisch в начале⁴. Впрочем, ор. 17, стало быть время страсти к Мендельсону. Играю его сонату fis-moll (Шумана), интродукция не из особенных, лучшие части оба Allegro, особенно первое. Взял дурацкое переложение C-dur симфонии Шуберта в 2 руки — Reineske — авось Демидов не знает ее — сыграю ему. Что за коллекция портретов великих мастеров у Грессера⁵ — представьте себе Юрия Голицына с палкою в руке на взмахе оркестра, точно бить собирается, о Иерихон, и это на первом плане.

Клянитесь от меня Баху. В симфоническом московском трибунале не был еще, но, вероятно, пойду — пускают с петерб[ургским] билетом⁶. Ах, à propos*, на чугушке читал новый журнал «Век», там статья А. Рубинштейна⁷. Он говорит, что в России нет и не было музыкантов-художников, были и есть музыканты-любители; довод свой основывает на том, что настоящий художник работает для славы и денег, а не для чего иного прочего, притом скрепляет свой довод тем, что нельзя же назвать художником и признать талантом того, кто написал в жизни своей не более 3, 4-х вещей хороших. Каковы prerogative ограниченности Рубинштейна — слава и деньги и количество, а не качество, о Осéан, о лужа⁸.

* Кстати (фр.).

Я окружен здесь весьма приличными личностями, все бывшие студенты, малые живые и дельные. По вечерам все ставим на ноги — и историю, и администрацию, и химию, и искусства — все, и приятно беседовать с ними; но Иерихон; эти люди составляют в Москве как бы отдельный кружок, впрочем, хорошие люди везде в стороне, оно и лучше, как вспомнишь, что «блажен муж, иже не идет на совет нечестивых».

Напишите же, Милий, насчет исполнения ваших вещей, а я буду работать в Москве, на будущей неделе явлюсь в Питер.

До свидания, дорогой, целую вас.

Модест

Р. S. Адрес мой — близ Глазной больницы, в Дегтярном пер., д. Шиловского.

30. М. А. БАЛАКИРЕВУ

Москва, 16—17 января 1861 г.

16-го января
Москва

Еще не получал от вас ответа, Милий, впрочем, завтра надеюсь получить, [потому] [что] писал к вам от 13-го января. На чугунке в пятицу замерзла барыня — в Петербург явился труп ее; хорошо что я не поехал, чувствуя простуду и не имея шубы; морозы в Москве продолжают, не менее 24 гр[адусов] каждый день.

Скерцо готово, недостает только второго трио, которое сочиняется; scherzo большое, симфоническое и посвящено (как и вся симфония) товариществу среды нашего jour fixe *¹.

Был у меня Демидов; он очень симпатичный малый, ужасно горячий, я его познакомил с Гуссаковским, Кюи² и сыграл ему ваш 5-й антр[акт] из «Лира», при апотеозе он ахал, так ему понравилось. Играл C-dur симф[онию] Шуберта, у него почти были слезы на глазах. Он еще очень молод, но положительно оправдывает ваше мнение о нем, вообще говоря, я очень рад такому знакомству. Во вторник я у него (коли здоров), везу C-dur Шуб[ерта], он меня ужасно просил.

В муз[ыкальном] нем[ецком] министерстве³ здесь не был, [потому] [что] в субботу программа концерта была не из привлекательных⁴. Ник. Рубинштейн, достойный родственник Антона, заставляет московских доморощенных пианистов играть Шопена — pièces de salon ** — что за выбор — верх нелепости.

* Установленного дня (фр.).

** Салонные пьесы (фр.).

И думаю, Аполлон оперился немножко после исполнения своего произведения — это понятно, впрочем, п[отому] ч[то] есть необходимейшее условие для дальнейших занятий. Поцелуйте его — Гуссеке от меня, как я его целую, находя, что у него скверно под верхней губой — и ужасно его люблю.

Теперь у меня дело пошло, кажется, на лад, дай бог только сил — писать можно, я устаю порядком, не легко достается изложение композиции — впрочем, холодная вода помогает.

Узнал я в Иерихоне — Плющиху, Арбат, Софийку, что это за дисстанции, ужас! Львова — наместника Гемороя недолюбливают⁵, но тем дело и кончится, все будут не любить и все повиноваться и терпеть — такова уже русская порода.

Пожалуйста, Милий, пишите мне, коли есть время. Не сделали ли вы чего новенького, что ваша симфония *fis-moll* — она мне очень нравится, судя по тем эпизодикам, которые вы мне играли⁶; я часто вспоминаю ее — свежесть и какая-то симпатичность колорита в ней есть. Не писал ли чего-нибудь Цезарь — или его все артиллерия доезжает⁷. Напишите, Милий, хоть несколько слов, а то от вас ни слуху ни духу.

Крепко целую вас, дорогой мой.

Модест

P. S. Кажется, я вам написал адрес свой: близ Глазной больницы в Дегтярном пер., д. Шиловского.

17 января

Scherzo готово совсем и устроено в 4 руки опрятно и чисто, так что играть весьма удобно, лещу себя надеждой в одну из сред представить ее на суд наш. От вас все-таки нет известий — уж не злы ли вы на меня, что я не был в Питере в субботу университетскую⁸, во всяком случае могли бы написать — ну, ругните, да дайте все-таки известие о вас, а то, право, неловко чувствуешь себя, не получая ответа.

В пятницу надеюсь выехать. Дай бог, чтобы не было 35 гр[адусов], а то замерзнуть можно — вагоны примерзко устроены. До свидания, Милий.

Модест

P. S. От своих тоже нет известий, точно конклав против меня.

31. М. А. БАЛАКИРЕВУ

Москва, 19 января 1861 г.

19-го января

Наконец-то написали вы, Милий. Радуюсь за 4-й антр[акт] и за Гуссаковского¹. Лучше бы Рубинштейн не брался за «мрачную душу»² при своей ограниченности и скудности фантазии. Забавно ваше предпо-

ложение насчет письма, которое вы писали к Демидову, — отвечаю вам: «я отдал его демидовскому человеку для передачи Ал. Ал. вместе со своим письмом, которое заготовил на случай, если не застану дома».

Про Демидова я вам писал несколько во втором письме — теперь прибавлю — он хочет в Питер и, может быть, будет в оном в понедельник 23 янв[аря], но пока это одно предположение; в Москве ему мало средств слышать хорошую музыку, хорошие вещи попадают к нему изредка в концертах, он еще совсем не сформирован, еле тронут в муз[ыкальном] отношении, но задатки хороши, он довольно быстро схватывает ход музыкальной идеи в сочинении, оч[ень] часто сам указывает на ее видоизменения, развитие — проще говоря, чувствует хорошо музыкальную логику. В отношении эстетики он немного юн, но ведь эстетическое, сознательное чувство проявляется только при совершенном развитии музыканта. Пока он склонен к Мендельсону, к кислой сентиментальности, да это отвалится со временем; мы все любили Мендельсона; Шопена он уже не терпит. Его учитель Вольф — швах, я его видел, он олицетворенный парикмахер. Впрочем, Демидов заимствует у него только по части механизма, не доверяя ему в остальном. Если бы я знал, что больше недели проживу в Москве, я забрал бы с собой кой-какие вещи, незнакомые Демидову. В Москве достал только сонату Шумана (fis-moll), C-dur симф[онию] Шуберта, квартет F-dur Бетховена (русский), которые ему и играл.

Насчет моего скерцо скажу вам, что по выписанному, конечно, судить трудно, но вещь будет налицо, тогда и решение последует; 1-е трио я уничтожаю, напишу другое. О подчеркнутой Вами ограниченной атмосфере поговорим теперь.

Небольшая разница в фамилиях Асланович и Устимович дает контрасты в личностях. Насчет Аслановича Вы правы, но насчет Устимовича, впрочем, вы говорили только об Аслановиче. Скобки, в которых Вы меня задеваете, насчет моего влечения к ограниченным личностям требуют одного ответа: «скажи мне, кого любишь, я скажу, кто ты таков». Итак логично — я должен быть ограничен. Но Устимович сильно развитая личность, притом крайне образованная и талантливая. Щукарев, с которым я живу, умный, развитой и вместе с тем оригинальный человек; 2, 3 бывших студента — малые весьма симпатичные по мозговому отделу³. Как меня достает дышать атмосферой этих людей и обратно их — моей атмосферой — не постигаю, судя по Вашему, из опыта выведенному мнению о склонности моей к ограниченности (опыт потому, что мы 5 лет знаем друг друга). Произведение мое, без сомнения, встретит предубеждение с вашей стороны, это естественно потому, что вас мутит образ действий моей личности.

Насчет того, что я вязну и меня приходится вытаскивать, скажу одно — если талант есть — не увязну, если мозг возбужден — тем более, а если ни того, ни другого нет — так стоит ли вытаскивать из грязи какую-нибудь щепку. Говоря прямо, я раз было завяз, не музыкально. а нравственно — выполз, это, впрочем, вы узнаете после, как было

дело коли того коснется разговор: дело это по бабьей части⁴. Во всяком случае знаю одно, письмо ваше — побуждение досады ошибочной, потому что пора перестать видеть во мне ребенка, которого надо водить, чтобы он не упал.

Вот ответ на ваше письмо, Милий, — горячее, несдержанное, но спасибо за него, я боялся, что вы меня оставите без ответа. Скоро буду и Питере.

До свидания.

Модест

32. М. А. БАЛАКИРЕВУ

Петербург, 6 февраля 1861 г.

6-го февраля.

Вы, вероятно, вместе с нами порадуетесь, дорогой Милий. Левашев, по словам Барча, к масленой будет здоров, давай-то бог. В среду увидимся, устройте, дорогой, чтобы было побольше хорошей музыки. Кто вас целует, тамап очень, очень кланяется. До свидания.

Модест

33. М. А. БАЛАКИРЕВУ

Петербург, 24 марта 1861 г.

Дорогой Милий, Лядов окончательно берет вашего «Лира» в свой концерт, причем просил и моего «Эдипа»¹. Я с ним встретился у Шиловских, дело спешное, и потому мы с Лядовым хотим, по его просьбе, застать вас завтра часов в 12 или 4-м дома. Будьте, дорогой, дома; Stephan de Schillow намеревается почтить вас; итак, мы троим — Лядов, Шиловский и я прикатим к вам.

Весь Ваш *Модест*

Пятница

24 марта

Концерт Лядова очень интересен.

На обороте:

Дорогому Милию

от Модеста.

Спешное

34. М. А. БАЛАКИРЕВУ

Петербург, 1 мая 1861 г.

Понедельник
1-е мая.

Сильно виноват я перед вами, дорогой Милий. Спешу отвечать Вам потому — что ваше письмо меня напугало. Я в воскресенье не мог быть, с утра разные народы понаехали по нашему делу¹ и задержали. Завтра хочу застать вас в постели; что это вы все хвораете, дорогой? Я ужасно хочу вас видеть.

Модест

Мама и Китинька вас целуют.

35. М. А. БАЛАКИРЕВУ

Петербург, 3 мая 1861 г.

Среда — 3 мая.

Дорогой Милий, не могу быть у вас, потому что должен разъезжать до 11-го часа по нашему делу, надо его до отъезда порешить¹. На днях заберусь к вам.

Напишите слова два о вашем здоровье, каково оно после рожков.

Модест

36. М. А. БАЛАКИРЕВУ

Петербург, 14 октября 1861 г.

Суббота, 14-е окт.

Вчера я только что собрался ехать к вам, дорогой Милий, как явилась записка, по которой я должен был лететь к двум дельцам (касательно нашего дела). Пока брата нет, я за него должен разъезжать — очень досадно, что эта необходимость является иногда экстренно.

Модест

Р. С. Сегодня постараюсь попасть к Васеньке, но не знаю наверное.

1862 год

37. М. А. БАЛАКИРЕВУ

С. Волок, 11 марта 1862 г.

11 марта
Село Волок.Пишу *Andante*.

Я поместился прекрасно, пока здоров и в относительно хорошем настроении.

Веду жизнь порядочного человека — ложусь спать в 11 часов, встаю в 8 — и эта история на меня весьма приятно действует. Снег, ветер и мороз. Жду с нетерпением весны — начать лечение — пора взяться за ум, полно небо коптить, надо работать, надо дело делать, а делать его можно в нормальном настроении духа, в лихорадочном можно только трыстись, да фантазировать и тратить силы понапрасну [...].

Что-то Ваши дела по концертной части¹ и злоумышляет или нет Перарх Дубинштейн? Напишите. Кончил ли свое *Scherzo* Корсик и хорошо ли? (надо полагать, да!²). Тоже напишите — это все мне крайне интересно знать.

Когда меняешь обстановку и окружающую среду, — освежаешься: прошлое очищается, становится рельефнее и тогда смело разбирай прошитое. Попавши, вследствие отъезда в деревню, в такое положение — я вижу, что хотя от дела не бегал, но делал по российской лениности мало; к таланту своему особенного доверия не имею, хотя и не сомневаюсь в нем, а потому по силам работать хочу и буду, но приискиваю еще род занятий, где я был бы полезен. Кроме того, обретаю в себе уже уяснившееся нечто — вроде распущенности, изнеженности; то, что вы называли тестом, я теперь это вспомнил, оно немножко обидно, потому что тесто способно принимать впечатления как чистых, так и грязных пальцев. Намерен, впрочем, отделаться от изнеженности, она меня доезжает; я это теперь ясно чувствую, потому что хочется делать дело. Не примите мое письмо за *Andante*, судя по подчеркнутому заголовку, это можно предположить.

В Финале на второй теме запинка, не лезет шельмовка, да и только, авось весна вытолкнет³. Целуйте от меня всех наших лингвиста⁴ не забудьте. Мальвинину Алкивиаду поклон и рукожатие⁵. До будущего письма, коли это не скучное (если скучное, напишите — я приму меры), мне бы не хотелось, чтобы вы считали меня за скучного собеседника в переписке. Трижды целую вас, как и всегда. Пишите обстоятельно по делу народной школы⁶.

Модест

София Ивановна с мужем купно поклон; ведь она ярая католичка и верит, стало быть, что бог их соединил навсегда* неразрывно, так уж мне-то разрываться не приходится.

Адрес мой:

В Псковскую губернию, Холмский уезд через станцию Тяпологино в село Волок, Наталья Егоровна Кушелевой с передачей мне. Так будет удобнее, потому что я месяц пробуду здесь.

38. М. А. БАЛАКИРЕВУ

С. Волок, 31 марта 1862 г.

31 марта
С. Волок.

Только что устроился в деревушке, я писал к вам, Милий. Ответа не имею. Оставаясь в неведении Вашего молчания, пишу второе послание.

Andante готово. Финальное Allegro работается; полагаю, весной начнутся потуги, придется рож(д)ать. Пока формируется сонатка в D-dur. Scherzo h-moll уже начал писать. Из квартета Бетховена готовы Allegro (1е) и Scherzo (1-е), намерен к будущему нашему сезону приготовить весь квартет¹. Вот вам мои музыкал[ьные] занятия. Здоров и голова в порядке — работать удобно.

Пока дети моей хозяйки усиленно тыкают пальцами по клавиатуре, составляя всевозможные accords possibles et impossibles** (это называется брать урок музыки)***, я читаю очень интересную вещь; касательно природы вообще и человеческой в особенности. Книга эта носит название: *De la philosophie de la nature*² и приятна тем, что не пахнет философской замкнутостью, которая впускает в свой круг только знакомых с терминами и догмами разных философских школ. Книгу эту писал человек, излагающий свои мысли свободно, светло и с большим знанием дела.

Она имеет, кроме того, интерес исторический, постепенного развития человеческих познаний в природе. После первой революции книга была приговорена во Франции (смердящей тупостью католиков и деспотов-диктаторов и президентов) к аутодафе. О французы! о республиканцы! Как и водится, большая часть экземпляров спасена раньше исполнения дурацкого приговора.

Вследствие приближения весны и невозможности сообщений, я заперт в своем petit réduit****. Компанию веду с горячим прусса-

* Далее зачеркнуто слово: «нерушимо».

** Аккорды возможные и невозможные (фр.).

*** С им они моей музыке мешают (примеч. М. П. Мусоргского).

**** Маленьком убежище (фр.).

дом — воспитателем детей хозяйки; светлая и развитая голова, господин чрезвычайно энергичный и деятельный³. Он мне весьма полезен по своему спартанскому характеру; моя афинская изнеженность начинает, видимо, пропадать, [потому] ч[то] он меня таскает по сугробам по пояс в снегу, находя, что моя полудремота происходит от застоя крови и что моему организму необходимы постоянные толчки, дондеже не укрепитя. Эти promenades monstres* мне действительно помогают.

Пруссак мой порядочно играет на фортепиано и смекает в музыкальном деле. Он часто меня потчует фужками Баха (о Даргопет!), из них E-dur купно с прелюдом** мне особенно приятна — он по счастью ее хорошо исполняет.

Я часто сондирую своего сожителя и со многих сторон обретаю его — по воззрениям, симпатичным. Признаюсь, я стал было сомневаться в своих убеждениях насчет немцев в России и вообще немцев (кроме ученых и художников — разумеется; те особа статья). Как немец в России, он конечно исключение из пивного бюргерства с рижскими сигарами, от директоров департаментов начиная до Дубинштейна-Иерарха и помятого Карла включительно⁴.

По как немец? В день моего рождества (16 м[арта]⁵) выкатил самым ярым. Не успел я проснуться, как получил стихи с наколотым бутоном розы — весенней. Поэзия! Уподобления! Это деликатное внимание мне было очень приятно, но немец! совсем немец! Стихи не лишены некоторой силы — автор слишком умен, чтоб сравнивать меня с розой и потому вышло недурно.

Напишите мне обо всем интересном, касающемся Вас и наших. Кстати: что губа Корсика — все так же отвисла? Я чай уж его Scherzo готово⁶. Нет ли известий о Гуссакевиче. Крепко — трижды руссески целую вас, а вы учините лобзание всей нашей братии.

Лингвиста-Мустафу поцелуйте туда, где у него не так-то хорошо, — он уж знает место — покажет вам.

Что пресловутая сваха? Все еще на угольках Дубинштейна; держает или уже отложила попечение сватать вас⁷. Напишите.

Повторяю мой адрес: В Псковскую губ., гор. Холм, через станцию Тяполово, в село Волок, Наталье Егоровне Куселевой, с передачей мне.

До следующей болтовни.

Модест

* Чудовищные прогулки (фр.).

** Строй рояля понизился на полтона — фуга выходит в Es-dur; E-dur'a я не люблю (примеч. М. П. Мусоргского).

С. Волок, 28 апреля 1862 г.

28 апреля
С. Волок

Сильно порадовало меня ваше письмо. Милый; много извлек я из него приятного¹; к интересу письма присоединилось еще удовольствие удовлетворенного ожидания; я очень, очень ждал ответа от вас, и потому письмо доставило мне двойное удовольствие. Ликую за удавшиеся концерты и здравия желаю новорожденной школе!² Мне крайне по сердцу пришили два мальчика, которых вы указали³. Их головы, конечно, свободны от всяких нужных и ненужных вещей, которыми набиты дрессированные мозги студентов-медиков и фельдшеров. Из этого отнюдь не следует, что ученье — тьма, но все-таки естественное, свободное развитие натуры, в самом основании свежей, мне гораздо приятнее школьной или академической (*cela revient au même**) дрессировки. Эти мальчики легко и ясно примут впечатления. Ведь надо себе представить — чего, чего не натыкают профессора в молодую голову, и чего не переломает эта голова, прежде чем окажется способной выбросить ненужное и остаться при необходимом. Поневоле вспомнишь разговор Мефистофеля с маменькиным сынком⁴. С каким чертовским мастерством этот черт пугает бедного юношу-новичка разными анти[ди]лювиальными и новейшими доктринами — настоящий профессор! Только этот черт добросовестнее наших профессоров: он пугает, а они прельщают.

Все это я веду к одному. От школы научной иду к музыкальной. В Питере на весьма ничтожном расстоянии образовалось две школы, совершенные контрасты по характеру. Одна — профессория; другая — свободное общество роднящихся с искусством⁵. В одной Заремба с Тупинштейном в профессорских, антимузыкальных тогах конопатят головы учеников разными мерзостями и заранее заражают их. Бедные ученики видят перед собой не людей, а два неподвижные столба, с какими-то дурацкими каракулями в виде музыкальных правил. Но Тупинштейн туп — следовательно, добросовестно исполняет свой долг; злобно тупит. Заремба не таков; он лихой малый! Как раз скроит мерку для искусства. Возведенный в сан доктора музыки, — сапожник в схоластическом колпаке, не до того ребенок он, чтобы основывать свои воззрения и советы на эстетике и музыкальной логике, нет! Он научен правилам и прививает эту предохранительную оспу свободного учения всем чающим *выучиться* искусству. В прах перед Менделем! вот девиз Зарембы, а Мендель бог Зарембы, так как Заремба его пророк.

Насчет тетушки Алёны⁶ — не мафусаилов век она будет жить; это зло преходящее, а [...] с проседью, уже потому, что она [...], очень

* Это сводится к тому же (*фр.*).

шатка в своих обожаниях и ненависти; [...] шаловливая и влюбленная становится непостоянством.

В другой школе вы с Гашенькой. Но что тут говорить: вы талант, и, следовательно, все смелое, свободное, сильное вам присуще, а такие люди нужны людям; и потому, — успеха и благоденственного жития желаю вашему хорошему делу и еще раз ликую и новорожденную!

Весна! Природа сбросила мертвенную оболочку; как-то сильнее дивится, да и она такая любезная, так много дает хороших, здоровых впечатлений.

Занятия мои идут своим ходом. В Scherzo к симф[онии] D-dur, пишется трио. Из квартета Бетховена готовы: 2-е Scherzo и Cavatina, принимаюсь за Финал⁷. Andante Des-dur, оставляю последним. Своё Andante не посылаю. Это маленькая слабость, но пропустите ее.

Кюи воскрес! bravo!⁸ Это еще раз вы, Милый! Allez toujours, vous allez bien! * Бедный Мустафа сам себя посадил на цепь и томится⁹. Корсиньку поздравляю с освобождением из морской казармы¹⁰. Всем нашим чините сугубое лобзание и писните мне до отъезда на Кавказ. Крепко жму вашу руку! Добрый путь вам, Милый, авось что привезете музыкального¹¹. Счастливо!

Модест

P. S. Повторите мне адрес Мустафы; Кито уехал в Питер, и Константин, укладываясь в дорогу, зацепил ваше письмо; я на бобах, а писнуть Мустафе очень хочется. Да кстати напишите об мальчике, получена ли моя доля или нет, и дайте мне адрес Калинина.

40. М. А. БАЛАКИРЕВУ

Петербург, 22 октября 1862 г.

Милый,

Вчера я виделся с Селивачевым; он, кажется, собирается в Москву и потому не может продолжать пользоваться вашими уроками. У этих enfants-gâtés** семь пятниц на неделе; извещаю вас на тот случай, если бы вы нечаянно встретились с Селивачевым.

Если будете, ненароком, бродить в странах Знаменских¹, забредите к нам, мои очень хотят вас видеть. Кроме завтрашнего вечера, мы, надо полагать, дома.

Модест

P. S. Вход к нам с Знаменской ул., кв. № 9-й в первом этаже.

Понедельник 22-е окт.

* Продолжайте, вы на верном пути (фр.).

** Баловней (фр.).

1863_{год}

41. М. А. БАЛАКИРЕВУ

Петербург, 14 марта 1863 г.

Четверг, 14 марта

Милый, репетиция была ни то ни сё, потому что не все собрались; следующая назначена во вторник 19-го марта в 1 ч. ¹.

Ваш М. Мусоргский

42. М. А. БАЛАКИРЕВУ

Торонец, 10 июня 1863 г.

Торонец 10 июня

Здравствуйте, Милый.

Делюсь с Вами впечатлениями оперы Серова ¹. Все пять актов прилично улеглись во мне и получили должную оценку. Казалось бы, такую крупную вещь мало слышать два раза; трудно по первым впечатлениям судить о достоинстве оперы; а между тем Wagner's Kindchen * во всем своем пятиактном житии не представляет ни одного места, глубоко вас задевающего, ни одного сценического эпизода, над которым бы можно задуматься.

Притом либретто крайне плохо, декламация жалкая, не русская; одна инструментовка местами интересна, хотя подчас слишком компликована **. Во всяком случае «Юдифь» первая после «Русалки» серьезно трактованная опера на русской сцене. Всякое дело надо начинать сначала и потому:

У в е р т ю р а :

espèce de Vorspiel ***, безынтересная, сумбурная, но с намерениями, впрочем не выполненными — подозреваемыми намерениями. Мрачное largo (евреи), сбитое с толку внезапными дикими ударами трюмбонов (вероятно, Олоферн); за сим agitato, арфа (Юдифь) — дебелая Юдифь была немислима для Серова без арфы, хотя личность и идея Юдифи далеко не арфного свойства; agitato подгоняется к чему-то вроде темы заключительной — торжество евреев.

* Вагнеровская деточка (нем.)².

** Запутана (от фр. complication — запутанность).

*** Род (фр.) вступления (нем.).

1-й акт

вам известен; я замечу здесь важное упущение, сделанное Серовым. Фраза³:

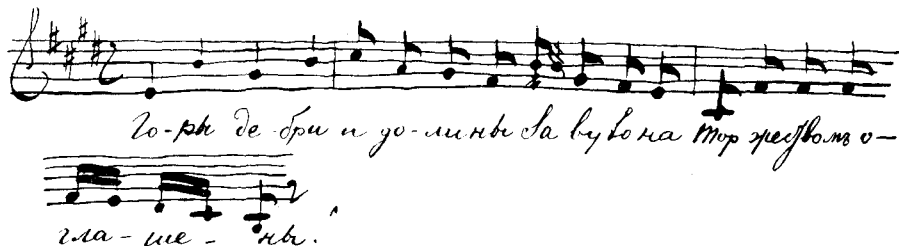

рисующая положение народа, лежащего в изнеможении на сцене, пропадает с начинающимся речитативом старост. Я бы ее продолжил, прибавил бы сочку, и на развитии, на ходах этой фразы, построил бы декламационную старост. Не надо забывать, что на сцене: молча в беспорядке лежат истомленные жаждой евреи, а Серов и думать о них забыл, — народ понадобился ему позже для какого-то пресловутого дрянного *fugato* *. Самый кончик первого акта прекрасен. Народ проклинающий, народ свирепеющий в *fugato*, теряет последнюю надежду, последнее сознание своих сил — бессильный он отдается одному чувству, — какой-нибудь сверхъестественной помощи; резкий переход к *pianissimo* (квинты в басах при этом как-то особенно, мистично звучат); это какая-то торжественная затишь, так и не заканчивающаяся, и это прекрасно; впечатление верное, хорошее — это лучшее место в опере. И, быть может, слишком пристрастен к этому лакомому кусочку, но, значит, хорош кусочек, если один из всей оперы вызвал мое увлечение.

2-й акт

Юдифь одна *Grand air et récitatif* **; творчества нет, декламация смешна, но настроение хорошее, инструментовка мила и поэтична: в том месте, где Юдифь говорит: «и к врагам я пойду, и алмаз и жемчуг на главу возложу» арфа как-то особенно приятно и красиво подщипывает. Входит Авра и поет по просьбе Юдифи военную песнь евреев; вот она:

Con fuoco

* Мысль заставить хор молчать верна, но Серов не совладал с нею. Идея народа пропадает в оркестре, а если бы он распорядился иначе — вышло бы ново и интересно (примеч. М. П. Мусоргского).

** Большая ария и речитатив (фр.).

Как видите: не ахти как хорошо. При последнем куплете Юдифь восторгается и поет вместе с Аврой, повторяя за нею слова песни. Вследствие этого складывается un duettino — естественно и умно. Приходят старосты: присно мрачные щипки басов в оркестре. Старосты благословляют Юдифь в ее благом намерении идти к врагам; без дозволения начальства Юдифь не хочет быть героиней. Авра наперекор начальству начинает бесноваться и умоляет Юдифь не ходить к Олоферну; duo agité* — весьма плохого свойства; занавес опускается. В двух актах, как видите, действия нет.

3-й акт

Антракт — марш Олоферна, обычный, но недурно инструментованный

и т. д., всего не упишешь.

За сим остаются одни тимпаны:

.На них ходит по

оркестру *pp* попеременно в духовых и струнных следующий зверь:

* Взмолнованный (возбужденный) дуэт (*фр.*)

с достоподобной гармонией — antique *. Вот составные фразы марша.

Я выписываю вам, сколько помню, музыку. Наглядным образом вы скорее увидите, чего стоит опера; голословны и трудны заочные суждения о вещи.

Акт начинается песней одалисок:

$\frac{3}{4}$ повторяется, потом опять $\frac{6}{4}$ в имитациях канонем; инструментовка мягкая с арфами.

Хор прерывается пляской одалисок:

потом опять хор, опять пляска, — словом, chœur dansé **. Олоферну наконец надоедают одалиски, он их выгоняет вон (le mal élevé ***), вскакивает и, изрядно пошвирипев насчет евреев, отправляется проветриться (под предлогом осмотра войск), с публикой Олоферн, видимо, деликатничает.

Между тем проходят верблюды, проезжают войска; вся Скрибо-Галеви-Мейерберовщина поднята балаганными усилиями Серова на ноги — марш Олоферна — в 2 оркестра. Пока Олоферн проветривается, вбегают партиями воины и гласят евнуху in coro scherzoso ****:

* Старинный (фр.).

** Танцевальный хор (фр.).

*** Дурно воспитанный (фр.).

**** В шутовском хоре (ит.).

Проветрившись, Олоферн располагается на троне для приема Юдифи. Все таким следующее до такой степени плохо и бездарно, что и распространяться не стоит.

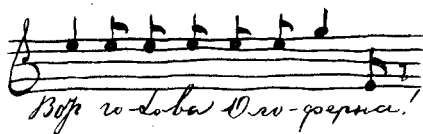
4-й акт

Оргия. Оркестр бурлит и суетится ужасно, а солдаты Олоферна стоят перед ним во фронте и ничего не говорят, только говорят: «пускай себе оркестр бурлит, нам-то какое дело!» Пирует Олоферн один... гадко, безжизненно, пусто! В те поры без песен не обходилось и потому: евнух, валяй индийскую! (Как неделикатен Серов, заставляя петь кастрата!) Евнух поет; (тему песни забыл) песня слишком компликована, мало простоты, естественности; видно, что евнух знает и контрапункт, и имитации, и всякую штуку. Олоферн злится на Вагоа-евнуха за то, что тот хорошо знает музыку и валяет уже без всякого контрапункта какую-то дикую ерундовую песнь. Олоферн пьян до чертиков, начинается галлюцинация. 3-й и 4-й акты показали всю недаровитость, всю бесстрастность Серова; какое широкое поле для музыканта пирующий сенсуалист-деспот, как интересно можно было бы обставить в оркестре сцену галлюцинаций. Ничего этого нет — одна пошлая французская мелодрама с вагнерскими завываниями скрипок. Сцена убийства Олоферна опять мелодрама, но оч[ень] эффектная.

Во время этой сцены в оркестре идут *réminiscences** арии 2-го акта: «и алмаз и жемчуг на главу возложу», дельно напоминающие Юдифи ее долг. Только в самом конце происходит уморительная вещь — в том уже не Серова вина. Вместо головы в мешке Авра тащит веник, точно обе они с Юдифью выходят из бани. Веник портит впечатление эффектной мелодрамы.

5-й акт

Темно на сцене — мрак — и в оркестре — до появления Юдифи с головой, плохо, оч[ень] плохо —

* Воспоминания, реминисценции (фр.).

а после того куплетный благодарственный хор, тоже незавидного свойства.

Вообще опера изобличает недостаток творческой фантазии автора; притом в ней много промахов, которые я назову музыкальными анахронизмами. Например: евреи (я часто слышал эти штучки) валяют без церемонии католические органнe секунды

в этом роде, тогда как об органе они понятия не имели. Известно, что долгое время уже в христианской музыке не только секунды, терции считались непозволительным диссонансом; но отбросив в сторону эти общезвестные музыкантам вопросы — не следовало уже потому напихивать в еврейский спиритуализм этих приторных секунд, что они носят на себе исключительную физиогномию хоральных, органнх партий в том виде, как они употреблены Серовым. Пора перестать обращать евреев в христианство или католицизировать их. Мендельсон в «Аталии» («Наталке»⁴) хватил католический хорал — на то он Мендельсон, на то он рутинер, а Серов, поклонник Zukunft's-Musik*, туда же заехал — зачем? Нет, уж если вольничать, так отрешись навсегда от этой гнилятины. Будто бы первосвященник без аккомпанемента тромбонов и петь не может? Будто спиритуалистический характер евреев должен выражаться готическими секундами католических церквей! Пора бросить эту плеснь! Сама Юдифь не верна в опере. Юдифь, по смыслу своего поступка, баба хоть куда, с размаха рубит голову Олоферна — к чему ж здесь арфы и нежная идеальная инструментовка? Я ни слова не скажу про Andantino арии 2-го акта «и жемчуг и алмаз на главу возложу, я у солища возьму золотые лучи!». Здесь она собирается пленять Олоферна — арфа и идеальность уместны. Но к чему это идеальничанье в увертюре и некоторых эпизодических сценах в опере; идея Юдифи не нежно-женственная, это идея героизма, силы, энергии! Wagner's Kindchen не в папеньку, не дорос! накла помешала!

А питерские выдохшиеся [евреи] Лешетицкий, Яков Рубинштейн и комп[ания], в восторге, купно с привилегированной немецко-инвалидной** командой⁵ — das ist eine schöne Musik! eine sehr schöne Musik!*** Серов триумфатор! Серов пришел, увидел, победил! veni, vidi, vici! и очень хорошо! Еще приобретение для публики.

Перед отъездом был у Цезаря на даче, ел раковый суп и мерз зело.

* Музыки будущего (нем.).

** Русско-инвалидная команда Дарго⁶, кажется, не в восторге (примеч. М. П. Мусоргского).

*** Это прекрасная музыка! великолепная музыка! (нем.).

Цезарь инструментовал арию Марии и очень мило, оч[ень] вкусно⁷. Аз, многогрешный, снуюсь по имениям, приходя постепенно к заключению, что доходами с оных жить нельзя и надо окончательно вступать на служебное поприще для прокормления и баловства моего нежного тела; что в Питере и сделаю, т. е. поступлю на службу. Плохи, оч[ень] плохи дела! К зиме инструментую свое Intermezzo и оставлю его отдельной пьесой⁸.

Вы, Милый, наслаждаетесь на Кавказе; много у вас хороших, свежих, здоровых впечатлений. Кончите ли вы русскую увертюру к зиме? Мне бы очень хотелось ее послушать; я, кажется, буду любить ее больше всех ваших сочинений; судя по тому, что уже знаю, она мне очень по нутру, и потом это первая не навеянная Германией вещь.

О себе писать нечего, а болтать пустяки не приходится; впечатлений нет, и какие могут быть впечатления в Псковской губ[ернии], которую в своем уезде я знаю напролет со всеми присноблаженными в нем помещиками. Одно только могу сказать: крестьяне гораздо способнее помещиков к порядку самоуправления — на сходках они ведут дело прямо к цели и по-своему дельно обсуждают свои интересы; а помещики на съездах бранятся, вламываются в амбицию, — цель же съезда и дело уходят в сторону. Это факт утешительный, потому: нашему козырю в масть. Больше ничего нет; то же, все то же и то же самое. До свидания, дорогой Милый, — авось к следующему письму и попадет что-либо интересное на зубок из моей торопецкой жизни или из жизни вообще, а пока до следующего. Крепко жму вашу руку.

Модест

Р. S. Матушка шлет Вам дружеский привет и завидует Вашему близкому соседству с Джальмами⁹.

43. Ц. А. К Ю И

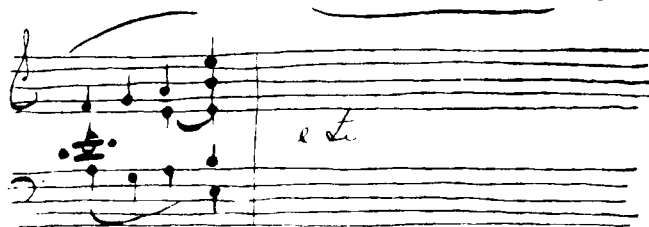
Торопец, 22 июня 1863 г.

Торопец, 22 июня

Здравствуйте, милый Цезарь, ...и скучно, и грустно, и досадно, и черт знает что такое!..¹ и нужно было управляющему напакостить в имении. Думал заняться порядочными вещами, а тут производи следствие, наводи справки, таскайся по разным полицейским и неполицейским управлениям. Куда как много впечатлений! Если бы еще, вдобавок к этому, не было матушки в Торопце, я бы совсем опалел от этой нелепой обстановки; только эта женщина и приковывает меня несколько; она ужасно рада, что я с нею вместе, а мне приятно доставлять ей эту радость. И что здесь или у нас за помещики! Что за плантаторы! Обрадовались заведенному в городе клубу и чуть ли не каждый день собираются туда пошуметь. Дело начинается с спичей, заявлений г[оспода]м дворянам и дохо-

дит всякий раз чуть не до драки, хоть полицию зови. У одного из главных крикунов постоянные стычки с посредником, посредник это его *bête de somme**; крикун разезжает по городу и собирает Христа ради подписочки для удаления посредника. Другой крикун скорбный разумом, за неимением достаточной силы убеждать, скрепляет свои доводы поднятыми вверх кулаками, которые рано или поздно попадут по назначению. И все это происходит в дворянском собрании и с этими господами встречаешься каждый день, каждый день они вас сазливо мучат утраченными правами, крайним разорением... вопль и стоны и скандал! Позволены дворянам собрания — они и собираются; позволено им ратовать о своих делах и делах земства — они и ратуют, да еще как, с кулаками и крепкими словами. Заставь дурака богу молиться, он и лоб разобьет! А туда же толкуют об утраченных правах. Есть, правда, порядочная молодежь — мальчишки, да я их почти никогда не вижу; молодежь эта посредничает и потому постоянно в разъездах. А я, многогрешный, вращаюсь в оной, вышеописанной ретирадной атмосфере. Ретирадная атмосфера редко затрагивает инстинкт изящного; думаешь только о том, как бы не провонять или [не] задохнуться (где тут думать о музыке!), а потому и стараешься реже заходить в ретирадный клуб; если уж зайдешь, так действительно по нужде. *Excusez de comparaison***.

На днях попались мне стишки Гете — коротенькие, я обрадовался... и на музыку²; одно место вышло недурно по фразе:

больше ничего

* Козел отпущения (буквально: вьючное животное) (фр.).

** Простите за сравнение (фр.).

не придется сочинять, голова моя находится, благодаря управляющему, в полицейском управлении, а заняться маленькими вещичками можно. Содержание слов Гете — Нищий, кажется из «Вильгельма Мейстера»; нищий мою музыку может петь без зазрения совести, — я так думаю. К зиме приготовлю, во всяком случае, Intermezzo, инструментовка будет интересна³.

Вы, милый Цезарь, я полагаю, кое-что уже сделали и за многое другое принимаетесь, напишите: как и что Вы произвели, меня Ваш труд сердечно интересует и известие о нем будет мне очень приятно и освежит меня. Пишите прямо ко мне в Торопец, c'est pas long!*

Кланяйтесь от меня Мальвине Рафаиловне, да кстати, что Вы все еще продолжаете пользоваться стужей на даче или после моего отъезда потеплело?

Дебелая Юдифь**, кажется, продолжает рубить (под арфу) голову Олоферна, — во славу Серова. Слушали ли Вы ее, напишите. Если увидите Баха, поклонитесь от меня и скажите ему, что его статья после выставки привела меня в совершенный восторг⁴.

Пожалуйста, пишите, Цезарь, ко мне, старайтесь высылать письма в среду или пятницу — в эти дни почта ходит в наши края, я со своей стороны буду извещать вас о себе, коли что интересное подвернется, я не скрою, ведь я болтлив. До свидания, крепко жму Вашу руку.

Модест

44. М. А. БАЛАКИРЕВУ

Петербург, 1863 г.

Очень жалею, Милый, что мой желудок не пускает меня к Вам сегодня. Отпиваюсь чаем с красным вином.

Был у Кюи и обедал у него***, несмотря на расстройство желудка, вследствие чего почувствовал себя по разухабистой дороге довольно скверно, а в настоящую минуту еще хуже, курить неприятно, а это первый признак дурного брюха.

Не принимайте мое царапанье за отговорку, поистине брюхо плохо, а когда оно плохо, то и голове нехорошо.

Крепко жму Вашу руку.

Модест Мусоргский

* Это не сложно (фр.).

** Бланки (примеч. В. В. Стасова).

*** Сначала было: «обедал у Кюи и сейчас от него».

1864₂₀₀

45. М. А. БАЛАКИРЕВУ

Петербург, 16 января 1864 г.

Милый,

Первое раздражение начинает разыгрываться во мне довольно настойчиво и заставляет обратить на себя мое внимание. Так как я, для избежания дурных последствий, намерен посидеть дома и отдохнуть несколько, то прошу Вас не рассчитывать на меня в «Ундине»¹.

Извещаю Вас об этом заранее, чтобы ведали, кому ведать надлежит, и еще для того, чтобы не вышло qui pro quo*.

Модест Мусоргский

Четверг, 16 января.

Р. S. Не можете ли доставить мне 2-ю песнь Баяна, я бы занялся ею на будущей неделе с казаком².

46. М. А. БАЛАКИРЕВУ

Петербург, до 6 февраля 1864 г.

Милый,

Так как в этот четверговый концерт нас угощают одним глубоко-морским аккордом Менделя¹ и игрой Пушилова и только, то недурно было бы устроить нам свидание, отправив концерт куда следует. От Вас зависит, как нам свидеться; если Вы в четверг свободны или Вы к нам, или я к Вам, как хотите, все равно, лишь бы провести этот вечерок вместе. Жду от Вас решения, которое Вы мне завтра и сообщите.

Крепко жму Вашу руку

Модест Мусоргский

* Недоразумение (лат.).

47. М. А. БАЛАКИРЕВУ

Петербург, до 20 февраля 1864 г.

Милый,

Программа четвергового концерта 20 февр[аля] следующая:

1. Симф[ония] (с-moll) Шпора.
2. Отрывок из «Лелио» Берлиоза.
3. Концерт Шумана — будет играть Клара.
4. Ария с хором из «Жизни» (за царя).
5. Увертюра (ор. 124) Бетховена.

Крепко жму Вашу руку

Модест

48. М. А. БАЛАКИРЕВУ

Петербург, 29 февраля 1864 г.?

Большое спасибо вам, дорогой Милый, за сигнатурки¹. Кавказская дама² уже купила инструмент по совету Беккера у некоего Фрей.

Крепко жму вашу руку, завтра думаю смотреть «Фауста» Gounod.

Модест Мусоргский

Посылаю Вам должок.

49. М. А. БАЛАКИРЕВУ

Петербург, конец марта (?) 1864 г.

Милый,

Не могу зайти к Вам, потому что в департаменте дело, с которым нужно поспешить¹.

Посылаю Вам 4 р. за два билета, как говорили вчера.

От Вашей штуки Леонид и Петенька в полном восторге, что и меня радует².

Крепко жму Вашу руку.

Модест

50. М. А. БАЛАКИРЕВУ

Петербург, между 2 и 6 апреля 1864 г.

Спасибо, Милий, за билеты. Известите посланную, в котором часу ренетция?

Крепко жму Вашу руку.

Модест

Р. S. Что Вы не зашли сегодня утром — аль некогда было? Отчо Даргуна тю-тю!

51. М. А. БАЛАКИРЕВУ

Петербург, 3 мая 1864 г.

3 мая воскр[есенье]

Милий,

Вчера я виделся с Даргомыжским и из этого свидания вышло следующее:

во 1-х, Л. Ф. Миллер вышла замуж за Энгельгардта, le dit — ami de compositeur*¹; сочетание формальным браком произошло у Симеона. Даргомыжский блаженствует²;

во 2-х, и это главная цель моего письма, Даргомыжский просил передать Вам, что в Лейпциге живет некий Брендель — немец, имеющий там влияние на** какой-то музыкальный кружок и очень желающий иметь русские произведения. Не согласны ли будете послать ему одно из Ваших сочинений?

Не зная дня Вашего отъезда³, я спешу известить Вас о предложении Даргомыжского и думаю, что Вы недурно сделаете, если сами зайдете к сему освобожденному от земных уз мужу. Это только в случае Вашего согласия показаться немцам; если же Вы не согласны (что я предчувствую), то напишите мне коротко «нет», это не затруднит Вас нисколько, а я с своей стороны буду считать долгом передать это «нет» Даргомыжскому.

Даргомыжский мечтал, что Вы можете оставить мне партитуру и партии той вещи, которую намерены будете послать, а так как Христианович будет в Петербурге перед отъездом за границу, то я бы и передал ему ваши вещи. Но эта мечта весьма неудобна для такого дела. Христианович, если он поедет летом, зайдет к Даргомыжскому, а не ко мне; я, вероятно, уеду навестить матушку, а если и не уеду, то, живя на даче⁴, мне будет крайне неудобно переталкиваться с

* Так называемого друга композитора (фр.).

** Далее зачеркнуто: «известный».

Даргомыжским (vu la distance*), и потому Вам, в случае Вашего согласия, необходимо побывать у Даргомыжского и передать ему лично Ваши вещи.

Притом я ужасно боюсь за одиночные экземпляры сочинений: чужое добро пуще глаза беречь нужно, а я не ручаюсь даже за то, чтобы сберечь свой собственный глаз.

Даргомыжский едет за границу в августе⁵. Христианович будет здесь — не знаю когда. С одной стороны, не совсем худо было бы познакомиться с Вашими сочинениями немцев, потому что, мне помнится, Вы хотели печатать «Лира» за границей. Немцев особенно интересуют народные мотивы, следовательно, если бы Вы послали Вашу «Картинку», ее бы авось можно было напечатать, а это было бы крайне хорошее и приятное дело. Впрочем, как знаете.

Вы мне доставили величайшее художественное наслаждение на вечере в честь Шекспира⁶. Такого полного, живого впечатления я не выносил (до тех пор) ни с одного вечера. Большое Вам за то спасибо; «La Reine Mab» Вы управляли превосходно; антракт** к 3-му действию «Лира» так чудесно подействовал на меня, что я его отношу к первостепенным симфоническим драмам по верности и полноте впечатления. Ну, всего не передашь.

Крепко жму Вашу руку.

Модест Мусоргский

1866₂₀₉

52. М. А. БАЛАКИРЕВУ

Петербург, 27 января 1866 г.

27 янв.

Милый Милый,

Сариотти чувствует непреодолимое влечение к Людмилину вечеру в воскресенье; если его можно удовлетворить в этом случае, то напишите мне два слова, — я Людмилиных порядков почти не знаю и с Людмилой слишком мало знаком, чтобы принять на себя представление Сариотти.

До воскресенья.

Ваш Модест Мусоргский

* Из-за расстояния (фр.).

** До того я их не слышал еще в исполнении (примеч. М. П. Мусоргского).

53. М. А. БАЛАКИРЕВУ

Петербург, 20 апреля 1866 г.

Среда
20 апр.

Дорогой Милий, известите меня, когда я могу застать Вас дома; давно не видались и потолковать с Вами хочется о всяких материях, да и показать Вам новую штучку (боевая песнь ливийцев), из моей «Салам-бо» — мужской хор на известную Вам тему с вариантом à la georgienne*¹.

Ведьм начал набрасывать — в чертах заколодило — поезд Сатаны меня не удовлетворяет еще².

В нетерпеливом ожидании свидеться с Вами крепко жмет Вам руку

Модест Мусоргский

54. М. А. БАЛАКИРЕВУ

Павловск, 14 августа 1866 г.

Павловск, 14-е авг.

Дорогой Милий.

Известите меня: будете ли Вы дома в одно из утр этой недели и в какое именно утро. По чугунке я могу прибыть к Вам с первым поездом около 10 ч[асов] утра. Я обязуюсь притащить партитуру моего ливийского хора и жажду потолковать с Вами о ведьмах. Если будет для Вас удобно, то мы можем вместе грянуть к Цезарю пожевать и провести послеобеденное время, в Европе avant-soirée именуемое.

Давно не видел Вас и свидание было бы мне крайне по сердцу. Крепко жму Вашу руку.

Модест Мусоргский

Адрес: В Павловск по Солдатской Слободке на даче Попова.

* На грузинский лад (фр.).

1867⁷₂₀₉

55. Л. И. ШЕСТАКОВОЙ

Петербург, 5 января 1867 г.

5 января 67 г.

Светик Савишна¹ покорнейше просит многоуважаемую Людмилу Ивановну уведомить ее по месту жительства, может ли она, Савишна, в воскресенье пожаловать к ней и в какое время, ибо Савишна, кроме желанья видеть Людмилу Ивановну и принести ей свою повинную голову, намерена принести «Калистрата» и «Днепра» — вновь испеченную штуку. У Савишны был это время грипп, и она очень кашляла и носом неприличествовала, а потому и не являлась.

Преданная Савишѣна *

56. М. А. БАЛАКИРЕВУ

Петербург, 8 января 1867 г.

Петербург, Гагаринская улица, дом графа Олсуфьева, комната-го-стиная, за столом перед диваном мы все, нижеподписавшиеся, сию минуту радовались, получа Ваше письмо, Милий Алексеевич, от 3-го января.

Людмила Шестакова

Всем синклитом решили писать к Вам, все поголовно, и вот я, раба божья, Мальвина Кюи, представляюсь Вам вторая по старшинству, желая Вам всего лучшего, а в особенности здоровья и успеха в предпринятии и скорого Вашего приезда в наш кружок.

М. Кюи

Наступила моя очередь, Милий Алексеевич, писать Вам, но я, право, не знаю, что. Могу только пожелать Вам в новом годе здоровья и всевозможных успехов.

А. Никольская

* Почвенная орфография Савишны (примеч. М. П. Мусоргского).

И папусерднейшим образом,
«Напрягши ум, наморщивши чело», усиливался родить какой-нибудь
каламбур, способный Вас развеселить, но увы! в настоящую минуту я
ниже Ренетизова, и мое остроумие в настоящую минуту,

Comme le chien de Jean de Ninelle
Qui s'enfuit quand on l'appelle*.

Довольствуйтесь этим жалким продуктом моего пера, подходящим,
однако, вероятно, к шорной, Вами слушаемой музыке и сметанной ди-
рижировке.

Ваш Ц. Кюи

Вашему Русланско-Людмилъскому Величеству
Титулярного советника всех наук и некоторых других магистра,
Владимира Васильева сына, Николького, Пахомыча тож
всеподданнейшее прошение,

и о чем, тому следуют пункты.

Пункт первый, он же второй, он же и последний.

Всеподданнейше прошу В[аше] В[ысокоблагородие] не забывать,
что в разных пунктах богоспасаемого столичного града Св. Петра еже-
дневно бывает Вас вспоминаящий и всяких успехов Вам желающий

Титулярный Советник и прочее,
как выше писано.

От светика Савишны к тебе, голубчик мой, сокол ясенький, шлетсЯ
сердечный привет. Радуюсь я очинно, что бѣлестъ твоя, родный ты мой,
и злой недуг тебя покинули, и сляешь ты и греешься, как солнышко
красное. А обида горькая мне, что Шорник обожрался Сметаной, озорник
он отакый, и нашу родную музыку портит¹. Прими, бѣлезный, крепкое
мое целованьице и не помяни лихом.

Савишъна

Желаю сообщить вам приятную для вас вещь, а именно: меня чуть-
чуть не уpekли в Кронштадт на постоянное житье, но я успел отбоя-
риться и теперь несомненно, что я остаюсь надолго в Питере. Владимир
Васильевич по случаю предполагавшегося моего переселения в Крон-
штадт написал стихотворение под названием «Семислезная элегия». За-
тем сообщил, что придумал тему Анданте (D-dur) для симфонии и, ка-
зись, недурно; вероятно, и это вам будет приятно, далее желаю вам
успеха!

Н. Римский-Корсаков

* Как собака Жана де Нинель,
Которая удирает, когда ее зовут (фр.).

Петербург, 23 января 1867 г.

Питер-Кашин мост
23 января 67 годаДорогой Милий-Чешский, *pane professore* тож.

16 января Вы почтили меня приятным пробуждением — я получил Ваше милое послание¹ и хохотал над консерваторскими каплунами-воспитанниками в Чехии и над генерал-каплуном Тупинштейном по поводу заподозренной Вами им макулатности сего досточтимого каплуна. Такая гениальная мысль оставляет важный пробел в приснокафолических фантазиях неугомонного Пия IX — *pontifex maximus!** Знаете что, Милий? Я смею думать, что если бы по несчастию (боже избави Вас от этого!) Вам пришлось беседовать с самым августейшим и зловоннейшим Пием IX о таинственных иллюзиях *quasi*** православной интеллигенции, то Вы, как русак, не замедлили бы посоветовать блаженному (читай блажнему) Пию, возводя патера Друклина² (в иноцех) в сан святого, возбудить трактат о его immacулатности; нужды нет, что Друклин грамматически принадлежит к существам мужеского пола — ибо католики, признающие непогрешимость папы с его зловонием должны быть, по всей вероятности, субъектами бесполоыми.

Три факта совершились за ваше отсутствие: 1. Имеет распуститься витерская консерватория³; генерал от музыки Тупинштейн поссорился с консерваторской кликой и намерен выходить в отставку, бедные профессора руки опустили и теперь их можно видеть на улицах в вретичах, с покаянными грошевыми сигарами (вместо свечей) в зубах (руках) и главы посыпаны пеплом (от этих же сигар) — сердце сжимается, когда встречаешь их. — 2. Видение *in spe**** святого Друклина — бегства русских и восстановления отчины в ту минуту как раз, когда в бывшем царстве Польском служили молебны во вновь устраиваемых русских губернских правлениях. Пий IX принял предсмертную галлюцинацию Друклина за откровение и велел произвести его в святые. Забавное откровение: победа польской *sprawę* совпадает с уничтожением самого мифа о крулевстве польском. Наконец-то мы делаем землю, споенную русской кровью и пропитанную русскими слезами ополеченных крестьян, нашу землю — ликовать должны те деятели, которые втихомолку, не спрося совета нигилистов, кропали русское, народное дело. Польза от этого та, что бранная ляхская поговорка «москаль пршешкошл и креновь источник» обратится в аксиому для пánьской справы. — 3. Я не сдержал обещания и не написал ничего инструментального и по следующей причине. У моей невестушки сильное мозговое раздражение и мало-

* Великий жрец (лат.).

** Якобы (лат.).

*** В надежде (лат.).

маленький сильный звук отдает ей в голову — понятно! Но понятно и то, что я не могу играть; Боткин лечит невестку и примочка его очень ей помогает, но не настолько, чтобы я мог играть⁴.

Переходя к очередным занятиям, скажу, что у Людмилы Ивановны был, где читал Ваши послания, и откуда мы послали Вам со-покупленное у нее за столом⁵. Всю эту неделю торчал дома по причине тяжких морозов, инструментовки моего хора à la magyar* и нервной лихорадки с злодейским кашлем. Морозы доходили до 26 [градусов] с ветром. Инструментовка хора дошла до конца и переписывается начисто в партитуре, нервная лихорадка проходит, но кашель мучит ужасно.

По последним двум обстоятельствам не гневайтесь, Милий, что не тотчас отвечал на Ваше письмо, мозги дурачились самым непростительным образом, а в таком состоянии я избегаю писаний. А что паны польские мешают постановке русских опер в Чехии и желают, чтобы мягкозвучные чехи объедались сметаной и шорничали, так этому так быть надлежало, а все-таки наши оперы — надежда на бога — пойдут и под Вашим руководством. Желаю Вам от души из Сметаны сделать сыворотку, а Шорника обратить в сапожника — по родству материалов это возможно⁶. Вам, Милий, энергии не занимать, и не мне, баловню, Вам советовать, а все-таки Вы выше и полнее чехов (*pas de calembour là dessus***), хотя бы чехи с ног до головы обмазались сметаной и провоняли шорниковым материалом; с питерской зазубой — публикой справились, так с чехами справитесь и подавно — я твердо уповаю и верую.

Думаю, что это время Вы очень заняты, Милий, и не успеете черкнуть мне о Ваших трудах, но если улучится удобная минутка, черкните и именно насчет Ваших действий — рад буду.

Теперь, избегая столь свойственных моим сочинениям длиннот, избегая их потому, что они уже есть в этом письме (еще удлиненная формула), я заканчиваю мое царапанье и крепко целую Вас.

Ваш *Модест Мусоргский*

Р. S. Завтра я у Людмилы Ивановны, а послезавтра у Цезаря Кюи — это мой выезд после хворости. А что (пришло мне в голову), если бы Шорник стал смазывать свои произведения сметаной, он бы испортил их, а если бы сметана клала в себя шорников материал — она провоняла бы кожей — кажется, несомненно, а на деле выходит наоборот, и до того наоборот, что имей хотя собачье чутье, не распознаешь, где начинается Сметана и где кончился Шорник — изумительно, до каких невероятностей может довести человечество музыка!

Вы просите писать чаще — послезавтра pošлю еще письмо⁷.

* В венгерском роде (*фр.*).

** Без игры слов в данном случае (*фр.*).

Петербург, 26 января 1867 г.

Питер-Кашин мост
26 янв. 67 г.

Здравствуйте, дорогой Милий,

Это послание начну с двух прелестных фактов: 1. Даргунчик опрохвостился в Москве с постановкой «Торжества Вакха» и опрохвостился жестоко. В «Современной летописи» и в «Голосе» появились одновременно печальные отзывы о скучном «торжестве» Даргуна. В первой: Даргуна упрашивают не надоедать публике своими старыми и негодными вещами и еще спрашивают: танцевали ли античные греки под французский галоп и пели ли французские польки? В «Голосе» же фельетонист надрывается от смеха над восемью музами, играющими на сцене на кларнетах, причем девятая муза ими дирижирует; что за Даргун! Что за безобразный Даргун! Всех девять муз переродить в кларнетистов¹.

2-й факт... но позвольте, дорогой Милий, отереть невольно выступающие слезы и несколько прийти в себя от трепета сердечного и скрежета зубовного... О, алеманы! * о, непреложно мерзкие алеманы! Скорблю по мерзостям вашим и слезы лью: «вскую есте (прохвосты вы эти-кие) промотались, вскую лепты народа русского-бестолкового разграбили!» Теперь пришел в себя и продолжаю. Во вчерашнем номере «Голоса» появилась статья Ростислава о консерватории — изумительная статья². Начало ее — «медвежья услуга» консерватории³; середина — «славословие великое» оной же консерватории; заключение — «нищенское выпрашивание у общества» (не русского музыкального, а всероссийского — слова Ростислава) поддержки [евреям]-алеманам, тряхнувшим кисой через меру. Дело в том, что Фифила Толстой, доказывая, что бюджет консерватории доходил в этом году только до 25 тысяч, слезно уверяет, что алеманы издержали за 45 т[ысяч], и издержали потому, что их никто не поддержал значительными денежными взносами. Что за дурак! До изумительной паскудности доходит Фифила (желая оправдать грабеж) в этих строках: Директору (Тупинштейну) «всецело преданному» музыкальному делу — (заплачено) *только всего* 3500 р. Знайте, дескать, всероссийское общество, что хотя, по моему мнению, и много дают директору, но ведь он всецело предан делу; знайте еще, что и все расходы консерватории шли таким же путем: каждому алеману платили *всего только*, ибо он необходим и всецело предан делу; каждому служителю необходимому уплата производилась также всего только — и служитель был всецело предан музыкальному делу. Относительно прислуги я думаю, что Фифила прав; прислуга, вероятно, буквально получала всего только. Tu l'as voulu, Georges Dandin — tu l'as! **⁴. Алеманы

* Немцы (от французского allemand).

** Ты этого хотел, Жорж Данден, ты это получил (фр.).

хотели нажиться насчет русского кармана и притупить мало-мальски способные головы — нажились и притупили — только надолго ли? Фифила вост в своей перемиаде, что дефицит в 20 тысяч в один год — дамoclлов меч, висающий над консерваторией; милый Фифила, кабы твоими устами да мед пить, кабы меч этот перестал висеть в абсолютном значении слова. Тем не менее алеманы-[евреи] отрядили почтенного музыкального критика в качестве печального герольда кликнуть клич по всей земле русской о поддержке 4½ [евреев], обжирющихся на счет русских денег в питерской консерватории. Свиньи забрали свинью и вышло свинство; лучшей помощью для них было бы передрасться (Венявский ушел, Рубинштейн уходит) и разойтись, и черт их подери с деньгами, а служителям всецело преданным всего только их след метлой замести. Heraus, meine Herrn! Und mit grossem Skandal, aber nicht ohne Geld*.

Решение скорое, правосудное и человеческое!

Цезарь в настоящее время приготовляет *coup de grâce*** консерватории, я посылаю ему по этому случаю статью Ростислава, может, она ему и пригодна будет для справок⁵.

Из писем Ваших, дорогой Милый, к Людмиле Ивановне я убедился, что против Вашей деятельности в Чехии интригуют, и представил себе Вам положение; но из писем к Цезарю я убедился в том, что если Вам не особенно хорошо теперь, то было черт знает как гадко. Признаюсь, когда Вы уехали в Чехию, я думал и знал, что приветливые вызовы, неоднократно посланные Вам, принадлежат меньшинству отборных людей, — так должно было быть, так и оказалось, но я заблуждался в степени влияния этих людей на чешский люд⁶. Оказывается, что из всех двуногих чешских скотов едва тройку можно подобрать таких, которые имеют право принадлежать к человеческой породе. И как на зло к Вашему приезде в Прагу, пршепшетался туда пан Монюшко с своими католическими операми⁷.

Это совокупление польской клики с алемано-консерваторской тушностью представляет для меня плод равный рвотному камню. Как бы я был рад, если бы после Вашего управления «Жизнью за царя» и «Русланом», оперы эти (по крайней мере, первая из них) произвели впечатление на публику и все эти Сметаны, Шорники, Прохвостки или Прохаськи и Гнилушки подавились бы своими собственными средствами — черт бы их драл! Впрочем, все это хорошо только говорить, пожалуй и писать, а дела тут все-таки нет. Архимед придумывал рычаг такой системы, чтобы можно было повернуть земную ось, и был убит римским солдатом, но если б Архимеду предложили повернуть на надлежащий путь чешские мозги, то он бы лопнул с досады и не был бы убит римским солдатом. Неужели нашей музыке определено замкнуться границами: к западу морской линией Балтийского моря, Прус-

* Убирайтесь вон, господа! И с превеликим скандалом, но не без денег (нем.).

** Смертельный удар (фр.).

сией, Галицией и т. д., к югу Черн[ым] морем и т. д., к востоку, северу, словом, по географии. Неужели даже когда-то в одноплеменных нам землях наша народная музыка непрививаема? Заметьте, что во всей Европе относительно музыки царят и заправляют всем два начала: мода и рабство. У англичан выписываются певцы и исполняются вещи, подчас и те и другие отчаянные — там на первом плане мода. У французов — впрочем, у французов канкан и débarrassez nous de m-r Berlioz! * Испанцев и итальянцев с турками и греками в сторону. У немцев — наилучший и убедительнейший пример рабства музыкального; обожание консерватории и рутины, — пиво и вонючие сигары, музыка и пиво, вонючие сигары и музыка ins Grün **. Немец способен написать целый трактат о том, что Бетховен такую-то черненькую написал хвостом книзу, а не вверх, как это бы следовало по правилам; немец — раб признанного им гения, никак не может себе представить, что Бетховен за скорописью мог ошибиться и не обратить внимания на пустяк. Эта тупая и отпетая сторона пивного брюха mit Milch und süsse Suppe*** отвратительна в истых, коренных немцах, но еще поганее в рабах рабов — чехах, не желающих иметь своей физиономии⁸.

Всю эту канитель я наплел, дорогой мой Милый, потому собственно, что ярость меня взяла за Ваше положение между этими скотами, что задор меня берет обрезать немцу, итальянцу — [еврею] (все равно) у нас на Руси путь к облапошиванию добродушных русаков. Вернее характеризовать чехов, как это сделали Вы, невозможно, хотя Ваша характеристика и идет от музыкального воззрения на них. Но в том-то и дело, что заставьте меня петь (не в шутку) лидеры Менделя⁹, я из мягкого и ложенного превращусь в грубияна и человека без всякого лоска. Заставьте русского мужика полюбить какие-нибудь Volkslieder'ы**** протухлого немца — он не полюбит их. Предложите (не заставляйте — заставить можно немецкого чеха австрийского плевка съест — и съест), предложите чеху усладить свою душу немецкой тухлятиной — он усладит и скажет громко, что он славянин. Так понял я чехов из Ваших отзывов¹⁰, и эта мертвечина туда же задорится славянские вещи слушать! славянской музыки требовать! Вот почему Ваша музыкальная характеристика Чехляндии¹¹ верна и не в музыкальном отношении. Народ или общество, не чующее тех звуков, которые, как воспоминание о родной матери, о ближайшем друге, должны заставить дрожать все живые струны человека, пробудить его от тяжелого сна, сознать свою особенность и гнет, лежащий на нем и постепенно убивающий эту особенность, — такое общество, такой народ — мертвец, а отборные люди этого народа — доктора, заставляющие посредством насильственного электрогальванического тока дрыгать члены этого мертвеца-народа, пока он не перешел в химическое разложение трупа. [Еврей] подска-

* Избавьте нас от г-на Берлиоза (фр.).

** На лоне природы (нем.).

*** С молоком и сладким супом (нем.).

**** Народные песни (нем.).

живают от своих родных, переходивших из рода в род, песней, глаза их разгораются честным, не денежным огнем, и паскудные их рожи исправляются, очеловечиваются — я сам тому был не один раз свидетелем. [Еврей] лучше чехов — наши белостоцкие, луцкие и невелицкие [еврей], живущие в грязи и смрадных лачужках. Могут сказать, что славянский звук не дошел до славянской души, потому что Сметана и просто-таки слышал этот звук? Неправда! не мог он настолько искалечить всю оперу, чтобы не нашлось в ней живого места, которое бы заставило встрепенуться живого человека. Мертвецы сидели в театре, мертвец управлял оркестром мертвых, и Вы, дорогой мой, попали на пражскую забаву *des revenants**. Живой меж мертвых! Делю Ваше мрачное положение, дорогой Милий, и гордиться буду, милый мой, если Вы их — этих мертвецов — хотя на час оживите. Давай Вам бог, еще раз и еще раз давай Вам бог! Крепко, крепко целую Вас, милый, — до следующего в скором времени послания.

Ваш *Модест*

59. Л. И. ШЕСТАКОВОЙ

Петербург, до 16 апреля 1867 г.

Благодетельница ты наша,

Людмила Ивановна —

по мужу Шестакова.

Очень возгорелась я в лихие морозы упрямить тебя, сердечная: дозвожь ты мне показать себя у дому твоём в понедельник божий день, что и день-то опосля светла Христова воскресения. Не неволь себя, родная, прям почестным, брагой хмельною, а дозвожь с тобой в он день хлеба-соли поделить да чарочку винца откушать, да речью твоей ласковой сердцем болезным побаловаться. А и то скажу, родная, уж и как я хочу повидать тебя, а и быть нам на свиданье, а всего-то в четверу: ты да я, да сестричка Володимира Васильевича, батюшки Никольского, да он ейный брат.

И поведем беседу добрую, по сердцу, да по разуму — только слышь, родная, — чур! не неволиться. А коль удостоишь ты меня, Савишну, откликном по сердцу, так пошли оповесть по месту маво жительства, хошь через Пахомыча тваво верного — уже и как обрадуюсь.

Так-то вот, родная, — надоть бы свидеться — да не в охоту мне невзначай придти; больно уж видно полюбила тебя, да и то сказать — ты ведь и добрая и разумная — так чего ж еще? Да разве что посланьице мое горькое на клоче каком писано, ну да, не взыщи, родная, на про-

* Выходцев с того света (*фр.*).

кат-от взяла у лавошника* — деверем мне он приходится — этот самый клок, то бишь, — лавошник*, а потому напрокат, что в кисе-то слышь государевой денег от не нюхнешь поди, бают так люди, — знают ведь — да и как не знать. Так и так, да не так, а уж жду-то я отповесточки от тебя как есть, моя милушка, моя родная.

Савишъна, а сказывали мне, что какой-то дурень меня в Ивановны окрестить изволил по-пскопски, да и музыку туды ж дурацкую скропал — вот поди ж ты — на весь мир опозорил и без ведома; так-то вот!¹

Плюнь, родная, на этого самого сочинителя — все же я Савишна, как есть в чистоте.

60. Н. А. РИМСКОМУ-КОРСАКОВУ

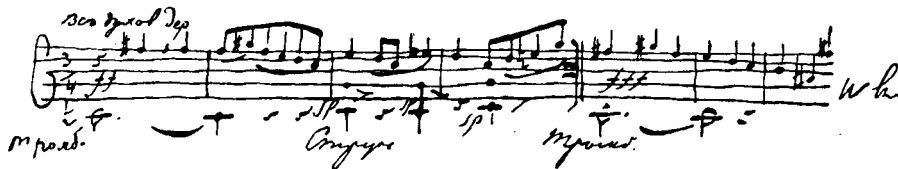
Минкино, 5 июля 1867 г.

Мыза Минкино, 5 июля 67

Дорогой мой и милый Корсинька, 23 июня в канун Иванова дня написана с божиею помощью «Иванова ночь на Лысой горе», музыкальная картина с следующим содержанием: 1. Сбор ведьм, их толки и сплетни, 2. Поезд Сатаны, 3. Поганая слава Сатане и 4. Шабаш. Партитура писана прямо набело без черновых, начало сделано в десятих числах июня, а 23-го радость и ликование¹. Сочинение посвящено Милию по собственному его требованию и, нечего говорить, с моей личной радостью². Вы должны себе представить, милый, мое положение, с одной чистой партитурой без всяких набросков и тот страх, который я испытывал, препровождая партитуру в переплет.

В моей картине Ваши любимые места вышли в оркестре очень удачно. Кроме того, в общем ходе сочинения сделано много нового в поганой славе, например, есть кусочек, за который меня Цезарь отправит в консерваторию.

Вот он:

* В слове «лавошник» буква ш подчеркнута тремя чертами.

II-moll — это ведьмы величают Сатану — как видите, наголо — варварски и паскудно. В шабаше довольно оригинальна перекличка на тре-

ли струнных и флейточки в В следующим гармоническим спором:

и прямо к трели В, кусочек этот повторяется. Забавно g-moll дающий на В-dur чередуется с Ges-dur дающим на b-moll и все это прерывается ударами полных аккордов fis-moll; за это меня бы выгнали из Консерватории, в которую меня упрячет Цезарь за ведьмовскую славу. План и форма сочинения довольно самобытны. Вступление в две серии (сбор ведьм); затем тема d-moll с малым развитием (сплетни) связана с поездом Сатаны в В-dur (я ловко избежал маршеобразной гунгарии³), тема поезда без развития с ответом в es-moll (забудыжный характер в es-moll презабавен) заканчивается химической гаммой⁴ полным ходом in motto contrario* на D-dur. Засим h-moll (Слава) по-русски с разработкой вариациями и полудерковным quasi trio, переход к шабашу и наконец шабаш (первая тема d-moll) тоже по-русски вариациями. В конце шабаша врывается химическая гамма и фигуры вступления из двух серий, что производит порядочное впечатление. Шабаш Вам почти незнаком — он вышел очень сжато и, по-моему, горячо. Форма разбросанных вариаций и перекличек, думаю, самая подходящая к подобной кутерьме. Общий характер вещи жаркий, длиннот нет, связи плотны, без немецких подходов, что значительно освежает. Впрочем, сами, даст бог, услышите.

На мой взгляд, «Иванова Ночь» из новых и на музыканта мыслящего должна производить удовлетворительное впечатление. Мне досадно, что нас разделяет даль расстояния⁵, ибо хотелось бы посмотреть вместе в новорожденную партитуру. Положим, что я не стану ее переделывать, с какими недостатками родилась, с такими и жить будет, если будет жить, но все-таки вместе, сообщая многое бы с пользою могло уясниться. Коли исполнит эту картину в концерте, то на столбцах Корша⁶ воспоследует деликатная отеческая ругань от Цезаря Модиньке.

Есть книжка «Чародейство» Хотинского, в ней очень наглядно описан шабаш ведьм по показаниям подсудимой, обвиненной в ведовстве и

сознавшей в амурных проделках с самим Сатаной перед судом⁷. Бедная помешанная была сожжена — это произошло в XVI веке. Из этого описания я настроился складом шабаша.

Делайте «Садку», милый Корсинька, меня сие ужасно интригует, а у Вас наверняка хорошо выйдет. Я бы не поддразнивал писать на этот сюжет, если бы не был уверен, что Вы его ладно состряпаете.

Крепко жму Вашу руку, милый. До свидания.

Пишите ко мне: по Варшавской жел. дороге, на станцию Преображенскую, мне.

Ваш *Модест*

61. В. В. НИКОЛЬСКОМУ

Минкино, 12 июля 1867 г.

Мыза Минкино, 12 июля 67 г.

Много благодарим за весточку — очень потешила и порадовала, очень раздосадила и неприятна была¹. Бедный страждущий; угораздило же Максимилиана, как Вы его называете с кн. Сальм-Сальмой, под медный, а небось, и чугунный рычаг подвернуться — страсти!² Я чай, небо с овчинку показалось, ну да уж что и говорить, когда пришлось пиявиц припускать. Вот это было неприятно прочесть. А досада взяла, когда узрел своими безалаберными очесами, что Вы, мой миленький, за границу не поехали — для здоровья это было бы куда лучше Питерской квартиры с дворником, самоваром и порционным обедом — они же в сипылю пропитались. А остроумно — не подписался — знай дескать, что такой околесной наплести, да еще гомерического калибра, никто же возможен, токмо Володимер сударь Васильевич. Знаете, что меня иногда беспокоит: отчего это Вы, тезка в квадрате генерала от фельетонов³, производите околесную шутки ради, а он — тезка Ваш — учиняет всякую гиль в серьезную, да вдобавок не гомерическим калибром. Надо ему предложить писать свои статьи и в особенности вести беседу о материях важных в стиле античном, так сказать, величественном. Представьте себе милого Баха, глаголющего политическую дичь гекзаметром и орущего с достойным величием античного витии, — это, батюшка Вы мой, стоит парника на Алёнином скотном дворе⁴.

Ну, родимый Вы мой, а Ваш покорнейший слуга кое-что с божьєю помощью состряпать изволил: ведьм порешил⁵, о сем Вы узнаете от нашей хлебосольной Людмилы Ивановны. С Вами я побеседую о моих ведьмах с другой стороны, ибо Вы, кроме того, что не подписываетесь в посланиях, еще состоите в моей искренней симпатии по русопетству и знанию оных российских премудростей.

Так вот что я Вам скажу, а Вы или выругайте меня, или похвалу мне дайте за распоряжения мои. Ведьмы — вульгарное название, так сказать, кличка моего произведения — есть в сущности «Иванова ночь

* В обратном движении (*ит.*).

на Лысой горе», как видите — вещь крещеная. Насколько меня память не подуваает, ведьмы собирались на эту гору (Лысую, не краснейте, у Вас голова, а не гора, лысая), сплетничали, шашничали и поджидали **набольшего** — Satan. По его приезде они, т. е. ведьмы, образовали круг около трона, на котором восседал, в виде козлища, **набольший**, и воспевали **ему** славу. Когда сатана достаточно в ярость приходил от ведовской славы, то открывал своим приказом **шабаш**, причем избирал пригласившихся ведьм себе на потребу. Так я и сделал. В заголовке сочинения я поместил его содержание: 1. Сбор ведьм, их толки и сплетни, 2. Поезд Сатаны, 3. Поганая слава Сатане и 4. Шабаш. — Желал бы, если сочинение мое будет исполняться, чтобы в афише помечено было и содержание для уразумения общества. Форма и характер моего сочинения **росси́йски** и **самобытны**. Тон его горячий и беспорядочный. В сущности **пабаш** начинается с появления бесенят, **п[отому] ч[то]** поганая слава **входили** по сказаниям в состав шабаша, но я назвал (в содержании) эпизоды отдельно для большей легкости запечатления музыкальной формы — **так** как она нова.

Я очень прошу Вас, мой благоприятный Володимер Васильевич, **писну́ть** мне (*pas de calembour — s'il Vous plait**), так ли я понял сюжет своего произведения. Мои музыкальные убеждения Вы несколько знаете и не усумнитесь, что для меня важная статья — верное воспроизведение народной фантазии, в чем бы она ни проявилась, разумеется, доступном только музыкальному творчеству. Вне этой художественной верности я не признаю сочинение достойным — или не давайте ему никакой клички, а как немцы назовите: то-то *in B-dur* или *in a-moll*.

«Иванову ночь» я написал очень скоро, прямо набело в партитуре, писал я ее около двенадцати дней, слава богу, и вторую штуку *Intermezzo* для оркестра навалил тоже прямо набело в четыре дня⁶ (главное было написано для одного фортепиано еще в 63 году). За «Ивановой ночью» ночь не спал и окончил работу как раз в канун Иванова дня, так и кипело что-то во мне, просто не знал, что со мной творится, т. е. знал, да этого не нужно знать, а то зазнаешься. В шабаше я сделал оркестр разбросанным различными партиями, что будет легко воспринять слушателю, так как колорит духовных и струнных составляют довольно ощутительные контрасты. Думаю, что характер шабаша именно таков, т. е. разбросанный в постоянной перекличке, до окончательного перемешения всей ведовской сволочи; так, по крайней мере, шабаш **попился** в моем воображении. Я что-то много болтаю о своей «Ночи», но это, полагаю, происходит от той причины, что я вижу в моей греховной **малости** самобытное русское произведение, не навеянное германским глубокомыслием и рутиной, а как «Савишна» вылившееся на родных полях и вскормленное русским хлебом.

* Без игры слов, пожалуйста (*фр.*).

До свидания, голубчик Вы мой, писните мне на мызу Минкино, я буду очень рад. Спасибо Вам за парник и парголовскую богиню⁷ — очень смеялся.

Ваш *Модест Мусоргский*

Р. С. Мой горячий поклон Людмиле Ивановне и Анне Васильевне. А Людмиле Ивановне скажите, что еще что-то испек и для оркестра.

62. Н. А. РИМСКОМУ-КОРСАКОВУ

Минкино, 15 июля 1867 г.

Мыза Минкино, 16 июля.

Я предупредил Ваше дружеское пожелание, милый Корсинька. Готова партитура *Intermezzo* (h-moll, что была фортепианная штучка без середины), середина сделана в E-dur в характере трио в скерцо 9-й симфонии; разумеется, с пицкатами скрипок в легком жовиальном* роде инструментовки. Признаюсь, контраст довольно резок с h-moll'ной частью, но тем не менее он должен освежить впечатление, так как h-moll'ная часть снова повторяется. В h-moll'ной части ритмованные

удары изображаются *pizzicato* струнных поочеред-

но: скрипки на дерев[янных] духовых, а басы и виолончели на трембонах, играющих *pp*. Думаю, что эффект должен быть недурен. Пьеса эта есть не что иное, как дань немцам, и посвятил я ее Бородину. Во всяком случае, я очень рад, что сделал ее, ибо не пропадать же было без толку h-moll'ной штуке, довольно порядочной.

Теперь настраивается поэма «Подибрад» чешский!... Многие места штандпункты** уже есть; тема вступления идет так:

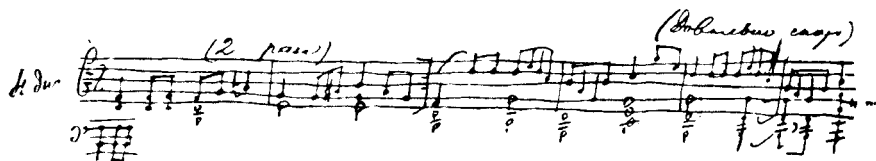

вступление начинается двумя сериями, вторая в cis-moll; затем идет как бы продолжение этой темки — по-славянски нараспев и заклю-

* От французского *joyial* — веселый, забавный, шутливый.

** Штандпункт, *Standpunkt* — установка (нем.); в данном случае — главные темы.

чается* дрожанием всех струнных на tutti оркестра; crescendo постепенно переходит в *ff* (взрыв), затем все тише и тише. Тема «Подибрада» (вступление рисует печальное положение давимой немцами Чехии) следующая:

Аккомпанемент к теме

Весьма энергично и злобно выходит (пока в наигрывании только) чешский гнев на Подибрада. В заключении поэмы после беготни одних струнных в гамме A-dur *ff* и маленькой славянской фанфары медяшюк тема вам знакомая (я делаю ее à la guerra ** — Подибрад — король —

славянство победило): *Dur* и т. д.

итак, поэма начинается в *fis-moll*, кончается в *D-dur*.

Вот Вам, милый, мои намерения и мои труды — теперь займемся Вами².

Если бы я был поблизости от Вас, то расцеловал бы уже за одно вступление. Мысль волнующегося моря несравненно грознее и пмпозантнее бури, мысль вполне художественна — выполнение ее мне совсем по душе. Появление водяного на голом *Des* прекрасно, гамма влечения Садки в подводное царство очень оригинальна в гармоническом отношении, довольно свирепа и носит сильный фантастический колорит — это ново по впечатлению. Спокойный и светлый поворот этой гаммы на *D-dur* очень удачен. Планировка Садки мне нравится, и я не имею ничего сказать против этого. Теперь вот что, милый мой. Первый поставленный Вами перерыв фразами духовых *D-dur*'ной мелодии мне очень по нутру — он шикарен и изящен, но на втором примере, наменном в Вашем письме, я сделаю маленькое замечание:

(прекрасно)

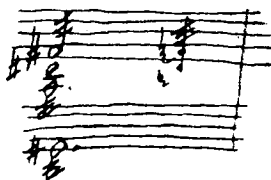
(Серов в Рогнеде — не допускаю)

* Далее зачеркнуто слово: трельн[ым].

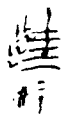
** В военном роде (*фр.*).

Измените, Корсинька, эту фразу — ради бога, дальше от сходства с серовской ведьмой³. Переход баса с А на *Gis* дерзок, а Вы знаете, что я дерзость люблю, этот переход назначен у Вас в гамме влечения Садки вглубь, только в проходящей гармонии при этом произойдет переполох,

выйдет следующе
ее созвучие:

т. е.

Schoking,
а впрочем
дерзко.

Или

это постижимо,
а верхнее пожа-
луй

в оркестре фальшем покажется, впрочем, может и вру.

Аkkомпанемент подводной темки, нечего и говорить, поэтичен и, так сказать, заманивает под воду. Но где Вы совершенный молодец, Корсинька, это в намерении, держась на сурдинках струнных, не заходить высоко в регистры. Струнные под сурдинкой в нижнем и среднем регистрах имеют чарующий характер и без зазоринки подходят под подводное царство — мастер! Насчет церковной темы, выписанной Вами, я не согласен. Она очень недурна, но не имеет в себе того отпечатка полуаскетического, но светлого, который бы хотелось почувствовать. В самом разгаре бури она должна мгновенно перестроить впечатление. Вы приниците другую — Вам не занимать статью.

Крепкое Вам и незабвенное спасибо за горячее участие в моем первом капитальном труде «Ивановой ночи». Я наслаждался это время, так что писание *Intermezzo* мне уже было не так приятно — тут немец сидит, а не я сам.

Вам, милый, скажу только, что по тем наброскам, которые Вы прислали в письме, я сужу, если не вполне, то по крайней мере догадываюсь, что был годеи хотя на то, чтоб подбить Вас писать на сюжет «Садки»⁴, — это Ваша первая русская вещь, Вам одному принадлежащая и никому больше, первый блин и совсем не комом. Рад, душевно рад, знаете, что в успешном выполнении «Садки» я вижу что-то родное, мне приятно, что Вы ладно сработаете его, помимо удовольствия иметь на Руси хорошее самобытное произведение, еще и потому что, ну потому что мне это ужасно приятно. Пишите, пишите и пишите, дорогой мой Корсинька. А в конце августа, если бог даст, приеду в Питер погостить, тогда свидимся и посмотримся в наши партитуры. Пишите мне почаще, все, что найдете нужным сообщить мне, излагайте в письме и посылайте по адресу. Я буду крепко рад делиться с Вами, чем бог моим мозгам послал. Письма доходят аккуратно и довольно скоро.

Мне пишут из Питера мои друзья о вышедшем 6-м номере серовской газетки⁵. В этом листке он напал на Милия и задел его образование —

ну, тут Серов не указчик; хорош образованный музыкант, который и в русском эпосе у Перуна гл[авного] жреца выдумал и в киевских пущах пилигримов насажал. А по части музыкальной в историческом отношении оказался ниже Верстовского; у Владимира на пиру пустил в ход современную кабацкую песню и плясать заставил девушек, точно Владимир — Олоферн. Но по поводу Кюи Серов проехался жестоко: насчет намека Кюи (весьма бестактного намека) на то, что в славянском концерте не исполнили ничего серовского, автор двух пятиактных опер⁶ пишет: дипломатическое сожаление, но напрасное... Как Вам нравится слово: дипломатическое? Жаль бестактности Цезаря. И всем нам, говорят, в этом номере досталось — так тому и быть должно, насчет этого я уверен, что уж Серов нас ненавидит самым честным образом⁷.

До свидания, милый мой, крепко жму Вашу руку и шлю Вам приятельский поцелуй — я рад за «Садку»⁸.

Ваш *Модест*

63. М. А. БАЛАКИРЕВУ

Петербург, начало сентября (?) 1867 г.

Дорогой Милий, я простужен — сижу дома и потею, партитуры в одьм у меня нет — она у Корсиньки, — во всяком случае время еще не ушло, потолкуем о них; крепкое Вам спасибо и поцелуй.

Ваш *Модест*

64. М. А. БАЛАКИРЕВУ

Минкино, 24 сентября 1867 г.

Мыза Минкино, 24 сентября

Дорогой Милий,

Дружеский призыв Ваш¹ поставлен так строго, что отказаться от него было бы, по крайней мере, нарушением с моей стороны искреннего расположения ко мне моих друзей. Так оно выводится из Вашего послания, горячего и искреннего, за которое благодарят на деле, а не на словах, и потому писать об этом излишне. Но вот в чем дело, дорогой мой. Будь я в том положении, когда кусать нечего и когда и в будущем ничего в волнах не видно, то ответ на призыв Ваш объяснялся бы безысходным положением человека. Теперь же, в настоящем положении, я считаю себя не вправе пугать моих друзей и обманывать их слишком ценное для меня расположение. Средства мои поубавились. Это правда, но не настолько, чтобы я был решительно лишен возможности существовать самостоятельно². Привыкши к довольству и отчасти к роскоши, мне при настоящих обстоятельствах показалось не совсем спокойное будущее и неудивительно, что я скорчил кислую мину; на первых

лорах всякий бы сделал то же на моем месте. Испуг Ваш, проглядывающий в Вашем дружеском письме, я хорошо понимаю и убежден в его достоверности более чем можно. Но именно, ради искренности, я не прошу, а умоляю Вас успокоиться на мой счет и успокоить всех дорогих мне личностей, потому что боязнь их за меня мне невыносимо тяжела и положение мое не заслуживает ее. Тяжела она мне потому еще более, что я боюсь обмана пуще всего. Поверьте мне, дорогой мой Милий, что живя в семье³ и сжившись с нею вот уже два года, скорее избалованный в семье, чем стесненный, совершенно спокойный за мой домашний обиход, я должен был хорошо обдумать, как поступать при уменьшенных средствах. По строгом обсуждении этого дела и арифметической выкладке моих финансов я пришел к тому заключению, что недочет лишает меня возможности с октября начала (как я хотел) поселиться в Питере, а повелевает пропустить этот месяц в питерском бюджете. С начала же ноября и до апреля или мая я свободно могу жить в Питере. Следовательно, стеснение в финансах лишает меня одного месяца свиданий и бесед с моими друзьями. Это много, но я готов согласиться на это лишение ради спокойствия собственного и моих друзей. Я смело могу выговорить, благодаря искренности предложенной Вами в призыве, что все искренно любящие меня будут еще более рады видеть меня самостоятельно существующим, нежели бродячим как метеор, и легко согласятся со мной, если один месяц деревенского уединения доставит мне почти 7 самых оживленных, самых интересных столичных месяцев и еще при свободном спокойном существовании. Что касается места, то хлопотать я желал бы о штатном (как более надежном), а таковое может иметься в виду только с нового года⁴, ибо по всем министерствам происходят сокращения и передраги к Новому году. Из всего писанного здесь извлеките, дорогой друг мой, понятие о моем положении и успокойте моих друзей и себя — это Вы должны сделать, потому что я заклинаю Вас боязнию обмана, самого паскуднейшего зла.

Перемена в обстоятельствах слегка придавила меня и то на время; по своей натуре, довольно подвижной, я встал на ноги и желал бы устоять. Хандра на меня напала не от деревенской осени и финансовых дел, а от других причин. Эта была авторская хандра, хоть и стыдно сознаться, но это верно, что то было авторское окисление от Вашего условного отзыва о моих ведьмах⁵. Я считал, считаю и не перестану считать эту вещь порядочной и такой именно, в которой я после самостоятельных мелочей впервые выступил самостоятельно в крупной вещи. Хандра эта прошла, как проходит многое, я свыкся с моим авторским положением и в настоящее время принимаюсь за новую работу, ибо сосновый воздух меня очень хорошо подзадоривает на труд. Согласитесь Вы, друг мой, или нет, дать моих ведьм, т. е. услышу я их или нет, я не изменю ничего в общем плане и обработке, тесно связанных с содержанием картины и выполненных искренно, без притворства и подражания⁶. Каждый автор помнит настроение, при котором сложилось его произведение и выполнилось, и это чувство или воспоминание бывшего настрое-

нии много поддерживает его личный критерium. И выполнил свою задачу как мог — по силам. Только именно многое в ударных инструментах, которыми злоупотребили. Но о ведьмах после; Вы же, друг мой, на досуге, если случится, напишите мне Ваше положительное мнение и побеседуем тогда.

Теперь же крепко целую Вас и горячо благодарю за искреннюю восточку, которая меня сильно подкрепила и возбудила, так сказать; приятно, очень приятно, когда чувствуешь расположение к себе и это лучше всяких финансовых излишеств. Горячо целую Вас, друг — передайте мой дружеский привет всем любящим меня.

Ваш *Модест*

Воображаю, как Соломоньша, вместо лермонтовской «Рыбки», изобразит Вам [еврея], глотающего малороссийские галушки и от жара воющего при сем; (вспомните немецкие portamente и музыкальную фигуру рыбки!). А впрочем, это прекрасно, что Соломоньша захаживает. Крепись валак, а таманом будешь.

65. Н. А. РИМСКОМУ-КОРСАКОВУ

Минкино, до 4 октября 1867 г.

...Хотят совершенства! Загляните в искусство исторически — и ист этого совершенства. Я говорю не о малых задачах (в сущности вовсе не малых). «Южная ночь» совершенна, «Не пой, красавица, при мне» тоже, «Прости, не помни дней паденья» тоже, «Савишна», а у западников «Ich grolle nicht», Doppelgänger», а у нашего Даргуна сколько найдется, а «Ночной смотр» — с русскими совершенствами в этом роде немцам спорить трудно. Но в крупных задачах — везде и во всем свои недостатки, да не в них дело, а дело в общем достижении целей искусства. Мы Вагнера часто ругаем, а Вагнер силен и силен тем, что щупает искусство и тербит его... Будь он талантливее, он бы не то сделал. А Берлиоз, а Лист — у каждого и в каждом из крупных сочинений свои недостатки — и какие! Мы чересчур строги к себе — всякое чересчур опасно.

Как же после этого не испугаться «Упражнения для 10-ти инструментов»!¹

Я до сей минуты боюсь Милия, и это было сказано с его стороны после «Садки» и разговоров о моих грешных ведьмах. И желать Fis-dur

à la Liszt «Divina commedia»* для ведовской славы Сатане? Corro di basso!**

Вы, Корсинька, в Andante Вашей симфонии показали Вашу милую личность, в «Русской увертюре» сказали «один бог без греха», в «Сербской фантазии» показали, что можно писать и скоро, и приятно, а в «Садко» заявите себя художником. А впрочем, крепко целую Вас, до свидания и поймите, что я хотел сказать в этом письме и чего не сказал, ибо много говорить пришлось бы.

Ваш крепко накрепко

Модест

А что, несмотря на недостатки кроющиеся, а иногда и наружу торчащие, в поименованных мною вожатаях музыкального дела, то помимо их, т. е. недостатков, сами произведения никогда не умрут в историческом развитии искусства и всегда будут светлыми точками*** разумного художественного творчества, а это поважнее преходящих, восторженных наслаждений и похвал.

Р. S. Будете у Людмилы Ивановны, то передайте ей, что я ее в деревушке не забыл, а присно вспоминаю и ей, голубушке, посвятил мою штучку новенькую («Крестьянская пирушка») Кольцова².

Если Вас интригует, то вот подобие оной:

(Не оч. скоро, спокойно)

Изволите видеть, $\frac{6}{4}$ и $\frac{5}{4}$ составляют весь шик этой штучки и сложились так же естественно, как $\frac{5}{4}$ -й ритм «Савишны». Это я нахожу приличным для милой и хлебосольной Людмилы Ивановны — и по-русски и, дерзая думать, — музыкально.

* Вроде Листа в «Божественной комедии» (ит.).

** Черт побери (ит.).

*** Первоначально было: «источниками».

1868 год

66. Ц. А. К Ю И

Шилово, 3—10 июля 1868 г.

3 июля 68 г.

Милый мой Cesare, здравствуйте! Вот я и на подножном корму en forme et matière *. Помещаюсь в избе, пью молоко и целый день состою на воздухе, только на ночь меня загоняют в стойло¹. Почти накануне отъезда досадного, ибо Вас не видел, я покончил первую сцену «Женитьбы»: первое действие делится на три сцены — со Степаном (1-я) со свахой (2-я) и с Кочкаревым (3-я). Руководствуясь Вашими замечаниями и Даргом... я успел извлечь из них необходимое, значительно упростил то, что показывал Вам, и приобрел для Подколесина оч[ень] удачную оркестровую фразу, которая пригодна мне как нельзя более для сцены его сватовства:

Даргом... ею доволен, по-видимому, вполне, и в первый раз она является в разговоре со Степаном при словах: «Ну, а не спрашивал» и пр. ...насчет женитьбы, одним словом. Это, как видите, fragment ** темки, вся целиком она явится в момент формального сватовства в третьем действии, когда уже Подколесин решился жениться. На ней очень выгодно строить тупое замешательство Подколесина. В первой же сцене мне удалось сделать ловкую выходку Степана. Когда его зовут в 3-й раз, он входит озлобленно, но сдержанно (разумеется) и на слова Подколесина: «я хотел, братец, тебя порасспросить» ff отвечает «старуха пришла», совершенно сбивая таким образом надоеданье барина.

В настоящее время набросана вчерне вторая сцена (со свахой). «Пес врёт» и «седой волос» очень удались. Думаю, что сценка недурна и интересна. В самом конце ее медвежья агитация Подколесина при слове «седой волос» вышла оч[ень] курьезно. Теперь принимаюсь за Кочкарева. В конце концов первое действие, по моим соображениям, может служить опытом opéra dialogué***. Хотелось

* Во всех отношениях (фр.).

** Отрывок (фр.).

*** Разговорной оперы (фр.).

бы кончить к зиме первое действие; тогда можем судить и рядить. Кочкарев *seга fait spécialement pour Vous, mon cher!* *. Скажите Вашей милой барыне, что сцена с Феклой (свахой) удалась; она будет рада; спасибо ей, сочувствует моей продерзостной работе. Теперь, против обычая, пишу вчерне, ибо инструмента нет; приводить в порядок буду в Питере. Так как не знаю, в городе ли Корсинька или уплыл на «финские холодные скалы» замораживать пламенного Антара², то прошу Вас, милый, буде это ему интересно станет, прочесть ему мое царапанье. Ну, а Вы, Cesare? Comment cela va-t-il avec versification? **. Молодец! Вот, подумаешь, благословенный кружок: не хватает текста — сами кропаем! И ничего, ладно выходит. Много ли подвинули инструментовки, как идет окончательное сочинение³? Чем кончилась и что вышло из аудиенции Даргом... у Алёны? ⁴ Вот предметы Вашей записочки, если Вы, милый, не поленитесь оживить меня в моем редюите ***.

В моей *орéга dialogué* я стараюсь по возможности ярче очерчивать те перемены интонации, которые являются в действующих лицах во время диалога, по-видимому, от самых пустых причин, от самых незначительных слов, в чем и таится, мне кажется, сила гоголевского юмора. Так, например: в сцене со Степаном последний вдруг меняет ленивый тон на озлобленный, после того как барин доехал его ваксой (мозоли я выпустил). В сцене с Феклой такие моменты не редки; от хвастливой болтовни до грубости или сварливой выходки для нее один шаг. Впрочем, все это увидите на деле лучше.

Крепко целую Вас, милый, Вашей милой барыне мой горячий привет. *Dottore doctissime*⁵ зело руку жму и лобзание чиню.

Ваш *Модест Мусоргский*

«По Московско-Курской железной дороге на станцию Лаптева».

10 июля ****

Письмо это запоздало отправлением и запоздало очень кстати. Я окончил первое действие⁶. Шли дожди, три дня сряду, без усталости шли, и я работал без усталости, такая уж у нас с погодой линия вышла. Что касается меня, то «Женитьба» не давала мне покоя, ну и написал. Вместо 3-х сцен оказалось 4-е — так нужно. Теперь опять славная погода, отдыхаю. Крепко целую Вас, милый. Даргомыжскому от меня поклон учините, а об Алене знаю от Опочининых.

Ваш *Модест*

* Будет сочинен специально для Вас, мой дорогой (фр.).

** Как идет дело со стихосложением (фр.).

*** От французского — *reduit* — убежище.

**** 1868 г. село Шилово (приписка В. В. Стасова).

Шилово, 30 июля 1868 г.

30 июля

Спешу от всей души благодарить Вас, дорогая Людмила Ивановна, за две весточки от Вас¹ и за Вашу теплую и многоценную заботливость обо мне грешном; (насчет фатёры), хотя я иначе буду устроен, т. е. помещусь опять в Вашем ближайшем соседстве (Инженерный замок)², но не в этом сила, а в том наипаче, что чем-то хорошим отозвалась во мне Ваша строчка насчет фатёры и горячо Вам целую за это ручку. Вот только прогневались на меня за мое царапанье, а я спешил подолжиться с Вами своим успехом в «Женитьбе» и спешил послать письмо на станцию, да притом же две недели пребывания в местности, впервые мною посещаемой, не могли представить достаточный материал для письма, поэтому-то и вышла записочка; так уж это само как-то сделалось, «а я не виноват»³.

О Кологривов! Доколе будешь в мракобесии и бестолковщине всяческой пребывать! Вот выдумал! Il se rapachait de l'impartialité*, это непременно так; о, кологривовское беспристрастие! Поступок Даргомыжского показывает хорошего товарища, а это великое достоинство в звезде первой величины и редкое достоинство⁴. Только тогда будет жить русское музыкальное дело, когда наш скромный кружок стойко, товарищески, без личного самообожания (по крайней мере, не в применении к делу) поведет себя прямо к цели по всему лабиринту гернгутерских⁵ и ремеслячских интриг. Стойко и осторожно, исподволь; ариадниной нитью будет служить правда и честность, правда — в творчестве, честность — в практическом применении и творчества и музыкальной деятельности.

Меня поразил Корсинька. Каково! Спутешествовал в мифическое царство!⁶ Bravo! Он хотел ехать к мифам, но так хотел, что выходило, по-моему, не хотел — bravo! Квей предестен, очень милый Cesare — une belle conduite! **. Радуюсь и за него и за Вас, ибо чем более зришь хороших людей, тем приятнее, а Пустой рынок, как все пустые, накурелся; вот уж поистине пустельга! Пожары в моде, так и он туда же!⁷

Переходя к моей деревенской жизни, скажу: 1. В 5 верстах от нас вышал град, весом около 1/2 фунта, в подветренном углу собрано 3 воя, убит оным градом порядочный поросенок и, разумеется, избиты поля. Видевшие град, удостоверяли, что он был величиною с куриное яйцо — мог и быка убить. 2. Урожай сена давно невиданный, каков хлеб, не знаю, на поле не дурен. В Елифановском уезде (Тульской) и Елецком уезде (Орловской) урожай по пробному умолоту неслыханный: сам 30. За 50 верст от нас, т. е. от Серпухова до Москвы вплоть засуха и поля формально выжжены. Не засуха ли и у Вас, дорогая Людмила Ивановна,

* Он кичился своим беспристрастием (фр.).

** Прекрасное поведение (фр.).

в Смоленской губернии причинила дефицит и, следовательно, сокращение бюджета. То-то и горе наше, что нет возможности иметь надлежащий бюджет — все это как случится! Не удивителен после этого авось русского мужичка, по преимуществу хлебопашца.

В настоящее время я отдыхаю, а потому грёб сено, варил варенья и делал маринады — *comment cela vous plait?* * Сено вышло оч[ень] хорошо, маринады и варенья оч[ень] вкусны. Теперь обдумывается 2-й акт «Женитьбы»⁸, мелочей, вероятно, не напишу, не то настроение, а впрочем, как знать! А вдруг напишу.

Подмечаю баб характерных и мужиков типичных — могут пригодиться и те и другие. Сколько свежих, нетронутых искусством сторон кишит в русской натуре, ох сколько! И каких сочных, славных... Частицу того, что дала мне жизнь, я изобразил для милых мне людей в музыкальных образах, побеседовал с милыми людьми своими впечатлениями. Даст бог жизни и сил, крупно побеседую; после «Женитьбы» Рубикон перейден⁹, а «Женитьба» — это клетка, в которую я засажу, пока не приручусь, а там на волю. Все это желательно, но этого еще нет, а должно быть. Страшно! И страшно потому, что то, что может быть, может и не быть, ибо еще не состоит налицо. Хотелось бы мне вот чего. Чтобы мои действующие лица говорили на сцене, как говорят живые люди, но при том так, чтобы характер и сила интонации действующих лиц, поддерживаемые оркестром, составляющим музыкальную канву их говора, прямо достигали своей цели, т. е. моя музыка должна быть художественным воспроизведением человеческой речи во всех тончайших изгибах ее, т. е. звуки человеческой речи, как наружные проявления мысли и чувства, должны, без утрировки и насилования, сделаться музыкой правдивой, точной, но** художественной, высоко художественной. Вот идеал, к которому я стремлюсь («Савишна», «Сиротка», «Еремушка», «Ребенок»).

Теперь я работаю гоголевскую «Женитьбу». Ведь успех гоголевской речи зависит от актера, от его верной интонации. Ну, я хочу припечатать Гоголя к месту и актера припечатать, т. е. сказать музыкально так, что иначе не скажешь, и сказать так, как хотят говорить гоголевские действующие лица. Вот почему в «Женитьбе» я перехожу Рубикон. Это жизненная проза в музыке, это не пренебрежение музыкантов-поэтов к простой человеческой речи, не одетой в героическую робу — это уважение к языку человеческому, воспроизведение простого человеческого говора.

Ну вот, ехали, ехали, да и стали. Я бы просил Вас, дорогая Людмила Ивановна, прочесть, или вернее: дать прочесть мою записочку дяньке¹⁰, примерно от слов «переходя к моей деревенской жизни» а то и всю без затруднений, но в особенности о моей главной господст-

* Как это Вам нравится? (фр.).

** Читай: значит (примеч. М. И. Мусоргского); «но» — подчеркнуто трижды.

вующей мысли; случилось так, что то, что бы я ему написал, я и Вам написал; что ж делать, так случилось: и Вам и ему написать хотел. До свидания, горячо целую Вашу ручку.

Модест

68. Н. А. РИМСКОМУ-КОРСАКОВУ

Шилово, 30 июля 1868 г.

30 июля

Милый друг Корсинька. От Людмилы Ивановны знаю, что Вы в Питере, и потому пишу. Если Вы видели Cesare, то знаете, что первое действие «Женитьбы» готово, а если Вы это знаете, то не можете сомневаться, что я работал.

Cesare меня обидел, не отвечает на мое письмо. Когда я не получаю ответа, я, по свойственной мне подозрительности, подозреваю, что погрешил в чем-нибудь, а когда я это подозреваю, то тревожусь, когда тревожусь — злюсь. Понятна неприятность такого положения.

От Людмилы Ивановны я знаю также, что Вы были в *фимическом* царстве с *химическим* господином¹. Что же из этого вышло? Напишите и про «Антара» и сцену из «Псковитянки» тоже напишите². А письмо, вложив в подобающий конверт, надпишите: по Московско-Курской жел. дороге, на станцию Лаптево — мне.

Из Питера убыл, не простясь ни с Вами, ни с Cesare. К оному дважды забегал, но не поймал, а ехать надо было очень быстро, ибо брат мой, у которого гоцу, должен был из деревушки отправиться неотложно в Питер, а как я в тульских местах впервые, то и следовало мне прилично разузнать вообще и надлежащим образом помещение себе выбрать, ибо живем мы вполне по-деревенски, т. е. с возможно большим комфортом при весьма незначительных для сего данных. Имение начинается устраиваться, п[отому] ч[то] железная дорога на носу; в нем жило прежде нечто вроде управляющего. *Où donc voulez vous trouver la comfortable!* * О фимах я не спрашиваю, ибо фим есть фим, как ветр есть ветр **.

Пересматривал свою работу — на мой взгляд, довольно интересно ведена, а впрочем, кто знает! Работал насколько мог, об удаче судите вы все — я подсудимый.

Одно только скажу: если отрешиться от оперных традиций вообще и представить себе музыкально разговор на сцене, разговор без зазрения совести, так «Женитьба» есть опера. Я хочу сказать, что если звуковое

* Где ж вы думаете найти комфорт! (*фр.*).

** Так выговаривается, а пишется иначе (*примеч. М. П. Мусоргского*).

выражение человеческой мысли и чувства простым говором верно воспроизведено у меня в музыке и это воспроизведение музыкально-художественно, то дело в шляпе. Вот это и предстоит Вам обсудить, а мое дело сторона — я сделал как мог и отдаю себя добродушно на всяческое терзание.

Угломонился, насколько можно было, и спокойно буду ждать суда, хотя труд не легкий был. Я живо сработал — так случилось, но живая работа сказалась: какую ли речь не услышу, кто бы ни говорил (главное, что бы ни говорил), уж у меня в мозгах работается музыкальное изложение такой речи. Теперь отдохнул — этого уж нет, а то просто беда — покоя нет.

В конце августа надеюсь прибыть в Питер, тогда повидаемся, а мне очень хочется повидаться со всеми вами, это понятно, не правда ли?³

69. В. В. НИКОЛЬСКОМУ

Шилово, 15 августа 1868 г.

15 августа

Слышано было мною, что сокровище мое неоцененное в милом образе дяиньки, со свойственным оному лукавством, забралось ко мне в моем отсутствии. Оно прочло в святцах против 15 июня — св. Модеста и потому забралось, а еще потому, что тащить меня с собой желало к некоему благоприятному мужу яства получать и теплую беседу водить. А спасибо ему за то, вот что! И крупное спасибо, потому что когда человечку приятно, то он доволен, а когда он это удовольствие от другого получает, то довольный сим и говорит спасибо!

А я все собирался написать моему сокровищу, да только вот теперь собрался. Сперва не писал за недостатком материала, потом хотел написать и очень хотел, да так случилось, что то, что к дяиньке адресоваться долженствовало, то покатило, в силу случайности, к голубушке нашей Людмиле Ивановне¹. Так вот только теперь уж напрямки собрался. А что писать? Конечно, слова, речи, предложения. Но о чем писать? А вот о чем.

Греки боготворили природу, значит и человека. И великая поэзия и наикрупнейшие художества от того произошли. Продолжаю: человек в лестнице творчества природы составляет высший организм (по крайней мере на Земле), и этот высший организм обладает даром слова и голоса, не имеющим себе равных в земных организмах вообще. Если допустить воспроизведение художественным путем человеческого говора со всеми его тончайшими и капризнейшими оттенками, изобразить естественно, как жизнь и склад человека велит, — будет ли это подходить к обоготворению человеческого дара слова? И если возможно самым простым способом, только строго подчиняясь художественному инстинкту в ловле

человеческих голосовых интонаций, хватать за сердце, то не следует ли заняться этим? А если при этом можно схватить и мыслительную способность в тиски, то не подобает ли отдаться такому занятию? Без подготовки супа не сварить. Значит: подготовься к сему занятию, хотя бы «Женитьбой» Гоголя, капризнейшей штукой для музыки, не сделашь ли хорошего дела, т. е. придвинешься ближе к заветной жизненной цели? Можно сказать на это: да что ж все только готовиться — пора и сделать что-нибудь! Мелкими вещичками готовился, «Женитьбой» готовился, когда же, наконец, изготовится? На это один ответ: сила необходимости; может быть, когда-нибудь и изготовится.

Моя деятельность, та деятельность, которую, держа под мышкой, не совестно показать человеку, в случае спроса, началась с мелких вещичек. Конфузиться и скромничать глупо, когда сознаешь что эти-то мелкие вещички и дали мне имя, хотя бы в ограниченном кружке людей, но зато людей не ограниченных. Они, эти мелкие вещички, вызвали охоту в довольно представительных по музыке личностях задать мне нетронутую (в историческом ходе музыки) задачу² — музыкально изложить житийскую прозу музыкальной же прозой. Что решение этой задачи не легко, тому доказательством может служить моя скромная личность.

Я написал целый акт музыкальной прозы, окрасил 4-е личности — акт, на мой взгляд, удался, но я не знаю, что будет с тремя актами. Я знаю, что они должны быть хороши, но не знаю, могут ли быть. Все-таки надо довести начатое дело до конца и тогда сказать свой суд. А сквозь мрак неизвестности я вижу, однако, светлую точку, и точка эта — полное отречение общества от бывших (да, впрочем, и теперь существующих) оперных традиций. Impossible! * Отчего же она светлая? Оттого, что, пробивая новый путь, чувствуешь удвоенные силы, а когда сила удвоена (4 именно в два раза больше 2-х), то можно работать и весело работать. Только это обстоятельство сводится на формулу воров: *la bourse ou la vie — la vie ou le drame musical* **. Разумеется, и то и другое, ибо одно без другого немыслимо. Этим и закончу мою белиберду.

Получил от Людмилы Ивановны на днях милейшее послание, но по поводу оного сделаю оговорку. Говоря о моем таланте, наша голубушка прибавила прилагательное, ведущее мою скромную личность на Олимп. Не к чему в гору лазить — я ленив и боюсь усталости. Я не понимаю слова гениальный³. По-моему, умный и дельный собеседник очень хорошая вещь. Я не имею причин не любить человека и желаю ему хорошего, по силам своим беседую с ним, и если моя беседа по сердцу и по мозгам человеку — я сделал свое дело, а там начальство разберет, как говорил мой милый Петр Миронович Перевлеский. Раз перед моим отъездом это слово голубушка нашахватила мне в глаза (меня передернуло), а теперь написала (меня в пот бросило — было

* Невозможно! (*фр.*).

** Кошелек или жизнь — жизнь или музыкальную драму (*фр.*).

23 градуса). За что же, то лихорадка, то паренье? Я не из злых и не за что меня казнить. Я твердо убежден, что только скромность в труде и искреннее желание побеседовать хорошенько с приятными человеческими может служить залогом независимой творческой деятельности. Зачем же ставить в зависимость от атрибутов творческого мундира? Я человек, и мне доступны все человеческие гадости, как и некоторые хорошие стороны человеческие, только дай волю страстям, как говорится. Не давал в этом отношении и не дам, пока сил хватит. Завиднее всего спокойная совесть.

А впрочем, крепко целую моего милого дяньку и прошу передать Людмиле Ивановне, что я подумал над ее письмецом и при свидании (в 20-х числах сего августа) побеседую с нею. Не пишу потому, что не о чем писать, а об этой okazji лучше толковать, глядя друг другу в глаза, чем за 700 верст. Анне Васильевне мой искренний привет, не забудьте и Вашу барыню, ибо я ее не забыл.

Модест

70. Ц. А. КЮИ

Шилово, 15 августа 1868 г.

15 августа *

Спасибо, милый Cesare, за весточку¹. А я было задурил на Ваш счет. Что делать? Удел мой вечно подозревать себя, где не следует, и не подозревать, где следовало бы. *Cela doit vous prouver un peu ma stupidité. — Qu'en faire! ***. Я привел в порядок сочиненное и зубрю, чтоб Вам показать². Зубрить труднее без инструмента, чем писать.

Из письма Корсиньки я еще раз убедился, что вы отреклись от Вашего инструментального отречения³. Честь Вам и слава! Из Вашего милого послания я извлек надежду услышать «Ратклифа»; хотя и подождем, но все же услышим. Ну да хорошие вещи всегда заставляют себя искать и ждать, а «Ратклиф» более чем хорошая вещь, о которой я говорю. «Ратклиф» не только Ваш, но и наш. Он выголезал из вашего художнического чрева на наших глазах, рос, окреп и теперь в люди выходит на наших же глазах и ни разу не изменил нашим ожиданиям. Как же не любить такое милое и хорошее существо, как же не сказать, что оно более чем хорошее! Что касается сделанного Вами в последнее время, то я твердо убежден, что при том настроении, в котором я Вас оставил, Вы сделали превосходное дело. Настроение для художника — великая вещь! И что Вы меня насладите при приезде — в этом я тоже убежден. В двадцатых (с небольшим

* Далее приписка В. В. Стасова: «1868, село Шилово (станция Лаптево)».

** Это должно Вам дать понятие о моей глупости. Что же с этим поделать (*фр.*).

хвостиком) числах этого месяца свидимся. Я все еще отдыхаю от 1-го акта, т. е. обдумываю, складываю 2-й акт, но за писанье не принимаюсь. Чувствую, что выждать надо, чтобы купеческий характер (начало акта) и Жевакин с Яичницей вышли настолько же путно окрашенными, как удалось окрасить Феклу и Кочкарева. А многое складывается. Вот уж поистине, «чем дальше в лес, тем больше дров!» И что за капризный, тонкий Гоголь.

Наблюдал за бабами и мужиками — извлек аппетитные экземпляры. Один мужик — сколок Антония в шекспировском «Цезаре» — когда Антоний говорит речь на форуме над трупом Цезаря. Очень умный и оригинально-ехидный мужик. Все сие мне пригодится, а бабьи экземпляры — просто клад. У меня всегда так: я вот запримечу кой-каких народов, а потом, при случае, и тисну. А нам потеха! Вот что я делаю в настоящее время, мой милый Cesare. А как, много-много через десять дней, надеюсь с Вами свидеться, то и прекращаю болтовню. Прекратив оную, крепко целую Вас, милый, а барыне Вашей и все-таки *dottore doctissime* нилу горячий мой привет.

Модест

Милий, говорят (т. е. пишут), никому не пишет, хотя сведения о нем имеются⁴.

Вот что странно: «Ратклиф» Гейне — ходуля, «Ратклиф» Ваш — тип бешеной страсти и до того живой, что из-за Вашей музыки ходули не видны — ослепляет. Вот еще почему «Ратклиф» более чем хороша вещь, п[отому] ч[то] это первый подобный тип в музыке — вы полени-и-и-и. A vous l'honneur — le charme à nous*.

71. Н. А. РИМСКОМУ-КОРСАКОВУ

Шилово, 15 августа 1868 г.

15 августа

Милый друг Корсинька, еще раз здравствуйте! Хотя на 11-й строчке Вашего милого послания (сосчитал) в речи: «жду Вас с нетерпением, ибо мне Вас не хватает (читай хватает) и действительно не хватает слога *та*, но тем не менее спасибо Вам, друг, за теплую речь, и за поддержку вдвое¹. Да, это по-товарищески: поддержать, когда нужно; и Ваши теплые слова меня теплотой обдали, хотя и жарко в воздухе. Спасибо! Эти дни я привел в порядок сочиненные мною в деревушке 2-ю, 3-ю и 4-ю картины 1-го действия «Женитьбы», т. е. само первое действие. Сделал это опять-таки против ожидания.

* Вам честь — нам удовольствие (*фр.*).

Я писал в первый раз в жизни я писал* без помощи инструмента, т. е. без проверки на деле сочиняемого, и думал, что в такой вещи, как музыкальная проза (где гармонические условия страшно капризны), мне не обойтись без инструмента. Но, получив послания от Цезаря и Ваше, я возгорел лихорадкою порядка и привел в чистоту и порядок сочиненное, ибо привести было можно — ошибок нет, а сделал это для того, чтобы, как переплетут «Женитьбу», то показать Вам, милым. Теперь подзубриваю. Презабавно выходит.

2-е действие только в мыслях и планировке — сочинять еще нельзя, — рано! Терпение, а то впадешь в однообразие интонаций — самый страшный грех в карпизной «Женитьбе». Впрочем, гаданье на картах невесты и Жевакин уже рисуются...

Радуюсь, что Вас тормозит «Псковитянка» и был убежден, что так-таки с любовной сценки и со сказки и начнете², а там: чем дальше в лес, тем больше дров, как уже писал Вам. Еще раз радуюсь за «Антара» — довершайте! Касательно Ваших намерений во Власти не спорю и думаю, что восточная власть, понятая с наружной ее стороны, не противоречит художественному требованию, ибо власть эта любила и любит высказываться преимущественно в помпе. Но относительно последней картины «любви» спорю против вступления, по-моему, прямо-таки, как у Вас было, без вступлений. Художественнее, проще и искреннее. Неужели для эстетического вкуса, после D-dur помпозного характера, для Des-dur'a — характера меланхолически-патетического, нужны А с рогами. И это говорите Вы — Глинка эстетики! Не смущайтесь! Что же может быть поэтичнее, после forte D-dur pomposo (как у Вас, помнится, оканчивается картина Власти), меланхолического Des-dur, прямо, без всяких подходов. Если напоминание развалин и Пери Вам нравится, то не угодно ли быть верным подлиннику Сенковского и перед каждой картиной делать вступление из развалин с Пери (это последовательно). Что за белиберда вышла бы. Таково мое мнение, что чем проще и искреннее, тем лучше. Мнение — без подходов, Власть — тоже, за что же любовь-то Вы занимать хотите у немцев. Вот я и спорю — так мне сдается, что я имею право спорить — вспомните «Садко» и его окончание³. Знаете, что после антаровского cis-moll и D-dur, Des-dur прямо несет Антара за облака, в тот мир гурий, пери и вообще милого народа, который очищает, на время успокаивает (мирит) Антара и поэтически возвышает. О подходы! Сколько Вы хорошего погубили!

Вот еще насчет симфонического развития. Вам как будто страшно, что Вы по-корсаковски пишете, а не по-шумански. А я Вас скажу (Вы презрели страх — vous êtes brave**), что крошка для немца беда, а мы ее с удовольствием вкушаем (point de comparaison s'il vous

* Всегда обернись назад, на пройденное! — не соблюл (примеч. М. П. Мусоргского).

** Вы мужественны (фр.).

plait, comparaison n'est pas raison*). Немецкий же Milchsuppe или Kirschensuppe** для нас беда, а немец от этого в восторге. Bref***, симфоническое развитие, технически понимаемое, выработано немцем как его философия — в настоящее время уничтоженная английскими психологами и нашим Троицким⁴. Немец, когда мыслит, прежде разведет, а потом докажет, наш брат прежде докажет, а потом уж тепшит себя разведением (у Бородина Вы не подходили к любви, а теперь подходите). Больше я Вам ничего не скажу насчет симфонического развития.

Теперь, мой милый Корсинька, выслушайте одно: творчество само в себе носит законы изящного. Проверка их — внутренняя критика; применение — инстинкт художника. Если нет того и другого — нет творца-художника; если есть творец-художник — должно быть и то и другое, и художник сам себе закон. Когда художник переделывает, он неудовлетворен (мщение — я рад!)⁵. Когда он, удовлетворенный, переделывает или, что хуже, доделывает, он немчит — пережевывает сказанное. Мы не жвачные, а всеядные животные. Противоречие! — и с природой.

«Вот как начнешь этак, один, на досуге подумывать, так видишь, что точно надо»⁶... надо сделаться самим собой. Это всего труднее, т. е. реже всего удастся, но можно. А так как можно, то нечего разводить, а поцеловать крепко Корсиньку могу и даже очень и пожелать ему приятного сна, ибо 2-й час ночи.

Модест

В конце августа я с Вами.

1869_{год}

72. М. А. БАЛАКИРЕВУ

Петербург, 27 сентября 1869 г.

Дорогой Милый, я очень сожалею, что не могу быть Вам полезным: во-первых, сильная простуда, которую ощущаю с среды, но это бы еще ничего — я сегодня через силу пошел на службу, а следовательно, тем более мог пойти бы завтра помочь Вам в нашем общем деле. Но вторая

* Никакого сравнения, пожалуйста, сравнение не доказательство (*фр.*).

** Молочный суп или вишневый суп (*нем.*).

*** Коротко говоря.

причина гораздо сильнее сильной простуды. Я не считаю нужным врать, а потому говорю прямо: при большой компании вовсе мне неизвестных лиц я не чувствую себя несколько способным действовать на фортепиано, а при моей отвычке от игры и от «Фауста» Шумана — я способен формально затруднить Вас скорее, чем помочь Вам¹. И сия мысль — аккомпанировать Вашему хору — до того мне не по нутру и даже тревожит мои мозги, что если бы Вы даже в душе обвинили меня за нелепый каприз, то и в таком случае я не пойду, хотя мне было бы тяжело понести обвинение в нелепом капризе.

Надежда Петровна потому сказалась вне дома, что была не одета, это заведенный ею порядок: до 2-х часов она всегда вне дома, а сегодня собиралась в 3 часа ехать по разным мытарствам.

Крепко целую Вас, дорогой, и прошу не вменять в обвинение мне моего отказа.

Ваш *Модест*

27 сент.

Я получил конверт с билетами на квартет и концерт симфонической музыкальной труппы². Решил немедленно препроводить эти билеты в музыкальную труппу. Демидов сошел с ума и находится у Штейна³. Подковыривал Рубинштейну, а попал к Штейну. Грустно.

73. К. К. АЛЬБРЕХТУ

Петербург, декабрь 1869 г.

Милостивый государь

Карл Карлович.

Наше заочное знакомство должно быть начато с моей стороны просьбою извинить меня за поздний ответ. Дело в том, что вполне сочувствуя Вашему предприятию, я желал ответить Вам самим делом, т. е. посылкой хоров, да беда помешала. А беда заключается в том, что я не могу располагать временем по своей воле, — готовых же хоров не имею.

Во всяком случае прошу Вас быть вполне уверенным, милостивый государь, что при первой возможности я потороплюсь исполнить Ваше предложение, и уверенность Ваша не должна колебаться, потому что за исполнение моего обещания ручается та цель, которая положена в основу Вашего предприятия и которая не может не быть близка русскому музыканту¹.

Искренно уважающий Вас

М. Мусоргский

1870 год

74. В. В. НИКОЛЬСКОМУ

Петербург, 19 мая 1870 г.

Творник 19 яма
213 312

Милый дружок дяинька, книжицы прилагаю со многими remerciements*, а особливо за «Выговскую» и за Троицкого¹. Лесной департамент вводит корректуру в российский язык и пишет с введением, с многими и проч., но аз остаюсь неуязвим и продолжаю писать, как лучше звенит. Быть может, милый дяинька, утомленный и измученный, прилег маленько всхрапнуть, того ради писуличку ему отпускаю, и, пользуясь случайною случайностью, прошу душевно о нижеследующем:

1. Не обращайтесь внимания на мою просьбу, [потому] [что] она недобросовестна;

2. Обратите на нее внимание, [потому] [что] она добросовестна, а в чем просьба, тому и пуншты имеются: завтра перед дяинькой обязуется трепетать мыслями малый Опочинин, а как я сию штучку, т. е. малого (имя рек) возлюбил, то и прошу ему уделить на испытании его мозгов кусочек тепленького обстоятельства** — буде он достоин будет; надеюсь, впрочем, что будет достоин: мальчуган не лишен комизма, а это вещь хорошая².

самобытности

Самому страшно за написанное! Так ли я дяиньку понимаю? А во всяком случае, накрепчайше целовать его, моего дяиньку, изволю — это совсем мне не страшно.

Модест

75. А. Н. и Н. Н. ПУРГОЛЬД

Петербург, 18 июня 1870 г.

18 июня
1870 Петроград
В самый четверг

Донье Анне-Лауре и прелестному Оркестру привет¹. Он благодарит, он пишет, он посылает — он уже давно рискнул, [потому] [что] риск нужен. Итак, «Семинарист» предается печатному заклятию. Да будет так!²

* От французского remerciements — выражениями благодарности.

** Сиречь — не запугать уж больно (примеч. М. П. Мусоргского).

Он очень благодарит — он просит милый Оркестр вспомнить нечто насчет корректуры; просит потому, в особенности, что уверен в хорошей и даже отличной памяти Оркестра — музыкальной памяти.

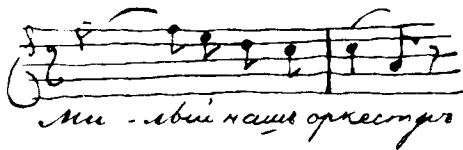
Он чрезвычайно благодарит и просит распорядиться высылкою закланного «Семинариста» по его адресу, невзирая на цензуру, ибо в реченном «Семинаристе» нет ничего непозволительного, и еще раз, ибо — уверен, что распорядиться сумеют².

Я написал «Раёк»; штучка возбуждает добрый смех; по приезде увидите и услышать можно будет. Донья Анна-Лаура, столь любезно относящаяся к маленьким животным (аквариум в Берлине), надеюсь, еще любезнее отнесется к крупным³. Что касается милого Оркестра, то он, уже несколько привыкший к моим музыкальным безобразиям, прелестно изобразит, мне на помощь, крупных животных, которых, признаться, я изобразил со всею любовью и теплотой, столь свойственными моему музыкальному безобразию (sic).

По какому случаю Вы пишете Аквариуму?⁴ Видно, в самом деле очень понравился.

Корсинька уплыл в финские страны⁵. Перед его отбытием из Петрограда, я был у него и испытал превосходное нечто. Это нечто не иное что, как черточка в таланте Корсиньки, познавшем драматическую суть музыкальной драмы. Он, т. е. Корсинька, великолепно состряпал историю с хором в вече — совсем, как тому быть надлежит: я даже засмеялся от восторга⁶. Милый отбывает в Московию на днях, а остальной разбойничьей шайке передам Ваш поклон. Кстати, слово поклон напомнило мне, что музыкальному безобразнику кланяется прелестный Оркестр;

благодарю очень

и очень ему

кланяться изволю⁷.

Так как Вы торопите меня ответом, Донья Анна-Лаура, то я и тороплюсь ответом, а потому Ваши милые поручения (№ дома Людмилы Ивановны и что Вам петь немецкого) исполню письменно вслед за этим посланием. Но почему я насмешник — не понимаю. Я скромн, прост и вежлив, только не стыдлив⁸ — это уж было бы ни на что не похоже.

Еще раз крепко благодарю Вас и крепко жму Вашу руку. Прошу передать Вашим мой искренний привет.

Модест Мусоргский

Р. S. Если Владимир Федорович в Теплице, то хорошо сделаете, уведомив меня о том; мне хотелось бы известить его о состряпаннии «Райка» и хотелось бы потому, что во мне как-то очень тепло отдается его сочувствие моим музыкальным шалостям.

Петербург, 24 июня 1870 г.

24 июня 1870 г. Петроград.

Донне Анне-Лауре и милому Оркестру еще раз привет. Исполняю поручения: № дома, в котором живет Людмила Ивановна, 30-й, дом принадлежит или принадлежал гр. Олсуфьеву. Из немецких вещей пойте то, что Вам понравится, [потому] [что] Вам лучше сделать выборку на счастье, чем мне — издали: а на счастье потому, что я очень сомневаюсь в немецкой вокальной музыке вообще и в немецкой нынешней в особенности. Немцы и немки поют, как петухи, воображая, что чем больше разинут рот и чем продолжительнее протягота — *portamento*, тем чувствительнее. Строго говоря, картофель, *Kirschensuppe*, *Milch* и *Tchernickensuppe* не особенно хорошо влияют на силу чувств и в особенности художественного, и, на мой вкус, немцы, переходя от закаренной в свином сале подошвы до семичасовой оперы Вагнера исключительно, не представляют ничего для меня привлекательного. Другое дело немцы, оставшие от фатерландской подошвы и петушьей протяготы, — они всегда интересовали и интересуют меня, но такие немцы романсов и лидеров не пишут. Впрочем, для курьеза, возьмите *Robert Franz's* — он один Вас вполне успокоит насчет желания покушать от немецкой приторно-фатерландской музыкальной стряпни. Все это я говорю из зависти и ради насмешки, но не завидую немцам, и не смеюсь над ними, [потому] [что] нельзя смеяться над тем, что скучно, а можно только отворачиваться. Вы сами знаете: гениальнейшие немцы, Бетховен, Вебер и Шуман (каждый в своем), были плохими вокальными сочинителями, не исключая характерного и до сих пор во многом свежего Вебера. Немцы поют, как говорят, а говорят *à faire tonner le gosier**, но когда сочиняют для пения, то о *gosier* не думают, насильно втискивая человеческую мысль в рамки предвзятой музыкальной фразы. Это народ и в музыке умозрительный, чуть не на каждом шагу впадающий в отвлеченность. Вам, воспитанной на русской почве реализма, не понравятся (я надеюсь) немецкие петушинные *Sehnsucht's***.

Считал нужным сказать Вам всю эту диатрибу, [потому] [что] удивился, или нет, [потому] [что] озадачился Вашим вопросом, что петь из немецкого: пойте все или ничего — результат будет одинаковый; неужели Вы сами этого не знали, а если знали, то зачем, потехи ради, спрашивали меня, Донья Анна-Лаура? Вот милый наш Оркестр прогневается, если Вы ему прочтете мое писание. Он, Оркестр, преимущественно умозрителен, а за музыкальную красоту не хочет или не хотел видеть срунды.

* С раскатами в глотке (*фр.*).** Томления (*нем.*).

Я надеюсь получить от Вас и от милого Оркестра несколько строк. Это так легко делается: взял перо и написал, конечно омочив предварительно перо в чернилах или другой какой-либо видной жидкости, например [имер] в кофе, которого так много испивает цикорная Германия.

А пока крепко жму Ваши руки Донья Анна-Лаура и милый Оркестр и прошу отписать, а Вашим, которые меня знают, кланяюсь.

Модест Мусоргский

77. В. В. НИКОЛЬСКОМУ

Петербург, 28 июня 1870 г.

28 июня, Петроград

Понеже жажду имеем — здравствуйте, дружок дянька, и с целованием крепким — паки здравствуйте. А мы без Вас «Раёк» согрешили, а выходит так, что этот самый «Раёк», якобы в зеркале, отражает безобразие превесьма важных музыкальных особей; и зовут их, сердечных, разно. А как зовут и зачем так зовут, а не иначе, — прислушать просим. Сперва-наперво происхожу я, раб божий, Ваш собственный дянька, и, приподнимая завесу райских прелестей, заставляю происходить реченных особей, каждую с приличным ей сопровождением мусикийских согласий — и ничего: выходит так, что, пожалуй, и совсем вышло. По великой же пользе для меня нелицемерного суда моего дружка дяньки и успокаиваемый тою добродушною думою, что не привыкать стать этому самому дяньке читать всякую всячину (понеже призвание к тому имеет и не без достаточной терпеливости читать может), я и изображаю предерзко свои райские измышления воочию¹:

РАЁК

(*Я сам*) Эй, почтенны господа,
Захватите-ко глаза,
Подходите — поглядите,
Полюбуйтесь — подивуйтесь.
На великих на господ,
Музыкальных воевод.
— Все здесь!
Разливалась реченька
На три рукава:
Один рукав леском прошел,

А другой рукав по песочку повернуло
А третий рукав-то под мельницу,
Под из-вяза колесо,
Под самый жернов.
Ой вертись, колесо,
Ой мели, жернов,
Всю правду мели
Про этих самых молодцов,
Музыкальных удальцов.
— Показывают:

№ 1

Музыка из сражений Гензеля
«Маккавен»

Вот, сорвавшись с облаков,
Туманов вечных житель
Смертным открывать идет
Смысл таинственный вещей
Совсем обыкновенных.
«С помощью божией».
Учит, что минорный тон —
Грех прародительский
И что мажорный тон —
Греха искупление.
Так-то, витая в облаках
С птицами небесными,
Расточает смертным он
Глаголы непонятные
«С помощью божией».

№ 2

За ним бежит вприпрыжку
Фиф вечно юный.
Фиф неутомонный,
Фиф примиритель,
Фиф всесторонний.
Всю жизнь он вертелся,
Ну и завертелся:
Ничему не внимлет
И внимать не в силах,
Внимлет только Патти,
Патти обожает,
Патти воспекает:
«О Патти, Патти,
О Па-па-Патти,
Чудная Патти,
Дивная Патти,
О Патти, Патти,
О Ти-ти Патти
Чудная Патти,
Славная Патти!
Но зачем, о Патти!
Парик белокурый?
Белокурый?
О Патти Патти,
О Па-па-Патти,
Чудная, дивная,
Милая, славная,
Па-па, Ти-ти,
Ти-ти, Па-па,
О Па-па, Ти-ти,
О Ти-ти, Па-па!

№ 3

Вот плетется шаг за шагом
Тяжко раненный младенец,
Смыть пятно с себя молящий —

Одна из «пес»

Неприличное пятно?
А было время, он был невинен
И послушанием старших пленял.
Лепетом милым, стыдливо-детским,
Многих сердца он тогда привлекал.
Но прошло то время. Почув ^{себя} вдруг
Полным воли великой, врага ^{узрел}, —
С ним в бой вступил и погиб!..
Удар моральный понес
бедняжка —
Воли великой удар!..

№ 4

Из славной оп. «Рогнеда»

Вот он — титан!
Ти-тан, ти-тан!
Вот он мчится, несется, метется,
Рвет и мечет, злится — грозит
Шеклатый, страшный!..
На тевтонском Букефале,
Заморенном Цукунфистом,
С пачкою громов под мышкой,
Изготовленных в печатне:
Кресло гению скорей! — негде
гению присесть,
На обед его зовите! — гений ^{очень}
любит ^{спит}.
Всех директоров долой! — он ^{один}
их всех ^{заменит}.
Вот вскипел! — и пошел,
И пошел, пошел, пошел,
Прямо к ним, прямо к ним,
К воеводам удалым;
Сей титан, сей титан
С титанической гордыней,
О скандал, о скандал,
К ним в компанию попал
И тотчас же осерчал,
С яростью на них напал
И жестоко оттрепал.
Уж он их трепал-трепал,
Трепал-трепал..
Но грянул гром!..
И тьма настала,
«Ночная мгла затрепетала»⁴,
И пали ниц в священном страхе
Туманов житель, Фиф, младенец
И гордый сей титан-тан.
И в венке из роз и лилий
И камелий белоснежных
Предстала муза⁵.
И полилися ароматы,
Воеводы присмирели
И запели гимн молебный

Салонный
вальс

Музыка
«Из-под вяза»

О преславная Евтерпа,
О великая богиня,
Ниспошли нам вдохновенье,
Оживи ты немощь нашу!
И златым дождем с Олимпа

из-под дуба»
grandioso

Ороси ты нивы наши,
Светлорусая богиня,
Небожительница муза!
Мы тебя вовек прославим
Воспоем на звонких цитрах! —

Посвящение учинено пребольшему генералу Баху с надписью «твоя от твоих — тебе приносяще»⁶. Он так доволен, что расцеловал меня, и неоднократно, что с ним редко приключается, а мне, рабу божью, это в приятность. Так вот, дружок дяинька, посудите меня, скоморошеньку опасливого, а мы это изображение тиснем — пусть воеводы радуются.

Теперь прошу перейти к следующему листику⁷:

Ваши записки Истории русского языка я прочел с великим интересом и со столь же великим поучением⁸. Изложение ясное, сжатое, и если юншки зацепят в мозги то, что глядит сквозь эти записки, то благо им будет, а Вам спасибо русского люда за подготовку российских мозгов (в умственном смысле, а не в соусном, дорогой дяинька). Я, по крайней мере, прочтя записки, почуял звук родной струны — обращение к образной, народной русской речи, к тому могучему слову, которое как будто намекнет, а не смотришь — уже и все сказано... А что нужно возбудить естественные силы в искащенной русской речи — это сомнению не подлежит; а что вместе с пользованием русской речи поправится и русская мысль — это тоже сомнению не подлежит. Русская современная речь — то же, что человек, носивший внутренние каблуки и узкую обувь, от которых у него ногти вросли в неподлежащие места и образовали наросты дикого мяса. Надо вырезать посторонние наросты и обуть больного (хотя на время) в лапти; а то вместо человеческой походки происходит какое-то шатание.

Недавно случилось прочитывать нечто о русском воинстве — наипаче о новгородском и псковском, — разумеется, старинном воинстве. Что за хватающая образность в названиях (нынешних военных терминах) и какая сердитая вкусная самобытная терминология!

Как меня тянуло и тянет к этим родным полям, то я знаю и дяинька знает — недаром в детстве мужичков любил послушивать и песенками их искушаться изволил.

Ваши записки читает А. П. Оп.... по тому мудрому его правилу, что переставать учиться никогда не следует; очень записочками занимается. В подробности Вашего труда не вхожу, милый дяинька; для этого надо больше смысла, но то, что я узнал в них и что вывел из них, то ужасно мне вкусно показалось, а за вкусным блюдом всегда следует поцелуй, следовательно...

Ваш дяинька

Отпишите, родной, в Замок⁹, мне — кв. Опочининых.

Петербург, 13 июля 1870 г.

Петроград, 13 июля 1870

Враждебной Донне Анне-Лауре и совершающему *lunga pausa* милосту Оркестру все-таки привет, несмотря на гнев Донны Анны-Лауры и невозмутимое молчание милого Оркестра.

Людмила Ивановна передала мне в точности Ваш гневный порыв, Донна Анна-Лаура¹, и вот мой ответ на него:

«Я враг советов и друг беседы».

Заголовок «Семинариста» прошу Вас устроить по Вашему любезному усмотрению, но предпочел бы простоту, — ее я так же люблю, как и беседу.

В настоящее время, когда Пруссия и проч., и в настоящее же время, когда Франция без всяких прочих, взаимно состязаться намериваются, положение «мусикийских жриц» меня интригует².

Я полагаю, что многомилые, хотя и капризные «жрицы» находятся в созерцании неизвестной величины — кто кого побьет? А полагая таким образом, я не сомневаюсь, что разрешение этого вопроса несколько волнует «жриц» и потому волнует, что разрешить его «жрицы» не могут, [потому] ч[то], строго говоря, никто, кроме состязующихся, разрешить его не может: кажется, я верно рассудил. Вы должны быть окружены трагическою картиною военных приготовлений, картиною «жертв заклания» всегда невинных, как бараны, если последние в самом деле невинны. Фатерланду грозит опасность, значит, члены фатерланда должны воспалиться человекоубийственным рвением, и члены воспаляются впрямь до ампутации. С другой стороны, *grrrrgrande nation** ужалена мудрым шёнгаузенским змием³, и действие змеиного яда сказывается в таком же человекоубийственном рвении, то же воспаление членов и тоже впрямь до ампутации — в результате клинические экспертизы, а газеты пишут «война».

Был у директора: сказал, что в этом году они ничего не могут поставить нового, а, впрочем, меня могут позвать в половине августа или в начале сентября попутать их «Борисом»⁴.

Вот и все; а «враг советов» я потому, собственно, что, по моему скромному мнению, всякий человек есть индивидуум, и в качестве последнего имеет многое ему одному свойственное. Следовательно, опять-таки по моему скромному мнению, беседа, т. е. обмен мыслей и воззрений, есть лучшая почва для свободного приобретения того, что навязывается советом. В моем письме я сказал то, что думал, и беседовал с самостоятельной натурой самостоятельно.

А впрочем, крепко жму трепещущую от гнева руку Донны Анны-Лауры и неподвижно простертую в *lunga pausa* руку милого Оркестра.

Модест Мусоргский

* Великая нация (*фр.*); 5 «г» — шутка М. П. Мусоргского.

*Петербург, 14 июля 1870 г.*14 июля
1870 г.

Ваша милейшая записочка, дорогой мой генераль, повергла меня в смущение великое, ибо завтра обещано мною Владимиру Опочинину, и отказ вполне неудобен, а к Вам тоже хотелось бы очень попасть¹. Поздравляя и заочно, пока, лобзая Вас от всего моего грешного сердца, я намерен лобзать Вас в действительности в четверг и очень бы рад провести с Вами денек «на воздушных»: надо думать, что это непременно случится, и еще надо думать, что Вы, дорогой мой, не будете против этого. Что поделаешь — вышла канитель, оной же не раскусить самому крепкозубому обжоре. Если Вы, милый, паче чаяния, не отыщетесь в четверг в парголовских странах, то буду считать это обстоятельство великою неудачей, ибо не найду искомого и желаемого. Впрочем, с Вашим маршрутом в кармашке, отъезжаю к Вам — и это более чем непременно. Еще раз поздравляю во всю мочь*, и хотя заочно, крепко-накрепко целую Вас, дорогой; до четверга.

Мусорянин

80. Н. А. РИМСКОМУ-КОРСАКОВУ

*Петербург, 23 июля 1870 г.*23 июля 70 г.
Петроград

Друзжок Корсинька, здравствуйте...

Cesage сообщил мне о «Каменном госте», что он пойдет в этом сезоне непременно — таково желание Гедеонова¹. Финансовая сторона дела, по-видимому, приведена уже в известность и соглашение состоялось²; впрочем, об этом узнаете от самого Cesage, а я боюсь что-нибудь переврать и изобразить бабу — газету. Выходит, что мы услышим вскоре «Гостя» в прелестной Вашей инструментовке и увидим «Каменного

гостя» в каменном исполнении наших артистов. Кроме Петрова, тут а отменнейшего, я не рассчитываю, как Вы сами знаете, ни на одну персону. Но, несмотря на ожидаемое мною печальное исполнение (в болышнпстве) лебединой песни Даргомыжского, я уверен в чрезвычайном движении, которое должно произвести исполнение «Каменного гостя». То-то будет столпотворение вавилонское и смешение языков! И, быть может, хорошо, что это смешение будет происходить в бытность Даргомыжского среди предков, [потому] ч[то] хотя он и выказал в своей музыкальной деятельности замечательную энергию и стойкость, преследуя свои заветные художественные цели, но, как человек, Даргомыжский принадлежал к людям 40-х годов; следовательно, смущение душ публичных по поводу его «Гостя» отозвалось бы в нем болезненно, и даже, может быть, и компания наша поспасла бы его от нового нравственного падения*, — кто знает? Даргомыжский окислялся чрезвычайно быстро, и происходившее в нем от окисления брожение туго поддавалось пользованию. Находясь же среди предков (хотя, по моему мнению, и слишком преждевременно), Даргомыжский стоит на высоте гениального художника и к его неприступной позиции не пристанет никакая дрязга, а для влияния на ход музыкального дела эта статья очень важная. Уверенность, смелость и спокойствие — вот что должно быть нашим девизом и что *должно было быть* девизом Даргомыжского, [потому] ч[то] он вносил и внес в искусство то нечто, которого до него никто не подозревал, а при нем и даже после него не вполне признают возможным быть. Так *напролом* надо идти, [потому] ч[то] это нечто *есть*; значит: уверенность, смелость и спокойствие, а он этим-то и хворал.

Дважды находился в Парголове и вчера производил свои шалости при многочисленной аудитории³. По поводу мужиков в «Борисе» одни нашли, что это буф (!), другие же увидели трагизм⁴. «Раек» производил взрывы хохота, а корчма в «Борисе» смутила многих.

Кстати, и я шлепал к Гедеонову: он был строг, но справедлив, и я был строг, но справедлив; в результате — меня позовут, начиная с 15-го августа (?), но ставить нового они ничего в этом году не могут⁵. Как идет дело с «Псковитянкой»? Спрашиваю потому, что инструментовка «Каменного гостя» уже сложилась и, следовательно, только укладывается на бумажку, что не мешает мозгам гулять по Псковским странам и натякаться на грозного Ваньку⁶. Пожалуй, отпишите, дружок Корсннька, я очень жажду Вашего писания.

Людмила Ивановна хворает и грустит — *mauvais!*** Я навещаю ее, но дело не идет на лад: думаю, что ей тяжело теперь писать к Вам⁷. Милый бедствовал по части уха в Иерихоне, но теперь, кажись, нала-

* Большого тормоза пропаганде искусства при жизни художественного деятеля (примеч. М. П. Мусоргского).

** Плохо (фр.).

дился. С химическим бригадиром не пишушь и не знаю, где он чай пьет⁸. От Пургольд имею сведения — уже продержаны корректуры «Семинариста»; приготовил к печати остальные романсы и «Раёк»⁹.

Крепко целую Вас, дружок. Отпишите.

Модест

81. В. В. СТАСОВУ

Петербург, 18 августа 1870 г.

18 августа
1870

Дорогому Володимиру Васильевичу от Мусорянина послание.

При крайней боязливости (как Вы знаете) к музыкальным грешкам моей страпни я, быть может, никогда бы не решился тиснуть при жизни окаянного «Семинариста» и признаю Вас, дорогой мой, купно с Людмилою Ивановною, причиною его выхода в свет, так Вы сумели (и еще один хороший человек А. П. Оп...) наэлектризовать меня горячим словом.

Считаю полезным описать Вам шествие реченного «Семинариста» по гееннее огненной. Этот блудный сын, задержавшись чуть-чуть в наружной цензуре, совсем застрял во внутренней: не пропущен в продажу, вследствие заключительного сознания Семинариста, что ему «от беса искушение довелось принять в храме божьем»¹ Сами посудите, что тут предосудительного? Чуть не каждый день попы пред престолом всевышнего избивают дяконов (и наоборот) крестами, священною чашею и, одухотворяясь, беззастенчиво въезжают один другому в «волосное»: это ли не «беса искушение»? А ведь вещественная схватка невестественных в Исаакиевском соборе была официально заявлена читающему люду². История возвращения моего «блудного сына» из германского манежа на родину чрез наружную геенну очень бесхитростна. Таможенный чин-ревнивец усмотрел в «Семинаристе» латинский язык, а следовательно, по его мнению, религию (!) и, стало быть, цензурное дело. Трепет языка этого ревнивца, когда он проталкивал из себя свое мнение, возбудил во мне жалость, и я из «жертвы закланья» превратился в «прецептора», пытаюсь успокоить возмущенный пламень сердца чиновника из таможни уверением, что сия латынь обозначает исключения в склонении и почерпнута из латинской грамматики, рассмотренной, просмотренной, съеденной и переваренной предержажими лицами и, следовательно, ими одобренной³. Не подействовало: «ревность не знает убеждений разума!». Сегодня был у цензора: посоветовал подать прошение (копия прилагается)⁴; что будет — не вем. Посылаю Вам, дорогой мой, одного из сотни «Семинаристов», примите «блудного

сына» с отеческою любовью; не утерпел — и расстался с единственным оставшимся экземпляром из 3-х, дарованных мне щедрою рукою божественного цензора¹.

Послание это должно служить залогом (между нами) первого огненного крещения и кумовства с правительством музыканта. До сих пор цензура музыкантов пропускала; запрет «Семинариста» служит доводом, что из «соловьев, кушей лесных и лунных воздыхателей», музыканты становятся членами человеческих обществ, и если бы, всего меня запретили, я не перестал бы долбить камень, пока бы из сил не выбился; ибо «несть соблазна мозгам и зело великий пыл от запретов оущаю». Vade retro satanas!*

Ваш душою Мусоринин

82. В. В. СТАСОВУ

Петербург, 22 августа 1870 г.

Посылаю Вам, дорогой женераль, Kinderbalsam**. Если захотите играть — не обращайтесь внимания на карандаш. Завтра, буде хорошо, прибуду в марголовские страны². Великое спасибо за «присловие, боярин», насчет «Бориса» — воспользуюсь³. Крепко целую Вас. Шаши приехали, я был у них сегодня, — они молодцы, протащили «Семинариста»⁴.

Ваш Мусоринин

22 авг.
1870

1871 год

83. Н. А. РИМСКОМУ-КОРСАКОВУ

Петербург, 8 января 1871 г.

8 янв.
1/2 12-го

Только что получил Ваше послание, дружок Корсинька, и отвечаю немедленно, как это Вами заказано¹. Досадую за дежурство, но неча делать! Вчера от Людмилы Ивановны, в момент предстоявшего опущения ее в содовую купель, я, по любезному совету нашей голубушки, потек к Нургольдам и пробалагурил у них с $\frac{1}{2}$ 10 до $\frac{1}{2}$ 11. А как Вы, вероятно, получите, а быть может, уже и получили приглашение Людмилы Ива-

* Отойди от меня, сатана! (лат.).

** Детский бальзам¹ (в смысле детская мазь) (нем.).

новны откушать у нее в понедельник, вместе с музыкальными барышнями, то, полагаю, что (до понедельника) не придется нам, дружок, принимать путешествие к вышереченным сударышням².

По сей порядкам все
Честь коей-как дана, —

изображаю: Вы в хорошем душевном обстоятельстве — сие меня радует; я пишу фортепианную штучку — сие Вас радует³; мы в понедельник увидимся — сие нас радует (я тоже подчеркиваю). А что *было*, когда *бы было* я не я*, то об этом, я полагаю, мы не имеем никакого понятия (!!!). Вот так вздор!

Крепко обнимаю Вас, до свидания, друг,

Модест

Р. С. Людмила Ивановна потому учиняет обеденный стол в понедельник, что желает постепенно втолкнуть в прежнюю колею барышень⁴; а с нас начать и перейти на необузданных варваров⁵ к вечеру, она находит удобнее.

84. Д. В. СТАСОВУ

Петербург, 21 января 1871 г.

Милейший Дмитрий Васильевич, благодарствуем и, конечно, отъядимся. А что касается Кюи, то я ему отписал о Вашем приглашении, но не скрою что основательнее было бы Вам, милый, собственноручно (или как Вы найдете удобнее) позвать его.

Ваш *М. Мусоргский*

21 января 1871

85. Н. А. РИМСКОМУ-КОРСАКОВУ

Петербург, 27 марта 1871 г.

27 марта 1871 г.

Друг Корсинька, вот Вам текст для бабусек, чествующих Ваньку: по моему уразумению, лучше, если они станут величать царя в самом конце — ибо подаром он грозный¹.

* Подчеркнуты в Вашем послании (примеч. М. П. Мусоргского).

Из под холмика
Под зеленого
Быстра реченьки
Прокатилася.

•

Через реченьку,
Через быструю
Мостик ясневый
Перекинулся.

•

Как по мостику
Шла-да ехала
Сила грозная —
Рать боярская.

•

Уж она-ли-то,
Рать боярская,
Не на смертный бой, —
В гости ехала.

•

А навстречу ей,
На лихом коне
Едет молодец
Весь-то в золоте.

•

Весь-то в золоте,
И блисти-горит,
Словно солнышко
В зорьку вешнюю.

Как суетрелася
Рать боярская,
Тому молодцу
Земно кланялась.

•

Надвигалася
Туча бурная —
Понасупил бровь
Знатный молодец.

•

Очи грозные
Загорелися,
Обдал полымем
Рать боярскую.

•

Словно травушка
Под лихим коском,
Прилегла, лежит
Сила грозная.

•

Вот за что поют
Тому молодцу
На святой Руси
Славу честную.

•

Слава на небе
Солицу красному,
Слава батюшке —
Царю Грозному.

(«повстречалась» — старо-
давший псковский вариант)

Крепко целую Вас, друг, до среды.

Ваш *Модест*

86. В. В. СТАСОВУ

Петербург, 18 апреля 1871 г.

Послание Ваше, дорогой *généralissime*, получено в мое отсутствие¹, думал поймать Вас у Гартманов и не изловил — вот причина позднего ответа. На «Силе» Серова я буду обретаться со своими, ибо давно уже так условились²; Корсинька меня озадачил у Людмилы Ивановны, когда объявил, что «компанство» соединяется в ложу, я ничего не знал об этом³. Ну что ж? Будем наталкиваться в антрактах друг на друга и осипливать силу Серова. Судя по либретто, я жду прекрасных сценических положений (пьяный Вася с песенкой и допрашивающая Даша, — появление Даши на постоялом и Груня, узнающая проделки Петра, Еремка, — сей российский Бертрам⁴ — в большей части своих выходов); но судя по способности Серова вихлять вообще и подозревая народность в его опере, в музыкальном отношении я жду карикатуры в пошлом значении этого слова. Впрочем, увидим и услышим.

Ваши строки о Милии, дорогой мой, пришибли меня, хотя я и не был очевидцем его замерзания⁵. Благодаря впечатлительности моей, мне пригрезилось нечто ужасающее: Ваши строки показались мне отпеванием художественного жара Милия — ужасно, если это правда и если, с его стороны, не было личины! Слишком рано: до гадости слишком рано! Или разочарование? что же — может быть и это, но где же тогда мужественность, а пожалуй, и сознание дела и художественных целей, которые без борьбы никогда не достигаются. Или искусство было только средством, а не целью? Diavolo, diavolo!..⁶

Кончаю картину — иезуит не дал спать две ночи сряду, это хорошо — я это люблю, т. е. люблю, когда так сочиняется⁷.

Ваш Мусорянин

18 апр. 71 г.

87. М. Р. КЮИ

Петербург, 1 июля 1871 г.

Четверг, 1 июля

Милейшая барыня, по случаю приезда моего брата в Питер дня на два или на три, по делам, я не могу воспользоваться Вашим радужным зовом на пятницу, тем более, что брат остановился у меня и часть дел, по которым он приехал, общая между нами. Ваша комиссия у Бесселя исполнена: он проектирует хорошую штуку, о которой поговорим как следует при первом свидании¹, а надо думать, что это свидание не замедлит воспоследовать, с Вашего милого позволения, потому что Вы знаете хорошо: мне у Вас и с Вами бывать ладно.

Ваш душою Модест

Шунвалу милого треплю за то место, которое теперь не болит², dottore приветствую.

88. В. В. СТАСОВУ

Петербург, 10 августа 1871 г.

10 августа 71 г.

Века прошли, дорогой мой, что не видел я Вас и не беседовал с Вами; никто же тому причиной, токмо судеб превратность. А много имею сообщить Вам по нашей части и для того пламенею «очима своима» Вас посмотреть и «гласом своим непотребно хрипотествуящим» предать слух Ваш терзанию. Преступный царь «Борис» учиняет некое *arioso*¹; по

мнению музыкусов, а наипаче от Лодыжки происходящего и Фимом ре-
ломого, а также от бурь морских кавалера, Вами столь достохвально п
адмиралтейство превращенного², зело любезно есть преступное сие
агіосо и в ухо тычет довольно занятно, а словеса оного агіосо
мною состряпаны суть³.

Понеже противно и докучливо зреть и слышать скрежет зубовый
преступника, то вслед за оным врывается толпица малая мамок и сии
ревут и вопят непонятно, почему царь их изгоняет и посылает сына
узнать «с чего там бабы взвыли»... Пока сын исполняет оное, предстает
ближний боярин и шпионит царю, докладывая о Шуйском, а когда шпи-
он сей утекает, возвращается царевич и на вопрос Бориса: «ну что
там?» объясняет следующее:

Царевич

Государь, дозволь начать рассказ
правдивый.

Борис

И слушаю, мой сын.

Царевич

Попинька* наш сидел с мамками
в светлице,
Без умолку болтая, весел был и
ласков.

К мамушкам подходил, просил
чесать головку:
К каждой он подходил, черед им
соблюдая.

Мамка Настасья чесать не захотела;
Попинька отошел — назвал мамку
дурой

Мамка, с обиды что ли, хватъ его
по шейке.

Попинька закричал, крылья так и
бьются.

Ну его ублажать, ну холить и

лелеать.
Всем причетом молить, ласкать**
его, поконить.

Да нет — не тут-то было:

Хмурый такой сидит, нос уткнувши
в перья,

На мамок не глядит, что-то все
бормочет.

Вдруг к мамке подскочил
(К той, чесать что не хотела):
Давай ее долбить, — мамка грохнулася
об пол,

Тут мамки со страстей словно
взбеленились,

Стали махать, кричать, попиньку
прогнать хотели,

Да попка не впросак: лихо каждую
отметил.

Вот, отче-государь, к тебе и
привалили

Думу царскую твою думать
помешали.

Ну какись, и все — все как было⁵.

С музыкой сие вранье выходит столь изрядно, что музыкусы выше-
реченные непрестанно топырили «ўхи свои», дабы наполнением оных
сею изрядностью достаточно усладиться. Любо было бы ухватить Вас в
Вашей обители в четверток, а если сие Вам не супротивно, писните, доро-
гой мой, в доме Зарембы (у Пантелеймона), кв. № 4⁶.

Ваш Мусорянин

* Уже седьмой зверь, мною любезно воспеваемый; в исторической по-
следовательности высказывал: 1, Сорока, 2, Козел, 3, Жук, 4, Селезень,
5, Комар с клопом, 6, Сыч с воробьем, 7, оный попка (примеч.
М. П. Мусоргского)⁴.

** Первоначально было: ласкать, молить.

Быть может, Вы предали меня анафеме, но мамки показывают как Вы основательно уселись в моих мозгах и душонке. (NB. Помнится, что чуть ли не Борису подарил какой-то попку, как новинку в российском царстве — так ли это?).

89. Н. А. РИМСКОМУ-КОРСАКОВУ

Петербург, 17 августа 1871 г.

Милый друг Корсинька, мне все-таки не выдают денег на почте, опять не соблюдены какие-то формальности, следовательно, опять придется ждать недели две; позорная почта меня измучила вконец¹. Воистину администрация существует для дачи людям предвкушения чертовых сковородок в аду и так это несомненно, что в оную сажают и дают ход самым мерзавым бестиям — оно и резонно. Впрочем, как ни гневайся, а на Руси приходится привыкать к терпению, «иже бе в скöтех мнозих». Уведомляю Вас об этом новом приключении для Ваших соображений и для предупреждения на всяк случай, а при свидании, завтра объяснимся. От Людмилы Ивановны получил зов нас двух на четверг 19-го с дьянькой².

«вечером... аaaa!»³

Не обещали ли Вы Пургольдам — сообразно этому, учинитесь. Крепко целую Вас, друг милый. О мерзость всероссийского запустения!

Ваш *Модест*

17 августа 71 г.

90. В. В. СТАСОВУ

Петербург, 11 сентября 1871 г.

Суббота, 11 сент. 71 г.

(Дом Заржембы, Пантелеймон, кв. № 9 с лест[ницы] по коридору направо, 1-я дверь налево)¹.

Напривосходнейший, бесподобнейший, в мозгах моих презрядный ковырятьел и к вящему оных усовершенствованию пособитель — внемлите! На случай, если не увидимся сегодня у зодчих дел мастера Гартмана, пишу сие послание, а в чем оно, тому следуют неотложно шпунты;

1. Вчера зрел Рубина милого — он столь же горячо, как и мы, жаждет свидания;

2. Он назначает для этого дела среду;

3. Он придет в среду с новою оперой и оную покажет нам², сиречь: генералу Баху, Димитрию, сударь, Василичу, адмиралтейству, Квею и мне многогрешному;

4. Он называл в составе аудитории Балакирева и Бородина, но едва ли сие сбудется;

5. Он будет петь свою оперу, а потому умолял, чтобы никого, кроме нас не было.

По сем, полезно знать, куда придет Рубин с оперой — к Вам или к Димитрию Васильевичу — решите и дайте знать Рубину (лучше лично³); рассказывают, что он гостит в «Отель де Франс» и, надо думать, по утрачку дома, часов до 11 или полудня. Рубин был горяч до прелести — живой и отменный художник.

Имею честь уведомить Вашу милость, что мы с Пименом совершили укорочение, исправили в оном Гришку (т. е., понимается, вновь сочинили Гришку) и корсиканский адмирал говорит, что теперь важно⁴, а «нашему козырю и в масть». Обдумывается бродяжная⁵: (новость и новость) — ужасно приятно.

из новостей новость

Крепко обнимаю Вас, дорогой мой.

Да, бишь, Шустов говорил, что на «Каменного гостя» было собрано и в Консерватории и хотел Вас повидать по этому случаю, только так ли это и кто там собирал⁶.

Ваш Мусорянин

91. В. В. НИКОЛЬСКОМУ

Петербург, 10 декабря 1871 г.

Дяиньке Никольскому

Друг, дяинька, завтра, в субботу вечером, часам к 9-ти прибудьте слушать «Псковитянку», к[ото]рая исполниться имеет у, без всякого сомнения, Пургольд. Барышни художницы Вас ждут и мы с Корсиньком тож¹. А поцеловать Вас все-таки желаю и не могу, потому заочно.

Ваш дяинька Мусоргский

Пятница

10 декабря

92. В. В. СТАСОВУ

Петербург, 14 декабря 1871 г.

Дорогой мой, я вполне разделяю Ваше изобретение не миньонить¹, а потому и дописываю последний аккорд сцены у фонтана². До пятницы. Крепко целую Вас.

Мусорянин

93. А. Н. ПУРГОЛЬД

Петербург, конец 1871 или начало 1872 г.

Необходимо встретиться с Гартманом, а потому сегодня у Людмилы Ивановны не могу быть; либретто Корсакова передано ей лично¹.

М. Мусоргский

Ответ на Вашу записочку, Александра Николаевна, пришел бы по почте не вовремя, следовательно, прошу Людмилу Ивановну передать Вам это мое царапанье.

1872₂₀₉

94. А. Н. ПУРГОЛЬД

Петербург, 3 января 1872 г.

3 января 1872

Благодарю очень, Александра Николаевна, за извещение насчет субботы и прошу от души устроить «Бориса» в субботу, если не предстоит в том никакой помехи для Владимира Федоровича и тех его знакомых, которые бы желали слышать мои грешки¹.

Гоголевский сюжет мне хорошо известен, я думал о нем года 2 тому назад, но дело не подходит к пути мною избранному — мало захватывает Русь-матушку во всю ее простодушную ширь². Квею сообщу, но не общал еще; завтра приду пораньше, ибо предстоит часам к 10 к Лукашевичу — очень нужно³.

Ответ мой лаконичен, но партитура перед носом, а следовательно и прочее — простите⁴.

Крепко жму Вашу руку.

Модест Мусоргский

Измышляю Grabbe Špunski⁵.

Что же Вы ни слова о здоровье и силах Оркестра милого?⁶

95. В. В. СТАСОВУ

Петербург, 7 января 1872 г.

Пятница 7 янв. 72 г.

Прелестнейший généralissime, завтра, в субботу, у Пургольд, начиная с 1/2 9-го ч(аса) вечера станем таскать за волосы «Бориса»¹. Конечно увидимся, конечно потолкуем, конечно мне будет приятно видеть милого généralissime, конечно мне всегда приятно его видеть, конечно, я заболтался и могу опоздать с извещением — конечно оканчиваю письмо.

Мусоргини

96. В. В. ВАСИЛЬЕВУ

Петербург, 14 января 1872 г.

14 февраля 1872 г.

Дон Хуану, боярину Матуте, Михайле Туче (сыну посадничьему), князю Шуйскому, Самозванцу и многих других орденов кавалеру, Василию Васильевичу Васильеву¹, от мятущегося в контроверсиях сей земной юдоли, смиренного мусикийца Модеста Мусоргского

Послание:

Понеже жаждете в «Каменного гостя», то ожидаетесь с многоуважаемою супругою в среду, 16 февраля, в бенуаре Мариинского театра № 2-й с правой стороны². Сия ложа изъята Корсиньком из чрева Дирекции вчера в 3-м часу пополудни и вельми конфузно есть оное событие: ложа, изъятая, имеет вид кусочка лиловой бумажки с письменными на оном кусочке словесы:

так:

Мариинский театр Бенуар № 2 с правой стор[оны] 16 февраля 1872 г.
--

Все, кто родить может, рожают приблизительно себе подобных, а Дирекция носит в чреве и рожает кусочки бумаги.

Отвечайте, получили ли послание сие и будете ли как речено.

Впрочем, обнимаю Вас, Василий Васильевич, до свидания.

Душою Мод. Мусоргский

97. В. В. НИКОЛЬСКОМУ

Петербург, 14 февраля 1872 г.

Дяинька,
вот такая лепешка извлечена вчера Корсиньком в нашу пользу из чрева
Дирекции:

Мариинского театра
Бенуар 16 февр.
1872 г.
№ 2 с правой стор[оны]

а извлечена оная лепешка по поводу «Каменного гостя» и для ради
смотрения и слушания его, т. е. «Каменного гостя». А дяинька царапнет
на клочке бумажки, получил ли предлагаемую капусту и будет ли в
ложе, которая вместить намеревается: Василия Василия Васи-
лия* с супругою, дяиньку, Лодыженского, Корсиньку и меня.

А целовать можно, и учиняю.

Дяинька

98. М. А. БАЛАКИРЕВУ

Петербург, 22 марта 1872 г.

22 марта 1872 года

Мой дорогой Милый, Ваша записочка¹ попала ко мне одновременно
с карточкою Гаевского, на которой изображено, что концертом литера-
турного фонда будет дирижировать Лешетицкий, — ну и пусть дирижи-
рует². Если Вы, дорогой мой, признаете Польский достойным стать
на программу Вашего концерта, я радуюсь и не вижу никакой беды в
том, что он пойдет в конце: останутся в зале те, которых в самом
деле интересует вещь³. А за то, что сквозит между строчками Вашей
записочки, крепкое и горячее спасибо Вам.

Модест Мусоргский

Вы приносите мне большую пользу исполнением Польского: не-
обходимо слышать себя в оркестре, без участия хора, чего не было до
сих пор в моем сочинительстве.

* Читайте: Василия Васильевича Васильева; он очень просил быть с евоюю
супругою. Усматривая, а впрочем, ничего не усматривая (*примеч. М. П. Мусор-
ского*).

Дом на Пантелеймоновской улице

Л. И. Шестакова

Петербург, 31 марта 1872 г.

Дорогой мой, Вы не сетуете на меня за то, что не ответил Вам письмом, а меня это смущает; случилась же сия оказия потому, что письменный стол наш представляет аггивы конюшни и только теперь и мог обрести клочок бумаги¹. Что Вы прелестны — это Вы знаете, и что и Вас не перестаяю обнимать — это Вы тоже знаете. Репину пошлю требуемое сегодня же², но «Млада»!

И за сырой могилой

Нет покоя мне *

От нее, усопшей (читай «мертворожденной»).

Стыд брать перо в руки, изображая «Сагану, чух!» и прочую белоберду, записанную кем-то, когда-то, быть может, с пьяных глаз и мозгов — прошу покорно вдохновляться этим исчадием *delirium tremens*^{***}. Гадко! По натуре своей я долго борюсь с скверным чувством, которым меня наделяют некоторые человечки, но если причина, порождающая это скверное чувство, не уничтожается или не в моей власти ее уничтожить, то борьба из острой становится хронической (эта параллель верна: скверное чувство, надолго мутящее человека, есть болезнь и болезнь хроническая — постоянная, р е с и д и в а). Батраческий прием сотрудинок по «Младе», оценка их труда тупоголовая до безобразия, отсутствие всякого обычая в достопочтенном подрядчике, следующее отсюда нравственное *fiasco*^{***} кружка (не за горами) — вот что меня мутит. Милый мой и дорогой друг, Вы знаете, что я не могу таскать дрянь в себе и вячиться с нею; поэтому перехожу в активное положение — и проще, и прямее, и лучше. Я объявил (насколько умею чисто и деликатно) Корсиньке и Бородину, что в видах спасения девической непорочности кружка, желая, чтобы из него не сделали публичной женщины, я буду предписывать в деле нашего батрачества, а не выслушивать, я буду ставить вопрос, а не ответ держать, и это конечно только с позволения Корсиньки и Бородина, за них и за себя, а подрядчику — как угодно. Я пишу Чернобога, очень удастся, в голосах очень ладно⁴.

А пока вот Вам утеха: Корсинька меня умоляет сделать еще раск с изображением нас грешных, а вместо Евтерпы — Гед[еонова]. Мысль капитальна потому уже, что он, Корсинька, просит отвалять нас всех с любовью (конечно, и меня в том числе — шик!), и если венница

* Кто «за сырой могилой» — автор текста или Млада или оба вместе? разберите (примеч. М. П. Мусоргского).

** Белой горячки (лат.).

*** Падение, фиаско (ит.).

удастся, кружок спасен: не филистерщина какая-нибудь, а сами себя сказним за промах⁵. Чудесно! чудесно!

Крепко целую Вас, дорогой мой.

Мусорянин

До завтра!

31 марта
1872 г.

100. В. В. НИКОЛЬСКОМУ

Петербург, 7 апреля 1872 г.

Дружок дяинька, завтра, в субботу у Владимира Федоровича Пургольда «Борис» в целой его неприкосновенности¹, а потому прибывайте, и мы ти ся кланьем и поджидаем.

Премного дяинька *Мусоргский*

Пятница 7 апреля

А за фрячок спасибuem вельми², и насчет бродяг тоже выходит³.

101. М. А. БАЛАКИРЕВУ

Петербург, 24 апреля 1872 г.

Дорогой Милий, мне необходимо иметь партитуру моего Полонеза для исправлений и для показки в театральном комитете¹. Будьте так милы, уведомьте меня: когда я могу за ним прислать к Вам. Во избежание беспокойства для Вас, дорогой Милий, я бы очень просил, чтобы Вы оставили Полонез Вашей прислуге, с тем чтобы она передала его моему посланному в день, который Вы назначите. Крепко жму Вашу руку и умоляю не задержите меня.

Ваш *Модест Мусоргский*

Понедельник
24 апреля 72 г.

102. В. В. СТАСОВУ

Петербург, 1 мая 1872 г.

Милый généralissime, умоляю, будьте сегодня вечером у Кюи, дело с ребятами не пропало, можно успеть; я виделся с Бесселем¹, он будет тоже у Кюи; хорошо было бы вместе потолковать, как горю помочь. Бессель очень желает, чтоб был рисунок при детях. Умоляют, помогите Мусорянину.

Ваш *Мусоргский*

1 мая
1872

У Кюи произойдет вся «Млада» и все мы будем².

103. В. В. БЕССЕЛЮ

Петербург, 6 мая 1872 г.

Заседание по поводу «Бориса» сегодня вечером в половине 8-го в Марининском театре.

Жду Вас¹.

Ваш *М. Мусоргский*

Суббота 6 мая 1872.

104. В. В. СТАСОВУ

Петербург, 16 и 22 июня 1872 г.

Бывает, что высказаться хочется, «хоть кол на голове теши». Стою в этом бремени и рожу, а что рожу — усмотрите, дорогой мой généralissime. Что бы такое означало, что не раз я чую преосновательно Ваше отсутствие?¹ Чую Ваше отсутствие, беспокоен становлюсь? (я не жепщина). Что бы такое означать должно, что когда я не спокоен — не кренок, Вас недостает? Не подумайте, чтобы это означало: «о ты, кого любить боюсь» и проч. Все сии и другие такие непотребства в сторону.

Ex abrupto*:

Как смели Вы подумать, что я не сознаю того, что Вы меня знаете? Славянин виждь колико согреших! А что если Мусорянн да грянет по Руси-матушке! Ковырять чернозем не впервые стать, да ковырять не по удобренному, а в сырье хочется, не познакомиться с народом, а побрататься жаждется: страшно, а хорошо! Что тогда? А зачем руського (и пишу-то по писанному) обогнул еретиче-

* Без перехода, внезапно (лат.).

ством? Не ведомо мне что ли, на что отзвук дать? Не чую, где сила кроется, где правда глаза застилает, да, пожалуй, и поздри: чихнешь с досады!

Черноземная сила проявится, когда до самого днища ковырнешь. Ковырнуть чернозем можно орудием состава ему постороннего. И ковырнули же в конце XVII-го Русь-матушку *таким* орудием, что и не распознала сразу, чем ковыряют, и, как чернозем, раздалась и дЫхать стала. Вот и восприняла сердечная разных действительно и тайно статских советников и не дали ей, многострадальной, опомниться и подумать: «*куда прет?*». Сказнили неведущих и смятенных: сила! А приказная изба все живет и сыск тот же, что и за приказом; только время не то: действительно и тайно статские мешают чернозему дЫхать. Прошедшее в настоящем — вот моя задача.

«Ушли вперед!» — врешь, «там же!»! Бумага, книга ушла — мы там же. Пока народ не может проверить воочию, что из него* стряпают, пока не захочет сам, чтобы то или то с ним сострепалось — там же! Всякие благодетели горазды прославиться, документами закрепить препрославление, а народ стонет, а чтобы не стонать, лих упиивается и пуще стонет: там же!

Не потому Вы мне дороги, что нужны мне, а потому что много требуете, а я еще больше требую, так заманчиво, увлекательно. А любы Вы мне, что горазды толкать всероссийских сурков, не вовремя спящих и не вовремя бодрствующих. Подумалось как-то: что если бы его не было? Вот и теперь, в эту минуту жутко и горько, и тогда было также жутко и также горько. Без Вас я пропал на $\frac{3}{4}$ пробы. Лучше Вас никто не видит, куда я бреду, какие раскопки делаю, и никто прямее и дальше Вас не смотрит на мой дальний путь (а путь далек — еле выехал во чисто-поле), и уж зато никто, кроме меня, не сознает Вашу мощь, а потому что я-то сознаю ее всеми кишками (как Вы любите уподоблять).

Если Вам, когда-нибудь, неожиданно постучится в мозги мысль, что по мусикин Вы не поняты так, как поняты в художествах $\frac{\text{скульптурных}}{\text{ваятельных}}$, живописных, зодческих, — скажите той мысли, что она лгунья и скоро-спелка и чтобы она сбегала ко мне; я ей дам на этот счет сведения для передачи по назначению. А если сударыня-мысль, будучи женского рода, переврет или не договорит, я сам сумею постучаться к Вам в мозги (может быть, уж постучался) во избежание женской и потому (говорят) нежной недосказки.

Е basta!** Хотелось — сделал.

Мусорянин

16 и 22 июня
1872 г.

* Первоначально было: «с ним».

** И довольно (ит.).

Прошу считать сию эпистолу по порядку нумерации № 1 м, ибо произойдут последовательно и другие эпистолы, вкусов и заквасок разных, но по предмету стрелецкому. Да будет сие памятью нашего нового труда, лихого труда².

Он же *Мусоргский*

105. Л. И. ШЕСТАКОВОЙ

Петербург, 11 июля 1872 г.

Голубушка наша Людмила Ивановна, пять лет тому назад Вы осуществили Ваше благословенное желание создать русский музыкальный кружок в Вашем доме¹. Вы были свидетельницей горячих дел, подчас борьбы, стремлений, опять борьбы сочленов кружка, и Ваше сердце всегда было живым откликом на эту борьбу, на стремления, горячие дела. Много хорошего было сделано, и за это хорошее дань Вам надлежит, Вам по праву. Светло прошлое кружка, — пасмурно его настоящее: хмурые дни настали. Не стану винить за это ни одного из сочленов, «бо несть злобы в сердце моем», но по природенному мне доброму смеху не могу не почтить кружок изречением Грибоедова: «одни повыбыли, другие, смотришь, перебиты»²; то, что служило на пользу Скалозубу, zelo печально для кружка, и как ни стараюсь я отогнать докучливую муху, что жужжит скверное слово «развалился», муха тут как тут со своим жужжанием — словно смех, гадкий смех слышится в этом жужжании³. Вам, голубушка, остается собрать остатки разбившейся священной армии, и если невозможен бой с халдейской всячиной, то драться до последней капли крови в буквальном смысле. Найдутся бойцы, у которых не вырвешь знамени из рук, и соберутся эти бойцы, хоть и в лохмотьях, да в своих, не в чужевязных, не в женских капотах и юбках, как в священной армии великого палача⁴. Художник верит в будущее, потому что живет в нем; эта вера толкнула меня, при сложении моей дани у Вашего подножья, исповедаться перед Вами. Примите моего «Бориса» под Ваше крыло, и пусть от Вас начнет он, благословенный, свою публичную страду.

Мусоргский

Петроград

11 июля 72 г. Один день⁵.

Петербург, 13 июля 1872 г.

«Скоро враг придет и настанет тьма — Тень темная, непроглядная», — так поет юродивый в моем «Борисе» и, боюсь, не все поет. Сат-Питербух и его окрестности изображают, по двухножной части, сплошной детский лагерь¹; фабричные бродят по улицам, насвистывая или нахрипывая военные марши, даже бабы-ягодницы выкрикивают и выпискивают по-военному, напр.,:

и септима нерусская и малина фанфарная.

Невинные ангелы — дети упражняются с помощью тщательно выструганных фузей в применении теории Мальтуса и терпеливо ждут начальника, более взрослого невинного ангела, который, в свою очередь, ждет архина начальника, на этот раз юного телеграфиста «на посылках» с зевсовыми громами на погонах и околыше² и с бабьим лицом. В Rängala³ я слышал дикие воинственные крики каких-то человеческих счетков, видел издали знамена, значки, сабли, фузеи... оных счетков обучает, говорят, какой-то гусарский офицер. На плацпарадах видны дефилирующие лягушата с отвислыми животами, поги колесом и тоже с доморощенными фузеями...

Что-то будет? Даже петухи выкрикивают марши! Что-то будет?..

К Вашему возвращению, дорогой *généralissime*, вероятно, уже будут собраны все материалы к нашей будущей опере. Соделал тетрадку и назвал ее «Хованщина», народная музыкальная драма — материалы⁴; на заглавном листе пометил источники — 9-ть — зело недурно: купаюсь в

соединения, голова, как котел, знай подкладывая в него. Желябужского, Грекшина, гр. Матвеева, Медведова, Щербальского и Семейского уже высосал; теперь посасываю Тихонравова, а там за Аввакума — на закуску⁵. На днях нырнул в самую «Глубь»⁶ и обрел следующую жемчужину (раскольничий скит, повествование Мышецкого): «послана бысть к немцам целая тьма демонов, да учат противление чинити, да не имут соединения ни послушания; а поиде к ним Теут с полком демонским и научаше их развращения сеяти, от нем же, от Теута, учение прияше, рекомы Теутоны — зело убо проклятым учением мудры мнятся быти. Такожде и к нам Луцифер посла тьму — ловити и приводит во мнозия любострастие, а паче в гордость и пианство, в прохлады и таны. Подосла и баб проклятых — ведунью ведьму, ворожейку и гадку: тако возможе Бахус и Гордад и всю полунощную страну одоле с товарыщи!» (С этим тесная связь небесных и воздушных явлений: гроза в январе и солнце гибло). «И егда уготовали царство свое, посла Луцифер некоего мужа (его же имя никто же весть) и рекл сей родильнице: «хощу целовать великаго в утробе твоей», и егда целова, рекл: «Великий! 53 сажени высота! владети будещи великим костылем» и ту* гроза разразилась над Москвою, бе же день 6-й января, и солнце гибло. Тако, братие, дух лукавый лобызанием адовым из утробы изведе... и той бе Антихрист!»

На такой канве можно много поделать: и картинно, и мистично и карикатура на историю восхитительная. Много сути в материалах.

Понеже послание это не в Москву поедет, а ближе в дом Мелихова иже в Питрбурзе воздвигнулся⁷; то учинилось вследствие совокупного сидения на извозчиках (сиречь возницах) многих и смотрения греховодной всячины у приснопреступных и блудных немцев близ Стеньбоковского прохода⁸ — оные же деньги зело любят и изрядно грабительствуют, по той реченной причине писуется сие.

Если и пропустит начальство нашу оперу, то быть мне все-таки биту за многие великие грехи от разных Ларошей, Фифов, Томсонов⁹ и проч., и проч., а впрочем, к тому времени, как дело приготовится, быть может, частица *in* откинется от слова *Ingermanland* и Ларош поступит в канцелярию немецкого музыкального цеха вахтером (в буквальном смысле), Фиф в мармитоны¹⁰ к бисмарковскому повару, а Томсон, по крайнему и уважительному, хотя бесплодному, трудолюбию, мух гонять с бисмарковой плешу — мухи будут наверно, русские мухи, их не скоро выживут, как не скоро выживут и тараканов, а клопов и в Германии много, недаром, в Кенигсберге, Щербина требовал у кельнера *Klopstock um Klop zu schlagen*¹¹. А впрочем, чья еще возьмет — бить нас будут и шибко, да ведь и меня бьют, а все-таки, чья еще возьмет. (Отвратительное перо, но жара так сильна, что лень взять другое) (значит, невменяемость или смягчающие обстоятельства).

* Далее вычеркнута фраза: «звезда явилась превеликая близ Марса».

Отчего, скажите, когда я слышу беседу юных художников-живописцев или скульпторов, не исключая даже монументального Миши¹², я могу следить за складом их мозгов, за их мыслями, целями и говорушкой о технике — разве в случае необходимости. Отчего, не говорите, когда я слушаю нашу музыкальную братию¹³, я редко слышу живую мысль, а все больше школьную скамью — технику и музыкальные вокабулы?

Разве музыкальное искусство потому только и юно, что его работают недоросли? Сколько раз, ненароком, обычаем нелепым (из-за угла) заводил я речи с братиею — или оттолчка, или неясность, а скорее — не понят. Ну, допустим, я не умею излагать ясно мои мысли — так сказать: преподнести на подносе мозги с оттирнутыми на них мыслями (как в телеграмме). А сами-то они что же? Что же не зачнут? Видно не в охоту. И очевидно, что Вы, *généralissime*, постигаете меня, и мало того, щупаете в том самом месте, где следует, — смелою уверенною рукою.

Быть может, я боюсь техники, ибо плох в ней? Однако же за меня кой-кто постоит в искусстве и по этой части. Я, например, терпеть не могу, когда хозяйка про хороший пирог, приготовляемый, а в особенности съедаемый, говорит: «миллион пудов масла, пятьсот яиц, целая гряда капусты, 150¹/₄ рыб»... ешь пирог, и вкусен он, да как услышишь кухню, так и представится кухарка или повар, всегда грязные, отрезанная голова каплушки на лавке, распоротая рыба на другой, а иногда и рядом чья-нибудь кишка выглядывает из решета (словно пруссаки почтили посещением), а чаще всего представляется засаленный фартук, сморканье в него, в тот фартук, которым потом оботрут края блюда с пирогом, чтобы чище было... ну, пирог менее вкусен становится. В зрелых художественных произведениях есть та сторона целомудренной чистоты, что, начини грязною лапою возить, — мерзко станет.

Воистину — пока музыкант-художник не отрешится от пеленок, подтяжек, штрипок, до той поры будут царить симфонические попы, поставляющие свой талмуд «1-го и 2-го издания», как альфу и омегу в жизни искусства. Чуют умишки, что талмуд их неприменим в живом искусстве: где люди, жизнь — там нет места предвзятым параграфам и статьям. Ну и голосят: «драма, сцена стесняют нас — простора хотим!» И давай тешить мозги: «мир звуков безграничен!». Да мозги-то ограничены, так что в нем, в этом звуке миров, то бишь, мире звуков!

Тот же простор, что лежа на газоне следить полет тучек небесных: то барашек, то старый дед, то просто ничего нет, то вдруг прусский солдат. Я не виню Полония за то, что он соглашался с Гамлетом насчет облака. Почтенное облако очень непостоянно и в мановение ока может из верблюда сделаться хотя бы Ларошем. Я не против симфонии, но против симфонистов — неисправимые консерваторы. Так не говорите мне, дорогой *généralissime*, отчего наши музыканты чаще о технике толкуют, чем о целях и задачах исторических, п[отому] ч[то] это от того.

Но меня все-таки пытается мысль: отчего «Иваны» (IV и III) и особенно «Ярослав» Антокольского¹⁴, отчего «Бурлаки» Репина, и уж валять, так валять, «золотушный мальчишка в птицелове» Перова и «первая пара», его же, в «Охотниках»¹⁵, а также не показанный, но виденный мною «Крестный ход в деревне»¹⁶ живут, так живут, что познакомишься и покажется, «вас-то мне и хотелось видеть!». Отчего же все что сделано в новейшей музыке, при превосходных качествах сделанного, не живет так, и когда услышишь, покажется: «ах, да, я думал, что вы...» и проч. Вот это объясните мне, только границы искусства в сторону — я им верю только очень относительно, п[отому] ч[то] границы искусства в религии художника равняются застою. Что из того, что чьи-то великолепные мозги не додумались; ну, а другие чьи-то мозги думали и додумались — где же тут границы? А относительно — да! звуки не могут быть резцом, кистью; ну, конечно, как у всякого лучшего есть свое слабое и наоборот — это и дети знают.

Вот диатрибы приходится Вам читать. В Kladderadatsch'e¹⁷ сегодня увидел курьезную вещь: немцы осмеяли Бисмарка за его желание быть необеспокоенным в Варцине¹⁸. (Это было заявлено им в газетах, о чем уже известно). Вот почтеннейшие и изобразили его в халате и туфлях со спящую собакою на колене, кормящим уток и гусей. Ты, мол, государственный человек, так не смей отдыхать. Я бы сказал: «корми, родной, утят, корми! Только не приводи в исполнение теорию Мальтуса — и без тебя дело сделается: люди мрут, как мухи». Может быть, есть задняя мысль: может быть, думают немцы, «стоит Бисмарку опочить на лаврах, как измыслит человек истребление». Ну тогда я с ними заодно: «пусть преступник думает, но только, оборони боже, если он додумается?»...

Послание предназначалось в царствующий град Москву и было бы исполнено горячей жажды крепкого целования. В надежде обтяпать это обстоятельство воочию (послание было бы получено Вами 15 мая*) сдерживаюсь, и потому что сдерживаюсь, не могу удержаться (как пружина) и горячо обнимаю Вас, дорогой мой.

Крест на себя наложил я и с поднятою головой, бодро и весело пойду против всяких к светлой, сильной, праведной цели, к настоящему искусству, любящему человека, живущему его отрадою и его горем и страдою. Руки не прошу: Вы давно протянули ее и давно я держу ее крепко, мою лучшую, дорогую опору.

Ваш Мусорянин

13 июля 1872 в Петрограде

На конверте (послано не по почте):

Оч[снь] нужное.

* Здесь явная описка: должно быть — июля.

107. В. В. СТАСОВУ

Петербург, 15 июля 1872 г.

Владимиру Васильевичу Стасову при посвящении «Хованщины». До меня не касается и не должно касаться отсутствие примеров посвящения таких произведений, которых еще не существует. Нет страха в сердце моем, который бы понудил меня остановиться с посвящением и оглянуться назад. Я вперед хочу смотреть, а не назад. Я посвящаю Вам весь тот период моей жизни, когда будет создаваться «Хованщина»; не будет смешно, если я скажу: «посвящаю Вам себя самого и жизнь свою за этот период», п[отому] ч[то] помню еще живо: *я жил* «Борисом» в «Борисе», и в мозгах моих прожитое время в «Борисе» отмечено дорогими метками, неизгладимыми. Теперь закипит новая, Ваша работа, уже начинаю жить в ней — сколько богатых впечатлений, сколько новых земель к открытию, славно! Так поэтому-то и прошу принять «все мое непорядливое существо» при посвящении «Хованщины», ей же начало Вами дано.

15 июля 1872 г. в Петрограде.

Мусорянин

108. В. В. СТАСОВУ

Петербург, ночь с 12 на 13 сентября 1872 г.

Вы правы, дорогой мой; если бы по-хамски приняли вчерашнего гостя — люто было бы нам. Пасхалов талантлив — это несомненно. Пасхалов забит судьбою — это еще несомненное. Пасхалова надо выудить из тины, да так, чтобы удочка не оборвалась, — вот где вопрос. Сочинения Пасхалова для пения ручаются за хорошо сколоченную голову: в них нет напускного, насильственного, хотя б[ольшая] ч[асть] выбранных им текстов насильственны до того, что способны наделать мозолей. Но зато в этих вещах пузырится московский солод и пыхтит уже не в меру. Думается, что надо, до времени, забыть о Пасхалове как о сочинителе для человеческого голоса. Время придет, когда Пасхалов вкусит от «древа познания добра и зла» и устыдится своей наготы, как достопочтенный праотец. Средством змиевым послужит раздражение забитого сознания Пасхалова, и это дело принимаю тем охотнее, что не бывал змием-искусителем.

А «Свадебное шествие» мне было очень приятно¹; как живая струйка в парный день, в задохшемся чуть не до смерти лесу — так на меня подействовало шествие: блеск, сила, ритмическое богатство, простота и непринужденность изложения разбудили меня от дремоты под кисло-сладкое пуканье московского солода на фоне гражданской скорби.

Ворот, строчка, рубец,
Рубец, ластовка, строчка.
Шей, шей, шей!..²

Тьфу ты! черт бы побрал этих гражданских пиит, этих фарисействующих нуней!

Я верю в Пасхалова и, так как «вера без дела мертва есть», намерен действовать. Поход открываю на днях и прямо на струнку пасхаловскую — сердечность. Впрочем, конечно, письмо Вам будет сообщено³, мой дорогой, потолкуем вместе, потому что дело, которое зачинаем, — дело святое.

Мусорянин

Ночь с 12 на 13 сент. 72.

Тема «Свад[ебного] шествия» Пасхалова — для памяти, пока при-
шлет из Москвы всю штуку.

109. В. В. СТАСОВУ

Петербург, 29 сентября 1872 г.

Пятница 29 сент. 72.

Généralissime, у Пургольд ничего не произойдет завтра по части музыки, зане Н. Н. Римской¹ невозможно. Вы не должны сумлеваться в том, что Ваша вчерашняя грамотка произвела эффект², как не можете сумлеваться и в том, что я перечитываю путешествие в св. землю священника Лукьянова³. Оное чтение будет предметом послания к Вам в самом быстротечном времени. Доклад чиню, что много аппетита в этом наблюдательном попе-старовере: о малороссах есть, о турчине есть и много другого хорошего находится. Приготавливается свиток для пометок пунштов важных, дабы изукрасить нашу «Х о в а н щ и н у». Путешествие Лукьянова почти современно оперному житию в «Хованщине» и, во всяком случае набито самым характерным матерьялом.

Итого — Вы всегда верно попадаете, — помните вчерашние Ваши беглые заметки под аккомпанемент Петиных междометий⁴. А ведь «Борис» ему невдомек. Да и «Детская»⁵ была им потребована, понеже Балакирев восхвалял.

Мусорянин

Когда учинится съезд у Пургольд, — уведомимся.

Петербург, 18 октября 1872 г.

Вещему Володимиру Васильевичу Стасову
от Мусорянина послание:

Беседа с умными людьми обрабатывает мозги и дрессирует речь, а чтение умных людей спасает душу. Все это изрек по поводу — во-1-х и по поводу — во-2-х. По поводу — во-1-х, для меня ясно, что не толкайся я без спросу, во всякий мало-мальски интересный спор или путную беседу — не быть бы мне; по поводу — во-2-х, для меня еще яснее, что не подмывай меня что-то или кто-то читать умных людей непременно между строк, — давно бы смутился духом и уподобился крестовикам-пилигримам, сиречь: шаг вперед и два шага назад.

Вот что, мой дорогой вещун, я блаженствую, несмотря на то, что небо застлано серо-синими жандармскими штанами; корень этого блаженства в книжниках, сообщенных мне моим Опочииним: такой важный человек — сам еще не кончил Дарвина «О человеке»¹, а уж мне передал первые выпуски — не выдержал, спасибо ему. Читаю Дарвина и блаженствую; не сила ума, не свет в Дарвине меня пленяют — эти атрибуты колосса-Дарвина мне известны из прежних его учений; вот что меня пленяет: поучая людей об их происхождении, Дарвин знает, с какими животными имеет дело (еще бы ему-то не знать!); поэтому он самым незаметным путем зажимает в тиски, и такова сила гения этого колосса, что не только не вихрится самолюбие от его насилия, но сидение в дарвиновских тисках приятно до блаженства. Если сильная, пылкая и любимая женщина сжимает крепко в своих объятиях любимого ею человека, то, хотя и сознается насилие, но из объятий не хочется вырваться, п[отому] ч[то] это насилие — «через край блаженство», п[отому] ч[то] от этого насилия «пышет пылом кровь молодецкая». Сравнения не стыжусь: как ни вертись и ни кокетничай с правдой, — тот, кто испытал любовь во всей ее свободе и силе, тот жил и помнит, что прекрасно жил, и не бросит тенью на бывшее блаженство².

Вы, мой вещун, прочли Дарвина еще в прошлом году в английском издании, следовательно, прикусываю кончик языка e basta! *. Но что я вычитываю «между строк» в Дарвине, о том хочу беседовать. Колосс с берега острова³ до того колоссален, что отражается не только во всех морях, реках и озерах, но даже на луне, пожалуй; что же удивительного, если сила его мысли отразилась на лилипуте и закалила его навсегда в его, быть может, и не лилипутских стремлениях: убил же маленький Давид большого Голиафа!

Вопреки наивным тенденциям об изящной нежности очертаний голых венер, купидонов, и фавнов с флейтами и без флейт, с баннным листом и вовсе «как мать родила», я утверждаю, что искусство антина-

* И довольно (ит.).

тичное греков (хотел сказать античное) грубо. Толкают лилипутов верить, что итальянская классическая живопись совершенство, а по-моему — мертвенность, противная, как сама смерть. В поэзии два колосса: грубый Гомер и тонкий Шекспир. В музыке два колосса: медитатор Бетховен и ультрамедитатор Берлиоз. Если сопричесть к этим четырем колоссам их генерал- и флигель-адъютантов, то наберется приятная компания; что же сделала эта адъютантская компания? Скакажу и пляскажу на намеченных колоссами дорожках, но «очень вперед» страшно!

«А наши»? Глинка и Даргомыжский, Пушкин и Лермонтов, Гоголь и Гоголь и опять-таки Гоголь (сподручного нет) — все большие генералы и вели свои художественные армии к завоеванию хороших стран. С тех пор их художественные потомки занимаются унавоживанием почвы завоеванных не ими стран, а почва до того плодородна, что удобрения не требует (черноземные малороссы умнее). Дарвин утвердил меня крепко в том, что было моею заветною мечтою и к чему я приступил все-таки с некоторою тупоумною стыдливостью. Художественное изображение одной красоты, в материальном ее значении, — грубое ребячество — детский возраст искусства. Тончайшие черты природы человека и человеческих масс, назойливое ковырянье в этих малоизведанных странах и завоевание их — вот настоящее призвание художника. «К новым берегам!» бесстрашно, сквозь бурю, мели и подводные камни, «к новым берегам!» Человек — животное общественное и не может быть иным; в человеческих массах, как в отдельном человеке, всегда есть тончайшие черты, ускользающие от хватки, черты, никем не тронутые: подмечать и изучать их в чтении, в наблюдении, по догадкам, всем нутром изучать и кормить ими человечество, как здоровым блюдом, которого еще не пробовали. Вот задача-то! Восторг и приносно восторг!

В нашей «Хованщине» попытаемся, не так ли, мой дорогой вещун.

Мусоргин

18 октября 72 в Петрограде

Хотя и не женщина, но *P. S.*⁴:

Репин — «Бурлаки»

Антокольский — «Инквизиция»

} пионеры в новые страны

} к «новым берегам»

Еще *P. S.*: Скульптура белоцветная и темноцветная не-удовлетворительна.

Живопись, несмотря на богатство красок, малоудовлетворительна. Должна выработаться скульптура в красках, а для этого надо изобрести материал, способный принять тончайшие штрихи. Если бы Антокольский сделал так «Инквизицию»⁵, особенно при освещении, какое у него там есть!*

* От слова «Живопись» весь абзац отчеркнут В. В. Стасовым и сделана приписка: «Повторение моих слов и доводов».

Петербург, 26 декабря 1872 г.

26 декабря 72.

Мой дорогой *généralissime*, все эти дни приходилось встречаться с поклонниками безусловной музыкальной красоты и испытывать странное чувство пустоты в беседе с ними; это странное чувство пустоты смеялось еще более странным, но неотвязчивым чувством — пазвать его не умею: это то чувство, которое испытываешь при потере очень близкой и дорогой личности, с которой, как говорится, «дни делил и ночи коротал». Ключом кипела жизнь с такою личностью, и страстно жить хотелось; не стало дорогой личности — и словно в глухом лесу, ночью, только какие-то непонятные звуки слышатся и как-то боязно среди нечеловеческих и неживых звуков¹.

Такие испытания начались для меня в воскресенье. В тот день я к Вам не попал, п[отому] ч[то] боялся схватки в горле от субботних упражнений, предвкушение схватки почувствовал у Cesare и, осведомясь о проливном дожде, не решился попасть к Вам — схватки не было. «Опричники» не показывались в воскресенье — автор не захватил ни партитуры, ни переложения; показывались иные вещи в следующем порядке:

«Тизба» — *fiasco*.

«Млада» — понравилась, кроме «Морены»² — *fiasco* (!), терцет — *фурор*.

«Детская» — не согласны с типом и целью сочинения; объявили, что авторское исполнение подкупает, а впрочем, мол, гиль.

«Бродяги»³ — *fiasco*.

«Рассказ о попке» — *фурор*.

Садык-паша⁴ наполовину дремал, мечтая о шербете, а может быть и о московской квашне, в которую превратился при показывании отрывков из «Бориса». За слушателями я всегда наблюдаю (поучительно), и подметив в Садык-паше стремление хорошенько (с у р ь з ь н о) прокваситься, ждал брожения. Ну и забродила квашня, после «попки», забродила, и стали лопаться пузыри с тупым, ленивым и некрасивым звуком. Из суммы звуков (их было немного) от лопавшихся пузырей я удержал: «силач... (кто — Вы знаете), но силы в разброде... полезно заняться... симфонией... (en forme — конечно)». Силач поблагодарил Садык-пашу и только. Вчера случилось видеть Садык-пашу у Бесселя. Тот же Савка в тех же санках: «подайте музыкальную красоту — одну музыкальную красоту!» Пришел Балакирев — сыграли с ним «Чухонскую» Дарго...⁵ Садык-паша не одобрил, Помазанский нашел близкое родство с Корсаковым и был мною выдан головою Балакиреву. С Балакиревым встретились горячо, но пробыл он при мне всего с полчаса (было 10 ч. вечера); говорил, что пока не поправится настолько, чтобы бросить музыку как ремесло, — до тех пор не в силах заняться музыкою.

как искусством (то же, что Шестаковой); был в возбужденном состоянии, играл хорошо, но слишком нервно и резко. Целью прихода Балакирева был, по-видимому, квартет Чайковского, исполненный до моего прибытия; при мне Балакирев исправил переложение «Чухонской», сделанное самым Дарго...⁶ и хорошо исправил. После ухода Балакирева требовали «Бориса». Садык-паша потребовал «попку» и квасился до остервенения, до потери способности слушать, «Полонез» не признал.

На том я и покончил.

Мусорянин

Орлов намерен насолить русской опере, и бог знает, когда пойдет «Псковитянка», болтают о всевозможных интригах — ничего не понимаю⁷. «Опричники» писаны с целью прославиться в публике и завоевать имя; автор подделывался под вкус публики (о, паша!) и в то же время очень горячо и искренно относился к работе (о, Садык!). Во-первых, вкусы изменчивы, во-вторых, от русских художников публика требует русского дела, в-третьих, — позорно играть искусством для личных целей. Выходит, что Садык, как истый паша, не лишен цинизма, а открыто исповедует религию безусловной красоты: *où qu'elle va se nicher alors se la maman raison, comme Vous venez de dire tantôt** (из «Journal amusant»⁸ — печь «en patois»**, какого-то «novice» своему «brigadier» или «sargent», давно мною читана)!

Мусорянин

1873_{год}

112. В. В. СТАСОВУ

Петербург, 2 января 1873 г.

2-е января 1873 года

Володымеру Васильевичу
от Мусорянина
Здравица и прославление.

Никто жарче Вас не грел меня во всех отношениях; никто прощел, следовательно, глубже не заглядывал в мое нутро; никто яснее не

* Не поддающаяся точному переводу фраза французского повобранца (novice) на деревенском жаргоне, обращенная к своему унтеру (brigadier) или сержанту (sargent вместо sergent): «Ну-кошь, куда же тогда девается-то дяденька-разум, как Вы только что сказали».

** На простонародном наречии (фр.).

указывал мне путь-дороженьку. Любы Вы мне — это Вы знаете; люб и я Вам — это я чувю. Если наши обоюдные попытки сделать живого человека в живой музыке будут поняты живущими людьми; если прозябающие люди кипут в нас хорошим комом грязи; если музыкальные фарисеи раснут нас — наше дело начнет делаться и будет делаться тем шибче, чем жирнее будут комья грязи, чем яростнее будут хрипеть о пронятии¹. Да, скоро на суд! Весело мечтается о том, как станем мы на лобное место, думающие и живущие о «Хованщине» в то время, когда нас судят за «Бориса»²; бодро, до дерзости, смотрим мы в дальнюю музыкальную даль, что нас манит к себе, и не страшен суд. Нам скажут: «Вы попрали законы божеские и человеческие!» Мы ответим: «Да!» и подумаем: «то ли еще будет!» Про нас прокаркают: «Вы будете забыты скоро и навсегда!» Ответим: «Non, non et non, Madame!»* Дерзости хватит на раздачу всем судьям.

В дорогой для меня Ваш день³ Вы не выходите из моих мозгов, *généralissime*, — это делается как-то «сама-собою»⁴ и понятно, что если так это делается, то приходит на мысль — чем бы потешить дорогого человека? Ответ без малейшего замедления, как у всех продерзостных голов: подарить самого себя. Так и делаю. Возьмите мою юную работу на гоголевскую «Женитьбу», посмотрите на попытки музыкальной речи, сравните с «Борисом», сопоставьте 1868-й и 1871-й и увидите, что я дарю Вам бесспоротно самого себя⁵. Я вложил списанную Даргомыжским роль Кочкарева, как драгоценный памятник того, кем был Даргомыжский в последнее время: роль списана им, несмотря на тяжелую болезнь и работу «Каменного гостя»⁶.

Терпеть не могу потёмок и думаю, что на охотника «Женитьба» многое раскроет по части моих музыкальных дерзостей. Вы знаете, как я *дорого* ценю ее — эту «Женитьбу», и, правды ради, знайте, что она подсказана Даргомыжским (в шутку) и Кюи (не в шутку). Время и срок работы показан, место также показано, словом — все обстоит благополучно и нет утайки. Берите же меня, дорогой мой, и делайте со мной что хотите.

Мусорянин

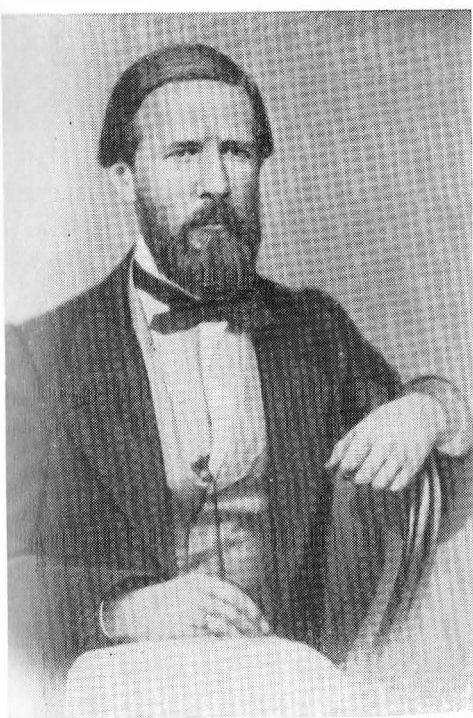
(Заметка по поводу «Non, non et non Madame!»).

При выпуске из Смольного монастыря императрица Мария Федоровна беседовала с первой по выпуску княжной Волконской и ошиблась в какой-то исторической подробности. Волконская заметила императрице «Non, Madame», а на выговор императрицы «on ne me dit pas non ma chère»** ответила: «Non, non et non, Madame!»

* Нет, нет и нет, сударыня! (фр.).

** Мне не отвечают нет, моя милая (фр.).

Д. В. Стасов

П. С. Стасова

А. А. Голенищев-Кутузов

Петербург, 30 января 1873 г.

30 января 73.

Дорогой мой *généralissime*, кресло Жемчужникову записано на его имя в 4 ряду с левой стороны, Иванову на Ваше имя в 9-м ряду слева¹, а Кларку запишу сейчас; но в 3 рубля кресла начинаются с 13 ряда — как он, захочет ли? О Садык Паша! Об остальном потолкуем при свидании. Спешу на оркестровую репетицию: «Быть или не быть, вот вопрос»².

Ваш *Мусоргини*

114. Э. Ф. НАПРАВНИКУ

Петербург, 6 февраля 1873 г.

6-е февраля 1873.

Эдуард Францович, Вы не принимаете славленья — тем сильнее Вы и выше; не принимаете ли Вы исповедь музыканта?

В понедельник, 5 февраля, Вы сделали дело небывалое: только одни Ваши художественные силы могли, с 2-х репетиций, передать так горячо и художественно сцены «Бориса»¹. При всем моем болезненным возбуждении, Ваш первый приступ к «Борису» и последующие сделали то, что я горячо полюбил Вас, как силача-художника (это уж Вы не можете запретить мне). Вы вникали не только в подробности оркестрового исполнения, но во все мельчайшие оттенки сцены и декламации; во всех Ваших замечаниях я видел горячее желание успеха делу; я считал и считаю Ваши замечания как честь и награду моему ученическому труду: так тонко, так художественно-верно понять намерения сочинителя может только крупноталантливый художник.

Ни в мысли, ни в мечте, несмотря на овации, я ни разу не придал значения самому себе (единственная моя заслуга вечером 5-го февраля); всю честь и славу представления сцен «Бориса» я отдаю Вам, Эдуард Францович, и нашим дорогим товарищам артистам и славному оркестру². Открыто говорю Вам: я благословляю имя Ваше за то, что Вы дали мне возможность продолжать учиться.

Мусоргский

Р. S. Говорят, пряник³ отвратительно чувствовал и вел себя вечером 5 февраля, говорят, губа его протягивалась вплоть до Вашей дирижерской палочки и желала схватить ее и поглотить, но ограничилась обычною жвачкою, за совершенною слабостью от старости.

115. В. В. СТАСОВУ

Петербург, 3 мая 1873 г.

Милый, славный, славнейший *généralissime*, — *важно* «Фомка, Епихан! за боярина!» «важно!»¹ Я счастлив совсем. Спасибо Вам, дорогой мой, я готов глупости наговорить, написать, наделать. Спасено наше общее и дорогое нам дело².

Мусорянин

116. В. В. БЕССЕЛЮ

Петербург, 14 мая 1873 г.

Милостивый Государь
Василий Васильевич.

Ответом на Ваше письмо от 2 этого мая¹ должно было служить только исполнение с моей стороны и, конечно, скорее Вашего желания иметь манускрипт «Бориса». Вот он — я торопился, насколько хватило силы. Об условиях издания, я думаю, мы побеседуем на днях, если не сегодня же; впрочем, договоренное на словах между нами при обращении в документ не потерпит изменений².

Всегда горячо приветствующий Вашу деятельность

Мусоргский

14 мая 73 г.

117. В. В. СТАСОВУ

Петербург, 16 мая 1873 г.

Мой чудесный *généralissime*, к обеденному столу не ждите: зван к Бесселю верстать и нумеровать «Бориса» к изданию; дело спешное¹, ну и не извиняюсь, п[отому] ч[то] зачем вздор делать. Césaire прибудет к Вам вечером и с «Тисбой», а я буду к 9-ти часам, о чем Césaire уведомлен.

Ваш накрепко *Мусорянин*

16 мая
73 тут, в Питере

Петербург, конец весны — начало лета 1873 г.

Милейший Василий Васильевич; извините, но завтра утром до 12 часов пополудни у Вас на Невском буду. Грущу за старушку-маман¹.

М. Мусоргский

Мы почти совершенно сходимся в редакции договора* по «Борису».

Мусоргский

119. В. В. СТАСОВУ

Петербург, ночь с 31 мая на 1 июня 1873 г.

Ночь на 1 июня 73.

Дорогой мой généralissime, вот что: если, паче чаяния, Вы встретитесь с Césaire, не говорите ему об оном таинственном документе¹, что был опущен не в пасть льва, как у венецианцев (du temps**)², а в свиную лохань. Césaire после письма «Францискуса»³ в лучшем настроении и наделает хороших дел, а если его «тянуть» оным извещением, то как раз изобразит «перекись». Сберегите человека — сослужите искусству. Прах бы пойм всю эту «грязь»*** — не наздравствуешься.

Дорогой мой, до поры обойдите «оное» молчанием — я верю Вам.

Конечно, всегда *Мусорянин*, а не иначе.

P. S. (барышня) так мало времени, что на другой день передаю письмо. Это похоже на человека, который в бойкой беседе задумал шибкое словцо и на другой день развозит его по вчерашним собеседникам, чтобы не пропало. Fouchtra (breton)⁴.

120. И. Е. РЕПИНУ

Петербург, 13 июня 1873 г.

13 июня Петроград
у Владимира Стасова на Моховой.

Так вот как, славный коренник!¹ Тройка хотя и в разброде, а все везет, что везти надо. Даже и руки не прикладывая везет: смотрит и видит, а не только смотрит. За работу возьмется — уж о другой помышляет, что дальше тянет. Так то, коренник. «Ну и мы ти ся кланяем».

* Сначала было написано: контракта.

** Во время оно (фр.).

*** Так произносил слово «грязь» Направник (примеч. В. В. Стасова).

Экого Вы осударя Володимера изобразили!² Уж теперь из полотна выполз на середину комнаты; что же будет, когда лаком пройдут? Жизнь, сила — вези коренник, устали не зная! А «яз» в качестве пристяжной, кое-где подтягиваю, чтоб зазору не было — кнута боюсь. Ну, скажите, коренной Илья Ефимович, взаправду ли Европа лучше Татари, в книгах Русью, Русией и Россией нарицаемой? Мне, лично, от русийских порядков тошнехонько, но это потому, что в качестве пристяжной кнута боюсь. А легко жилось бы — кабы? Ну их к праху!

Переносимся на следующую³:

Я ужасно рад, что Вы в Европу выехали, но еще более буду рад, когда, осмотревшись и наглядевшись, заживете в укомном месте, работе предаваясь. Вези, коренник, — воз тяжел, а кляч много. Думалось бы, что в совершенно иной природе, чем всероссийская болотная гуща, еще рельефнее и бойчее должен явиться Ваш колорит, г. Коренник. А впрочем, кто разберет художника: никто же — токмо сам себя познает и в самом себе закон носит. Молчи, пристяжная! Сильно хочется делать дело, да Русь-матушка подсыпает только следственные — по чиновничьей части — скверно!⁴ И хорошая вещь варится, да, пожалуй, вместо мужицких серых щей выйдет суп. Чего не бывает на всероссийской кухне! Не раз художники, и крупные, метили в ворону, а попадали в корову; утешенье, правда, есть: и тузы оказывались фоской⁵. Но это утешенье также неутешительно, как всегда были и будут импотенты. Правда и то, что «яз страха не ймам», толкай и толкай, а что выйдет, про то потом гуторить будем.

Я и чую, в которую сторону толкать надо, и везу, тяну свой гуж, и возницы не надо, а ну как препятствие: гуж-то оборвется, ась? Аль сам надорвешься. То-то вот: народ хочется сделать: сплю и вижу его, ем и помышляю о нем, пью — мерещится мне он, он один цельный, большой, неподкрашенный и без сусального. И какое страшное (воистину) богатство народной речи для музыкального типа, пока не всю Русию исколоторотили чугунки! Какая неистощимая (пока, опять-таки) руда для хватки всего настоящего жизнь русского народа! Только ковырни — напляшешься — если истинный художник. Вот в Ваших «Бурлаках»⁶, например, (они передо мною воочию), и вол, и козел, и баран, и кляча, и, прах их знает, каких только домашних там нет, а мусиканты только разнообразием гармонии пробавляются, да техническими особенностями промышляют, «мня типы творить». Печально есть. Художник-живописец давно умеет краски смешать и делает свободно, коли бог разума послал; а наш брат-мусикант подумает, да отмерит, а отмеривши, опять подумает — детство, сущее детство — ребя!

Ну, удется мне — спасибо; нет — в печали пребывать буду, а народ из головы не выйдет — шалишь!

Крепко и горячо целую Вас, коренник Илья Ефимович, и барыне и барышне⁷ чиню привет и хорошего качества пожелания.

Мусоранин

Если можете строчки две про себя или про что хотите (художник должен быть свободен), благодарен буду; хотя бы при письме к осударю Володимеру, что из полотна вылез.

Живу на Шпалерной улице в доме Синебрюховой, № 6, кв. № 15, в Петре городе.

121. В. В. СТАСОВУ

Петербург, 19 июня 1873 г.

Петроград, вторник 19 июня 73.

Мой дорогой *généralissime*, был посмотреть *Mr. le président**, о нем же «адмиралтейство» мне сообщило пуганные вещи, и вот в чем оказия: народившийся поэт граф Арсений Аркадьевич Голенищев-Кутузов, о к[ото]ром я говорил уже Вам, только меня утешает и художественною натурою и симпатичными мозгами, что я решился дать ему возможность видаться с Вами, дорогой мой. Понеже сия продерзостная мысль меня не покидает, я же проникся благодатью тою, что прикосновение Ваше к Арсентию Аркадьевичу любо его музе будет, поколику «он жаждет с трепетом узрети Вы», приступаю, а оного приступа чтите сице:

После Пушкина и Лермонтова я не встречал того, что встретил в Кутузове: это не деланный поэт, как Некрасов, и без потуг, как Мей (Мейя я предпочитаю Некрасову). В Кутузове, почти везде, брызжет искренностью, почти везде нюхается свежесть хорошего, теплого утра, при технике бесподобной, ему прирожденной. Замечательно, что в побывке в университете в то время, когда и проч... наш юный поэт (а он очень юн) не восхитился гражданским мотивом, т. е. не подделывался под моду и не корчил, как мартышка, гримасы г. Некрасова, а вковал в стих те думы, что его занимали, и те хотения, что присущи его художественной природе. Это барство мозгов меня в особенности потешило когда я заглянул в черновые тетради Кутузова (где карандашом, где пером, а где и ничего нет — фотография мозговой деятельности художника) зело меня потешило. Кутузов хороший сам себе судья (Балакирев говаривал «внутренний критик»), как и должен быть настоящий художник, а что Кутузов (по чернушкам судя) перерабатывает себя в «горниле» (а по-моему просто в печке, п[отому] ч[то] до поту лица, как и яз грешный), за это я ручаюсь; а как его тянет в народ, в историю! Еще примечание: вполне искренно мог отнестись поэт к тому, что узнал близко: так Кутузов и сделал: ни одного гражданского мотива, ни одной некрасовской скорби.

Думаю, что Вы разрешите, дорогой мой, прибыть к Вам завтра вместе с Кутузовым и, буде признаете его, приляжете к нему, как ко мне: я знаю какая благодать Ваше приляжание. О четверне мечтаю².

Мусорянин³

* Господина председателя¹ (фр.).

122. А. А. ГОЛЕНИЩЕВУ-КУТУЗОВУ

Петербург, ночь с 28 на 29 июня 1873 г.

Ночь на св. Петра и Павла
29 июня 73

Да будет первое мое послание.

Три этих дня вон из города, три этих дня скорбел бы мой мозг — пишу¹.

Человек — животное общественное; животное общественное ищет общества одного с ним закала. 2 льва и 3 строфокамила не могли бы составить общества и остались бы двумя львами и тремя строфокамиллами, нарушая даже математический закон общей сложности, т. е. не составили бы даже пяти. 2 бочки+3 алмаза=5, но чего, какого снадобья?

Вот я и выехал к Вам, Арсений Аркадьевич, и еду — не спущу², хотя бы на душу грех надавил.

Жизнь есть борьба; борьба — сила, а сила — единство, т. е. общность жизненных интересов, восторгов, страданий и проклятий исконному злу. Природа внешняя мирит; природа «борца с природой» к оружию зовет. Гейне удачно подсказал канву для «Belle Hélène»^{*3}, все есть (в героическом эпосе греков) и красота, и грация, и воплощенное искусство, и даже добродетель, но ум, где же ум? Достославная, добренькая Троя не изволила взглянуть что за лошадку в нее ввезли, и не любопытствовала узнать, что в этой лошадке.

Кто в шепоте робком природы иль в грозном ее ополченье человека чувствует; кто в дремлющей зыби морской иль в рокоте злобном пучины человека чувствует; кто в теплом закате, сквозь дымку туманную, в строптивой побегке последнее облачко розовой ризкой одетое зрит и мерещится: то юность летучая, миг счастья пролетного, а там беспшабашная ночь непроглядная, и скорбь, и смятение — тому не нужно ехать на Кавказ⁴.

Вот пока первая поездка к Вам, Арсений Аркадьевич.

До утра понедельника.

Ваш *Мусоргский*
в Петрограде.

123. А. А. ГОЛЕНИЩЕВУ-КУТУЗОВУ

Петербург, 22—23 июля 1873 г.

Петроград 22 июля 73 г.
Полдень.

Милейший граф Арсений Аркадьевич, Ваше прелестное послание, Твериادю зовомое, доставило мне рой наслаждений и спасибо Вам¹. Гробовая Тверь, стоящая в самой середине «поля смерти» россиян², про-

* «Прекрасная Елена» (фр.).

инициальная барышня — зорница и сам губернатор — луна с толстыми щеками так и брызнули в меня свежим и живым воспоминанием о только что свершившемся, но уже пройденном — отодвинутом на исторический путь и воскресшем в тех же приветливых светлых образах, что так радостно манили меня и в дом Зарембы, и в Китайскую империю или в Калужскую губернию³. Еще раз спасибо Вам. Если моя грешная раскошница, сестра Марфа, нашла в Вашем художественном разуме привет и искренний отклик, то Ваша мученица⁴, освежающая наколотые босые ноги слезами первого блаженства, вздрагивающая от мысли, что посторонний, дерзкий глаз мог подсмотреть и опохабить ее неліцемерную отдачу всецело милому, не выходит из моих мозгов: так верна и полна любви набросанная Вами картина, довершенная тем же вздрагивающим мученицы-преступницы на суде пред зеркалом прогнившей до последнего волокна человеческой справедливости и, вероятно, в присутствии по-вероятно чистой публики, умеющей только покупать и продавать.

Пишите, милейший, Вашу «Мученицу» и если, случайно, на творском «поле смерти» россиян восстанет гнетущий призрак, который бы остановил на миг Вашу руку, — гоните его прочь: «Vade retro, Satanas»^{*} и помните: вдохновенный художник всегда судья неліцемерный и еще помните: вещей правды прожигай сердца людей⁵ (Евангелие и библия).

А я приступаю к писанию моей «Хованщины»⁶. Получил Ваше послание и вместо ответа набросал мою раскошницу в саване и с зеленою свечою, напентывающую возлюбленному Андрею Хованскому, перед самосожжением, на известный Вам мотив следующее:

Смертный час твой пришел, милый мой,
Обойми меня в остатный раз.
Ты мне люб до гробовой доски,
Помереть с тобой — словно сладко заснуть.
Аллилуйя! (С отпеванием Андрея Хованского.)

Этот первый клочок Ваша принадлежность, а заготовлен второй, и нем же будет колдовство раскошницы⁷, и этой второй тоже для Вас. Берите первинки из создавшегося у Вас, при Вас и от Вас — это верно, п[отому] ч[то], кроме нас, слышали и свидетельствуют стены Зарембы, а в некотором царстве, некотором государстве стены слышать умеют. Приостановляя на время мою отповедь, для хождения на свидание с А. Жемчужниковым и П. Наумовым с И. Ф. Горбуновым (вчера еще записал от него песню⁸), смею уверить Ваше сиятельство, что Ваше послание от Тв е р и поползет со временем в публичную библиотеку в манускрипты хороших мужей, ну и прошу молчать Ваше сиятельство: это все моя бабка и я виноваты в такой бюрократически-мужичко́й форме речи, ибо какого проку ждать от чиновника, явив-

* Отойді от меня, сатана! (лат.).

шегося, по крови, чрез соединение крепостной с аристократом-помещиком?⁹ Последнего всегда будет тянуть к чиновнику в приказную избу, особенно после гениального гр. Сперанского, «кому ныне воздвигается приличный монумент»; — только, разве, такой чиновник хода не возымет — крепостная помешает на благо россиянам.

С 22 на 23 июля,
конечно, далеко за полночь.

Виделся с Александром Жемчужниковым. Что за прелесть, что за безыскусственность! И какой необыкновенный самобытный склад речи при светлом и образованном уме! Рад за такое знакомство. Мы провели вместе весь день; Вы, конечно, были прочитаны и, конечно, с успехом: характеристика Самозванца (юноши-героя) без утыкания пальцем на слово «Самозванец» (тонкохудожественная черта в Вашем послании)¹⁰, вызвала восторг, а мы ти ся кланяем. Пишите, и «vade retro, Satanas!» Искреннее, необыкновенно искреннее отрицание увлечений картинами природы, т. е. пейзажем, сказавшееся в изображении зорницы и луны, и подступ к человеческим скорбям и страстям вельми хорошо вышли. «Глаголом вещей правды прожигай сердца людей!» — пишите, создавайте и опять пишите, мой милейший.

Рад, что Ваша татапа в добром здравии, и уповаю на скорое свидание с Вами.

Душою Ваш *М. Мусоргский*

Р. S. Где граф Петр Аркадьевич? Вердеревский ждет взноса остальных денег за имение; следовало бы Петру Аркадьевичу с ним переписаться, а то, пожалуй, будет неладно; срок, кажется, истек.

124. П. С. СТАСОВОЙ

Петербург, 23 июля 1873 г.

Петроград, 23 июля 73.
Шпалерная № 6

Милейшая и дорогая моя барыня, с ужасом помышляю о недоумении по поводу моего продолжительного молчания¹. Но какого бы мне ответа оное молчание ни стоило (зрите чиновника); все же я настолько еще не прочернил, что могу дать отповедь по сердцу. Хозяйки-скряги сажают обыкновенно kota в такую камору, где мышей не может быть, п[отому] ч[то] съестное у скряги сгнило, а гнилого мыши не кушают; благо коту, если он уловит удобную минутку и улизнет из караула —

иначе кот умрет голодною смертью. Когда я прочел Ваше милейшее послание, то находился в положении кота, улизнувшего из караула и напавшего на свежую пищу. Одно только несправедливо в этом послании: боязнь за человека-музыканта; и такая умница какую ошибку сделала; если имеется маленькое подозрение в самостоятельности творчества господина (имярек), то нет сомнения в том, что его, то есть господина, частенько толкает на творчество; если же плоды этого толкания не переходят на бумагу «зане бѣ не во времени», то, право, в оном виновна страна, проявляющая злаки, о которых сама не знает, п[отому] ч[то] они ей не нужны. В России искусство водится, но художество — предмет роскоши: я не об одной музыке говорю, я люблю и (думаю, что) чую все художества. Доселе счастливая звезда вела меня и поведет дальние — в это я верю, п[отому] ч[то] люблю и живу такую любовью, а люблю человека в художестве.

Вступление к «Хованщине» (рассвет на Москве, заутреня с потухами, дозор, снимающий цепи) и первые приступы действия уже готовы, но не написаны², п[отому] ч[то] сработал дело в 2 т[ысячи] листов, и теперь лежит такое же, т. е. не совсем такое же, а в 4 т. листов: морщусь, злюсь и работаю оперу.

Еще хорошая выдумка, похожая на правду (это по присущей преображенцу светской манере): раскольница, влюбленная до смерти в молодого Андрея Хованского, в скиту заклиняет его колдовством на «буйный ветер», и в самый разгар опьянения страстью перебивается Вам уже известною песнью раскольников об «аллилуевой жене». Чую, что настала пора готовиться к смерти, раскольница пронизывает сцену и оркестр отчаянным воплем «смерть идет». Раскольники выходят из леса в саванах и с зелеными свечами, готовые на самосожжение, и зашираются для молитвы в келиях, чтобы по зову Досифея (кн. Мышецкого) стать к гробам; раскольница поднимается, идет за ними, «облечься в ризы белые — чистые», но не для молитвы идет. Когда из келии выходит Андрей Хованский, мечтающий о своей немочке, раскольница в саване и со свечою в руках наблюдает за ним; а сей дурашка напевает любовную песенку под окошком келии, где сокрыта Досифеем немочка, украденная из немецкой слободы Хованским. Когда дурашка изрядно напелся, раскольница подходит к нему, и на мотив колдовства отпевает Андрея Хованского³. Все это почти готово, но, как было и в «Борисе», напишется, когда назреет плод. Вот, дорогая моя и милейшая барыня, ответ на Ваше более чем дружеское послание из-под Зальцбурга. Крепкое спасибо Вам, а живу я ноне в «Хованщине», как жил в «Борисе», и тот же я Мусорянин, только строже стал к себе после успеха, Вами увенчанного⁴, и страшнее приступить к народу (а Петра и Софью за сцену — это уже решено — без них лучше), а народную драму хочется сделать — вот как хочется!

Милейшему Димитрию Васильевичу, быть может, понравятся мои первинки из «Хованщины», — ну, чем богат, тем и рад, а крепкое рукопожатие чинить ему изволю. Боярышень со боярченками⁵, без малейшего

зазора, заочно целовать тщусь. Говорят, Лист пришел в такой восторг от «Детской», что желает посвятить мне пьеску; текст и сюжет были ему истолкованы баронессой Мейендорф, неотлучно находящейся при нем в Веймаре ⁶.

Ручку Вашу, дорогая барыня и милейшая, и до свидания.

Модест Мусоргский

125. В. В. СТАСОВУ

Петербург, 23 июля 1873 г.

Петроград 23 июля 73.
Шпалерная № 6.

Славный мой *généralissime*, здравствуйте и перешлите приленившееся письмо к Полине Степановне ¹ — Вы знаете, где ее поймать можно, да, кстати, и прочтите — я этого хочу. Наша работа кипит во всех местах, настроение путное — желание уединения и думы; переводить на письмо рано — пусть созреет; ведь с народной драмой нельзя шутки шутить. Раскольница, нами излюбленная, задумалась ай, ай! Из письма к Полине Степановне Вы увидите только легкий намек на то, что есть на самом деле; при свидании поговорим и послушаем. Могу только сказать Вам пока, что кому ни показывал отпевание любовное, глаза пучат, до такой степени это небывалая штука; какие тут иезуиты! ². Это смертный приговор любящей и брошенной женщины, а как тут объясняется сама собой глупость Андрея Хованского, что предпочел глупую, как он же, немку мощной и страстной женщине: раскольница язвит Андрея нелюбовью немки и жалеет его и ее, причитывая «аллилуя» и обходя его с зеленой свечою в обеих руках и в саване на мотив колдовства или заклинания на «ветер буйный», только иным ладом и иначе гармонизованным, пока не приходит Досифей, в таком же саване и со свечою, возгласить, что «приспело время в купели огненной освятиться и горé вознестися в обители светлые — божие, идеже несть силы антихриста, а тако спасти души». Еще вот какое дело: говорил с путным попом насчет характера напевов раскольниковых. Рекл: «Если, живя в деревне, застали и слышали старых дьячков, — так и создавайте ваших раскольников в обиходном напеве». Я застал и слышал дьячков, но о совете путного попа забыл, пока не понадобился мотив для канта Досифея и для купельного канта при самосожжении. Сообщил Корсиньке — пришел в совершенное удовольствие от проекта колоратурного церковного напева всем хором в унисон. Путный поп удостоверил, что и Разумовский того же мнения. Самобытно, ну и, значит, нашему козырю в масть, тем паче, что раскольниковый вой будет прекрасным контрастом петровской теме ³.

Вот что делает Мусорянин, дорогой Вы мой, а от Горбунова имею капитальных две старинных русских песни; общал и побольше, да жена хворая — подождать надо. Обычаем таким собираю отовсюду мед, чтобы соты вышли вкуснее и подобнее, ведь опять-таки народная драма.

Брат Бесселя, находившегося не раз у Листа в Веймаре, нарочно остановил извозчика и подбежал сообщить мне, что Лист восторженно относится к русской музыке последнего времени и, между прочим, объявил В. Бесселю, что «Детская» его до такой степени расшевелила, что он полюбил автора и желает посвятить ему une «bluette»⁴. Если правда, а не чересчурное увлечение, то Лист меня поражает вдохновенностью своего таланта, это неимоверно! Глуп я или нет в музыке, но в «Детской», кажется, не глуп, п[отому] ч[то] понимание детей и взгляд на них, как на людей с своеобразным мирком, а не как на забавных кукол, не должны бы рекомендовать автора с глупой стороны. Все это, быть может, и так; но я никогда не думал, чтобы Лист, за небольшими исключениями, избирающий колоссальные сюжеты, мог серьезно понять и оценить «Детскую», а главное, восторгнуться ею⁵: ведь все же дети-то в ней россияне, с сильным местным запашком. Что же скажет Лист или что подумает, когда увидит «Бориса» в фортепианном изложении, хотя бы. Словом, если событие достоверно, то счастлива русская музыка, встретившая такое сочувствие в таком тузе, как Лист. Не об одном себе помышляю, а о том, что (мне передал тот же брат Бесселя) Лист не перестает говорить о русских музыкальных деятелях и перечитывает подчас их сочинения. Дай бог пожить ему побольше и авось, когда можно будет, скажутся к нему в Европу и потешу новостями, но только с Вами, généralissime, а не иначе. Теперь же мне суждено впасть и киснуть в халдейщине, истрачивать труд и время на такое дело, которое без меня бы еще лучше сделали.

Суждено сознать всю бесплодность и ненужность моего труда по лесной части и, несмотря на это сознание, трудиться по лесной части⁶. Жутко! Быть может, сколько новых миров открылось бы в беседах с Листом, во сколько неизведанных уголков заглянули бы мы с ним; а Лист, по натуре, смел и не лишен отваги и с рекомендацией, которая уже сделалась сама собой, вероятно, не затруднился бы сделать с нами экскурсию в новые страны.

Увидите ли Вы Листа, généralissime? Если в Петрограде, на почве из разложившихся человеческих трупов, иногда блеснет путная мысль, закипит что-то внутри и проснется полусонное всероссийское творчество, то что же там, в Европе-то? Всероссийское творчество какой-то пуганый воробей, боится договориться; или если взлетит «вверх под оболочки» так на них там и усядется и ну подремывать, а уж если «долу устремится», то дойдет до разменной лавочки и копается в интересиках, никому не интересных; не может оно, полусонное, отделаться от своего

* Безделушку (фр.).

знамени: «как господу прикажут». Мистическая картина «Пляска смерти» на церковной теме «божьего гнева» в форме вариаций могла родиться из головы смелого европейца Листа⁷ (Серов не понимал этого), и этот смелый европеец доказал художественное сродство фортепиано с оркестром именно в «Пляске смерти». По простоте закладки, т. е. вариации и, по-видимому, ничего больше, я сравню «Бурлаков» Репина: группа портретов и тоже, по-видимому, ничего больше. Колоссальный «Те Деум», относящийся к громадной 2-й мессе Бетховена, как римский Петр к нашему Исаакию⁸, мог выстроиться только в голове смелого европейца Берлиоза. С этим колоссом я могу сравнить по колоссальности только интродукцию «Руслана» — создание объевропеившегося (фу, какое слово) Глинки. Et puis autres?! *. Европа нужна, но не кататься по ней, а смотреть ее нужно; не любоваться швейцарскими заставшими водопадами или Брюллевской террасой⁹, не определять, где лучше сервируют, в Париже или Вене — нет, не этого нужно, это сумеют сделать не промотавшиеся еще помещики и тугокарманные биржевики. А, к несчастью, от наших музыкантов-вояжеров я немного больше слышал об Европе. То-то полусонное всероссийское царство! В ученом мире, где мозги поневоле действуют пошибче, деятели сносятся между собою, деятели чуть не всех стран. Не знаю, как по другим отраслям искусства, а по нашей музыкальной части такая задача не рождалась в мозгах наших музыкантов-вояжеров по Европе. «Спит, спит... и никто не знает, скоро ль час ударит пробужденья»¹⁰ (я нарочно 2 раза написал «спит», как это у Бородина, п[отому] ч[то] так глупее**); и ведь этаким сонный леший; точно надо уверять, что спит: «Спит, спит»... сколько раз просил его сократить). Уже если постоянные наши сношения в европейском вестибюле принесли пользу всем нам, то, конечно, сношения с Европой толкнули бы еще дальше.

Да, бишь: что, если диктовать подъячему донос будет Шакловитый: он личность характерная — архиплут и с придатком напускной важности, некоего величия даже при кровожаднейшей натуре. Это возможно и потому еще, что 3-й из схоронившихся так и остался неизвестным, а Шакловитый, хотя и грамотный, не желал, чтобы узнали его Хованские, против которых он тогда уже вел интригу. Хотелось бы так, п[отому] ч[то] сцена с подъячим задумалась недурно, и по-нашему¹¹.

Да, généralissime, чуя, что слава богу жив еще: ах, только бы времени да здоровья.

Граф Арсений Кутузов пишет поэму, сложившуюся у него после свидания с Вами, в ту же ночь¹². Судя по отрывкам, это будет крупно; хотя он не знает «Кузнеца» Коппе¹³, но делает подходящую штуку по

* А мы прочие? (фр.).

** !! экий вздор (приписка В. В. Стасова к слову «глупее», которое Стасов подчеркнул).

мысли и по задаче; только не мученик кузнец, а подневольная мученица баба; будет заседание суда, задуманное, по-моему, мастерски.

Крепко обнимаю Вас, дорогой мой, до следующего раза; берегите себя для нас и для меня, ради самого Христа.

Мусорянин

126. П. С. СТАСОВОЙ

Петербург, 26 июля 1873 г.

Петроград, 26 июля 73 г.
Шпалерная № 6

Моя дорогая и милейшая барыня, вчерашний визит в дом Мслихова¹ произвел некоторую пертурбацию в моих музыкальных, быть может, но, наверно, беспутных мозгах: послание мое к Вам засядет в Вене и не домчит до Вас, несмотря на разведенные в нем усиленные пары по части «Ховачины», постройка которой кипит и вот как кипит; это горе сменилось радостью, когда я узнал, что *généralissime* не поедет в Вену, что ему запрещена эта экскурсия любящими его (я умолял его не ездить в Вену)²; а дорогой моей барыне, думаю, отпишу — найду же я барыню где-нибудь в Европе; так и делаю; эта радость сменилась и перекувырнулась, когда я узнал, что наш милый Витьюшка Гартман умер в Москве от аневризмы³. Горе, горе! О российское многострадальное искусство! В последний заезд Виктора Гартмана в Петроград мы шли с ним после музыки по Фурштатской улице; у какого-то переулочка он остановился, побледнел, прислонился к стене какого-то дома и не мог отдышаться. Тогда я не придавал большого значения этому явлению и только спросил его: часто ли с ним бывает такая штука (часто), надурил ему какую-то чепуху, отвлек мозги его, на время, от того, что они создавали, и пошли мы дальше, сперва ступою бредучею, а потом и настоящим манером. Порядком повозившись сам с удушьем и биениями сердца (нелепым «*palpitatio cordis*»*), я мнил, что это участь нервных натур, по преимуществу, но горько ошибся — как оказывается. И в лучшую пору, когда брызгало талантом Гартмана до того, что не подступись. Помню (еще бы забыть!) последнюю беседу с ним: он утешал меня проектом русского стиля в постройке, приспособленного, правда, к требованиям времени, но русского стиля, как он любил выражаться — «воспитанного». Он уже переводил свой проект в жизнь, его мозги копошились над постройкою дома в русском стиле для Мамонтова в Москве. Достроил ли Гартман — не знаю; эта бездарная дура смерть косит, не рассуждая, есть ли надобность в ее проклятом визите. Не чаял я, что мне придется посылать краткую литию в «Петерб[ургские] ведомости»⁴.

Добро бы еще таланты, как грибы, росли; а то ведь и из присяжных-то талантов большинство какие-то зеленые ослы, многодумные дураки,

* Сердцебиение (лат.).

только расползающиеся многотомных и многообразных мертвецов: как говорится — ни кожи, ни рыла, а смысла и подавно. Как возьмешь в мозги впечатления (драгоценные) домов à la Макаров, часовни у Летнего, «бывшую челом» лестницу на венской выставке и «бывшую челом» перед всем миром, чего доброго (всероссийская холопка — и тут не выдержала), да сопоставишь архитектурный скелет народного театра в Москве (уж не говоря об изяществе и самобытности), а просто скелет, так жутко становится: чего бы не поделал Гартман! Гартман, незаметно и неслышно спасший тысячи народа намеком начальству на предстоявшее падение плафона в Мариинском сарас. Начальство притворилось, что не верит, но «духу не хватило» и подкрепило плафон. А Гартман ведь только взглянул: случайность, конечно. Это не касается творческой силы художника, но в то же время составляет ее основу; красивые звуки всегда красивы, и малорусса за партией галушек пленяют до того, что жрет галушки, обливается маслом и слезами, и поглощает и галушки и красивые звуки. Посущественнее надо что-нибудь. Художество должно воплощать не одну красоту; здание тогда хорошо, когда, помимо красивого фасада, прочно и осмысленно, когда чувствуется цель постройки и видна голова художника. Это было в погибшем Гартмане. Бедное, сирое русское искусство! Антокольский возится с сыном от Гэны, а Репин с двумя Верушками (одна другой меньше) ⁵. Впрочем, зачем же я?.. Вот нелегкая метнула. Ну баста!

В том письме, что лежит в Вене, уподобляясь спящему Марко Королевичу (думаю, что в свою очередь Марко Королевич обречен навек уподобиться моему венскому письму), так в том письме я изъяснял Вам, милейшая моя барыня, какое Вы мне хорошее послание изволили устроить и как Вы, умница барыня, потревожились, голубушка Вы такая, за Мусорянина. Бывают дни, что кошки за сердце скребут, но проходят эти дни, как все проходит. Знайте же: работа кишит, и Мусорянин Ваш тот же Мусорянин, только строже стал к себе, когда затеял народную драму: разборчивее стал по части своих мозгов, а 6 т[ысяч] листов дела лежит, и ждет лесничий отпускной грамоты, — что делать! Зато в России живем, вот как! Еще было писано о том, как Лист влюбился в «Детскую» и ее автора и намерен посвятить автору пьеску. Еще было писано, как брошенная Андреем Хованским раскольница, честно и страстно его любящая, на любовном мотиве отпевает Андрея Хованского, приговаривая его к самосожжению, и еще другое разное было писано. Ну, при свидании услышите и определите.

Димитрию Васильевичу, конечно, милейшему, простираю посильные объятия и во всю мочь благодарствую за запрещение généralissime ехать в Вену: я же писал ему, чтобы он берег себя, ради Христа, для нас и для меня. Боярышень и боярченков заочно расцеловать тшусь.

Вашу ручку, дорогая моя и милейшая барыня, и до свидания, а если узнаю, где Вы, еще отпишу.

Мусорянин

Петербург, 2 августа 1873 г.

Петроград. 2-го августа 73 г.
Шпалерная, № 6.

Дорогой Вы мой, славный мой, что за ужас, что за горе! «И зачем живут собака, кошка», а гибнут Гартманы. Помню, в последний заезд в Петроград Витюшки, шли мы с ним (в ожидании Вашей милости у Молас) от Молас и на углу какого-то переулочка и Фурштатской, как раз против Appen-Kirche, милый Витюшка прижался к стене и поблел. Зная по себе нашу братию, я спросил (спокойно): «Что приключилось?» — «Дышать не могу», — отвечал Витюшка. Опять, и все-таки, зная по себе нервность, сердечность (в смысле биений — *palpitatio cordis*) художников, *(столь же спокойно)* сказал Витюшке: «отдышитесь, душка, а там пойдем дальше». Вот наш разговор о том, что под землю навсегда скрыло от нас дорогого нам. Что за дурак человек вообще! И когда я припоминаю теперь этот разговор, мне жутко становится, что трусил я перед своею же мнительностью*. *Généralissime*, Вы мне поверите: как самый штатный дурак я смотрел тогда на нашего Гартмана. Бессильный, «не будучи в помочи мощным», пешка — вот что. А человеку, и какому человеку, скверно; и отделываться нелепыми «дупками», да пошленькими хладнокровьями: подлая светская тина! И тут на первом плане самолюбие — грош, фальшивый грош, никому не нужный. Я помню, хорошо помню этот казус и, надеюсь, буду помнить — авось поумнею.

В том-то и штука, что мы тогда только сознаем опасность для другого, когда он тонет или «помереть готов». Дурак! и будь тут семи пядей во лбу, все-таки дурак, безысходный дурак! и всякий из человечков такой дурак, не исключая докторов, с важностью индейского петуха, под легкую шумиху хвоста-веером, решающих вопрос о жизни и смерти.

Нас, дураков, обыкновенно утешают в таких случаях мудрые: «его» не существует, но то, что он успел сделать, существует и будет существовать; а, мол, многие ли люди имеют такую счастливую долю — не быть забытыми. Опять биток (с хреном для слезы) из человеческого самолюбия. Да черт с твоею мудростью! Если «он» не попусту жил, а создавал, так каким же негодяем надо быть, чтобы с наслаждением «утешения» примиряться с тем, что «он» перестал создавать. Нет и не может быть покоя, нет и не должно быть утешений — это дрябля. Если природа только кокетничает с человеком, — имею честь с нею познакомиться, как с кокеткою, то есть поменьше доверять ей и зорко следить, если подчас так увлечет, что небо с овчинку покажется; или, по-гусарски,

* Мнительный, я трусил испугать Гартмана и сошкollyничал! (примеч. М. П. Мусоргского).

кинуться в омут — захлебнуться насмерть, но насладиться: чем? рыхлою, холодно-потною землею что ли, которая уж не кокетливо, а искренно принимает в свои мерзкие объятия всякого «царя природы», кто бы он ни был, словно старая раскисшая баба, которой всяк хорош, п[отому] ч[то] выбора нет.

Вот опять дурак, к чему злоба, когда она бессильна. Ну, basta! помолчим кое о чем.

Вот что случилось за это время, дорогой мой généralissime. Да, бишь, вспомнил:

Мертвый мирно в гробе спи,
Жизнью пользуйся живущий¹.

Скверно, но искренно.

По музыкальной части произошло: появился новый, несомненный, оригинальный и русский юный талант, сын Конст. Лядова, ученик консерватории, ни разу не намекнувший при свидании о квартетсекстаккордах (по длине слова — судите о его растяжимой глупости). Воистину талант! Легко, бесхитростно, бойко, свежо и с силой. О, да! Квей и Drigabier! (на днях похоронивший свою дряхлую старушку мать, которую, по присущей людям дураковатости, называл при нас тетушкой — хе-хе!²), так Квей, Drigabier и яз, беспутный, очень довольны есмь остались. Описание наружности: белокур, толстогуб, в ложбинках, назначенных природою для скатывания слез прямо в рот, сиречь между наружною поверхностью ноздрей и округлостью щек умные, неправильные бороздки — очень характерные, лоб не высок, но крайне представлен по развитию височных впадин, сильно наполненных, нервен до безобразия, молчалив до пущего безобразия, слушает — не хвалит, только носовые бороздки ходят — хорошо! Что кропает юноша — услышите, а Корсинька давно уже мне об оном проповедь держал. Квей сделал очень хорошую сцену Родольфа с Анафестой и удивительную повесть Тисбы перед Анджемо о матери, на нашей любимой теме³:

о, чего, он, Квей, туда посадил — важно!

В 3-м акте сделал «Notturmo» очень милое, очень итальянское — инструментовать можно волшебю. А там, гм! тарантеллу — pifferari* — и

* Исполнители на итальянском народном духовом музыкальном инструменте пиффери (ит.).

я настаиваю, чтобы он <оставил> удержал ее* — назойливая донельзя, я в Парголове и в Новой деревне слышал от итальянцев из-под Неаполя⁴ (ха, ха, ха!), я настаиваю, чую, что это то, самое то!

Корсинька прекрасно действует по части морских сирен⁵, заходит ко мне и до зела меня утешает по своей и даже по моей части: по своей — оркеструет симфонию⁶, а по моей — гм! Рано, не время⁷.

С наслаждением я читал у Николая Васильевича с Мейером Ваши письма, дорогой мой. Ненависть к морю — разделяю⁸. Хорош мир, где живут хладнокровные: только и остается rendre contre elles ce qu'on vient de mâcher**. Дивился Айвазовскому и вспомнил Григоровича⁹, чаровался предположенной поездкою по Южному берегу. Подскочил от радости при телеграмме о неполете на Вену (умница). Да, бишь, как было условлено... впрочем — при свидании, не в том дело. А теперь пишу к Вам в Висбаден, и буде письмо не застанет, прошу голубушку Надежду Васильевну переслать в тот пункт, где отыскать Вас можно. Поликсене Степановне писал дважды: в Вену при Вашем письме, для передачи, и в Рейхенхаль от 26 июля, п[отому] ч[то] Николай Васильевич сказал мне, что можно писать туда, с расчетом времени до 31 июля. Досадно мне, если она не получила письма.

Работа нашей оперы кипит, но перекувырнулась. Вы помните, конечно, что я посягал на первый акт, но пришлось «преткнуть перстом» по поводу столба с надписями, на чтении которых я хочу построить интересную народную сцену¹⁰. Надо с цензурою поговорить, да и вообще надо поговорить с цензурою. Пока 3 новости: 1-я, заклинание «на ветер» раскольника пришибается песнью раскольников об «аллилуевой жене», выходящих из лесу в саванах с зелеными свечами; на одной из перифраз хора раскольника пронизывает сцену криком «смерть идет» и направляется за братиею «облечься в ризы белые и светоч взять праведный». Тем временем Андрей Хованский показывается под оконцем кельи, где спрятана немочка, и напевает «соловьиною песню». Заслышав, раскольника в саване и со светочем выходит из скита, подкрадывается к Хованскому, а тот, словно его обухом по голове хватили — дурак, не замечает, что готовится в скиту. На любовную тему заклинания раскольника нашептывает ему: «Смертный час твой пришел, милый мой; обойми меня в остатний раз; ты мне люб до гробовой доски; помереть с тобой — ровно сладко заснуть. Аллилуиа!» (обходя его и покланяясь). Нравится всем без изъятия это любовное отпевание и даже мне самому нравится***.

Примечание: вспомнил беседы о раскольниках с умным попом (в эту минуту фамилии не припомню), но членом нашей комиссии по

* Настаиваю — оставил — мерзко (примеч. М. П. Мусоргского).

** Вернуть им то, что уже разжевано (фр.).

*** Этот дуэт: бессильная борьба Андрея, ужас его, язвительная речь раскольницы и о немочке и о самосожжении — меня теплит до зела (примеч. М. П. Мусоргского).

прикладным знаниям в Соляном городке; то, о чем я Вам скажу, вполне разделяет и Разумовский.

Хор раскольников, когда они выходят к гробам, приготовляясь к самосожжению (не все вдруг, а партиями, конечно, выходят), построен на колоратурной теме «unisono» клиросного старинного напева — запевает сам Досифей. Корсиньке очень нравится такая затея, и он признал ее невероятно новою. Колоратуры хора.

Эта новизна стара, как прародительский грех, но это-то мне и нравится. 2. Прелюдия к скиту, шум леса в лунную ночь, то усиливающийся, то утихающий, как прибой волн; на этой канве Досифей начнет свою исповедь (начнет, *bien entendu*), и [отому] ч[то] исповедь его будет крайне разнообразна и по задумке — надо полагать, не из бывалых: этим делом теперь мозги бродят. 3. Знаете, кого бы хотелось заставить подсказывать подъячему донос: Шакловитого — ведь он сильнее прочих интриговал против Хованского, а ведь третий из схоронившихся доносчиков так и не был узан: ни у Желябужского, ни у Матвеева нет сведений о третьем. А тема ему уже есть — хорошая тема и кусочки текста шевелятся.

Мне сначала ничего не хотелось писать Вам, дорогой, по случаю нашего глубокого траура. Да не выдержал — захотелось сболтнуть, а уж взялся за перо, так «пошла писать губерния». И то еще в голову заползло откуда-то: когда мать теряет одного из любимых детищ, то отводит слегка скорбь на уцелевших пока; в чаянии, что, быть может, мое послание, в котором, несмотря ни на что, я ни на йоту не изменил своего обычного безалаберного строя, — отвлечет Вас, хотя бы механически, от гнета скверного чувства, я решился послать это послание.

Листу «Детская» так понравилась, что на темки из нее он хочет сделать «une blquette»¹¹.

Корректуры «Бориса» все еще не шлют¹².

Вступление к «Хованщине» почти готово, рассвет на восходе солнца красив, довел до того пункта, где донос диктуется, т. е. с маленькою сценкою Шакловитого и подъячего до диктовки, текст которой, конечно, готов. Выработка идет изрядная, шесть раз отмеришь, и один раз отрежешь: нельзя иначе, таково что-то внутри сидящее подталкивает на строгость. Подчас рванешься, ан нет, стой! внутренний повар говорит, что суп кипит, но на стол подавать рано — жидок будет, может, придется еще какой корешок или соли подкинуть; ну, повар лучше меня свое дело знает: жду. Зато уж попади только суп на стол — зубы съем.

Вот что я имел сказать Вам, дорогой мой; а то, что копошится в мозгах, — пусть копошится до времени. Ээ, увидеть бы Вас с нами поскорее. Берегите себя для всех нас, ради Христа, а то Мусорянин зачахнет — это верно.

Он самый Мусорянин

Петербург, 2 августа 1873 г.

Петроград, 2 августа 73 г.

Дорогая моя голубушка, Надежда Васильевна, побалуйте Мусорянина по прежней памяти и перешлите, молю, прикладываемое Владимиру Васильевичу в страну, где он находится, буде его не застанет между Вами это послание¹. Я рад, что он отговорен от поездки в Вену, хотя и писал ему туда; туда же, для передачи, писал и Поликсене Степановне; а как узнал, что она еще была в конце июля в Рейхенхале, то спешно отписал к ней в онный Рейхенхаль. Не знаю, получено ли мое послание.

Как-то Ваше житье-бытье происходит, моя голубушка. А я, беспутный человечина, только бумагу вижу, до того утруждаюсь защитой казенных интересов. Впрочем, наша новая опера «Хованщина» работает и работа кипит, хотя и рано переводить на бумагу.

До такой степени я становлюсь строгим к себе — уморительно, и чем строже становлюсь, тем делаюсь беспутнее. Уж как это там люди умеют делать — не знаю; а я не умею и, вероятно, поэтому тщусь самого Сизифа преодолеть. На мелкие вещи настроения нет; впрочем, сочинению маленьких пьес есть отдых при обдумывании крупных созданий. А у меня отдыхом становится обдумывание крупных созданий, когда я, прочь от казенной стряпни, попадаю в свою сферу: так-то все у меня в перековырку идет — сушая беспутность.

Маргарите Матвеевне очень много кланяюсь, п[отому] ч[то] очень много помнить ее изволю; приветствую боярышню²: я, чай, во-во **какая** большая стала, если сообразить, что люди почти всегда вверх растут. А перед фрейлейн Эрнестин виноват — не сделал того, что должен был и хотел сделать. Но не отрекаюсь, вовсе не отрекаюсь и сделаю.

Теперь Вашу ручку, дорогая моя голубушка; уж так и быть, побалуйте Мусорянина.

Строгий к себе и все-таки

беспутный *Мусорянин*

129. В. В. СТАСОВУ

*Петербург, 6 августа 1873 г.*Петроград. 6 августа 73.
Преображенский праздник.Шпалерная
№ 6

Вот что приходится отвечать русскому музыканту, дорогой Вы мой *généralissime*. Отказываться от заветного, от самой жизненной жизни, корпеть над дрянью¹. Ужас потому что правда. Горячий Ваш зов* меня

* За границу, ко мне (примеч. В. В. Стасова).

толкнул было на прощанье с вицмундиром, но штука в том, что не хватило духу подсидеть моего приятеля и шефа, больного глазами² — это было бы бесчеловечно и скверно. Если он помог мне, то и я ему помочь должен — иначе дрябло.

А что бы сказалось свидание с Листом, сколько бы дел хороших поделалось! Нет, надо искать другого пункта, по мере сил и способностей, для добывания насущного; надо спасти волков и овец, если это возможно. Вы увидите Листа, я готов был бы просить Вас, дорогой мой, передать от меня записочку, но опять скверно становится: что ж ему в этой записочке — во-первых, и имею ли я право так поступить — во-вторых, и последних. Молчание и молчание: словно траппист³ какой. Впрочем, я верю в звезду; не может быть, чтобы когда-либо не узрел я мужей европейских. Если же не придется — стерпим, и это стерпим, как и теперь делаем. Вам, дорогой мой, не все можно сказать, ну, да скажу — благо «даль расстояния»⁴ спасает. Предложение Ваше, капитальное, как Вы сами, ехать к Вам для поездки к Листу, гарантия по карманной части, Вами устроенная для этой цели⁵, — все рухнуло и нет выхода. Только одно богатое, живое впечатление остается от Вашей комбинации, живое до того, что я как будто вижу Листа, слышу его, веду с ним и с Вами беседу. Это не мечтание, не беспардонная фраза. Настолько еще есть живой силы, чтобы поднять в себе могучий образ художника-европейца, зашевелить мозгами на все сделанное этим художником и в один миг стать перед ним, смотреть и слушать его. Без Вас, быть может, я никогда бы так не окинулся на Листа, не всмотрелся в него попристальнее. А такое смотрение ужасно важно: я знаю, как это важно, особенно после того, что он все-таки узнал меня, как сообщал Бессель-frère*, хотя и не вполне узнал. Вот что я хотел сказать Вам, дорогой мой. Называйте это платоническим делом, но суть в том, что мозги встряхнуты, а для россиянина это всегда полезно, п[отому] ч[то] россиянин (какой бы там ни был) уподобляется питерскому извозчику, с особенным смаком усыпавшему как раз в то время, когда везет пассажира. Ну и спасибо Вам, конечно. А по возвращении не прошу Вас не напоминать мне, что я не попал к Листу; напротив, прошу больше и чаще напоминать: иногда мерзкое чувство дает хорошие результаты и гадливость в этом роде спасительна: пусть коробит от моего служебного вицмундира.

Я купаюсь в водах «Хованщины», заря занимается, начинают видиться предметы, подчас их очертания — это хорошо. Киснуть от неудачи не умею. Скверно и досадно, а копошусь все дальше и дальше, все вперед, — такая уж природа копотливая — все новостей просит. Эх, кабы! Какие новые, нетронутые в искусстве характеры воздвигаются. Например (бывает же у Вас минута, когда пресыщение требует чего-либо, хотя бы икры из мелочной лавочки); ну так, например: поведем мы нашу расколыницу (боярыню княгиню Сицкую, бежавшую «сверху», т. е. из

* Брат (фр.).

теремов от духоты ладана и пуховиков), поведем мы ее, сердечную, quasi-стрельчиху-раскольницу — в посестрии Марфу, к кн[язю] Голицыну гадать про судьбу⁶. Голицын мало знал «верхний двор», да и не был вхож к царице Наталье, мог не видать юную бабу Сицкую. А они там «вверху» ужели не гуторили за сластями да 100-верстными пирогами о материях важных на Москве! Так ей-то, раскольнице Сицкой-Марфе, дело голицынское было знакомо, а еёное Голицыну мало, а то и отнюдь. Ну погадала она ему, да как дала почувствовать, что насквозь видит, так он позвони в европейский колпачок, да и вели утопить «на болоте, чтобы проносу не было». Ан не тут-то было: увернулась — не такова, да и является как раз на заседание «терцета», сначала и уже своим появлением делает «прильпе к гортани» Голицыну и дает ему понять, что ненадежных клеветров держит и выходит «квартет». А говорит ему раскольница в таком роде: «вели казнить, князь, вели миловать, а я к тебе с повинной. Холоп твой, имени не знаю, как шла я от тебя, небось по задворкам следил, до «болота»-то не доходя (куда не доходя) и кинься на меня, да хитрый ведь: стал в зазнобе заверять и* не отпускает. За вора я его почла, да вором али смердом и обозвала. А он вломись в гордыню: мы с князем, говорит, Европу видели, и нас там слыши с почетом принимали; да и облапил было. Ну, думаю, пора, и эту вот игрушку показала (б[ольшой] нож). Дурак-то твой струхнул, такой содом-гомор поднял, что люд прохожий весь собрался: хохочут, галдят, а я-то при народе и ну его дразнить. Вот тут-то грех и приключился: не прогневишься, а дурень твой поведаль, да при всех, что повелел ты, будто, «на болоте» утопить меня, рабу господню, как колдунью. «Петровские» его имали и досель придерживают за околицей; да дурню веры не дали и я не верю. Князь, так ты взыщи, «чтобы проносу не было» (хохочет)...

Могло случиться, что Голицын погорячился и слишком рано отдал приказание «утопить, чтобы проносу не было». Марфа, уходя, слышала, сообразила и приготовилась, а оружие могла носить под ряской, идя из боярынь в quasi-стрельчихи и хорошо зная стрельцов. Со стороны Голицына это европейское (тогдашнее) дело: холопы так подобраны, чтобы не гурьбою уничтожать тех свидетелей его московщины, с которыми по бесхарактерности он якшался, а в одиночку, хитростью да приманками волокли в отдаленное место, а там капут. А что это открылось, так потому только и знали выходы Голицына современники и описали их. Кроме того, для оперы, мне кажется, такой оборот сцены важен для разоблачения в настоящем свете, в сущности, гнусного заседания у Голицына, где всяк лезет в цари и волостители и разве один Досифей имеет выработанное крепкое убеждение. Таким образом «терцет» Голицына, Хованского и Досифея прерывается московским безобразием. Дурак-тараруй Хованский⁷ пользуется случаем, чтобы позабавиться над Голицыным, растерявшимся изрядно. Марфа пристаёт:

* Далее зачеркнуто слово: «меня».

«так как же, князь, — уж ты вели, чтобы проносу не было», а Досифей, в сторонке, оценивает дело по достоинству: «гордыней обуянные, мамоне и аспиду послушные, предел вам положен от века — его же вы не преидете; и сгибнете в позоре и бесславии. А души * смиренные, вами гонимые, спасутся в обителях божиих голодные, сырые — тем есть приют у господа». Эту путаницу разрешает вход Шакловитого (доносчика), объявляющего о получении доноса и о гневе Софьи и Петра. Картина на одном грозном аккорде *pp*, с опущением занавеса.

Это чернушка, *généralissime*, но можно выработать. Я писал Вам, дорогой мой, в Висбаден; следовательно, письмо не пропадет. Еще раз берегите себя, ради Христа, для всех нас и для Мусорянина, бо любы Вы ему.

Он Мусорянин

130. В. В. СТАСОВУ

Петербург, 6 сентября 1873 г.

6 сентября 73 г. Петроград.

Сознаю, что должен был найти свободную минуту побеседовать с Вами, дорогой мой *généralissime*, должен был тотчас же ответить на Ваш новый усиленный зов в Европу — к Листу¹. Но в то же время сознаю, что должен был, наконец, приняться за «Хованщину», п[отому] ч[то] приспело время. Никогда сильнее, чем теперь, не чувствовал я, что для творческой работы необходимо спокойствие, что только при этом условии возможно сосредоточиться, засесть в свою коробочку и оттуда посматривать на действующих лиц: какие они там такие? Вот так-то, усевшись в коробочку, я и изготовил сцену Марфы с мати Сусанной², которую (сиречь сцену) вместе с инструментом** только что представил Димитрию Васильевичу: оную сцену сегодня же пробировать имеем в доме Татищева, что на небольшой Морской³.

Да, вот что, начали «Хованщину», дорогой мой. Что-то будет? Читая сии строки, Вы помышляете: шельма Мусорянин, а о Листе-то что ж молчит?

Невозможно⁴

Не кляните меня, а дайте поделиться с Вами изготовленной сценой — дайте мне эту ограду.

Контрасты: Марфа и Сусанна — цельная, сильная и любящая женщина с престарелой девицей, полагающей всю сласть жизни в злобе, в искании прелюбодейного греха и его преследовании — до зела чувственный, но вместе и страстный альтист с сухеньким, крикливым сопрано. Сцена

* Дальше зачеркнуто слово «грешные».

** Новое фортепиано для Д. В. Стасова (примеч. В. В. Стасова).

рождается из пустой, по-видимому, случайности. Сусанна подслушала песню Марфы или лучше конец песни. Сусанна с удовольствием поглядывает поодаль на Марфу, когда та поет:

Словно свечи божие, мы с тобою затеплимся,
Окрест братия во пламени,
И в дыму и в огне души носятся.

Но когда, измороенная обманутою страстью к Андрею Хованскому она (на trill.) запела

Разлюбил ты младшеньку,
Обманул ты на волюшке,
Так почувешь постылую
В злой неволе злую раскольницу,

то т-те Сусанна воспламеняется гневом и влетает на авансцену с криком «грех! ад!» и проч. (текст удался). Марфа спокойно просит Сусанну «поведать ее скорбь», но раздраженная дева не может успокоиться и намекает «дщери заблудшей» на ее «песню сатанинскую». Марфа дает почувствовать, что поняла, в чем дело, и назло Сусанне говорит на чувственной теме совсем народного образца

Много ночек скоротала я с ним,
Жарко с милым обнималася.
Сладко было, как шептал он мне,
А уста его горячие жгли полымем.

Сусанна в это время (а parte*) то вскрикивает, то шепчет: «Господи!» ...«сгинь сила адская» ...«место свято!» и совсем ошалевши гласит: «Господи! словно мгла очи застилает!»

Зрю блудницу на облаце сидящу,
Несому шестью сфинктиями.
Над ней же змий огненный — семь пастей,
Змий седьмикрыл — семь смертных грехов.
Пасти чёрмны зияют-алчут,
Блудниц проклятых души гибнут,
Сонмы гибнут — и звери и люди,
Бог отступился!..
(Марфе) Сгинь, дщерь Ваала, сгинь!..

Марфа

Если бы ты, когда познать могла
Зазнобу сердца исстрадавшего,
Если бы ты любила, как я,
Дни и ночи помышляла о нем,
Много, много б грехов простилося
Тебе, мати болезная,
Много б сама простила ты,
Любви кручину злую понимаючи.

* В сторону (ит.).

За сию продерзость («косный глагол, речь греховную») Сусанна говорит: «стой, прелестница!» и проклинает Марфу как искусительницу. Марфа спокойно (якобы) говорит: «так, мати, так. Словно стручок перезрелый, словно конь заезженный, ты коротаешь век свой». Но норовто у Марфы не выдерживает, и за это проклятие, за обвинение в прелюбодеянии она бросает Сусанне:

Искусить тебя?
Да нет той голи кабацкой,
Нет прощальги бездомного,
Бобыля беспомощного,
Чтобы покусился б на красоты твои!

(это на народной яро-забулдыжной окраске).

Полетели полупоповские, полукнижные Сусаннины ходули. Женщина, задевшая в Марфе женщину, сама задета тем же. Как ошеломленная, она лепечет: «красы?.. красоты?.. Господи! Аль я слаба на разум стала, аль хитрый бес мне шепчет злое?.. Стручок перезрелый, конь заезженный... я?»

Марфа, мигом собравшаяся с духом, повторяет раскольникую речь: «Словно свечи божии» и проч., а Сусанна (a parte), задыхаясь от злости, говорит: «Боже, боже мой, отжени от меня злобу бесовскую, жажду мести неукротимую!» Но так как это суть фразы, то Сусанна, на этот раз стойко, п[отому] ч[то] попала на свой конек — подлую злость, говорит Марфе:

Ты обольстила меня,
Ты искусила меня,
Ты вселила в меня
Адской злобы дух *.
На суд, на братний суд,
На грозный церкви суд!
За колдовство твое
Я там извет повею,
Я там воздвигну тебе
Костер пылающий.

Марфа, сначала было дрогнувшая при слове «суд», овладела, однако, собой (ей нечего жалеть — она все потеряла) и спокойно останавливает Сусанну.

Нет, мати!
Чиста любовь моя перед господом сил.
Он на суде защитит меня,
Ангелы божьи осеят меня,
Крылами светлыми прикроют меня.

* Всегда другие виноваты, особенно у таких девиц, как Сусанна (примеч. М. П. Мусоргского).

Злость, суеверный страх, желание непреодолимое уничтожить Марфу перемешались до того в Сусанне, что она, как иудей, ходит по сцене полукружием, подняв сжатые кулаки кверху и, потрясая ими, кричит во всю мочь:

Ад грохочет, бесы ликуют,
Ад восстал, ад побеждает,
Горе, горе нам!

и в этом миленьком виде натывается на Досифея, который почти безучастно спрашивает посестрий: «Почто мятетесь?» (хотелось бы: «о чем мечтанье?», но, кажется, нельзя — скажите).

До сих пор готово — вчера 5 сентября, к 11 часам ночи.

Дальше, может быть, приготовлю к Вашему приезду, может быть, нет, а задался важно: Марфа оставляет Сусанну в дураках перед Досифеем, и тот изгоняет из Сусанны беса и, считав ее, прогоняет домой.

О, как я измучен, *généralissime*!⁵

Рад, что Ваш мешок нашелся, рад, что Вы «Прах-его» отвалили (понимается Прахов), хотелось бы знать, как эта «флейта с фавном»* ходила по выставке⁶: в римской тоге или в греческом пеплуме, п[отому] ч[то] голем наверно не пустили бы на выставку.

Но милый наш спиритуально-треугольно сбитый с пахвей Мордух!⁷ Ужли «тройка» не довезет!

Скоро, скоро увидимся, дорогой мой; еще шибче закипит работа нашей «Хованщины»; а Вас мне вот как не хватает. Поделаны разные смётки в разных местах оперы, а на Ваше замечание о «княжествах»** согласен во всю мочь, хотя мне и желалось показать знаменню того времени — как знатные роды убегали в народ⁸.

Перечитываю Соловьева⁹, знакомлюсь с тою эпохою, как знакомился в «Борисе» с зарождением «смутного времени» в бродягах, т. е. история — моя ночная подруга, — я упиваюсь этим и наслаждаюсь, несмотря на истому и пасмурное утро на службе. Хочу просить отдыха и воспользоваться им для хороших целей, а не для швырянья под суд лесничих, что мне, чем больше расту, тем больше становится не по нутру.

Ну, до свиданья, дорогой мой *généralissime*, не кланите и не жалейте меня.

Флакон написал превосходный этюд, горячий, нервный и бойкий¹⁰.

Ваш Мусорянин

У адмирала сын Миша¹¹.

* Брат его ведь «фавн с флейтой» так для особи (примеч. М. П. Мусорского).

** Т. е., что Досифей — бывший князь Мышецкий (примеч. В. В. Стасова).

131. М. Р. КЮИ

Петербург, 21 сентября 1873 г.

Милейшая моя барыня, Cesare поручил мне вчера взять два билета на «Каменного гостя». Задержанный публикою, не мог сам отъехать для передачи билетов, а потому пересылаю их Вам, барыня, устремляясь во всю мочь на службу. Маленьких¹ похлопайте где следует.

Ваш *Модест*

21 сент. 73 г.

132. Л. И. ШЕСТАКОВОЙ

Петербург, 2 октября 1873 г.

Дорогая голубушка Людмила Ивановна, Петровы будут у Вас в четверг, как мы и говорили об этом. Я у них буду со службы и вместе к Вам, голубушка, к 7-и часам вечера. Просят, чтобы никого не приглашали; но, по моему мнению, юная певица¹ не только не повредит, но наиболее в опрятство дело приведет. Итак, до послезавтра, в четверг, 4 октября. — Вашу ручку. —

Мусорянин

133. В. В. БЕССЕЛЮ

Петербург, 22 октября 1873 г.

Милейший Василий Васильевич, директор разрешил «Бориса»¹. Прошу Вас приготовить Clavierauszug к концу ноября². Это необходимо — иначе капут.

Ваш *Мусоргский*

22 октября
73.

134. Ф. ЛИСТУ

Телеграмма

Петербург, 28 октября 1873 г.

Кружок русских, преданных искусству, верующих в его вечное, поступательное движение и стремящихся содействовать этому движению, горячо Вас приветствует в день Вашего юбилея, как гениального компо-

зритора и исполнителя, расширившего пределы искусства, великого вождя в борьбе против старинной рутины, неутомимого художника, перед колоссальной и долговечной деятельностью которого мы преклоняемся.

*Балакирев, Бессель, Бородин, Кюи, Мусоргский, Римский-Корсаков, Щербачев, Стасов*¹.

135. В. В. СТАСОВУ

Петербург, 1 декабря 1873 г.

Дорогой *généralissime*, у Лукашевича буду сегодня и буду, кроме того, в нотной конторе у Ферреро¹. Благодарствуем за Авраамле чадо². В воскресенье буду непременно у Вас, но вот что: Катенин (музыкус) очень жаждет быть представленным в Вашем доме и, конечно, Вам, *généralissime*, преимущественно. Он говорил, что имел случай встретиться с Вами и ужасно (после этого) жаждет Вас. Поэтому, нельзя ли было бы его привести к Вам в это воскресенье? А Катенину это было бы крайне полезно (там уже выйдет ли что, а только крайне полезно).

Крепко *Мусорянин*

1 декабря 73 г.

Дайте мне ответ, можно ли Катенину к Вам, милейший мой *généralissime*.

136. Л. И. КАРМАЛИНОЙ

Петербург, 5 декабря 1873 г.

В Петрограде, 5 декабря 73.

Милостивая государыня
Любовь Ивановна.

Вы мелькнули в нашей музыкальной семье¹. Я понял Вас. Вы узнаете вдаль. Как напутствие примите мою просьбу: в часы досуга вспоминать, что в Петрограде живет некий музыкант, ожидающий от Вас послания по раскольниковым делам². Это дерзко со стороны реченного музыканта, но что же делать? — в исповедании религии, дерзость в области этой религии признается верностью.

Горячо благодарю Вас, Любовь Ивановна, за художественные беседы — они мне памятли. Еще одна хорошая художественная личность прибавилась к немногочисленному, но богатому альбому моих симпатий. Это отрадно. Если можете, не забывайте меня.

Мусоргский

137. В. В. СТАСОВУ

Петроград, 6 декабря 1873 г.

В Петрограде. 6 дек. 73

Вот, *généralissime*, частица нашей давнишней мечты исполнилась. Памятуя, что в Вашем доме часто игрались прилагаемые штучки, я и распорядился на этот счет с надписями. Если Вас не затруднит — при случае передайте по надписям¹. О библиотеке вспомнил по той простой причине, что издание заграничное² и что удобнее Вам прямо из мусорянских рук положить эти штучки в укромное место в библиотеке. Не скрываю, что приятно лежать с хорошими людьми, но признаю, что такая приятность (авторское самолюбие) подходит под щекотание пяток, или, как любил повирать Балакирев (*du temps*), теплым маслом по животику. Не в том сила. Вот если бы Аввакум удался!³

Обратите внимание на обложку: из всех авторов один Азанчевский написал фоном, зато имеет девизом «*Allegro tranquillo*»; а г-н Н. Wölfiflfl... и так до бесконечности проповедует «*energico*». Думаю, что «*energico*» может быть во всяком движении — будь это *Andante* или *Allegro*: какого же движения придерживается «*energico*» г-на Wölfiflfl... и так до бесконечности?⁴

Издание изящно, кроме ленты на верху обложки с кустом болиголова посередине.

Не могу не вернуться к спокойной скорости фон Азанчевского (*allegro tranquillo*); хоть бы в историю Ишимовой⁵ заглянули: ну какие мы фоны? После этого могли бы писаться *von Skwoznik Dmuchanowsky*, *von Potchetchuj* или *von Schwerbigus** (что то же самое, а в сущности — геморрой). Печально, а напоминает карточку губ. секретаря Василия Евдокимова: М-г Basile de Eudoximov (пониже) *gouvernement Secrétaire*** (сам видел карточку).

До! *généralissime*.

Ваш Мусорянин

* Фон Сквозник Дмухановский, фон Почечуй, фон Швербигуз⁶ (нем.).

** Г-н Василий де Евдокимов губернский секретарь (фр.).

1874₂₀₉

138. В. В. СТАСОВУ

*Петербург, 2 января 1874 г.*2-е января 1874 г. День Владимира
Стасова¹.

Вы желали, дорогой мой *généralissime*; нашел время. Крепко обнимаю и поздравляю Вас. Второе изложение «Сеннахериба» принадлежит Вам по праву: возьмите².

Не в Бетховене, что написал 4-е увертюры к «Фиделио» — «Леоноре», ищу оправдания моему посвящению. Не желаю оправдываться даже примером великих людей. Я сам по себе, сам человек — как есть, и вот мое оправдание перед самим собой и перед Вами: Вы знаете, что наш дорогой Милий Балакирев очень тешился моим «Сеннахерибом» первого изложения и даже Гашиньку Ломакина подвел в концерте 1867 г., когда исполнялся «Сеннахериб» в Дворянском собрании³. Милию Балакиреву я и посвятил его в первом изложении: да будет память о былом. Вы, мой славный, неотступно намекали мне на несовершенство среднего эпизода в моем хоре⁴. При Вас я сочинил его, тысячу раз мы вместе пожинали одобрение наших разнокалиберных аудиторий; но самое важное — во втором изложении Вы полюбили шибко «Сеннахериба». Честь мне и слава за это и вот мое оправдание. Посвящаю «Сеннахериба» Вам и горжусь этим посвящением.

Мусорянин

Владимиру Васильевичу Стасову.

На 2-е января 1874 г.

«Поражение Сеннахериба»

(транскрипция с еврейских мелодий Байрона)

1. Как стая волков голодных, на нас враги набежали. Толпы их, златом и пурпуром на солнце блистая, сынов Израйля угнетенных ослепили.

2. Их копыта стальные сверкали, как звезды на зыби играя. Как лес роскошный и могучий, с восходом солнца поднимались толпы вражьи. И солнце смутилось, сгинула заря от полчищ ассирийских — нечестивых.

3. Не волны морские ревут в пучине, не ветер пустыни стонет в ущельях, — то вражьи толпы с диким хохотом крови Израйля жаждут.

4. Уж тени вечерней зари по дальним холмам пробежали; в слезной молитве, в вопле скорбном повергся Израиль пред лицом Иеговы, о спасенье детей Ханаана взывая.

5. И, се, на черных крылах, пронесся над станом врагов иступленных Ангел Смерти — Азраил, и леденящим дыханием коснулся их уст нечестивых.

6. Дрогнули дети Ваала, страхом забились сердца... и смолкли.

7. Поблекшими листьями, бурей гонимыми, вражьи тела с закатом солнца поле покрыли; занé божий ангел врагов поразил.

Мусоргский

139. В. В. БЕССЕЛЮ

Петербург, 4 января 1874 г.

Вот Вам, Василий Васильевич, остаточек корректуры «Бориса». Прошу Вас послать Редеру (по Вашему выбору) одно из посвящений¹. Мне бы хотелось, чтобы было вырезано in facsimile все посвящение, и думаю, что Вы исполните мое желание. Но, во всяком случае, прошу Вас удержать мою фамилию in facsimile.

М. Мусоргский

4 янв. 74 г.

140. В. В. БЕССЕЛЮ

Петербург, между 4 и 15 января 1874 г.

Прошу Вас, Василий Васильевич, устроить перенос in facsimile посвящения, вслед за заглавным листом оперы¹. Сделайте это как можно скорее — я обязан совестью.

М. Мусоргский

По Вашей деятельности Вы имеете полное право участия в посвящении².

141. К. М. СТАНЮКОВИЧУ

Петербург, 23 января 1874 г.

Милостивый государь,
желание Ваше исполнено. Потрудитесь обратиться завтра, в четверг, в кассу Мариинского театра и спросить билеты, записанные на Ваше имя¹.

М. Мусоргский

Среда, 23 января 74 г.

142. В. В. СТАСОВУ

Петербург, 28 января 1874 г.

Дорогой мой généralissime, умоляю: не оглашайте в печати истории с венком¹. Может случиться то, чего Вы менее всего желаете. Может не пойти «Борис»*. Умоляю Вас всей силой Вашей любви ко мне.

Мусоргин

28 января 74.

143. Э. Ф. НАПРАВНИКУ

Петербург, 2 февраля 1874 г.

Суббота 2 февраля 74 г.

Милейший Эдуард Францович, меня донельзя возмутила сегодняшняя корреспонденция в «Петербургских ведомостях»¹. Бестактная история с венком со стороны желавших публично его поднесения автору в первое представление первой оперы этого автора сделала то, что хорошее чувство, оставленное во мне при репетициях моими дорогими товарищами по исполнению оперы, к концу ее первого представления** должно было смениться тяжелым чувством, до сих пор гнетущим меня, п[отому] ч[то] отныне я не могу спокойно ожидать ни одного представления оперы. Я знаю, как Вы сочувственно отнеслись к моему первому большому труду. Я Вас знаю как капитального художника и горячо благодарю Вас за «Бориса».

Я умоляю Вас не считать меня солидарным ни с какими поднесениями и заявлениями — они только гнетут меня.

Я отвечу в той же газете «Петербургские ведомости» на сегодняшнюю корреспонденцию. Рискую и не боюсь никаких последствий: пусть толкуют, что автору неприлично вмешиваться в эти дела.

Преданный Вам *М. Мусоргский*

144. В. В. СТАСОВУ

Петербург, 6 февраля 1874 г.

Дорогой мой и всегда дорогой généralissime, несмотря ни на что и ни на кого. Я был зол, как должна быть зла женщина любящая; я рвал и метал...¹ теперь я скорблю и негодную, негодную и скорблю. Что за ужас статья Кюи!² Начну с конца.

* (т. е., что перестанут давать «Бориса»). — Приписка В. В. Стасова.

** Первоначально было: «спектакля»; и далее зачеркнуто: «Борис Годунов».

Ни один воспитанный человек не должен сметь так относиться к женщинам, как это сделал Кюи с своим взбалмошным остроумием. Но позор тому, кто в печатном деле, публично, издевается над женщинами, не вызвавшими ничего, кроме сочувствия (как я слышал) за смелый и отважный поступок³. (Я лично — другой сказ, молчу и не забуду хорошего дела). В злобе на Вас, мой дорогой, на Ваше отвержение моей мольбы, я был суров — к черту нежности!.. я был скверен с Вами в театре, меня мутит моя злоба. Смею гордо сознаться, что ни за обедом у Дмитрия, ни даже в театре, я не был ничтожен и не обогнал Вашей любви. Повторяю: что бы ни случилось — я не могу расстаться с Вами, я страстно люблю Вас и в Вашем побледневшем* лице я поймал ту же силу любви ко мне. Я рад нашей стычке, она укрепила и ободрила меня; хорошо, важно, когда люди так сталкиваются. Я все сказал, я весь перед Вами, как есть.

Так, стало быть, надо было появиться «Борису», чтобы людей показать и себя посмотреть⁴. Тон статьи Кюи ненавистен; что за детская выноска по поводу баб!⁵ А это рискованное нападение на самодовольство автора! Безмозглым мало той скромности и нечванливости, которые никогда не отходили от меня и не отойдут, пока у меня мозги в голове еще не совсем выгорели. За этим безумным нападением, за этою заведомою ложью я ничего не вижу, словно мыльная вода разлилась в воздухе и предметы застилает. Самодовольство!!! спешное сочинительство! Незрелость!.. чья?.. чья?.. хотелось бы знать⁶.

Вот что: любящая женщина предчувствует, по разным признакам, что-нибудь угрожающее любимому человеку. Вы часто проговаривались: «боюсь за Кюи по поводу «Бориса». Вы оправданы в Вашем любящем предчувствии. И после такого *громового* признака Вашей любви я бы мог разлюбить Вас?! Vade retro, Satanas!

Мусоргин

6 февраля 74 г. в Петрограде.

145. В. В. БЕССЕЛЮ

Петербург, 26 февраля 1874 г.

Мой милый Василий Васильевич, я только что получил деловые письма, мешающие мне быть в Вашей милой семье сегодня, как я обещал. Извините мне в силу необходимости. В четверг утром буду у Вас на Невском и тогда условимся насчет всего¹.

Не сетуйте. *М. Мусоргский*

26 февраля 74 г.

* Сначала было написано: «бледном».

Почтенному Василию Васильевичу Сомову
 по численному числу, его собственному желанию
 15 июля 1876 года
 Мусоргский
 Хованщина

картонная мушкетерская драма
 в пяти картинах

М. Мусоргский

Материалы {
 1. Автономия русской литературы и
 известия о. Мусоргского (Москва 61.)
 2. Жизнь М. А. Мусоргского и его творчество
 М. Мусоргский. Казань.
 3. Умолчение Мусоргского
 4. Жизнь Мусоргского в Троицке
 5. Жизнь Мусоргского в Троицке (Москва 61.)
 6. Жизнь М. Мусоргского 1869. № 12 (Собрание
 материалов о М. Мусоргском в Р. В. Троицке)
 7. Жизнь М. Мусоргского (Собр. 1841.)
 8. Жизнь М. Мусоргского
 М. Мусоргский
 15 июля 1876 года
 М. Мусоргский

М. П. Мусоргский
1876 год

Э. Ф. Направник

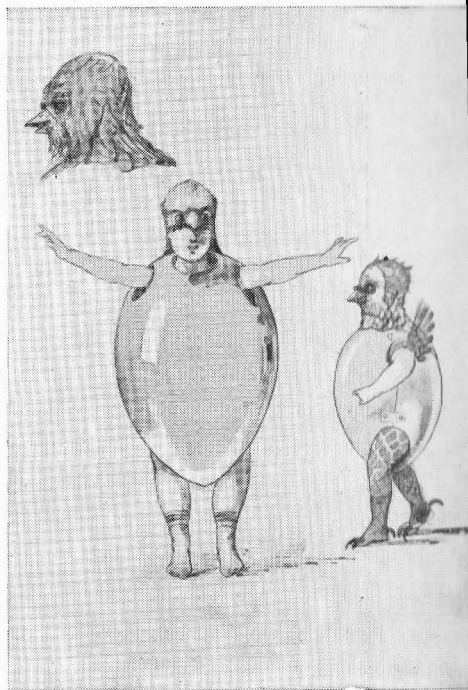

В. А. Гартман

«Богатый еврей»
Картинка В. А. Гартмана

«Балет невылупившихся птенцов»
Картинка В. А. Гартмана

«Бедный еврей»
Картинка В. А. Гартмана

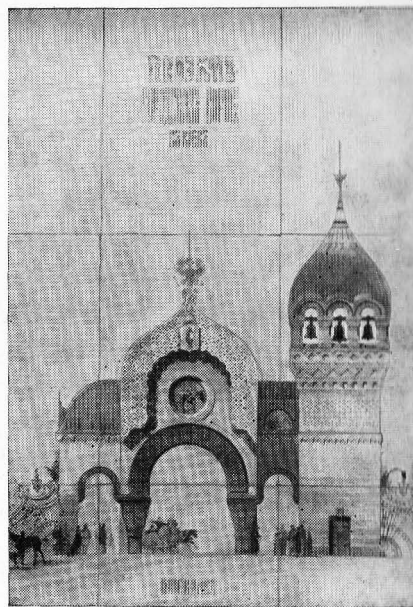
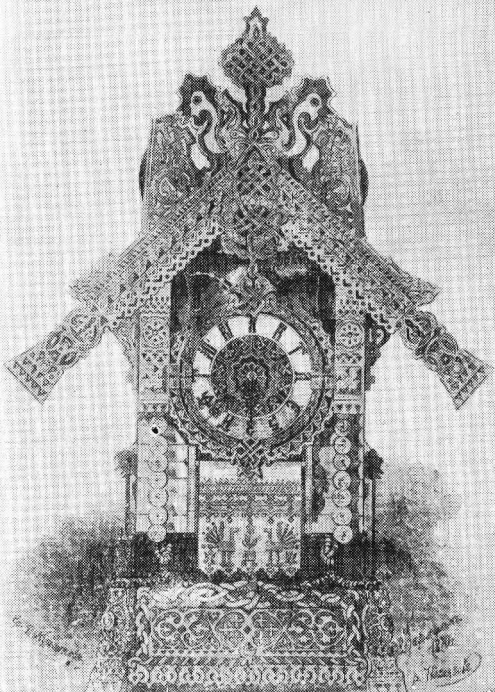

«Катакомбы»
Картинка В. А. Гартмана

«Избушка на курьих ножках»

Картинка В. А. Гартмана

«Богатырские ворота»

Картинка В. А. Гартмана

«Забывтый»

Картина В. В. Верещагина

*Петербург, 2 марта 1874 г.*Петроград. Шпалерная № 6
2-го марта 74 г.

Милый мой Арсений, извини мне* долгое молчание: штука в том, что без тебя я с пахвей сбился. Присланная тобою народная сцена и большей ее части меня восхищает, и это восхищение тем знаменательное, что я начинаю убеждаться в спокойствии кусочка моей совести по поводу твоего творчества¹. Да, милый друг, так, именно так следует относиться к исторической драме. Вчитаться, пронюхать, по всей подноготной проществовать и перекинуть мозгами, да не раз, не два, а и сотню раз — буде сподобится. Так надо относиться к исторической драме; но так ли, т. е. при одном ли только реченном условии, создается историческая драма? Шапки долой, грудь нараспашку и поговорим:

Люди растут, следовательно растет и человеческое общество; соответствие требований развитого (по времени) человека с требованиями от него развитого (также по времени) человеческого общества есть искомая гармония, а путь к достижению этой искомой есть ожесточенная борьба, в чем бы она ни проявлялась.

Для современного художника отвлечение в идеал собственной задачи этого художника есть только половина, а то и частица труда в смысле творчества: такое отвлечение невольно настигает его как способ к ориентированию — та же поневолежная потреба в чувстве самосохранения. В одной правоте отвлечения своей задачи в идеал, хотя бы создание, при таких условиях, и росло на твердой почве, еще не должно и не может умиротворить бунтующего, пытливого духа истинного художника. Идеал должен воплотиться в духе времени, избранного художником, и обществу людей, нечувствительно для него самого (общества), безболезненно, не насильственно, художник должен повелеть постигнуть всецело избранное им событие, вдохновиться им и должен повелеть с любовью, как страстно обожаемая женщина.

Художественное обличие духа времени требует, возможно, редкого напоминания обществу современного его интересам (общества) склада, характера речи и способа выражений, — чем открытее и чище истинный, а не видимый только горизонт — тем легче и цельнее воспримет и вдохновится общество.

Арсений, ты силен, да не ретив: читай, проникай в то, что обнажает твою ахиллесову пяту. Кеневич обещал написать тебе о полезных для тебя книгах. (Книга мятежей и сказаний, еже содеяся)²: драгоценные книги, мой милый друг. Ты понял меня, вероятно. Накроемся шапками, застегнем кафтан и до свидания.

* Зачеркнуто «меня за запоздалый за».

Если не зазорно — напоминай иногда твоей маман, что я издали чувствую близко ее хорошую светлую душу, потому что обожал потерянную мною навсегда мою дорожную маман.

Твой *Модест Мусоргский*

147. В. В. СТАСОВУ

Петербург, 9 марта 1874 г.

Дорогой *généralissime*, здравствуйте. У Димитрия не был, п[отому] ч[то] попался в беседу с барином, у которого в семье оба сына корь преобороть хотят. Поопасая пойти туда, где боярышни и боярченки малы.

До вокресенья.

Мусорянин

Мы наконец кишим «Хованщиной». Vale! *

9 марта 74 г.

148. В. В. СТАСОВУ

Петербург, 12 или 19 июня 1874 г.

Среда, какое-то число июня 74.

Не могу быть у Вас**.

Мой дорогой *généralissime*, Гартман кипит, как кипел «Борис», — звуки и мысль в воздухе повисли, глотаю и объедаюсь, едва успеваю царапать на бумаге¹. Пишу 4-й № — связки хороши (на «promenade»***). Хочу скорее и надежнее сделать. Моя физиономия в интермедах видна. До сих пор считаю удачным. Обнимаю Вас и понимаю, что Вы меня благословляете — дайте же Ваше благословение!²

Мусорянин
V. s.****

* Будьте здоровы (*лат.*).

** Эта строчка написана в левом верхнем углу страницы наискось.

*** Прогулка (*фр.*).

**** Vide supra — см. выше (*лат.*).

Номинация курьезна: «Promenade (in modo russo *)» № 1. «Gnomus» — intermezzo (intermezzo не надписано); № 2. «Il vecchio castello» — intermezzo (тоже без надписи); № 3. «Thuileries (dispute d'enfants après jeux)»; прямо в лоб № 4. «Sandomirzsko bydlo» (le télégue) (le télégue, разумеется, не надписано, — так между нами) ³. Как хорошо работается.

Мусорянин

Хочу примахнуть Витюшкиных [евреев] ⁴.

149. В. В. СТАСОВУ

Петербург, 20 июня 1874 г.

20 июня 74 г.

Мой дорогой généralissime, о «Раке и К°»¹ надлежит помыслить; особенно забавная рачья «анафема» шатуну². Это можно, пожалуй, и скоро состряпать. Но что Вы за удивительный мужчина — вот толкатель-то! Да, было бы время свободно — не так бы работать мне надо; сам чувствую, что не так бы надо; а рачье дело изобразить все-таки можно. Спасибо Вам. Следовательно, до субботы или воскресенья в «Pärgala».

Мусорянин

150. Л. И. КАРМАЛИНОЙ

Петербург, 23 июля 1874 г.

Петербург, Шпалерная № 6
23 июля 74 г.

Милостивая государыня Любовь Ивановна.

Оправдываться не хочу; притворяться перед Вами — не могу. Примите «с повинною». Вы художник и сумеете это сделать от сердца и мысли. Но благодарить Вас крепко — могу¹ и беседовать с Вами по родному нам искусству — хочу.

То, что Вам угодно было так товарищески-художественно сообщить мне еще в декабре прошлого года, порадовало меня и оправдывает мои стремления в исторической музыкальной драме. Я хочу беседовать в особенности о раскольничьей песне. Столько в ней страды, столько безотговорочной готовности на все невзгодное, что без малейшего страха я дам ее унисоном в конце «Хованщины», в сцене самосожигания². Мелизмы**

* В русском роде (ит.).

** Мелизмы, когда слог текста поется на многие тоны (примеч. М. П. Мусоргского).

(род группеток) я вполне понимаю, и в хоре unisono in 8-а напев мелизматический повеет стариной и правдой; самый псевдоцерковный текст песни очень кстати. Будьте благословенны, Любовь Ивановна!

Но в воздухе звучит глагол «подтянуть» и «Хованщина» явится (буде суждено) попозже, а раньше представится комическая опера «Сорбчинская ярмарка», по Гоголю³. Это хорошо как экономия творческих сил. Два пудовика: «Борис» и «Хованщина» рядом могут придать, а тут еще, т. е. в комической опере, та существенная польза, что характеры и обстановка обусловлены иною местностью, иным историческим бытом и новою для меня народностью. Матерьялы украинского напева, до такой степени малоизвестные, что непризванные знатоки считают их подделкою (подо что?), накопились в изрядном количестве. Словом, работа начеку: лишь бы сил да разума. Но тем временем и «Хованщина» не дремлет⁴. Настроения творческие неуловимы и капризнее капризнейшей кокетки; так надо их ловить, подчиняясь всецело их капризным велениям. А как не ловить, когда мерещилось мне, что раскольниковый распев должен заключать в себе мелизмы, а Вы, Любовь Ивановна, мне вообще это доказали. Страшась надоедать даже злейшему врагу, заканчиваю это послание просьбою переписать Ваш романс и тогда уже передать его Юргенсону, а Ваш дорогой для меня автограф сохранить⁵. Много хороших и искренних приветствий Вашему уважаемому супругу.

Виноватый *Мусоргский*

151. Л. И. ШЕСТАКОВОЙ

Петербург, 27 октября 1874 г.

27 октября 74 г.

В Питере

Едва насытился и чуточку забылся отдыхом, ускоряя движение к нашему милому généralissime, как вдруг ни с того, ни с сего вспомнил о сегодняшнем утре у Вас, голубушка Людмила Ивановна¹. Ведь так, простота, без запинки и пустоголового чванства устроилось музыкальное утро, но с тою особенностью, что опять-таки без чванства, всяк поступал, как божий дух на сердце послал — тряхнув стариной. Музыкальные чины и таковы же выпушки, отлички и петлички в таких беседах, как сегодня у Вас, не годятся; раздача наград, присуждение чинов и в голову не вползут.

Почти все, что задумано в «Хованщине», само себя показало: никто не просил, никто не заказывал артачиться; беседа шла свободным, вольным ходом, любовно шла, никого не пугая, не зацепляясь ни за кого. И хорошо нам было — тряхнули стариной. Почему же это сдела-

лось и сделалось у Вас? Вот в этом-то и цель моего послания. В Вас жив гений Глинки; Вы и сами, быть может, не знаете, а только, почти без Вашего ведома, выходит то, чему мы были сегодня очевидцами. И я сам не знаю — зачем, с какой стати сделал то, что сделал сегодня; одно объяснение — само сделалось. Нет, живет еще, голубушка Людмила Ивановна, живет наперекор мертвящей феруле музыкальных чиновников и ротозеев. И будем жить — храни Вас господь. Vivam!*

Мусоргский

Дурак желал бы, чтобы запомнили его грулость. Я желаю сбережения этого письма.

Писано в воскресенье.

Мусоргский

152. Л. И. ШЕСТАКОВОЙ

Петербург, ночь с 28 на 29 октября 1874 г.

74 г. 29 октября на ночь

Моя голубушка, моя дорогая, что за чудесное послание Вы мне сделали¹. В субботу буду, родная, у Вас, как Вами велено: да, время не терпит. Великое российское празднество, великая отповедь всем русским, кому бог дал любить художество, в какой бы сфере оно ни было, — вот что тешит мою скромную душу при полувековом чаемом юбилее Осипа Афанасьевича Петрова, моего драгоценного дедушки². Вам, голубушка, верю, как весело, когда Вами одною давно задуманное дело теперь кипит и рвется наружу, и всякому хорошему россиянину «в плоть и в мощь поспешает». Что тут медлить! Тут всяк — чему горазд.

Будь жив теперь Ваш гений-брат Глинка, что бы он испытал в эти чаемые, святые мгновенья, когда Петров, на склоне дней, полный сил и вдохновенья, Сусанин — не мужик простой, нет: идея, легенда, мощное создание необходимости (быть может, исторической в то время) вдруг выступил на зрителей и силою вдохновения послал бы вверх ногами кишащий современный миришко, не только неспособный запретить турчину душить носящих крест³, но и себя не сознающий. Выход дедушки Петрова в Сусанине, по-моему, есть выход Сусанина (идеи) в Петрове⁴. Мы снова услышим и увидим нам присто дорогого Глинку — великого учителя — создателя (когда-нибудь) великой школы русской музыки. Петров — титан, вынесший на своих гомерических плечах почти все, что

* Будем жить (лат.).

создано в драматической музыке, — начать с 30-х годов XIX века, не должен сметь сомневаться в том, что если античные греки умели венчать победоносной повязкой своих мужей великих, то русские (насколько бы холопами ни стали) сумеют увидеть и признать барина. Простите эту накипь злобы, простите добродушно: это относится к тем несчастным, что станут заявлять во всех кофейнях, ресторанах, на перекрестках, всюду, куда нахальный черт их сунет: Вы не были на фестивале по поводу Петрова? «Qu'est ce que c'est?» — «Enfin, vous devinez bien, le fameux Petrow». — «Ça a eu lieu?» — «Le 26 décembre». — Oh, mai certainement»...*, а, знаешь, как хороша Норде в «Индиго»⁵. «Mais c'est miraculeux, mon très cher: je l'idolâtre moi, cette petite là»**. Черт бы их побрал, — этих биржевиков, разгаданных сфинксов XIX века. Вот на кого наткнулась Русь, мною, грешным, любимая! Господи!..

Ваш, дорогая моя,

Мусинька

Значит, в субботу, я Ваш.

На конверте после адреса:

Передать швейцару. Весьма нужное.

153. А. А. ГОЛЕНИЩЕВУ-КУТУЗОВУ

Петербург, ночь с 7 на 8 ноября 1874 г.

Четверг

пятница

7/8 ноября 74 г.

Милый друг Арсений, хотелось бы зваться другом, а остаться надлежит чиновником. Не мог принять твой зов на сегодня, да следственное дело не пускает. С утра на завтра работа спешная. А насчет денегат прибуду к тебе завтра (т. е. сегодня, ибо 3 часа пополудни), но могу, по кромешности своей, снабдить весьма малым. Вот и толкуй, родимый, что люди — братья: «шиш в заселине». Лишь бы кости твои тебя не мучили — что за случай!¹ А впрочем, пока мозг цел, можно быть целым.

Твой *Модест*

* «Что это такое?» — «Ну, Вы же понимаете, знаменитый Петров». — «Когда это было?» — «26 декабря». — «О, конечно»... (фр.).

** «Это чудесно, мой дорогой: я обожаю эту малютку» (фр.).

154. В МУЗЫКАЛЬНУЮ ТОРГОВЛЮ
«В. БЕССЕЛЬ И К°»

Петербург, 9 ноября 1874 г.

Очень прошу прислать мне с предъявителем два экземпляра оперы «Борис Годунов». Вчера я имел случай просить об этом Василия Васильевича в театре и получил согласие.

М. Мусоргский

9 ноября 74 г.

155. Л. И. ШЕСТАКОВОЙ

Петербург, 16 ноября 1874 г.

Суббота, 16 ноября 74 г.
В Питере

Голубушка моя, Людмила Ивановна.

Завтрашний праздничек помню и буду¹, а насчет Молас скажу Вам, дорогая моя, что завтра вечером это неудобно во всех отношениях: бывают дамы, приятные во всех отношениях, а это — обстоятельство неудобное во всех отношениях (быть может, и приятные дамы бывают неудобны).

Сила в том, голубушка моя, что завтра вечером специально при моем присутствии Бах собирает Мордовцева и Павлова для обсуждения творений графа Арсения Кутузова², и отказать в этом деле, начиная с 10-го часа вечера, — я не могу; а Моласы по воскресеньям у дяди и очень строго чтут семейные собрания у старика.

По поводу вечерка у Вас с сотоварищами-артистами завтра поговорим; это всегда можно устроить.

Крепко целую Вашу ручку, голубушка моя.

Модест, Мусинька тоже

156. Л. И. ШЕСТАКОВОЙ

Петербург, 27 ноября 1874 г.

27 ноября 1874 г.
Венера гуляет по солнцу¹

Голубушка Людмила Ивановна

Записочки Ваши не передал Петровым по той причине, что Петровым ныне не свободно: снаряжают Катерину Осиповну на постоянное жительство в Москву, куда она приглашена судебною палатою в качестве

коронной стенографки. Моласам отписал; хотел сегодня до Баха порепетировать с Александрой Николаевною. Устал жестоко на службе (теперь без помощника). На днях забегу посмотреть на Вас, родная моя.

Ваш *Мусинька*

«Хованщина» хорошо идет², да времени мало и утомляюсь очень.

157. Л. И. ШЕСТАКОВОЙ

Петербург, 6 декабря 1874 г.

6 декабря 1874 г.

Дорогая моя голубушка,
Людмила Ивановна!

Лечить принялся мое горло — надо, перестаю быть слышным. Позвольте завтра забежать к Вам, голубушка. Сегодня, пользуюсь праздником¹, в молчанку играю.

Был в понедельник у наших славных Петровых, повидать хотел перед уезжанием Екатерину Осиповну, — она хорошая и дельная девушка, — показывал чуточку «Хованщину»: по-видимому, благословляется. Целую горячо Вашу ручку, голубушка моя.

Ваш *Мусинька*

158. А. А. ГОЛЕНИЩЕВУ-КУТУЗОВУ

Петербург, 29 декабря 1874 г.

Питер 29 декабря 74.

Мой милый Арсений, наскоро извещаю тебя, что — «Гашиш»¹ принят в редакции «Дело» очень горячо и Благосветлов ждет твоего возвращения с нетерпением, ну а я 1500 пудов рад и тоже жду тебя. Передай твоей татам мой самый искренний привет.

В «Хованщине», чем дальше в лес, тем больше дров²; а «Шуйский» что?³ Скоро будет прислана корректура нашего альбома⁴.

Пишу на авось к Миллеру.

Крепко обнимаю тебя.

Вот и все

Модест Мусоргский

159. Л. И. ШЕСТАКОВОЙ

Петербург, середина 1870-х гг.

Голубушка моя дорогая, Людмила Ивановна, обе Ваши записочки получил и буду у Вас непременно, как приказывать изволите. Затормошили меня совсем — просто беда моя приходит; от этого-то и не удалось забежать к Вам, дорогая моя голубушка. До скорешенького свидания.

Ваш *Мусинька*

1875₂₀₉

160. П. С. СТАСОВОЙ

Петербург, 13 января 1875 г.

13 января 75

Милейшая барыня,

Ю. Ф. Платонова помещается на Б. Морской, в доме Сазикова, подъезд рядом с подъездом магазина Сазикова и у одного подъезда есть швейцар; а подняться надо на самый верх, в *chambres garnies**, где прислуга укажет и проведет (последнее прошу принять без каламбура)¹. С Вашего дозволения, милейшая барыня, говорю «до свиданья в четверг».

Мусорянин

161. П. С. СТАСОВОЙ

Петербург, 28 февраля 1875 г.

Пятница, 28 февраля 75 г.

Голубушка Вы моя, дорогая барыня, Вашу записочку от 25 февраля принесли ко мне вчера, 27 февраля, вечером, а прочел я ее, возвратясь домой — ночью¹. Досадовал и злился, тем более, что до сей поры не приходилось манкировать на Ваш, всегда дорогой мне, зов. Завтра, 1 марта, я забегу к Вам, дорогая барыня, прямо из Департамента, и побеседуем основательно о нашем общем музыкальном деле². Вот-вот, эту же минуту, принимаюсь за «Хованщину».

Сам как есть —
Мусорянин

* Меблированные комнаты (фр.).

Петербург, 5 марта 1875 г.

Среда, 5 марта 75 г.

Généralissime, сего вечера я у Вас¹. Это, наконец, из рук вон, ни на что не похоже: словно живем — один на Чукоцком носу, а другой на носу Доброй Надежды. У Вас, у Вас — и непременно.

Мусоргянин

163. А. А. ГОЛЕНИЩЕВУ-КУТУЗОВУ

Петербург, 7 марта 1875 г.

Господину Сиятельнейшему Графу Российской Империи Арсению Аркадьевичу Голенищеву-Кутузову
От Члена Неведомой Коллегии Простых Дел
Доношение¹.

Извещены мы, Ваше сиятельство, о поимке в Тверском Воеводстве некоего, опасного и премного утруждающего Канцелярию Сыскных Дел, беглого человека, предерзновенно именующего себя Арсением Кутузовым. Онный, вышепоименованный опасный человек уловился в самом граде Твери. А по спросе языка и по легонькому пытанию, в наружу оказалось, что сей опасный человек, ни близости сидения Воеводы, ни Сыску не страшился пренадменно. Толикия дерзости преисполненный, онный опасный человек тщился еще незримым оку бдящему пребыть. А уличен во вредных и прехитрых пиитических вольностях и во всяческом, противном установленным Господином Сумароковым для драматической регламентистики и комедийных действий, как равно и для российского писания, правилам. И пуще того, сознался в татевных сношениях, для ради тех же и еще опаснейших целей, с изловленным уже и опубликованным мусикийцем-сочинителем, выдающим себя Мусоргским быть. Сей последний, в обманном мечтании злорадостно отрехшись от согласных мусикийских правил, делом и трудами мужей, препорядочных и уважаемых и, более того, веками установленных, мнит ко мусикийскому согласию всякую речь человеческую привести и тем, злобствуя в явном бессилии мусикийства, уловляет людей, ради для своих злорадостных и опаснейших целей, и печально сне: толикое число уловил простодушных и несведущих в деле мусикийском и хуже сего — уловляет наки.

Во внимание ко всему вышепереченному, Неведомая Коллегия Простых Дел честь имеет обратиться к мудрому содействию Вашего сиятельства, не соизволите ли, Господин Граф, спрошенного во граде Твери,

именующего себя Арсением Кутузовым, распорядиться — выслать и С. Петербург для дачи оному Кутузову с упомянутым в сем доношении человеком очных ставок и поступления, за сим, с оными опасными людьми, как следовать будет по регламенту.

С величайшим счастьем,
имею честь именоваться
Вашего сиятельства
всеижающим слугою
Член Коллегии Простых Дел

Сего 7-го марта 1775 года
С. Петербург.

164. А. А. ГОЛЕНИЩЕВУ-КУТУЗОВУ

Петербург, 18 марта 1875 г.

Питер, 18 марта 75 г.

Вот и не угадал, мой милый Арсений! а я тут как тут: взял, да и напишу тебе¹.

Трио делать не так легко, как кажется². Давать каждому из трех действующих движение, зависящее от затруднительности положения, и какое они ненароком попали, и так и не выпутать их из этого положения, зане их выпутать должен не я и не они сами, а Тараруй Хованский, — вот моя задача, усложняемая вдобавок отношениями Андрея Хованского к Марфе, при порывистой и бешеной породе Хованских. — Как господь пошлет!

Кеневич охотно возится с козачиной, но на меня свидание с одним из них³ произвело впечатление, равное свиданию с малоруссами: историю свою знают, а самостоятельничают (!); не знаю, выйдет ли толк, кроме официальности — самой формальной. Кеневича я понимаю. Ему предстоит работа по истории всей Земли донского войска: это хорошо для него и налицо и наизнанку, да и вообще хорошо; тут я, пожалуй, готов бы редактировать донскую песню⁴. А на сю пору сдается, не выскочкой бы прослыть.

Смотрел Judick в оффенбаховской «M-me l'Archiduc»⁵. В маленьком мирочке — художник симпатичный и воспитанный; лишних жестов не видел, бессмысленного усиления голоса не слышал, непристойных, гвардейски биржевых подергиваний и ужимок не приметил — полное отсутствие канкана. Съездил посмотреть вторично со стариком дедушкой, и дедушка Петров одобрил; в самом деле симпатична. Буффная публика, по этой-то причине мало предается ржанию. Если не произойдет громкого переворота в складе европейской жизни, буфф вступит в легальную связь с канканом и задушит nous autres*. Способ легкой наживы и, конечно,

* Нас остальных (фр.).

столь же легкого разорения (биржа) очень родственно уживается с способом легкого сочинительства (буфф) и легкого разврата (канкан). Наша аудитория — это les derniers des Mohickans*; быть может, придется запереться в наших вигвамах, выкурить трубку Совета, обратиться к закату великого Светила и ждать веления судеб. Но, боже мой, как всем скучно! Как бесчеловечно переполнены все каким-то мертвящим, удушающим газом! Казарменный лазарет, громадный плот с жертвами океанического крушения, мрачными, алчными, пугающимися за каждый кусок, отправленный в желудок с общей трапезы. Бездушное, формальное питание (надо ж двигаться)! — Господи, сколько жертв, сколько более поглощает эта чудовищная акула — цивилизация! Après nous le déluge **... страшно!

Вот таинимый мною запас впечатлений от буффной публики: биржа + канкан, по преимуществу; ах, какие лица, какие ужасные человеческие оболочки! Не знаю, что хуже обезображивает: гашиш, опиум, водка или алчность к денежной наживе?

Щербачев («Au rouet» и «Papillons») был исполнен Есиновой в Большом театре («Papillons» очень изящно и блестяще переданы во услышание); я был рядом с Щербачевым; Щербачев остался тем же — это хорошо⁶. Tanéew fait de musique chez m-me la Grande Duchesse Cathérine de Meklenbourg Strelitz***. Галл Brédiff чинит спиритические чудеса⁷: уверял очевидец. А вообще рассказывают, что однажды стол совсем ушел из дому и пришел на квартиру к Brédiff'у. Это, конечно, вздор; но нечто он все-таки учиняет (я не смею — вспомни наши разговоры).

Может быть, увижу у Димитрия — интересно⁸. В «Новости» прочел следующее:

Великопостных увеселителей множество.

«Сочечь пески, лучи планет» и проч.

«Г. Шипек — играет. Г. Мельников — поет. Г-жи Каменская и Ко-сецкая — играют и поют. Г. Мусоргский — играет. Г. Беккер — делает чудеса магии. Г. Помазанский играет...» и т. д.⁹.

Мое ближайшее начальство уехало недели на 3¹⁰; утром отдаюсь моим думам, а в полдень в Департамент. Питерская езда делается неприятною для моего «неравновесия»¹¹ — дрожки по остаткам льда. Сегодня направляюсь к Ванлярскому — свидание с моим милейшим А. П. Опочининым.

19 марта — взятие Парижа = Инвалидный концерт!¹² — между прочим, дают «Francs-Juges» Берлиоза — вполне согласен: rien de plus franc, que la guerre; point de juge plus compétent qu'on guerrier victorieux ****.

* Последние из могикиан (фр.).

** После нас хоть потоп (фр.).

*** Танеэв играет у герцогини Екатерины Мекленбург-Стрелицкой (фр.).

**** Нет ничего более откровенного, чем война; нет судьбы более компетентно-го, чем победоносный воин (фр.).

Петербург, 20 апреля 1875 г.

Петербург, Шпалерная, № 6

20 апреля 1875 г.

Милостивая государыня,
Любовь Ивановна.

На роду написано мне — прощения просить. Такой наказ мог бы исказить не одного человека. Опасаюсь, но не боюсь. Ваше художественное неистовое участие в деле искусства ободряет меня и мирит с самим собою — дерзаю сказать: убеждает меня в силе и мощи истинных друзей искусства. *Все*, что Вы пришлете мне, Любовь Ивановна, *не* умрет — доколе я жив, но передастся людям.

Боязно благодарить Вас: за что? — За Ваше художественное призвание? За Вашу неутомимую мысль сбережения народного творчества? То, что Вы делаете, любя искусство, будет излюблено историей, и не мне, Мусоргскому, благодарить Вас, а кому-то побольше и поважнее меня. Честь Вам и слава, Любовь Ивановна!

Волынские песни, из 11-ти Вами присланных, носят отпечаток истории в большинстве: № 1 («Посею я шалвеевку»); 3 («Берегами, берегами, бережком»); 4 («Под калиною стояла»); 5 («И развивайтесь, сухий дубе»); 9 («А чтой-то за садочек»); 10 («Ой не шуми, луже») и 11 («Выряжала мать сына»)¹.

А по части моих музыкальных наездов — открытий ради, я твердо устроился на «Хованщине». Много вопросов уже находилось; не мало вопросов виднеются, как едва заметная почка сквозь листву; придется и этим вскормиться, чтобы дерево пышнее стало и дало людям больше приюта. Трудно, но так должно быть! От малорусской оперы отказался: причина этого отречения — невозможность великоруссу прикинуться малоруссом, и, стало быть, невозможность овладеть малорусским речитативом, т. е. всеми оттенками и особенностями музыкального контура малорусской речи². Я предпочел поменьше лгать, а побольше говорить правды. В бытовой опере к речитативу следует относиться еще строже, чем в исторической, зане в первой нет крупного исторического события, прикрывающего, как ширмы, кое-какие оплошности и неряшливость. Поэтому недостаточно владеющие речитативом мастера избегают бытовых сцен в исторической опере. Великорусса я немножко знаю, и мне не чужда его сонливая плутоватость под дымкой добродушия, как не чуждо его горе, в самом деле его тяготящее. В настоящую пору устраиваем с графом Кутузовым «Danse macabre» — две картины уже готовы, работается 3-я, а там и за 4-ю!³ В «Хованщине» привожу к окончанию 1-е действие⁴.

Вот все мои дела, многоуважаемая Любовь Ивановна. Жду от Вас весточки.

Преданный Вам *М. Мусоргский*

Петербург, 5 мая 1875 г.

5 мая 1875 года

Милостивый государь
Павел Степанович!

Письмом от 1-го мая Вам угодно было почтить меня приглашенным с целью рассмотрения, в составе особого музыкального комитета, достоинств оперы г-на Кюи «Анджело»¹. Заседание по этому поводу состоялось вчера, 4-го мая, в репетиционной зале Мариинского театра.

Опера г-на Кюи «Анджело» содержит в себе замечательные музыкальные красоты. Автор искренно отнесся к музыкальному воплощению характеров действующих лиц в созданной им на канве В. Гюго музыкальной драме. На мой взгляд, особенно удались личности венецианской актрисы Тисбэ, Катарини Малипинери (жены падуанского тирана) и Галеофы (шпиона при тиране).

Сцена Тисбэ с Галеофой очень характерна, дуэт Тисбэ с юным Родольфом, по моему мнению, *chef d'oeuvre*; финал 2-го акта (Тисбэ с Катариной) и финал оперы (смерть Тисбэ) должны произвести потрясающее впечатление. Сочинение, в техническом выполнении, рекомендует автора с самой выгодной стороны. Опера богата и мелодическою красотою.

К недостаткам оперы я отнесу некоторые длинноты, но эти недостатки, преимущественно в первом акте и частью в четвертом, легко исправимы на репетициях, где окончательно шлифуется всякое драматическое произведение — будь оно музыкальное или литературное².

Прошу Вас, милостивый государь, принять уверение в совершенном моем уважении и преданности.

М. Мусоргский

167. Л. И. ШЕСТАКОВОЙ

Петербург, 9 мая 1875 г.

Голубушка моя Людмила Ивановна, если только поймаю дедушку дома, то устрою и завтра же отпишу Вам¹.

Мусинька

9 мая 75 г.

168. А. А. ГОЛЕНИЩЕВУ-КУТУЗОВУ

*Петербург, 11 мая 1875 г.*11 мая 1875 г.
Петроград.

Мой милый друг Арсений, наш первый выпуск «Макабры»¹ кончен, ибо сегодня написана «Серенада», почему я и не попал к твоей милейшей татап. Думаю, будешь согласен на простейшее из названий, какое подобает дать нашему новому альбому, — мы с тобой все альбомами одолеваям человека: нескромно, но почтенно. Я назвал новое детище — альбом «Она»². Первый выпуск будет издан (надеюсь) в таком порядке: 1, «Колыбельная», 2, «Серенада» и 3, «Трепак».

Следовательно, Ваше сиятельство, мы с Вами «напахали» альбом — «Без солнца» и пашем альбом — «Она»³; первый выпуск второго альбома готов, с чем и имею честь поздравить Ваше сиятельство. А только моего завещания не забывай, прошу: мало-мальски завидишь умственным оком, что я с рельсов сошел, тотчас же прими меры с любимыми мне — как бы избежать беды; в этом деле, т. е. в схождении моем с рельсов, ты виноват, потому что ты стрелочник, — ну и отдувайся за свои грехи. Ужасно ты труден.

Твой *Модест*

Не забудь передать татап мои тяжкие извинения и досаду. Ухищрюсь, а попаду.

169. А. А. ГОЛЕНИЩЕВУ-КУТУЗОВУ

Петербург, 22 мая 1875 г.

Петроград 22 мая 75 г.

Мой любый Арсений, я был уверен в содеявшемся¹. Ты напомнил мне твоею дружескою отповедью о «святой минуте», когда, скромн и нем, я постиг твою художественную душу. Ярко светит эта минута сквозь болотные потемки чиновного чернилица.

Ошибся ты в одном только: за что ты вздумал благодарить меня? Разве я что-нибудь смел в тебе, разве рисковал указывать тебе? Я любил и люблю тебя — и только. Почему люблю — спроси свою художественную душу: ответ нашелся.

Теперь вот о чем: что ни сказало бы глухое подполье критики — я ручаюсь, что «Гашиш» сделает свое дело, т. е. тебе, со временем, придется описать твоих критиков, огашишившихся (!) и, следовательно, не понявших трагизма и силы сюжета. Не посетуй на них. Твори, как дух велит, и судиям прости.

Если требуют «Шуйского» — предавай тиснению; не бойся; слово печатное надежно. Но «Шуйский» должен быть постигнут на сцене, «да ведают потомки православных земли родной минувшую судьбу»². Ты строг к себе — будь еще строже: ты стал пред обществом людским. А «Шуйского» тиснению предай.

Не откажи обществу и в «мелочах»³. Поэтические произведения в сжатой форме, при искреннем отношении авторов к сюжетам, незаметно для читателя залегают в его памяти и дружат его с автором. Это лучший путь к интимному знакомству с поэтом, всегда дорогому для поэта — буде удастся такое знакомство. На мой взгляд — надо бы оттиснуть: «Комнатку», «Элегию», «Скучай», «Над рекой» (из нашего альбома)⁴; затем побеседуем о тех твоих сказаниях, что так небрежно и привольно разбросались по листочкам твоих многочисленных тетрадок, без цели и разума, а так — по лености и беспечности этих сказаний (dixi! *).

Ну вольным сердцем шлю привет тебе, любимый мой Арсений, и здравицу во славу твою! — Соделалось. Теперь нет поворота, нет отговорок; теперь работа великая, неугомонная, — дай господи силы тебе!

Модест Мусоргский

Прилагаю письмо к тебе какого-то моего однофамильца, видимо гордящегося чином надворного советника. Письмо не очень глупо, но форма ужасна — так и разит «чернилицем». Можешь не отвечать ему, тем более, что надворный советник не указал своего адреса⁵.

Модест Мусоргский

170. А. А. ГОЛЕНИЩЕВУ-КУТУЗОВУ

Петербург, 22 мая 1875 г.

22 мая 1875 года,
в городе Санкт-Петербурге.

Честь имеют поздравить Ваше сиятельство с выходом в свет Вашего сочинения, под названием «Гашиш»¹. При сем беру на себя смелость доложить Вашему сиятельству: не извольте огорчаться нашими критиками, потому что они — эти самые критики больше ругаются, ей-богу, ругаются, Ваше сиятельство; а чтобы дело сказать — этого не случается у них. Умные господа сказывают, будто бы от наших критиков и требовать нельзя, чтоб не ругались, потому, во-1-х, что им задор дался болванить «новичков» и пакостить «новичкам» во всю их — этих критиков — критическую душеньку, и потому, во 2-х, что никакого им — этим критикам, до искусства дела нет, а вот насчет построчной платы да с задо-

* Я сказал (лат.).

ром, так вот так и рвут, Ваше сиятельство. И то сказать: плодят эти критики, ровно чиновничьи жены, и прозорливы они, что россوماхи, — выпить тоже любят. А так вообще, ничего — добрые, пока кусок не за-видели. И мало промежду них народа путного, так сказать — с достоинством: один-два, и обчелся. Все больше нажимают они на то, как бы угнетать — такую уж привычку взяли. А которые не угнетают — те с достоинством, не россوماхи и испытывают с разумением. Сих последних не извольте опасаться, Ваше сиятельство: хорошее склонны апробировать. Смею быть того мнения, Ваше сиятельство, что главнейше изволите встретить озлобление со стороны сочинителей, а наипаче — составляющих сочинения стихотворные.

При сем этом считаю долгом своим и даже вменяю себе в радость принести Вашему сиятельству мое чувствительнейшее поздравление и имею счастье именоваться

Вашего сиятельства
всепокорнейшим слугою
Надворный советник *Модест*
Петров сын Мусоргский

171. А. А. ГОЛЕНИЩЕВУ-КУТУЗОВУ

Петербург, 25 мая 1875 г.

25 мая 75 г.

Мой милый Арсений, Екатерина Осиповна Петрова (стенограф) едет, по приглашению «Правит. вестника», в г. Корчеву Тверской губ. (процесс Хавского). Тебе, мой милый друг, известны пути в твой родимый город. Поэтому прошу: какого ямщика в Твери подобает взять — сиречь, на чьем ямском дворе? Сколько времени ехать от Твери? Как плата? Где лучше поместиться в Корчеве? Словом, жду от тебя, друг, самых подробных сведений. Доставь их завтра же, 26 мая, в «Мало-Ярославец» с твоим швейцаром. «Дело не терпит отлагательства».

Доставь сведения в «Ярославец»¹ с утра.

Твой *Модест*

Сегодня, ради жары, проспал и не попал к тебе.

172. В. В. СТАСОВУ

Петербург, 13 июня 1875 г.

Питер, Шпалерная № 6.

Пятница, 13 июня 75 г.

Дорогой мой *généralissime*, измыслили мы, подумавши мало, обратиться в поездку к гг. Стасовым в страны Заманиловские и решилось у нас состряпать это дело в воскресенье 15 июня¹. А измышляли: яз — одуванчик, Александер-Готфрид-Гейнрих-Карл-Макс-Франц-Отто-Ганс-Фридрих фон Мейер² и граф Арсентий Аркадьев сын с Голенищем-Кутузов. Реченные люди порешили изъять Вас, *généralissime*, из Ваших всяких привычек³ и ввергнуть с нами купно «с четырьмя сиденьями в рыдван», коему рыдвану отчалить в час пополудни по назначению⁴. А собраться нам с Вами всем четверым в первом часу пополудни в трахтере под наименованием «Мало-Ярославец», ибо «так признал за удобнейшее» реченный выше многоименный германец Мейер, из какового трахтера отплытие в рыдване немедля произойти долженствует⁵.

Буде согласны — отпишите мне на Шпалерную и поскорее. Условие поездки — хорошая погода. Да хорошо бы и гг. Стасовых предупредить, а то экой оравой навалимся!

А я всячески «не могу, чтоб мысленно хотя бы не обнять Вас».

Мусорянин

173. Л. И. ШЕСТАКОВОЙ

Петербург, 27 июня 1875 г.

27 июня 1875 г.

Дорогая вы моя и хорошая, голубушка Людмила Ивановна, книги дяиньки Никольского я отобрал и устроил в достодолжные тюрьки¹: в одном не переплетенные, в другом переплетенные². Завтра лично явлюсь к Вам, голубушка, и принесу мои «музыкальные заветности», пользуясь Вашим милейшим разрешением (немного: партитура сцены у Пимена из «Бориса Годунова») ³. Крепко благодарю Вас, голубушка, и целую Вашу ручку.

Мусинька

Петербург, середина июля (?) 1875 г.

Мой милый Арсений, с посланным прими ключ от нашего Castle*. Меня утащили в карете на зеленя**¹, говорят — хирею. Досадно, что не пошел посмотреть тамап².

Твой *Модест*

175. Л. И. ШЕСТАКОВОЙ

Петербург, 2 августа 1875 г.

Голубушка моя, Людмила Ивановна, хотел сегодня, до Вашего письма, пробраться к нашим Петровым, да дождь напугал. Негодную на «подметчиков», но ничего поделывать нельзя: нравится пожарами пугать — характерное скотство!¹ Завтра, думалось бы, попаду к Петровым. Сообщаю Вам, моя голубушка, известие: первое действие «Хованщины» окончено²; приступаю ко второму действию — столь же трудному. Родная Вы моя, теперешний, т. е. сейчасошний адрес Г. П. Кондратьева город Луга, по Варшавской железной дороге, для передачи по назначению. А аз, грешник, прибуду на днях посмотреть Вас, мою голубушку — ведь Вы нам любая и хорошая, музыкантам-то всероссийским. Целую Вашу ручку, голубушка.

Мусинька

2 августа 1875 г.

Какая Вы удивительная! Сейчас же и поехать изволили — навестили Анну Яковлевну Петрову. Ах Вы, голубушка моя, а я-то по поводу «подметного» письма (не такого) оперу пишу³. Если надобность придет, благоволят извольте описывать Мусиньке на Вас. остров, против сада Академии художеств. 5-линия, дом № 10⁴, дойдет непременно. Еще раз, мысленно, целую Вашу ручку, дорогая наша Людмила Ивановна. Все тот же Мусинька и того же 2 августа 1875 г.

Что с нашей Анной Яковлевной стало? Узнаю завтра.

Тот же *Мусинька ibidem*

* Замка (англ.).

** Смотреть короля Оскара² (примеч. М. П. Мусоргского).

Петроград. Вас. остр. 5-я линия.
Против сада Акад[емии] худож[еств] № 10
7 августа 75 г.

Вместо эпиграфа:
«Первое действие нашей
«Хованщины» окончено».

Наконец-то, дорогой мой *généralissime*, здравствуйте во всемирном Париже!¹

Как идет с «Хованщиной», узнаете по возвращении к нам. Как идет со мной — Вашим скромным Мусорянином — можете усмотреть из написанного вверху этой бумажки адреса: дело простое — Арсений увез ключ от квартиры с собою², и яз, в силу сих, нахожусь на иждивении Наумова, моего достолюбезного приятеля, где и окончено 1-е действие «Хованщины», несмотря на служебные препятствия. Принимаюсь за 2-е действие. Как Вы мне все это трудно задали!

Ну, да «взялся за гуж» и проч. Надо сделать. Сказано: «к новым берегам» и возврата нет; пустился в море — не плошай! А как бы хотелось все передать Вам; все, что сделано; все, во что вера не оскудевает. Сколько неведанных, неслыханных миров и жизней открывается! Какие все заманчивые, влекущие к уразумению их и к обладанию ими! Трудны достижению, боязно подступает к ним; но когда подступишь — откуда дерзость берется! — и хорошо тогда бывает.

Если минут несколько наберется, напишите, дорогой мой: как Вы нашли Илью Репина (ему же мой привет крепкий); что делает Боголюбов³; нет ли кого из «именитых» россиян, кроме Тургенева и А. Толстого, учинивших более 1 т[ысячи] р[ублей] для моршанцев (судя по газетам)⁴ и доказавших давно доказанную истину, если власти с земством бездействуют, то отделивайся своими боками оберегаемое оными общество. В Петрограде в саду, посвященном семейству г. Егарева и потому носящем скромное название семейного, сделана та же справедливая история: при мне один титулованный взял билетов *allegri* на 250 р. — раздавали билеты *Alphonsine* и еще другая какая-то *Alphon-sine* — помоложе немного, но послабее⁵. А там, смогришь: Брянск, Пултук и много-много других, «имена же им веси ты, господи!»

— — и это
чуть не каждое лето!

Как Вы обретаєте себя во всемирном?⁶

Par parenthèse *: я пересыпаю маленький монолог В. Голицына⁷ кое-какими латинскими изречениями — из самых известных, конечно, со времен Колпаковой схоластики, а насчет княжеской суперстии, «абордирую той тэзой»⁸, что не следует пренебрегать вещами непости-

* В скобках (*φρ.*).

жими́ми — «бо не все человеку дано разумети». Ай, ай, — зачем Вас нет с нами «вот в сию самую секунду». Ну, да приготовим и обсудим. Виделся не однажды с Платоном, он в сильном восторге от сообщенного мною (только в рассказе) окончания 1-го действия «Хованщины»; изволили выразиться: «тут ничего не прибавишь, не убавишь; так оно и есть, т. е. это то самое время: так оно и есть».

Как бы хотелось от Вас весточки, как бы она приблизила Ваше возвращение из временного отдаления! Арсений извещает об исправлении «Шуйского», но извещает как-то лениво: странный мужчина! Тут же описывает, как он много ест (читай — спит) в деревне. Сонный байбак! А если бы могло постигать его пузо, как он люб мне — и несть злобы в сердце моем, — право. Встретил Римлянина. Обоюдно с дрожжек соскочив, обнялись хорошо. Узнаю — написал 16 фуг, одна другой сложнее, и ничего больше.

Да иссякнет мокрое чернило
С гуся, им же писах сие!

Цезарь (все за Рим задевать приходится), говорят, устроил 3-е действие «Анджело». Не был у него — не мог попасть, боюсь; т. е. боюсь по поводу 3-го действия. И Римлянина не беспокоил о Цезаре. (Опять Рим заделся!)⁹.

Когда же эти люди вместо фуг и обязательных 3-х действий в путные книги посмотрят и в них с путными людьми побеседуют? или уж поздно?..

Не этого нужно современному человеку от искусства, не в этом оправдание задачи художника. Жизнь, где бы ни сказалась; правда, как бы ни была солонá, смелая, искренняя речь к людям — *à bout portant** — вот моя закваска, вот чего хочу и вот в чем боялся бы промахнуться. Так меня кто-то толкает и таким пребуду.

Обнимаю Вас, дорогой мой, крепко.

Мусоргин

Дайте весточку.

177. А. А. ГОЛЕНИЩЕВУ-КУТУЗОВУ

Петербург, 17 августа 1875 г.

Петроград. Вас. Остр. 5-я линия № 10

17 августа 75.

Милый Арсений, здравствуй. Первое действие «Хованщины» окончено; кипит работа на 2-м. Как ты, что сделал, все ли удалось?¹ Был Петр, не нашел ключа (как и я), учинил насилие и помещался в

* В упор (*фр.*).

твоей квартире; я, многогрешный, в день твоего отъезда, пропелся, в 5-м часу утра, пешью к Наумову, где нашел обитель, благо предупредил Наумова, ибо, как знаешь, один боюсь оставаться. Из городских новостей есть одна: решительно возвращаюсь к гусиным перьям — стальные начинают доめкаться мне игольчатыми ружьями а la Bismark. Спасибо за два письма². Не отозвался до сих пор по причине отсутствия интересных сообщений. По свойственному людям самолюбию, признаю за интересное сообщение работу «Хованщины». Жду тебя и жду от тебя: тебя надеюсь дождаться — дождусь ли от тебя?

Октябрь нынешнего года не может быть отнесен к тому времени, когда человеческий мозг разветвится до тройственности (Дарвин); пока что художественные произведения нам необходимы. Какой обширный, богатый мир искусство, если целью взят человек. На необычные совсем негаданные задачи налетаешь, и не насильственно, а так — будто случайно это делается.

Уразумение таких налетов в музыкальной драме цельнее и проще при слышании, а если описать такие налеты, то, пожалуй, распространись. Следовательно, верится мне, услышишь и тогда обсудим. Сделай ты такую милость, Ваше сиятельство, не забывай и не откладывай своего художественного дела. Конечно, убить какого-нибудь беззащитного и вовсе безвредного бекаса — похвально, потому что бекас птица вкусная, но почему бы не предоставить осуществление этих великих подвигов людям промышленным и питающимся убитыми бекасами, не питаясь в то же время реченною птицею.

У Наумова мне очень понравилось, особенно летом: сад, широкая улица, близко Невы. Посетители: Колюш, Ларин, Жемчужников (Козьма Прутков); добрая беседа, подчас музыка; всякие новости, толки и перетолки — живется, дышится и работается. Жду тебя, насколько сил хватает, и жду с ключом: а пока целую тебя крепко.

Твой *Модест Мусоргский*

Наумов шлет привет, Ларин и Воейков тоже. Павлов уехал в Киев. Вл. Стасова ждут из Парижа в конце августа.

178. Л. И. ШЕСТАКОВОЙ

Петербург, 16 сентября 1875 г.

16 сентября День святой великомученицы Людмилы, «бабы чешского короля Вячеслава».

От всего сердца поздравляю Вас, голубушка наша дорогая, Людмила Ивановна. Притомился, проспал и утром не мог лично посмотреть Вас, мою родную, и здравочку Вам сказать*. Теперь полечу домой — писать¹.

* Служба многому помеха (примеч. М. П. Мусоргского).

Геннадию Кондратьеву говорил о Вашем милейшем желании: он породовался и поохотал насчет «манной каши». Он будет, если семейные условия не остановят². До четверга, родная моя; крепко целую Вашу маленькую рученку и еще раз от всей души поздравляю.

Ваш *Мусинька*

179. А. А. ГОЛЕНИЩЕВУ-КУТУЗОВУ

Петербург, сентябрь — 3 октября 1875 г.

Петроград Вас. Остр. 5-я линия
дом № 10. кв. Наумова

Какое то число
Сент. 75 г.

Мой милый, страждущий друг Арсений. Знаю от Катенина, что ты лежишь еще¹. Давно хотел побеседовать с тобою — ан не вышло. Не гневайся, друг, завертелся я совсем. Ты писал мне, что мало я тебе нацарапал разных вестей и требуешь побольше. Рад бы в рай, да грехи не пускают: откуда взять их? . Вечная борьба славян с исламом —

т. е. вестей, а не грехов старая песня²; всяческое подтягивание, доходящее до степени *весьма*, — тоже старая песня; всеобщее безумие при безденежье; всеобщее *всезнание* при невежестве; возвышения уровня публичной массы с каким-то правом на что-то при бесправии; бессознательная инерция... *Viel Lärm um Nichts**. Поговорим о нашем скромном мире художества, запремся на малое время в уютный уголок и из него, близкие жизни и людям, но далекие трескучим тирадам о праве, свободе, протесте, глянem жизни смело в глаза. Это надо, потому, что надо говорить людям правду, не трескучую, а настоящую правду. За шумихой условных, quasi-художественных приемов, безусловных и, следовательно, вовсе нехудожественных форм, человечество упряло само себя, добровольно и даже с наслаждением, едва ли не безвозвратно упряло, потому что «не взойти никогда солнцу с запада». Мне сдается, что, за редкими исключениями, люди не терпят видеть себя, какими они в самом деле бывают; естественно влечение людей, даже самим себе, казаться лучшими. Но в том-то и юродство, что минувшие и настоящие — теперешние художники, показывая людям людей же, лучше чем они суть, изображают жизнь хуже, чем она есть. Непримиримые староверы гнут, что это необходимо для яркости красок; переходчивые, качаясь как маятник, пошепывают, что задачи художества еще недостаточно выяснились; радикалы голосят, что только мошенник может создать художественно тип мошенника (и согласные

* Много шуму из ничего (нем.).

с таким понятием параллели). Все три фракции могут легко примириться, и такое примирение будет несравненно полезнее борьбы в воздушном пространстве, когда природа не дала крыльев держаться в нем. Штука проста: художник не может убежать из внешнего мира, и даже в оттенках субъективного творчества отражаются впечатления внешнего мира. Только не лги — говори правду. Но эта простая штука тяжела на подъем. Художественная правда не терпит предвзятых форм; жизнь разнообразна и частенько капризна; заманчиво, но редкостно создать жизненное явление или тип в форме им присущей, не бывшей до того ни у кого из художников. Тут уж старуха нянька не поможет стать на ножки, не скажет «дыбок»; нет, сам художник стань на ноги, сам скажи себе «дыбок». Вот этим-то положением я и чреват ныне, милый друг Арсений, а как разрешусь от бремени — не знаю, только роды предстоят тяжелые.

Все сие писано тебе, друг мой, еще в сентябре и намечалось в село Алтыново к Скрипицыну. Сегодня узнал на службе от Катенина, что ты позволил, споспешествуем двоюродным, заняться перекочевкой к «тама» в Тверь. Я нахожусь в недоумении и вот почему: страдания от bronchitis довольно смеются над моим терпением; говорить тяжело, курить не могу, двигать ногами тяжело, сочинять не могу, о неведомые, негаданные случайности!!! — и одно утешение — сам виноват, но почему и в чем — не знаю, а только, как у всякого почвенника, чувствуется — виноват, да и все тебе тут.

Есть какая-то таинственная, злая прорва (рачок) в природе. С чего прорывает ее нитку рвать и счеты сводить — одна белена знает. Только собрались люди в Петроград, только стали мы в беседу с этими людьми — тут, как на грех, возмись эта прорва и насади мне bronchitis. Мне и писать-то тяжело.

Да бишь, находился у Л. И. Шестаковой. Кюи был любезен и показал 3-й акт: ничего, ходит³. Бородин показывал фрагменты из «Игоря» — много настоящего. Ты, говорят, скоро приедешь, стало быть, лучше объясниться при свидании, но, шутки в сторону, надо шутить, серьезно: шутить надо — вот что! В амальгаме, очень симпатичной, драматического творчества Бородина сидит лекция: ты, как художник, ее почувешь мигом. Ты меня, надеюсь, понял: Бородин приказывает своим героям резюмировать из столкновения фактов, случайностей — как хочешь, все равно⁴. При всей симпатичности сочинения — слушателю нет вывода, а одно есть: «подходите, господа, вы смотрите на зверя» и пр.

Ну, да ты приедешь — услышишь.

О, bronchitis.

Твой *Модест*

Милейшей графине-мама́ прощу передать мой искренний привет.

Говорят, 3 окт. 75 г.

Тот же *Модест*

Петербург, 14 октября 1875 г.

Вас. остр. 5-я линия № 10.

14 окт. 75.

Дорогой мой *généralissime*, дрянь дело. Bronchitis одолевает. Глотал порошки, а сегодня беседовал с доктором Карриком. Придется проглотить каломель — бррр! Значит, есть воспаление. Bronchitis так душил меня и продолжает душить, что все наше дело остановилось, и я в какой-то борьбе между дремотой и бодростью; досадно. *Heil Dir im Siegeskranz, o Calomel mit Eulapa vermischt!* *¹ Каково! отлегло, каломель подействовал. Приступал к письму с поганим тоскливым чувством какой-то долгой разлуки с Вами, дорогой мой, и, сдается мне, единственный меня знающий *généralissime*. И ведь в ту же минуту о диспуте российских мужей мечтания пошли² — как только поотлегло. Был человек пúзом, есть человек-пúзо и пребудет пúзом, что делать! Ну, стало быть, Мусорянин, за работу!

181. Л. И. ШЕСТАКОВОЙ

Петербург, 14 октября 1875 г.

14 октября 1875 г.

Голубушка моя, ведь серьезная штука приключилась, — едва не задушил bronchite. Терпел-терпел, принимал всякие пальятивы, а уже сегодня доктора Каррика пригласил. Каломель и дигиталис, — значит, серьезно. Теперь получше, слава богу. Как поправлюсь, — к Вам покажусь, голубушка моя. Ой-ой, тяжело было. Ведь более двух недель! На службу отписал. Музыка нишни — притихла. Каррик, впрочем, успокоил. Он специалист по дыхательным органам. Да, родная, во всех отношениях досадно за 10 октября¹. Спасибо Вам, голубушка. Во всю мочь целую Ваши ручки за портрет². Ах Вы, родная моя.

Мусорянин

182. М. Р. КЮИ

Петербург, 14 октября 1875 г.

Моя милая барыня, от сердца благодарю Вас за Ваше хорошее участие. Надеюсь вскоре поправиться и повидаться с Вашей милейшей семьей; но только глагол разлюбить не в моих нравах, да и причин

* Слава тебе в венке победителя, о каломель, смешанный с зйлапой! (нем.).

к тому, по счастью, нет. Со мною было так: я завертелся; завертевшись, простудился; простудившись, заболел; заболев, вообразил бороться собственной натурой — не вывезло; ну, в результате *salomel* и *digitalis*. Теперь лучше. Целую Вашу ручку, прошу понежить за меня деток. Cesare и Юлию Юльевичу шлю мой искренний привет. Еще раз крепкое «благодарю».

Модест

183. В. В. СТАСОВУ

Петербург, 19—20 октября 1875 г.

Вас. остров 5-я линия, д. 10 кв. Наумова

19 октября 75 г.

Мой дорогой *généralissime*. Вы не можете сомневаться, что Ваш энергический и вдаль смотрящий лик учрежден над моим рабочим столом и подталкивает меня на всякие хорошие дела¹. Великое Вам спасибо, дорогой мой. Я часто взглядываю на Вас: весь собравшись, Вы вдаль смотрите, что-то впереди чувствуете; силой и сознанием правоты врезалась всякая морщинка — молодец Илья Репин! Великое Вам спасибо! Вот эти-то хорошие, живые вдаль, да впереди, и подталкивают меня. Как припомню неких художников «за шлагбаумом», не то тоска, а какое-то слякотное наваждение приключится². Все-то их стремление — моросить капелька за капелькой, и капельки все такие ровненькие, излюбленные; их тешит, а человеку тоска и скука; да прорвись ты, любезный, как живые люди прорываются, покажи ты, когти у тебя или ластовицы; зверь ты либо амфибия какая. Куда тебе! — а шлагбаум? Без разума, без воли, сами себя окрутили они — эти художники традиционными путами, подтверждают закон инерции, воображая, что дело делают.

Все бы это было только мало заманчиво, до некоторой степени антипатично, если бы они — эти художники не брались прежде за древко другой хоругви и не нытались «гордо поднять ее перед человеческим обществом». Захваченные по пути железной рукавицей Балакирева, они задышали его мощными легкими (хоть и не во всю его богатырскую грудь), задавались задачами, беспокоящими крупных людей. Разжалась железная рукавица Балакирева — и они почувствовали, что устали, отдых понадобился; где же искать этот отдых? — в традиции, конечно: «как наши предки делали, так и мы будем делать». Поставили славную, боевую хоругвь в укромное место, поприпрятали ее тщательно и приперли семью замками за семью дверьми. Они отдыхали и **отдыхнули**. Без знамени, без желаний, не видя и не

желая видеть вдаль, корпят они над тем, что давно сделано, к чему их никто не зовет. И вот, от времени, кв́акушки, умильно ныхтя в своем наследственном болоте, раздают им — этим художникам одобреньица. И как не одобрять! «Могучая кучка» выродилась в бездушных изменников; «бич» оказался детской плеточкой. Безучастнее к сущности жизни, не надобнее для современного творчества их — этих художников, я думаю, в небесной империи не сыщешь.

20 октября 75 г.

Вчера не смел попасть к Вам, мой дорогой, из опасения презреть совет доктора и желая вычиниться хорошенько. Диспут российских мужей писанием начат — ой, как трудно! Ну, да чем труднее, тем заманчивее — такой уж нóров. Сейчас афишу посмотрел: «Му[зыкальное] общ[ество]» намерено кое-чем хорошим угостить. «Антар», «Divina commedia», к «Фаусту» Шумана (3-я часть), следовательно — мистический двойной хор; дважды Садык-Паша (Чайковский), но зачем фортепианный концерт!³ 3-я Шумана «Les Troyens» великого Hector'a — аппетитно; наконец, Saint-Saëns (как-то, что-то?)⁴. «Антар»! Неужели воспоминание о былом не пробудит сурковую спячку; хотя бы по мозговой оболочке (кого следует) скользнула живая мысль да проняла до пяток (кого следует)!⁵ Раскаяние великое дело. Беда в том, что талмудистам раскаяние недоступно, они слишком крепки мертвой букве закона, слишком бездушные рабы. А то, пожалуй, под шелест сухих шептаний своей благоверной⁶ (кто следует) почувствует привал раскаяния за нарушение дисциплины в «Антаре», — паки вспять обратится. Когда сильному духом, но падающему человеку, показывают, кто он и кем он был, то с таким человеком лихорадка делается; за время, что сам у себя украл, такой человек готов «караул» кричать. В художнике задремавшем подобное пробуждение должно быть во сто крат сильнее. Посмотрим. Ах, вы, чучелы: «что станет говорить княгиня Марья Алексевна!»⁷ Вам-то что за дело, до Марьев Алексевн; не ими искусство жило и будет жить; мертвечиной только шакалы-побродяги да трусливые гиены лакомятся, а людям приятна свежая пища. Давайте ее людям — люди просят у вас свежей пищи. Гробокопатели! Все в свое время было необходимо, это был рост искусства. Так пусть оно растет; как ни задерживаете — будет расти. К чему же на запятки становитесь? — на * господском месте удобнее; попробуйте!

Мне лучше, мой дорогой; следовательно, до скорого и давно желаемого свидания. А мощный лик Ваш все передо мной. Спасибо Вам крепкое⁸.

Мусоргин

* Зачеркнуто: «барском».

Петербург, 31 октября 1875 г.

Дорогой мой друг, Аркадий, что это ты с собою сделать изволил! Голубушка ты, с больной ножкой, через весь двор прибыл ко мне, а в тот же ряд я, с улицы, по парадной поднялся, спросил о тебе: «только что ушли». Господи, что за напасти. Мечтал и готовился воспринять миллион тысяч раз дорогого мне «Шуйского» и не воспринял. Мечтал и мнил «На развалинах» почуть — не удалось¹. После того, что ты с собою сделал, скажи мне, друг: что ты сделал со мною? Изнервился я донельзя. Все написанное правда. Все в доме, кроме уехавшего в «Гугеноты» Naumini (моего хозяина), были мною спрошены. И как же ты, друг, усомнился и бежал хозяйки дома². Дивлюсь, что мне не веришь: мною о тебе она была предупреждена, ждала (бо сказала мне, что ты симпатичен); заверяю тебя, барыня отличная, дикарка, как и ты дикарь, но любящая, хорошая, читающая и умно читающая, — только «недо-нять» — нелюдимка, пока присмотрится. Сколько хороших минут по художественным делам могли бы уловить, дорогой мой Арсений! E basta, per pietà*.

Вот что: вслед за тобою, милый, навестил меня в Департаменте Катенин Андрей. В чаянии великих благ от сегодняшнего нескладно рушенного свидания с тобою, я назначил, испросив позволения реченного и милейшего Катетина Андрея, трапезу держать у них с супругою в понедельник (ноября число в третье) с тобою (bien entendu**), и разрешение дано есть. Dixi!*** Теперь, сегодня я сустрел Кеневича и немедленно о Пушкине допрос учинил. Основанием его предстоящего доклада (сиречь доклада Кеневича) служат несомненные документы, прибавку к которым**** он еще получит: писаны стихотворения для Терпигорева, случайного знакомого Пушкина. Я, опираясь на Мея по исследованию Псковской старины под Грозным, намекнул Кеневичу на возможность бегства Терпигоревых (посадских детей) в «казачину», на Дон (вскоре признанную Грозным); высел Терпигоревых в Тамбов с Дону был по-позже, но с тамбовским Терпигоревым столкнулся Пушкин. Кеневич отрицает апокриф. Ручаясь за манеру письма Пушкина (сокращенно — т. е. толь — вместо только и пр.), он удостоверяет плохость стихотворения, и не обинуясь — намерен доказать и передать потомству, на гений Пушкина взирая. Об этом, между тем, бушуют уже люди: одни кланут, иные справедливость отдают Кеневичу — все как следует³. Друг, обнимаю тебя; утешь ответом, а то словно тьма нависла. Я вчера поработал. Графине татап мой детски горячий привет и доброе пожелание.

Твой Модест

* Довольно, ради бога! (ит.).

** Разумеется (фр.).

*** Я сказал (лат.).

**** «Который» — моя ненависть — ты знаешь (примеч. М. П. Мусоргского).

185. СТАРШИНАМ АРТИСТИЧЕСКОГО КРУЖКА В МОСКВЕ

Петербург, 1 ноября 1875 г.

Петроград, 1 ноября 1875 г.

Господам старшинам Артистического кружка в Москве¹.

Милостивые государи,

благодарю Вас за сочувствие <к> моему скромному труду, выраженное в Вашем любезном письме, помеченном <от> 12 октября. Думается, милостивые государи, что постановка всей оперы «Борис Годунов» на Вашей сцене потребовала бы слишком больших затрат и больших оркестровых и хоровых сил. Если Вам угодно <будет>, милостивые государи, познакомить <крепко уважаемое> общество Москвы, душевно мною чтимое, с некоторыми отрывками <из> оперы «Борис Годунов» (картины, отдельно намеченные автором), я только сумею понять чувство признательности к Вам, милостивые государи, за Ваше сочувствие скромному автору.

<Честь имею просить Вас> Прошу принять, милостивые государи <принять>, уверение в совершенном моем уважении

Модест Мусоргский

185 а. СТАРШИНАМ АРТИСТИЧЕСКОГО КРУЖКА В МОСКВЕ

Петербург, 1 ноября 1875 г.

Господам старшинам Артистического кружка в Москве.

Милостивые государи,

благодарю Вас за сочувствие опере «Борис Годунов», выраженное в любезном письме, помеченном двенадцатым числом октября 75 г. Думается, милостивые государи, что постановка на Вашей уважаемой сцене всей оперы «Борис Годунов» потребует слишком больших затрат и значительных оркестровых и хоровых сил: так это, впрочем, мне и уяснилось из бесед с глубокочтимым мною деятелем по русскому оперному делу Геннадием Петровичем Кондратьевым¹.

186. Л. И. ШЕСТАКОВОЙ

Петербург, 7 ноября 1875 г.

Ах вы, голубушка моя бедовая. Мыслим и устроаем также дедушку нашего чудесного при освещении разных к дому из храма музы препроводить¹. Дело вот в чем, родная: Наумов разузнает о лучшем способе подступить к Ф. Ф., и если убедится, что препятствий не будет, то предупредит Ф. Ф. о Вашем желании (и нашем — *bein entendu*); в

том разе я, немедля, явлюсь к Вам, дорогая, с проектом письма от Вас к *Ф. Ф.*; у Вас же, по совещании, перепишу, прочту, а Вы подпишете, голубушка. Вот как! Горячо целую Вашу ручку, родная.

Ваш *Мусинька*

7 ноября 1875 г.

187. А. А. ГОЛЕНИЩЕВУ-КУТУЗОВУ

Петербург, 9 ноября 1875 г.

Воскр[есенье] 9-го ноября

Мой милый друг Арсений, сие намечается, дабы забвению не предал желаемого и ожидаемого моими хозяевами¹, исполнения твоей воли: пожаловать завтра в понедельник, 10 ноября, к нам, против Академии худ-в, во 2-м часу пополудни, куда и я прибыть намерен к тому же времени из Департамента. Захвати «Шуйского». Важно будет. Но только если «Шуйский»! у тебя, а не ин — где. На деньках, и время не смущающа изберем, коли «Шуйский» не у тебя. Обнимаю. А вечером, завтра к Ватсону. — Ж д у и ж д е м.

Модест

Ты на меня не сердись, что напоминаю. Naumini боится, что ты забудешь. Так вот что!

188. Л. И. ШЕСТАКОВОЙ

Петербург, 22 ноября 1875 г.

Голубушка моя, все помню, все делается; в среду не писал, потому что Наумов не видал необходимой личности. Обойдется без поездки к *Ф. Ф.* — ему доложит тот, кому следует. Надеюсь скоро увидеть Вас, голубушка, и сообщить что п о д о б а е т.

Преданный *Мусинька*

22 ноября 1875 г.

Узнал, что назначено на январь 1876 г. — слава!!¹

Петербург, 23 ноября 1875 г.

23 ноября 75 г.

Сен-Санс. «Аида» (Верди). «Сарданапал» (Фаминцына). 15, 19 и 20 ноябр[я] 75 г. в Петрограде¹.

Когда называют автора, а не сочинение его, то (сказывали старые няньки от искусства) автор чего-нибудь да стоит. Ну, пожалуй, будем любезны: да не возникает спора из-за мнения старых няnek от искусства! Кто такой М-r de Saint-Saëns? — известно, отчасти из газет, не то из частных рассказов. Что делает М-r de Saint-Saëns? — утилизирует камерную миниатюру и доходит в этом деле до такой стойкости, что являет в богатых оркестровых силах крошечные мыслишки, навешанные крошечным стихоплетом, и называет эту крошку «Danse macabre». Мозговое направление М-r de Saint-Saëns было в состоянии переработать такую неудобоваримую мысль (соображение — что ли?), как сопоставление давящей и щемящей «*Dies-irae — danse macabre*» аббата Листа сентиментальной миниатюрке «*Violino — solo — danse macabre*» М-r de Saint-Saëns. С мозгами кончено. Но по какой причине эти мозги кинулись в программную симфоническую музыку? Слышно, что мозги наварили оперу под названием «Samson»: это, очевидно, пропаганда за женский труд — (coup de cheveux *) — в России надо бы запретить. Не верю в «Самсона» М-r de Saint-Saëns, как не верю в его новаторские группы. Не музыки нам надо, не слов, не палитры и не резца — нет, черт бы вас побрал, лгунов, притворщиков e tutti quanti **, — мысли живые подайте, живую беседу с людьми ведите, какой бы сюжет вы не избрали для беседы с нами! Красивенькими звуками не обойдете: барыли с удобством передает милому знакомому корнет с бомбошками, и только. Вы, владеющий оркестровыми силами, М-r de Saint-Saëns, Вы — творческая крошка, всеядны до того, что тешитесь разными «trio, quartetti, quintetti» и т. д., по арифметике. Новаторствующий М-r de Saint-Saëns! Всеми мозгами моего черепа я отрицаю его; всей силой биения моего сердца — отталкиваю! Утилизатор миниатюры, что нам за дело до него!

То ли дело maestro-senatore Verdi! ***. Вот этот крупно валяет, постесняется сей новатор. Вся его «Аида» = *a ÿ - ð a!* — всего, ото всех и даже от себя самого. Уложил «Троватора», «Мендельсона», «Вагнера» — чуть не Америго Веспуччи. Спектакль чудесный и баснословное бессилие в воплощении (реминисансами-то!) зубами цапающей африканской крови.

«Сарданапал» Фаминцына: дважды слышал². Нарушаю уважение к канцелярским принадлежностям, заменяющим нам с большим

* Стрижка волос (*фр.*).

** И всех прочих (*ит.*).

*** Маэстро-сенатор Верди (*ит.*).

удобством средневековых пажей и гонцов, нарушаю по той причине, что пишу об опере «Фаминцын», сочиненной Сарданапалом в тот момент, когда Сарданапал пал³. Полнейшая невменяемость.

Очень утешен Вашим толчком публики в «Голосе» по поводу постановки «Аиды»⁴. Посылаю Вам, дорогой мой, послание к Бородину⁵. Если бы можно, с Вашим содействием, вытащить из чайной чашки или самовара там, что ли, перекладку его тузовой симфонии⁶. Спор у Голицына сплет⁷.

Обнимаю Вас

Мусорянин

190. П. С. СТАСОВОЙ

Петербург, ночь с 23 на 24 ноября 1875 г.

Голубушка моя, барыня, вот мы нóне как: даже рукописью соизволили! Родная моя, ведь сколько хорошего Вы мне этим сделали! И чтобы я не отъявился в Вашу милейшую семью, о чем давно мечтаю, тому не верю и верить воспрещаю. Отъявимся по дороговому зову и учиним, как грешная душа велит¹.

Радующийся *Мусорянин*

23/24 ноября 75 г.

191. Л. И. ШЕСТАКОВОЙ

Петербург, осень 1875 г.

Дорогая моя голубушка, Людмила Ивановна, письмо en question*¹ послано давно уже. На сих самых днях забегу к Вам, родная. Будьте здоровы: Ваше здоровье не только Вам, а и нам всем драгоценно.

Мусинька

Писал чуть не на спине у посыльного, как встарь делали исправники на спинах сотских.

Тот же *Мусинька*

192. А. А. ГОЛЕНИЩЕВУ-КУТУЗОВУ

Петербург, 9—11 декабря 1875 г.

Мой милый друг Арсений, что бы это было, родной ты мой, надо нам свидеться во всю мочь, тащи себя с своими детками, «не мни родимый вчуже быти — только соблюди сердца любящая». Сколько дела, сколько отвращения и беспутства и надежд-желаний больших (страшно

* К вопросу (*фр.*).

вымолвить!) — а ты, родимый мой, не в правду учинить изволил. С чего бы это случилось с тобою? Аль мне открыться? Слушай — изволь: ты **мне** люб, с тобою мне ладно; не кланяйся князю мира, а голову повыше держи и воспомяни: полно, так ли? Сей день — среда (10 декабря) ждем — когда соизволишь, пожалуй к нам, да и детенышей твоих добрых приведи — изволь: очень уж горазд я на беседу с ними.

Приезжай, когда хочешь; приезжай, если хочешь, а тебя любим — это повторяю.

Твой, без сомнения,

Модест Мусоргский

9/10 декабря ночь 75 г.

Под впечатлением первых твоих стихов на сюжет «Danse macabre» есть нечто, я говорю о теме «Изгнанник»¹.

Мусоргский

10—11 декабря — опять ночь.

Вот что вышло, милый друг Арсений: я оказался не я, не решился послать тебе письмо и получил жестокий выговор от моих милейших хозяев. Умоляю тебя: пойми и, если можешь, сердцем (еще бы нет!) — ты избранный, тебя нельзя не любить, — что же ты делаешь? На этой неделе есть пятница — ждем тебя, друг.

Твой, всегда, без сомнения, твой

Модест

193. Л. И. ШЕСТАКОВОЙ

Петербург, 17 декабря 1875 г.

Дорогая Вы моя, голубушка, мороза испугался и не рискнул вечером к Стасовым выехать, тем более, что у Генерала поздно сидят. Спасибо Вам, дорогая, что при okazji черкнули слово «Мусинька»¹: оно мне теплом и любовью веет, и никому, кроме Вас одной, не отдам я его.

Выслушайте спокойно: против меня в Министерстве завелась пошлая интрижка²; не мытьем — так катаньем пронять хотят. И провали. Только на поверку-то вышло, что, замученный, я прелесть какую хорошую вещь для «Хованщины» придумал³. Расскажу лично Вам на этой же неделе. Этакое непробовано, и эффектно, и по истории непротивно, — это вот сию самую минуточку работать надо. А присказка моя вот такая. Все

люди — человеки; человек любит устоя. Надобен толчок, а то дрожжи застоятся, пусть бродят и исполняют свое назначение. К Ф. Ф. писать еще преждевременно. Целую Вашу ручку, моя голубушка.

Тот же *Мусинька*

17 декабря 1875 г.

194. А. А. ГОЛЕНИЩЕВУ-КУТУЗОВУ

Петербург, ночь с 23 на 24 декабря 1875 г.

Друг мой Арсений, тихо в теплом, уютном жилье, за письменным столом — только камин попыхивает. Сон — великий чудотворец для тех, кто скорбь земли отведал, царит — могучий, тихий, любящий. В этой тишине, в покое всех умов, всех совестей и всех желаний, — я, обожающий тебя, один тебе грожу. Моя угроза незлобива; она тиха, как сон без кошмара. Не домовым, не привиденьем я стал перед тобой. Простым, бесхитростным, несчастным другом хотел бы я пребыть. Ты избрал путь — иди! Ты презрел все: пустой намек, шутливую скорбь дружбы, уверенность в тебе и в помыслах твоих — в твоих твореньях, сердца крик ты презрел — презирай! Не мне быть судьей; я не авгур, не прорицатель¹. Но, на досуге от забот, тебе только предстоящих, не позабуди

«Комнатку тесную, тихую, мирную»,

«и меня, мой друг,
не прокляни»².

Навсегда твой *Модест*

23/24 декабря 75 г.

ночью, «без солнца»

195. В. В. СТАСОВУ

Петербург, ночь с 29 на 30 декабря 1875 г.

Мой хороший généralissime, Вы уже и усомнились, чего доброго, о Мусорянине. Второе действие нашей «Хованщины» готово — писал на праздниках, воистину ночь напролет. Кажется, вышло. Ну, разумеется, притащу в воскресенье (Вы ведь приказать изволили не соблюдать 2-е января: бог Вам судья, а только как Вам угодно — «излюбленному в подчинение») ¹.

Вот что, дорогой Вы мой, заплутался мальчик со всякою охотой да со всяким желанием. А заплутался не кто другой, а господин Арсений Кутузов-Голенищев-граф — и вот в каком разе: жениться выдумал! Да ведь неспроста, а говорит в самом делешном манере. Еще один

«в побывку, на родину»², чтобы не вернуться. Господи! тут косности чиновной предаешься, ловишь всяким ухватом мыслишку (и рад — поймал!), а люди, этой чиновной косности не предающиеся, женятся, но быв искушены достодожно³. Я попросту выбрал Арсения и ему же, Арсению, жестоко надерзил. Будь, что будет, а лгать не мне. Звал к невесте (я ее знаю) — не поеду; иначе солгу. Я не хочу того, что он делает — и не поеду, вот и все. Он говорит, что полюбил ее, — а я все-таки не поеду. Не надо.

Такие дела меня еще больше работать нудят. Один останусь — и останусь один. Ведь умирать-то одному придется; не все же со мною прейдут. Досадно, *généralissime*, на Арсения. А третье действие начеку⁴. Теперь легко.

Конечно и всегда *Мусорянин*

Ночь 29/30 декабря 75 г. В Петрограде.

196. Е. К. АЛЬБРЕХТУ

Петербург, конец 1875 г.

Милостивый государь,
Евгений Карлович,

искренно благодарю Вас, и в Вашем лице уважаемое С.-Петербургское Общество квартетной музыки, за Ваше любезное приглашение и доставленную мне возможность ознакомиться из «Устава» и «Отчета» с благими целями и деятельностью уважаемого Общества¹. В моем сочувствии этим целям не полагаю ни малейшего сомнения.

Прошу Вас, милостивый государь, быть уверенным в совершенном моем уважении.

М. Мусоргский

1876
гог

197. Д. В. СТАСОВУ

Петербург, 1 января 1876 г.

1 января 1876 г.

Милейший Димитрий Васильевич, Ваше дружеское приглашение не застало дома чиновника Мусоргского, ушедшего на службу. От этой беды и произошло, что я, Мусорянин, не мог попасть в Вашу

милейшую семью встретить Новый год. А в руках был и есть целый 2-й акт «Хованщины». Ночью принялся за 3-й акт и пишу его усердно. Великое благодарение голубушке барыне за хорошее чувство к Мусорянину. Если не дадите весточки, милейший Дмитрий Васильевич, то позвольте считать за дозволение прибыть к Вам на этих самых днях с «Хованщиной». Крепкий поклон милейшей барыне и деткам.

Ваш Мусорянин

198. Д. В. СТАСОВУ

Петербург, 3 января 1876 г.

Милейший Дмитрий Васильевич, завтра, в воскресенье, в 9 ч. веч., прибыть намерен в Надеждинскую ул.¹, во всю нашу прыть, и с «Хованщиной». Хотелось бы сегодня 3-й акт до половины довести². Кланяюсь много раз барыне и деткам.

Ваш Мусорянин

Суббота 3 янв. 76 г.

Пишу с служебного поприща.

199. Л. И. ШЕСТАКОВОЙ

Петербург, 17 января 1876 г.

Голубушка Людмила Ивановна, вот о чем просить буду. Мы с Бородиным хотели бы к Вам попасть в четверг 22 января к 8 часам вечера, с целью Вас повидать и бородинскую героическую симфонию посмотреть¹. Буде не затрудним Вас, голубушка, разрешите нам — ведь все хорошие музыкальные дела у Вас заводились и у Вас делались; я, как кот, к дому привыкаю. Бородин от себя войдет к Вам с челобитною.

Дедушку видел в начале недели, — все хорошо². На днях жду, что встанет на ножки, и тогда я прямо с письмом в шкатулку³. Думается, если четверг состоится, доложить Вам лично обо всем. Только, если возможно, четверг ни-ни, никого, кроме нас двух. Жалею людей, отходящих от «сей юдоли плача и скорбей», но если они находят, что так надобно, ничего ни сказать, ни поделать не могу⁴. В том страшном, о чем Вы пишете, голубушка, никто ничего не знает, думать об этом не надо — беспечно⁵. Берегите себя от единичных людей, — Вы необходимы обществу, не поддавайтесь томящему чувству; хлопните крылышками, да молодцом-пташкой и воскликните: «не попустим»⁶. Так-то, моя дорогая голубушка; помните, Вы искусству нашему надобны, Вы трижды дороги нам. Берегите себя.

Мусинька

Петербург, 12 февраля 1876 г.

Мой дорогой *généralissime*, спасибо Вам за чудесное письмо по поводу «спора князей» в «Хованщине»¹. Это редкий час в моей жизни. Не обинуясь и с полною искренностью говорю: *благодарен* за то великое слово, что в речи людей больших и лучших меня звучит, — уважаем! Вы, быть может, сами знаете не совсем про оживление мое от этого слова, сказанного неизменным человеком, мощным борцом за самостоятельность мысли и задач в искусстве, за *вечность искусства**. Вспомните обрадовавшую Валего Мусора статью о впечатлениях Ваших от Лондонской всемирной выставки (1-й) в «Современнике»³. Спасибо Вам, дорогой мой! А цели и задачи наши в «споре князей» родственны (я много подумываю теперь), кроме появления Марфы — об этом при свидании в воскресенье.

Вот что, славный Вы мой; я сейчас от О. А. Петрова. Буде скульптор Лаверецкий преследует ту же мысль — может пожаловать к Осипу Афанасьевичу (дома постоянно) в Малую Подъяческую, д. Берта, № 10, и лепить ожившего художника⁴, что на смертном одре роли свои до зóром обходил, а свидетель тому пишущий сия. Пусть Лаверецкий заберет всю силу и передаст потомству дорогого нам Осипа Афанасьевича.

Как выросло требование общества перед современными русскими художниками! Великое знамение страшного времени всесословного недовольства! И как несносны, стар и верны художники, коснеющие в кабинетном труде и четырехстенных мечтаниях. О, «Анджело»! — *Dixi* **.

Крепко обнимаю Вас, дорогой мой, а 3-й акт тоже помышляется — нет ему помехи от возрождения 2-го акта⁵.

Ваш Мусор

12 февраля 76 г.

Мой хозяин Наумов Вам усердно кланяется. Он в восторге от Вашего письма; я не выдержал и читал при нем; а в восторге он от того, что замечаете и блюдете нас малых ***⁶.

201. Л. И. ШЕСТАКОВОЙ

Петербург, ночь с 28 на 29 февраля 1876 г.

Голубушка Людмила Ивановна, утешили Вы меня Вашими шибкими, славными посланиями¹. Правда, так, голубушка! Должны оставаться меж людей настоящие люди, когда «игра на обман» гнетет и болей

* Я опутан самыми дрянными сплетнями² (примеч. М. П. Мусоргского).

** Я высказался (лат.).

*** Приписка сделана вверху нанскось.

заставляет. Все (почти) «играет на обман» в наше пресветлое время развития всего, чего хочешь, кроме человечности. Не заглазная, а наглая измена («à bout portant» лучшим, живым, всеильным замыслам искусства совершалась в том самом очаге, где когда-то кипела новая жизнь, единились новые силы мысли, обсуждались и ценились новые задачи искусства. Но не подвигнемся на Ц. Кюи и Н. Римского-Корсакова: «мертвые бо сраму не имут»². Все, писанное здесь, почувствовалось и созналось в Вашем доме, дорогая моя. «Истина не любит ложной обстановки». Лжи не было у Вас, у нас, у них — и стены самые не лгали в тот приснопамятный вечер: все было правда, и какая правда! — отречение господ названных (Кюи и Корсакова) от завета искусства — «по правде» беседовать с людьми.

В пятницу 5 марта я неизменно Ваш, голубушка; сдается, Бородин не выдаст: поздно и незачем. О, если бы Бородин озлиться мог!

П. А. Наумов благодарен Вам, родная, от всего сердца, хотел сам известить Вас, да загриппел, — теперь понемногу отгриппывается. А как я ему прочел Вас, вспыхнул и много по комнате заходил: какая, — молвил, — Людмила Ивановна чудесная, хорошая! Ах, Вы, голубушка (это он про себя). Я же на своем поставляюсь: Ваш Мусинька, да и только.

28/29 ночь, 1876, г. Питер.

В пятницу 5 марта, к Вам прямо из должностей, голубушка, т. е. в 5 часов.

Ваш *Мусинька*

202. Н. П. МОЛАСУ

Петербург, 9 марта 1876 г.

Милый друг Николай Павлович, в четверг, 11 марта, меня запрягают в студенческий концерт¹, а потому на этот раз не могу как бы хотел ответить на твой дружеский зов. Значит, до скорого будущего случая. А барыне милейшей ручку все-таки поцелуй, да и Бориса потрепли чуточку.

Твой *Модест Мусоргский*

9 марта
76 г.

203. Н. П. МОЛАСУ

Петербург, 14 марта 1876 г.

Мой милый друг Николай,
отменно рад побывать у Вас и, следовательно, во вторник, 16 числа, буду.
Обнимаю тебя, друг. Милейшей барыне передай мой искренний привет.

Твой *Модест Мусоргский*

14 марта
76 г.

204. Л. И. ШЕСТАКОВОЙ

Петербург, вторая половина марта 1876 г.

Голубушка Людмила Ивановна, постараюсь устроить все как следует.
В среду на 6-й неделе буду у Вас, родная, прямо со службы. Простите,
голубушка, тороплюсь, а потому краток. Вó как тороплюсь!

Мусинька

205. Л. И. ШЕСТАКОВОЙ

Петербург, 27 марта 1876 г.

Голубушка моя, Людмила Ивановна, с Петерсеном, по поводу инструмента, сделано¹. Надпись, избранная нами, будет сделана на внутренней стороне доски, приходящейся над пюпитром. Буквы металлические будут выступать en relief* над деревом и покроются более темною краскою; деревянных букв он, сиречь Петерсен, нам не посоветовал, и это основательно: полопаться и поломаться могут, да и грубее бы вышло. Итак, на дедушкином инструменте будет красоваться:

Завиден дар певца высокий:
Все тайны неба и людей
Провидит взор его далекий².

Петерсену и идея и самый текст очень понравились.
Строки будут устроены так, как написаны, т. е. прямолинейно.
Вот и все, голубушка моя, дорогая. А я все тот же

Ваш *Мусинька*

27 марта 1876 г.

* Выпукло (фр.).

206. О. А. ГОЛЕНИЩЕВОЙ-КУТУЗОВОЙ

Петербург, 9 апреля 1876 г.

Наш светлый друг, графиня Ольга Андреевна, благословите Вашим чистым сердцем «юную персидку» и дозвоьте над этим музыкальным капризом надписать Ваше светлое имя¹.

С едва остывшим нотным письмом «персидка» была мною исполнена в ночь на светлый праздник у дедушки О. А. Петрова, в первый раз в жизни своей принужденного остаться дома одиноким, когда вся его семья встречала праздник в церкви. Я, одинокий, понял это и сделал, как надо.

Для Вас, графиня, нет сомнения в том, что «юная персидка» явилась на свет еще для немногих видимой, на 4-е апреля 1876 г. Я слышал, что лет 17 тому назад, также на 4 апреля, явилось в мир людей одно светлое существо, в то время для немногих зримое. Боюсь, я понят ли?

Преданный Вам

Модест Мусоргский

9 апреля 76 г. П-бг.

207. Н. П. МОЛАСУ

Петербург, 12 апреля 1876 г.

Милый друг Николай Павлович, пусть милейшая барыня действует, как угодно ей¹; я только радоваться буду и останусь неотъемлемым слугою искусства.

Поклон Вам шлю презрядный.

Модест

12 апреля
76 г.

208. Л. И. ШЕСТАКОВОЙ

Петербург, 19 апреля 1876 г.

Голубушка Вы моя дорогая, Людмила Ивановна, вот что, родная: 1, о жандармах не наше дело, а дело полиции, как она сама признает в том надобность; 2, ничего из Ваших милейших поручений (последней стадии) не исполнил, за невозможностью, по той причине, что хворости гг. артистов (истинные) помешали дедушке попробовать себя до юбилейного спектакля. Впрочем, наше мнение остается intacto*: после такой геройской болезни за геройский поступок, — да предстанет дорогой де-

* Неизменным (лат.).

душка во всеоружии, с одра болезни, прямо в свой 50-летний юбилей. По поводу времени овадий во время спектакля потолкуем еще: конечно, приличнее после 4-го действия, и именно в первой картине эллилога, как мы с Вами, родная, и говорили. Сегодня и завтра увижу Кондратьева Геннадия, и переговорим еще и еще¹. Голубушка моя, как вчера удалось концертное утро в пользу студентов-технологов! У дедушки решил не быть до самого юбилейного дня. Великий Вам, родная моя, ремерсмент за анонс о ложе; буду помнить, голубушка, и возымею честь представиться Вам². Всю эту неделю братишком моим отвлекался³, — вот почему и не попал к Вам.

Преданный *Мусинька*

19 апреля 1876 г.

209. Л. И. ШЕСТАКОВОЙ

Петербург, до 21 апреля 1876 г.

Дорогая наша голубушка, Людмила Ивановна, я не хозяин там, где Вы хозяйка. В Вас, голубушка, живет для нас всех, нам всем свято дорогой, брат Ваш Михаил Иванович. Дело идет о памятнике великому творцу — прочтите прилагаемое, и хорошо, если бы Дяинька прочел и, в чем надобно, исправил¹. По корректуре сей прошу мне дать ответ немедленно. (Вот какой я дерзкий!) Это историческая статья.

Ваш душою *Мусинька*

Тут вся натура Дедушки, всегда не официального, а домашнего, для того, чтобы уметь говорить с людским обществом по художеству

Утверждает *Мусинька*

210. Л. И. ШЕСТАКОВОЙ

Петербург, 27 апреля 1876 г.

Голубушка наша, дорогая и славная Людмила Ивановна, Ваше письмо на 27 апреля мне в мозг ударило и гневен я теперь¹. Вас, славную, любящую, собравшую некогда под Вашим теплым крылом музы-

кальную семью молодых русских сил, для общения в искусстве, для науки, — Вас, непрестанного и неуклонного провозвестника народных исторических заслуг Вашего гениального брата, давшего музыкальное откровение русской земле, — Вас, неприкосновенную, тревожат в светлые дни задушевного народного торжества искусства и плетут дрянные мелочи, — за то, что торжественное поклонение славному сподвижнику М. И. Глинки одною Вами задумано год тому назад, и ныне со славою и достойно исполнено; за то, что славный и дорогой России всей О. А. Петров ныне чествуем, как никогда, никто на Руси на художественном поле; за то, что Вам одной судьба вручила венок, «им же» Вы открыто, пред торжественным собранием представителей русского музыкального дела венчали бессмертием бюст славного Петрова, народной волей освященного². Честь Вам и слава! Отрекитесь от мелких пустозвонов, от черствых себялюбцев, — им тут места нет. Утешение и святое оправдание Ваше в народе, освятившем в 21 день апреля 1876 г. дорогу и славную личность дедушки О. А. Петрова и напомнившим мелким пустозвонам о другом славном сподвижнике М. И. Глинки — Анне Яковлевне Воробьевой-Петровой, по праву освященной тем же народом. Правда сказала: народ так хотел, сознал и сделал.

Ваше светлое имя, уже занесенное в летописи искусства, блеснит теперь на веки веков в этих летописях достойным, сердечным признанием. Отбросьте же недостойные Вас и Вашего святого дела мелкие, людские дрязги! Но, если возможно, благословите Вашу светлую любовью мое сердце и мысль мою, дрогнувшие, когда в Вашем письме на 27 апреля появились строки: «Не раз пришлось мне прочесть подпись на Вашем портрете»³.

Завтра, в среду, родная моя, забегу повидать Вас — еду к дяньке Никольскому. Ради господа, — сберегите Ваше сердце, и да будет спокойна и светла Ваша мысль.

Всегда тот же *Мусинька*

27 апреля 1876 г.

211. Н. А. РИМСКОМУ-КОРСАКОВУ

Петербург, ночь с 15 на 16 мая 1876 г.

Друг Николай Андреевич, в понедельник (17 мая) прибуду к Вам в 8 ч [асов] вечера. Нам надобно видеться — что за вздор! Пребольшое мне утешение Ваша задача, друг, передать русским людям и иным русскую песню¹. Благословенная, историческая заслуга. Ведь пропасть могла бы она, родная, стеряться вóвсе; а когда подума-

лось, что умелый русский взялся за такое святое дело, так радуешься и утешение нисходит. Не забудьте, что при участии науки сближение на-родностей есть аксиома, их взаимное познание тоже аксиома. В цивилизованной семье народов голые немислимы — надо быть одетым. Если каждый принесет ниточку на эту необходимую одежду, спасибо ему; а Вы, друг, целый настоящий *costume* тащите. Так вот что. Вам некогда, да и мне спать пора. Обнимаю Вас, друг. Милейшей барыне и де-точкам мой сердечный привет².

Модест

15/16 мая — ночь
1876 г.

212. В. В. СТАСОВУ

Петербург, 15 июня 1876 г.

Дорогой мой *généralissime*, Вы в первый раз изволили напугать Мусорянина, а изволили это сотворить тем самым, что как будто прогнева-лись. Мусорянин едва ли вызвал Ваш гнев, но если это так — верьте, до-рогой мой, что Мусорянин с любовью примет и выдержит этот гнев. С некоторых, довольно давних, пор Мусорянин стал предметом каких-то сомнений, подозрений, предположений и всех этих *tutti quanti* уездного досуга. Мусорянин работает — ему только для работы покой нуж-жен. «Хованщина» слишком крупная, слишком необыкновенная задача: Вы, *généralissime*, я убежден, не подумали, что Ваши замечания и пред-ложения были мною приняты не по-мусорянски. Я приостановил работу — я призадумался, и теперь, и вчера, и недели тому назад, и завтра все дѹма — одна дума выйти победителем и сказать лю-дям новое слово дружбы и любви, *прямое и во всю ширь рус-ских полян*, правдой звучащее слово скромного музыканта, но бой-ца за правую мысль искусства. Вот и сегодняшнее Ваше письмо: я опять задумался. Предложение Ваше *кричит* о чем-то хорошем; раскинуть мыслью надо, и уже есть програмка по поводу Марффы. Кстати, спасибо, что мы поняли Марфу и сделаем эту русскую женщину *чистою*¹. Но пафос хорош, уместен в трагизме Марффы и, что греха таить, выгоден му-зыканту. Спасибо Вам. Так или иначе, а я задумался, и если Вы тот же (Вам меняться — преступление), дело наше еще шибче пойдет, а идет и так шибко. Вот то, что после долгой разлуки сказать Вам желал я, до-рогой Вы мой; вот теперешний, не прежний

Мусорянин

Еще кстати: до сих пор судьба хранила меня. При теперешних в общих порядках мало ли чего ждать следует². За это время, много действуя на клавикордах, я начинаю приходить к убеждению, что если велено будет снискивать насущный хлеб бряцанием — сумеем³. Еще кстати (*пassez moi ça**) я, за это время думая, отдохну на народных картинках — очень настроен на это⁴. Ну, и чтобы сомнений не было, *généralissime*, что за беспутный вздор!

Ваш всегда *Мусорянин*

76 г.

15 июня. День
св. Модеста

213. Л. И. ШЕСТАКОВОЙ

Петербург, 15 июня 1876 г.

15 июня 1876 г.

Дорогая моя голубушка, Людмила Ивановна, сердечное Вам спасибо за весточку¹. Я за это время уединился, — надо было, сама природа приказала. В уединении много подумалось о «Хованщине», и многое не так, как быть должно, найдено². При свидании все объясню. Я почти никогда не доволен собою, но теперь более, чем когда-либо, склонен думать, что роль моя поболее в уединении и поболее сосредоточения искусства для. Замотался за зиму и весну совсем старый мальчуган. Это, конечно, не причина от Вас, родная моя, и хороших людей уединяться. Напротив того, с полною свежестью и бодростью предстану исполнителем Ваших добрых и всегда дружеских намерений, а к дедушке славнейшему съездим, как приказывать изволите. Здоровеньки будьте, родная моя, голубушка. На днях забегу.

Ваш *Мусинька*

214. Л. И. ШЕСТАКОВОЙ

Петербург, 18 июня 1876 г.

Голубушка моя дорогая, Людмила Ивановна, я скорешенько Вам ответик написал, и вчера он должен был находиться в Ваших ручках¹. Я описал, сколь занят теперь «Хованщиной». Благодарю за весточку², и изобразил полную и совершенную готовность принять Ваше приказание

* Простите мне это (*фр.*).

по посещению славнейших Петровых, словом, все учинил, как Мусиньке надлежало. В самой скорейшей скорости явлюсь к Вам, голубушка, а то ведь уже давненько не видал. Будьте здоровы, дорогая моя голубушка.

Ваш *Мусинька*

18 июня 1876 г.

215. В. В. СТАСОВУ

Петербург, 14 июля 1876 г.

Дорогой *généralissime*, Людмила Ивановна писала Вам, что желает нас с Вами получить к обеденной трапезе 14, 15 июля, а меня просит уведомить Вас, что и 16 июля в Вашем милейшем распоряжении.

Памятуя, что 15 июля ВАШ ДЕНЬ¹, и радуясь, что в один из предложенных трех дней мы с Вами хорошенько побеседуем о хороших делах, дерзновенно мечтаю — коли бы избранный Вами день был ВАШИМ ДНЕМ; а сколько с этим хорошим днем соединено чудесных, живых воспоминаний!

Известите, милейший *généralissime*, Людмилу Ивановну и Мусорянина об избрании Вашем из трех дней, да скорешенько.

Ваш *Мусорянин*

Среда 14 июля
10 час. утра.

Для меня все три дня в Вашем распоряжении — я свободен. Я припомнил, что Вам в среду нельзя.

216. Л. И. ШЕСТАКОВОЙ

Петербург, 24 июля 1876 г.

Голубушка моя дорогая, Людмила Ивановна, Мусиньку прошу считать на 28 июля (среду) Вашим для Вас и для Петровых. Балуетый Вами, голубушка, седой юноша все это время так и пышет музыкальной работой: еще для «Сорочинской» хорик дивчат приобрел, а в «Хованщине» явно стало, как чему быть в сцене рассказа подъячего стрельцам о рейтарах¹. Ладно! Вчера кушал и вечерял у *généralissime*, был Релин, и обрадовались мы друг другу. Было прекрасно. Да, бишь, префизиономную штуку для пастора в «Хованщине» придумал². Вот как! До скорейшего свидания, голубушка моя дорогая; здоровенька будьте, а Мусинька Ваш очень Вас приветствует; в среду будет исполнено, как приказывать изволите.

Ваш *Мусинька*

24 июля 1876 г.

Царское Село, 2—6 августа 1876 г.

Царское Село, Новые места,
дача Жуковского № 7.
2 августа 1876 г.

Дорогая моя голубушка, Людмила Ивановна, вот я и переселился! Дача превосходна до того, что деревья крадутся в окна и нашептывают, что именно, — не знаю, но, кажется, хорошее что-то нашептывают. Дай бог, с этими добрыми и мирными друзьями, хотя, подчас, и шумливыми, сделать то, что сильно желается, достигнуть «тех» дел — о них же только мечтаешь. При здоровом теле и, даст бог, нравственном спокойствии, пожалуй, «Хованщина» мною не побрезгает. Теперешнюю ночь почти не спал на «новых местах»; за вечер ходили много с Н. — верст 5—6 исходили, да все в лучших местах. Довольны были оба до зела, а обоим нам не спалось: тишина; вдали то труба стрелочника на чугунке звучит, то «собачки» сторожевые свою должность облаивают; а тут, как арфное *glissando* пробежит дремотой шелест листвы, ну, и не спалось. Еще бы! Вдобавок «незримая луна» сквозь эту листву прямо к изголовью крадется, нежно, тихо крадется. После «должностного» петербургского шума, после столичной бесшабашной суетни не отдыхаешь, нет, сначала раздражаешься: зачем нет этого шума, зачем и куда умчалась суетня. Вчера, сидя под кущами на балконе, я был утешен шутливой песенкой проходившего праздничного люда. Песенка игралась под гармонику: запомнил песенку, но остановить гулявших и попросить содержание песенки церемонился и жалею теперь. А сидел я на балконе, обдумывая «Хованщину», — придумалось. Лишь бы отпуск дали, — кажется, загарцуем по нотной бумаге². Пора! Все почти сочинено, надо писать и писать. Вот только толкание на службу дорогу перебегает.

Родная моя голубушка, хотелось с Вами побеседовать, как в душе таится, — вот и побеседовал. До следующего скорешенького разика. Здоровеньки будьте, голубушка моя дорогая.

Ваш *Мусинька*

Уделите по моему адресу весточку о Вас, родная, Мусиньке очень этого хотелось бы.

6 августа 1876 г.

Сцена с пастором написана, и дальше ходим.

Голубушка, Людмила Ивановна, получил Ваше письмо³, 18 августа (в среду) прямо со службы прилечу к Вам, дорогая Вы наппа. А что не

забываю любимых мне, — доводом служит письмо прилагаемое. 1 августа переехал, а 2 августа отписал. Не послал письма по моим грешным причудам. «Хованщина» вельми пишется. Ладно мне, и роляй имеем.

Душою Ваш всегда
Мусинька

Значит, до 18 августа (среды), голубушка.

218. В. В. СТАСОВУ

Царское Село, 13 августа 1876 г.

Царское Село, Новые места. Дача Жуковского. № 7.

Дорогой мой *généralissime*, только со мною бывают такие приключения: представьте себе, что написанные мною два письма к Вам о моих музыкальных делах — вчера, в бурю, умчало нивесть куда вместе с доброю пясточкой конвертов! Что делать? Я писал Вам, что работаю усердно (от 2 авг[уста]), что сцена с пастором сделана (от 6 авг[уста]), что необходимо наметить, насколько указывает история, портрет Голицына во 2-й картине «Хованщины» для того, чтобы можно было воспользоваться сценою у Ив[ана] Хов[анского] в 5-й картине, во время «домостройной» трапезы. Сценою с пастором, я думаю, Вы будете довольны, дорогой мой. Как только доведу кабинет Голиц[ына] до квинтета, т. е. финала картины¹, тотчас примусь за окончание 3-й карт[ины] (стрел[ецкая] слобода), а квинтет буду писать в Питере под руководством Р.-Корсакова, ибо технические требования бедовы: альт, тенор и 3 баса².

В среду, 18 авг[уста], по зову Людмилы Ивановны, надеюсь с Вами увидаться и ладно побеседовать. Да, пожалуй, захвачу и 2-ю картину «Хованщины» — посúдите о пасторской аудиенции и о том, что уже дальше пишется. Сегодня, вероятно, уж Досифей придет на совещание³, а там материалы готовы. Но вот о совещании-то мы с Вами, дорогой мой, и побеседуем: надо сделать очень сжато, но существенно, а в Вашей милейшей помощи Мусорянин никогда отказа не имел и, Вами избалованный, вновь к Вам обращается. Лишь бы совладать мне с этой 2-й картиной нашей «Хованщины», а дальше дело пойдет успешно, я надеюсь. Теперь ясно, что 2-я картина есть рычаг для поворота во всей драме, суеятихся партий.

Дача превосходна; воздух чудесный, гуляем верст 5—6; но нервы иногда мучают. С этим, впрочем, надо уже на всю жизнь помириться. Все-таки работа идет и идет вперед с улучшениями, — словом, как долж-

на идти настоящая работа, а не стряпня какая-нибудь. До скорого свидания, дорогой мой, дайте мне весточку, — ведь Вы знаете, что Ваша беседа меня укрепляет в борьбе и работе⁴.

Ваш *Мусорянин*

Привет мой всем Вашим и А. В. Мейеру.

219. Л. И. ШЕСТАКОВОЙ

Царское Село 31 августа 1876 г.

Царское Село, Новые места
дача Жуковского № 7.
31 августа 1876 г.

Голубушка моя дорогая, Людмила Ивановна, только что собрался побеседовать с Вами, как Вы меня уже пожурили, родная, за молчание¹. А хотел и отписать не попросту, а с затеей маленькой, что, мол, бесконечно безалаберный Мусинька второй акт «Хованщины» написал². Ну, нечего делать. Сегодня допишу акт, а по сердцу, насколько его у меня осталось, знаю, что журит только тот, кто любит. Что танть, голубушка, от Вас. В каждом Вашем письме столько светлого живящего чувства, что, имея такую нравственную помощь, миришься, того гляди, с бесчеловечными наростами на современном обществе. Какая Вы неизменно хорошая, голубушка. Теперь примусь за окончание третьего акта «Хованщины». Сочинился цыган для «Сорочинской ярмарки» — такой, имею Вам доложить, хват и плут этот цыган. Обмечтались кое-какие сценки на ярмарке, то грациозные, то забавные. Мерещится немножко любовная сценка Параси с парубками. А сколько я еще мечтаю сделать! Имею «поповские завидующие глаза в музыке».

Что за безысходный траур преследует Н. В. Стасова³. Точно зверь, судьба когтями по кусочку от его сердца отрывает. Ужасно. А пока Вы, голубушка, Вашей любящей душой, покоите раненого человека, судьба паделает Вас мелкими дразгами мелких людишек. Голубушка моя дорогая, пусть жужжат — пускай делают, по призванию, свое дело. От комаров да мошек не упасешься. Ведь кишмя кишат. Где уж тут. Здоровеньки будьте, дорогая моя голубушка. Сердечное Мусинькино спасибо всегда Вам принадлежит. До скорейшего свидания, дорогая моя голубушка, Людмила Ивановна.

Ваш *Мусинька*

Я не верю и думать не хочу, чтобы у нас не было Направника⁴. В России должна быть русская опера — должен быть — Направник, как там чиновники не скрипи. Что за безумие! И думать не хочу.

Мусинька

И. Е. Репин
Портрет В. М. Васнецова

«Протоиакон»
Картина И. Е. Репина

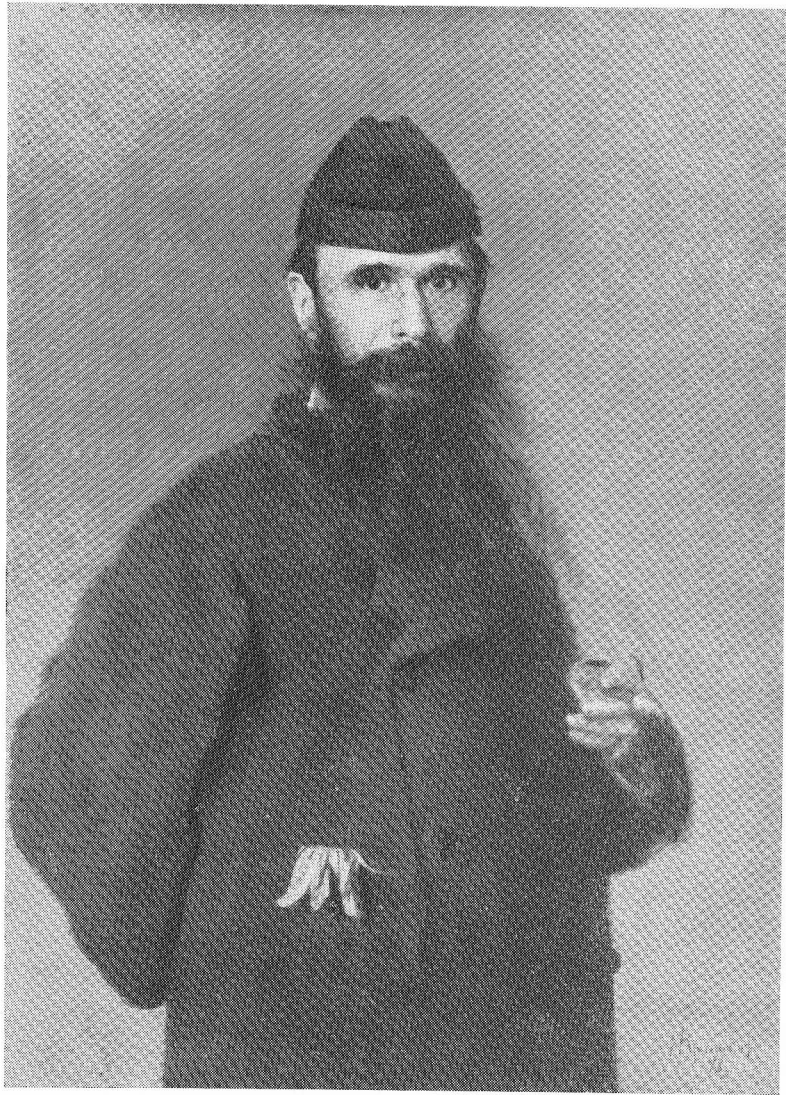
«Мужичок из робких»
Картина И. Е. Репина

«Царевна Софья»
Картина И. Е. Репина

«Осужденный»
Картина И. Е. Репина

Художник Литовченко
Портрет И. Н. Крамского

М. М. Антокольский
Портрет В. М. Васнецова

В. В. Стасов
Портрет И. Е. Репина

220. Л. И. ШЕСТАКОВОЙ

Царское Село, 10 сентября 1876 г.

Царское Село, Новые места,
дача Жуковского № 7
10 сентября 1876 г.

Голубушка моя дорогая, Людмила Ивановна, только что поехал сегодня от Вас, родная, узнал предостовверно, что Направник победил и, слава богу, русское оперное дело спасено¹. Тороплюсь поделиться с Вами, голубушка, этим радостным известием; если бы даже Вы узнали об этом прежде, чем мое письмо придет к Вам, мне по сердцу надобно, чтобы Вы, родная, от Мусиньки, кроме всех других, это известие приняли. Прежде чем продолжать это письмо, получил Ваше, голубушка². Уже не знаю, как величать Вас, родная Вы наша; воистину, вы необыкновенная голубушка; как же? В таких всеильных делах, Вас окруживших, о Мусиньке бестолковом вспомнилось! Родная Вы моя, голубушка, только сердцем можно постигнуть Вашу непобедимую и несокрушимую силу любви к людям, хотя бы многие (и я в том числе) не совсем-то стоим.

Сейчас почта принесла Ваших два письма, голубушка. Представляю Вам, родная, требуемое³.

Работаю много. Удачно состряпалась народная (стрелецкая) сцена «Хованщины» (3-я картина). 16 сентября все, что написано, привезу по чугунке. Душою и сердцем Ваш

Мусинька

Голубушка, забудьте, если можете, но умоляю: забудьте всякие людские нечеловечности и, ради господя, берегите себя, умоляю.

221. А. С. и М. М. МОРОЗОВЫМ

Петербург, 26 ноября 1876 г.

Любезные Александр Степанович и Марья Михайловна, около года уже я не беспокою вас присылкою мне денег, но на основании Вашего последнего письма¹ теперь прошу Вас не позабыть обо мне и прислать к декабрю, сколько можно будет, денег по обычному адресу: С. Петер

бург, у Синего Моста, в Лесной департамент. Модесту Петровичу Мусоргскому. При этом известите меня, как идет, вообще, хозяйственный порядок у нас и почему Вас тревожат слухи о земельных продажах, так как Вам беспокоиться о земле нет причин; если же Вы видите причины, то сообщите мне, в чем они заключаются. Затем кланяюсь Вам и прошу самого обстоятельного ответа².

Модест Мусоргский

26 ноября
76 г. С.-Петербург

На конверте:

Псковской губ. Торопецкий уезд на станцию Межуево. Покорнейше просят немедленно передать в с. Карево управляющему Александру Степановичу Морозову.

222. А. А. ГОЛЕНИЩЕВУ-КУТУЗОВУ

Петербург, 29 ноября 1876 г.

Милый друг Арсений, дал слово обедать у Молас и с ними вечером поехать к А. Н. Энгельгардт. Досадно, друг, что не могу отменить. Если бы графиня тамап дозволила мне завтра увидаться, я прилетел бы к тебе прямо из должностей и это несомненно. Перед Молас забегу хотя на минутку к тебе, если только возможно будет.

Твой Модест

29 ноября 76 г.

223. А. А. ГОЛЕНИЩЕВУ-КУТУЗОВУ

Петербург, осень 1876 г.

Мой милый друг Арсений, буду непременно. Как же это можно не быть.

Весь твой Модест

Петербург, 25 декабря 1876 г.

Вас. остр. 5-я линия. № 10
25 дек. 76 г.

Мой дорогой *généralissime*, я к Вам с челобитною. На углу Невского проспекта и той площади, где хочет упасть микешинская сонетка, есть здание, а на нем, на крыше, сидит Минерва¹. Мои хорошие друзья желают попасть во внутрь этого здания и, более того, как раз в тот отдел, где Ваша милость власть имеет. Почитаю именовать моих друзей: Мария Измаиловна Федорова (под кровом радушного дома барыни живет Мусорянин), Павел Александрович Наумов, маленький Сергей Наумов, — словом, семья, лелеющая меня, грешного. Понеже Вы, дорогой мой, никогда Вашею светлою любовью и пытливым знанием людей не отклоняли, я, Мусорянин, прошу, если только ни на чуточку не затруднит Вас, устройте посещение Вас в Библиотеке в понедельник, 27 декабря. Мне хотелось бы вместе быть с друзьями у Вас; ведь под Минервой, без Вас, холодно и совсем не то. Если можно, две строчки напишите мне.

Теперь вот что: я начинаю отдыхать и, следовательно, работа кипит². Вы знаете, перед «Борисом» я дал народные картинки³. Нынешнее мое желание — сделать *pronostic**, и вот какой он — этот *pronostic*: жизненная, не классическая мелодия. Работою над говором человеческим я добрал до мелодии, творимой этим говором, добрал до воплощения речитатива в мелодии (кроме драматических движений, *bien entendu***, когда и до междометий дойти может). Я хотел бы назвать это осмысленною

мелодией. И тешит меня работа; вдруг, неожиданно-неска-

оправданною занно, пропето будет враждебное классической мелодии (столь излюбленной) и сразу всем и каждому понятное. Если достигну — почти завоеванием в искусстве, а достигнуть надо. Желал бы дать на пробу несколько картинок⁴. Впрочем, задатки уже есть в «Хованщине» (кручина Марфы перед Досифеем) и в «Сорочинской» — обе начеку!

Кланяюсь Вам, *généralissime*,

Ваш Мусорянин V. S.

Еще несколько речей. За это время, волею причин, для меня необъяснимых, я действовал *по-нашему*, *dans les plus hauts rangs**** и завоевал искусству доброе боевое поле. Позиция надежна. Я устал, но действовал праведно и бесповоротно, за это ручаюсь⁵.

Тот же Мусорянин

* Преднаменование (*фр.*).

** Разумеется (*фр.*).

*** В высших сферах (*фр.*).

225. Л. И. ШЕСТАКОВОЙ

Петербург, 25 декабря 1876 г.

Голубушка моя, дорогая Людмила Ивановна, только Вы одна Вашим чудесным любящим сердцем познали, что привелось сделать Вашему Мусиньке в этом сезоне по искусству. В какой степени я послужил искусству, — не знаю; не совсем еще отдохнул, и думы мятутся; но чувствую, что сделал что-то праведное и бесповоротное. Вы одна и только Вы, голубушка, дали мне утешение тем, что вполне поняли меня: теперь только я начинаю сознавать, что был притомлен до безумия. Спасибоушко Вам, дорогая, за извещение о концерте Ю. Ф. Платоновой¹. Какая Вы славная, голубушка Вы наша, Людмила Ивановна. Скорешенько приду повидать Вас, дорогая.

Ваш *Мусинька*

25 декабря 1876 г.

1877₂₀₉

226. П. С. СТАСОВОЙ

Петербург, 11 января 1877 г.

Голубушка барыня, Поликсена Степановна, в среду явлюсь неотложно, только чуточку позже 9-ти часов; от 7-ми до 9-ти часов должен буду находиться при литературных занятиях¹.

В этом маленьком нарушении назначенного времени прошу Вашего милейшего извинения.

Преданный Вам *Мусорянин*

11 января 77 г.

227. А. А. ГОЛЕНИЩЕВУ-КУТУЗОВУ

Петербург, 5 или 6 июня 1877 г.

Милый друг Арсений,
сегодня не могу, а завтра, прямо из должностей, я твой и не один, а с нашим «Полководцем».

Твой *Модест*

228. Д. В. СТАСОВУ

Царское село, ночь с 14 на 15 июня 1877 г.

Царское Село. Новые места.

Дача Жуковского № 7.

14/15 июня 77 г.

Милейший Дмитрий Васильевич, от средоточия моего мозга до самых желудочков сердца благодарен Вам за милейшее сочувствие Modestus'у Мусорянину¹. А я, чтобы время дорогое не терять напрасно, вооружился пером, да и написал № 4 макабры, т. е. смерть как полководец, и так-таки и назвал — «Полководец». А теперь, рванный по службе, под вечер, собрав свои лохмоточки, пишу еврейский хор «Иисус Навин»², если помните — в один из художественных вечеров у Вас, признанный чудесной *m-me la baronne Anna Hinzbourg* за *authentique**.

А там и оперы мои воспрянут. В Заманиловку прилетим: как же можно иначе? Это было бы невесть что такое, если бы да вдруг Мусорянин не посмотрел хорошенечко Вашу милейшую семью в милейшем гнездышке и не подышал, да не потолковал с Вами о хороших предметах в заманиловском саду. В конце июня представлю 4-ю макабру, а быть может, и «Иисус Навин» к тому времени победит совсем ненавистных ему хананеев и также представится Вашему суду (*si Vous voulez bien me donner la permission* **).

По поводу издания моих музыкальных грешков, я бы ценил право собственности на это издание следующим манером: за *четыре* «макабры» — 150 р. и за *три* гр. Толстого³ 50 р.=200 р. Еще раз от души благодарю Вас, милейший Дмитрий Васильевич. Голубушке барыне прошу представить мой искренний привет и деткам также не забудьте сказать, что Мусорянин их очень любит.

Ваш *Мусорянин*

* Г-жой баронессой Анной Гинцбург за подлинный (*фр.*).

** Если Вы соизволите дать мне разрешение (*фр.*).

Р. С. Если прибавка 4-й макабры затруднит, — тем более, что Вы писали Юргенсону о трех макабрах⁴ и знаете их, а о четвертой не упоминали и только в намеках слышали ее, то можно остаться при 3-х макабрах без «Полководца» и в таком разе цена будет: за 3 макабры — 120 р. и за 3 гр. Толстого — 50 р. = 170 р. А хотелось бы издать все 4 «Макабры»: «Полководец», по моему мнению, не хуже «Мужичка». Во всяком случае вполне отдаюсь Вашему взгляду на это дело и еще раз сердечно благодарю Вас, милейший Димитрий Васильевич.

Весь Ваш
Мусоранин

229. Л. И. ШЕСТАКОВОЙ

Царское Село, ночь с 14 на 15 июня 1877 г.

14—15 июня 1877 г. Царское Село

Голубушка моя дорогая, Людмила Ивановна, как лучший друг, как сердце родное, звучит каждая строка Вашего чудесного письма¹. Вы бережете и голубите Вашего Мусиньку, немножко, быть может, не по заслугам; но тем более сильно будет относиться Ваш Мусинька к любимому, избранному делу русской музыки, дабы овладеть этим делом и не прожить непрощеным на белом свете. Самое драгоценное для меня — это Ваше завтрашнее посещение А. И. Гр...й на даче: лучшего привета, дорогая Вы моя голубушка, я бы не только не хотел, но всеми силами моих сил запретил бы поступить иначе, — уж сколько раз я просил Вас беречь себя для нас, для музыкального дела, для Вас самой — словом, для всего мне драгоценного и близкого. И вот, по счастью, в день (его же Вам угодно было мне напомнить)² я радуюсь, что мои сердечные желания начинают осуществляться и что голубушка моя Людмила Ивановна немножко подышит свежим добрым воздухом и, быть может, а то и наверно, с пользою для себя. Вот в этом-то «с пользою для себя, для своего здоровья» и вся суть, как Тредьяковский готов воскликнуть: «восплещем весело ногами и заплещем руками!» Голубушка Вы моя, хорошая, почаще на воздух, почаще, когда только можно — подальше от Питера: умоляю, не бойтесь перехода в столичный воздух. Чем запасетесь на чистом воздухе, то свою пользу принесет Вам. Почаще на воздух, — еще раз умоляю. А 22 июня я Ваш, прямо со службы, без малейшего сомнения, и радехонек буду с Дянькой побеседовать. Чего доброго, и П. А. Лодию можно (*si Vous souffrez la musique, Madame**), тогда бы я привлек только что написанного мною «Полководца» (для тенора), и мы бы под Вашим теплым крылышком посмотрели: «что се за вещь?»

Ваш душою *Мусинька*

* Если Вы переносите музыку, сударыня (*фр.*).

Р. С. Прошу Вас, голубушка, передать письмо Димитрию Васильевичу Стасову по поводу моих музыкальных дел³.

В прибавочек: О ценах за мои музыкальные вещи я написал Димитрию Васильевичу, получив от него милейшее письмо одновременно с Вашим, голубушка⁴. Пользуясь сообщенным Вами сведением, что в четверг Вы увидите Димитрия Васильевича, очень прошу Вас, голубушка, письмо мое на имя Димитрия Васильевича передать ему, ибо сей способ короче почтовых напряжений и вернее. Оба письма к Вам и Димитрию Васильевичу представлю в Ваш дом лично. Если П. А. Лодий мог бы утомить Вас, голубушка, 22 июня, то умоляю отложить это дело. Мы с Вами и с Дянькой сами попробуем «Полководца».

Ваш Мусинька

230. Л. И. ШЕСТАКОВОЙ

Царское Село, 18 июня 1877 г.

Голубушка моя, Людмила Ивановна, радехонек посетить наших славных Петровых и прошу позволения Вам сопутствовать в четверг 23 июня, т. е. на другой день моего нахождения с милейшим дянькой у Вас, родная. Здоровеньки будьте, голубушка.

Ваш Мусинька

18 июня 1877 г.

231. А. А. ГОЛЕНИЩЕВУ-КУТУЗОВУ

Царское Село, 15 августа 1877 г.

Милый друг Арсений, ты мне выслал чуточку больше, а потому, до первого свидания с тобою, состою должником этой чуточки. А я, друг милый, довольно изрядно в «Сорочинскую» погрузился, так что, если бы господь помог вести дело дальше при таких же условиях, то полагать можно бы в сезон, следующий за наступающим, общими силами решить: хорошая или плохая опера «Сорочинская ярмарка»¹. Я приступил сразу не к 1-му действию, требующему по сценическому складу большой сосредоточенности и свободы (я еще не имею отпуска), а ко 2-му действию, т. е. к ядру всей оперы. Это действие (2-е), как ты припомнишь, следует тотчас после Intermezzo (Шабаш на Лысой горе; — называться будет «Сон паробка»²). Сцену Хиври с Черевиком, сцену той же Хиври с Поповичем уже написал и даже успел ввести кума с Черевиком и гостями — это все написано; теперь приступаю к ядру: рассказу о красной свитке³. Задача непомерно трудная.

Ты знаешь, друг, что твой скромный Модест никак не может не отыскать у автора, его же дерзает музыкально воспроизводить, чего-то такого, что, может быть, ускользает от чувства и внимания иного, нескромного музыканта. С Гоголем я знаком уже не впервые («Женитьба»), и, следовательно, его капризная проза не так уже страшит меня; но «Женитьба» — это посильное упражнение музыканта, или, правильнее, немужыканта, желающего изучить и постигнуть изгибы человеческой речи в том ее непосредственном, правдивом изложении, в каком она передана гениальнейшим Гоголем. «Женитьба» этюд для камерной пробы. С большой сцены надобно, чтобы речи действующих, каждого по присущей ему природе, привычкам и «драматической неизбежности», рельефно передавались в аудиторию, — надобно так устроить, чтобы для аудитории были легко чувствительны все бесхитростные перипетии человеческого насущного дела и чтобы, вместе с тем, они были художественно-интересны. Представь же себе, милый друг мой, что то, что в речах действующих у Гоголя ты читаешь, мои действующие, со сцены, должны передавать нам в музыкальной речи, без изменения против Гоголя. Много пытаний, много томящего чувства от жажды взять приступом твердыню, пугавшую, кажется, всех музыкантов; но зато, когда удастся одолеть хотя бы крошечный люнетик у этой неприступной твердыни, — как-то окрыляешься и на душе веселеет: ведь хочется много, очень много правды поведать людям, — так хоть бы маленький обрывочек этой правды поведать-то успелось! А как велик Гоголь! Наслаждение при музыкальном изложении Пушкина (в «Борисе») возрождается при музыкальном изложении Гоголя (в «Сорочинской»). Пушкин писал в драматической форме «Бориса» не для сцены; Гоголь писал «Сорочинскую ярмарку» в форме рассказа — уж, конечно, не для сцены. Но оба гиганта творческою силою так тонко наметили контуры сценического действия, что только краски наводи. Зато горе тем, кому блажь придет взять Пушкина или Гоголя только как текст! Ты знаешь меня, друг, по твоим художественным созданиям, предлагавшим труду твоего скромного Модеста: таким же и пребывает твой скромный друг по отношению к Гоголю. Как только настоящая, чуткая природа художника создаст в области слова, так музыканту предстоять должно «вежливенько» отнестись к созданному, вникнуть в самую суть, в самое существо того, что намерен воплотить музыкант в музыкальную форму. Настоящее истинно-художественное не может не быть капризным, потому что самостоятельно, не может легко воплотиться в другую художественную форму, п[отому] ч[то] самостоятельно и требует глубокого изучения с святою любовью. А вот когда удастся художественное родство деятелей в той и другой области искусства — путь добрый! Вам это известно, Ваше сиятельство, — не извольте гневаться.

Вот, милый друг мой Арсений, мои нынешние дела! По части издательства на матушке Руси, что-то странно. Г. Юргенсон сначала было изъявил удовольствие за предложение издать «Макабру», а затем

упорно молчит. Но вот что нам с тобою, друг, может быть приятно: у Л. И. Шестаковой Лодий исполнил дважды твоего чудеснейшего «Полководца». (Обязуюсь доложить Вашему сиятельству, что все, кому читал, в трепетном восторге от «Полководца».) Ты не можешь достаточно ясно представить себе, милый друг, поразительной особенностью твоей картины, когда она передается тенором! Какая-то пригвозждающая к месту, какая-то неумолимая, смертельная любовь слышится! Это, как бы сказать точнее: смерть, холодно-страстно влюбленная в смерть, наслаждается смертью. Новизна впечатления неслыханная! И как талантливо сумел осязать П. А. Лодий твою чудесную картину! — совсем художник-певец.

Да, после войны!..

Забыл тебя известить, друг, что я написал библейскую картину «Иисус Навин» совсем по библии и даже руководился картою победоносных шествий Навина по Ханаану. На темы, тебе уже известные, сделана эта вещица, но ты не узнаешь ее, т. е. узнаешь твоего скромного Модеста, приступившего к работе с намерением осилить сюжет.

Вот я и весь перед тобою, мой милый друг. Еще добавлю, что в «Сорочинской» рассказ о красной свитке есть финал 2-го действия; значит, в скором времени, поможет господь, одно действие «Сорочинской» будет уже сделано; а сценариум весь готов — это важно и в высшей степени важно, — при милейшей помощи гениальной А. Я. Воробьевой-Петровой⁴.

Мой милый друг, прошу тебя, передай мой сердечный привет графине Ольге Андреевне и графине-маман; от всей души благодарю за добрую память обо мне. Как-то лошадки голубушки графини? Здоровы ли, те, маленькие? — я их полюбил по одним уже летописным сообщениям о них. Вот уже не смею ручаться за себя — удастся ли мне посетить тебя и твою милейшую семью, милый друг мой, в Шубине. Как только дадут отпуск, немедленно напишу тебе, как и что⁵.

Крепко обнимаю тебя, друг Арсений.

Твой *Модест*

15 авг. 77. Царское Село.

232. Л. И. ШЕСТАКОВОЙ

Петербург, 22 сентября 1877 г.

Дорогая моя голубушка, Людмила Ивановна, какое же может быть сомнение, когда Вами, родная, уже Мусинька предупрежден и никому не сулил дней или вечеров в эти две недели. 28-го или 29-го я Ваш, по Вашему милейшему выбору одного из этих дней. Здоровеньки будьте, голубушка.

Ваш *Мусинька*

22 сентября 1877 г.

Петербург, 31 октября 1877 г.

Милейший друг Николай Павлович, в среду, 2 ноября, я Вал и буду иметь честь прибыть к 5-ти часам; прошу передать мой душевный привет милейшей барыне и Борису.

Твой *М. Мусоргский*

Понедельник
31 окт. 77 г.

234. А. А. ГОЛЕНИЩЕВУ-КУТУЗОВУ

Петербург, 10 ноября 1877 г.

Мой милый друг Арсений, ты, чего доброго, совсем сердит на меня; предложи гнев на милость. Я был весьма основательно измучен нервною лихорадкой, около 20-ти суток глаза не сомкнул и в таких мрачностях находился, что писать к тебе было бы грешно, особенно после твоего последнего письма о деревенских порядках и о том, как переживать приходится бесконечное «переходное» положение российского хозяйства¹. Кроме того, друже, ты меня немного приостановил в беседе с тобою известием, что позднюю осенью полагал поехать в Москву «Шуйского» устроить. Теперь знаю от Катенина и Стасова, что тебе можно и следует писать в Шубино. Вот я и взял бумагу да перо и беседую с тобою, друже. Начну с того, что на первом показывании 2-го действия «Сорочинской» я убедился в коренном непонимании музыкусами развалившейся «кучки» малорусского комизма²: такую стужей повеяло от их взглядов и требований, что «сердце озябло», как говорит протопоп Аввакум³. Тем не менее я приостановился, призадумался и не один раз проверил себя. Отдохнув от этой тяжелой работы над самим собою, принимаюсь продолжать «Сорочинскую». Не может быть, чтобы я был кругом не прав в моих стремлениях, не может быть. Но досадно, что с музыкусами развалившейся «кучки» приходится толковать через «шлагбаум», за которым они остались. Впрочем, малоруссы усердно просят меня поскорее «Сорочинскую» на сцену; почти достоверно, что им моя новинка по сердцу приходится. Как бы там ни было, а я не дремал и подготовил еще изрядных материалов⁴; и так выходит на поверку, что только работай да пиши. Если хочешь на выдержку одно из многих изречений вышепереченных музыкусов, вот оно: «в тексте самая обыденная, всеневная проза, ничтожная до смешного, а в музыке все эти люди очень серьезные — какую-то важность придают своим речам». Любопытно, не правда ли? В том-то гоголевский комизм и заключается, что ничтожные для нас

интересы чумаков да деревенских торговцев воплощены во всей искренней правде. «Сорочинская» не буффонада, а настоящая комическая опера на почве русской музыки и притом, по нумерации, первая. Как сии музыкусы хорошо понимают, в чем заключается комическая сторона. Не так давно было, что от «Савишины» и «Семиннариста» хохотали, пока не было кем следует растолковано музыкусам, что обе картинки имеют трагическую закуску. «Варлаам с Мисаилом» (в «Борисе») вызывали смех, пока не показались в сцене «бродяг»⁵: тогда смекнули, какие опасные звери эти, по-видимому, смешные люди. Ты, друже, я уверен, в приведенном мною изречении «кучкиста»⁶ усмотришь похвалу, но верь мне, друг, что оное изрекалось как суровое замечание о коренных недостатках оперы. Кто-то сказал: надо же такую удачу Мусоргскому, что ли ни предпримет в музыке, немедленно возникают ожесточенные споры. Тем лучше; жизнь дана для того, чтобы жить, а искусство живет и растет только в борьбе с теми падишахами, которые мнят устроить из него нечто вроде талмуда 2-го издания, — верховные жрецы опрокинутых идолов! пресловутые сизифы!

Милый мой, не накази, а утешь и дай весточку о себе и о твоём житье-бытье, и о трудах и о мечтах художественных, обо всем самом. Я, видишь, уже на другой листок бумаги переправился с пером; значит — не ленись, друже. Вот как я расхвастался. Увидимся ли мы в зимний сезон? Хорошо было бы прибыть если не к «финским хладным скалам», то, по крайней мере, к Ингерманландскому побережью; может быть, и сама Муза будет согласна на такую экскурсию; она ведь госпожа довольно капризная и бывает, подчас, права строптивого. Впрочем, ты с госпожою Музою в прекраснейших отношениях и, следовательно, сам уважишь ее любезную просьбу, если такая просьба с ее стороны последует. А право, хорошо бы нам увидеться. Всего в письме не напишешь: по Тредьяковскому — «се труд не человеческий»; то ли дело устная беседа. Да и помимо беседы, разве мы, грешные, не в праве желать знакомства с новыми твоими творениями? Я дерзаю даже быть убежденным, что и графиня Ольга Андреевна не посетует на мое доброе желание увидеться с Вами зимою в северной столице.

А у нас новая трава показалась и новые почки новыступили на деревьях; кажется, что внешний сплошной холод восполняется, по закону равновесия, тепловатеньким и несносненьким ноябрем; по нервам ходит эта сумрачная теплынь. Брюсов календарь⁷ упорно предсказывает суровую зиму; хорошо бы, пора на саночках.

Прошу тебя, друже, передать мое душевное приветствие графине Ольге Андреевне и графине-машан.

В испременном ожидании свидания, крепко обнимаю тебя, милый друг. Дай весточку.

Твой

Модест Мусоргский

10 ноября 1877 г. П-бг

235. Н. П. МОЛАСУ

Петербург, 11 ноября 1877 г.

Милый друг, Николай Павлович, несмотря на все желание быть у Вас завтра, не имею никакой возможности¹. Сегодня опять напомнили и не пустят меня ни за что на свете². Что делать, друг, досадно, что раньше не был предупрежден³. Душевный привет барыне и Бориньке.

Твой *Модест Мусоргский*

Пятница
11 ноября 77 г.

236. А. Н. и Н. П. МОЛАСАМ

Петербург, 12 ноября 1877 г.

Александре Николаевне
и Николаю Павловичу
Молас
от Модеста Мусоргского
Грамотка

Поздравляю от всей души и желаю всех благ, даруемых небом человеку¹.

Преданный вам
Модест Мусоргский

12 ноября 1877 г.

237. Н. П. МОЛАСУ

Петербург, 5 декабря 1877 г.

5 дек. 77 г. Понедельник

Мой милый друг, Николай Павлович, в сей вторник, 6 декабря, не могу явиться к вам, ибо обещал оный еще две недели тому назад, о чем и учинилось мне должное напоминание. Если будет дозволено, друг, то до следующего вторника, по нашему дружескому обычаю¹.

Усердно кланяюсь милейшей барыне и крепко жму руку Бориньке.

Твой *Модест Мусоргский*

238. Н. П. МОЛАСУ

Петербург, 26 декабря 1877 г.

Милый друг, Николай Павлович,
во вторник, завтра, не могу быть у вас, ибо принимаю участие в концерте в пользу Общества дешевых квартир¹. От души желаю всего превосходного и усердно кланяюсь милейшей барыне. При сем прошу сообщить Борису, что записываю ему поклон.

Твой

Модест Мусоргский

Понедельник

26 дек. 77 г.

1878₂₀₉

239. Н. П. МОЛАСУ

Петербург, 9 января 1878 г.

Милый друг, Николай Павлович, в субботу прибуду к Вам, ибо она суббота никому мною не обещана. От души приветствую барыню и Бориса.

Твой *М. Мусоргский*

9 января 78 г.

240. В. В. СТАСОВУ

Петербург, 7 февраля 1878 г.

Мой дорогой и милейший généralissime, поелику все мы жаждем видеть «Женитьбу Белугина» и поелику Вы властны сию нашу жажду утолить, очень и весьма прошу Вас, дорогой мой и милейший, нельзя ли иметь на оную пьесу, на пятницу 10 февраля, или понедельник 13 февраля, или пятницу 17 февраля: одну ложу в бенуаре или в бель-

этаже, а если ложу нельзя, то пять кресел и из числа этих пяти кресел два рядышком¹.

Если это возможно устроить, Вы очень порадуете, милейший, пятерых людей, а в их числе и Вашего скромного Мусорянина; Мусорянин же только потому осмелился беспокоить Вас просьбою, что Вы, дорогой *généralissime*, сами это ему, Мусорянину, позволили.

Ваш *Мусорянин*

7 февраля 78 г.

P. S. «Женитьбу Белугина» дают по понедельникам и пятницам, но если бы она назначена была и в другой день, то это все равно, — лишь бы иметь на эту пьесу ложу или пять кресел. Устройте, дорогой мой *généralissime*.

Ваш *Мусорянин*

241. В. В. СТАСОВУ

Петербург, 22 марта 1878 г.

22 марта 1878 г.

Дорогой мой *généralissime*, видел «Протодьякона», созданного нашим славным Ильею Репиным¹. Да ведь это целая огнедышащая гора! А глаза Варлаамищи так и следят за зрителем. Что за страшный размах кисти, какая благодатная ширь! А тот, — «Из робких»², — шельма, мужиченко-разбойничек: поворот головы и бесчеловечный взгляд, чего доброго, ручаются, что при удобном случае и десяток человеческих душ ужокошит³.

Ваш *Мусорянин*

242. Л. И. ШЕСТАКОВОЙ

Петергоф, до 26 июля 1878 г.

Голубушка моя дорогая, Людмила Ивановна, по случайности Ваше письмо не пришло ко мне, и эту случайность почитаю скорбью для меня. Хотя меня и продолжает трепать нервная лихорадка, но на днях лично явлюсь к Вам.

Всегда Ваш

Мусинька

Петергоф, 26 июля 1878 г.

Дорогая моя голубушка, Людмила Ивановна, 28 июля, в пятницу, прямо из должностей прибуду к Вам, с величайшим желанием побеседовать с Вами, дорогая, о многом, завещанном нам, смиренным, воистину великим и славным дедушкой¹. Как много завещано, как много незабвенного и глубоко художественного преподано дорогим дедушкою.

Всегда Ваш *Мусинька*

У Милия был и есмь в восторге², жаль, что на этой неделе неудобно, — я напишу милейшему Милию, а 25 июля, день Вашего письма, голубушка, меня трепала нервная лихорадка, — вот и остался в Петергофе³ и не мог Вам отвечать, родная, немедленно.

Опять-таки Ваш *Мусинька*

26 июля 1878 г.

244. В. В. СТАСОВУ

Петербург, 28 июля 1878 г.

Мой дорогой *généralissime*, я виделся с Милием и в восторге. Много хорошего было помнuto, много хорошего было пройдено, а паче всего великая художественная память о наших бывалых делах.

Пока я только это могу правдиво написать.

Ваш
Мусорянин

28 числа 5 часов пополудни *

(день первого вступления Осипа Афанасьевича Петрова на сцену)¹.

Переверните!

Случилось и мне быть сегодня у Людм. Ив., которая мне еще давеча сообщила о полученном от Вас письме. С нетерпением буду ждать Вашего письма с известием о том, что случилось с моим переложением «Гарольда». Людм. Ив. сообщила мне, что у нее был Модинька и даже показала мне его к Вам записку. Скажу и я Вам, что был им приятно удивлен как человеком. Никакого самохвальства или чего-нибудь вроде самообожания, напротив того, он был очень скромн, серьезно слушал, что ему было говорено, и нисколько не протестовал против надобности

* От слова «числа» — *приписка Л. И. Шестаковой.*

зпять гармонію и даже ничего не имел противного, чтобы заняться ею с Корсинькой. Все это меня приятно и даже очень и очень приятно удивило и конечно весьма обрадовало. Покуда (до осени) я его напустил на хорошую работу, и он взял у меня свою партитуру «Шабаша ведьм», чтобы ее переделать и пересочинить. Там есть такие сильные и прекрасные места, что было бы жаль оставить ее в том беспорядке, в котором она находится теперь.

Буду писать после 2-го нашего с ним свидания, а покуда еще раз пишу Вам большое спасибо за обещание быть у Брандуса* и крепко Вас обнимаю.

Ваш М. Балакирев

28 июля 1878 г. вечер 8 часов**

у Людм. Иван.

29 июля

Уверена, что Вы довольны будете, получа это письмо, пишет Мусоргский и Милий, чего же более! Теперь дела:

1) Благодарю за весточку.

2) За скорую отправку к Редеру*** корректуры, только не понимаю, что Вам вздумалось писать ему, боюсь, не Балакирев ли что выдумал; пожалуйста, ежели окажется что-нибудь нужным написать Редеру, то пришлите ко мне (за Редером остановки не будет), лучше, ежели он будет получать письма из одного места и от одной меня. Вчера я ему писала по поручению Милия. Полагаю, что Вы найдете это дельным. Милий обещает употребить все усилия, чтобы покончить все к моим именинам, т. е. к 16 сентября. Но полагаю, вряд ли это будет, хотя Милий теперь работает очень усердно.

Теперь я часто видела Соню****, она счастлива выздоровлением мужа и хотела Вам писать сегодня.

Иду с большим нетерпением Ваших статей, я заходила в контору «Нового времени», взяла статьи Ваши, какие были, и распорядилась, чтобы откладывали для меня все номера, в которых Вы будете писать. На этот раз кажись и все.

Ваша Л. Шестакова

* Издатель Берлиоза в Париже (примеч. В. В. Стасова).

** «8 часов» — приписка Л. И. Шестаковой.

*** У него в Лейпциге печатался «Руслан» (примеч. В. В. Стасова).

**** Медведева (примеч. В. В. Стасова).

и вразумительный умный человек, куда
и в мои намерения адресовались
такие. Уверено могу сказать, что
все от Вас, Ходякова и Давыдова.

М., мучительнейшим, душевно
больным Вас, и в мои сердца,
Горюхиной падает.

Своему желанию охотнее всего
было бы. Убого Горюхиной и
ее мужа обидеть и сделать
самой несчастной. Прокажи же
Горюхиной и ее мужа.

Ваша А. Мухоморова

Петербург, 29 ноября 1878 г.

Голубушка моя дорогая, Людмила Ивановна, да, я был очень болен; только теперь начинаю поправляться. Боюсь, что доктор не пустит меня в пятницу — впрочем, сегодня мне уже гораздо лучше. Кто же посмеет забыть 8-е число? ¹

Ваш *Мусинька*

29 ноября 78 г.

246. А. А. ГОЛЕНИЩЕВУ-КУТУЗОВУ

Петербург, конец декабря 1878 г.

С. Пбг. Вас. Остр. 5 л. № 10

Мой милый друг Арсений, не сетуй на меня: с самой весны со мною приключилась какая-то странная болезнь, разыгравшаяся в ноябре настолько сильно, что доктор мой, хорошо знающий меня, приговорил было меня только к 2-м часам жизни. Теперь мне немного лучше, но только немного. Вот и пользуюсь сколько-нибудь сносным состоянием мозга, чтобы побеседовать с тобою.

Очень порадовался я за твой выпуск стихотворений ¹ и за напечатание «Шуйского». По поводу первого, меня очень приласкали симпатичные, а иногда и дельные отзывы о натуре твоего творчества. Форма признана единогласно безукоризненною; следовательно, вопрос шел о твоих задачах и их выполнении: в этом разе, ты хорошо знаешь, милый друг, насколько благорасположения чело­ве­ков дробятся по отношению к той или другой творческой задаче, и еще очень хорошо знаешь, что почти всегда внутреннее, неопределимое требование заслоняет собою верность критериума: мне, мол, не нравится такой-то сюжет — ergo *: стихотворение мало меня удовлетворяет, и наоборот. Но помимо этой неизбежности, отзывы kloпятся к признанию той силы, что составляет плоть и кровь настоящего художественного творения. О «Шуйском»! вот тут-то и попадают некоторые. Не умея стать твердо на историческую почву, эти некоторые поднимают спор о сценичности или не сценичности, забывая при этом, что самое дюжинное произведение может быть сценичным, в смысле пустопорожнего наружного эффекта, и, наоборот, глубоко продуманная и прочувствованная поэтом драма, не шая и не прикрываясь внешностью, носит в самой себе законы сцены и не может не отзываться в зрителе сколько-нибудь восприимчивом. Твой «Шуй

* Следовательно (лат.).

ский» не для актеров, отличающихся в «Воробушках» или «Вокруг огня не летай», либо «В осажденном положении»², и тот же твой «Шуйский» не для публики вообще, а для публики в особенности. Зато общечеловеческая наклонность к противоречиям уловляет милых человеков, жаждущих во что бы то ни стало критиковать, не сумев уловить самые существеннейшие, главнейшие черты драмы. Впрочем, «перемелется», а я с моим мнением о «Шуйском» и воссяду торжественно на вершине и, как всегда скромно, скажу: «вы теперь более познакомились с драмою». Если бы ты знал, друг, до какой степени надо долбить людям, движения и роста искусства ради! только чуть задремли, народится такой ворох суетных мнений, что не оберешься. —

Однако же я буду не прав перед тобою и перед оппонентами моей любви к твоему «Шуйскому», если не заявлю тебе, что огромное большинство спен волнует (к моей выгоде) реченных оппонентов. Так и должно быть. Глубокие творения не с маху овладевают людьми.

А теперь вот что, друг: познакомился я с В. В. Верещагиным, он с Вл. Вас. Стасовым прибыл к нам и исполнялся «Забытый» Вас. Вас. Верещагина, твой и мой³. Ты отсутствовал, но близко нами чувствовался — как бы среди нас присутствуя. Это было одно из чудеснейших художественных утр. Конечно, В. С[тасов] устроил у себя денька через два, накануне отъезда В. В. Верещагина в Болгарию, большой музыкальный вечер⁴. Верещагин был в большом восторге. «Забытый» — текст и музыка ему очень по душе, даже глубже: он высказывал, что местами его охватывало нервное чувство. Я надеюсь скоро познакомиться с братом В. В. Верещагина — ты мне говорил о нем⁵. В. В. Верещагин произвел на меня самое отрадное, симпатичное впечатление: сила, мощь, деликатность, восприимчивость, урожденный художник-силач. Досадно, что тебя, друг, не было при этих незабвенных для меня свиданиях.

О себе не могу сказать ни много, ни мало. Летом жил в Петергофе; 3 месяца прошло в музыках с Д. М. Леоновою, и аз многогрешный увенчан венком. Написал порядочно сцену Марфы с Андр. Хованским перед самосожиганием — Леонова в слезы обратила в этой сцене слушателей; совсем особенное, небывалое сценическое положение; при свидании узнаешь, друже.

А мы ждали, ждали в Питер тебя и графиню, да и ждать перестали. Я, по крайней мере, за 3 месяца совсем закоснел в ожидании.

Ну, что делать! за несколько сотен верст не определяется, по рассказам да предположениям, как и что возможно. А хотелось бы повидаться: многого не припомнишь в письме, о чем побеседовать надо — то ли дело устная беседа.

Прошу тебя, милый друг, приветствуй от меня графиню Ольгу Андреевну и графиню татап. Крепко обнимаю тебя.

Твой *Модест Мусоргский*

А можно ожидать прибытия в Питер?

1879₂₀₉

247. В. В. СТАСОВУ

Петербург, 7 марта 1879 г.

Мой дорогой *généralissime*, приступаю к желанной беседе. Правительница Софья могла и умела сделать то, чего в картине нашего друга я не видел¹: моя мечта звала меня к маленькой толстоватенькой желшине, не раз испытывавшей жизнь без прописей, а увидел я петру-схожую бабу злую, но не озлобленную, бабу огромную, но не маленькую, бабу по толстоватенькую, а всю расплывшуюся до того, что при ее огромной величине (по картине) зрителям было мало места — мне казалось.

А между тем, благодаря Вам и иным моим крупным друзьям, я осмелился, мало ли что, узнать эту правительницу Софью. Зачем наш друг, художник первоклассный, не захотел поучиться у современников Софьи прежде предприятия его картины? Если б она, т. е. Софья, из опочивальни вошла в молитвенную келью и, увидев братии безобразия, как тигрица кинулась бы к окну и отвернулась, а глаза ее сошлись бы у самой переносицы и застыли и она бы застыла сама с зачугуневшими кулаками, — я понял бы художника, я узнал бы Софью.

Подойдя к портрету Литовченка², я отскочил: я видел его и встречался с ним, но мы лично не знакомы. Что за чудодейный Крамской! Это не полотно — это жизнь, искусство, мощь, искомое в творчестве!

От «Осужденного»³ я спустился вниз, сел около какой-то доброй старушки, хранившей добрые верхние платья, закурил беззаботно, а картин мне больше никаких смотреть не хотелось.

Ваш *Мусорьянин*

Полная отдача удивительному мастерству кисти нашего друга-художника — тем досаднее за его правительницу Софью.

Тот же *Мусорьянин*

Среда 7 марта 79 г.

На конверте после адреса:

Дом с подъемным креслом, передать швейцару для немедленной передачи по назначению. — От Мусоргского*.

* Это добавление сделано на конверте после адреса.

Петербург, 16 июня 1879 г.

Дорогая наша голубушка, Людмила Ивановна, верьте крику моего сердца: берегите себя для нас — Вы нам, художникам, любящим Вас, освященное гнездышко. О себе Ваш Мусинька и говорить не смеет, в чем и подпись его, Вашего Мусиньки. 16 июня 1879 г.: вчера у Вас 15 июня, был день св. Модеста¹.

249. М. И. ФЕДОРОВОЙ и П. А. и С. П. НАУМОВЫМ

Полтава, 30 июля 1879 г.

Полтава, 30 июля 79 г.

Дорогая тетя, милейший папхен¹ и Сергушек прекрасный, здравствуйте, из афиш увидите², какими любопытными музыками мы занимались в Полтаве. Сбор добрый, но менее ожидавшегося*, зато триумф художественный учинен бесповоротно. Благая судьба познакомила нас с превосходными домами Милорадович, Мосоловых и Шредер. К прискорбию мы лишены были домов Тамары и Христиановича — представители этих двух домов находились с детками в деревнях, вдали от Полтавы. Дарья Михайловна была, есть и пребудет бесподобна. Что за необыкновенный человек! Энергия, мощь, коренная глубина чувства, все, неизбежно увлекающее и приковывающее. И слез было довольно, да и восторга не занимать стать, — мы покрыты цветами, и какими цветами. В имении Е. И. Милорадович, под Полтавой, в Гужулах, мы были очарованы изящно художественною местностью, роскошным партером (tapis**), розовыми акациями (все в цвету) и очаровательною хозяйскою. Крупно образованная, любящая, европейка до кончика ногтей и спокойная, изящная, умница. Восторгнувшись местностью, я заприметил, с доброго слова Федора Димитриевича, хату, где бы могла быть Парася, а потому написанную в Петербурге Парасю³ посвятил милейшей Е. И. Милорадович.

Ну, раз что от человека к природе переход не длинен, скажу, что в Полтаве и ее окрестностях воздух мягок до примирения и забвения всякого зла. Краса Полтавы — пирамидальные тополи как стражи-великаны стерегут дома, холмы и долины и при мягком лунном освещении, отражающемся на беленьких хатах и в воздухе, как «vert de lumière»***, эти тополи-великаны почти черного цвета: картина волшебная. Дома и хаты деликатно выглядывают зелененькими и палевыми крышами из гу-

* Ярмарку переместили с 20 числа на 10-е, следовательно, мы опоздали (примеч. М. П. Мусоргского).

** Ковер (фр.).

*** Светящийся зеленый цвет (фр.).

стой, роскошной зелени и словно мастером художником разбросаны по холмам и долинам. Тишина, спокойствие, необозримые роскошные поля, чудное небо и чарующий воздух и по цвету, особенно под вечер, и по вкусу — вкусный, животворный воздух.

Милый папхен, сообщи нашим друзьям-школярам⁴, что я заприметил в Малороссии одну особенность: совсем не бранятся, дурных слов, а ни-ни не слышно, а кабачки (ятки) приманивают к себе добрых путников оригинальными фонариками: штофчик беленького стекольца и в нем свеча — это над самым входом; деликатненько и до невозможности откровенно.

Милая тетя, если бы Вы могли увидеть сельскую картину Малороссии, дышать ее животворным воздухом и слышать носящуюся по полям песню, Вы бросили бы даже гр. Матей⁵. Я часто думаю о Вас, очарованный мягкою, изящною природою, и, что греха таить, ужасно хотел видеть Вас между нами и наслаждаться Вашим наслаждением от чарующего вечера Украины. В довершение дарованного нам приветливою Е. И. Милорадович наслаждения в Гужулах, Дарья Михайловна спела тузово «Сиротку», «Забытого» и Марфу перед самосожжением. Дарью Михайловну чуть не задушили поцелуями, целовали руки ее, даже дамы, а на другой день заявили, что не спали ночь и не забудут божий дар. Обратная сторона животворящей полтавской медали — [еврей]; в скором времени и сам город и поместья полтаван будут в руках [евреев] — это сознают сами полтаване, а [евреи] действуют так поддержки откуда-то ради⁶. Папхен, заяви при случае, что сукиносинская дорога д[ействительного] ст[атского] сов[етника] Полякова⁷ ниже невероятия, рельсы истрепаны, вагоны колотятся и заражены промозглым запахом, невыносимым, удушающим.

Направляемся в Елизаветград — все мы душевно вас приветствуем, от меня примите дружеский поцелуй.

Ваш М. Мусоргский

Обними за меня, папхен, наших друзей с Прокофием Герасимовичем купно — буду писать.

250. М. И. ФЕДОРОВОЙ и П. А. и С. П. НАУМОВЫМ

Николаев — Херсон, 3—15 августа 1879 г.

У Днепровского Лимана

(Буг — Ингул)

Николаев

3 августа 1879 г.

Дорогие мои тетя, папхен и Сергушок, здравствуйте. Мы только что прибыли из Елизаветграда¹, где был новый триумф Дарьи Михайловны среди отборного общества. Невозможно передать живой интерес,

овладевший слушателями при самом начале концерта и выросший в полный восторг, без восклицаний, тот восторг, что служит твердым ручательством за настоящее художественное наслаждение. Среди лиц, почтивших нас посещением, нашлись, конечно, слышавшие Дарью Михайловну лет 18—20 тому назад; изумлению их не было пределов, и они с сердечною, непритворною радостью сообщали друг другу и знакомым своим, что Дарья Михайловна поет еще лучше, чем прежде, а голос ее не только не утратил силы и свежести, но стал еще могучее. И я с восторгом подтверждаю это, п[отому] ч[то] в самом деле Дарья Михайловна звучала необыкновенно свежо и сильно, а экспрессии ей не занимать стать. Зал благородного собрания в Елисаветграде прелестный, и хотя все крупные владельцы были по деревням, но приветливые господа командиры полков и дивизии с любезными супругами поддерживали нас, сколько могли, а мы очень признательны любезным полковым дамам за оказанное нам внимание. Полный художественный восторг выразился депутацией, приглашавшей Дарью Михайловну дать еще концерт; тон и характер этого приглашения меня тронули глубоко: столько искреннего, хорошего чувства звучало в нем. Но маршрут изменить было невозможно, и прямо от концерта мы покатили по чугунке на Николаев.

Папхен, я ничего не мог узнать в Елисаветграде о Саше, ибо то лицо, от кого я мог бы получить сведения, обдал нас с Дарьею Михайловною таким официальным холодом, что жутко стало. Видел место родины дедушки Петрова в Елисаветграде под самыми необозримыми степями, безграничными, вольными и роскошными, как дедушкина широкая, могучая душа.

В Елисаветграде, впервые, Дарья Михайловна доставила нам возможность услышать свое сочинение прямо с эстрады (*en forme d'une lettre, dite: «après le bal»* *). Очень грациозная и симпатичная пьеска на мотив вальса, — аккомпанемент должен изображать отдаленно звуки воспоминаемого вальса, — и на этом музыкальном фоне поется следующее:

(Письмо после бала) «В вихре вальса кружась, Вы шептали о мечтах золотых Вашей юной любви. И я слушала Вас, вместе с Вами кружась, и восторгом мне был лепет юной любви. Но в мечтах золотых, юный друг мой, и в порыве страсти забыли Вы, что таинственной клятвой навеки отреклась я от восторгов любви. И верьте мне, юный друг мой, — любовь Вас обманет и тяжело обманет... Ответа жду, ответа мне, без упрека за то, что смутила я Вас. Отвечайте скорей, без притворства и лжи, если ненависть в Вас заронила к себе: где и когда я увижу Вас и где открыть могу тайну клятвы моей».

Дарья Михайловна изволила, не однажды, утверждать — будто бы это письмо сочинено мною на ее музыкальное сочинение; но, во всяком слу-

* В форме письма «после бала» (фр.).

чае, такое письмо лучше виршей, примеченных мною на грациозном и очень симпатичном, светском вальсе. Эффект был полный и бисовали. Будем, даст бог, живы — услышим. [...]

Сегодня в Николаеве мы посетили главного командира². Прелестный, задушевный прием, много сведений, много ума и прямого, горячего чувства, а какая хорошая, стойкая любовь к искусству! Посетили почтенных господ адмиралов: настоящие господа и люди, и пресимпатичные — вот, уже воистину, без всяких берибомбошек и слава им, милым. Репертуар наш постепенно приращается новыми музыкальными делами: «Фулийский царь» Листа, «Море» Бородина, «Моя баловница» (романс-мазурка) Шопена уже начеку. Дарья Михайловна усердно вводит в свою художественную память этих желанных гостей. А там и еще будет.

Николаев построился очень широко. Улицы, правда, немощенные, кроме тех двух, трех, что начинают мостить, но бульвар из высоких, толстолистных акаций, масса садов, крутой берег Буга, холмы, а на них, у самого горизонта, ряд ветряных мельниц, при необыкновенно прозрачном воздухе, делают Николаев очень симпатичным. Зала Зимнего морского собрания в смешанном мавританском стиле (подобие замка Наины в «Руслане», кроме колеров) очень изящна. Бульвар на крутом берегу Буга, зашитом в зелени, над прелестными заливчиками и мысками, любимое место вечерних прогулок горожан. При освещении заходящего солнца, тоны воды Буга и окружающих то холмистых, то покатых берегов очаровательны, если смотреть с крутизны бульвара. Здания характерны и перемежаются то садами, то каменными стенками: при размашистом плане Николаева это очень кстати. Старожилы говорят, что в жаркое сухое лето Николаев весь покрыт пылью настолько, что ничего разобрать нельзя; наоборот — в дождливое время грязь невылазная до того, что иногда лошадь с возом погружается совсем и жить она, лошадь, уже потом не может, ибо должна быть признана бесповоротно утопшею в грязи. Это, пожалуй, и справедливо, раз что почти все широчайшие улицы не мощены. Кстати о лошади: Сергушок, я смотрел вблизи и вдаль, по степям, украинских верховых; не отделяются от лошади, совсем центавры, спокойствие и бойкость непостижимые, и смотреть любо; что-то сильное сказывается в этих степовых наездниках. Дорогая тетя, что делает маленький «Бронзик», умеет ли по лесенке вверх и вниз, буянит ли достаточно и забавляет ли, как подобает юному пёсенке, в его лета? Я думаю, да. А Чертик?³ Ведь он должен быть очень забавным чертенком, если поправился в Ваших добрых руках. Но если бы видели Вы необозримую даль украинских степей, видели бы звездное небо, все засеянное светилами и сквозь прозрачный воздух светлое и в то же время темное, как са[п]фир, если бы дышали южнорусским воздухом, зовущим легкие и сердце вон из груди, мягким до того, что жить хочется и жить как можно больше и дольше! Кстати или некстати, а не могу умолчать об одном уморительном эпизоде нашего артистического путе-

пешствия: едва уселись в omnibus «Grand Hôtel Rainaud» в Николаеве, дабы с чугунки сделаться хотя на несколько дней оседлыми единицами, как я услышал из уст *consièrge-conducteur* à l'Hôtel*, что в Николаеве концертирует княгиня Меншикова с иными знатными людьми по части искусства. На поверку оказалось, что сия знатная дама обнаруживается моею кумою А. Г. Меншовой-Меншиковой**, супругою генерала Меншова, но отродясь не бывшею княгинею, ни даже на сцене. Сия знатная дама, проведая о приезде Дарьи Михайловны, вместе с реченным кумом, избегли и той и другого и на другой же день обрелась «в сбегах». Федор Димитриевич разыскал афиши моей «пресловутой кумы» и ахти ж ужас меня взял от того, что моя почтенная кума изобрела для своего сиятельства: и Юдифь в костюме Юдифи (так стоит в афише), и Приндик, пражской консерватории фортепианист, играющий мадыарскую рапсодию, и господин Лавров (бас — так стоит в афише), чующий правду из «Жизни за царя» оперы М. И. Глинки, уткнувшись в браду (как о нем, Лаврове, сказывали, а я сам его в Питере слышал и убеждал его не орать, понеже поляки прежде времени прибьют, спать укладываваясь, да господин Лавров-бас моей правды почуть не захотел и измерил Глинку по-лавровски). Я сказал: «по-лавровски». Повторяю по той причине, что совсем забыл сказать в моем полтавском письме об Е. А. Лавровской — симпатичной певице с прелестным голосом, как Вам известно, но без малейшего драматического чувства, как тоже Вам известно. Правда в том, что когда Дарья Михайловна спела в Полтаве (где состоит имение Е. А. Лавровской) романс Даргомыжского: «Любила, век буду любить», то дамы единогласно заявили Дарье Михайловне, что, вероятно, симпатичная Е. А. Лавровская «не любила». Je ne dis que ça***! Славная, приветливая, глубокообразованная и глубокочувствующая Е. И. Милорадович одарила в своем роскошном полтавском доме Дарью Михайловну чуть не массою великолепнейших вышивок украинских по полотну, самых разнообразных и самых вкусных, в различных применениях к житейскому обиходу: рубашки, наволочки, простыни, разные «плато» и проч., а нам с Федором Димитриевичем Е. И. Милорадович подарила по полотенцу с дивными рисунками и прошитыми надписями; это я забыл сказать, так теперь говорю, ибо это сделано глубокими поклонниками Е. А. Лавровской, — вот что делает художественная живая сила пред живыми и истинно живыми людьми!

Николаев, 7 августа

Сегодня был первый концерт Д. М. Леоновой; пела мастерски, публички было немного, но зато самая представительная; художественный успех громадный. Что в смысле искусства напортили проезжие артисты, приходится поправлять, уже не впервые в нашем путешествии, Дарье

* Швейцара — проводника гостиницы (фр.).

** У Мусоргского описки в инициалах: А. Р. Меншовой-Меншиковой.

*** Я говорю только это! (фр.).

Михайловне. Честь и слава ей, гордо держит знамя русского музыкального искусства! Капитан Голенищев очаровал нас своею любезностью, вниманием и доброю, незабвенною помощью во всем. Барин сдержанный, но страстно любящий искусство.

Были на обсерватории. С верхнего балкона вид на Николаев превосходит всякое очарование — описать не могу. В семье капитана Юрковского, принявшей нас с искренним радушием, Дарья Михайловна потребовала от меня посвятить деток Юрковского в мои картинки из детской жизни⁴, и я, грешный, окруженный милыми детками, исполнил требование, а сама Дарья Михайловна, сидя у большого стола (я был у инструмента), спела капитально, как туз из тузов, «Лесного царя». Начальник обсерватории полковник Каратацци поздравил Дарью Михайловну добрым шампанским, а детки Юрковского, по их собственному желанию, поднесли Дарье Михайловне букет ими самими сорванных, при нас, редких цветов. Вечером небо дышало огнем, а к ночи разразилась гроза с ливнем и шквалом. Капитан Бровцын, командир Плавучего дока в Николаеве, показывал нам вчера Поповку⁵: о диво дивное! Расскажу при свидании, ибо находились мы на самой и в самой Поповке. Дарья Михайловне был поднесен фотографический снимок с Поповки, стоящей в доке. Очаровательнейший вечер провели мы у милейшего адмирала А. И. Баженова, встретившего Дарью Михайловну в саду своего радужного дома роскошною иллюминацією. Что за предестный, славнейший и симпатичнейший барин адмирал Баженов — я влюбился в него. Много музицировали.

Николаев, 10 августа

Сегодня наш второй концерт в театре Д. И. Русинова. Подожду и напишу.

Концерт состоялся. Русинов поспешил отделкою своего театра, и театр принял очень благообразный, милый вид. Прилагаю, дорогие друзья, вырезку из № 88 «Николаевского вестника»⁶, где говорится о наших музыкальных делах. В воскресенье, 12 августа, наш третий концерт; программу его посылаю вам⁷.

Херсон, 15 августа

Сегодня, здесь, наш первый концерт. Он должен определить дальнейшие музыкальные экскурсии. По дороге захвачу еще музыкальных крупностей, и, как новинки, они будут переданы Дарьею Михайловною слушателям. До сих пор, — прочный, не колебавшийся ни разу, художественный успех. Без всякого сомнения, наше артистическое путешествие должно иметь и имеет уже значение доброго служения, по искусству, добрым русским людям.

Но что за очарование вход по Днепру к Херсону! Волшебство из волшебств! В водной аллее исторических камышей (местами в 2, 3 чело-

теческих роста), откуда в долбленных дубах налетали на турок лихие запорожцы, в зеркальной глади голубого Днепра, смотрелись большие деревья и отражались чуть не во весь рост, и не у берега, а в самом широком, роскошном плёсе, и все это освещено лиловато-розовым закатом солнца, луной и Юпитером. Впечатление чарующее. Кстати, и даже очень кстати, об Юпитере. В Николаеве, в обсерватории, нам любезно предложена была возможность начальником обсерватории Каратацци видеть в превосходный телескопический прибор Юпитер и Сатурн. Я совсем было рехнулся от восторга.

Вот пока все впечатления путешествия. Буду писать еще и еще, а знать хотелось бы о Вас, друзья; просить буду написать хотя несколько строчек — лишь бы с уверенностью узнать довелось, куда бы Вы могли наверняка адресовать письмо. Ужасно хочу хотя несколько строчек от Вас, хороших и дорогих.

Мы, путешественники, душевно приветствуем Вас, а я шлю сердечный, дружеский поцелуй.

Прошу кланяться от меня всем домочадцам. Шлю дружеский привет нашим общим друзьям и купно с милейшим Прокофием Герасимовичем крепко обнимаю их.

Ваш *М. Мусоргский*

251. Л. И. ШЕСТАКОВОЙ

Ялта, 9 сентября 1879 г.

Ялта, гостиница «Россия».
9 сентября 1879 г.

Дорогая наша голубушка, Людмила Ивановна, решительный шаг, сделанный мною в моей художественной жизни, оправдывается: Полтава, Елизаветград, Николаев, Херсон, Одесса, Севастополь, Ялта оглашены, настоящим образом, звуками творческой мысли бессмертного создателя русской музыкальной школы Глинки и его добрых сподвижников; впервые в тех местах услышана была и, надеюсь, признана вся могучая сила того бессмертного, кто преподавал потомству истинный неколебимый завет по русскому музыкальному творчеству. Слава Глинке, указавшему путь истины! Из названных мною мест путешествия сравнительно менее музыкальными оказались Одесса и Севастополь, но и в этих двух городах было создано русское музыкальное дело и оставлены бесповоротно, за заставою, кому оставаться надлежит. Прилагаю в этом послании к Вам, дорогая моя голубушка, корреспонденцию из Харькова в газете

«Одесский вестник»¹. В числе наших музыкансов не названы в этой корреспонденции Бородин и Ан. Лядов; но в издающейся в Одессе газете «Правда» я прочел с большим утешением о «Князе Игоре» Бородина и об опере Ан. Лядова²; с полным сочувствием высказано о том в газете «Правда». До сей минуты мы были приняты в нашем артистическом путешествии в лучших семействах лучшими представителями местных образованных центров. Строгость их отношения к искусству, а следовательно, их требований поразила меня, хотя я приготовил себя ко всякой встрече. Особенно строго относились в Херсоне, где не мало основательных музыкальных кружков, знакомых с музыкальною литературою и с любовью следящих за развитием музыкального дела. В репертуар наш входят, с исключительным преимуществом, Глинка, Даргомыжский, Соров, Балакирев, Кюи, Бородин, Р.-Корсаков, Фр. Шуберт, Шопен, Лист, Шуман. На таких рычагах ходить по белу свету можно. А сколько нового, чарующего, возобновляющего дарует природа! Сколько новых, подчас весьма существенных, встреч с новыми людьми, чующими искусство получше некоторых непризнанных глашатаев всероссийской печати! Великое воспитание для меня это обновляющая и освежившая меня поездка. Много лет с плеч долой! К новому музыкальному труду, широкой музыкальной работе зовет жизнь; дальше, еще дальше в путь добрый; делаемое мною понятно; с большим рвением к новым берегам пока безбрежного искусства! Искать этих берегов, искать без усталости, без страха и смущения и твердою ногою стать на земле обетованной — вот великая увлекательная задача!

Предполагая, что это послание мое, отправляемое заказным письмом, придут к Вам, дорогая моя голубушка, перед самым дорогим нам всем праздником Вашим 16 сентября³, я прошу Вас, дорогая Людмила Ивановна, в день 16 сентября, по доброму утру, представить себе Вашего Мусиньку находящимся у Вас и горячо целующим Ваши маленькие ручки с сердечным поздравлением. Сделайте так, дорогая голубушка, и сердце Вашего Мусиньки очень порадует.

В Ялте мы находимся волею чудного, любящего сердца и всего симпатичного существа Софии Владимировны в великолепнейших помещениях, несмотря на совершенную невозможность поместиться где-либо, кроме открытой каменистой почвы, под открытым небом. Правда, нас загнали, по приезде, в какую-то землянку, но чудесная Софья Владимировна немедленно извлекла нас оттуда и приютила в своем великолепном отеле с великолепным порядком, отборным обществом и на самом берегу моря. Великое, сердечное спасибо воистину хорошей, славной Софье Владимировне, а как заботится о нас, боже! совсем родная; а какой милейший, симпатичный барин ее супруг и любит музыку до страсти! Пишу немедленно моему Généralissime, с приветствием Надежде Васильевне, а с пути к Дону и Волге не замедлю еще и еще отписать, дорогая моя голубушка. Увидите Милия, передайте ему, что я крепко обнимаю его и очень, очень целую; славный он барин, мой дорогой Милий. Увидите дяньку милейшего, скажите ему, что я от Байдар и

Черного моря чуть ли не спятил с ума, что в Елизаветграде был на месте родины нашего дорогого дедушки Петрова и видел необозримые степи широкие и вольные, как могучая душа дедушки; дяньку, хорошего, милого, крепко обнимаю и вот как крепко целую. Дянька был на месте родины дедушки, и я был — вот и хвастаюсь. До следующего послания, дорогая моя голубушка, будьте здоровенькая, берегите себя для нас. Горячо целую Ваши ручки.

Ваш *Мусинька*

Дарья Михайловна Леонова, узнав что я пишу к Вам, дорогая голубушка, поручила мне передать Вам ее душевное, искреннее поздравление с Вашим дорогим праздником.

Пользуясь свободным местечком на этой бумаге, как истая институтка, делаю маленькую приписку. Первое и для меня весьма важное, следующее: вероятно, Вы, голубушка, скоро увидите славную нашу Анну Яковлевну (я полагаю, 16 сентября); скажите от меня славной Анне Яковлевне, что на месте родины дорогого дедушки весь его могучий, любящий образ встал живым передо мною и что чувством и мыслью я долго беседовал с ним, как бы он никогда не покидал нас; да, все припомнилось, все пробудилось и до самого корня тронуло меня. Второе же — это крупная ошибка в прилагаемой мною корреспонденции из Херсона, будто бы Глинка писал контральтовые партии для Леоновой; всему миру известно, что они изданы для славной Анны Яковлевны Воробьевой-Петровой, первой и гениальной провозвестницы гения Глинка. От всего сердца целую ручки славной Анны Яковлевны.

Мусинька

252. В. В. СТАСОВУ

Ялта, 10 сентября 1879 г.

Ялта. Гостиница «Россия» («Grand Hôtel de Russie») 10 сентября 1879 г.

Славный и дорогой мой *généralissime*, здравствуйте! «Беглец от родины священной» сыскался в Ялте в великолепнейшем отеле над самым Черным морем, с чудным цветом аквамаринов и роскошным прибором волн, под покровительством чудесной, любящей Софьи Владимировны и ее милейшего, симпатичного до восторга, супруга Михаила Антоновича. В Ялте, куда мы прибыли на четверне до зела гривистых и хвостатых четвероногих по Байдарской долине, байдарскому подъему, его воробтам и спускам, готовым кинуться в самую глубь моря от палящих вертикальных скал, нас засадили в некую землянку с сороконожками, кусающимися, с жуками-щелкунами, одинаково кусающимися, и иными насекомствами, полагающими свое земное бытие в идеале мерзить людям; но волшебная рука чудесной Софьи Владимировны извлекла нас мгновенно из реченного верещагинского клоповника¹ и перенесла в Европу. Больше того: Софья Владимировна, как родная, бережет и лелеет нас даже при необыкновенном порядке, изумительной опрятности, удобстве

и роскоши в отеле. Вот как скажу: я не желал бы лучшего администратора, не для одного себя, но для всего доброго люда человеков. И факт тот, что все рвутся и мчат в Grande Hôtel de Russie à Jalta, под покровительство милейшей Софьи Владимировны; а рвутся и мчат по той причине, что всем, без изъятия, до судомойки включительно, хорошо, удобно и спокойно под волшебным жезлом волшебной правительницы Софии, да на этот раз, к счастью людей, не Алексиевны, а Владимировны. Чудное, симпатичное, дорогое человеческому сердцу существо Вапша и наша Софья Владимировна! А какой славный, милый, симпатичный (и какой красавец!) супруг ее Михаил Антонович; до страсти любит музыку, имеет в своем распоряжении разнообразный и богатый музыкальный репертуар и притом с значительными музыкальными новостями. Скажу с великою радостью, что Михаил Антонович познакомил нас с своим милым голосом (baritenore) и весьма симпатичною, художественно-осмысленною манерою пения. Чувствительность, понятливость, схватывание на лету требуемого новою музыкою поразили меня и Михаиле Антоновиче и, Вы поймете легко, мой дорогой généralissime, еще крепче приблизили меня к его милой личности. «А нашему козырю и в масть».

Переношусь в мой путевой журнал.

Вот самую эту секундную отписал Людмиле Ивановне, а Вам, мой дорогой, скажу, что Питер не ахти какой знаток в российской провинции. О чем имею сообщить Вам, тому следуют пункты.

Города русские, в особенности посещаемые артистами и художниками, не только не музыкальны, но вообще мало прилежат к искусству (Одесса, Николаев, Севастополь); наоборот, города русские редко*, а то и вовсе не посещаемые артистами и художниками, очень музыкальны и радеют, вообще, об искусстве (Елисаветград, Херсон, Полтава).

В Елисаветграде и Херсоне (неслыханное дело даже для Питера) за «Erlkönig» требовали усиленно и меня, грешного. По счастью, во времени нашего пребывания в Елисаветграде, прибыл туда из деревни В. И. Анастасьев, ну и музыкальное дело полетело в лучшем виде; нашим взаимным радостям и восторгам не было конца; не обошлось, конечно, без показывания новостей от мусорянских дел — словом, все сделано было как подобает. В том же Елисаветграде познакомился я с очень милым семейством Блюменфельд, весьма передовым в музыкальных делах и зорко следящим за музыкальною литературою; все наши музыкалы там доподлинно известны, и беседа наша летела как бы в самом Питере. В Херсоне меня очаровала чуткость понимания нового музыкального творчества и новых художественных требований преимущественно в прекрасных семействах Пащенко и Де-Лазáри; А. М. Де-Лазáри, отличная пианистка и очень солидный музыкус, необыкновенно здраво и цельно относится к музыкальному делу и притом с большим критическим тактом; дом Пащенко — музыкальный центр Херсона с от-

* Зачеркнуто: «мало».

борною программой и весьма разнообразною. В Полтаве центр искусства дом Е. И. Милорадович, симпатичной красавицы европейки, крупно образованной, передовой женщины. «Хованщина» произвела там неотразимое впечатление, а финальная сцена Марфы с Андр. Хованским, в капитальном исполнении Д. М. Леоновой, потрясаяще действовала на слушателей. «Сорочинская» вызвала там и везде вызвала в Украине полнейшую симпатию; украинцы и украинки признали характер музыки «Сорочинской» вполне народным, да и сам я убедился в этом, проверив себя в украинских землях.

Виделся в Полтаве с нашим М. А. Милорадовичем; ахти друг другу обрадовались! Он усердно работает по музыке и зимою думал побывать в питерских местах. Но Одесса! О «южная красавица»! ей нет никакого дела до искусства; весь интерес в пшеничке и карбованцах. Сухо, холодно, неприветливо при жаре чуть не в 40°. В Одессе был на передвижной выставке картин, еще раз с большим удовольствием посмотрел на виденное мною в Питере и с великою радостью обнял Г. Г. Мясоедова; сго «Мужик с ломом» мне ужасно понравился: в приеме и правдивости экспрессии много общего с протодиакконом И. Е. Репина. С Мясоедовым осматривали музей истории и древностей (вовсе не посещаемый одеситами); в нем меня приятно поразила украинская портретная живопись, доселе нигде мною не виданная. Занесли наши имена в книгу посетителей (оных мало), а я запасаю кроме того каталогом. В Севастополе или, вернее, в развалинах Севастополя меня пленил памятник адмиралу Лазареву, не тронутый вражьем снарядом, но сопутствуемый страшными развалинами бывших великолепных зданий адмиралтейства и доков. Монументному мастеру Микешину следовало бы поучиться, как надлежит ставить памятники добрым русским людям, если не сам он (ай, ай!) ставил памятник адмиралу Грейгу² в Николаеве. Кроме милейшей семьи Макухиных, в Севастополе об искусстве даже заикнуться нельзя. У Макухиных бывали частенько и изрядно музицировали: восторгам, искреннему увлечению конца не было. Да, бишь — Д. М. Леонова в Николаеве, в семье милейших Юрковских, заставила меня показать деткам Юрковских мою «Детскую». И обрадовались же детки, а уж маменьки совсем меня захвалили; то же было сделано в Херсоне в семье Бошняков, и тот[же] эффект, те же восторги. О Ларош! о Соловьев! о Ларош и Соловьев и Иванов вкупе с Галлером!³ На пароходе из Одессы в Севастополь, близ Тарханхутского маяка (где погибла яхта «Ливадия»⁴), когда у иных началась морская болезнь, я записал от певуний греческую и еврейскую песни⁵ и в последней сам подпевал певуньям, чем они были очень довольны и «промеж себя» называли меня мейстером. Кстати, в Одессе был в двух синагогах на богослужении и пришел в восторг. Запомнил крепко две израильских темы: одну кантора, другую хорового клира — последняя унисон; не забуду их николи.

Теперь по Дону и Волге домой.

Вот Вам, дорогой мой *généralissime*, малая повесть моя. Крепко обнимаю Вас и поздравляю с Вами вместе всю Вашу славную семью с

семейным праздником 17 сентября⁶. Кланяюсь всем милым Стасовым и пишу сердечный привет. Пожалуйста, дорогого моего Александра Васильевича Мейера обнимите за меня. А сию записочку, здесь прилагаемую, передайте голубушке Надежде Васильевне.

Ваш Мусорянин

Если хотите, мой дорогой, чтобы я как доброе упругое тело подскочил от радости до самого потолка, напишите мне в Самару⁷ до востребования. А ну, милейший, сделайте это, пораруйте Вашего Мусорянина.

253. Н. В. СТАСОВОЙ

Ялта, 11 сентября 1879 г.

Голубушка дорогая,
Надежда Васильевна,

в день Вашего праздника, 17 сентября, допустите мысль, что преданный Вам Мусорянин лично приносит Вам душевное поздравление и находится среди Вашей милейшей семьи, всегда Мусорянину приветливой и ласковой и, уже не знаю за что, любящей Мусорянина. А я, как сыр в масле, наслаждаюсь в Ялте под покровительством волшебницы Софьи Владимировны и ее очаровательного супруга Михаила Антоновича. Что за воздух, что за природа, какое море, какие дивные прогулки в окрестностях! За что это, господи, разом столько обаяний, столько вдохновляющего. Обо всем отписал моему дорогому *généralissime* и буду еще и еще писать; душа и рука расходились — буду много, много писать.

От всего сердца целую Ваши ручки.

Преданный Вам Мусорянин

Ялта.

Grand Hôtel de Russie
11 сентября 1879 г.

254. П. Г. ШЕМАЕВУ

Ростов-на-Дону, 19 сентября 1879 г.

Ростов-на-Дону, 19 сент.
1879 г.

Голубчик наш Прокопий Герасимович,
здравствуйте!

В двух подробных письмах к Павлу Александровичу я слал привет мой дружеский Вам купно с нашими общими друзьями посетителями доброй обители, коей Вы любезный и милейший настоятель. Сделав

3500 верст, посетив и обозрев Полтаву, Елисаветград, Николаев, Херсон, Одессу, Севастополь, Ялту, Феодосию, Керчь, Таганрог, мы прибыли в Ростов-на-Дону, составляющий пункт нашего маленького отдыха, ибо отсюда, через Царицын, повернем вверх по Волге к стенам священным Петрограда¹. Поистине скажу, за два месяца мы с Дарьей Михайловной Леоновой и себя показали, да и немало людей посмотрели, а приняты были со всею ласкою и гостеприимством в лучших домах и лучших художественных центрах. Д. М. Леонова действовала великолепно и всюду пожинала подобающие ей лавры.

Но какие дивные места мы видели, какую обаятельную природу, — каким животворным воздухом дышали! Точно чудесный сон, припоминаются окрестности Полтавы, красавица Одесса и волшебный южный берег Крыма, — то грозный и недоступный, нахмуренный от нависших на его скалы облаков, то нежный и приветливый, с роскошнейшими садами, прелестными, словно воздушными постройками, одетыми сверху донизу во вьющиеся редкостные растения, а сквозь эти затейливые одежды виднеются легкие резные карнизы крыш с кружевными галереями и балконами; при всем этом ярко-синее небо и зеленое, будто изумрудное море.

Возвращаясь, по современному шаблону, от области этого чудесного сна к неизбежной действительности, скажу Вам, голубчик Прокопий Герасимович, что человеку средней руки такое путешествие возможно один раз в жизни и то при артистических условиях, т. е. при помощи концертов. Дороговизна повсюду страшная, рвут кто и сколько может, и с приезжего-проезжего безукоризненно дерут. Поэтому не дивитесь, милейший мой, что до сих пор не имел никакой возможности выслать Вам, как желал душевно, на погашение моего долга². Ожидаем от пути по Волге и уж, конечно, при первой возможности стану высылать Вам должное.

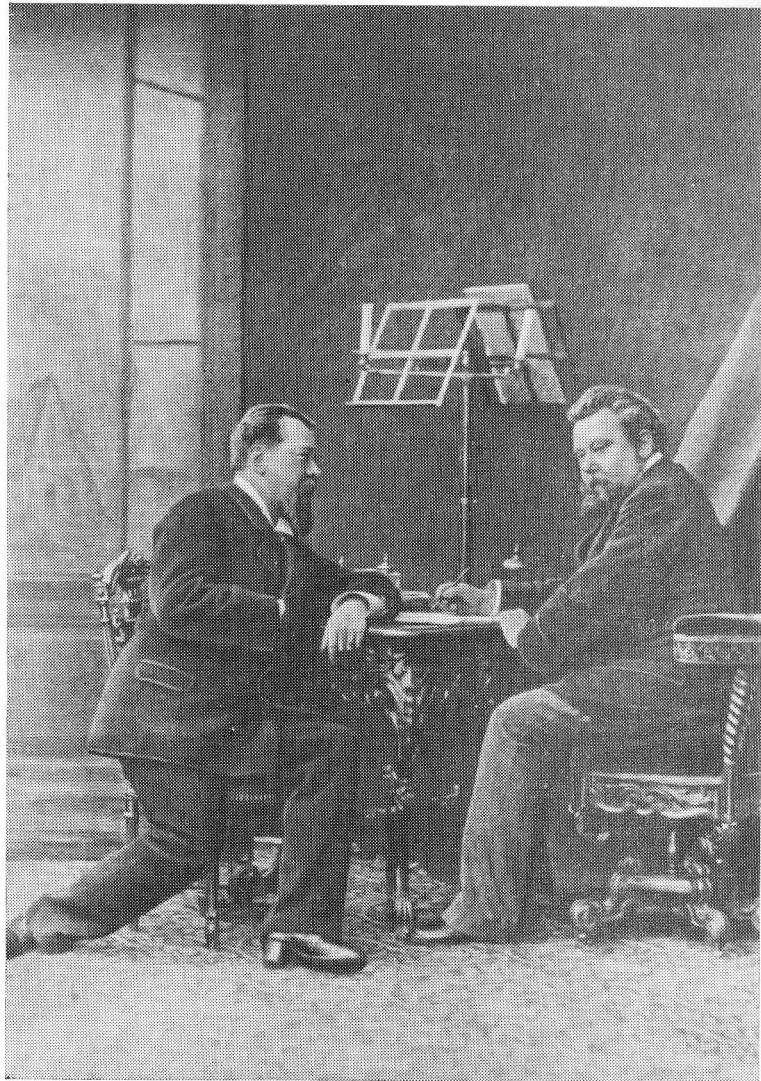
В Ростове-на-Дону ищу Николая Николаевича Гермеса и ищу усердно. Найду, если не уехал в Питер; а ужасно хотелось бы повидаться с ним, милейшим.

Спешу с отсылкою этого письма; крепко обнимаю Вас, голубчик Прокопий Герасимович, и хороших моих ласковых друзей — добрых собеседников, полюбивших меня не знаю за что, но чувствую это крепко, п[отому] ч[то] сам горячо люблю их и очень желаю поскорее свидеться. Передайте всем им, дорогим мне друзьям, мой искренний привет и благопожелание от всей моей души.

Господам при буфете Вашей доброй обители и некоторых иных ее отделах шлю поклон и желаю доброго здоровья.

До следующего письма, голубчик Прокопий Герасимович. Душевно преданный Вам

М. Мусоргский

М. П. Мусоргский и П. А. Наумов

Михаилу
Владимирову Мещерякову
Маслову

На добрую память
о союзе и дружбе
друзей, за-
бытых

Михаилу Мещерякову
1904.

Л. Б. Бертенсон

*Петербург, 14 ноября 1879 г.*Графу Арсению Голенищеву-Кутузову
от Модеста Мусоргского

В самую пору художественного воплощения твоей драмы «Царь Василий Шуйский» твоя дружеская мысль приласкала меня посвящением этого художественного труда мне, грешному¹. Придираюсь, не быв придиричивым. Вчерашний сеанс утвердил меня в правоте дела. Искренность отношения к историческим событиям, нюх в летописи и искренность, а отсюда сердечность — жизненность там, что ли, в воплощении исторических типов и явлений меня до зела любовью к твоим силам обуюла. Сдается мне, что поле твоей художественной работы — история, летопись Руси. Кажись, «в наше время, когда и проч.», как любил смеяться Добролюбов², изучение истории, передача ее в художественном воплощении требуемы и творческим инстинктом художника и обществом русских. Очаруйся: современные романы писались в то время, когда ничто не предпринималось, а мы, грешные, живем на перевале от предпринятых мер к их унятию. Возможен ли современный роман там, где отношение лица к обществу людей (et vice versa*) сегодня так, а завтра — как прикажут? Ведь только нечто постоянное (до времени) может дать художнику из суммы явлений известный тип; иначе — этот художественный тип, чтоб быть художественным, должен изображать нечто вроде «Tour de Babel»**. Если бы ты, милый друг, взялся за новую драму, не бывалую — «Лейб-кампанцы!»³ Материалов много — работать можно. Сделай — поговорь и посоветуйся с Стасовым Владимиром, а я (жив буду) оперу сделаю. Только не мни, чтобы ради этого дела я тебя на историю гнул; нет! а приятно и хорошо бы на твоей творческой мысли поработать. Авось!! — только совершенно самостоятельно сделай, как следует, а обо мне не помышляй.

Твой *Мод. Мусоргский*

Приезжай сегодня, 14-го ноября, к нам — когда хочешь.

256. Л. И. ШЕСТАКОВОЙ

Петербург, 19 декабря 1879 г.

Дорогая моя голубушка, Людмила Ивановна. Вашим добрым словом, Вашею открытою речью ко мне, захваченному делами житейской суеты¹, Вы освятили мое чувство художника и человека. Да, голубушка, дорогая

* И наоборот (лат.).

** Вавилонская башня (фр.).

Людмила Ивановна, если бы я осмелился изменить, поддаться, поиграть искусством и собою, я не имел бы в моем сознании глубоко-сердечного слова, — им же Вы меня освятили². От Вас принятое — свято оно. Еще раз Вы стали во главе настоящего чувства, а не смутного сознания, вопреки нынешним воителям за искусство и радителям о благе его. Глинка, спасенный Вами и Вами одною, в самых мельчайших проблесках его художественных дел; Глинка, в силу Вашей деятельности, ясный в развитии своих творческих сил; Глинка, отданный Вами во всемирное сведение в его гениальнейшем творении «Руслан и Людмила» — чести и гордости русской земли и всего славянского мира. И в заботах о великом русском деятеле Вы отыскиали в Вашем чудесном сердце возможность обратиться ко мне Ваше доброе слово и Вашу открытую речь! Повторяю: Вы освятили меня, дорогая голубушка, Людмила Ивановна, освятили как художника и человека.

Душою всею преданный Вам *Мусинька*

19 декабря 1879 г.

257. А. А. ГОЛЕНИЩЕВУ-КУТУЗОВУ

Петербург, вторая половина 1870-х гг.

Другу Арсению.

Если графиня дозволит, Мусорга будет рад¹.

1880_{год}

258. И. Ф. ГОРБУНОВУ

Петербург, ночь с 4 на 5 января 1880 г.

Желанный друг мой
Иван Федорович,
здравствуй!

Открываю тебе самого себя; а в чем, тому следуют и сердце и мысль, мне присущие. В ночь с 4-го на 5-ое января 1880 г., в светлой семье дорогого русским людям Третья Ивановича Филиппова, ты, хороший мой друг, впервые при мне, по крайности, поступил, как тебе, русскому большаку, поступить давно подобало. Горбунов — не прочтенный «им же», а Горбунов — творец, во всей силе правды, любви и непосредственности¹.

Дальше, вперед, тем же творческим путем; дальше, вперед, с тою же силою правды, любви и непосредственности! Горбунов, прочитавший на сцене сцену из народного быта, сочиненную «им же», умрет, бо вси смертны есмы; но Горбунов-творец не умрет*, а вовек жить будет на русской земле.

Если ты меня понял, то поймешь это дружеское послание.

Твой *Модест Мусоргский*

Ночь с 4 на 5 января
1880 г. в Питере.

259. В. В. СТАСОВУ

Петербург, 16 января 1880 г.

Сердечное спасибо, *généralissime*, за Вашу хорошую весть¹. Несмотря на маленькие невзгоды, малодушию я не предавался и не предаюсь. Девиз мой, известный Вам: «дерзай! вперед, к новым берегам!», остался неизменным. Если судьба даст возможность расширить проторенную дорожку к жизненным целям искусства, возрадуюсь и ликовать буду; требования искусства от современного деятеля так громадны, что способны поглотить всего человека. Прошло время писаний на досуге; всего себя подай людям — вот что теперь надо в искусстве.

Еще раз спасибо Вам, *généralissime*.

Ваш *Мусоргский*

16 янв. 1880 г.

260. Л. И. ШЕСТАКОВОЙ

Петербург, 22 января 1880 г.

Голубушка дорогая,
Людмила Ивановна.

Случайно, так же как случайно творится, мне привелось счастье быть с Вами сегодня на 200-м [представлении] «Руслан и Людмила». Нет и не должно быть больше сомнения в тех, кто не был сегодня. Здравствуйте, голубушка, и да здравствует пророк великий *Глинка!*

Ваш *Мусинька*

(я было всплакнул сегодня).

* Далее зачеркнуто: «но так».

261. В. В. СТАСОВУ

Петербург, 9 февраля 1880 г.

Дорогой мой *généralissime*, для Михаила Антоновича Фортунато полагал бы подходящими следующие вещи:

1. Гопак.
2. Светик Савишна.
3. По грибы.
4. Козел.
5. Спи, усни, крестьянский сын.
6. Еврейская песня.
7. Раек.

Великое Вам спасибо за крепкое сочувствие Вашему

Мусорянину

9 февр. 80 г.

262. Н. М. БЕРНАРДУ

Петербург, 1 мая 1880 г.

Многоуважаемый
Николай Матвеевич.

Прошу Вас, поспешите изданием отрывков из моей оперы «Сорóчинская ярмарка»; много меня обяжете¹.

Завтра буду у Вас. Душевный мой привет Вашей доброй семье.

Преданный Вам
М. Мусоргский

1 мая 1880 г.

263. В. В. СТАСОВУ

Ораниенбаум, 5 августа 1880 г.

Рамбов¹. 5 авг. 80 г.
д. Леоновой.

Что же это, Ваше превосходительство, обдали меня такими тяжелыми эпитетами, что даже акула, явившаяся в видении Пифагору, не проглотила бы². Но шутки в сторону, радуюсь Вашему возвращению³, а из «Хованщины» осталось дописать маленький кусочек сцены самосожжения⁴, и тогда она вся готова. О «Сорочинской ярмарке» напишу подробно; там много поделано и Чернобог готов весь⁵. Затеяна «сюита» для оркестра с арфами и фортепиано на мотивы, собранные мною от

разных добрых странников сего мира: программа ее от болгарских берегов, через Черное море, Кавказ, Каспий, Ферган до Бирмы. Сюита уже немножко начата⁶.

Ужасно рука устала писать. Приветствую двух Александров Васильевичей⁷ и обнимаю Вас.

Приятель

264. В. В. СТАСОВУ

Ораниенбаум, 22 августа 1880 г.

Рамбов, д. Леоновой
22 авг. 80 г.

Дорогой *généralissime*, наша «Хованщина» окончена, кроме маленького кусочка в заключительной сцене самосожжения: о нем надо будет совместно покалякать, ибо сей «шельма» в полнейшей зависимости от сценической техники¹. Обрадовался я увидеть в Рамбове Третья Ивановича Филиппова и показал ему (глас мой возвратился²) действие со смертью кн. Ив. Андр. Хованского. Третий Иванович остался доволен. Но скажите мне, что я буду делать с моими чертями в «Сорочинской», — во что облечь их и, вообще, как справиться с их наружностью? По *Michelet*³ я знал бы, но мне драгоценно Ваше указание. Что могло при-
сниться в сонном видении пьяному паробку? Гоголь задал как раз этот самый вопрос. Попрошу Вашей доброй помощи. Картина «Чернобога» выйдет важно, но... но при новых и живых условиях изображения чертей на сцене. Мне мерзка неосмысленная декорация, а неосмысленное изображение человеческой сонной фантазии, да еще пьяной — и подавно⁴. Помогите мне.

Крепко обнимаю Вас.

Мусорянин

265. В. В. СТАСОВУ

Ораниенбаум, ночь с 27 на 28 августа 1880 г.

Ораниенбаум, д. Леоновой
27/28 авг. 80 г.

Дорогой мой *généralissime*, всем моим сердцем и всеми моими пониманиями радуюсь возвращению милейшего Димитрия Васильевича¹. Слава богу! Добрая, радушная семья в покое (много любимая мною семья). Радуюсь и превесьма. О грешном Мусорянине могу сказать только, что сию секундочку, ночью, учинил ярмарочную сцену из «Сорочин-

ской»², — бо «Хованщина» в предчасии уже имеется: но инструментовка — о боги! — время!..³

Быть может, Мусорянин окажется верным тому, о чем говорил всегда: новый, неизведанный путь, и остановиться перед ним? Неправда. Дерзай!

Всегда всею душою Ваш
Мусорянин

266. Н. А. РИМСКОМУ-КОРСАКОВУ

Петербург, между 27 и 30 ноября 1880 г.

Дорогой мой Николай Андреевич.

От всей души доверяю Вам взять из Консерватории императорского Русского музыкального общества мою партитуру «Марш» («Взятие Карса») с партиями оркестра¹.

Ваш душою *М. Мусоргский*

Биографические материалы и документы

ЗАПISKA ДЛЯ Л. И. ШЕСТАКОВОЙ

Петербург, июль — август 1871 г.

МУСОРГСКИЙ

Первым сочинением, к прискорбию автора напечатанным у Бернарда в 1852 г., была «Porte-enseigne» Polka, посвященная товарищам по Юнкерской школе (автору было 13 лет).

1856 г. Попытка оперы на сюжет V. Hugo «Han d'Islande» — ничего не вышло, п[отому] ч[то] не могло выйти (автору было 17 лет).

1858 г. Scherzi: 1. B-dur — исполнено в 1860 г. под управлением А. Рубинштейна в концерте Русск. муз. общества. 2. cis-moll (для фортепиано — не издано) ¹.

Романсы — из них «Отчего, скажи, душа девица» издан².

Предпринята музыка к трагедии Софокла «Эдип». Хор у храма Эвменид, перед появлением Эдипа, был исполнен в 61 г. в концерте К. Лядова³.

1859 г. Нервная болезнь. Купался в ключах Тихвинского уезда, Новгородской губ. и сочинил «Kinder-Scherz» (издается) ⁴.

1860 г. Упражнял мозги⁵.

1861 г. Intermezzo (издается)
Preludio in modo classico
Menuetto⁶.

1862 г. Приводил мозги в порядок и снабжал их хорошими сведениями⁷.

1863 г. Несколько романсов — из них «Царь Саул» издается⁸.

1864 г. Предпринята опера на сюжет Флобера «Саламбо» (из пунических войн). К концу года было готово 2 картины в фортепианных набросках⁹.

«Ночь» (романс-фантазия) издается.

Первая попытка комизма: «Калистрат» Некрасова.

1865 г. Около 10-ти неизданных романсов¹⁰.

Картина из оперы «Саламбо»¹¹.

«Колыбельная» из «Воеводы» Островского (издается).

1866 г. Хор на еврейскую мелодию Байрона «Поражение Синахериба» (исполнен в 1867 г. под управлением М. Балакирева и Г. Ломакина в концерте Бесплатной музык. школы), издан в 1871 г.¹².

«Савишна» (издано).

«Гопак» (из «Гайдамаков» Шевченки) (издан).

«Семинарист» (издан и запрещен цензурою).

«Песня Яремы» (из «Гайдамаков» Шевченки).

Предпринята симфоническая картина «Ночь на Лысой горе».

1867 г. Окончена в партитуре «Ночь на Лысой горе»¹³.

«По грибы».

«Еврейская песня».

«Пирушка».

«Козел».

«Стрекотуня белобока».

«Озорник».

(изданы)

«Классик» (начало <poleмических музык. сочинений> музыкальных памфлетов) — (издан).

1868 г. «Сиротка».

«Детская песенка».

Первое действие «Женитьбы» Гоголя (писана с незначительным сокращением гоголевской речи).

Задумана опера «Борис Годунов» (по Пушкину).

«Дитя с нянею» (издается).

«Колыбельная Еремушки» (издается).

Первое действие оперы «Борис Годунов»¹⁴.

1869 г. Окончена опера «Борис Годунов»¹⁵.

1870 г. «Раек» (памфлет — издан).

«В углу».

«С куклой».

«На сон грядущий».

«Жук».

«Scherzino» (швея)¹⁶.

издаются

«Борис Годунов» представлен в дирекцию театров — забракован¹⁷.

1871 г. Новая редакция «Бориса Годунова».

Задумана комическая опера на сюжет Гоголя. Задумание послужило началом народной исторической музыкальной драмы с участием приволжской казачины¹⁸.

СПИСОК СОЧИНЕНИЙ ДЛЯ В. В. СТАСОВА

Петербург, 26 августа 1874 г.

Владимиру Владимировичу Стасову для памяти
от Мусорянина.

26 августа 74
в Петрограде

Opus — 1

Kinderschmerz (1859 г.)¹
Scherzo B-dur для оркестра (1859)²
Intermezzo (1861)³.
Scherzino (1872)

Opus — 2

Поражение Сеннахериба (1867) } хоры
Про Иисуса Навина (1866) }

Opus — 3

Гопак (1866)
По грибы (1867)
Колыбельная Еремушки (1868)
Спи, усни, крестьянский сын (1865)
Сиротка (1868)
Козел (1867)

Opus — 4

Озорник (1868)⁴
Семинарист (1866)
Савишина (1866)

Opus — 5

Ночь (1864)
Царь Саул (1863)
Пирушка (1867)
Еврейская песня (1867)
Стрекотунья белобока (1867)
Детская песенка (1868)

Opus — 6

(Альбом «Детская»)

С няней
В углу
Жук
На сон грядущий
С куклой

} (1868—1869)⁵

Opus — 7

Действие из «Женитьбы» Гоголя (1868)

Opus — 8

Классик (1867)

Рак (1869)⁶

Opus — 9

Опера «Борис Годунов» (1868—1872)

Opus — 10

Отрывки из
оперы «Млада»
(не моей)⁷

{ Праздник «Чернобога» (1873)
Шествие князей и жрецов (1873)
Рынок.

Opus — 11

Картинки с выставки (1874)
(в память Гартмана)

Opus — 12

«Без солнца»

(Альбом стихотворений Гр. Голен[ищева]-Кутузова)

В четырех стенах
Меня ты в толпе не узнала
Окончен праздный, шумный день
Скучай
Элегия
Над рекой

} (1874)

Отдельно:

Этюды к опере «Саламбо» — Флобера (1864—65 г.)⁸.

Съездил в Юкки (1873)

Песня раскольницы (1874)⁹

Забытый (с Верещагина) (1874)

Крапивная гора (1874)¹⁰

Материалы к опере «Хованщина»
(народ. муз. драма)

1873—1874—

далее не знаю.

М. Мусоринин.

Ораниенбаум, июнь 1880 г.

Модест <Петр> Мусоргский. Русский композитор. Родился в 1839 году 16 марта, Псковск[ой] губ., Тороп[ецкого] уезда¹. Сын старинной русской семьи*. Под непосредственным влиянием няни близко ознакомился с русскими сказками**. Это ознакомление с духом рус[ской] нар[одной] жиз[ни] было главным импульсом музыкальных импровизаций до начала ознакомления еще с самыми элементарными правилами игры на фортепиано. Начальную школу игры на фортепиано преподавала мать***, и дело пошло так успешно, что уже на 7-летнем возрасте он играл неб[ольшие] сочинения Листа, а на 9-летнем в большом обществе, в доме своих родителей, он сыграл б[ольшой] конц[ерт] Филыда. Отец, обожавший искусство, решил развить способн[ости] ребенка, — и дальнейшие музыкальн[ые] занятия были уже с Ан. Герке, в П[етербурге]. Профессор был так доволен учеником, что назначил его на 12-летнем возрасте играть концертное рондо Герца на домашн[ем] концерте с благодарител[ьной] целью у статс-дамы Рюминой. <Оправдание этой...> Успех и впечатление игры маленького музыканта были таковы, что проф[ессор] Герке, всегда строгий в оценке своих учеников, подарил ему сонату Бетховена As-dur². 13 лет юноша Мусоргский поступил в Школу гвард[ейских] подпрапорщиков и был удостоен особенно любезным вниманием покойного имп[ератора] Николая. Тогда же Мусоргский сочинил маленькую фортепианную пьесу и посвятил ее своим товарищам. Пьеса эта была издана отцом его при помощи Ан. Герке. Это был <его> первый труд молодого <талантливого> музыканта, появившийся в печати³. В Школе, часто посещая законоучителя отца Крупского, он <сошелся> успел, благодаря ему, глубоко проникнуть в самую суть древнецерковной музыки греческой**** и католической. 17 лет поступил в Преображ[енский] полк. В полку товарищ его Ванлярский*****

* Во французском тексте после этих слов стоит в скобках слово boyard [боярин].

** Во французском тексте это место читается иначе: «tout enfant, encore il veillait peut être des nuits; de là vient naître la passion de dire au monde en sons musicaux la tout de l'homme, pour l'incorporer en formes musicales... [еще совсем ребенком он, быть может, бодрствовал по ночам; от этого родилась страсть говорить миру музыкальными звуками все о человеке, чтобы облечь в музыкальные формы]».

*** По-французски имеется фраза: «Leçons durant il n'a pas pu supporter ce qu'on prescrivait [в течение уроков он не мог выносить того, что предписано]».

**** Во французском тексте, рукою Мусоргского сверху строчки вписаны еще слова: luthérienne-protestante [лютеранско-протестантской].

***** По-французски несколько иначе: «Son camarade de regiment Wanliarsky, adorant les beaux arts et surtout la musique, l'a introduit dans la maison de Dargomijsky (le grand génie réformateur en musique [Его товарищ по полку Ванлярский, любя изящные искусства и особенно музыку, ввел его в дом Даргомыжского (великого гения реформатора в музыке)])».

познакомил Мусоргского с гениальным А. С. Даргомыжским⁴. В доме <этого> Даргомыжского Мусоргский сблизился с крупными деятелями музыкального искусства в России: Ц. Кюи и М. Балакиревым⁵. С последним юный композитор 19-ти лет прошел всю историю развития музыкального искусства, — на примерах, при строгом <последовательной системе> систематическом анализе всех <произведений> капитальных музыкальных творений <музыкантов европейского искусства> в их исторической последовательности. Это изучение шло при постоянном совместном исполнении <их> музыкальных сочинений на двух роялях. Балакирев сблизил Мусоргского с семьей одного из капитальных знатоков художеств в России и известным художеств[енным] критиком, с Стасовыми и с сестрой <знам[енитого]> гениального творца русской музыки Глинки⁶. <Но> с своей стороны Кюи познакомил Мусоргского с знаменитым композитором польским Монюшко⁷. Вскоре затем композитор сблизился и дружески сошелся с другим также талантливым композитором, ныне известным профессором Пет[ербургской] консерв[атории] Н. А. Римс[ким]-Корсаковым⁸. Сближение это с талантливым кружком музыкантов, постоянные беседы и завязавшиеся прочные связи с обширным кругом русских ученых и литераторов, каковы Влад. Ламанский, Тургенев, Костомаров, Григорович, Кавелин, Писемский, <Достоевский>⁹, Шевченко и др., особенно возбудило мозговую деятельность молодого композитора и дало ей серьезное, строго научное направление. Результатом этого счастливого сближения был целый ряд музыкальных композиций из народной русской жизни¹⁰, а дружеское сближение в доме Шестаковой с проф[ессором] В. Никольским было причиной создания большой оперы «Борис Годунов», на сюжет великого Пушкина. В семье тайн[ого] советн[ика] Пургольда, большого любителя искусства, при участии его племянниц А. и Н. Пургольд, серьезных и талантливых исполнительниц музыки, «Борис Годунов» был исполнен при громадном обществе, в присутствии знаменитого Петрова, Плато-

* По-французски стоит: «Le grand coeur et le grand esprit de Balakireff ont fait rescussiter Moussorgsky pour aller «à large pâture». Sous la direction de Balakireff Moussorgsky a étudié sérieusement l'histoire de l'art musical avec analyse [Большое сердце и большой ум Балакирева возродили Мусоргского для того, чтобы пойти широким путем. Под руководством Балакирева, Мусоргский серьезно изучал историю музыкального искусства, с анализом]» — и далее, как в русском тексте. (Здесь ряд слов вписан и исправлен рукой Мусоргского.)

** Здесь в рукописи стоит NB и далее под знаком NB приводится вариант этой фразы:

«Результатом этого сближения было обширное философское, естественно-историческое самообразование композитора. Сближение с кружком в 1860 г.; начало знакомства и изучение литературы с 60 до 62 года; результат этой умственной работы сказался в 1866 г. рядом оригинальных сочинений...

NB 2 *скерцо*: B-dur и cis-moll; первое было исполнено оркестром под управлением А. Рубинштейна, желавшего, чтобы автор услышал себя впервые в исполнении оркестром, *Impromptu*, *Prélude* и *Menuet monstre*¹¹, «Савишна», «Гопак», «По грибы» (Моя), «Еврейская песня», для хора и оркестра «Поражение Сеннахериба» (Байрона), «Иисус Навин» (на древние израильские темы, записанные авто-

новой, Комиссаржевского и товарища директора театров Лукашевича. Тут же на месте было решено поставить на сцене 3 картины этой оперы, хотя сама опера незадолго до этого была забракована театральной дирекцией¹². При участии знаменитой артистки Д. Леоновой опера, вынесенная на плечах вышеназванных артистов, дана была, наконец, на сцене деликом при потрясающем успехе¹³. Впечатление на публику, артистов и оркестр было поражающее. Успех <оперы> первой оперы был полным торжеством автора*.

Вслед за названной оперой были задуманы, при содействии критика Стасова, профессоров Никольского и Костомарова, две оперы одновременно: «Хованщина» и «Сорочинская ярмарка» по Гоголю¹⁴. Как отдых в этой работе были созданы Альбом-серия на выставку произведений гениаль[ого] архитектора Гартмана, *Danse macabre russe* (5 картин¹⁵) на текст друга автора гр. Голенищева-Кутузова и несколько романсов на текст гр. Ал. Толстого. В 1879 году знаменитая драматическая русская певица Леонова пригласила Мусоргского предпринять большое артистическое путешествие по России в Малороссию, Крым и по Дону и Волге¹⁶. Поездка эта в продолжение 3-х месяцев была настоящим триумфальным шествием двух крупных русских артистов: талантливого композитора и известной певицы. На пути автор задумал передать в музыке никем еще не обработанное с музыкальной стороны творение великого Гете: «Песнь Мефистофеля в погребке Ауэрбаха о блохе»¹⁷. Как впечатление путешествия по Крыму Мусоргским издано уже два каприччио для фортепиано: «Байдары» и «Гурзуф»; затем сочинена и исполнена самим автором в нескольких уже концертах большая музыкальная картина «Буря на Черном море»¹⁸. Приводя к окончанию обе большие оперы — «Хованщину» и «Сорочинскую ярмарку», которая уже издается, равно как большая сюита на <темы Закаспийского края> средне-азиатские темы¹⁹. Одни из самых ярко-оригинальных картин для пения — «Савишна», «Сиротка», «Озорник», «Гопак» (Шевченко), поразившие друг

ром), «Озорник», «Стрекотушка» (Пушкина) «*Intermezzo symphonique*», «*Kinder-Scherz*», «*La Fileuse*» [«Приха»; — франц.]. «Царь Саул» по израильскому тексту, «Еврейская песня», «Детская песня Нанина», «Альбом из детской жизни», «Забытый» (из среднеазиатской войны), «Ночь» фантазия (по Пушкину), «Еремушка» (Некрасова), полемические: «Классик», «Рак», «Семинарист» — запрещ[ен] и обращается в массу рукописей, издан за границей».

В первоначальном французском тексте в этом месте рукою Мусоргского разбросаны отдельные отрывки фраз о живом корне русской национальной музыки. о значении славянских, русских песен для европейского искусства и что никакая верная мысль не может затмиться, а вечно бессмертна

* В этом месте во французском тексте стоит NB и рукою Мусоргского написано: «c'est alors que Moussorgsky a été amicalement reçu dans la famille Pétroff (célèbres artistes russes); la famille Pétroff a grandement donné la vraie et franche position au commençant compositeur [Вот почему Мусоргский был принят в семье Петровых (знаменитых русских артистов); семья Петровых дала в высокой степени правильное и откровенное направление начинающему композитору)].

автора фон Мадевайза, переданы им на хранение в Страсбургскую библиотеку с объяснительным письмом к этим пьесам автора²⁰.

Мусоргский ни по характеру своих композиций, ни по своим музыкальным воззрениям не принадлежит ни к одному из существующих музыкальных кружков. Формула его худож[ественного] profession de foi*: искусство есть средство для беседы с людьми, а не цель. Этим руководящим принципом определяется вся его творческая деятельность. Исходя из убеждения, что речь человека регулируется строго музыкальными законами (Virchow, Gerwinus), он смотрит на задачу музыкаль[ного] искусства, как на воспроизведение в музыкальных звуках не одного только настроения чувства, но и главным образом настроения речи человеческой. Признавая, что в области искусства только художники-реформаторы, как Палестрина, Бах, Глюк, Бетховен, Берлиоз, Лист, создавали законы искусству, он не считает эти законы за непреложные, а прогрессирующими и видоизменяющимися, как и весь духовный мир человека**.

Под влиянием выработавшихся таких худ[ожественных] взглядов композитора на <св> задачи и характер своего творчества — был целый²¹.

ПРОШЕНИЕ ОБ ОТСТАВКЕ

Просит л[ейб] гв[ардии]
Преображенского полка
прапорщик Модест Петров
сын Мусоргский 2-й о ни-
жеследующем.

В службу Вашего императорского величества вступил я из унтер-офицеров школы гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров, прапорщиком, 16-го июня 1856 года, с определением в л[ейб] гв[ардии] Преображенский резервный полк, имея тогда от роду семнадцать лет; отправлен из школы 22 июня 1856 года, прибыл к полку 25 числа того же года и месяца; по расформировании резервного полка перечислен в л[ейб] гв[ардии] Преображенский полк 8 октября 1856 года.

* Исповедание веры (фр.).

** Первоначально последний абзац был формулирован вверху этой страницы рукописи несколько иначе:

«Заключительное убеждение, — как формула художеств[енного] profession de foi выразилась <в том что> во взгляде на задачу искусства вообще: искусство есть средство беседы с людьми, а не цель. <Цель искусства> Цель музык[ального] искусства — воспроизвед[ение] в музык[альных] звуках настроения чувств, а главное, речи человеческой, т[ак] к[ак] речь человека регулируется строго музыкальн[ыми] законами (Virchow, Gerwinus)».

Только реформаторы в искусстве дали законы этому искусству, но законы эти не непреложны, а прогрессируют, как весь духовный мир человека.

По выборам дворянства не служил. В походах и в делах против неприятеля не был. Сверх настоящих обязанностей, особых поручений по высочайшим повелениям и от своего начальства не имел. Высочайших благоволений, всемилостивейших рескриптов и похвальных листов от своего начальства не получал.

Окончил воспитание в школе гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров и выпущен из оной офицером в гвардию, а по гражданскому чинопроизводству — с правами первого разряда.

В отпуску был в 1857 году, с 13 июня, на 15 дней в счет разрешенного позже 4-месячного отпуска, из коего прибыл 15 октября того же года.

В штрафах по суду и без суда, а также и под следствием не был.

Состою в комплекте при полку налицо. К повышению чином аттестуюсь достойным, а к знаку отличия беспорочной службы не выслужил срока.

Холост, исповедания православного, из дворян, уроженец Псковской губернии, от роду ныне имею девятнадцать лет. За отцом моим состоит родовое имение в губерниях: Ярославской — 25 душ и Псковской — 233 души крестьян и за матерью в Псковской губернии — 28 душ крестьян.

Усердно бы желал продолжать воинскую Вашего императорского величества службу, но домашние обстоятельства лишают меня этой возможности, а потому, поднося у сего установленный реверс и лист гербовой бумаги, всеподданнейше прошу, дабы повелено было сие мое прошение принять и меня, именованного, по домашним обстоятельствам, с награждением следующим чином от службы уволить¹.

СПбург, мая 1 дня, 1858 года. К поданию подлежит по команде. Прощение сие со слов просителя писал того же полка музыкант Иван Воронин.

К сему прошению л[ейб] гв[ардии] Преображенского полка прапорщик Модест Петров сын Мусорский 2-й руку приложил.

ОБЪЯВЛЕНИЕ МИРОВОМУ ПОСРЕДНИКУ

Торонец, 1 июля 1865 г.

КОПИЯ

Господину мировому посреднику 4-го участка
Торонецкого уезда

Помещиков: гвардии подпоручика Филарета Петрова и коллежского секретаря Модеста Петрова Мусорских

Объявление

Соглашаясь подчиниться условиям, поставленным в статье 35-й Положения о выкупе, мы требуем обязательного выкупа всего поземельного

надела, отведенного по уставной грамоте временно обязанных крестьян¹ Покровского сельского общества, селения Малашева, поселенных на земле нашей². Это имение приобретено нами в 1853 году от отца нашего коллежского секретаря Петра Алексеева Мусорского по наследству³; на имении этом, так же как и на других имениях наших Торопецкого уезда, сельских обществ: Гойтовского, Юрьевского и Головковского, находится запрещение, наложенное Киевскою казенною палатою, принявшею залоговое свидетельство на все торопецкие имения наши залогом в обеспечение платежа, рассроченной киевским откупщикам, купцам Балаховскому, Соколовскому и Креницкому, недоимки, суммою в 16 567 руб. 37¹/₂ коп.; свидетельство это было принято в залог Киевскою казенною палатою неправильно, о чем и производится дело в 1-м Департаменте Правительствующего сената⁴.

Селение Малашево находится в Псковской губернии Торопецкого уезда в Поженской волости. По 10-й ревизии числится в оном мужеского пола душ крестьян шесть, по уставной же грамоте числится душевых наделов пять.

В постоянное пользование крестьян по уставной грамоте отведено двадцать семь десятин, тысяча двести сажен удобной земли; из этого количества, под усадьбой — одна десятина шестьсот сажен, пахотной — семнадцать десятин тысяча двести сажен и сенного покосу восемь десятин тысяча восемьсот сажен.

За означенные земли и угоды причитается с крестьян, на основании Местного положения, оброка по сорока рублей в год⁵.

К сему объявлению прилагается копия с оного и засвидетельствованная копия с устной грамоты.

Деньги, 5% билетов Государственного банка и выкупные свидетельства просим выдать нам по месту жительства нашего в С-Петербурге, Коломенской части 1-го квартала в доме Погребова под № 9/31.

1865 года июля 1-го дня. Гвардии подпоручик *Филарет Петров Мусорский* и коллежский секретарь *Модест Петров Мусорский*.

Что действительно объявление это подписано подпоручиком Филаретом и коллежским секретарем Модестом Мусорским, в том Торопецкое полицейское управление удостоверяет 1-го июля 1865 года*.

Подписали: помощник исправника Хмелев.

М. П.** секретарь Телеховский.

Верно: секретарь присутствия [подпись неразборчива].

* На полях возле этого абзаца проставлен № 119.

** Место печати.

ПРОШЕНИЕ В КОМИТЕТ ЦЕНЗУРЫ ИНОСТРАННОЙ

Петербург, 18 августа 1870 г.

В Комитет иностранной цензуры
коллежского асессора Модеста Петровича
Мусоргского

Прошение

Вследствие сообщенного мне признания комитетом Внутренней цензуры, изданного в Дрездене музыкального моего сочинения «Семинарист» неудобным к обращению в продажу, имею честь покорнейше просить Комитет иностранной цензуры разрешить выдачу десяти экземпляров названного сочинения, для раздачи следующим моим знакомым:

1. Вдове капитан-лейтенанта Людмиле Ивановне Шестаковой (урожд. Глинка)	1 экз.
2. Директору Бесплатной музыкальной школы, состоящей под покровительством государя наследника цесаревича, Милию Алексеевичу Балакиреву	1 экз.
3. Профессору императорских: Училища правоведения и Лицея, надворному советнику, Владимиру Васильевичу Никольскому	1 экз.
4. Дочерям действительного статского советника Надежде Николаевне и Александре Николаевне Пургольд	2 экз.
5. Профессору Николаевской инженерной и Михайловской артиллерийской академий инженер-капитану Цезарю Антоновичу Кюн	1 экз.
6. Тайному советнику Владимиру Федоровичу Пургольд	1 »
7. Лейтенанту Николаю Андреевичу Римскому-Корсакову	1 »
8. Состоящему при 2-м отделении собственной его императорского величества канцелярии действительному статскому советнику Владимиру Васильевичу Стасову	1 »
9. Профессору императорской медико-хирургической академии статскому советнику Александру Порфирьевичу Бородину	1 »

Итого 10 экземпляров!

Коллежский асессор *Модест Петрович Мусоргский*

18 августа 1870 г. С.-Петербург

ПРОШЕНИЕ ОБ ОПЕРЕ «БОРИС ГОДУНОВ»

Петербург, между 18 и 20 января 1874 г.

Его превосходительству господину директору имп. театров, Степану Александровичу Гедеонову.

Имею честь покорнейше просить Ваше превосходительство о принятии в Дирекцию императорских театров на условиях поспектакльной платы сочиненную мною оперу в 5-ти действиях «Борис Годунов».

М. Мусоргский¹.

ДАРСТВЕННАЯ НА ИМЯ Т. И. ФИЛИПОВА

Петербург, 14 марта 1881 г.

Тысяча восемьсот восемьдесят первого года марта четырнадцатого дня, я, нижеподписавшийся, коллежский советник Модест Петрович Мусоргский, выдал сей акт тайному советнику Тertiю Ивановичу Филиппову в том, что подарил ему в полную и единственную его собственность все принадлежащие мне авторские права на все музыкальные мои сочинения, как уже изданные, так и неизданные, оценивая эти права в две тысячи рублей серебром. Из сего акта исключаются сочинения, уже проданные другим лицам¹. Коллежский советник Модест Петрович Мусоргский, а за болезнью его по личной его просьбе расписался граф Арсений Аркадиевич *Голенищев-Кутузов*². При составлении сего акта свидетелями были, самоличность Модеста Петровича Мусоргского и законную его правоспособность к совершению актов удостоверяем: действительный статский советник Владимир Васильевич *Стасов*³, надворный советник Николай Андреевич *Римский-Корсаков*⁴, гражданин Великого княжества Финляндского Феодор Дмитриевич *Гридин*⁵. Тысяча восемьсот восемьдесят первого года, марта четырнадцатого дня Акт этот явлен мне, Михаилу Ивановичу Успенскому, с-петербургскому нотариусу, имеющему контору Московской части по Невскому проспекту, № 51, коллежским советником Модестом Петровичем Мусоргским, в месте излечения его Рождественской части по Конногвардейской улице, в Николаевском военном госпитале, самоличность и законную правоспособность которого к совершению актов удостоверили находившиеся там же, лично мне известные свидетели: действительный статский советник Владимир Васильевич Стасов, надворный советник Николай Андреевич Римский-Корсаков и гражданин Великого княжества Финляндского Феодор Дмитриевич Гридин, живущие первые двое Литейной части по Сергиевской и Фурштадтской, №№ 79 и 21, последний Спасской части по

Александровской площ., № 3. Причем находился, расписавшийся по болезни и личной просьбе Мусоргского граф Арсений Аркадиевич Голенищев-Кутузов, живущий Литейной части по Моховой, № 29, лично мне известный. Сбора в доход города взыскано десять рублей. По реестру № 2742.

Нотариус *М. Успенский.*

ЗАПИСКА О Ц. А. КЮИ ДЛЯ Л. И. ШЕСТАКОВОЙ

Петербург, июль — август 1871 г.

ЦЕЗАРЬ АНТОНОВИЧ КЮИ

Первым сочинением, занесенным на бумагу, была фортепианная пьеска (автору было 14 лет).

1849—1850 Шесть мазурок и двадцать три пьески для фортепиано.

С 1850 г. Знакомство с Моңюшкой; до 50-ти польских и французских романсов (задавались Моңюшкой на урок).

1856 г. Первый русский романс «Так и рвется душа» (издан). Еще несколько русских романсов.

1857 г. Соната для скрипки и фортепиано.
Scherzo (gis-moll).

1857—58 г. Опера «Кавказский пленник».
Несколько романсов.

Тарантелла. Scherzo (F-dur) исполнено в 60 г. под управлением А. Рубинштейна в концерте Русского Музыкального Общества.

1858—59 г. Комическая опера «Сын Мандарина».

1859 г. Мазурка (h-moll).
Романсы.

1860 г. Scherzo (C-dur).
Романсы.

Задумана и начата опера «Ратклиф».

1864 г. Начало критической и полемической деятельности.

1867 г. Окончена опера «Ратклиф» (дана на сцене Мариинского театра в 1869 г.).

1868 г. Marche bourlèsque.

1869—71 г. Задумана и начата опера «Тизба» (Comédienne de Venise. V. Hugo).

ПРОЕКТ ПРОГРАММЫ КОНЦЕРТА А. Н. МОЛАС

Петербург, до 18 января 1879 г.

Каменный гость

1. Сцена у Лауры.
2. Сцена у Донны Анны и финал.

(Антракт)

1. Раек.
2. Ночь пролетала.
3. Я верю, я любим.
4. Няня (бука).
5. Девочка } (Савишна.
6. Отравой полны } (Классик)
7. <Рыбка>, <Введи меня, о ночь>, <Волны говорят>, <Рыб-
ка>, Ночь.
8. Тяпа.
9. Мишенька.
10. Я вновь с тобой.

Комментарии

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

принятых в комментариях

БМШ	— Бесплатная музыкальная школа
ГПБ	— Отдел рукописей Государственной публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина
ГЦММК	— Государственный центральный музей музыкальной культуры имени М. И. Глинки
ГЦТМ	— Государственный центральный театральный музей имени А. А. Бахрушина
Избр.	— «М. П. Мусоргский. Избранные письма», под ред. М. С. Пекелиса. М., Музгиз, 1953
ИРЛИ	— Отдел рукописей Института русской литературы Академии наук СССР
ИТМК	— Рукописный отдел Ленинградского государственного института театра, музыки и кинематографии
Кюи. Письма	— «Ц. А. Кюи. Избранные письма», сост. И. Л. Гусин. Л., Музгиз, 1953
ЛГК	— Рукописный отдел библиотеки Ленинградской орден Ленина Государственной консерватории имени П. А. Римского-Корсакова
отд. изд.	— отдельное издание: «М. П. Мусоргский. Письма к М. А. Балакиреву (1857—1872)». П., изд. «Русской музыкальной газеты», 1915
Письма и документы	— «М. П. Мусоргский. Письма и документы» под ред. А. Н. Римского-Корсакова. М., Музгиз, 1932
«Письма к В. В. Стасову»	— отдельное издание: «М. П. Мусоргский. Письма к В. В. Стасову». СПб., изд. «Русской музыкальной газеты», 1911
Письма к Г.-К.	— «М. П. Мусоргский. Письма к А. А. Голенищеву-Кутузову», сост. П. В. Аравин. М.—Л., Музгиз, 1939
Римский-Корсаков. Соч. т. V	— «Н. Римский-Корсаков. Полное собрание сочинений». Литературные произведения и переписка, том V. Том подготовлен А. С. Ляпуновой. М., Музгиз, 1963
РМГ	— «Русская музыкальная газета»
РМО	— Русское музыкальное общество
Сб. «Балакирев»	— «М. А. Балакирев. Воспоминания и письма». Л., Музгиз, 1962

Кроме перечисленных, применяются общепринятые сокращения, например: д. — дело, ед. хр. — единица хранения, комм. — комментарий, л. — лист, примеч. — примечание, ред. — редакция, стб. — столбец, стр. — страница, ф. — фонд, и т. п.

— А. Орлова. Труды и дни М. П. Мусоргского. Летопись жизни и творчества. М., Музгиз, 1963
— Центральный государственный архив литературы и искусства
— Центральный государственный военно-исторический архив
— Центральная музыкальная библиотека.

ПИСЬМА

К письму 1

ГПБ, ф. 502, № 142, л. 1. Впервые опубликовано: РМГ, 1913, № 39, стб. 820—821; перепеч.: отд. изд., стр. 1—2; Письма и документы, № 1.

Основание датировки: на почтовом штемпеле — 16 декабря 1857 года; в этом году 16 декабря приходилось на понедельник; если б письмо было от 16-го, то Мусоргский скорее написал бы о встрече «завтра», он же пишет: «в этот вторник», поэтому естественней предположить, что письмо написано накануне вечером, то есть 15 декабря; ср. также с письмом 2, написанным 17 декабря в ответ на письмо Балакирева от 16 декабря, которое, в свою очередь, является ответом на настоящее письмо (ср. также с датировкой письма 3).

¹ Знакомство Мусоргского с Балакиревым произошло в доме Даргомыжского за несколько дней до этого письма.

² О каких родных упоминается в письме, установить не удалось.

К письму 2

ГПБ, ф. 502, № 142, л. 4. Впервые опубликовано: РМГ, 1913, № 39, стб. 821; перепеч.: отд. изд., стр. 2—3; Письма и документы, № 2.

Год установлен по почтовому штемпелю.

¹ Ответ на несохранившееся письмо Балакирева.

К письму 3

ГПБ, ф. 502, № 142, л. 7. Впервые опубликовано: РМГ, 1913, № 39, стб. 821; перепеч.: отд. изд., стр. 3; Письма и документы, № 3.

Основание датировки: на почтовом штемпеле — 7 января 1858 года; но письмо написано накануне, так как в нем сообщается о параде во дворце, происходившем по случаю праздника крещения 6 января.

¹ Мусоргский пишет об А. С. Гуссаковском.

² В качестве преображенского офицера Мусоргский присутствовал на крещенском параде.

К письму 4

ГПБ, ф. 502, № 142, л. 10. Впервые опубликовано: РМГ, 1913, № 39, стб. 829; перепеч.: отд. изд., стр. 3—4; Письма и документы, № 4.

Год определен по календарю (понедельник 13 января приходился на 1858 год), а также по упоминанию о караульной службе.

¹ По вторникам происходили занятия Мусоргского с Балакиревым.

К письму 5

ГПБ, ф. 502, № 142, лл. 13—13 б. Впервые опубликовано: РМГ, 1913, № 39, стб. 822; перепеч.: отд. изд., стр. 4; Письма и документы, № 5.

Основание датировки: почтовый штемпель 24 января 1858 года, письмо написано накануне, поздно вечером, после театра.

¹ Это место следует понимать так, что письмо Балакирева пришло после прихода последнего к Мусоргскому.

² 23 января 1858 года в Театре-цирке исполнялась опера Д. Обера «Фенелла».

К письму 6

ГПБ, ф. 502, № 142, л. 15. Впервые опубликовано: РМГ, 1913, № 39, стб. 822—823; перепеч.: отд. изд., стр. 5; Письма и документы, № 6.

Датируется по почтовому штемпелю — 25 февраля 1858 года (ср. с письмами 1 и 5).

¹ О каком *Allegro* говорится в письме, не установлено.

² О какой восточной музыке пишет Мусоргский, — неясно; возможно, это интродукция к «Эдипу».

К письму 7

ГПБ, ф. 502, № 142, лл. 17—18 об. Впервые опубликовано: РМГ, 1913, № 39, стб. 823—824; перепеч.: отд. изд., стр. 5—8; Письма и документы, № 7.

Год определен по почтовому штемпелю. Письмо адресовано в Нижний Новгород.

¹ Мусоргский упоминает письмо Балакирева «Послание Мелиховскому заведению из Иерихона от соотечественника Мипина и Пожарского» (Иерихон — по путочной терминологии балакиревского кружка — Москва; соотечественник Мипина и Пожарского — сам Балакирев — уроженец Нижнего Новгорода) от 5 июля 1858 года с описанием поездки из Петербурга в Москву (см. «Переписку М. А. Балакирева и В. В. Стасова». М., «Музыка», 1970, стр. 62—63).

² В письме к Стасовым Балакирев, между прочим, рассказал о потере своей палки.

³ Бот то место из письма Балакирева, о котором пишет Мусоргский: «Вечером мы с необыкновенным удовольствием гуляли в Кремле, который, как и всегда, привел меня в восторг. Вечер был чудный, вид на Замоскворечье бесподобный. В душе у меня родилось много прекрасных чувств, которых я умею пересказать Вам. Тут я почувствовал с гордостью, что я — русский. Я в своих немногих произведениях выразил некоторые частички Кремля, именно кремлевские башни; но теперь вижу, что дело не обойдется без симфонии в честь Кремля» («Переписка М. А. Балакирева и В. В. Стасова», стр. 62—63).

⁴ Мусоргский вместе с братом ездил в июле 1858 года на свадьбу школьного товарища Мусоргского Г. Ф. Менгдена с З. Н. Бурцевой в деревню Бурцевых.

⁵ В Красном Селе под Петербургом находились лагеря Преображенского полка, в котором служил П. И. Мусоргский.

⁶ Бахом прозвала В. В. Стасова Шестакова (с которой в то время Мусоргский еще не был знаком), и это прозвище прочно укрепилось за Стасовым в балакиревском кружке.

К письму 8

ГПБ, ф. 502, № 142, лл. 20—21 об. Впервые опубликовано: РМГ, 1913, № 39, стб. 824—827; перепеч.: отд. изд., стр. 8—12; Письма и документы, № 8.

Датируется по почтовому штемпелю — 13 августа 1858 года; письмо написано ночью.

¹ Мусоргский предполагал посвятить сонату З. Н. и Г. Ф. Менгденам.

² 19 августа 1858 года Ц. А. Кюи писал по этому поводу М. А. Балакиреву: «Мусоргский бредит *fis-moll*ной сонатой и «Эдином» (Кюи. Письма, стр. 50).

³ Летом 1858 года Мусоргский написал романс «Отчего, скажи, душа девица» (закончен 31 июля).

⁴ Поездка состоялась в сентябре; о посещении Мусоргским Нижнего Новгорода имеются сведения в письме А. М. Яsherовой к М. А. Балакиреву от 2 февраля 1859 года (ИРЛИ, ф. 162, М. А. Балакирева, оп. 4, № 1277).

⁵ Здесь говорится о книге: И. К. Лафатер. *Aussicht in die Ewigkeit* (1768—1778) (ср. с письмом 19). По этому поводу Ф. П. Мусоргский сообщает: «Читал он [Модесть] очень много, особенно всего исторического, [...] читал также с увлечением немецких философов; одно время он усердно занимался переводом с немецкого на русский «Лафатера» (из письма к В. В. Стасову; перепеч.: сб. «Мусоргский», стр. 113).

К письму 9

ГПБ, ф. 502, № 142, л. 23—23 об. Впервые опубликовано: РМГ, 1913, № 40; стб. 852—853; перепеч.: отд. изд., стр. 12—13; Письма и документы, № 9.

¹ В этом сезоне (12 ноября 1858 года) после 15-летнего перерыва была возобновлена опера Глинки «Руслан и Людмила» (в Театре-цирке).

² 30 декабря 1858 года А. Н. Серов читал в университетской аудитории первую (вступительную) из цикла шестнадцати лекций «О музыке с ее технической, исторической и эстетической стороны». Содержание ее: «Общие положения о музыке. Музыкальные наслаждения низшие и высшие, непросвещенные и просвещенные. Музыка в ряду прочих изящных искусств» и т. д. («Музыкальный и театральный вестник», 1858, № 50, последняя стр. объявлений).

³ В наследии Мусоргского известна только одна полька — «Подпрапорщик». Вряд ли в 1859 году Балакирев и Кюи могли заинтересоваться детским сочинением Мусоргского, а последний едва ли стал бы обижаться на забракование этой пьесы. По-видимому, речь идет о другой польке — неизвестной и, возможно, уничтоженной после критики.

⁴ Царская Славянка, село в Петербургской губернии Царскосельского уезда на реке Славянке; здесь находились военные лагеря.

К письму 10

ГПБ, ф. 502, № 142, л. 26. Впервые опубликовано: РМГ, 1913, № 40, стб. 853; перепеч.: отд. изд., стр. 13; Письма и документы, № 10.

Год указан при первой публикации.

К письму 11

ГПБ, ф. 502, № 142, л. 28. Впервые опубликовано: РМГ, 1913, № 40, стб. 853; перепеч.: отд. изд., стр. 13—14; Письма и документы, № 11.

¹ Мельники — распространенная в то время карточная игра.

К письму 12

ГПБ, ф. 502, № 142, л. 30. Впервые опубликовано: РМГ, 1913, № 40, стб. 853; перепеч.: отд. изд., стр. 14; Письма и документы, № 12.

Год — по почтовому штемпелю.

К письму 13

ГПБ, ф. 502, № 142, л. 32—33 об. Впервые опубликовано: РМГ, 1913, № 40, стб. 853—854; перепеч.: отд. изд., стр. 14—16; Письма и документы, № 13.

Год — по почтовому штемпелю получения в Петербурге: «18 июня 1859 г.». Май — описка Мусоргского.

¹ Именье Шиловских Глебово находилось в пяти верстах от города Воскресенска (ныне г. Истра). У М. В. Шиловской часто гостил А. С. Даргомыжский и позднее у ее сына, К. С. Шиловского — П. И. Чайковский, сочинявший здесь оперу «Евгений Онегин».

² Новый Иерусалим — монастырь возле Воскресенска, основанный патриархом Никоном в 1656 году; после падения купола, шатра и ротонды собор был восстановлен по проекту В. В. Растрелли в 1749—1775 годах и представлял один из шедевров последнего; разрушен во время Великой Отечественной войны.

³ Gâteau Mathilde — название сладкого пирога.

⁴ Кюням — то есть супругам Ц. А. Кюн и М. Р. Кюн, поженившимся незадолго до этого.

К письму 14

ГПБ, ф. 502, № 142, лл. 35—36 об. Впервые опубликовано: РМГ, 1913, № 40, стб. 855—856; перепеч.: отд. изд., стр. 16—18; Письма и документы, № 14.

Год определен по содержанию письма (пребывание в Глебово и первое посещение Москвы).

¹ Иерихон — Москва.

² Гостиным двором Мусоргский назвал Торговые ряды (ныне здание ГУМа).
³ Точная цитата из «Горя от ума» Грибоедова; следует: «На всех московских есть особый отпечаток».

К письму 15

ГПБ, ф. 502, № 142, л. 38. Впервые опубликовано: РМГ, 1913, № 40, стб. 856; перепеч.: отд. изд., стр. 18—19; Письма и документы, № 15.

¹ Увертюра Балакирева из музыки к трагедии Шекспира «Король Лир».

К письму 16

ГПБ, ф. 502, № 142, л. 41. Впервые опубликовано: РМГ, 1913, № 41, стб. 887—888; перепеч.: отд. изд., стр. 19; Письма и документы, № 16.

Год — по почтовому штемпелю и по календарю.

¹ Мусоргский подразумевает Александрийский театр, необоснованно приписывая авторство проекта отцу В. В. Стасова («Генерал-Баха»), В. П. Стасову; на самом деле здание Александрийского театра построено по проекту К. И. Росси; «мелешым» Мусоргский называет В. П. Стасова как представителя классицизма в архитектуре, ассоциирующегося с ненавистной эпохой царствования Александра I и Николая I.

К письму 17

ГПБ, ф. 502, № 142, л. 43—43 об. Впервые опубликовано: РМГ, 1913, № 41, стб. 888; перепеч.: отд. изд., стр. 19—20; Письма и документы, № 17.

Год определен по календарю.

¹ Д. В. Стасов вернулся из Вены.

К письму 18

ГПБ, ф. 502, № 142, л. 45—45 об. Впервые опубликовано: РМГ, 1913, № 41, стб. 888; перепеч.: отд. изд., стр. 20—21; Письма и документы, № 18.

¹ Спор, по-видимому, шел о преимуществах христианской религии перед еудейской; в этом письме ощущается отголосок националистических настроений Балакирева.

К письму 19

ГПБ, ф. 502, № 142, лл. 47—48 об. Впервые опубликовано: РМГ, 1913, № 41, стр. 888—890; перепеч.: отд. изд., стр. 21—23; Письма и документы, № 19.

Год установлен по почтовому штемпелю.

¹ Письмо Балакирева, на которое отвечает Мусоргский, не обнаружено.

² Роман И. А. Гончарова «Обломов» вышел в свет в 1859 г.

³ О какой книге по геологии идет речь — неизвестно.

К письму 20

ЛГК. Впервые опубликовано: Письма и документы, дополнение, стр. 523. Датировано приблизительно при первой публикации по времени общения Мусоргского с Захарьиными.

К письму 21

ГПБ, ф. 502, № 143, лл. 1—2 об. Впервые опубликовано: РМГ, 1913, № 41, стб. 890—892; перепеч.: отд. изд., стр. 24—26; Письма и документы, № 20.

¹ Манфред — герой одноименной драматической поэмы Байрона.

² Тетушка (возможно, Надежда Алексеевна Мусоргская), старушка Маркова и Лара — неустановленные лица.

К письму 22

ГПБ, ф. 502, № 143, л. 3. Впервые опубликовано: РМГ, 1913, № 41, стб. 892; перепеч.: отд. изд., стр. 27; Письма и документы, № 21.

Год установлен по календарю.

¹ Упоминаемая записка Кюн не обнаружена.

К письму 23

ГПБ, ф. 502, № 143, лл. 5—6. Впервые опубликовано: РМГ, 1913, № 43; стб. 940—942; перепеч.: отд. изд., стр. 27—29; Письма и документы, № 22.

Год — по почтовому штемпелю.

¹ Мусоргский гостил в Глебово у Шиловских.

² О какой сонате идет речь, не установлено.

³ Из музыки к «Эдипу» сохранился лишь один хор — «Сцена в храме».

⁴ Драма Г. Ф. Менгдена «Ведьма» не обнаружена; по-видимому, Мусоргский располагал рукописью. Это первое упоминание о замысле «Ночи на Лысой горе» (подробно см. комм. 1 к письму 60).

⁵ Летом 1860 года Балакирев записывал на Волге народные песни, вошедшие в составленный им «Сборник русских народных песен». (СПб., А. Иогансен, 1866).

⁶ Гуссаковский инструментовал Allegro Es-dur для исполнения в университетском концерте 15 января 1861 года.

⁷ Н. И. Компанейский вспоминает, что с 1860 года Мусоргский «начинает самостоятельно изучать технику искусства, после чего направление его таланта круто поворачивает на самостоятельный путь» (цит. по кн.: «Труды и дни», стр. 94—95).

К письму 24

ГПБ, ф. 502, № 143, л. 8. Впервые опубликовано: РМГ, 1913, № 43, стб. 942; перепеч.: отд. изд., стр. 30; Письма и документы, № 23.

Год — по почтовому штемпелю.

К письму 25

ГПБ, ф. 502, № 143, л. 11—11 об. Впервые опубликовано: РМГ, 1913, № 47, стб. 942; перепеч.: отд. изд., стр. 30—31; Письма и документы, № 24.

Год — по почтовому штемпелю.

¹ Хор народа из музыки к «Эдипу» предполагался к исполнению в концерте РМО, вероятно, по инициативе Д. В. Стасова, после успешного исполнения (также в концерте РМО) 11 января 1860 года скерцо B-dur.

К письму 26

ГПБ, ф. 502, № 143, л. 14. Впервые опубликовано: РМГ, 1913, № 45, стб. 1005; перепеч.: отд. изд., стр. 31—32; Письма и документы, № 25.

Датируется в соответствии с почтовым штемпелем «25 декабря 1860 г.» и приписанной цифрой «8» (8 часов утра?) (ср. с письмами 1, 5 и др.).

¹ Мусоргский делал переложение музыки к «Королю Лиру».

К письму 27

ГПБ, ф. 502, № 143, л. 17. Впервые опубликовано: РМГ, 1913, № 45, стб. 1005; перепеч.: отд. изд., стр. 32; Письма и документы, № 26.

¹ Наш вечер — «музыкальная среда» у Балакирева.

К письму 28

ГПБ, ф. 502, № 143, л. 20. Впервые опубликовано: РМГ, 1913, № 41, стб. 890; перепеч.: отд. изд., стр. 24; Письма и документы, № 27; Избр., № 1 (без начала).

Датировано по календарю и временем переложения Мусоргским антрактов из музыки Балакирева к «Королю Лиру». Письмо написано до 1 января, которое приходилось на воскресенье. В первой публикации неверно датировано — конец 1859 года.

К письму 29

ГПБ, ф. 502, № 143, лл. 22—23. Впервые опубликовано: РМГ, 1913, № 45, стб. 1005—1007; перепеч.: отд. изд., стр. 32—35; Письма и документы, № 28; Избр., № 1 (не всё).

Год — по почтовому штемпелю.

¹ 15 января 1861 года состоялось первое исполнение антрактов к «Королю Лиру» Балакирева и Allegro Гуссаковского в университетском концерте.

² Симфония B-dur сочинялась в виде фортепианных набросков в течение 1861—1862 годов.

³ Мустафой в балакиревском кружке прозвали А. П. Арсеньева за профессию востоковеда.

⁴ В начале фортепианной фантазии Шумана авторская ремарка «Durchaus fantastisch».

⁵ Зимой 1861 года в нотном магазине Ю. Грессера в Москве состоялась выставка-продажа портретов композиторов.

⁶ Симфоническим московским трибуналом Мусоргский назвал симфонические собрания Московского отделения РМО.

⁷ Статья А. Г. Рубинштейна «О музыке в России» была опубликована в журнале «Век», 1860, № 1.

⁸ Содержание статьи А. Г. Рубинштейна Мусоргский весьма тенденциозно толкует в духе воззрений балакиревского кружка. Рубинштейн же доказывал необходимость музыкально-профессионального образования в России и учреждения консерваторий. Особенно сильное возмущение Мусоргского вызвало следующее место статьи: «Консерватория [...] даст русских учителей музыки, русских музыкантов для оркестра, русских певцов, которые будут трудиться так, как трудится человек, который видит в своем искусстве средство к существованию, право на общественное уважение, средство прославиться и т. д.». Статья Рубинштейна вызвала бурный протест кучкистов (см. статью В. В. Стасова в «Северной пчеле», 1861, № 45). Восклицание «О Осéан, о лужа» — намек на вторую симфонию А. Г. Рубинштейна «Океан».

К письму 30

ГПБ, ф. 502, № 143, лл. 25—26. Впервые опубликовано: РМГ, 1914, № 3, стб. 68—69; перепеч. отд. изд., стр. 35—38; Письма и документы, № 29.

Год — по почтовому штемпелю.

¹ Товарищество среды — Могучая кучка, собрания которой происходили по средам.

² Мусоргский играл Демидову произведения Гуссаковского и Кюи.

³ Музыкальное немецкое министерство — РМО.

⁴ Программа концерта Московского отделения РМО под упр. Н. Г. Рубинштейна в субботу 14 января была следующая: симфония D-dur Гайдна, *Andante spriano et polonaise* op. 22 Шопена (исп. И. Волков), увертюра «Король Стефан» Бетховена, кантата «Lauda Sion» Мендельсона, увертюра «Фауст» Вагнера.

⁵ Наместник Геморроя — Львов; под «Геморроем» подразумевается А. Н. Верстовский (игра слов — по созвучию с его оперой «Громобой»), занимавший должность управляющего конторой московских имп. театров; после выхода в отставку Верстовского в 1860 году на его место был назначен Л. Ф. Львов.

⁶ О замысле симфонии *fis-moll* Балакирева ничего не известно.

⁷ Подразумевается педагогическая работа Кюи в Артиллерийской академии.

⁸ См. комм. 1 к предыдущему письму.

К письму 31

ГПБ, ф. 502, № 143, лл. 28—29. Впервые опубликовано: РМГ, 1914, № 3, стб. 69—71; перепеч.: отд. изд., стр. 38—41; Письма и документы, № 30.

Год — по почтовому штемпелю.

¹ Ответ на несохранившееся письмо Балакирева. См. комм. 1 к письму 29.

² А. Г. Рубинштейн написал романс «Душа моя мрачна» на слова Байрона; на этот же текст в 1859 году написал романс Балакирев.

³ По-видимому, знакомство Мусоргского с Устимовичем, Щукаревым и несколькими студентами из среды передовой молодежи того времени состоялось при посредстве А. А. Демидова, в то время московского студента, нижегородца (младшего товарища Балакирева по институту).

⁴ Здесь можно видеть намек на увлечение Мусоргским М. В. Шиловской.

К письму 32

ГПБ, ф. 502, № 143, л. 31. Впервые опубликовано: РМГ, 1914, № 4, стб. 102; перепеч.: отд. изд., стр. 43; Письма и документы, № 31.

Год — по почтовому штемпелю.

К письму 33

ГПБ, ф. 502 № 143, л. 34. Впервые опубликовано; РМГ, 1914, № 4, стб. 102—103; перепеч.: отд. изд., стр. 43—44; Письма и документы, № 32.

Год определен по календарю: пятница 24 марта приходилась на 1861 год.
¹ Переговоры Мусоргского с К. Н. Лядовым касались концерта оркестра русской оперы под упр. последнего, состоявшегося 6 апреля 1861 года, в котором исполнялись увертюра к «Королю Лиру» Балакирева и впервые хор из «Эдина» Мусоргского. В этом концерте были исполнены отрывки из оперы-балета Даргомыжского «Торжество Вакха» и отрывки из оперы Кюи «Кавказский пленник».

К письму 34

ГПБ, ф. 502, № 143, л. 36. Впервые опубликовано: РМГ, 1914, № 4, стб. 103; перепеч.: отд. изд., стр. 44; Письма и документы, № 33.

Год определен по календарю: 1 мая в 1861 году приходилось на понедельник.

¹ Мусоргский был озабочен хлопотами об отмене запрещения на имения, наложенного в 1858 году. Письмо Балакирева, на которое он отвечает, не сохранилось.

К письму 35

ГПБ, ф. 502, № 143, л. 37. Впервые опубликовано: РМГ, 1914, № 4, стб. 103; перепеч.: отд. изд., стр. 44; Письма и документы, № 34.

Год определен по сопоставлению с письмом 34 и по календарю: 3 мая на среду приходилось в 1861 и 1867 годах.

¹ Вероятно, Мусоргский собирался уехать в деревню.

К письму 36

ГПБ, ф. 502, № 143, л. 39. Впервые опубликовано: РМГ, 1914, № 4, стб. 103; перепеч.: отд. изд., стр. 45; Письма и документы, № 35.

Год — по почтовому штемпелю.

К письму 37

ГПБ, ф. 502, № 144, лл. 1—2 об. Впервые опубликовано: РМГ, 1914, № 4, стб. 104—105; перепеч.: отд. изд., стр. 46—48; Письма и документы, № 37; Избр., № 2

Год — по почтовому штемпелю.

¹ 11 марта 1862 года в зале Дворянского собрания состоялся концерт в пользу организуемой Бесплатной музыкальной школы с участием любителей и хора певчих Д. Н. Шереметева под упр. Г. Я. Ломакина.

² Н. А. Римский-Корсаков сочинял в это время скерцо первой симфонии.

³ Мусоргский работал в это время над симфонией D-dur.

⁴ Лингвист — А. П. Арсеньев.

⁵ Мусоргский в шутку заменил имя Кюи — Цезарь, напоминающее о римском полководце, именем афинского полководца — Алкивиада.

⁶ Народная школа — Бесплатная музыкальная школа, основанная в 1862 году Балакиревым и Ломакиным.

К письму 38

ГПБ, ф. 502, № 144, лл. 4—5 об. Впервые опубликовано: РМГ, 1914, № 9, стб. 230—232; перепеч.: отд. изд., стр. 48—51; Письма и документы, № 38, Избр., № 3

Год — по почтовому штемпелю.

¹ Весной 1862 года Мусоргский был занят переложением для двух фортепиано в 4 руки квартета В-dur op. 130 Бетховена.

² «De la philosophie de la nature» (в русском переводе — «Система природы») — сочинение Гольбаха.

³ Гувернер детей Кушелевой — по-видимому, Г. фон Мадевайз (см. также «Автобиографическую записку» и комм. 20 к ней).

⁴ Помятый Карл — К. Б. Шуберт. Эта бутада против немцев, работающих в России, характерна для балакиревского кружка; кучкисты считали, что все трудности развития отечественной музыкальной культуры были результатом засилья иностранцев.

⁵ Мусоргский ошибочно считал днем своего рождения 16 марта (см. «Автобиографическую записку» и комм. 1 к ней).

⁶ См. комм. 2 к предыдущему письму.

⁷ Мусоргский говорит о В. А. Кологривове, бравшем иногда на себя роль посредника между балакиревским кружком и РМО.

К письму 39

ГПБ, ф. 502, № 144, лл. 7—8 об. Впервые опубликовано: РМГ, 1914, № 9, стб. 232—234; перепеч.: отд. изд., стр. 51—56; Письма и документы, № 39.

Год — по почтовому штемпелю.

¹ Письмо Балакирева не обнаружено.

² 11 апреля 1862 года состоялся первый концерт БМШ.

³ Мусоргский и Балакирев оказывали материальную помощь двум мальчикам, протежируемым В. В. Никольским.

⁴ В первой части «Фауста» Гёте имеется эпизод, когда Мефистофель, прикрывшись одеждой Фауста, беседует с его учеником, насмехаясь над человеческой премудростью.

⁵ Мусоргский противопоставляет консерваторию и БМШ.

⁶ Тетушка Алёна — вел. кн. Елена Павловна.

⁷ См. комм. 1 к предыдущему письму.

⁸ После перерыва Кюи снова взялся за сочинение оперы «Вильям Ратклиф».

⁹ А. П. Арсеньев уехал в Берлин для занятий санскритом.

¹⁰ 8 апреля 1862 года Римский-Корсаков окончил Морской корпус.

¹¹ 13 мая 1862 года Балакирев уезжал лечиться на Кавказ (Пятигорск, Ессентуки, Железноводск).

К письму 40

ГПБ, ф. 502, № 144, л. 10. Впервые опубликовано: РМГ, 1914, № 14—15, стб. 373—374; перепеч.: отд. изд., стр. 59—60; Письма и документы, № 40.

Год — по почтовому штемпелю и по календарю.

¹ Страны Знаменские — Знаменская улица; номер дома, где жил Мусоргский, не установлен.

К письму 41

ГПБ, ф. 502, № 144, л. 12. Впервые опубликовано: РМГ, 1914, № 14—15, стб. 374; перепеч.: отд. изд., стр. 60; Письма и документы, № 41.

Год — по почтовому штемпелю и по календарю.

¹ По-видимому, речь идет о слевке перед концертом БМШ 3 апреля 1863 года, которой руководил Ломакин.

К письму 42

ГПБ, ф. 502, № 144, лл. 14—18 об. Впервые опубликовано: Письма и документы, № 42; Избр., № 4.

Год — по почтовому штемпелю.

¹ Премьера оперы А. Н. Серова «Юдифь» состоялась 16 мая 1863 года; Мусоргский присутствовал на этом и на следующем (21 мая) представлениях.

² Вагнеровская деточка — так Мусоргский называет оперу «Юдифь» Серова — поклонника музыки и оперной эстетики Р. Вагнера.

³ Нотные примеры в записи Мусоргского несколько отличаются от нотного текста оперы Серова.

⁴ Мусоргский в шутку, по созвучию, называет музыку Мендельсона к «Атталии» «Наталка».

⁵ Немецкая инвалидная команда — РМО.

⁶ Русско-инвалидная команда Дарго — Даргомыжский и его кружок.

⁷ Ария Марии — в опере Кюи «Вильям Ратклиф».

⁸ Intermezzo h-moll было инструментовано только летом 1867 года.

⁹ Джальма — благородный герой популярного в те годы романа Эжена Сю «Вечный жид». Кого под этим именем, к тому же во множественном числе, подразумевает Мусоргский — неясно.

К письму 43

ГПБ, ф. 502, № 147, лл. 1—2 об. Впервые опубликовано в отрывках: «Вестник Европы», 1881, № 5; полностью впервые: РМГ, 1911, № 8—9, стб. 209—212; Письма и документы, № 43; Избр., № 5; Кюи. Письма, письмо VI.

Год указан В. В. Стасовым при первой публикации (что соответствует содержанию письма).

¹ Мусоргский перефразирует начало стихотворения Лермонтова «И скучно, и грустно, и некому руку подать».

² На текст И. В. Гёте летом 1863 года Мусоргский написал «Песнь старца» (авт. дата на рукописи романса: «13 августа 1863 г.»...).

³ См. комм. 8 к предыдущему письму.

⁴ Мусоргский пишет о статье В. В. Стасова «После всемирной выставки 1862 года» (см. «Современник», 1863, № 4, стр. 225—248; В. Стасов. Избр., т. I, стр. 65).

К письму 44

ГПБ, ф. 502, № 143, л. 41. Впервые опубликовано: РМГ, 1914, № 4, стб. 103—104; перепеч.: отд. изд., стр. 45; Письма и документы, № 36.

Датируется на том основании, что в подписи Мусоргского буква *з* впервые появляется только в 1863 году; при первой публикации датировано 1861 годом.

К письму 45

ГПБ, ф. 502, № 144, л. 20. Впервые опубликовано: РМГ, 1914, № 14—15, стб. 374; перепеч.: отд. изд., стр. 60; Письма и документы, № 44.

Год — по почтовому штемпелю и календарю.

¹ 8 января 1864 года в Мариинском театре была возобновлена опера А. Львова «Ундина».

² Вторая песнь Баяна — в интродукции оперы Глинки «Руслан и Людмила», которую Мусоргский готовил с певцом В. И. Гордеевым (казаком).

К письму 46

ГПБ, ф. 502, № 145, л. 1. Впервые опубликовано: РМГ, 1914, № 16, стб. 403, перепеч.: отд. изд., стр. 64—65; Письма и документы, № 49.

Письмо датируется на основании сопоставления с программой симфонического концерта РМО, состоявшегося в четверг 6 февраля 1864 года; при первых публикациях неверно датировано 1865 годом.

¹ Глубоко-морской аккорд Менделя — так в шутку Мусоргский назвал увертюру Мендельсона «Морская тишь и счастливое плавание».

К письму 47

ГПБ, ф. 502, № 145, л. 3. Впервые опубликовано: РМГ, 1914, № 16, стб. 404; перепеч.: отд. изд., стр. 65; Письма и документы, № 50.

Основание датировки: письмо написано до 20 февраля, которое приходилось на четверг в 1864 году; в прежних публикациях неверно датировано 1865 годом. Концерт с изложенной Мусоргским программой состоялся 20 февраля 1864 года.

К письму 48

ГПБ, ф. 502, № 144, л. 30. Впервые опубликовано: РМГ, 1914, № 16, стб. 403; перепеч.: отд. изд., стр. 64; Письма и документы, № 48.

Основание датировки: первое представление оперы Гуно «Фауст» в итальянской опере состоялось 31 декабря 1863 года, затем прошел ряд абонементных спектаклей; в первый раз вне абонементов «Фауст» шел 1 марта, что позволяет условно датировать письмо 29 февраля 1864 года, так как оно написано накануне.

¹ Сигнатурки — знаки генерал-баса (цифрованного баса).

² Кого Мусоргский называет «кавказская дама», не установлено.

К письму 49

ГПБ, ф. 502, № 144, л. 23. Впервые опубликовано: РМГ, 1914, № 16, стб. 403—404; перепеч.: отд. изд., стр. 63—64; Письма и документы, № 45.

Датировано при первой публикации и по сопоставлению со следующим письмом.

¹ С 1 декабря 1863 года Мусоргский был зачислен на службу в Инженерный департамент.

² Штука Балакирева — по-видимому, увертюра «1000 лет», незадолго до этого законченная.

К письму 50

ГПБ, ф. 502, № 144, л. 26. Впервые опубликовано: РМГ, 1914, № 14—15, стб. 374; перепеч.: отд. изд., стр. 61; Письма и документы, № 46.

Основание датировки: сообщение о смерти отца Даргомыжского, скончавшегося 2 апреля 1864 года, и упоминание о репетиции, по-видимому, к концерту БМФ, состоявшемуся 6 апреля 1864 года. Письмо написано между этими числами. В первой публикации датировано 3 апреля 1864 года.

К письму 51

ГПБ, ф. 502, № 144, лл. 28—29. Впервые опубликовано: РМГ, 1914, № 14—15, стб. 374—376; перепеч.: отд. изд., стр. 61—63; Письма и документы, № 47.

Год определен по календарю: 3 мая приходилось на воскресенье в 1864 году.

¹ Издав за границей несколько произведений Глинки, В. П. Энгельгардт называл себя на обложке «ami de compositeur», что послужило поводом для острога в кругу балакиревых.

² Это сообщение не соответствует действительности: А. С. Даргомыжский тяжело переживал разрыв с Л. Ф. Миллером и только старался делать вид, что доволен ее свадьбой с В. П. Энгельгардтом.

³ Балакирев уезжал на лето в Нижегородскую губернию.

⁴ Мусоргский провел лето на даче в Новой деревне.

⁵ Даргомыжский уехал за границу в начале ноября 1864 года.

⁶ Литературно-музыкальный вечер в честь трехсотлетия со дня рождения Шекспира, организованный Обществом литературного фонда, состоялся в зале Купеческого клуба 23 апреля 1864 года; музыкальная часть шла под упр. Балакирева; исполнились: увертюра Шумана к трагедии «Юлий Цезарь», скерцо «Царица Маб» из драматической симфонии Берлиоза «Ромео и Юлия», свадебный марш из музыки Мендельсона к «Сну в летнюю ночь», увертюра и антракты Балакирева к трагедии «Король Лир».

К письму 52

ГПБ, ф. 502, № 145, л. 5. Впервые опубликовано: РМГ, 1914, № 16, стб. 405; перепеч.: отд. изд.; стр. 66—67; Письма и документы, № 51.

Год определен по времени знакомства Мусоргского с Л. И. Шестаковой, состоявшегося 2 января 1866 года на вечере у В. В. Стасова; при первой публикации письмо неверно датировано 1869 годом.

К письму 53

ГПБ, ф. 502, № 143, л. 7. Впервые опубликовано: РМГ, 1914, № 16, стб. 404—405; перепеч.: отд. изд.; стр. 65—66; Письма и документы, № 52.

Год определен по календарю: 20 апреля приходилось на среду в 1866 году.

¹ Сочинение оперы «Саламбо» начато в 1863 году (авт. дата на рукописи «Боевой песни ливийцев» для хора и фортепиано: «10 апреля 1866, Питер»; на рукописи партитуры: «Павловск, 17 июня 1866 г.»).

² Это — второе упоминание о «Ведьмах»; первое относится к 26 сентября 1860 года (см. письмо 23).

К письму 54

ГПБ, ф. 502, № 145, л. 9. Впервые опубликовано: РМГ, 1914, № 16, стб. 404—405; перепеч.: отд. изд.; стр. 66; Письма и документы, № 53.

Год определен по содержанию (работа над «Саламбо», начало работы над «Ночью на Лысой горе») и указанию на летнее местопребывание в Павловске. В письмо вложен билет Общественных экипажей на 1866 год.

К письму 55

ГПБ, ф. 857, оп. 1, № 15, л. 1. Впервые опубликовано: Письма и документы, № 54.

¹ Светик Саввина — персонаж из одноименной песни Мусоргского.

К письму 56

ГПБ, ф. 41. Впервые опубликовано в статье: Гр. Тимофеев. Балакирев в Праге («Современный мир», 1911, июнь, стр. 170); перепеч.: Письма и документы, № 55.

Датируется по письму Л. И. Шестаковой М. А. Балакиреву от 9/21 января 1867 года (см.: Письма и документы, стр. 107), приложенному к этому письму.

¹ Шорником члены кружка называли Карела Шебора; фамилия Б. Сметаны, в связи с его недоброжелательным отношением к приезду Балакирева, также давала повод к различным каламбурам.

К письму 57

ГПБ, ф. 502, № 145, лл. 12—14. Впервые опубликовано в статье: Гр. Тимофеев. Балакирев в Праге («Современный мир», 1911, июнь, стр. 170); перепеч.: Письма и документы, № 56.

¹ Мусоргский имеет в виду следующий отрывок из письма Балакирева из Праги от 11 января 1867 года:

«Меня и здесь одолевает консерватория: племянник моей хозяйки воспитывается в сем похвальном заведении, и раз без меня, увидев на фортепьясах мой сборник, заинтересовался им, познакомился со мной, брал сборник на дом, играл его с товарищами, и все в полном восторге, только и кричат: «то славянская музыка, а у нас немецкая». Восторг их был так велик, что они осмелились даже показать этот сборник или (вернее, сказать) проиграть несколько песен перед профессором. Чтобы Вы поняли, до какой степени они совершили смелый поступок, скажу Вам, ибо здесь, как по всей Германии, каждый профессор консерватории есть такая же тупица, как наш Рубинштейн, так же дерзок с учениками, которые перед ним благоговеют. У нас в Питере бывают протесты против иммакулянтности Рубинштейна, а здесь нет их. Что же вышло: профессор рассердился и сказал, что все это «ganz falsch» [совсем фальшиво; — нем.], в последовательности аккордов нашлась скрытая квинта, а мелодии оказались совершенно несообразными с правилами, находящимися в их курсе о мелодии. Консерватористы припили с унылыми головами и печально объявили, что все это хотя восхитительно («мы восхищены»), но, однако же, все сие «ganz falsch», и они не смеют не верить профессору, им даже никогда не приходит скептическая мысль по поводу непреложности всех этих телачьих законов гармонии и мелодии.

Я начал их допрашивать, нравится ли им такая гармония, как наприм. [...] [здесь в первой публикации пропущен нотный пример] и т. д., оказалось, что они верно чувствуют, в их жилах действительно славянская кровь, они говорят, что другой гармонии быть и не может, но по правилам следует поставить *cis*. Уговорил я их наконец бросить правила в сторону и рассуждать своим умом, как надлежит людям. Они сначала тупо на меня смотрели, потом сообразили, в чем дело, — и испугались! На другой день приходит опять хозяйский племянник и объявляет, что он от таких мыслей всю ночь не спал, потерял покой (Griefchen) и веру в гармонию, преподаваемую в Пражской консерватории. Если бы Петя Бороздин был со мною, то после такого казуса, наверно, перекрестил бы все консерватории в музыкальные... [многоточие в первой публикации]. Как видите, я разливаю здесь яд музыкального нигилизма, а также много действую на составление партии в пользу поддержки «Жизни за царя», которую польские графы (их здесь много) вкупе с дирижером Сметаной и еще несколькими господами, имеющими авторитет музыкальный, как, наприм., г. Прохаска, хотя совсем выжить со сцены, как «татарскую оперу» (оригинал письма не обнаружен. Приводится по статье: Гр. Тимофеев. Балакирев в Праге. «Современный мир», 1911, июнь, стр. 168—169).

² Эпизод с патером Друклином не поддается объяснению.

³ Слухи о закрытии Петербургской консерватории в связи с уходом А. Г. Рубинштейна с поста директора были необоснованными.

⁴ В эти годы Мусоргский жил в семье брата.

⁵ См. предыдущее письмо.

⁶ Каламбуры по поводу Сметаны и Шебора продолжают линию предыдущего письма. О К. Шеборе Балакирев в письме к Кюи от 30 января 1867 года отзы-

вался как о лучшем и добросовестном из всех чешских музыкантов (см. Кюи. Письма, стр. 501). — Эти строки являются образцом неверного истолкования мнительным Балакиревым отношения чешских музыкантов к постановке опер Глинки. Об этом см. подробно в кн.: И. Бэлза. Очерки развития чешской музыкальной классики. М.—Л., Музгиз, 1951, стр. 227—232.

⁷ Послал ли Мусоргский обещанное письмо — неизвестно.

К письму 58

ГПБ, ф. 502, № 145, лл. 16—19 об. Впервые опубликовано в статье: гр. Тимофеев. Балакирев в Праге («Современный мир», 1911, июнь, стр. 171—172); Письма и документы, № 57.

¹ Опера-балет Даргомыжского «Торжество Вакха» впервые была поставлена в Москве 11 января 1867 года. Мусоргский сообщает о двух рецензиях на премьеру: о статье Н. Пановского «Вчера, сегодня, завтра», напечатанной в «Современной летописи», № 4 (воскресное прибавление к «Московским ведомостям») от 22 января 1867 года, и о статье за подписью С. И. в газете «Голос» от 24 января 1867 года.

² См.: Ростислав. По поводу выпускных экзаменов, происходивших в декабре 1866 года в Санкт-Петербургской консерватории. «Голос» от 25 января 1867 года.

³ В начале статьи помещены сведения о затруднительном материальном положении консерватории и о дефиците в ее бюджете.

⁴ Слова из комедии Мольера «Жорж Данден».

⁵ Ц. А. Кюи готовился выступить со статьей «Экзамены второго выпуска учеников консерватории. Несколько слов о наших двух консерваториях и о консерваториях вообще», которая была напечатана в «СПб. ведомостях» от 31 января 1867 года.

⁶ Вся эта и последующая часть письма объясняется тем, что Мусоргский усвоил балакиревское истолкование пражской обстановки, предшествовавшей исполнению опер Глинки.

⁷ В 1867 году в Праге готовилась постановка оперы С. Монюшко «Галька».

⁸ Говоря таким образом о чехах, Мусоргский, разумеется, имеет в виду антинационально настроенную реакционную часть чешской интеллигенции, а не прогрессивных музыкантов и тем более не народ в целом.

⁹ Лидеры Менделя — песни (Lieder) Мендельсона.

¹⁰ Мусоргский ссылается на письма Балакирева из Праги к Шестаковой и Кюи (см. статью: Гр. Тимофеев. М. А. Балакирев в Праге. «Современный мир», 1911, июнь, стр. 157—162, а также книгу: Кюи. Письма, стр. 501—502).

¹¹ Чехляндия — то есть Чехия, по созвучию с «Чухляндией», как в балакиревском кружке зачастую называли Петербург.

К письму 59

ГПБ, ф. 857, оп. 1, № 15, лл. 2—3 об. Впервые опубликовано: Письма и документы, № 58.

Основание датировки: 1. Письмо не могло быть написано ранее весны 1867 года, поскольку песня «Светик Савишна» сочинена в сентябре 1866 года. 2. По стилю и характеру письмо легче всего отнести к 1867 году. 3. Упоминаемый в письме понедельник после «светлого Христова воскресенья» — второй день пасхи. Поэтому с наибольшей вероятностью письмо можно отнести к страстной неделе 1867 года до первого дня пасхи (приходившегося в 1867 году на 16 апреля).

¹ Эта фраза — шутка по поводу собственной песни «Светик Савишна»; по-псковски — по-псковски (на псковском диалекте).

ГПБ, ф. 640, № 951, лл. 1—2. Впервые опубликовано: РМГ, 1909, № 16, стб. 417—419; Письма и документы, № 59; Избр., № 6; Римский-Корсаков. Соч., т. V, стр. 289—290.

¹ Авторская дата на рукописи партитуры «Ночи на Лысой горе» («Иванова ночь на Лысой горе»): «Задумана в 1866 г. Начал писать на оркестр 12 июня 1867 г. в Лугском уезде, на мызе Минкино. *Модест Мусоргский*». — Первый замысел «Ночи на Лысой горе» относится к 1860 году (см. письмо 23), как «полное действие на Лысой горе» для драмы Г. Менгдена «Ведьма»; никаких нотных материалов не сохранилось, возможно, что они и не существовали. Римский-Корсаков вспоминает о времени сближения с Мусоргским в течение 1866—1867 годов: «Кажется, тогда же играл он мне свою фантазию «Иванова ночь» для фортепиано с оркестром, затеянную под влиянием «Danse macabre» («Лотопись», стр. 45). Но кроме мемуаров Римского-Корсакова никаких следов редакции «Ночи» для фортепиано с оркестром не обнаружено. Первые записи «Ночи» относятся к апрелю 1866 года — это оркестровая пьеса. В 1872 году Мусоргский использовал материал «Ночи» для сцены «Чернобога» в коллективной «Младе» (хор и фортепиано), в конце 1870-х годов создал редакцию (также для хора с фортепиано) для оперы «Сорочинская ярмарка» («Сонное видение паробка»). После смерти Мусоргского Римский-Корсаков, пользуясь материалами Мусоргского, сочинил заново оркестровую редакцию (в 1886 году; в том же году издана Бесселем и 15 октября 1886 года исполнена в Русском симфоническом концерте под упр. Римского-Корсакова).

² Первоначальное намерение посвятить «Ночь на Лысой горе» Балакиреву не было осуществлено, по-видимому, в связи с резким отзывом последнего об этом произведении. На автографе посвящение отсутствует.

³ Мусоргский отмечает, что ему удалось избежать подражания симфонической поэме Листа «Венгрия».

⁴ Химическая гамма — хроматическая гамма (шутка по созвучию).

⁵ Даль расстояния — перефраз начала романа Даргомыжского «Любил, люблю я, век буду любить». — В ответ на это письмо Римский-Корсаков писал Мусоргскому 10 июля 1867 года: «Очень бы мне хотелось посмотреться в вашу партитуру собственными глазами, ибо уверен, что нашел бы там много вкусного, так как все, что я знал оттуда до сих пор, мне очень было по вкусу; но этого еще придется подождать. Чередование g-moll и Ges-dur, перебиваемое fis-moll с трелью, должно быть весьма красиво. Величание Сатаны должно быть непременно зело паскудно, и потому всякая гармоническая и мелодическая погань позволительна и у места, а в консерваторию незачем вас посылать; консерватористы, конечно, в ужас придут от вас, да зато сами не смогут ничего сочинить порядочного» (Римский-Корсаков. Соч., т. V, стр. 291—292).

⁶ На столбах Корша — то есть в газете «СПб. ведомости», редактором-издателем которой в 1863—1874 годах был В. Ф. Корш.

⁷ Полное название упоминаемой Мусоргским книги М. С. Хотинского: «Чародейство и таинственные явления в новейшее время» (СПб., изд. Е. Н. Ахматовой, 1866).

К письму 61

ГПБ, ф. 520, оп. 1, № 231, лл. 1—4. Впервые опубликовано: Письма и документы, № 60; Избр., № 7 (без первой трети письма).

¹ Письмо В. В. Никольского не обнаружено.

² Фраза о Максимилиане (мексиканском императоре, расстрелянном во время революции 1867 года) и князе Сальм-Сальме (генерале, приближенном императора

Максимильяна, также приговоренном к казни, но помилованном) в данном случае является иносказательной и связана, по-видимому, с болезнью Никольского.

³ «...тезка в квадрате генерала от фельетонов» — Никольский и Стасов оба — Владимир Вильевичи.

⁴ Партиком на Алёнином скотном дворе названа в данном случае консерватория; эту остроту употребил, вероятно, Никольский в своем письме к Мусоргскому.

⁵ «...ведьм порешил» — то есть сочинил «Иванову ночь на Лысой горе».

⁶ Партитура *Intermezzo* имеет авторскую дату: «В ночь с 11 на 12 июля 1867 года на Мызе Минкино». Мусоргский ошибся, отнеся сочинение первой редакции *Intermezzo* к 1863 году; он написал его в 1862 году.

⁷ Парголовская богиня (как и «парник») — также острота из письма Никольского. Но разгадать смысл этих слов не удастся.

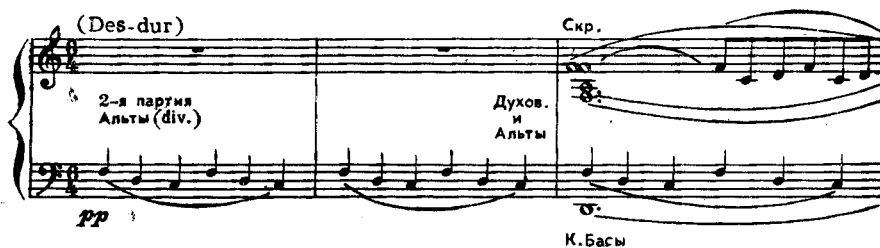
К письму 62

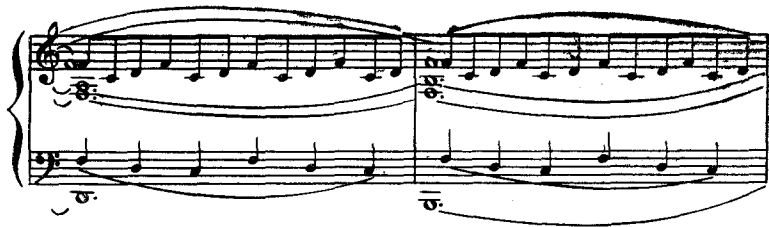
ГПБ, ф. 640, № 951, лл. 3—4 об. Впервые опубликовано: РМГ, 1909, № 16, стб. 420—423; перепеч.: Письма и документы, № 61; Избр., № 8; Римский-Корсаков. Соч., т. V, стр. 295—297.

Год определен по содержанию письма: это ответ на письмо Римского-Корсакова от 10 июля 1867 года.

¹ За исключением этого письма, никаких сведений и материалов, касающихся замысла симфонической поэмы «Подибрад чешский», не сохранилось. Обращению Мусоргского к этой теме объясняется интересом русской интеллигенции в это время, а также и балакиревского кружка к славянам и славянству, и в частности к Чехии. В письме от 1 августа 1867 года Римский-Корсаков говорит: «Очень рад, что Вы порешили с Вашим h-moll'ным *Intermezzo* и принялись за «Подибрада». Обе приведенные темы хороши, а H-dur'ная — прелестна, по моему мнению, только вы не написали, что она у вас будет рисовать» (Римский-Корсаков. Соч., т. V, стр. 300). В письме от 8 октября 1867 года, вторично упоминая об этом произведении, Римский-Корсаков писал: «о «Подибраде» в нынешнем виде понятия иметь не могу, ибо Вы подробностей не объясняете» (Римский-Корсаков. Соч., т. V, стр. 304).

² В письме от 10 июля 1867 года Римский-Корсаков писал Мусоргскому о «Садко»: «План мой таков: начало (нечто вроде интродукции), в Des-dur, в умеренном темпе, которое долженствует рисовать не бурное, но волнующееся море, ибо Садко был брошен в воду и долго плавал один на доске. Самое начало таково:

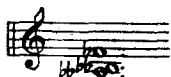

Следующий такт опять Des-dur, а далее при басы

и гармонии из

фигуры скрипок и альтов идут с *Fes* вместо *F*;

потом Des-dur и через *Ges* бас переходит на *B* и вся штука повторяется в B-dur, за исключением первых двух тактов; гармонию держат кларнеты и фаготы, после рога; б[ольшой] барабан и литавры *pp* делают tremolo. Идет crescendo и Forte Des-dur все на тех же фигурах; далее фигуры идут в басах, а у духовых гармония мало-помалу diminuendo; все останавливается на ноте *Des*, литавры с барабан[ом] делают crescendo, и тут же у меня сделано появление Морского царя, который увлекает Садко в бездну; оно начинается двухнотной фразой, пробегающей по очереди по всем струнным и перебивающейся чередующимися ударами тромбонов, рогов и труб, и деревянных духовых с ответом из хроматической гаммы альтов на низких нотах при аккордах клари[етов] и рогов тоже в самом низком регистре.

Затем *FF* такое:

(Allegro) Конечно

(Римский-Корсаков. Соч., т. V, стр. 292—293).

³ Серовская ведьма — колдунья Скульда — в опере А. Н. Серова «Рогнеда». Мусоргский тонко подметил сходство критикуемого отрывка с характером музыки А. Н. Серова, под влиянием которого, вопреки их собственному желанию, бесспорно находились и Римский-Корсаков и сам Мусоргский. Вот какую тему имел в виду Мусоргский:

⁴ Сюжет «Садко» сначала был предложен В. В. Стасовым Балакиреву, он передал его Мусоргскому, а тот, наконец, — Римскому-Корсакову.

⁵ А. Н. Серов был редактором «Музыки и театра. Газеты специально-критической» (издательница В. С. Серова).

⁶ К этому времени А. Н. Серовым были написаны оперы «Юдифь» и «Рогнеда».

⁷ В № 6 «Музыки и театра» в статье «Слон и муха» («Заметки против замечаний») Серов отвечает на статью Кюи, где тот выражал сожаление, что в славянском концерте 12 мая 1867 года под управлением Балакирева «Славянам не удалось познакомиться ни с одним отрывком из опер Серова» («СПб. ведомости» от 3 июня 1867 года). Во второй части статьи А. Н. Серов задевает только Кюи и Балакирева.

⁸ Вскоре после окончания «Садко» Римский-Корсаков писал Мусоргскому 8 октября 1867 года: «Скажу вам, что совершенно им доволен, это решительно лучшая моя вещь и даже значительно лучшая, а то это Andante симфонии, которое черт дернул меня так давно сочинить и притом удачно и которым все меня попрекали, решительно не давало мне покоя; но теперь «Садко» его пришиб, что меня весьма радует. Об изгнании святителя отче Николы я не жалею, ибо дело обошлось и без него отлично, а Садко и сам мог догадаться гусли сломать, да и последние могли не выдержать такой игры. [...]»

Итак, «Садко» кончен, и вам, Модест, великое спасибо за идею, которую вы мне подали, помните, у Кюи, накануне отъезда Мальвины в Минск» (Римский-Корсаков. Соч., т. V, стр. 302—303).

ГПБ, ф. 502, № 145, л. 24. Впервые опубликовано: РМГ, 1914, № 23, стб. 405; перепеч.: отд. изд., стр. 67; Письма и документы, № 64.

Основание датировки: судя по содержанию (упоминание партитуры «Ведьм»), письмо написано во время краткого пребывания Мусоргского в Петербурге в конце августа — начале сентября 1867 года (см. также предыдущее письмо, в котором Мусоргский сообщает о намерении побывать в Петербурге в конце августа). При первой публикации письмо неверно датировано 1869 годом; в Письмах и документах — отнесено к 1867 году без указания месяца.

К письму 64

ГПБ, ф. 502, № 145, лл. 20—23. Впервые опубликовано: РМГ, 1914, № 14—15, стб. 371—373; перепеч.: отд. изд., стр. 55—59; Письма и документы, № 62.

Год определен по времени жизни Мусоргского на мызе Минкино. В первой публикации неверно указан год — 1862-й.

¹ Письмо Балакирева не обнаружено.

² Поматнувшееся материальное положение Мусоргского связано с тем, что по службе он был «отчислен за штат».

³ С семьей брата Мусоргский жил с лета 1865 года.

⁴ Мусоргский вновь поступил на службу — в Лесной департамент Министерства государственных имуществ — только 1 декабря 1868 года.

⁵ Во время пребывания Мусоргского в Петербурге осенью 1867 года он показывал Балакиреву, вернувшемуся в Петербург в начале сентября, партитуру «Ночи на Лысой горе» (см. также следующее письмо).

⁶ «Ночь на Лысой горе» при жизни Мусоргского не исполнялась (см. комм. 1 к письму 60).

⁷ Речь идет об исполнении романса Балакирева «Песнь золотой рыбки» Г. Ниссен-Саломан.

К письму 65

ГПБ, ф. 640, № 222а, № 951, лл. 19—20. Впервые опубликовано: РМГ, 1909, № 17, стб. 449—451; перепеч.: Письма и документы, № 63; Избр., № 9; Римский-Корсаков. Соч. т. V, стр. 300—301.

Начало письма не сохранилось; датируется на основании содержания: реакция на критику Балакирева «Ночи на Лысой горе», сообщение о сочинении песни «Крестьянская пирушка», а также по связи с ответным письмом Римского-Корсакова от 8 октября 1867 года.

¹ Это выражение неясно. В ответном письме от 8 октября 1867 года Римский-Корсаков писал Мусоргскому: «Милый наконец бросил идею упражнения для 10 инструментов, Вы можете радоваться» (Римский-Корсаков. Соч., т. V, стр. 304). Но и эти слова не разъясняют значения фразы.

² В ответном письме от 8 октября 1867 года Римский-Корсаков писал: «...про «Крестьянскую пирушку» судить не буду, пока всего романса не услышу, ибо о романсе по двум тактам гораздо труднее судить, чем по четырем о симфонии. А приведенные такты темы мне нравятся и нравится $1\frac{1}{4}$ -ный ритм в них» (Римский-Корсаков. Соч., т. V, стр. 304).

К письму 66

ГПБ, ф. 502, № 147, лл. 3—5. Впервые опубликовано: в отрывках — «Вестник Европы», 1881, № 6; полностью — РМГ, 1911, № 8/9, стр. 212—214; перепеч.: Письма и документы, № 65; К ю и. Письма, письмо XX; Избр., № 10.

¹ Мусоргский жил у брата в имении Шилово Лаптевского уезда Тульской губернии, принадлежавшем его невестке Т. П. Мусоргской.

² Летом 1868 года Римский-Корсаков сочинил вторую и третью части «Антара».

³ Кюи в то время заканчивал и инструментовал оперу «Вильям Ратклиф».

⁴ С апреля 1867 года Даргомыжский стал вице-председателем дирекции РМО и ему приходилось по делам Общества общаться с вел. кн. Еленой Павловной (Алёной).

⁵ *Dottore doctissime* — Ю. Ю. Гюбнер.

⁶ Авторская дата в конце рукописи первого действия «Женитьбы»: «8 июля 68 г. Изба в Шилове».

К письму 67

ГПБ. ф. 857, оп. 1, № 15, лл. 4—7 об. Впервые опубликовано: Письма и документы, № 66; перепеч.: Избр., № 11.

Год определен по содержанию письма (работа над «Женитьбой»).

¹ Упоминаемые письма Шестаковой не обнаружены.

² В связи с намечавшимся переездом Ф. П. Мусоргского с семьей в Шилово, М. П. Мусоргский поселился у А. П. и Н. П. Опочининых в Инженерном замке недалеко от Шестаковой, жившей на Гагаринской улице (переезд Ф. П. Мусоргского в тот год не состоялся).

³ Письмо Мусоргского к Шестаковой, написанное в начале июля, не обнаружено.

⁴ По-видимому, Шестакова сообщала Мусоргскому о каких-то трениях между Балакиревым и Кологривовым по вмешательству Даргомыжского в возникший конфликт.

⁵ Герингутеры — религиозная секта в Богемии; в данном случае намек на немец-музыкантов, работавших в учреждениях РМО.

⁶ Мифическое царство — производное от «фимического», то есть от Фима (а Фим — обращение от «миф») — прозвище Н. Н. Лодыженского. Римский-Корсаков ездил в имение Лодыженского Маковицы, Кашинского уезда, Тверской губернии, где в то лето гостили также Бородины.

⁷ Мусоргский упоминает пожар в Пустом рынке между Гагаринской улицей и набережной Фонтанки, который произошел 11 июля. Лето 1868 года отличалось засухой, и в Петербурге было много пожаров.

⁸ Второй акт «Женитьбы» не был написан.

⁹ Выражение «перейти Рубикон» возникло в связи с переходом войск Юлия Цезаря при решительном наступлении против галлов через реку Рубикон, отделявшую Галлию от Италии. — Очень важно утверждение Мусоргского, показывающее, что он рассматривал «Женитьбу» как творческий опыт; см. также письмо В. В. Стасову от 2 января 1873 года (письмо 112).

¹⁰ Мусоргский и Никольский величали друг друга «дяньька».

К письму 68

ГПБ. ф. 640, № 951, лл. 5—6 об. Впервые опубликовано: РМГ. 1909, 13—14, стр. 354—356; перепеч.: Письма и документы, № 67; Избр., № 12; Римский-Корсаков. Соч., т. V, стр. 305—306.

Год определен по содержанию письма (работа над «Женитьбой») и в соответствии с предыдущими письмами.

¹ Вместе с А. П. Бородинным («химическим господином») Н. А. Римский-Корсаков ездил в имение Н. Н. Лодыженского (см. также комм. 6 к предыдущему письму).

² Мысль о «Псковитянке» возникла у Антского-Корсакова перед отъездом в имение Лодыженского во время работы над «Антаром» (см. Римский-Корсаков. Летопись, стр. 58).

³ На это письмо Римский-Корсаков ответил 7 августа 1868 года: «...жду вас с нетерпением, ибо мне вас не хватает, да и о «Женитьбе» вашей желаю возыметь понятие, так как «Женитьба» такого талантливого, как вы, композитора представляет факт весьма интересный. Видите, как я остро, да еще как скверно! В самом деле вы действуете молодцом; целый акт написал, шутка ли? А меня сие невероятное событие страшно пугает, ибо оно не столь невероятное, сколько в музыке небывалое; а за то, что небывалое существует, вам честь и слава.

В самом деле, труд ваш ужасно интересен, кроме того, что в нем есть, наверно, превосходные вещи, кроме того, он должен многое выяснить. Приезжайте-ка, да привозите. Глядя на вас, я все думаю, когда настанет время, что и я буду изготовлять нумер за нумером в «Псковитянку» и вам показывать, а покамест приходится довольствоваться тем, что кое-что начинает наклеиваться для первого действия, а именно для сцены Ольги с Тучей и для сказки. Вот в сентябре, когда «Антар» будет кончен и я немного отдохну, после него примусь серьезно за эти вещи. Напишу, так и покажу, а там судите» (Римский-Корсаков. Соч., т. V, стр. 307).

К письму 69

ГПБ, ф. 520, оп. 1, № 231, лл. 5—8 об. Впервые опубликовано: Письма и документы, № 68; перепеч.: Избр., № 13.

Год определен по содержанию и сопоставлению с предыдущими письмами (66, 67, 68).

¹ См. вторую половину письма 67.

² По утверждению Мусоргского, мысль о сочинении оперы «Женитьба» подсказана Даргомыжским и Кюи (см. письмо 112 В. В. Стасову).

³ Письмо Шестаковой, в котором она называет Мусоргского гениальным, не обнаружено.

К письму 70

ГПБ, ф. 502, № 147, лл. 6—7 об. Впервые опубликовано: в отрывках — «Вестник Европы», 1881, кн. 6, стр. 517—518; полностью — РМГ, 1911, № 8—9, стр. стб. 214—215; перепеч.: Письма и документы, № 69; Кюи. Письма, письмо XXI; Избр., № 14.

Датировано В. В. Стасовым на основании содержания.

¹ В письме от 27 июля 1868 года Кюи писал Мусоргскому: «Давно хотел Вам отвечать, но все моя лень находила надлежащие предлоги для своего оправдания. [...] неопределенность судьбы «Ратклифа» была первой, якобы законной причиной позднего ответа, как вдруг на беду попадаете мне книга Самарина о иезуитах, читаю ее, вникаю в их доктрины и нахожу неопценное сокровище: оправдание всяких пакостей, в теории «правдоподобия». Имея перед собой несколько дорог, вы можете себе выбрать и менее «правдоподобную» (менее честную, менее согласную с вашей совестью, с вашим внутренним убеждением), если только она более совпадает с вашей выгодой, с вашим влечением. Я мог вам отвечать и не отвечать. Не отвечать было менее «правдоподобным», но совпадало с моей ленью. Впрочем, вы видите, что моя добродетель восторжествовала. Для применения этой чудесной теории жду пакости более капитальной» (Кюи. Письма, стр. 74—75).

² Предполагалось исполнение первого действия «Женитьбы» в кружке Балакирева. В письме к Мусоргскому от 27 июля 1868 года Кюи писал: «Радуюсь окон-

ченному 1-му действию «Женитьбы» и с непомерным интересом жду с ним знакомства» (К ю и. Письма, стр. 75).

³ Это замечание относится к оркестровке оперы «Вильям Ратклиф», о чем писал Мусоргскому Римский-Корсаков 7 августа 1868 года: «Теперь расскажу о Цезаре. Он просто молодец. 3-е и 2-е действия сдал в дирекцию, а первое наполнину готово, остается оркестровать рассказ Мак-Грегоров, да финал написать. В оркестровке он сильно вперед ушел, я надеюсь, что многое у него выйдет в оркестре превосходно. Даргун все не может переварить его оркестровки, но это потому, что он, кроме веберовских, глинкайских и своих, других партитур не видал. Надо надеяться, что эту зиму услышим наконец «Ратклифа» (Римский-Корсаков. Соч., т. V, стр. 308).

Сам Кюи в письме к Мусоргскому от 27 июля 1868 года рассказал о судьбе своей оперы следующее: «...хотелось мне написать вам кое-что совершенно положительное про «Ратклифа», но и в настоящий момент не могу вполне этого сделать. Дня два тому назад я свез Федорову партитуру 2-х действий (2-й акт — 230 страниц, 3-й — 140, итого, 370 страниц=92½ листа; бумаги изведено на 1 рубль 53½ коп. сер.). Федоров сдал их для переписки, но не мог мне повести о вероятном времени постановки оперы. Время до января, говорит он, все занято, так что опера может идти только после Нового года. К тому же Серов прислал 2 акта своей новой 4-актовой оперы, и эти 2 акта уже переписываются. Впрочем, все зависит от директора. Пока я не сдал всей оперы, не считаю себя вправе налегать на точное время постановки. Вероятно, кто скорее, Серов или я, придет окончание своего труда, тот вперед и пойдет, что и совершенно справедливо. Впрочем, на днях повидаю самого директора. [...] На свои слова (сцена Леслея с хором перед его песней) написал музыку, полагаю, по фактуре — безукоризненную. Пишу стихи (довольно грустные) для финала 1-го акта. Инструментальную рассказ Дугласа» (К ю и. Письма, стр. 74—75).

Новая опера Серова, о которой пишет Кюи, «Вражья сила», не законченная композитором, не стала приятствием к постановке «Вильяма Ратклифа», премьера которого состоялась 14 февраля 1869 года в Мариинском театре.

⁴ Балакирев проводил лето на Кавказе.

К письму 71

ГПБ, ф. 640, № 951, лл. 7—10. Впервые опубликовано: РМГ, 1909, № 13—14, стб. 356—358; перепеч.: Письма и документы, № 70; Избр., № 15; Римский-Корсаков. Соч., т. V, стр. 309—310.

Год определен по содержанию и по сопоставлению с письмом Римского-Корсакова от 7 августа 1868 года.

¹ Мусоргский получил письма Кюи от 27 июля 1868 года (см.: К ю и. Письма, стр. 74—75) и Римского-Корсакова от 7 августа 1868 года (см.: Римский-Корсаков. Соч., т. V, стр. 307—308).

² Первыми сочиненными номерами для «Псковитянки» Римского-Корсакова были любовный дуэт Ольги и Михайлы Тучи и сказка мамки Власевны (про царевну Ладугу) (первая картина).

³ Настоящий абзац представляет собой ответ на письмо Римского-Корсакова с изложением плана работы над третьей частью «Антара» — «Сладость власти» и четвертой — «Сладость любви»: «...в настоящее время оркеструю Власть. Я уже сообщал вам, что рисую скорее обстановку восточного властелина, чем отвлеченное чувство; надеюсь, что с этой стороны будет не совсем дурно, шикарно будет ужасно, будут и довольно сильные вещи. Известное вам начало производят одни духовые и медные с тарелками. Вторая тема A-dur (Гарем) с довольно оригинальным аккомпанементом при бубнах и тарелках имеет в себе некоторый восточный шик, засим — сила (Антарова тема в F-dur с фанфарами); после короткой средней

части возвращение к первой теме и Антарова тема в D. Затем небольшой хвост. Думаю сделать самое короткое вступление к 4-й части, основанное на

Это напомнит опять развалины (из 1-й части) и царство Пери и, кроме того, приятно подействует как связь D-dur'a (3-я часть) с Des-dur'ом (4-я)» (письмо от 7 августа 1868 года. Римский-Корсаков. Соч., т. V, стр. 307—308).

Что касается возражения Мусоргского против намерения Римского-Корсакова сделать последнюю часть «Антара» с медленным вступлением, то Римский-Корсаков не посчитался с ссылками Мусоргского на то, что вторая часть — «Сладость мести» и третья часть — «Сладость власти» написаны без вступлений, и сохранили первоначальный замысел. Особенно интересно для понимания отношения Мусоргского к вопросу о программности его замечание о программе «Антара»: он предпочитает музыкальное воплощение программы на основе самостоятельной драматургии, а не как буквальное следование сказке Сенковского.

По поводу второй части «Антара» Римский-Корсаков писал Мусоргскому: «Милый будет ненавидеть Мицение и будет недоволен Властью за то, что я не сделал из оной большого аллегро с широким симфоническим развитием тем; но я переделывать ничего не буду, ибо идея выражена, ну и хорошо, а симфоническое развитие не всегда хорошо и пригодно» (там же, стр. 308).

⁴ Незадолго до этого была издана диссертация М. М. Троицкого «Немецкая психология в текущем столетии. Историческое и критическое исследование с предварительным очерком успехов психологии со времен Бекона и Локка» (М., 1867).

⁵ Римский-Корсаков, не удовлетворенный первым вариантом, заново написал «Сладость мести».

⁶ Слова Подколесина в первом действии «Женитьбы» Гоголя.

К письму 72

ГПБ, ф. 502, № 145, лл. 26—27 об. Впервые опубликовано: РМГ, 1914, № 16, стб. 405; перепеч.: отд. изд., стр. 67—69; Письма и документы, № 71.

Год определен по содержанию (сообщение о заболевании Г. А. Демидова).

¹ По-видимому, Балакирев просил Мусоргского аккомпанировать хору на релетиции к концерту БМШ 26 октября 1869 года, в котором исполнялась сцена в церкви из музыки к «Фаусту» Шумана.

² Музыкальной труппой Мусоргский называет РМО.

³ Г. А. Демидов был помещен в психиатрическую лечебницу доктора Штейна на 5-й линии Васильевского острова.

К письму 73

ЦГАЛИ, ф. 143. Впервые опубликовано: «Советская музыка», 1939, № 4, стр. 23; Письма к Г.-К., стр. 115.

Датируется в соответствии с аналогичным письмом Кюи к Альбрехту, от 2 декабря 1869 года.

¹ Письмо Мусоргского является ответом на письмо К. К. Альбрехта, обращенное ко всем членам балакиревского кружка с просьбой принять участие в составлении сборника хоровых песен. Об этом П. И. Чайковский писал М. А. Балакиреву 28 октября 1869 года: «Я ему помог составить список, но решительно не помню, как зовут по отчеству Мусоргского и Бородина [...]». В письмах этих Альбрехт будет просить Вас написать два или три маленьких трехголосных хорика. Пожалуйста, голубчик, не откажите милому нашему немцу и пожертвуйте ему какой-нибудь часик времени» (сб. «Балакирев», стр. 141). 12 ноября 1869 года Балакирев ответил Чайковскому, сообщив адреса и имена и отчества Мусоргского, Бородина, Кюи и Римского-Корсакова: «Душевно рад был бы помочь Альбрехту, только не знаю как. [...] что же касается до нашей компании, то ни у кого Männerchor'ов не имеется, и едва ли кто-либо захочет предаваться такому греху quasi-садомскому» (там же, стр. 142). Остальные участники балакиревского кружка так же, как и Мусоргский, отклонили предложение К. К. Альбрехта.

К письму 74

ГНБ, ф. 520, оп. 1, № 231, л. 9—9 об. Впервые опубликовано: Письма и документы, № 72.

Буквы, означающие день и месяц, переставлены; цифры под ними обозначают правильное расположение букв. Год определен по календарю.

¹ Мусоргский возвращал Никольскому следующие книги: «История Выговской старообрядческой пустыни». Издана по рукописи Ивана Филиппова (изд. Д. Е. Кожанчикова, СПб., 1862), и И. Е. Троицкий. История раскола (б. г.). — Заслуживают внимания соображения А. Н. Римского-Корсакова, высказанные при первой публикации этого письма, по поводу интереса Мусоргского к историческим событиям, связанным с эпохой борьбы с расколом, за два года до начала работы над «Хованщиной»: «Данные о «книжниках», в особенности о первой, крайне любопытны, если сопоставить их с датой письма. В мае 1870 года Мусоргский был временно свободен от работы по «Борису». Это был период, когда судьба только что законченной оперы еще не определилась и расчеты на принятие ее на казенную сцену не были еще подорваны вердиктом оперного комитета. Напротив, величайший успех «Бориса» в кружке должен был поддерживать у его автора самые оптимистические надежды. С другой стороны, творческий порыв, окрыливший Мусоргского при сочинении «Бориса», был еще далеко не изжит. Это мы знаем из дальнейшей истории оперы. И вот, уже в эту пору, не ведая еще о том, что ему предстоит дополнительно создать для «Бориса», он ведет переговоры с В. В. Стасовым об опере на сюжет «Бобыля» и параллельно роется в различных исторических материалах. — Мы знали до сих пор, что лишь через два года он начнет свой сюжет в «Хованщине». Настоящее письмо невольно наводит на мысль, что обретение народной драмы из эпохи борьбы с расколом было подготовлено и сподвинуто и что уже за два года до того, как Мусоргский завел тетрадку и сделал на ней надпись «Хованщина», внимание его бродило по источникам и материалам, родственным этой опере» (Письма и документы, стр. 156). К этим наблюдениям А. Н. Римского-Корсакова можно добавить, что непосредственная творческая преемственность и связь между «Борисом» и «Хованщиной» настолько велика, что Мусоргский, работая над сценой под Кромами (во второй редакции «Бориса»), одновременно обдумывал «Хованщину»; об этом убедительно говорят две даты: 23 июня 1872 года — авторская дата окончания инструментовки сцены под Кромами, 7 июля того же года — дата в конце перечня источников для «Хованщины» в упоминаемой А. Н. Римским-Корсаковым тетради с материалами для этой оперы.

² Просьба Мусоргского касается кого-то из родственников Н. П. и А. П. Опочининых, кого должен был экзаменовывать Никольский, быть может, в Александровском лицее.

ГПБ, ф. 502, № 149, лл. 1—2 об. Впервые опубликовано: отрывок — «Вестник Европы», 1881, кн. 5, стр. 288; полностью — РМГ, 1911, № 8—9, стб. 215—217; перепеч.: Письма и документы, № 73; Избр., № 16.

¹ Прозвища — Донья Анна-Лаура и Оркестр — возникли потому, что А. Н. Пургольд исполняла в опере Даргомыжского «Каменный гость» партии Донны Анны и Лауры, а Н. Н. Пургольд аккомпанировала певцам.

² Песня Мусоргского «Семинарист», сочиненная еще в 1866 году, запрещенная к изданию в России, печаталась в Германии (см. также комм. 1 к письму 81).

³ Под крупными животными подразумеваются осмеянные в «Райке» музыкальные деятели.

⁴ В письме А. Н. Пургольд В. В. Стасову 11 июля 1870 года в названии «Берлинского аквариума» «аквариум» написан с прописной буквы; это и вызвало вопрос Мусоргского, которому Стасов дал прочесть письмо.

⁵ Летом 1870 года Н. А. Римский-Корсаков ездил в Тервайоки.

⁶ Мусоргского восхитила в «Псковитянке» вторая сцена первого акта («Вече»).

⁷ Музыкальная фраза «Милый наш оркестр» представляет собой интонационно и ритмически измененное обращение Дон-Жуана к Лепорелло («Милый Лепорелло») во втором действии оперы Даргомыжского «Каменный гость». Вот как это выглядит в опере:

⁸ «Я скромн, прост и вежлив, только не стыдлив» — пародирование собственного текста из «Классика».

К письму 76

ГПБ, ф. 502, № 149, лл. 4—5 об. Впервые опубликовано: РМГ, 1911, № 8—9, стб. 217—218; перепеч.: Письма и документы, № 74.

К письму 77

ГПБ, ф. 520, оп. 1, № 231, лл. 10—12 об. Впервые опубликовано: Письма и документы, № 75; Избр., № 17 (с пропуском текста «Райка»).

Год определен по содержанию: сочинение «Райка».

¹ В тексте «Райка», приведенном в письме, имеются небольшие разночтения с редакциями, напечатанными с музыки, и большие расхождения с первоначальным текстом, подаренным В. В. Стасову 11 июня.

² Здесь намек на нашумевший эпизод со статьей В. В. Стасова «Музыкальные лгуны» («СПб. ведомости», 1869 года), в которой сделан выпад против Фаминцына как одного из музыкальных критиков, торжествовавших по поводу отстранения Балакирева от дирижерской деятельности в РМО. Фаминцын возбудил против Стасова судебный иск по обвинению в клевете, но суд признал Стасова невиновным, так как последний представил неопровержимые доказательства всему им высказанному в статье; однако Стасов был приговорен к штрафу и аресту за брань в печати.

³ Намек на обед в честь Берлиоза, на который не пригласили Серова.

⁴ «Ночная мгла затрепетала» — неточная цитата слов колдуньи Скульды в первом действии оперы Серова «Рогнеда»; следует: «Глухая мгла затрепетала».

В окончательной редакции «Райка» эти слова приведены в точном соответствии с текстом оперы Серова.

⁵ Муза — вел. кн. Елена Павловна.

⁶ Текст из Литургии; на нотах это посвящение не приводится и просто указано: «Владимпру Васильевичу Стасову».

⁷ Продолжение письма написано на новом листе почтовой бумаги.

⁸ «Записки по истории русского языка» В. В. Никольского — литографированное пособие к его лекциям в Александровском лицее.

⁹ Мусоргский жил в Инженерном замке.

К письму 78

ГПБ, ф. 502, № 149, лл. 7—8 об. Впервые опубликовано: отрывок — «Вестник Европы», 1881, кн. 5, стр. 289; полностью — РМГ, 1911, № 8—9; перепеч.: Письма и документы, № 76.

¹ Вероятно, в письме к Л. И. Шестаковой А. Н. Пургольд выразила возмущение по поводу выпада Мусоргского против вокального творчества немецких композиторов (см. письмо 76).

² Письмо Мусоргского написано накануне франко-прусской войны. — Мусигийскими жрицами Мусоргский называет сестер Пургольд.

³ Под великой нацией Мусоргский подразумевает Францию. Шёнгаузенским званием Мусоргский называет Бисмарка, родовой замок которого находился в Шёнгаузене (Пруссия, округ Магдебург).

⁴ Окончив сочинение оперы «Борис Годунов» к весне 1870 года, Мусоргский вел предварительные переговоры с С. А. Гедеоновым, относительно ее постановки; композитор тогда же представил партитуру в дирекцию имп. театров и теперь ожидал приглашения показать «Бориса» в оперном комитете. Рассматривалось произведение лишь в начале февраля (около 10-го) 1871 года, причем автора не вызвали. «Борис Годунов» был забаллотирован шестью голосами против одного, о чем Мусоргский получил извещение из конторы имп. театров от 17 февраля. После бракования «Бориса» Мусоргский приступил к созданию новой редакции, которую закончил в партитуре 23 июня 1872 года.

К письму 79

ГПБ, ф. 502, № 154, л. 1—1 об. Впервые опубликовано: РМГ, 1911, № 10; стб. 253—254; перепеч.: «Письма к В. В. Стасову», стр. 34; Письма и документы, № 77.

¹ В. В. Стасов приглашал Мусоргского на дачу в Заманиловку (возле Парголово) на празднование своих именин (15 июля); записка Стасова не обнаружена.

К письму 80

ГПБ, ф. 640, № 951, лл. 11—12 об. Впервые опубликовано: РМГ, 1909, № 17, стб. 451—453; перепеч.: Письма и документы, № 78; Избр., № 18; Римский-Корсаков в Соч., т. V, стр. 311—312.

¹ Сообщение Кюи не оправдалось: «Каменный гость» был поставлен только 16 февраля 1872 года.

² О финансовых затруднениях с постановкой «Каменного гостя» см. комм. 6 к письму 90.

³ Об этом приезде Мусоргского к нему на дачу В. В. Стасов писал Д. В. Стасову 29 июля 1870 года: «[Мусоргский] вечером так пел, что ему аплодировали почти все дамы и девицы, и произвели какое-то торжество. Мне напомнились времена Глинки и он сам за фортепиано. С его времени я еще не видел ни у кого общего действия на всех безразлично» (В. Стасов. Письма к родным, т. I, ч. 2, стр. 61); об этом же вечере в письме к Римскому-Корсакову Стасов рассказывал.

«Вчера Модест был у нас на даче, много пел и все его просто на руках носили» (Римский-Корсаков. Соч., т. V, стр. 335).

⁴ Мужики в «Борисе» — вероятно, сцена у Новодевичьего монастыря (первая картина Пролога), так как сцены под Кромами в то время еще не существовало, а в сцене у Василия Блаженного комических элементов вовсе нет.

⁵ См. комм. 4 к письму 78.

⁶ Одновременно с инструментовкой «Каменного гостя» Римский-Корсаков летом 1870 года сочинял оперу «Псковитянка».

⁷ Тяжелое душевное состояние Шестаковой было вызвано известием о смерти ее мужа, В. И. Шестакова, в июне 1870 года, с которым она фактически рассталась за много лет до этого.

⁸ Химическим бригадиром Мусоргский называет А. П. Бородин; бригадир — старинный армейский чин, соответствующий чину статского советника, который имел Бородин.

⁹ В 1871 году фирмой «В. Бессель и К^о» кроме «Райка» изданы: «Колыбельная песня», «Озорник», «Сиротка», «Детская песенка», «Колыбельная Еремушки», «Ночь», «Царь Саул», второй и третий номера «Детской» («В углу» и «Жук»), «Стрекотунья белобока».

К письму 81

ГПБ, ф. 502, № 154, л. 4—4 об. Впервые опубликовано: РМГ, 1911, № 10, стб. 254; перепеч.: «Письма к В. В. Стасову», стр. 4—6; Письма и документы, № 79; Избр., № 19.

¹ Мусоргский цитирует текст «Семинариста» и рассказывает о судьбе произведения. В ответ на запрос Комитета цензуры иностранной (от 7 августа 1870 года) Петербургский цензурный комитет указал (14 августа), что «ноты эти не могут быть дозволены к обращению в публике» («Труды и дни», стр. 199).

² О чем пишет Мусоргский, установить не удалось.

³ Текст «Семинариста» начинается и заканчивается латинскими словами, представляющими исключение из правил третьего склонения, которые зубрит семинарист.

⁴ На том же листе, на котором написано это письмо Мусоргский воспроизвел копию прошения (см.: «Письма и документы», стр. 181—182).

⁵ Все экземпляры «Семинариста», за исключением трех, выданных Мусоргскому, были задержаны цензурой; экземпляр, подаренный Мусоргским В. В. Стасову, не обнаружен.

К письму 82

ГПБ, ф. 502, № 154, л. 7. Впервые опубликовано: РМГ, 1911, № 10, стб. 256—257; перепеч.: «Письма к В. В. Стасову», стр. 8—9; Письма и документы, № 80.

¹ Детский бальзам — так в шутку А. В. Мейер называл «Детское скерцо» Мусоргского.

² Парголово — страны — Заманиловка, где жили на даче Стасовы.

³ «Спасибо за присловие, боярин», — слова Токмакова из оперы Римского-Корсакова «Псковитянка» (сцена «веча»); за какой совет, связанный с оперой «Борис Годунов», благодарит Мусоргский — неизвестно.

⁴ Шаши — сестры Пургольд, из которых Александра Николаевна — «Шаша с шиньоном», а Надежда Николаевна — «Шаша без шиньона». — Из-за границы они привезли несколько печатных экземпляров «Семинариста».

ГПБ, ф. 640, № 951, л. 13—13 об. Впервые опубликовано: РМГ, 1909, № 18—19, стб. 485—486; перепеч.: Письма и документы, № 84; Римский-Корсаков. Соч., т. V, стр. 314.

Год определен по содержанию постскриптума: косвенное упоминание о смерти матери А. Н. и Н. Н. Пургольд (А. А. Пургольд скончалась 28 декабря 1870 года).

¹ В письме к Мусоргскому Римский-Корсаков извещал, что не может быть у Шестаковой из-за дежурства, и просил сообщить, в котором часу на следующий день Мусоргский собирается к Пургольдам (см.: Римский-Корсаков. Соч., т. V, стр. 313).

² Письмо Шестаковой, в котором она приглашает к себе на обед, не обнаружено.

³ Фортепианная штучка — скерцино «Швея».

⁴ В примечании к первой публикации этого письма Н. Н. Римская-Корсакова писала: «В декабре 1870 года скончалась моя мать. Под влиянием этого горя мы с сестрой А. Н. выбились из музыкальной колеи и некоторое время ни с кем из нашего кружка не видались. Людмила Ивановна, по доброте своей, старалась нас рассеять и вернуть в прежнюю музыкальную жизнь» (РМГ, 1909, № 18—19, стб. 486, прим. 4).

⁵ Необузданные варвары — вероятно, остальные члены балакиревского кружка, которых сестры Пургольд называли также «разбойниками».

К письму 84

ИРЛИ, ф. 294, оп. 3, № 162, л. 1. Впервые опубликовано: «Радуга», Пг., изд. «Атеней», 1922, стр. 232; перепеч.: Письма и документы, № 82.

К письму 85

ГПБ, ф. 640, № 951, лл. 15—16. Впервые опубликовано в кн.: Н. А. Римский-Корсаков. Летопись моей музыкальной жизни, 3-е изд.; перепеч.: Письма и документы, № 83. Римский-Корсаков. Соч., т. V, стр. 314—315.

Крестики и вопросительный знак расставлены в подлиннике.

¹ Текст этой песни (кроме седьмой и девятой строф) с небольшими изменениями введен Римским-Корсаковым в хор девушек, величающих Ивана Грозного во второй картине второго действия оперы «Псковитянка» (третья редакция).

К письму 86

ГПБ, ф. 502, № 154, лл. 10—11. Впервые опубликовано: РМГ, 1911, № 10, стб. 257; перепеч.: «Письма к В. В. Стасову», стр. 9—10; Письма и документы, № 84; Избр., № 20.

Год определен по содержанию: первое представление оперы А. Н. Серова «Вражья сила» состоялась 19 апреля 1871 года.

¹ Письмо Стасова не сохранилось.

² Под своими Мусоргский, вероятно, подразумевает Опочининых.

³ Компанство — балакиревский кружок.

⁴ Бертрам — персонаж из оперы Мейербера «Роберт-дьявол».

⁵ Мусоргский, несомненно, читал письмо В. В. Стасова к Н. А. Римскому-Корсакову от 17 апреля 1871 года, где тот писал о Балакиреве: «Вообще скажу Вам, что Милий произвел на меня вчера самое грустное впечатление. По наружности как будто все то же и ничего не переменялось: голос тот же, фигура, лицо, слова — все те же, да — но только на самом деле все переменялось и от прежнего

не осталось камня на камне. Можете себе представить, от времени до времени наступало вдруг молчание и продолжалось по несколько минут!!! Я снова начинал и так и сяк, принимался и с одного конца и с другого (тщательно избегая всего, что могло бы быть неприятно [...])— нет, ничто не помогает, он ответит несколько слов— и опять молчание. Когда бывало что-нибудь подобное, вот 15 лет, что я его знаю. Нет, это совсем другой человек, передо мною был вчера какой-то гроб, а не прежний живой, энергичный, беспокойный Милий, начинавший рассуживать все новое и новое, как только войдет в комнату, допрашивать и подталкивать всех, кто налицо тут есть. А теперь— ни до кого и ни до чего ему дела нет!!» (Римский-Корсаков. Соч., т. V, стр. 341).

⁶ «Diavolo, diavolo!»— припев, повторяемый хором в финальном ансамбле оперы Обера «Фра-дьяволо», возобновленной в те годы в Мариинском театре.

⁷ Мусоргский работал над сценой Марины с иезуитом Рангони для первой картины польского акта в «Борисе Годунове». Это признание Мусоргского о вдохновенной работе над второй редакцией оперы подтверждает, что бракование первой редакции не явилось для композитора тяжелым ударом, так как в то время он был еще увлечен образами и идеей этой оперы и жажда высказывания была не исчерпана первой редакцией. Ср. с письмом Н. А. Римского-Корсакова к А. Н. Пургольд от 14 февраля 1871 года после бракования «Бориса» оперным комитетом: «...спешу Вам сообщить, что бесчувственная Тигра [прозвище Мусоргского] адорова. [...] о судьбе «Бориса» она знает все и отнеслась к сему совершенно не так, как этого можно было ожидать, и, следовательно, совершенно иначе, чем все предполагали» (цит. по кн. «Труды и дни», стр. 214).

К письму 87

ЛГК. Впервые опубликовано: Письма и документы, № 85.

Год определен по календарю: 1 июля приходилось на четверг в 1865, 1871 и 1876 годах, но 1865 год отпадает, так как упоминаемый в письме нотный магазин В. Бесселя был основан в 1869 году, а отсутствие упоминания в письме второго ребенка Кюи, дочери Лидии, родившейся в 1872 году, позволяет с уверенностью отнести это письмо к 1871 году.

¹ По предположению А. Н. Римского-Корсакова «хорошая штука», которую проектирует Бессель, быть может, периодический орган «Музыкальный листок» (начал выходить с сентября 1872 года) (Письма и документы, стр. 193).

² Ласковое прозвище относится к сыну М. Р. и Ц. А. Кюи, Саше, крестнику Мусоргского.

К письму 88

ГПБ, ф. 502, № 154, лл. 13—14 об. Текст сноски (перечисление зверей) впервые опубликован: «Вестник Европы», 1881, № 6; полностью впервые опубликовано: РМГ, 1911, № 10, стб. 257—259; перепеч.: «Письма к В. В. Стасову», стр. 10—13; Письма и документы, № 88, Избр., № 21.

¹ Мусоргский здесь и ниже рассказывает Стасову о работе над второй редакцией сцены в тереме оперы «Борис Годунов».

² «...от Лодыжки происходящего и Фимом рекомого» Мусоргский назвал Н. Н. Лодыженского; «бурь морских кавалером», а также «адмиралтейством» Мусоргский называл Н. А. Римского-Корсакова.

³ Во второй редакции монолога Бориса «Достиг я высшей власти» Мусоргский значительно изменил пушкинский текст.

⁴ «Звери», перечисленные Мусоргским, «воспеты» им в следующих произведениях: сорока— в песне «Стрекотуныя-белобока», козел— в песне «Светская сказочка» («Козел»), жук— в третьем номере «Детской», селезень— в песне корчмарки в

опере «Борис Годунов», комар с клопом — в песне мамки «Как комар дрова рубил, клопик воду носил» в опере «Борис Годунов», Сыч с воробьем — там же.

⁵ Приведенный в письме к Стасову текст рассказа Феодора о попугае несколько отличается от текста в рукописи клавираусцуга и от напечатанного в 1874 году.

⁶ В начале августа 1871 года Мусоргский переехал от Опочинных в меблированные комнаты на Пантелеймоновскую улицу, № 11, кв. 4.

К письму 89

ГПБ, ф. 640, № 951, л. 17—17 об. Впервые опубликовано: РМГ, 1909, № 18-19, стб. 486—487; перепеч.: Письма и документы, № 89; Римский-Корсаков. Соч., т. V, стр. 318.

¹ По-видимому, Мусоргский должен был получить деньги из деревни.

² Письмо Шестаковой не обнаружено. По поводу встреч в своем доме Мусоргского и Римского-Корсакова она вспоминала: «То время он с Корсаковым был очень дружен [...] они жили очень далеко друг от друга, и им было удобно сходиться у меня» (цит. по книге «Труды и дни», стр. 182).

³ Вероятно, предполагался показ у Шестаковой сцены под Кромами, в которую перенесен эпизод с юродивым.

К письму 90

ГПБ, ф. 502, № 154, л. 16—16 об. Впервые опубликовано: РМГ, 1911, № 10, стб. 259—260; перепеч.: «Письма к В. В. Стасову», стр. 13—15; Письма и документы, № 90; Избр., № 22.

¹ Мусоргский сообщает Стасову свой адрес, где с 1 сентября он поселился в меблированных комнатах вместе с Римским-Корсаковым (Пантелеймоновская ул., № 11, дом Зарембы, кв. 9).

² А. Г. Рубинштейн закончил оперу «Демон».

³ При публикации этого письма в РМГ Д. В. Стасов сделал следующее примечание: «Этот вечер, на котором А. Г. Рубинштейн показывал и исполнял свою оперу «Демон», только что им оконченную, состоялся у Д. В. Стасова на Сергиевской улице, в доме бывшем Киреева [...]. На этом вечере присутствовали, кроме упомянутых в письме Мусоргского лиц, еще Н. Г. Рубинштейн (исполнивший с братом в 4 руки некоторые из инструментальных номеров «Демона»), а также Г. А. Ларош и М. П. Азанчевский». По воспоминанию В. Д. Комаровой-Стасовой, «...хозяева были удивлены и недовольны тем, что Азанчевский и Ларош явились самовольно, вовсе не приглашенные, так как, исполняя желание Антона Григорьевича, Д. В. Стасов не пригласил никого, кроме тех, кого указал сам Рубинштейн» (Письма и документы, стр. 202). Вечер состоялся 15 сентября (см. «Труды и дни», стр. 225).

⁴ Мусоргский работал над новой редакцией сцены в келье оперы «Борис Годунов». — Корсикийский адмирал — прозвище Н. А. Римского-Корсакова.

⁵ Бродяжная — народный хор в сцене под Кромами.

⁶ Бекун наследников Даргомыжского П. А. Кашкаров требовал за право исполнения «Каменного гостя» 3000 р., на что дирекция имп. театров не соглашалась. Общественность широко откликнулась на этот инцидент. Был организован сбор средств на приобретение «Каменного гостя», а В. В. Стасов предложил в открытом письме «Собранию Санкт-Петербургских художников» организовать с этой целью концерт. В короткий срок требуемая сумма была собрана.

К письму 91

ГПБ, ф. 520, оп. 1, № 231, л. 13. Впервые опубликовано: Письма и документы, № 91.

Год определен по календарю и содержанию (окончание «Псковитянки» Римского-Корсакова).

¹ В опере Римского-Корсакова Мусоргский исполнял партии Грозного, Токмакова и другие.

К письму 92

ГПБ, ф. 502, № 154, л. 19. Впервые опубликовано: РМГ, 1911, № 10, стб. 260; перепеч.: «Письма к В. В. Стасову»; Письма и документы, № 92.

Датировано В. В. Стасовым.

¹ Внизу письма имеется приписка В. В. Стасова: «14 декабря 71. (Мы не попали в «Миньону» с Лукной)».

² Мусоргский работал над второй картиной польского акта оперы «Борис Годунов».

К письму 93

Оригинал не обнаружен. Впервые опубликовано: Письма и документы, № 93.

Датировано приблизительно при первой публикации.

¹ Упоминается либретто «Псковитянки», одобренное цензурой 6 ноября 1871 года (см. «Труды и дни», стр. 238).

К письму 94

ГПБ, ф. 502, № 149, л. 10. Впервые опубликовано: РМГ, 1911, № 8-9, стб. 219—220; перепеч.: Письма и документы, № 94; Избр., № 23.

¹ Мусоргский пишет об одном из исполнений «Бориса Годунова» в семье Пургольд (см. письмо 95).

² К сожалению, не удастся установить, о каком гоголевском сюжете говорится в письме, это тем более обидно, что Мусоргский придавал ему большое значение и даже вспоминает об этом в Автобиографии.

³ Под влиянием Ю. Ф. Платоновой Н. А. Лукашевич проявлял интерес к «Борису Годунову». У него дома нередко исполнялись отрывки из оперы. Возможно, что в данном случае речь идет об одном из таких музыкальных вечеров, а может быть, и предварительных переговоров по поводу постановки оперы.

⁴ В это время Мусоргский оркестровал вторую редакцию сцены в тереме.

⁵ Смысл фразы неясен.

⁶ По-видимому, Н. Н. Пургольд была больна.

К письму 95

ГПБ, ф. 502, № 154, л. 21. Впервые опубликовано: РМГ, 1911, № 10, стб. 260; перепеч.: «Письма к В. В. Стасову», стр. 15—16; Письма и документы, № 95.

¹ Внизу страницы пометка В. В. Стасова: «Ренетия у В. Ф. Пургольд».

К письму 96

ИТМК, ф. 20, оп. 1, ед. хр. 7. Впервые опубликовано: «Советская музыка», 1939, № 4, стр. 99.

¹ Все эти прозвища даны В. В. Васильеву как исполнителю теноровых партий на музыкальных вечерах балакиревского кружка в операх «Каменный гость» Даргомыжского, «Псковитянка» Римского-Корсакова (боярин Матута и Михайла Туча) и «Борис Годунов» Мусоргского (Самозванец и Василий Шуйский).

² 16 февраля 1872 года состоялась премьера оперы Даргомыжского в Мариинском театре.

К письму 97

ГПБ, ф. 520, оп. 1, № 231, л. 14—14 об. Впервые опубликовано: Письма и документы, № 96.

Датируется в соответствии с письмом 96.

К письму 98

ГПБ, ф. 502, № 145, л. 28. Впервые опубликовано: РМГ, 1914, № 16, стб. 406; перепеч.: отд. изд., стр. 69; Письма и документы, № 98.

¹ Записка Балакирева не обнаружена.

² Концертом Литературного фонда (Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым) который состоялся 29 марта 1872 года, должен был дирижировать Балакирев, но он отказался исполнять оркестровые сочинения новых русских композиторов: в этом концерте из произведений композиторов Могучей кучки исполнялась лишь «Еврейская песня» Римского-Корсакова.

³ Польский из «Бориса Годунова» был исполнен в концерте БМШ под упр. Балакирева 3 апреля 1872 года четвертым номером (из шести). В письме к В. В. Стасову от 27 марта 1881 года Балакирев вспоминал по поводу этого исполнения: «Полонез [...] в 1-й раз исполнен был в последнем дирижированном мною концерте Б. М. Школы [...], и я ему [Мусоргскому] сделал некоторые замечания (которые он несколько воспользовался, как я вижу из издания *Slavierauszug'a*). Не знаю, исправлена ли его оркестровка. Я не слыхал на сцене» (Письма и документы, стр. 210). О недоброжелательном отношении Балакирева к «Борису» Бородин рассказывал жене в письме от 24—25 октября 1871 года: «Модинька оскорблен несправедливыми и высокомерными отзывами Милия о «Борисе», высказываемыми бестактно и резко в присутствии людей, которые вовсе не должны бы слышать этого» (Письма А. П. Бородина, вып. 1, стр. 311).

К письму 99

ГПБ, ф. 502, № 154, лл. 24—25. Впервые опубликовано: РМГ, 1911, № 13, стб. 321—323; перепеч.: Письма к В. В. Стасову, стр. 16—18; Письма и документы, № 99.

При первой публикации число указано неверно — 13 марта.

¹ У Мусоргского и Римского-Корсакова, живших в одной комнате, был общий письменный стол.

² И. Е. Репин рисовал обложку для «Детской», в издании Бесселя.

³ В то время коллективно сочинялась опера-балет «Млада» по заказу и сценарию С. А. Геденова (подрядчика) на либретто В. А. Крылова. Музыку писали А. П. Бородин, Н. А. Римский-Корсаков, Ц. А. Кюи и Мусоргский. Работа между композиторами распределялась следующим образом: Кюи было поручено первое действие, второе и третье действие писали Римский-Корсаков и Мусоргский, чет-

верное действие писал Бородин. Работа не была доведена до конца и впоследствии каждый из композиторов использовал сочиненное им для «Млады» в других произведениях. Сочиненное Бородиным для «Млады» позднее вошло в оперу «Князь Игорь», Мусоргский сочинил «Марш князей», впоследствии с трио изданный отдельно, переделал «Ночь на Лысой горе» для явления Чернобога в третьем действии и написал большую народную сцену на площади. Кюи впоследствии издал первое действие как самостоятельное сочинение; Римский-Корсаков сначала использовал по мелочам отдельные эпизоды из «Млады», а впоследствии создал свою оперу-балет «Млада» (подробно об этом, а также публикацию музыки Мусоргского см.: Письма и документы, приложение IV, стр. 499—503).

Приведенные стихи — слова Войславы; «Сагана, чух» — возгласы нечистой силы в сцене на горе Триглав (третье действие «Млады»).

⁴ Для сцены Чернобога (служение Черному козлу) Мусоргский использовал музыку «Ивановой ночи на Лысой горе» (см. комм. 1 к письму 60).

⁵ Этот замысел остался неосуществленным.

К письму 100

ГПБ, ф. 520, оп. 1, № 231, л. 15. Впервые опубликовано: Письма и документы, № 100.

Год определен по календарю: во время окончания «Бориса Годунова» пятница 7 апреля приходилась на 1872 год.

¹ Упоминаемое исполнение «Бориса Годунова» — одно из многих исполнений оперы Мусоргского в квартире Пургольд.

² Мусоргский благодарит Никольского за одолженный фрак.

³ Мусоргский говорит здесь о последней картине оперы «Борис Годунов» — сцене под Кромами.

К письму 101

ГПБ, ф. 502, № 145, л. 30. Впервые опубликовано: РМГ, 1914, № 16, стб. 406—407; перепеч.: отд. изд., стр. 69—70; Письма и документы, № 101.

¹ На исполнении Полонеза пометки В. В. Стасова: «Детская», рисунок Репина. 29 апреля 1872 года состоялся показ новой редакции оперы в Музыкально-театральном комитете (см. «Труды и дни», стр. 249).

К письму 102

ГПБ, ф. 502, № 154, л. 27. Впервые опубликовано: РМГ, 1911, № 13, стб. 323; перепеч.: «Письма к В. В. Стасову», стр. 18; Письма и документы, № 102.

¹ На письме и конверте пометки В. В. Стасова: «Детская», рисунок Репина. И. Е. Репин нарисовал обложку к «Детской» для изд. В. В. Бесселя.

² В кружке исполнялись готовые номера «Млады».

К письму 103

Оригинал не обнаружен. Впервые опубликовано: Письма и документы, дополнение, стр. 523.

¹ После одобрения «Бориса Годунова» драматической цензурой и театрально-литературным комитетом состоялся вторичный показ в оперном комитете имп. театров.

К письму 104

ГПБ, ф. 502, № 154, лл. 30—31 об. Впервые опубликовано: РМГ, 1911, № 13, стб. 323—325; перепеч.: «Письма к В. В. Стасову», стр. 19—22; Письма и документы, № 103; Избр., № 24.

¹ Стасов был в Москве на открытии Политехнической выставки.

² Это письмо, являясь программным для творчества Мусоргского, в то же время определяет время начала работы композитора над народной музыкальной драмой «Хованщина».

К письму 105

ГПБ, ф. 857, оп. 1, № 15, л. 8—8 об. Впервые опубликовано: Письма и документы, № 104.

¹ В сезоне 1866/67 года в связи с отъездом М. А. Балакирева в Прагу кружок начал систематически собираться у Л. И. Шестаковой.

² «Одни повыбыли, другие, смотришь, перебиты» — неточная цитата из комедии Грибоедова «Горе от ума» (слова Скалозуба); следует: «То старших выключат иных, другие, смотришь, перебиты».

³ Письмо посвящено вопросу, чрезвычайно волновавшему Мусоргского, — распаду Могучей кучки.

⁴ Под священной армией великого палача Мусоргский подразумевает армию Наполеона.

⁵ 11 июля день именин дочери Л. И. Шестаковой и Д. В. Стасова, Оли, умершей в 1863 году.

К письму 106

ГПБ, ф. 502, № 154, лл. 32—35 об. Впервые опубликовано: отрывок «Вестник Европы», 1881, кн. 6, стр. 538; полностью — РМГ, 1911, № 13, стр. 325—329; перепеч.: «Письма к В. В. Стасову», стр. 22—30; Письма и документы, № 105; Избр., № 25.

¹ В примечании к первой публикации сказано: «После франко-прусской войны и образования Германской империи (1871) европейская политика вступила на новые пути так называемого «вооруженного мира», причем общественное мнение было встревожено возможностью агрессивной политики со стороны Германии [...]; в это время в европейской военной практике произошел переход к введению в России всеобщей воинской повинности. На эти события и откликается, очевидно, Мусоргский в настоящем письме».

² На форменной одежде у телеграфистов было изображение молнии.

³ Мусоргский в шутку называет Парголово Pārgala.

⁴ Тетрадка под названием «Хованщина» хранится в фонде Мусоргского в ГПБ (ф. 502). На обложке надпись: «Посвящаю Владимиру Васильевичу Стасову мой посильный труд, его любовью навеянный».

15 июля 1872 года

Мусоргский

В тетради собраны выписки из перечисленных материалов (см. комм. 5). Материалы из других источников вписывались и вклеивались Мусоргским отдельно на отдельных листах.

⁵ Мусоргский перечисляет следующие источники: «Записки И. А. Желазского» (изд. Д. Языкова, 1840) (содержат описание возмущения стрельцов после смерти царя Феодора, похода и ссылки князя В. Голицына, стрелецкого бунта и другие события из эпохи начала царствования Петра I), «Записки Андрея Артамоновича графа Матвеева» (повествующие о первом стрелецком бунте 1682 го-

да, о казнях, правлении и свержении царевны Софьи), «Записки новгородского дворянина Петра Никифоровича Крёкшина», «Краткое описание блаженных дел великого государя, императора Петра Великого, самодержца всероссийского» и «Записки Сильвестра Медведева», «Краткое созерцание лета 7190—92 (1682—1684)» (последние три названия напечатаны в сборнике «Записки русских людей. События времен Петра Великого». СПб., изд. И. Сахарова, 1841); «Житие протопопа Аввакума им самим написанное», изд. под ред. Н. С. Тихонова. СПб., 1862; П. Щербальский. Празднение царевны Софьи. М., 1836; М. И. Семевский. Царяца Прасковья («Время», 1861, № 2, стр. 57—100; № 3, стр. 65—102; № 4, стр. 459—491; № 5, стр. 125—159); Н. С. Тихонов. Боярыня Морозова. Эпизод из истории русского раскола (с приложением писем протопопа Аввакума) («Русский вестник», 1865, т. 59, стр. 5—44).

⁶ «Глыб» — повествование о «Теуте и Гордаде и рождении антихриста» в книге «Летописи русской литературы и древности», издаваемые Николаем Тихоновым, т. V. М., тип. Грачева и Комп., 1863, стр. 43.

⁷ Мусоргский узнал, что В. В. Стасов возвращается в Петербург 15 июня.

⁸ Мусоргский называет по имени его владельца — здание Пассажа на Невском проспекте, выстроенное гр. Стенбок-Фермором.

⁹ Мусоргский в шутку переделал на английский лад фамилию А. С. Фаминцына: Фомин-сын (Фома по-английски — Томас).

¹⁰ Мармитон — поваренок.

¹¹ Klopstock um kloy zu schlagen — здесь игра слов, построенная на созвучии немецкого и русского слова: Klops биток (по-немецки); русское «клоп» (по-немецки — die Wanze), Stock — палка и kloy — такого слова на немецком языке нет. В каламбуре Мусоргского получается: клопная палка, чтобы бить клопов. Остроты Мусоргского перекликаются с шутливыми замечаниями Балакирева, говорившего в те годы, что немцы захватят Прибалтику с Петербургом, Новгородом и Псковом и тогда эта часть России будет называться не Ingermanland (Ингерманландия), а Germanland (Германландия) и что столица будет в Бологом.

¹² Монументальным Мишей Мусоргский называет М. О. Микешина.

¹³ Братией называли себя иногда члены балакиревского кружка в память глинканской «братии», подчеркивая этим свою преемственность от Глинки.

¹⁴ Мусоргский перечисляет скульптурные произведения М. М. Антокольского.

¹⁵ В картине В. Г. Перова «Охотники» всего одна пара слушателей.

¹⁶ Мусоргский видел первый вариант картины И. Е. Репина «Крестный ход в деревне», написанный в 1870 году.

¹⁷ «Kladderadatsch» — немецкий юмористический журнал.

¹⁸ После окончания войны 1870/71 года Бисмарк уехал отдыхать в свое имение Варцин в Померании.

К письму 107

ГПБ, ф. 502, № 154, л. 37. Впервые опубликовано: РМГ, 1911, № 14, стб. 353—354; перепеч.: «Письма к В. В. Стасову», стр. 31; Письма и документы, № 106; Избр., № 26.

Это письмо было приложено к тетради с материалами к «Хованщине», посвященными В. В. Стасову (см. комм. 4 к предыдущему письму).

К письму 108

ГПБ, ф. 502, № 154, лл. 39—40 об. Впервые опубликовано: РМГ, 1911, № 14; стб. 354—355; перепеч.: «Письма к В. В. Стасову», стр. 32—33; Письма и документы, № 107; Избр., № 27.

¹ В письме В. Н. Пасхалову от 25 сентября 1872 года В. В. Стасов высоко оценил его пьесу для фортепиано «Свадебное шествие» («Свадебный марш» иначе —

«Свадебная телега») — и особенно отметил положительное отношение Мусоргского к пьесе («Музыка п жизнь», 1910, № 4, стр. 3; перепеч.: «Труды и дни», стр. 261).

² Мусоргский цитирует строки из стихотворения Томаса Гуда «Песнь о рубашке», положенного на музыку В. Н. Пасхаловым.

³ Письмо Мусоргского к В. Н. Пасхалову не обнаружено.

К письму 109

ГПБ, ф. 502, № 154, лл. 42—43. Впервые опубликовано: РМГ, 1911, № 14, стр. 355—356; перепеч.: «Письма к В. В. Стасову»; Письма и документы, № 108.

¹ 30 июня 1872 года Н. Н. Пургольд стала женой Н. А. Римского-Корсакова; на свадьбе Мусоргский был шафером.

² Письмо В. В. Стасова не обнаружено.

³ «Путешествие в святую землю священника Иоанна Лукьянова» («Русский архив», 1861, вып. 1, стр. 21—64; вып. 2, стр. 113—159; вып. 3, стр. 223—264; вып. 4, стр. 305—344; вып. 5, стр. 385—416). Перед каким трудом Мусоргский отдавал предпочтение этой книге — неясно.

⁴ Под «Петиными междометиями» Мусоргский подразумевает восклицания П. И. Чайковского, встреча с которым состоялась 28 сентября.

⁵ Неприятие П. И. Чайковским произведений Мусоргского, а Мусоргским произведений Чайковского носило буквально болезненный характер (см. письмо Чайковского к Н. Ф. фон Мекк от 24 декабря 1887 года. 5 января 1878 г. : «Мусоргского Вы очень

верно называет ответом. По таланту он, может быть, выше всех предыдущих [Римского-Корсакова, Кюи, Бородин], но это натура узкая, лишенная потребности в самосовершенствовании, слепо уверовавшая в нелепые теории своего кружка и в свою гениальность. Кроме того, это какая-то низменная натура, любящая грубость, неотесанность, шерховатость. Он прямая противоположность [...] Кюи, всегда мелко плавающего, но всегда приличного и изящного. Этот кокетничает, наоборот, своей безграмотностью, гордится своим невежеством, валяет как попало, слепо веруя в непогрешимость своего гения. А бывают у него вспышки в самом деле талантливые и притом не лишённые самобытности» (П. И. Чайковский. Переписка с Н. Ф. фон Мекк, т. 1. М., 1934, стр. 136—137); см. также письмо 111.

К письму 110

ГПБ, ф. 502, № 154, лл. 44—45 об. Впервые опубликовано: выдержки — «Вестник Европы», 1881, кн. 6, стр. 538; полностью — РМГ, 1911, № 14, стр. 356—358; перепеч.: «Письма к В. В. Стасову», стр. 35—39; Письма и документы, № 109; Избр., № 28.

На письме пометка В. В. Стасова: «18 октября 1872 г.».

¹ Мусоргский читал книгу: Чарльз Дарвин. Происхождение человека. Перевод И. М. Сеченова, СПб., 1871.

² В Письмах и документах (стр. 234) А. Н. Римский-Корсаков высказал предположение, что автобиографическое отступление насчет «пылкой и любимой женщины» относится к увлечению М. В. Шиловской. С гораздо большим основанием можно говорить здесь о любви к Н. П. Опочининой.

³ Говоря «с берега острова», Мусоргский называет Англию.

⁴ Мусоргский считал, что пользование постскриптами в письмах — обязательное свойство женщин.

⁵ Мусоргский говорит здесь об горельефе М. М. Антокольского «Инквизиция застигает врасплох евреев, собравшихся праздновать пасху»; в этом произведении Антокольский применил новый в скульптуре прием — эффект естественного освещения сквозь окно в задней плоскости горельефа.

ГПБ, ф. 502, № 154, лл. 47—50 об. Впервые опубликовано: РМГ, 1911, № 15-16, стб. 389—390; перепеч.: «Письма к В. В. Стасову», стр. 39—43; Письма и документы, № 110.

Год определен по содержанию и в соответствии с письмом 109.

¹ Мусоргский передает В. В. Стасову свои впечатления от встреч с П. И. Чайковским, приезжавшим в Петербург в декабре 1872 года для представления в оперный комитет своей новой оперы «Опричник» («Опричники»).

² Мусоргский называет первый акт коллективной оперы-балета, написанный Ц. А. Кюи.

³ Сцену под Кромами из оперы «Борис Годунов» Мусоргский часто называл «бродяги».

⁴ Мусоргский в шутку называет Чайковского Садык-паша, потому что под таким псевдонимом печатался однофамилец композитора, польский писатель Михаил Чайковский, перешедший в ислам.

⁵ Четырехручное переложение «Чухонской фантазии» Даргомыжского сделано Н. Н. Пургольд.

⁶ Мусоргский говорит о переложении для фортепиано в 2 руки.

⁷ Возможно, что неоднократные отмены спектакля, связанные с болезнью исполнителя партии Михайлы Тучи Д. А. Орлова, Мусоргский воспринимал как желание «насолить» балакирецам.

⁸ «Journal amusant» — французский юмористический журнал.

К письму 112

ГПБ, ф. 502, № 155, лл. 1—2 об. Впервые опубликовано: РМГ, 1911, № 15-16, стб. 391—392; перепеч.: «Письма к В. В. Стасову», стр. 43—45; Письма и документы, № 111; Избр., № 29.

¹ Здесь говорится о «Хованщине».

² Через месяц (5 февраля) предстояло первое представление в Мариинском театре трех картин из оперы «Борис Годунов» («Корчма» и польский акт); письмо написано в период подготовки спектакля.

³ 2 января был день рождения В. В. Стасова.

⁴ Мусоргский приводит любимое выражение П. В. Павлова.

⁵ На рукописи «Женитьбы» авторская надпись: «Передаю мой ученический труд в вековечное потомственное владение дорогого Владимира Васильевича Стасова в день его рождения 2-го января 1873 года. *Модест Мусоргский*, сиречь *Мусоргский*. Писано гусем в квартире Стасовых: Моховая, д. Мелихова, при значительном толчении народов. Он же *Мусоргский*».

⁶ Листок с партией Кочкарева, писанный рукой А. С. Даргомыжского, вложен в рукопись «Женитьбы». Даргомыжский исполнял роль Кочкарева в 1868 году на музыкальных вечерах у себя и у Пургольда.

К письму 113

ГПБ, ф. 502, № 155, л. 4. Впервые опубликовано: РМГ, 1911, № 15—16, стб. 392; перепеч.: «Письма к В. В. Стасову», стр. 45—46; Письма и документы, № 112.

Над словами «Садык Паша» пометка В. В. Стасова: «Чайковский».

Год определен по содержанию: в письме идет речь о билетах на первое представление трех картин оперы «Борис Годунов».

¹ В то время М. М. Иванов был в добрых отношениях с балакиревским кружком.

² 30 января в 11 часов утра состоялась корректурная оркестровая репетиция трех картин «Бориса Годунова» (см.: «Труды и дни», стр. 275). — Мусоргский не совсем точно цитирует начало монолога Гамлета из одноименной трагедии Шекспира; следует: «Быть или не быть? Вот в чем вопрос».

ИТМК, ф. 21, оп. 2, од. хр. 477. Впервые опубликовано: в отрывках — в статье А. Н. Римского-Корсакова «Борис Годунов» («Музыкальный современник», 1917, № 5—6); полностью — Письма и документы, № 113.

¹ Репетиций «Бориса Годунова» было не две, а четыре: 30 января — корректурная оркестровая, 1 февраля — солистов с оркестром, 3 февраля — генеральная и в день спектакля, 5 февраля — еще одна репетиция (см. «Труды и дни», стр. 275—276). Очевидно, Мусоргский пишет о двух полных репетициях — 3 и 5 февраля.

² Ср. со статьей Ц. А. Кюи: «Когда Мусоргский представил водеvilъному комитету свою оперу, при этом присутствовали и многие из артистов. Комитет вскипел благородным негодованием против музыки «Бориса» и забракoвал эту оперу; артисты пришли от нее в восторг и решили познакомить публику с некоторыми ее отрывками. Г. Кондратьев взял три отрывка из «Бориса» себе в бенефис, артисты разучили их у себя дома, не прерывая казенных репетиций в театре, и в одну неделю, благодаря энергии и мастерству Направника, они были поставлены на сцене. Честь и слава г. Направнику и нашим артистам за это дело, честь и слава за их любовь к искусству, за их посильную пропаганду хорошей музыки, за их содействие начинающему оперному композитору, за их глубокую симпатию свежей струе современной музыки; честь и слава их пониманию, их стремлению вперед. Этот отраднй факт навсегда останется памятным в истории нашей оперы» («Музыкальные заметки». «СПб. ведомости» от 9 февраля 1873 года).

³ Под кличкой «Пряник» подразумевается П. С. Федоров, а не С. А. Геденов, как считал А. Н. Римский-Корсаков (см.: Письма и документы, стр. 243): губа была достопримечательностью именно Федорова, что подтверждается рядом мемуаров и опубликованных карикатур.

К письму 115

ГПБ, ф. 502, № 155, л. 6. Впервые опубликовано: РМГ, 1911, № 17, стб. 409; перепеч.: «Письма к В. В. Стасову», стр. 46; Письма и документы, № 114.

Письмо датировано В. В. Стасовым: «3 мая 73».

¹ Это восклицание из сцены под Кромами в опере «Борис Годунов».

² По-видимому, к этому времени наметилась благоприятная атмосфера для осуществления постановки «Бориса Годунова», в связи с чем В. В. Бессель решил издать клавираусцуг оперы (возможно, не без влияния В. В. Стасова). Письмо к Стасову — несомненная реакция Мусоргского на письмо Бесселя от 2 мая (см. следующее письмо).

К письму 116

ГЦММК. Впервые опубликовано: частично — в предисловиях к клавираусцугу «Бориса Годунова» в издании Музсектора ГИЗа и изд. Оксфордского университета 1928; полностью — Письма и документы, № 115.

¹ Письмо В. В. Бесселя от 2 мая 1873 года не обнаружено.

² Предварительное условие по изданию «Бориса» заключено было 31 января 1874 года, то есть на пятый день после премьеры оперы и через две недели после выхода из печати клавираусцуга. В издававшемся В. В. Бесселем журнале «Музыкальный листок» № 23 от 25 марта 1873 года напечатано объявление: «Приобрет права собственности для всех стран на сочинение «Борис Годунов» (опера в 4-х действиях с прологом, сюжет заимствован из Пушкина и Карамзина) музыка М. Мусоргского, мы имеем честь объявить об открытии нами подписки на издание полного переложения этой оперы для ф-п. с пеннем. Подписная цена 10 рублей серебром. Продажная цена назначена будет 15 руб. сер.». Следовательно, сообщение о приобретении прав на оперу появилось задолго до официального разговора с Мусоргским.

ГПБ, ф. 502, № 155, л. 8. Впервые опубликовано: РМГ, 1911, № 17, стб. 409—410; перепеч.: «Письма к В. В. Стасову», стр. 46, Письма и документы, № 116.
¹ Клавирасцуг «Бориса Годунова» вышел из печати 15 января 1874 года.

К письму 118

ГЦММК. Впервые опубликовано. Письма и документы, № 117.

Датируется по связи с предыдущим письмом и по содержанию: печатание клавирасцуга «Бориса Годунова».

¹ По-видимому, Мусоргский намекает на болезнь матери В. В. Бесселя.

К письму 119

ГПБ, ф. 502, № 155, л. 10—10 об. Впервые опубликовано: РМГ, 1911, № 17, стр. 410; перепеч.: «Письма к В. В. Стасову», стр. 46—47; Письма и документы, № 118.

¹ По-видимому, подразумевается какое-то анонимное письмо, задевающее Ц. А. Кюи.

² В Венеции во времена дождей доносы опускались в пасть мраморного льва у Дворца дождей.

³ Мусоргский упоминает здесь следующие строки из письма Ф. Листа к Ц. А. Кюи по поводу оперы «Вильям Ратклиф»: «Это произведение мастера, которое заслуживает внимания, славы и успеха как со стороны богатства и оригинальности мыслей, так и по мастерству формы» (К ю и. Письма, стр. 506—507; перевод с французского).

⁴ Слово *fouchtra* — ругательное междометие на овернском (а не на бретонском) наречии.

К письму 120

ГПБ, ф. 502, № 150. Впервые опубликовано: РМГ, 1911, № 50, стб. 1049—1052; перепеч.: Письма и документы, № 119; Избр., № 30.

Год определен по содержанию: письмо написано в квартире Стасовых на Моховой, где Стасовы жили до осени 1873 года, и адресовано за границу, куда Репин уехал летом 1873 года. В первой публикации ошибочно указан 1875 год.

¹ В. В. Стасов называл М. М. Антокольского, И. Е. Репина и Мусоргского своей тройкой, отсюда обращение в письме к Репину «Коренник», себя Мусоргский именует «пристяжной».

² Речь идет о портрете В. В. Стасова работы И. Е. Репина, написанном в 1873 году.

³ «Переносимся на следующую» — страницу.

⁴ В этих строках заключена жалоба на служебную лямку.

⁵ Игральная карта от двойки до десятки называется «фоска».

⁶ «Бурлаки» — картина И. Е. Репина.

⁷ Жену Репина, Веру Алексеевну, и их маленькую дочь, Веру, Мусоргский называл «барыня» и «барышня».

ГПБ, ф. 502, № 155, лл. 12—13 об. Впервые опубликовано: РМГ, 1911, № 17, стр. 410—411; перепеч.: «Письма к В. В. Стасову», стр. 47—49; Письма и документы, № 120.

¹ Председателем в семье Стасовых называли Александра Васильевича Стасова, на котором лежали все имущественные и хозяйственные дела; летом 1873 года А. В. Стасов был тяжело болен.

² Здесь Мусоргский выразил пожелание, чтобы к любимой «тройке» Стасова, представлявшей скульптуру (Антокольский), живопись (Репин) и музыку (Мусоргский), присоединился поэт (Голенищев-Кутузов).

³ Письмо вложено в большой конверт, не соответствующий формату бумаги. На конверте приписка Мусоргского: «Шлет Мусорянин — только такой пакет и нашелся».

К письму 122

ЦГАЛИ, ф. 143. Впервые опубликовано: «Советская музыка», 1939, № 4, стр. 64; письма к Г.-К., № 1; перепеч.: Избр., № 31.

¹ Письмо Мусоргского адресовано в Тверь.

² Мусоргский неточно цитирует строки из поэмы Пушкина «Руслан и Людмила»; следует:

Я еду, еду не свищу,
А как наеду — не спущу.

³ Мусоргский имеет в виду статью Г. Гейне «Женщины и девушки Шекспира», в которой поэт проионизирует над историей Париса и Елены (см.: Г. Гейне. Собрание сочинений в десяти томах, т. 7. Л., 1958, стр. 309—420).

⁴ Этой фразой Мусоргский поддерживает отказ А. А. Голенищева-Кутузова от службы в Главном управлении кавказского наместника в Тифлисе.

К письму 123

ЦГАЛИ, ф. 143. Впервые опубликовано: «Советская музыка», 1939, № 4, стр. 64—66; Письма к Г.-К., № 2; перепеч.: Избр., № 32.

¹ Письмо А. А. Голенищева-Кутузова из Твери («Твериада») не обнаружено.

² По-видимому, Мусоргский подразумевает исторические события, происходившие в Твери (взятие Твери татарами в начале XIII века и набег поляков начавшая с 1609 года).

³ Вероятно, в своем письме А. А. Голенищев-Кутузов подробно рассказывал о работе над драматической хроникой «Смута» («Василий Шуйский»), что вызвало воспоминание Мусоргского (в связи с общностью эпохи в его опере и в драме Голенищева-Кутузова) о собственной творческой работе над оперой «Борис Годунов». — На Пантелеймоновской улице в доме Зарембы до отъезда в Тверь жил А. А. Голенищев-Кутузов; упоминание о Китайской империи и о Калужской губернии — шутка.

⁴ Поэма «Мученица», над которой в то время работал А. А. Голенищев-Кутузов, не сохранилась.

⁵ Мусоргский перефразирует последнюю строку стихотворения Пушкина «Пророк»: «Глаголом жгит сердца людей».

⁶ Работая в то время над «Хованщиной», Мусоргский не записывал сочиненное (возможно, что рукописи не сохранились); первая запись этого периода датирована 18 августа 1873 года — это песня Марфы «Исходила младешенька» из третьего действия.

⁷ Под «колдовством раскольницы» подразумевается гадание Марфы во втором действии «Хованщины» (задумано раньше как гадание в неосуществленной опере «Бобыль» по роману Г. Шпильгагена «Ганс и Грета» в переделке В. В. Стасова).

⁸ Народная песня, записанная Мусоргским от И. Ф. Горбунова, послужила темой песни Марфы «Исходила младшенька».

⁹ Отец композитора, Петр Алексеевич, был сыном помещика Алексея Григорьевича Мусоргского и крепостной Ирины Егоровны, брак с которой оформлен после рождения детей; дети А. Г. Мусоргского — дочери Надежда и Олимпиада и сын Петр (отец композитора), — рожденные до брака, были признаны законнорожденными императорским Указом от 9 мая 1820 года (Гос. архив Псковской области, ф. 110, д. 612, л. 30).

¹⁰ Мусоргский говорит здесь о драматической хронике А. А. Голенищева-Кутузова «Смута».

К письму 124

ИРЛИ, ф. 294, оп. 3, № 164, лл. 1—2 об. Впервые опубликовано: РМГ, 1897, № 5—6, стб. 791; перепеч.: Письма и документы, № 121; Избр., № 33.

¹ Письмо Мусоргского является ответом на следующее письмо П. С. Стасовой из Рейхенхаля, где ее семья проводила лето 1873 года:

«Милый, дорогой Мусорянин, муж мне пишет, что он нашел Вас очень поху-девшим, изменившимся, вообще не Мусорянином. Что это значит? Умоляю Вас не именем дорогой Вам женщины (есть интересы повыше сердечных), а именем доро-гого Вам русского искусства и искусства вообще, которому Вы служите, — берегите себя. Что гнетет Вас? Если канцелярская работа доехала, — пусть Вас обойдут повышением, чином, наградой, милостивым взглядом его высокопр[евосходитель-ства] или какого-то бы ни было ства, не тратьте себя, не усердствуйте слишком; пусть Вы просидите десять лет на одном и том же месте, Вы ничего от этого не потеряете, а русская музыка только выиграет, потому что Вы сохраните ей свои силы и свое здоровье. Неудачи жизненные тревожат Вас — кому же из замеча-тельных людей когда-нибудь легко жилось?.. Материальные обстоятельства плохи — а друзья на что? Неужели мы все существуем для того только, чтобы слушать, восхищаться или порицать Ваши музыкальные создания? Разве мы все, сколько нас ни есть, не найдем счастья быть Вам кто чем богат, тем и рад? Что же после этого дружба, если вся она будет заключаться только в приятных беседах и музыке. Да, впрочем, не распространяться же стать о своих чувствах к Вам, кот[орые], я надеюсь, Вы немножко знаете. Но, может быть, все это вздор и просто какая-нибудь физиологическая причина расстраивает Вас? Так устраните же ее. На что же доктора?.. Будемте говорить откровенно и прямо, как людям давно следует го-ворить, — у Вас часто головка биби, — не действуют ли на нее те средства, к которым Вы прибегаете от Вашего горлышка — биби? Вместо них ведь можно обратиться, как я Вам давно уже говорила, к Раухфусу или другому какому-ни-будь тузу по этой специальности — они вылечат Вас. Голубчик, дорогой Мусорянин, ведь подумайте, что кто начал «Борисом», тому впереди много, о, как много — неужели же Вы так прежде времени уходите себя, как уходил Глинка, хотя и не тем же самым? Нет, я не хочу об этом и думать. Слушайте, когда в сентябре я вернусь в Петербург и когда пройдут все мои биби, я хочу опять наслаждаться так, как в прошлом году по субботам и воскресеньям в Парголове, Вашей музыкой, но только я хочу слушать новое, много нового, да и не я одна, конечно, а для этого Вы должны быть пайнкой, не хворать и не портиться.

Прощайте, мой дорогой, не посетуйте на меня за письмо, — ведь давно George Sand в каком-то романе сказала: «il n'y a pas de despotisme plus grand, que celui de l'amitié [нет большего деспотизма, чем деспотизм дружбы (фр.)]» — я только подтвердила эту истину, но оправданием этого деспотизма может служить то хоро-шее сердечное чувство, которое мотивирует его. Крепко, крепко жму Ваши обе-руки. Тяпы и Мишеньки, все приветствуют своего милого Мусорянина, которого «Марш стрельцов», «Попинька», «На престол московский я царицей сяду» и многие

другие вещи раздаются часто в баварском городке Рейхенгалле, villa Shes» (Письма и документы, стр. 489—490, конец письма опущен; цит. по черновой рукописи; ИРЛИ, ф. 294, оп. 3, № 165; чистовик письма не обнаружен).

Поводом для письма П. С. Стасовой Мусоргскому послужило письмо Д. В. Стасова жене от 6 июня 1873 года: «Мусоргский сам говорил Володе [В. В. Стасову] на днях, что он чувствовал в троицу припадки сумасшествия, как у него они уже были несколько лет тому назад, и при этом постоянно прибавляет, что он ведь пьет очень мало, хотя и любит выпить! Вот-то несчастье, если это случится». Д. В. Стасов сообщил П. С. Стасовой, что нашел Мусоргского «значительно изменившимся, он как-то опустился, осунулся и значительно молчаливее, но сочиняет по-прежнему — хорошо» («Труды и дни», стр. 296). Тяпы и Мишеньки — под этими именами из «Детской» Мусоргского П. С. Стасова подразумевает своих детей. — Упоминаемые в письме Стасовой отрывки из произведений Мусоргского, это: «Марш стрельцов» — из «Хованщины», «Поинька» — песенка Феодора и «На престол московский и царцей сяду» — монолог Марины из «Бориса Годунова».

² Рукопись Вступления к «Хованщине» имеет авторскую дату: «2 сентября 74 г. в Петрограде».

³ В окончательный вариант последней картины «Хованщины» вошли не все эпизоды, о которых рассказывается в письме.

⁴ Намек на венок, который П. С. Стасова прислала Мусоргскому домой в день первого исполнения трех сцен из «Бориса Годунова» 5 февраля 1873 года. Вернувшись из театра поздно, Мусоргский в темноте наткнулся на что-то колючее и очень испугался, а потом был чрезвычайно тронут вниманием П. С. Стасовой.

⁵ Мусоргский пишет о детях Д. В. и П. С. Стасовых.

⁶ Об отношении Ф. Листа к «Детской» Мусоргский узнал от И. В. Бесселя (см. следующее письмо).

К письму 125

ГПБ, ф. 502, № 155, лл. 15—18 об. Впервые опубликовано: РМГ, 1911, № 17, стб. 412—415; перепеч.: «Письма к В. В. Стасову», стр. 49—55; Письма и документы, № 122; Избр., № 34.

¹ См. предыдущее письмо.

² По-видимому, Мусоргский подразумевает высокую оценку музыки иезуитов в сцене под Кромами в опере «Борис Годунов».

³ Петровская тема — марш, сопровождающий появление потешных царя Петра в «Хованщине».

⁴ В. В. Бессель отвез Ф. Листу в Веймар целый ряд произведений русских композиторов, изданных фирмой «В. Бессель и К°».

⁵ Об отношении Ф. Листа к «Детской» его ученица Аделаида фон Шорн писала В. В. Бесселю от 7/19 мая 1873 года из Веймара: «...многоуважаемый г. Бессель, передайте г. Мусоргскому, что Лист [...] до мозга костей потряс нас его творением. [...] Волшебные пальцы великого исполнителя выдавали, как он взволновался, перенесенный этой музыкой на зарю собственного детства [...], Лист восклицал: «Любопытно!.. и как ново!.. Какие находки!.. Никто другой так этого бы не сказал...». И тысячу других выражений удивления и удовольствия, вскоре нами всецело разделенных и которые вызвали в конце концов действие, весьма редко мною у него замечаемое, по адресу бесчисленных достойных композиторов, ежедневно приносящих ему свои произведения. — Вы знаете, как он не любит сам писать и как трудно ему дается письменное выражение своих мыслей [...], но в этот вечер [...], не ожидая ни минуты, он львиным порывом бросился к своему столу и в один присест написал г. Мусоргскому о своих впечатлениях так, как он их испытал; это письмо я сама отправила [...] Оно доказывает [...] всю высоту взглядов, всю свободу, всю художественную искренность моего знаменитого учителя. Оно явится, я полагаю, для получателя почетным и славным свидетельством и драгоценным ободрением на трудном художественном пути, на котором даже среди всех Ваших, столь оригинальных, музыкантов он проявляет беспримерную

оригинальность» (цит. по сборнику: Письма и документы, стр. 494—498, перевод с франц.). — Письмо Ф. Листа Мусоргский не получил.

⁶ Мусоргский подразумевает свою службу в Лесном департаменте.

⁷ Основой «Danse macabre» Ф. Листа послужила тема средневекового католического гимна «Dies irae».

⁸ Римский Петр — собор св. Петра в Риме (по проекту Д. Браманте); наш Исаакий — Исаакиевский собор в Петербурге (архитектор О. Монферран).

⁹ Брюллевская терраса с видом на Эльбу и окрестности города находится в Дрездене.

¹⁰ Мусоргский цитирует текст романа А. П. Бородина «Спящая княжна».

¹¹ Мусоргский пишет о сцене в первом действии «Хованщины».

¹² Здесь говорится о поэме А. А. Голенищева-Кутузова «Мученица».

¹³ Мусоргский подразумевает поэму Ф. Коппе «Grève des forgerons» («Стачка кузнецов»).

К письму 126

ГПБ, ф. 502, № 153, лл. 1—3 об. Впервые опубликовано: Письма и документы, № 123; Избр., № 35.

¹ Братья Стасовы жили на Моховой ул. в доме Мелихова.

² В то время в Вене была эпидемия холеры, и поэтому Мусоргский отговаривал Стасова от поездки туда.

³ В. А. Гартман скончался скоропостижно 23 июля 1873 года на даче под Москвой.

⁴ Некролог Гартмана (без подписи) напечатан в «СПб. ведомостях» от 26 июля 1874 года.

⁵ Мусоргский был противником брака для художников, считая, что семейная жизнь мешает творчеству.

К письму 127

ГПБ, ф. 502, № 155, лл. 20—25. Впервые опубликовано: РМГ, 1911, № 18—19, стб. 442—447; перепеч.: «Письма к В. В. Стасову», стр. 56—64; Письма и документы, № 124; Избр., № 36.

¹ Мусоргский неточно цитирует предпоследнюю строку из стихотворения В. А. Жуковского «Торжество победителей» (из Шиллера); следует:

Спящий в гробе, мирно спи,
Жизнью пользуйся, живущий.

О кончине В. А. Гартмана В. В. Стасов писал Мусоргскому 15/27 августа 1873 года из Вены: «Эта смерть до того сразила меня, что у меня нет духа теперь снова говорить про нее» (цит. по сборнику: Письма и документы, стр. 478).

² Мать А. П. Бородина скончалась 23 июля 1873 года; будучи незаконным сыном князя Геддианова и А. К. Клейнеке, А. П. Бородин всегда (а не только при посторонних) называл свою мать «тетушка».

³ Ц. А. Кюи работал над оперой «Андреоло» по драме В. Гюго.

⁴ В те годы в дачных местностях под Петербургом постоянно бродили итальянцы, игравшие на шарманке или на итальянском народном духовом инструменте пифферио и танцевавшие в национальных костюмах.

⁵ Н. А. Римский-Корсаков был в те годы инспектором военно-морских оркестров.

⁶ Летом 1873 года Н. А. Римский-Корсаков оркестровал третью симфонию, C-dur.

⁷ По-видимому, Мусоргский показывал Н. А. Римскому-Корсакову сочиняемую «Хованщину».

8 Летом 1873 года В. В. Стасов был командирован Археологическим обществом в Керчь для исследования и описания катакомбы с фресками. После перенесенной морской болезни В. В. Стасов писал Н. В. Стасову из Керчи от 15 июля 1873 года, что «ненавидит и проклинает море и всякую воду, кроме воды в купальне»; Мусоргский же в ту пору, кроме Финского залива, другого моря не видел. О том, какое впечатление произвело на него впоследствии Черное море, см. его письма из Крыма (письма 252, 253, 254, 255).

9 Мусоргский выражает удивление по поводу того, что И. К. Айвазовский всегда изображал море. — Д. В. Григорович, отличавшийся замечательным даром устного рассказа, на вечерах у Стасовых рассказывал юмористические истории о морской качке и морской болезни.

10 Народная сцена — это сцена пришлых людей с подъячим в первом действии «Хованщины».

11 См. письмо 125 и комм. 5 к нему. Замысел Ф. Листа остался неосуществленным.

12 Мусоргский подразумевает издание клавираусцуга оперы.

К письму 128

ГПБ, ф. 502, № 152, лл. 1—2 об. Впервые опубликовано: РМГ, 1911, № 18—19, стрб. 441—442; перепеч.: Письма и документы, № 125; Избр., № 37.

1 См. предыдущее письмо.

2 Под боярышней подразумевается О. Н. Стасова.

К письму 129

ГПБ, ф. 502, № 155, лл. 26—31 об. Впервые опубликовано: РМГ, 1911, № 18—19, стр. 448—451; перепеч.: «Письма к В. В. Стасову», стр. 64—67; Письма и документы, № 126; Избр., № 38.

1 В. В. Стасов предложил Мусоргскому съехаться за границей, чтобы затем вместе отправиться в Веймар к Листу.

2 Начальником Мусоргского был М. М. Лобковский.

3 Траписты — члены католического монашеского ордена, предписывающего постоянное молчание.

4 Перифраз слов из романа Даргомыжского «Любимая, люблю я, век буду любить».

5 В. В. Стасов предлагал Мусоргскому материальную помощь и отдал распоряжение брату о выдаче композитору необходимой суммы (см.: В. В. Стасов. Письма к родным, т. I, ч. 2, стр. 140—141).

6 Сцена во втором действии «Хованщины». В письме Мусоргскому от 15/27 августа 1873 года В. В. Стасов писал: «...про оперу и новые Ваши соображения [...] они мне кажутся великолепными; и тут я узнаю художественную лапу сильного таланта. Но только что мне Вас хвалить — Вы этого уже довольно от меня слышали, а вот извольте выслушать и мои замечания. — Вы ведь знаете, я не могу умолчать то, что считаю важным. Итак, вот что я нахожу: 1) Все наменное Вами для раскольницы, наполовину Пентефриевой жены (по крайней мере в одной сцене) — превосходно, но какой черт пихает Вас непременно делать из нее — княгиню?! Ведь, наконец, вся опера будет состоять только и исключительно из князей и княгинь, это будет летопись княжеских отродий!! Голицын — князь, Хованский отец — князь, Хов[анский] сын — князь, Досифей Вы собираетесь делать Мышецким князем, раскольницу — Сицкой княгиней. Да что это, наконец, за княжеская опера такая, между тем как Вы именно все собираетесь делать оперу народную! Кто же наконец из всех Ваших персонажей будет не князь и не аристократ, кто будет прямо из народа? Нет, нет, я сильно протестую во всю свою мочь и именно упрямиваю Вас, чтобы ни раскольник, ни раскольница никоим образом не были развенчанными и

аристократами. Нет, я умоляю Вас, чтобы они оба гнушались всякого аристократства и вспоминали о нем с порядочною неприязнью. Пусть они оба будут пестры и коренной народ из избы, деревни и поля, от сохи и прялки, от тяжелой давящей работы и с мозолистыми руками. Этак-то будет поинтересней и получше! Но у Вас есть прекрасный мотив — это: отношение раскольников к «верху», с которого она сбежала и который она крепко знает и помнит. Это хорошо, и чтоб им воспользоваться властью, Вам стоит только устроить так, чтобы эта раскольница из избы или деревни была взята «вверх», все равно для любовных ли дел или просто как крепостная холодка, прожила там «вверх» довольно времени, всего насмотрелась, всего натерпелась — и все бросила, ушла. Тут Вы выигрываете тот громадный авантаж, что в ее рассказах и воспоминаниях будет ярко перемешаны крестьянская сельская жизнь — и жизнь аристократическая. Что, худо?!! Ведь это новые, совершенно новые мотивы для Вашего таланта. А между тем, эти ее воспоминания и рассказы, живописуя древнюю Русь и древнюю русскую женщину на самых разнообразных ступенях общества, будут совершенно другого оттенка и колорита, чем рассказы и воспоминания (самому себе) Досифей — этого могучего русского Магомета, этого фанатика, этого обличителя, этого Савонаролы, этого Ивана Предтечи, кричащего: «Покайтесь, время пришло!» и вместе кующего мечи во мраке, на погибель непонимаемому новому и во спасение страстно любимого и идеально понимаемого старого. 2) Вы, кажется, совершенно позабыли про вторую раскольницу, сухую, педантскую и злую фанатичку, злую и беспощадную до зверства, высохшую и желтую, как пергамент. Ей бы великолепно было нападать и обличать (в последнем акте) ту первую, хорошую Пентефриеву жегу — и это была бы сцена внутреннего раскольничьего суда, совершаемого по выбору народному — Досифеем. Досифей хотя и любит, и уважает Марфу, но поневоле должен осудить ее, а Марфа ничего не слышит и не понимает уже — она стоит как столб, как погибшая: у ней давно уже смерть в груди, после ее объяснения, последнего объяснения с Андреем Хованским. Мне кажется, если б этот проект Вам пригодился, то драма вышла бы шире и выдвинулись бы в необыкновенном богатстве и полноте женские личности, которых без того слишком мало на сцене. И притом тут нарисовалась новая сторона старой Руси: мелкая, дрянная, тупоумная, завистливая, злая и отвратительная. 3). Не забудьте, ради бога, после великодушных сцен Марфы с Голицыным во 2-м акте, Вами придуманных (насмешки ее и persiflage [вышучивание (фр.).] насчет «пропоса» и неудачного покушения на нее), чтоб тут же тотчас, вслед, началась схватка старого Хованского с Голицыным. Хованский, мне кажется, должен обрадоваться раскрытым теперь гадостям Голицына и напустить на него за все его новшества, за все его «измены старой Руси», как-то: уничтожение мстительства, сравнение старых родов с какими-то подлыми новыми выскочками (с которыми и сидеть-то за одним столом стыдно), за его сношения с иностранцами, полугрешную жизнь и т. д. Мало-помалу свалка их должна разгореться, они прямо должны облить друг друга свою ненависть, бой на жизнь и смерть — и вот тут-то пусть явится Шакловитый с известием о прибывшем на воротах доносе, как Вы придумали. А между тем в продолжение всей сцены пусть Досифей (как Вы и придумали отлично) с презрением смотрит на этих русских князей и «государственных мужей», которые, собравшись теперь для ведения и направления дел всей Руси, сцепились, как два глупых петуха, из-за личностей и позабыли все остальное. 4) Пожалуйста, не выбросьте также вой, под самый конец 5-го акта (уже после суда, если Вы примете это предложение), чтобы князь Андрей, все время после сцены с Марфой отсутствовавший, чтоб он вдруг вбежал впопыхах, в испуге и отчаянии, и стал выговаривать Досифею смерть отца (про которую он только что узнал) и погибель всех обещанных благодетей — царского престола, немки etc. Досифей, хотя и сам потресанный гибелью старика Хованского, все-таки успокаивает его и вызывает на сцену канарейку — Агату [впоследствии — Эмма]. Все это даст Вам: несколько больше интереса и доброй горячности для личности Андрея, выведет на сцену еще раз немку, в у ж а с н о н т е

ресной противоположности с симпатичным, но ничтожным Андреем и гранитным столбом Досифеем. 5) Пожалуйста, подумайте, как и чем бы связать донос с остальной оперой, а то он остается теперь совершенно втуне, без всяких результатов и следствий для остального хода оперы. Пожалуй, этак скажут, что легко можно было бы весь этот донос побоку — дескать он для оперы вовсе не нужен, а просто присочинен для эффекта 1-го акта.

Все это я представляю на Ваше усмотрение, как материал, потому что вижу, что Вы сильно делом занялись и что поминутно придумываете отличные художественные сцены и подробности. Да, они все прелестные, но не надо упускать из виду и общей связи, и вот об этом-то я и считаю своим долгом напомнить Вам.

Не знаю, что дальше будет, но теперь содержание, либретто вырабатывается и обрабатывается именно так, как я желал бы всем композиторам, не только русским, но и вообще европейским, и не дальше как 2 дня тому назад я рассказывал Мите, как Вы меня радуете этим строгим взвешиванием и обработкой содержания раньше всего музыкального, чему я примеров вовсе не знаю в музыке (даже Серов сюда не идет, потому что в конце концов у него либретты либо мелки и не идут дальше домашних дел, как, напри[ме]р, во «Вражьей силе», либо напыщенные и глуповатые, как в «Рогнеде» (Письма и документы, стр. 478—481).

⁷ Современники дали Ивану Хованскому прозвище Тараруй, что означает краснобай, болтун.

К письму 130

ГПБ, ф. 502, № 155, лл. 33—36 об. Впервые опубликовано: РМГ, 1911, № 20—21, стб. 473—477; перепеч.: «Письма к В. В. Стасову», стр. 70—76; Письма и документы, № 127; Избр., № 39.

¹ Получив отказ Мусоргского от поездки к Ф. Листу, В. В. Стасов ответил 15/27 августа 1873 года: «Это был просто удар для меня. Но знаете ли что? Я все-таки стою на бреши и неприятеля не выпускаю, стану биться еще и еще, до последней возможности. Сначала я хотел было послать Вам длинную, огромную телеграмму, двойную, слов в 40; но потом подумал, что на теперь, во всяком случае, поздно: я останусь в Вене, вероятно, еще неделю, много 1½, до будущей середины, четверга или субботы (т. е. 22, 23 или 25 нашего августа); надо мне Корфа заставить в Висбадене, а он уезжает в конце нашего августа. Когда же мне и Вам было бы поспеть с нашим делом? Поэтому я считаю его не разрушенным окончательно, а только отложенным. Поеду я в Париж и Лондон или нет — того я и сам порядком не знаю; решится это дело для меня в Висбадене. Итак, из Висбадена ли или из Парижа и Лондона, но я все-таки надеюсь утешить Вас к Листу, и в этом же самом смысле будет Вас (по нашему условию) уговаривать и урезонивать — Митя. [...] Митя Вам скажет что только можно для Вашего убеждения, из наших общих с ним разговоров и только по этому делу, и на словах оно, конечно, всегда убедительнее; но я все-таки и на письме тоже вычислю Вам свои резоны. У Вас товарищ и шеф болен — но ведь он не век же будет болен, и, отдохнувши так или сяк, он должен будет надеть департаментский хомут снова. Мне кажется невообразимо, чтобы и осенью он продолжал все хворать и болеть: этого не может допустить общий порядок службы, особливо тот педантский и привязчивый, который завел у себя Ваш прекрасный Халуев. А если так, ничего нет законнее и проще, чтобы Вам дали хоть 2 недели отпуска, если уже не потому, что Вы имеете на них право, то по крайней мере в награду за исполнение чужих обязанностей в продолжение целой весны и лета. Наконец, прямо Вам скажу, я с самого начала же рассчитывал, что в крайнем случае можно бы, пожалуй, и вовсе бросить Лесной департамент: ведь Вы же во всяком случае там не останетесь, и осенью перейдете в Уделы. Значит, ни в каком случае Вам не могут помешать взять временный отпуск до перехода в другое ведомство. А разницу антракта, конечно, я внес бы Вам, и еще с величайшим удовольствием — Вы отдадите впоследствии, когда сами получите из деревни, или с «Бориса», или еще как-ни-

будь иначе — все равно, это же, разумеется, относится и до денег на проезд. Вам только будет стоить сказать слово брату Николаю — мое прежнее распоряжение остается, конечно, в своей силе» (цит. по сб.: Письма и документы, стр. 477—478).

² Сцена из третьего действия «Хованщины».

³ В доме Татищева на Малой Морской жил Д. В. Стасов.

⁴ На вторичное предложение В. В. Стасова приехать за границу Мусоргский телеграфировал только одно слово: «Невозможно». Телеграмма Мусоргского не обнаружена.

⁵ Это трагическое восклицание, вырвавшееся у Мусоргского, относится к мучительной необходимости тратить драгоценное для творчества время на ненавистную службу, больше того, характеризует его крайне тяжелое душевное состояние в целом.

⁶ По дороге из Вены в Висбаден В. В. Стасов потерял было свой дорожный мешок со всеми материалами, собранными в Керчи и в Вене, и со статьей о выставке; мешок, однако, нашелся, о чем Стасов сообщил в письме к братьям. — А. В. Прахов был спутником Стасова на Венской выставке; в письме к Д. В. Стасову от 31 августа В. В. Стасов рассказывал о споре, который у него возник с Праховым на выставке. «Флейтой и фавном» Мусоргский называет А. В. Прахова в отличие от брата, Мстислава Прахова, переводчика Гейне, подписывавшегося псевдонимом *Фавн с флейтой*.

⁷ Выражение о М. М. Антокольском: «спиритуально-треугольно, сбитый с пахвей» — связано с тем, что Стасов заподозрил Антокольского в отходе от реалистических позиций.

⁸ Об этом В. В. Стасов писал Мусоргскому 15/27 августа 1873 года (см. комм. 6 к предыдущему письму).

⁹ Мусоргский читал труд С. М. Соловьева «История России с древнейших времен», тт. 1—29, изд. СПб. и М., 1851—1879. Этот труд охватывает периоды от Рюрика до царствования Екатерины II.

¹⁰ «Флаконом» или «Флаконом с духами» в балакиревском кружке прозвали Н. В. Щербачева за пристрастие к духам.

¹¹ Мусоргский сообщает о рождении 20 августа сына Римских-Корсаковых Михаила.

К письму 131

ГЦТМ. Впервые опубликовано: Письма и документы, № 128.

¹ «Маленькие» — это дети Кюи, Александр и Лидия.

К письму 132

ИРЛИ, ф. 93, оп. 3, № 864. Впервые опубликовано: «Советская музыка», 1959, № 3, стр. 48.

Датируется по календарю: упоминаемый в письме четверг 4 октября приходится на 1873 год (письмо написано во вторник).

¹ Под юной певицей, по-видимому, подразумевается Юлия Мипина, которой покровительствовали Ю. Ф. Платонова, Л. И. Шестакова и Мусоргский.

К письму 133

ГЦММК. Впервые опубликовано: Письма и документы, № 129.

¹ Это письмо написано в день возвращения С. А. Гедеонова из заграницы (см. «Труды и дни», стр. 314). В письме к жене от 25 октября 1873 года А. П. Бородин рассказывает: «Гедеонов [...] как только вышел из вагона, первым словом сказал Лукашевичу: ставьте непременно «Бориса», и как можно скорее; пошлите Ферреро партитуру, я велю ее пропустить [...]. Что сей сон значит? — Никто ничего не знает» (Письма Бородина, вып. II, стр. 63). — Уже 28 октября в журнале «Му-

зыкальный листок» (№ 3) в отделе «Разные известия» сообщалось: «Мы слышали из достоверных источников, что на Марининской сцене предстоит в бенефис г-жи Платоновой постановка оперы «Борис Годунов» г. Мусоргского». Несомненно, и Бородин и Бессель получили сведения непосредственно от Мусоргского.

² Клавираусцуг «Бориса Годунова» вышел в свет 15 января 1874 года.

К письму 134

ИРЛИ, ф. 294, оп. 3, № 62. Черновые варианты: русский текст — автограф Ц. А. Кюи, французский (несколько измененный) — Стасова. Впервые опубликовано: «Музыкальный листок», 1873, № 5 от 11 ноября; перепеч.: Письма и документы, в примечании к письму 127. В настоящем издании публикуется по тексту «Музыкального листка».

¹ В ответ на эту телеграмму Ф. Лист писал В. В. Бесселю 2 февраля 1874 года: «Простите великодушно, что так поздно благодарю Вас и всех подписавших телеграмму, присланную в Пешт к моему юбилейному празднику. Глубоко тронутый благородными чувствами, выраженными с рыцарским красноречием, прошу передать дань моей искреннейшей признательности гг. Балакиреву, Бородину, Кюи, Мусоргскому, Римскому-Корсакову, Щербачеву, Стасову» («Семнадцать писем Франца Листа», «Музыкальное обозрение», 1886, № 15 от 31 декабря).

К письму 135

ГПБ, ф. 502, № 155, л. 38—38 об. Впервые опубликовано: РМГ, 1911, № 20—21, стб. 477—478; перепеч.: «Письма к В. В. Стасову», стр. 76—77; Письма и документы, № 130.

¹ У Н. А. Лукашевича происходили в то время частные репетиции «Бориса Годунова»; у управляющего нотной конторой И. Ферреро Мусоргский должен был быть, по-видимому, в связи с расписыванием оркестровых партий оперы, готовящейся к представлению.

² Смысл этих слов непонятен.

К письму 136

ИРЛИ, ф. 294, оп. 3, № 249, л. 2. Копия рукой Л. И. Кармалиной; оригинал не обнаружен. Впервые опубликовано: РМГ, 1897, № 2, стр. 913; перепеч.: Письма и документы, № 131; Избр., № 40.

¹ Л. И. Кармалина приезжала в Петербург с Кавказа, где жила с 1862 года.

² Проживая некоторое время на Волыни, Л. И. Кармалина записала много народных песен, а на Кавказе записала от живших там раскольников старинные русские песни. В декабре 1873 года Кармалина сообщила Мусоргскому записанный ею раскольничий напев; эта запись сохранилась в черновых материалах к «Хованщине», и на ней Н. А. Римский-Корсаков построил заключительный хор раскольников (в сцене самосожжения).

К письму 137

ГПБ, ф. 502, лл. 40—41 об. Впервые опубликовано: РМГ, 1911, № 20—21, стб. 478; перепеч.: «Письма к В. В. Стасову», стр. 77—79; Письма и документы, № 132.

¹ В то время вышли из печати фортепианные произведения Мусоргского «Ein Kinderscherz» и «Intermezzo», которые он послал Стасову в нескольких

экземплярах: лично Владимиру Васильевичу (впоследствии подарены В. Д. Комаровой-Стасовой В. Г. Каратыгину), для Публичной библиотеки (не сохранились) и Д. В. Стасову (ИРЛИ, ф. 294).

² Мусоргский хотел сказать, что поскольку издание заграничное, Публичная библиотека не получит обязательного экземпляра.

³ Очевидно, Мусоргский отождествляет здесь Аввакума с Досифеем.

⁴ **Обложка альбома**, в котором напечатаны пьесы Мусоргского, читается так: «Frühlingsblüthen. Album für Piano. № 1. M. von Asantschewsky. Allegro tranquillo. № 2. F. Czerny. A la Mazurka. № 3. J. Johansen. Am Meer. № 4. M. Moussorgsky. Ein Kinderscherz. № 5. M. Moussorgsky. Intermezzo. № 6. A. Reinhardt. Walzer. № 7. A. Roubez. Kindersüßken. № 8. H. Wölfl. Eneigico, Verlag von A. Büttner, St.-Petersbourg, Moskau. A. Gutheil».

⁵ Мусоргский называет здесь известную книгу А. О. Ишимовой — «Русская история в рассказах для детей» (неоднократно переиздавалась).

⁶ Мусоргский перечисляет имена персонажей произведений Гоголя: Сквозник-Дмухановский, Почечуй, Свербигуз («Ревизор», «Заколдованное место» и «Ночь перед рождеством»).

К письму 138

ГПБ, ф. 502, № 155, лл. 42—45. Впервые опубликовано: РМГ, 1911, № 22—23, стб. 489—490; перепеч.: «Письма к В. В. Стасову», стр. 79—80; Письма и документы, № 133.

¹ 2 января 1874 года В. В. Стасову исполнилось пятьдесят лет.

² Мусоргский посвятил В. В. Стасову вторую редакцию хора «Поражение Сеннахериба».

³ Первое исполнение «Поражения Сеннахериба» состоялось в концерте БМШ под упр. М. А. Балакирева 6 марта 1867 года.

⁴ Во второй редакции сочинено новое трио; текст сильно отличается от первой редакции (которая называлась «Поражение Сеннахериба»).

К письму 139

ГЦММК. Впервые опубликовано: Письма и документы, № 134.

¹ Гравировальная и нотопечатная фирма Редера в Лейпциге изготовляла по заказу Бесселя клавираусцуг «Бориса Годунова». Речь идет о посвящении оперы. Сохранились две редакции посвящения. На первом печатном экземпляре следующая надпись Мусоргского: «Это первый экземпляр оперы. *Мусоргский*. Посвящение. Вам всем, что добрым советом и сочувственным <трудом> делом дали мне возможность осуществить задачу, лежащую в основе оперы «Борис Годунов», посвящая мой труд. *М. Мусоргский*» (воспроизведена факсимиле в издании авторской редакции клавираусцуга в изд. Честер в Лондоне, 1926). Вторая редакция посвящения: «Я разумею народ как великую личность, одушевленную единою идеею. Это моя задача. Я попытался разрешить ее в опере. Вам, что добрым советом и сочувственным делом дали мне возможность поверить себя на сцене, посвящая мой труд. *М. Мусоргский*. 21 января 1874» (ГПБ, ф. 502; факсимиле воспроизведено в сборнике «Борис Годунов», стр. V). Это посвящение написано после выхода из печати клавираусцуга.

К письму 140

ГЦММК. Впервые опубликовано: Письма и документы, № 135.

Датируется в соответствии с предыдущим письмом (от 4 января 1874 года) и выходом из печати клавираусцуга оперы (15 января 1874 года).

¹ Окончательный текст посвящения, воспроизведенный факсимиле на первом издании клавираусцуга, следующий:

«Вам всем, что добрым словом и сочувственным делом дали мне возможность осуществить задачу, лежащую в основе оперы «Борис Годунов», посвящаю мой труд. М. Мусоргский».

² Мусоргский говорит здесь о праве В. В. Бесселя на участие в посвящении как издателя, то есть одного из тех, кто способствовал появлению на свет оперы.

К письму 141

ИРЛИ, ф. 432, № 76. Впервые опубликовано: «Советская музыка», 1959, № 3, стр. 47.

¹ В письме говорится о билетах на премьеру «Бориса Годунова» 27 января 1874 года.

К письму 142

ГПБ, ф. 502, № 155, л. 46. Впервые опубликовано: РМГ, 1911, № 22—23, стб. 491; перепеч.: «Письма к В. В. Стасову», стр. 81, Письма и документы, № 137.

¹ История с венком заключается в следующем: четыре почитательницы Мусоргского — Н. П. Дютур, Н. Ф. Пивоварова, А. В. Никольская и З. М. Чарушниковы — вышли ленты с текстом из «Бориса Годунова» и, заказав венок, отправили его с этими лентами в театр в день премьеры оперы; однако венок на сцене не был поднесен Мусоргскому, как утверждал В. В. Стасов, из-за Э. Ф. Направника, и Мусоргский получил венок за кулисами. Стасов, принимавший близкое участие в подношении венка (Дютур — его дочь, Пивоварова — племянница), вопреки просьбе композитора напечатал в «СПб. ведомостях» от 2 февраля 1874 года письмо редактору от имени подносивших венок, подписавшись инициалами Н. Д., Н. П. и З. Ч. В ответ на корреспонденцию Стасова Мусоргский написал письмо в редакцию той же газеты.

К письму 143

ИТМК, ф. 21, оп. 2, ед. хр. 477. Впервые опубликовано: в отрывках — в статье А. Н. Римского-Корсакова «Борис Годунов» («Музыкальный современник», 1917, № 5—6); полностью — Письма и документы, № 138.

¹ См. комм. 1 к предыдущему письму.

К письму 144

ГПБ, ф. 502, № 155, лл. 48—49 об. Впервые опубликовано: РМГ, 1911, № 22—23, стб. 491—493; перепеч.: «Письма к В. В. Стасову», стр. 81—84; Письма и документы, № 140.

¹ Раздражение Мусоргского было вызвано письмом в редакцию «трех дам» (В. В. Стасова) по поводу истории с венком (см. письма 142, 143 и комм. 1 к письму 142).

² Статья Ц. А. Кюи о «Борисе Годунове» напечатана в «СПб. ведомостях» от 6 февраля 1874 года.

³ В конце статьи Ц. А. Кюи делает саркастический выпад против дам, поднесших венок Мусоргскому.

⁴ Статья Ц. А. Кюи, хотя и содержит положительную оценку частностей оперы «Борис Годунов», в целом свидетельствует о полном непонимании принципов оперной драматургии Мусоргского. Общий вывод Кюи таков: «главных недостатков в «Борисе» два: рубленый речитатив и разрозненность музыкальных мыслей, делающая местами оперу попуриобразной». В глазах не только автора «Бориса» и его

друзей, но даже и врагов статья эта явилась предательством общего дела Могучей кучки. Рецензия Кюи вызвала буквально свистопляску в реакционной прессе; автора ее называли «Брут кучки» и торжествовали по поводу того, что даже из балакиревского кружка раздался голос против оперы Мусоргского.

⁵ Говоря в статье о хоре «Гайда!» в сцене под Кромами и о высоких достоинствах музыкальных тем хора, Ц. А. Кюи пишет: «первая — могучая, мужская, вторая — пискливо-болтливая, бабья» и к этому месту делает примечание (выноски): «В наших хоровах бабы почти постоянно пищат».

⁶ Мусоргский имеет в виду следующее место статьи Ц. А. Кюи: «Недостатки оперы произошли именно от незрелости, от того, что автор не довольно строго-критически относится к себе, от неразборчивого, самодовольного, спешного сочинительства...»

К письму 145

ГЦММК. Впервые опубликовано: Письма и документы, № 141.

¹ Мусоргский пишет В. В. Бесселю о предстоящем нотариальном договоре на уже изданный клавираусцуг «Бориса Годунова».

К письму 146

ЦГАЛИ, ф. 143. Впервые опубликовано: «Советская музыка», 1939, № 4, стр. 66; Письма к Г.-К., № 3; перепеч.: Избр., № 41.

¹ Подразумевается народная сцена из драматической хроники А. А. Голенищева-Кутузова «Смута» («Василий Шуйский»).

² Мусоргский имеет в виду древнерусскую повесть о Лжедимитрии: «Сказание и повесть еже содеяся в царствующем граде Москве и о расстриге Гришке Отрепьеве и о походе и о походе его».

К письму 147

ГПБ, ф. 502, № 155, л. 51. Впервые опубликовано: РМГ, 1911, № 22—23, стб. 493; перепеч.: «Письма к В. В. Стасову», стр. 85; Письма и документы, № 142.

На письме приписка В. В. Стасова: «При этом присланы портреты для Репина и Антокольского».

К письму 148

ГПБ, ф. 502, № 155, л. 53. Впервые опубликовано: РМГ, 1911, № 22—23, стб. 493—494; перепеч.: «Письма к В. В. Стасову», стр. 86, Письма и документы, № 142; Избр., № 42.

Датируется 12 или 19 июня на основании указания Мусоргского, что письмо написано в среду, июня 1874 года, и по времени работы композитора над завершением «Картинок с выставки»; но так как следующее письмо к В. В. Стасову датировано 20 июня, то настоящее письмо скорее относится к 12 июня.

¹ Мусоргский рассказывает В. В. Стасову о работе над «Картинками с выставки», задуманными под впечатлением посмертной выставки рисунков В. А. Гартмана, устроенной В. В. Стасовым и председателем Общества архитекторов Сюзором в феврале 1874 года. Возможно, что тогда же Мусоргский начал сочинять музыку, так как весной знакомил с ней В. В. Стасова, Н. А. Римского-Корсакова и других.

1 июля 1874 года В. В. Стасов сообщил Н. А. Римскому-Корсакову в Николаев: «Мусоргский окончательно кончил и написал до последней строчки свою штуку про Гартмана. Второй части Вы вовсе не знаете» (Римский-Корсаков. Соч., т. V, стр. 351). Из этого можно сделать заключение, что первая половина была сочинена Мусоргским до июня.

² На заглавном листе рукописи надпись: «Посвящается Владимиру Васильевичу Стасову. Картинки с выставки. Воспоминание о Викторе Гартмане М. Мусоргского. 1874 год». Сбоку приписка: «Вам, généralissime, устроителю Гартмановской выставки на память о нашем дорогом Викторе, 27 июля 74 г.».

³ Окончательное название и порядок картинок следующие: Promenade [Прогулка] №1. Gnomus [Гном] № 2. Il vecchio castello [Старый замок] № 3. Tuilleries (Dispute d'enfants après jeux [Тюильри (Спор детей после игры)] № 4. Bydlo [Быдло] № 5. Балет невылупившихся птенцов № 6. Samuel Goldenberg und Schmuyle [Самуэль Гольденберг и Шмуyle] № 7. Limoges. La marché (Grande nouvelle) [Лимож. Рынок (Большая новость)] № 8. Catacombæ (sepulcrum Romanum) [Катакомбы (Римская гробница)] № 9. Избушка на курьих ножках (Баба Яга) № 10. Богатырские ворота (в стольном городе Кневе). В конце рукописи после № 10 авторская дата: «22 июля 1874 года в Петрограде. М. Мусоргский».

⁴ «Витюшкины евреи» — это две зарисовки В. А. Гартмана, изображающие богатого и бедного евреев, подаренные художником Мусоргскому в 1868 году (см.: В. Стасов. 17 писем к А. М. Керзину «Музыкальный современник», 1916, № 2, стр. 21; перепеч.: «Труды и дни», стр. 171).

К письму 149

ГПБ, ф. 502, № 155, л. 56. Впервые опубликовано: РМГ, 1911, № 22—23, стб. 493; перепеч.: «Письма к В. В. Стасову», стр. 85; Письма и документы, № 144.

¹ Задуманный Мусоргским новый музыкальный памфлет в духе «Райка» «Рак» или «Крапивная гора» должен был явиться пародией на Г. А. Лароша, А. С. Фаминцына, Н. Ф. Соловьева, М. П. Азанчевского и других. Текст для «Рака» писал А. А. Голенищев-Кутузов; однако замысел этот не был осуществлен. — В архиве Мусоргского (ГПБ, ф. 502) сохранился отрывок (начальные 43 такта) «Крапивная гора. Небывальщина» с авторской датой: «10 августа 74 г. М. Мусоргский». Текст отличается от слов Голенищева-Кутузова.

² Под шатуном (петухом) подразумевался сам Мусоргский (на карикатуре К. Е. Маковского на Могучую кучку Мусоргский также изображен в виде задорного петуха).

К письму 150

ИРЛИ, ф. 294, оп. 3, № 249, лл. 2—4. Копия рукой Л. И. Кармалиной. Оригинал не обнаружен. Впервые опубликовано: Письма и документы, № 145; Избр., № 43.

¹ Мусоргский благодарит Л. И. Кармалину за присланные в декабре 1873 года записи народных песен.

² См. комм. 2 к письму 136.

³ Это первое упоминание о замысле комической оперы «Сорочинская ярмарка».

⁴ Характерная для Мусоргского на протяжении всего творческого пути «параллельность» сочинения разных произведений с этого времени вступает в новую фазу. Если раньше композитор одновременно работал над сочинениями различных жанров, то в зрелом периоде «параллельность творчества» приобретает новые черты. Мусоргский работает сразу над трагическими и комическими произведениями. Эта черта остается неизменной до последних дней жизни композитора.

⁵ Мусоргский пишет о неизменном нам сочинении Л. И. Кармалиной, которое она, по-видимому, прислала на суд Мусоргского.

К письму 151

ГПБ, ф. 502, № 158, лл. 1—2. Впервые опубликовано: Письма и документы, № 146.

¹ Здесь говорится о встрече бывших членов, к тому времени уже распавшегося, балакиревского кружка.

К письму 152

Оригинал не обнаружен. Впервые опубликовано: «Музыкальный современник», 1917, № 5—6, стр. 24—25 (по автографу); перепеч.: Письма и документы, № 147; Избр., № 44.

¹ Письмо Л. И. Шестаковой не обнаружено.

² Мусоргский подразумевает подготовку празднования 50-летия сценической деятельности О. А. Петрова; юбилей был организован по инициативе Л. И. Шестаковой и при активном участии Мусоргского.

³ Мусоргский говорит здесь о преследовании турками христиан на Балканах.

⁴ О. А. Петров был первым и бессменным исполнителем партии Сусанина в опере Глипки.

⁵ В то время в Театре-буфф исполнялась оперетта Иоганна Штрауса «Индиго, или «Али Баба и сорок разбойников», в которой с большим успехом выступала Бланш Норде.

К письму 153

ЦГАЛИ, ф. 143. Впервые опубликовано: «Советская музыка», 1939, № 4, стр. 67; Письма к Г.-К., № 4.

¹ У А. А. Голенищева-Кутузова произошла вспышка застарелого заболевания, помешавшего ему в свое время окончить университет и заставившего в 1868—1869 годах лечиться за границей.

К письму 154

Оригинал не обнаружен. Впервые опубликовано: Письма и документы, дополнение, стр. 523 (по автографу).

К письму 155

Оригинал не обнаружен. Впервые опубликовано: «Музыкальный современник», 1917, № 5—6, стр. 25. (по автографу); перепеч.: Письма и документы, № 148.

¹ 17 ноября — день рождения Л. И. Шестаковой.

² У В. В. Стасова (Баха) происходили собрания с обсуждением сочинений А. А. Голенищева-Кутузова и исполнением произведений Мусоргского.

К письму 156

Оригинал не обнаружен. Впервые опубликовано: «Музыкальный современник», 1917, № 5—6, стр. 26 (по автографу); перепеч.: Письма и документы, № 149.

¹ В ноябре 1874 года был один из редких случаев прохождения Венеры перед солнечным диском.

² После довольно большого перерыва Мусоргский снова вернулся к сочинению «Хованщины».

К письму 157

Оригинал не обнаружен. Впервые опубликовано: «Музыкальный современник», 1917, № 5—6, стр. 26 (по автографу); перепеч.: Письма и документы, № 150.

¹ 6 декабря был непростительным днем («никтолин день»).

К письму 158

ЦГАЛИ, ф. 143. Впервые опубликовано: «Советская музыка», 1939, № 4, стр. 67; Письма к Г.-К., № 5.

¹ «Гашиш» — название поэмы А. А. Голенищева-Кутузова.

² В это время были сочинены и частично записаны сцены из разных действий «Хованщины».

³ Мусоргский приводит первоначальное название по имени главного героя драматической хроники А. А. Голенищева-Кутузова «Смута».

⁴ «Нашим альбомом» Мусоргский называет цикл своих романсов «Без солнца» на стихи А. А. Голенищева-Кутузова, созданный в течение 1874 года; выпел из печати в изд. В. В. Бесселя в феврале 1875 года.

К письму 159

ИРЛИ, ф. 93, оп. 3, № 864, л. 2. Впервые опубликовано: «Советская музыка», 1959, № 3, стр. 48—49.

Письмо написано не ранее 1874 года, когда впервые Мусоргский в письмах к Шестаковой стал подписываться *Мусинька*, содержание письма не противоречит такой датировке.

К письму 160

ИРЛИ, ф. 294, оп. 3, № 164, л. 5. Впервые опубликовано: Письма и документы, № 151.

¹ Как указывается в комментарии к первой публикации, письмо связано с приглашением Ю. Ф. Платоновой к участию в концертах, организуемых П. С. и Д. В. Стасовыми в пользу «Общества вспомоществования слушательницам женских медицинских и педагогических курсов»; в этих концертах принимал участие и Мусоргский в качестве аккомпаниатора.

К письму 161

ИРЛИ, ф. 294, оп. 3, № 164, л. 7. Впервые опубликовано: Письма и документы, № 152.

¹ Записка П. С. Стасовой не обнаружена.

² Концерт состоялся 9 марта; см. также комм. 1 к предыдущему письму.

К письму 162

ГПБ, ф. 502, № 156, л. 1. Впервые опубликовано: РМГ, 1911, № 22—23, стб. 494; перепеч.: «Письма к В. В. Стасову», стр. 87; Письма и документы, № 153.

¹ В эти годы по средам у В. В. Стасова происходили музыкальные собрания.

ЦГАЛИ, ф. 143. Впервые опубликовано: «Советская музыка», 1939, № 4, стр. 67—68; Письма к Г.-К., № 6; перепеч.: Избр., № 45.

¹ Это шуточное послание, написанное в характере официального донесения XVIII века, представляет собой образец литературной стилизации Мусоргского.

К письму 164

ЦГАЛИ, ф. 143. Впервые опубликовано: «Советская музыка», 1939, № 4, стр. 68—70; Письма к Г.-К., № 8; перепеч.: Избр., № 47.

¹ По-видимому, в необнаруженном письме к Мусоргскому А. А. Голенищев-Кутузов выражал сомнение в скором получении ответа.

² Под трио следует понимать сцену Андрея Хованского, Эммы и Марфы в первом действии «Хованщины».

³ О ком именно говорится здесь, не установлено.

⁴ Среди рукописей Мусоргского имеется запись донской песни с текстом XVI века «Как на славных степях было Саратовских» с надписью: «Сложена для юбилея Войска Донского Мусоргским, а профессором Римским-Корсаковым устроена для военного оркестра. Партитура у атамана при моем письме. *Мусоргский*» (ГПБ, ф. 502) напечатана: М. П. Мусоргский. Полное собрание сочинений, т. 5, вып. 10. М. — Л., «Искусство», 1939, стр. 41.

⁵ Первое представление в Петербурге оперетты Ж. Оффенбаха «Мадам Аршидюк» при участии Ани Жюдик состоялось 11 марта 1875 года.

⁶ Фортепианные пьесы Н. В. Щербачева «За прялкой» и «Бабочки» исполнились А. Н. Есиновой в ее концерте, состоявшемся 14 марта 1875 года в Большом театре.

⁷ Меднум Бредиш выступал в Петербурге, показывая на спиритических сеансах руку своей умершей приятельницы Жекэ.

⁸ В квартире Д. В. Стасова сеанс Бредиша состоялся 19 марта.

⁹ Мусоргский не совсем точно приводит отрывок из фельетона «Картинки современной жизни», напечатанного в газете «Новости» от 17 марта 1875 года.

¹⁰ Ближайшим начальством Мусоргского был М. М. Лобковский.

¹¹ По-видимому, Мусоргский страдал головокружениями.

¹² По существующей традиции, 19 марта в память вступления русских войск в Париж в 1813 году ежегодно давались концерты в пользу инвалидов.

К письму 165

ИРЛИ, ф. 294, оп. 3, № 249, л. 3—3 об. Копия рукой Кармалиной; оригинал не обнаружен. Впервые опубликовано: Письма и документы, № 154; перепеч.: Избр., № 48.

¹ Волыньские песни, записанные Л. И. Кармалиной и присланные Мусоргскому, не найдены.

² Отказ от сочинения «Сорочинской ярмарки» был временным.

³ Мусоргский называет свой вокальный цикл на стихи А. А. Голенищева-Кутузова «Песни и пляски смерти» — «Пляска смерти». В это время были написаны: «Трепак» (№ 3 цикла — 17 февраля 1875 года) и «Колыбельная» (№ 1 цикла — 14 апреля 1875 года), «Серенада» (№ 2 цикла) записана — 11 мая 1875 года. Далее следовало несколько неосуществленных замыслов («Схимник», «Аника-воин и смерть», «Изгнанник» и другие). Последний номер цикла (4-й) — «Полководец» завершен 5 июня 1877 года.

⁴ Ср. с письмом А. П. Бородина к Л. И. Кармалиной от 15 апреля: «Модест пишет «Хованщину» и тоже сделал порядочно» (Письма Бородина, вып. II, стр. 89).

ЦГИА; ф. 497, оп. 2121, е. х. 23778. Впервые опубликовано: «Советская музыка», 1954, № 7, стр. 77 (факсимиле и типографским способом).

¹ Письмо П. С. Федорова не обнаружено. В состав Музыкального комитета по рассмотрению оперы Ц. А. Кюи «Анджело» вошли: М. П. Азанчевский, Г. А. Ларош, М. П. Мусоргский, Н. А. Римский-Корсаков и А. С. Фаминцын.

² Все члены комитета единогласно положительно оценили «Анджело», и опера была принята к постановке; премьера состоялась на сцене Мариинского театра 1 февраля 1876 года.

К письму 167

ИРЛИ, ф. 93, оп. 3, № 864, л. 3. Впервые опубликовано: «Советская музыка», 1959, № 3, стр. 49.

¹ По-видимому, Мусоргский пишет об очередном музыкальном вечере у Л. И. Шестаковой.

К письму 168

ЦГАЛИ, ф. 143. Впервые опубликовано: «Советская музыка», 1939, № 4, стр. 70; Письма к Г.-К., № 9; перепеч.: Избр., № 49.

¹ Мусоргский исковеркал в шутку французское «Danse macabre», превратив в русское слово — макабра.

² В своих письмах Мусоргский несколько раз называет цикл «Песни и пляски смерти» — «Она», то есть смерть.

³ Этот цикл был задуман очень широко; помимо упомянутых в комм. 3 к письму 165 неосуществленных, но, по-видимому, начатых песен, в черновиках А. А. Голенищева-Кутузова рядом с первоначальным наброском текста песни «Трепак» имеется дополнительный перечень сюжетов для этого цикла; 1. Богач. 2. Пролетарий. 3. Большая барыня. 4. Сановник. 5. Царь. 6. Молодая девушка. 7. Мужичок. 8. Монах. 9. Ребенок. 10. Купец. 11. Поп. 12. Поэт. Кроме «Мужичка» («Трепак») и «Молодой девушки» («Серенада»), перечисленные темы остались неиспользованными.

К письму 169

ЦГАЛИ, ф. 143. Впервые опубликовано: «Советская музыка», 1939, № 4, стр. 71; Письма к Г.-К., № 11; перепеч.: Избр., № 51.

¹ По-видимому, в необнаруженном письме к Мусоргскому А. А. Голенищев-Кутузов благодарил композитора за сочувственные советы во время работы над поэмой «Гашиш».

² Цитата из монолога Пимена в «Борисе Годунове» Пушкина.

³ Мусоргский имеет в виду лирические стихотворения А. А. Голенищева-Кутузова.

⁴ Перечисленные стихи А. А. Голенищева-Кутузова — «комнатка» («В четырех стенах»), «Элегия», «Скучай», «Над рекой» — вошли в цикл Мусоргского «Без солнца».

⁵ Мусоргский подразумевает следующее письмо.

ЦГАЛИ, ф. 143. Впервые опубликовано: «Советская музыка», 1939, № 4, стр. 70—71; Письма к Г.-К., № 10; перепеч.: Избр., № 50.

¹ Поэма А. А. Голенищева-Кутузова «Гашиш» напечатана в журнале «Дело», 1875, № 5.

К письму 171

ЦГАЛИ, ф. 143. Впервые опубликовано: «Советская музыка», 1939, № 4, стр. 72; Письма к Г.-К., № 12.

¹ Мусоргский называет сокращенно трактир на Большой Морской «Малый Ярославец».

К письму 172

ГПБ, ф. 502, № 156, л. 4—4 об. Впервые опубликовано: РМГ, 1911, № 22—23, стб. 494; перепеч.: «Письма к В. В. Стасову», стр. 87—88; Письма и документы, № 155.

¹ Мусоргский договаривался с В. В. Стасовым о поездке на дачу к Д. В. Стасову в Заманиловку.

² Мусоргский в шутку падал А. В. Мейеру, очевидно, все пришедшие на память немецкие имена.

³ В. В. Стасов даже по воскресеньям имел привычку работать в Публичной библиотеке.

⁴ Мусоргский говорит о поездке в Заманиловку в карете.

⁵ А. В. Мейер постоянно обедал в «Малом Ярославце» и там часто встречался с Мусоргским.

К письму 173

Оригинал не обнаружен. Впервые опубликовано: «Музыкальный современник», 1917, № 5—6, стр. 26—27 (по автографу); перепеч.: Письма и документы, № 156.

¹ Тюрюки — мешки.

² В связи с переездом из меблированных комнат на Шпалерной к А. А. Голенищеву-Кутузову Мусоргский просил разрешения у Л. И. Шестаковой передать ей книги В. В. Никольского, так как сам Никольский в это время был в отъезде. В письме к последнему от 23 июня 1875 года Л. И. Шестакова сообщала, что Мусоргского «гонят с квартиры и дела его плохи» (цит. по книге: «Труды и дни», стр. 27). О получении от Мусоргского пакетов с книгами Шестакова написала Никольскому 27 июня (там же).

³ Партитура сцены у Пимена была изъята Мусоргским из полной партитуры «Бориса» как не исполнявшаяся в театре; впоследствии Шестакова передала рукопись Римскому-Корсакову, в архиве которого в ГПБ (ф. 640) она ныне хранится.

К письму 174

ЦГАЛИ, ф. 143, ед. хр. 270. Впервые опубликовано: отрывок — «Труды и дни», стр. 435; полностью публикуется впервые.

Датируется по времени совместного проживания Мусоргского с Голенищевым-Кутузовым.

¹ Очевидно, подразумевается поездка Мусоргского за город.

² Смысл этих слов неясен.

Оригинал не обнаружен. Впервые опубликовано: «Музыкальный современник», 1917, № 5—6, стр. 27 (по автографу); перепеч.: Письма и документы, № 157.

¹ Под словом «подметчики» Мусоргский в данном контексте подразумевает поджигателей; летом 1875 года в Петербурге было много пожаров, которые приписывались поджогам.

² Авторская дата в конце рукописи первого действия «Хованщины»: «30 июля 75 г. в Петрограде».

³ По-видимому, Петровы получили какое-то анонимное письмо; говоря об опере, которую он писал «по поводу подметного письма», Мусоргский подразумевает «Хованщину».

⁴ Мусоргский сообщает свой новый адрес у П. А. Наумова, к которому композитор переехал от А. А. Голенищева-Кутузова после отъезда последнего в деревню.

К письму 176

ГПБ, ф. 502, лл. 7—9 об. Впервые опубликовано: отрывок — «Вестник Европы», 1881, кн. 6, стр. 538; полностью — РМГ, 1911, № 22—23, стб. 495—496; перепеч.: «Письма к В. В. Стасову», стр. 88—91; Письма и документы, № 158; Избр., № 52.

¹ Стасов был командирован Публичной библиотекой в Париж на Географический конгресс.

² По поводу увезенного А. А. Голенищевым-Кутузовым ключа ср. со следующим письмом.

³ В 1873 году И. Е. Релин был послан за границу Академией художеств; художник-маринист А. П. Боголюбов жил в Париже.

⁴ Мусоргский упоминает литературный вечер, устроенный И. С. Тургеневым и А. К. Толстым в Карлсбаде в пользу жителей почти полностью стеревшего 25 мая 1875 года города Моршанска (см. «Голос» от 6 июля 1875 года).

⁵ Содержатель популярного в 70-х годах увеселительного заведения в Петербурге Егарев устроил в пользу моршанцев гуляние и лотерею-амлегри, билеты которой продавала шансонетная певица Альфонсина.

⁶ Под названием «Всемирный» Мусоргский подразумевает Париж.

⁷ Монолог Голицына в начале второго действия «Хованщины».

⁸ «...княжеская суперстиция» — суеверие Голицына; «абордирую той тезой» — нападаю таким положением.

⁹ Здесь шутка: ассоциация имени Кюн — Цезарь с римским полководцем — с одной стороны, и фамилии Римского-Корсакова, также вызывавшей в памяти город Рим, — с другой стороны.

К письму 177

ЦГАЛИ, ф. 143, Впервые опубликовано: «Советская музыка», 1939, № 4, стр. 72; Письма к Г.-К., № 13; перепеч.: Избр., № 53.

¹ Мусоргский спрашивает А. А. Голенищева-Кутузова о работе поэта над «Смутной».

² Письма Голенищева-Кутузова не обнаружены.

К письму 178

Оригинал не обнаружен. Впервые опубликовано: «Музыкальный современник», 1917, № 5—6, стр. 23 (по автографу); перепеч.: Письма и документы, № 159.

Основание датировки: 16 сентября перед четвергом приходилось в 1874 году на понедельник, в 1875 году — на вторник и в 1876 году — на среду; 1876 год отпадает, так как в сентябре этого года Мусоргский жил в Царском Селе, где проводил от-

пуск, а в настоящем письме он жалуется на утомление после службы. Письмо в равной мере можно отнести к 1874 или к 1875 году. Оставляем датировку первой публикации по связи с письмом Шестаковой к Бородину от 17 сентября 1875 года — также с приглашением на четверг (С. А. Дианнин. Бородин, стр. 195).

¹ В то время Мусоргский писал «Хованщину».

² В письме говорится о музыкальном вечере у Шестаковой.

К письму 179

ЦГАЛИ, ф. 143. Впервые опубликовано: «Советская музыка», 1939, № 4, стр. 73—74; Письма к Г.-К., № 14; перепеч.: Избр., № 54.

¹ Голенищев-Кутузов сломал ногу.

² В этой фразе слышится отголосок событий на Балканах, приведших в 1877—1878 годах к русско-турецкой войне.

³ Эти слова относятся к третьему акту оперы «Анжелло».

⁴ Мусоргский подразумевает эпическую драматургию оперы «Князь Игорь».

К письму 180

ГПБ, ф. 502, № 156, л. 12—12 об. Впервые опубликовано: РМГ, 1911, № 24—25, стб. 539; перепеч.: «Письма к В. В. Стасову», стр. 91—92; Письма и документы, № 160.

¹ «*Neil Dir im Siegeskranz*» — начальные слова немецкого гимна.

² Мусоргский подразумевает спор князей во втором действии «Хованщины».

К письму 181

Оригинал не обнаружен. Впервые опубликовано: «Музыкальный современник», 1917, № 5—6, стр. 28 (по автографу); перепеч.: Письма и документы, № 161.

¹ 10 октября 1830 года состоялось первое выступление О. А. Петрова в Петербурге; очевидно, Мусоргский сожалел, что не смог в этот юбилейный день посетить Петровых.

² Шестакова подарила Мусоргскому фотографию, где она снята вместе с Глинкой, со следующей надписью: «1875 года 10-го октября, с дорогим сегодняшним днем поздравляю нашего славного Мусеньку. Люд. Шестакова. Дагерротип снят г-м Левицким в 1852 году 18 мая. Фотография с дагерротипа снята им же в 1875 году 20 сентября» (цит. по кн.: «Труды и дни», стр. 442).

К письму 182

ЦГАЛИ. Впервые опубликовано: Письма и документы, № 162.

Датируется по сопоставлению с двумя предыдущими письмами.

К письму 183

ГПБ, ф. 502, № 156, лл. 13—16. Впервые опубликовано: выдержки — «Вестник Европы», 1881, кн. 6, стр. 538—539; полностью — РМГ, 1911, № 24—25, стб. 540—542; перепеч.: «Письма к В. В. Стасову», стр. 92—96; Письма и документы, 163; Избр., № 55.

¹ Б. В. Стасов подарил Мусоргскому фотографию с своего портрета, написанного И. Е. Репиным в 1873 году.

² Бес нижеследующий выпад направлен против Римского-Корсакова и Кюи.

³ В сезоне 1875/76 года в симфонических концертах РМО исполнены третья симфония и первый концерт для фортепиано с оркестром Чайковского.

⁴ В сезоне 1875/76 года состоялся первый приезд в Россию К. Сен-Санса и его выступления в концертах РМО (см. письмо 189).

⁵ Мусоргский подразумевает Н. А. Римского-Корсакова.

⁶ Мусоргский говорит здесь о Н. Н. Римской-Корсаковой.

⁷ Мусоргский цитирует отрывок из заключительной фразы Фамусова в комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума».

⁸ На это письмо В. В. Стасов ответил 23 октября 1875 года (письмо Стасова датируется на основании письма Мусоргского и по календарю):

«Пятьсот миллионов у р а Вам, Мусорянин!!! Я только таких людей люблю и понимаю, только от таких и могу ждать чего-то в самом деле крупного и навсегда остающегося. Вы написали мне, что написали бы мне только еще Репин да Антоколий — за то Вы и моя тройца.

Не тот большой художник, кто только фуги, руки и ноги знает и умеет — а у кого внутри растет и зреет правда, у кого внутри ревнивое и беспокойное, никогда не замолкающее чувство истины на все, на все...» (Письма и документы, стр. 482).

К письму 184

ЦГАЛИ, ф. 143. Впервые опубликовано: «Советская музыка», 1939, № 4, стр. 74—75; Письма к Г.-К., № 15.

Датируется по содержанию и календарю: письмо написано до понедельника 3 ноября, который приходился в 1875 году на день представления оперы Мейербера «Гугеноты».

¹ Весной 1875 года А. А. Голенищев-Кутузов начал писать поэму «На развалинах».

² Хозяйка дома, где жил Мусоргский, — М. И. Костюрина (Федорова).

³ О каком стихотворении Пушкина пишет Мусоргский — неясно.

К письму 185

ГПБ, ф. 502, № 151, л. 2. Черновик. Публикуется впервые.

¹ Артистический кружок в Москве (1865—1883), основанный группой литераторов и артистов во главе с А. Н. Островским и Н. Г. Рубинштейном, к концу 1870-х годов обзавелся собственным симфоническим оркестром и стал исполнять целые акты из опер («Иван Сусанин», «Фауст», «Русалка», «Руслан и Людмила»). В эту пору расцвета кружка возникла мысль о постановке «Бориса Годунова»; постановка не была осуществлена.

К письму 185а

ГПБ, ф. 502, № 151, л. 1. Чистовик предыдущего письма. Впервые опубликовано: Письма и документы, № 164.

Дата поставлена В. В. Стасовым в соответствии с черновиком (письмо 185).

¹ Письмо не окончено.

К письму 186

Оригинал не обнаружен. Впервые опубликовано: «Музыкальный современник», 1917, № 5—6, стр. 28—29 (по автографу); перепеч.: Письма и документы, № 165.

¹ В день празднования 50-летия артистической деятельности О. А. Петрова возле дома, где он жил, предполагалось устроить иллюминацию.

ЦГАЛИ, ф. 143. Впервые опубликовано: «Советская музыка», 1939, № 4, стр. 75; Письма к Г.-Р., № 16.

Год определен по календарю: во время проживания Мусоргского у Наумова поскресенье 9 ноября приходилось на 1875 год.

¹ Хозяевами Мусоргский называет П. А. Наумова и М. И. Костюрину (Федорову).

К письму 188

Оригинал не обнаружен. Впервые опубликовано: «Музыкальный современник», 1917, № 5—6, стр. 29 (по автографу); перепеч.: Письма и документы, № 166.

¹ Первоначально празднование юбилея Петрова намечалось на январь 1876 года, но в связи с болезнью артиста было перенесено на 21 апреля 1876 года.

К письму 189

ГПБ, ф. 502, № 156, лл. 18—19 об. Впервые опубликовано: отрывки — «Вестник Европы», 1881, кн. 6, стр. 539—540; полностью — РМГ, 1911, № 26—27, стб. 553—555; перепеч.: «Письма к В. В. Стасову», стр. 96—98; Письма и документы, № 167; Избр., № 56.

¹ 15 ноября в концерте РМО исполнялись произведения Сен-Санса (при участии автора): «Danse macabre» и третий концерт для фортепиано с оркестром; 19 ноября в Большом театре состоялось первое представление оперы Верди «Аида»; 20 ноября была генеральная репетиция оперы Фаминцына «Сарданапал» в Мариинском театре.

² Вторично Мусоргский слышал оперу Фаминцына в день написания этого письма, на премьере.

³ Опера «Сарданапал» была снята с репертуара вскоре после первых представлений.

⁴ 21 ноября 1875 года в № 322 газеты «Голос» было напечатано «Письмо к редактору» В. В. Стасова о постановке «Аиды» в Большом театре, в котором критик высоко оценивает оформление спектакля, отмечая верность египетскому стилю; при этом Стасов подчеркивает, что русская публика не умеет ценить такие художественные постановки. В той же статье как образцовые в историческом отношении упомянуты постановки «Руслана и Людмилы» Глинки, «Русалки» Даргомыжского, «Псковитянки» Римского-Корсакова и «Бориса Годунова» Мусоргского.

⁵ Письмо Мусоргского к Бородину не обнаружено.

⁶ «Тузовой симфонией» Мусоргский называл «Богатырскую симфонию» Бородина.

⁷ Мусоргский говорит здесь о «споре князей» во втором действии «Хованщины».

К письму 190

ИРЛИ, ф. 294, оп. 3, № 164, л. 3. Впервые опубликовано: Письма и документы, № 168.

¹ П. С. Стасова поправилась после тяжелой болезни и написала Мусоргскому приглашение навестить ее (письмо не обнаружено).

ИРЛИ, ф. 93, оп. 3, № 864, л. 5. Впервые опубликовано: «Советская музыка», 1959, № 3, стр. 49.

Датируется на основании содержания: подготовка юбилея Петрова.

¹ В письме говорится о предполагаемой иллюминации возле дома Петрова.

К письму 192

ЦГАЛИ, ф. 143. Впервые опубликовано: «Советская музыка», 1939, № 4, стр. 75; Письма к Г.-К., № 17.

¹ «Изгнанник» — один из неосуществленных задуманных Мусоргским номеров для цикла «Песни и пляски смерти». В архиве А. А. Голенищева-Кутузова (ЦГАЛИ, ф. 143) сохранился набросок стихотворения:

С полночи далекой в безбрежном просторе
С дождем и туманами ветер летит.
Нахмурилось небо; мохнатое море,
Прозябнув, от края до края дрожит.
И дождь его хлещет, и, в прах разбиваясь,
Задорная скачет волна на волну.
Корабль, на волнах накрываясь и качаясь,
Бежит из чужбины в родную страну.
Несет он скитальца, что многие годы,
Наскучив отчизны бездейственным сном,
В искании счастья, добра и свободы
По белому свету блуждал чудачком,
Старел одиноко... Но луч благодатный
Сквозь мрака блеснул над родимой страной;
И радостно в путь он помчался обратный
С воскресшею старой заветной мечтой.

(Публикуется по книге: Письма к Г.-К., стр. 63).

К письму 193

Оригинал не обнаружен. Впервые опубликовано: «Музыкальный современник», 1917, № 5—6, стр. 29 (по автографу); перепеч.: Письма и документы, № 169; Избр., № 57.

¹ Письмо Л. И. Шестаковой не обнаружено.

² В чем заключалась «пошлая интрижка» против Мусоргского — установить не удалось; возможно, что к этому времени композитор, замученный канцелярской лямкой, стал небрежно относиться к служебным обязанностям, и это вызывало неудовольствие начальства.

³ Мусоргский заканчивал второе действие оперы.

К письму 194

ЦГАЛИ, ф. 143. Впервые опубликовано: «Советская музыка», 1939, № 4, стр. 76; Письма к Г.-К., № 18; перепеч.: Избр., № 58.

¹ Письмо вызвано предстоящей женитьбой А. А. Голенищева-Кутузова. Об отрицательном отношении Мусоргского к браку художников см. также следующее письмо, посвященное этому же событию.

² Мусоргский приводит строки из романса «В четырех стенах» из своего цикла «Без солнца». Письмо свидетельствует о глубоком одиночестве Мусоргского и о боязни потерять друга после его женитьбы.

ГПБ, ф. 502. Впервые опубликовано: РМГ, 1911, № 26—27, стб. 555—556; перепеч.: «Письма к В. В. Стасову», стр. 98—99; Письма и документы, № 170; Избр., № 59.

¹ День рождения В. В. Стасова — 2 января — приходился в 1876 году на пятницу.

² Выражение «в побывку на родину» взято из бытовавшей в военной среде терминологии.

³ А. А. Голенищев-Кутузов в то время не служил.

⁴ На первой странице рукописи третьего действия «Хованщины» авторская дата: «Канун 1876 года».

К письму 196

ЦМБ, отд. VII 2.М.917. Впервые опубликовано: Письма и документы, № 172.

Датируется в соответствии с аналогичными письмами Румского-Корсакова от 1 декабря 1875 года и Бородина от 6 февраля 1876 года (причем Бородин извиняется за запоздалый ответ). Кроме того, в своем ответе Римский-Корсаков упоминает, что письмо Общества датировано 12 октября за № 40.

¹ Устав Общества квартетной музыки был утвержден 11 сентября 1872 года; в 1875 году исполнилось три года со дня существования общества и в «Отчете» подвизлся общий итог собраниям, перечислялись имена исполнителей.

К письму 197

ИРЛИ, ф. 294, оп. 3, № 162, л. 5. Впервые опубликовано: «Радуга», изд. «Ате-ней», Пг., 1922, стр. 233; перепеч.: Письма и документы, № 171.

К письму 198

ИРЛИ, ф. 294, оп. 3, № 162, л. 3. Впервые опубликовано: «Радуга», изд. «Ате-ней», Пг., 1922, стр. 234; перепеч.: Письма и документы, № 173.

¹ На Надеждинской ул. жил В. В. Стасов.

² В рукописи третьего действия «Хованщины» в конце речитатива Шакловитого «Спит стрелецкое гнездо» (перед арией «Ах, ты в судьбине злосчастная») стоит авторская дата: «6 янв. 1876 г.».

К письму 199

Оригинал не обнаружен. Впервые опубликовано: первый абзац письма — в воспоминаниях Л. И. Шестаковой «Мои вечера» («Ежегодник имп. театров», сезон 1893/94 года, Приложение, кн. 2), полностью — «Музыкальный современник», 1917, № 5—6, стр. 30 (по автографу); перепеч.: Письма и документы, № 174.

Датировано при первой публикации по почтовому штемпелю.

¹ «Героической симфонией» Бородина Мусоргский назвал его «Богатырскую симфонию». К этому времени Бородин закончил ее четырехручное переложение.

² В конце 1875 года О. А. Петров тяжело заболел.

³ Мусоргский, по-видимому, говорит здесь о письме к Ф. Ф. Трепову по поводу иллюминации возле дома, где жил О. А. Петров, а под шкатулкой подразумевает ящик для заявлений на имя Ф. Ф. Трепова.

⁴ Под «людьми отходящими» следует понимать Н. А. Римского-Корсакова и Ц. А. Кюп, перемена отношений с которыми тяжело переживалась Мусоргским.

⁵ Письмо Л. И. Шестаковой, на которое отвечает Мусоргский, не обнаружено; вероятно, в нем высказывались мрачные мысли о смерти.

⁶ «Не попустим» — слова Варлаама в сцене под Кромами в опере «Борис Годунов».

К письму 200

ГПБ, ф. 502, № 156, л. 24—24 об. Впервые опубликовано: РМГ, 1911, № 26—27, стр. 556; перепеч.: «Письма к В. В. Стасову», стр. 99—101; Письма и документы, № 175; Избр., № 60.

¹ Это письмо В. В. Стасова не обнаружено.

² Под сплетнями, на которые намекает Мусоргский, следует, очевидно, предположить недовольство бывших товарищей по Могучей кучке по поводу связей Мусоргского с «Малым Ярославцем» и общением с П. А. Наумовым.

³ Статья В. В. Стасова о Лондонской выставке 1862 года напечатана в «Современнике», 1863, №№ 4 и 5.

⁴ Ко дню юбилея О. А. Петрова скульптор Н. А. Лаверецкий вылепил бюст артиста (ныне хранится в ИТМК).

⁵ Мусоргский прервал работу над третьим актом «Хованщины» для внесения некоторых изменений во второй акт.

⁶ Здесь (как и в других письмах этих лет) Мусоргский пытается установить отношения между «наумовским кружком» и В. В. Стасовым.

К письму 201

Оригинал не обнаружен. Впервые опубликовано: «Музыкальный современник», 1917, № 5—6, стр. 30—31 (по автографу); перепеч.: Письма и документы, № 176.

Месяц, пропущенный Мусоргским при датировке письма, легко определяется по календарю: упоминаемая в письме ближайшая пятница 5 марта позволяет отнести письмо к 28/29 февраля 1876 года.

¹ Письма Л. И. Шестаковой не обнаружены.

² Речение, введенное в «Хованщину» (слова Подьячего из первого акта).

К письму 202

ГПБ, ф. 492, № 44, л. 1. Впервые опубликовано: Письма и документы, № 177.

¹ 11 марта 1876 года Мусоргский аккомпанировал в концерте в пользу «Общества для вспомоществования нуждающимся студентам Медико-хирургической академии».

К письму 203

ГПБ, ф. 492, № 44, л. 3. Впервые опубликовано: Письма и документы, № 178.

К письму 204

ИРЛИ, ф. 93, оп. 3, № 864, л. 1. Впервые опубликовано: «Советская музыка», 1959, № 3, стр. 49.

Датируется по содержанию (речь идет о подготовке юбилея Петрова) и по календарю (упоминаемая в письме среда шестой недели великого поста).

К письму 205

Оригинал не обнаружен. Впервые опубликовано: «Музыкальный современник», 1917, № 5—6, стр. 31—32 (по автографу); перепеч.: Письма и документы, № 179.

1. Для подарка О. А. Петрову в день его юбилея был приобретен по подписке рояль. Наравне с Мусоргским и Л. И. Шестаковой участие в подготовке юбилея принимали В. В. Стасов и А. И. Громова.

2. Стихотворные строки, которые должны были выгравировать на рояле, взяты из партии хора в интродукции «Руслана и Людмилы».

К письму 206

ЦГАЛИ, ф. 143. Впервые опубликовано: Письма к Г.-К., стр. 77.

1. На рукописи переложения для фортепиано «Пляски персидок» посвящение: «Графине Ольге Андреевне Голенищевой-Кутузовой (на 4-е апреля 1876 г. Персидка, отрывок из 2-й картины 4-го действия народно-музыкальной драмы «Хованщины» посвящаю я, Мусоргский».

К письму 207

ГПБ, ф. 492, № 44, л. 5. Впервые опубликовано. Письма и документы, № 180.

1. В письме говорится о совместном выступлении Мусоргского и А. Н. Молас, по-видимому, в концерте в пользу студентов-технологов 18 апреля 1876 года.

К письму 208

Оригинал не обнаружен. Впервые опубликовано: «Музыкальный современник», 1917, № 5—6, стр. 32 (по автографу); перепеч.: Письма и документы, № 181.

¹ Чествование О. А. Петрова состоялось 21 апреля 1876 года в Мариинском театре на спектакле «Жизнь за царя» Глинки.

² На юбилейном спектакле О. А. Петрова Мусоргский находился в ложе Л. И. Шестаковой.

³ Из Москвы приехал Ф. П. Мусоргский.

К письму 209

Оригинал не обнаружен. Впервые опубликовано: «Музыкальный современник», 1917, № 5—6, стр. 38 (по автографу); перепеч.: Письма и документы, № 183.

Основание датировки: письмо написано незадолго до празднования юбилея Петрова 21 апреля 1876 года.

¹ Для журнала «Всемирная иллюстрация» Мусоргский к юбилею О. А. Петрова написал статью. В комментариях к этому письму А. Н. Римский-Корсаков пишет: «П. В. Быков сообщил нам, что в его собрании автографов имеется письмо Мусоргского к нему, как сотруднику «Всемирной иллюстрации», в котором М. П. просит вернуть ему его ненапечатанную статью» (Письма и документы, стр. 348). Письмо Мусоргского к П. В. Быкову, так же как и статья о Петрове, не обнаружены.

К письму 210

Оригинал не обнаружен. Впервые опубликовано: «Музыкальный современник», 1917, № 5—6, стр. 32—33 (по автографу); перепеч.: Письма и документы, № 182.

¹ Письмо Л. И. Шестаковой Мусоргскому не обнаружено.

² Венчание бюста О. А. Петрова происходило на торжественном заседании РМО в зале консерватории 24 апреля 1876 года.

³ Фотография Мусоргского, о надписи на которой упоминала Шестакова в письме к композитору, была изготовлена специально для Шестаковой. Под портретом Мусоргский сделал надпись: нотные строки из «Хованщины» — слова Досифея,

обращенные к Марфе (из третьего действия): «Терпи, голубушка, любви, как ты любила, и вся преиденная преидет» (подлинник в собрании В. Н. Римского-Корсакова).

К письму 211

ГПБ, ф. 640, № 951, л. 18—18 об. Впервые опубликовано: Письма и документы, № 184; перепеч.: Избр., № 61. Римский-Корсаков. Соч., т. V, стр. 318.

¹ В 1875/76 году Н. А. Римский-Корсаков работал над составлением сборника «100 русских народных песен». По-видимому, в связи с этим он обратился к Мусоргскому с предложением встретиться. Сборник издан В. В. Бесселем в 1878 году, в него вошли четыре песни, записанные от Мусоргского: «Как во городе стольно-киевском» (№ 1), «О Вольге и Микуле» (№ 2), «Исходила младенька» (№ 11), «Приданные, удалые» (№ 92).

² Мусоргский передает привет Н. Н. Римской-Корсаковой и детям Михаилу и Софье.

К письму 212

ГПБ, ф. 502, № 156, лл. 27—28 об. Впервые опубликовано: выдержки — «Вестник Европы», 1881, кн. 6, стр. 544; полностью — РМГ, 1911, № 28—29, стб. 581—582; перепеч.: «Письма к В. В. Стасову», стр. 101—102; Письма и документы, № 185; Избр., № 62.

¹ Ответ на обнаруженное письмо В. В. Стасова от 14 или 15 июня 1876 года, а также на письмо от 18 мая 1876 года: «Так вот, сударь, что мне нужно доложить Вам; помните только, ради бога, что все это не требование, не наставление (в которых Вы, конечно, меньше всех нуждаетесь), а только вопросительные знаки со стороны человека из публики, без памяти преданного Вам и Вашему делу».

Повторяю еще раз: в настоящем виде в Вашей опере слишком огромное преобладание хоров, в иной раз слишком малая деятельность отдельных личностей, характеров. Пожалуй, впоследствии, слушая оперу на сцене и восхищаясь талантливостью и оригинальностью музыки, даже самые горячие Ваши приверженцы (не говоря уже о противниках) стали бы спрашивать: «Да зачем же это в опере есть налицо Голицын, Марфа и т. д.! Выбросьте их вовсе вон, и опера ничего не потеряет — это лица чисто второстепенные, лишённые всякого действия и ничуть не вплетенные в завязку и развязку». Я тоже готов это самое спросить, но при этом знаю, отчего именно произошла эта отрывочность и внешняя эпизодичность: оттого, что прежний план пришлось несколько изменить, по необходимости выбросить Софью и Петра — значит, тотчас все оставшееся потерпело значительный изъём (в либреттном отношении); прежняя связь рушилась, и налицо остались сцены, подробности, даже целые личности, иной раз точно не стоящие плотно на земле, а держащиеся каким-то чудным манером на воздухе, между потолком и полом.

Вот я и решился нацарапать Вам несколько предложений, посредством которых, мне кажется, можно было бы достигнуть большей связи, большей сплоченности, а значит, и большего интереса действий.

I. В 1-м акте я нахожу все готовым и законченным со всех концов, откуда ни возьми, и возражать мне там нечего.

II. Во 2-м акте у меня возражений есть довольно.

Колдованье Марфы превосходно, в музыкальном отношении, но бесцельно; возвращение ее вновь к Голицыну, после совершенного на ее жизнь покушения, — опять-таки бесцельно, ничем не оправдывается и ни к чему не ведет. Спор и ссора Голицына и Хованского — бесцельны, не имеют никаких дальнейших последствий в опере, так что, вообще говоря, весь этот акт (как либретто), пожалуй, хоть вовсе выбрось вон, ничего опера от этого не потеряет, относительно содержания.

К тому же, Досифей во 2-й раз опять «останавливает» кого-то: скажут, пожалуй, что он вроде городского, охотника до порядка и тишины — и больше ничего!! Самостоятельного дескать характера и облика у него никакого нет.

Чтобы изменить всю эту неладность, я бы предложил вот что: нельзя ли, чтоб Марфа была не только раскошница, сообщница Голицына, — но еще молодая вдова, пышущая жизнью, и — любовница Голицына? Нельзя ли, чтоб она в этом 2-м акте пришла к нему по его призыву, колдовала ему, иронически подтрунивала бы над ним и его корреспонденткой, амурной княжной Софьей, а потом вдруг, из задумчивой и иронической, вдруг превратилась в решительную и принялась бы объявлять Голицыну, что не хочет она дольше быть в связи с ним, что все это ей противно, что грех страшен, что их «правая вера» запрещает ей такое дело, что не хочет она также принимать участие во всех их политических делах, от всего отступается и уходит вон. Голицын не хочет верить ей, подозревает тут какой-нибудь другой резон, пристает к ней, преследует и просьбами, и угрозами, то сам же насмехается над Софьей и уверяет, что ни в грош ее не ставит, то старается возбудить в Марфе снова политически-религиозный огонь. Но все тщетно, Марфа ничему не внимает; но когда Голицын уже с наибольшей силою приступает к ней, она, наконец, переломив себя, со страстью признается: «Ну, да, я люблю одного человека, всюю силою страсти, как безумная, как потерянная; но я знаю, что это должно меня погубить, погубить тоже и других, — и вот я хочу со всем покончить, все оставить и куда-нибудь скрыться, чтобы жить для одной веры и бога!». Мне кажется, все это мотив верный и благодарный для композитора. Голицын, все время то хитро притворявшийся, то и в самом деле чувствовавший сожаление при утрате этой красивой, страстной бабы, — вдруг принимает новую решимость, и с ледяным видом отпускает ее. «А, я брошен, я презрен! — говорит он сам себе, оставшись один — я, Голицын, всесильный человек, вораочающий своей страной, держащий в руках сердце Софьи и судьбы России. Хорошо же, будь по-твоему! Только ты не должна дольше оставаться в живых — ты донесешь, ты разболтаешь все! Мне слишком это вредно, все мои планы рушатся», — и он зовет поверенного человека, велит утопить Марфу на болоте, а сам холодно обращается к входящему в эту минуту на общий совет Хованскому. Хованский припел, однако же, не для одного совета — он хочет сводить и свои собственные счета: упрекает его в европеизме, в праздном и притворном амурничанье с Софьей, в отступничестве от главного их дела и «сепаратном интриганстве» для личных целей. Ссора разгорается (при этом, в мгновенных, в коротких а parte Голицын возвращается от времени до времени к Марфе: он между двух раздирающих его чувств). Досифей, как самодержец какой-нибудь, старается затупить эту совершенно несвоевременную для их дела вспышку, но тут вбегает Марфа и с воплем и слезами жалуется всему «совету» правоверных на совершенное на нее покушение и идет под защиту Досифея, заявляя, что, кроме веры и раскаяния, ни в чем более не хочет проводить свою жизнь. Все — каждый по-своему — старается уговорить ее, чтобы она осталась по-прежнему верной союзницей их, могучей дружиной действия в каждом из их лагерей — она непреклонна; между тем, Голицын и Хованский приходят в своей ссоре к окончательной вражде и ненависти и клянутся один другому — или погибнуть, или погубить врага. И на этом — является Шакловитый, и хор раскольников вдали.

Одним словом, я бы назвал весь этот акт:

Раскол в расколе.

III. В 3-м акте («Стрелецкая слобода») я тоже должен возражать против многого. Там есть хоры, есть песни (мужские и женские), есть превосходная музыка, но действия и интереса никакого. Связи с остальной оперой — тоже нет никакой.

Поэтому я предложил бы вот что:

Нельзя ли, чтоб оставить все сочиненное до сих пор (и превосходное в высшей степени!), но прибавить следующую сцену. После песни Марфы, пробуждения стрельцов и расправы с подьячим, в слободу является молодой Андрей Хованский и принимается подговаривать стрельцов, самых буянов, самых «сорви-

головы», общая денгиг, вино и удалую славу, получше расправы с подьячим. — подговаривает их идти с ним и выкрасть красотку-немку, еретичку и поганку. Стрельцы с восхищением идут вооружиться и приготовить лошадей и телегу; но когда, вслед за ними, хочет уходить и Андрей, довольный удачей, — к нему подбегает Марфа, все слышавшая, все узнавшая; решимость ее отдалиться от всего житейского — сломана, она задыхается от ревности, бешенства, похоти к молодому красивому гусару XVII-го века, она мечется и бросается как истинная Путифарова жена, голос раскольниковства и «правой веры» потух и замолк в ней, осталась только влюбленная до бешенства, ревнующая женщина. Но Андрей кое-как высвобождается от нее, объявляет, что не любит ее, никогда любить не будет чужую рабу, голицынскую любовницу!.. Она остается одна, она уничтожена, она убита, она с ужасом озирается в своем одиночестве, и вот тут-то подкрадывается к ней Сусанна, немая свидетельница всей этой сцены из глубины улицы (или из окна дома); Сусанна, желтая, пергаментная, сухая, завистливая, высказывает всю свою ненависть к Марфе, высказывает все свое торжество над ней, так как теперь знает ее секрет и объявляет, что призывает ее на суд всего их правоверного общества и общины, в скиту, в лесу. Надеюсь, что таким образом водворяется в этом акте и движение и интерес, а для композитора являются богатейшие задачи.

IV. В IV-м акте («Немецкая слобода») я бы опять-таки предложил, согласно тому, как мы успели вчера переговорить: чтоб вся сцена была *«Scène d'intérieur»* [домашняя сцена — (Фр.)], т. е. тетка, племянница, курное безоблачное житье, мирные разговоры etc. Является Андрей, амурится, получает нос, призывает помощников и силою похищает канарейку Эмму.

V. Для сцены в «Домостроевском дому» у Хованского Вы уже сами сделали крупную прибавку: разговор между отцом и сыном, это великолепно; упреки отца, желание его подвинуть к честолюбивым планам, равнодушие сына ко всему этому, прорезываемое поминутным возвращением его к Эмме, — это все уже достаточно хорошо и богато. Но перед обедом, женскими гаремными хорами и «Персидкой» я бы предложил еще ввести сюда и Голицына. Во 2-м акте был Хованский у Голицына; здесь же пусть будет Голицын у Хованского; контрвизит и вторая оборотная сторона медали. Голицын приходит в ужасе сказать, что все пропало, умоляет забыть раздоры, соединиться, принять меры, созвать стрельцов, идти на Петра и даже на Софию (полу-Европа спасовала перед полною Европой и уцепляется за Азию); но болван Хованский ослеплен этим неожиданным-негаданным торжеством, он весь только чванство и падуемость; он ликует, он разгордился хуже самого нелепого индийского петуха, и когда входят в комнату Шакловитый с другими посланными от Софии, Хованский, не чуя гибели, еще более чванится и возносится перед Голицыным: «Что, видишь, что я говорил!! Не нам худо, а им припало! Они во мне нуждаются, ко мне засылают; они видят, чуют свою погибель и мою силу!» Он это произносит, совершает церемонию надевания параднейшего золотого халата — и идет... на смерть! Голицын поник, его арестуют тут же.

VI. Про последнюю сцену («Скит») мне говорить нечего. Там все хорошо: Досифей, сводящий жизненные свои счета, прискакивающий во весь опор из Москвы Андрей, его сена с Досифеем, потом с Эммой, его усилия вооружить весь скит для отпора Петровцам, отказ в этом Досифея (чувствующего, что уже все погибло), суд над Марфой, оправдание ее и возвеличение Досифеем, как самого чистого создания между всеми ими; фанатизирование всех и самосожжение древней, погибающей России — все это богато, оживлено, полно действия, интереса и великолепнейших мотивов.

Вот что хотелось мне предложить Вам. Тут все характеры обрисовались, вышли наружу, получили определенность и действие. Ради бога, подумайте и обсудите все это внутри себя. Авось это Вам пригодится. Вы найдете тут новые материалы для своего таланта» [...] (Письма и документы, стр. 482—486).

² Здесь скрыт намек и на неприятности по службе (см. письмо 193 и комм. 2 к нему). Из Лесного департамента Мусоргский был переведен в Госконтроль лишь 1 октября 1878 года.

³ С середины 1870-х годов Мусоргский много выступал, аккомпанируя певцам, и заслужил большую популярность великолепного ансамблиста.

⁴ Сочинение народных картин — вероятно, песен на слова А. К. Толстого — относится к 1877 году, а летом 1876 года наряду с работой над «Хованщиной» Мусоргский снова обратился к «Сорочинской ярмарке».

К письму 213

Оригинал не обнаружен. Впервые опубликовано: «Музыкальный современник», 1917, № 5—6, стр. 33—34 (по автографу); перепеч.: Письма и документы, № 186.

¹ Письмо Л. И. Шестаковой не обнаружено.

² См. предыдущее письмо.

К письму 214

Оригинал не обнаружен. Впервые опубликовано: «Музыкальный современник», 1917, № 5—6, стр. 34 (по автографу); перепеч.: Письма и документы, № 187.

¹ См. предыдущее письмо; по-видимому, не дождавшись этого письма, Л. И. Шестакова снова написала Мусоргскому (ее письмо не обнаружено).

² Здесь, видимо, какой-то пропуск в первой публикации, который невозможно восстановить из-за отсутствия оригинала.

К письму 215

ГПБ, ф. 502, № 156, л. 30. Впервые опубликовано: РМГ, 1911, № 28—29, стб. 582; перепеч.: «Письма к В. В. Стасову», стр. 103; Письма и документы, № 188. Год установлен по календарю, а также указан в приписке В. В. Стасовым.

¹ 15 июля — день именин В. В. Стасова.

К письму 216

Оригинал не обнаружен. Впервые опубликовано: «Музыкальный современник», 1917, № 5—6, стр. 34 (по автографу); перепеч.: Письма и документы, № 189; Избр., № 63.

¹ Рассказ Подьячего о рейтарах — в третьем действии «Хованщины».

² Мусоргский пишет здесь о сцене Голицына с пастором во втором действии «Хованщины».

К письму 217

Оригинал не обнаружен. Впервые опубликовано: «Музыкальный современник», 1917, № 5—6, стр. 34—35 (по автографу); перепеч.: Письма и документы, № 190; Избр., № 64.

¹ Мусоргский поселился на даче вместе с семьей П. А. Наумова.

² Мусоргский получил отпуск 25 августа на двадцать пять дней.

³ Письмо Л. И. Шестаковой не обнаружено.

ГПБ, ф. 502, № 156, лл. 33—34 об. Впервые опубликовано: РМГ, 1911, № 28—29, ст. 583; перепеч.: «Письма к В. В. Стасову», стр. 103—105; Письма и документы, № 191; Избр., № 65.

Основание датировки: Мусоргский пишет, что «вчера, в бурю, умчало» два его письма, а на обложке рукописи второго акта «Хованщины» имеется нотная запись: «Вой ветра в Царском Селе 12 августа 76». Следовательно, письмо написано 13 августа. Почтовый штемпель отправления: 16 августа 1876 года.

¹ После окончания второго действия (30 декабря 1875 года) Мусоргский продолжал вносить в него переделки и добавления, в числе последних — сцена Голицына с пастором.

² Альт, тенор и три баса в этой картине — это Марфа, Голицыны, Иван Хованский, Досифей и Шакловитый. В дальнейшем Мусоргский отказался от мысли писать квинтет.

³ Эти строки письма относятся к сцене появления Досифея во время спора князей во втором действии.

⁴ В ответ на это письмо В. В. Стасов писал Мусоргскому 16 августа 1876 года: «Как Вы ныне меня все радуете, Му-са-ли-ни, — Ля-сад-ка!!! Вот уже именно на «Новых местах» сидите. И гуляете-то по 100 верст, и славные какие письма пишете то мне, то Людмиле Ивановне, то — вон опять какие штуки в своей опере стрипаете. Когда Вы начнете у Римского многоголосиям обучаться, этого мы еще подождем, а вот, покуда, каким львом вперед ломите! Ведь мне просто праздник было прочитать, как Вы нынче присматриваетесь ко своей 2-й картине и ищите там не техники, не музыки, а глубокого внутреннего склада, живописи исторической, такого непогибающего ни от какого пожара фреска, где каждый мах кисти орлиным бы когтем пахнул. Вы новый раз меня обрадовали, и я еще больше прежнего стану ждать той минуты, когда, покончив с жирными пирогами и ухой, мы станем ходить у Людм[илы] Иван[овны] поперек и вдоль паркета и примемся править дело. Авось мне тогда удастся предложить Вам то или сё, что пригодится, а покуда выслушайте вот какие предварительные мои соображения:

Всего у Вас до сих пор было вдоволь в опере, и народности, и истинного исторического колорита («Так ли дети» и т. д.), и противоположных партий, и противоположных племен и народов, противоположных характеров и стремлений, подлых и хороших, чистых и грязных людей, серьезных и смешных — всего, всего было вдоволь, одного только не было: элемента политического, активного, предпринимающего что-то, идущего к какой-то цели. А сегодняшнее Ваше письмо мне кажется в том и состоит, что Вы почувствовали этот недочет и нехватющую крупную черту. Если так, то я Вам еще больше прежнего аплодирую, и подаю бы сию секунду сто рук на помощь, если б они у меня были, как у какого-нибудь индийского божества. Да, да, и я тоже всегда находил тут в опере сильный пробел: мне всегда казалось, что, несмотря на все совершенство и небывалую новизну изображения раскольников, размышляющий человек все-таки мог бы всегда спросить Вас: «Ну да, хорошо, ваши раскольники целиком состоят из желания сохранить свою дедовскую, русскую старину и для этого избили всех (или многих) себе вредных — прекрасно! Но это уже все произошло до поднятия занавеса и до Вашего 1-го акта: а что же, в чем именно состоит их деятельность, их затея, их предприятие в течение Ваших якти актов?» Вот на это-то Ваша опера до сих пор ответа не давала — а теперь дает, я это вижу, потому что нынче Вы сами на это уткнулись со всего размаха.

По-моему, главный смысл 2-й картины должен быть колорита

заговора

политического, народного и социального. После всех казней, буйств и убийств главные запевалы сошлись потолковать и порешить: «Что же нам теперь делать?»

Что именно предпринять для того, чтоб дотла искоренить врагов и на их место поставить наше, свое».

Быть может, для того, чтобы это осуществить, хорошо было бы придать следующую форму 2-й картине, с тех пор, как входит Хованский к Голицыну: сначала князья глупо и нелепо петушатся и вздорят; потом уже при Досифее (между тем тоже появившемся) прибегает Марфа, жалуется на то, как ее чуть-чуть не уколошили по вероломному приказу Голицына (за то, что она, под влиянием своей любви к Андрею, объявила Голицыну, что бросает их дело и вообще все мирское и посвящает себя единственно богу до конца дней своих) — после раскрытия мерзостей Голицына, оба князя опять готовы вцепиться друг в друга, но тут-то и выступает во всем величии апостола и пророка — Досифей. С громовою силою он заставляет их примириться, и принуждает держать совет о том, что им нужно. Сначала оба князя даже неохотно, словно огрызаясь (мотив даже комический), отвечают на вопросы Досифея: «Сколько всего войска налицо? На кого можно надеяться? Кого выдвинуть вперед? В какой день все будет готово?» и т. д., но потом мало-помалу, все комическое пропадает, и они общими силами решают, как и когда захватят царевичей и царевну, запрут их, а на их место посадят — князя Андрея. Все бы это был быстрый, патетический речитатив, а *morceau d'ensemble* потом был бы выражением чувств каждого из всех четырех действующих лиц, находящихся тут и тянущих каждый врозь, каждый в свою сторону (Лебедь, Щука и Рак): вот какой был бы тут ансамбль, тоже еще никогда и нигде не слыханный. И вот в эту-то минуту, после такого-то ансамбля раздался бы вдали хор раскольников, торжествующих еще первую свою победу (далеко не полную, не окончательную еще). Это бы, кажется, не худо!!!

Во всем этом акте или картине Голицын, по-моему, должен быть плутоват, хитроват и трусоват, но все-таки надеяться на успех, но за спинами других, сильных» (Письма и документы, стр. 487—488).

К письму 219

Оригинал не обнаружен. Впервые опубликовано: «Музыкальный современник», 1917, № 5—6, стр. 36 (по автографу); перепеч.: Письма и документы, № 192; Избр., № 66.

¹ Письмо Л. И. Шестаковой не обнаружено.

² К этому времени относится рукопись второго действия «Хованщины», доведенная до слов Шакловитого: «Обозвал хованщиной и велел «искать»; на титульном листе этой рукописи записан «вой ветра в Царском Селе».

³ У Н. В. Стасова умерла дочь Ольга; этому предшествовал ряд других несчастий в его семье.

⁴ В связи с истечением в 1876 году срока контракта Э. Ф. Направника с дирекцией имп. театров, дирижер предъявил дополнительные условия для заключения нового контракта (предоставление бенефисов хору и оркестру). Дирекция задержала его заключение до 7 сентября (что вызвало опасения Мусоргского), после чего контракт был подписан на условиях, поставленных Направником.

К письму 220

Оригинал не обнаружен. Впервые опубликовано: «Музыкальный современник», 1917, № 5—6, стр. 36—37 (по автографу); перепеч.: Письма и документы, № 193.

¹ См. комм. 4 к предыдущему письму.

² Письмо Л. И. Шестаковой не обнаружено.

³ Эти два письма также не обнаружены, поэтому невозможно установить, о чем Л. И. Шестакова просила Мусоргского.

К письму 221

ГПБ, ф. 502, № 148, л. 1—1 об. Впервые опубликовано: Письма и документы, № 194.

Здесь фамилия Мусоргского написана без буквы г.

¹ Письмо Морозовых не обнаружено.

² Письмо Мусоргского к управляющему Карева свидетельствует о том, что еще в середине 70-х годов композитор получал некоторый доход с имения.

К письму 222

ЦГАЛИ, ф. 143. Впервые опубликовано: «Советская музыка», 1939, № 4, стр. 76; Письма к Г.-К., № 19.

К письму 223

ЦГАЛИ, ф. 143. Впервые опубликовано: «Советская музыка», 1939, № 4, стр. 77; Письма к Г.-К., № 20.

Датировано условно при первой публикации.

К письму 224

ГПБ, ф. 502, № 156, лл. 36—37 об. Впервые опубликовано: РМГ, 1911; № 28—29, стб. 584—585; перепеч.: «Письма к В. В. Стасову», стр. 105—107; Письма и документы, № 195; Избр., № 67.

¹ Памятник Екатерине II по рисунку Микешина на площади Александринского театра (ныне пл. Островского) своей формой напоминает настольный колокольчик (сонетку); здание с Минервой на крыше — Публичная библиотека, в которой В. В. Стасов заведовал художественным отделом.

² Письмо написано в первый день рождества; далее следовало несколько свободных от службы дней.

³ Народные картинки перед «Борисом»: «Калистрат», «Светик Савишна», «Озорник», «Сиротка», «Колыбельная Еремущки» и другие вокальные сочинения.

⁴ По-видимому, такими «картинками» Мусоргский считал серию романсов и песен на стихи А. К. Толстого и А. А. Голенищева-Кутузова.

⁵ Мусоргский намекает на свои выступления в аристократических салонах (см. также следующее письмо).

К письму 225

Оригинал не обнаружен. Впервые опубликовано: «Музыкальный современник», 1917, № 5—6, стр. 37—38 (по автографу); перепеч.: Письма и документы, № 196.

¹ В прощальном концерте Ю. Ф. Платоновой 17 февраля 1877 года участвовал и Мусоргский.

К письму 226

ИРЛИ, ф. 294, оп. 3, № 164, л. 9. Впервые опубликовано: Письма и документы, № 197.

¹ Неясно, о чем здесь пишет Мусоргский: либо о встрече с кем-то из литераторов, либо о работе над либретто опер.

К письму 227

ЦГАЛИ, ф. 143. Впервые опубликовано: «Советская музыка», 1939, № 4, стр. 76; Письма к Г.-К., № 21.

Датируется по содержанию: окончание последнего, четвертого номера цикла «Песни и пляски смерти» — «Полководец» (авторская дата на рукописи: 5 июня 1877 г.).

К письму 228

ИРЛИ, ф. 294. оп. 3, № 162, лл. 7—8 об. Впервые опубликовано: альманах «Радуга», Пг., 1922, стр. 234—237; Письма и документы, № 198.

¹ Д. В. Стасов хлопотал об издании романсов Мусоргского фирмой П. И. Юргенсона. Посредничество Д. В. Стасова не увенчалось успехом.

² Хор «Иисус Навин» переработан из хора оперы «Саламбо» в 1874—1875 году; записан в 1877 году (авт. дата: «2 июля 1877 г.»).

³ Под «макабрами» подразумеваются «Песни и пляски смерти», а под «тремя» гр. Толстого — три песни на слова А. К. Толстого: «Спесь» (авт. дата: «15/16 марта 1877»), «Ой честь ли то молодцу лен прясти» (авт. дата: «20 марта 1877») и «Рассеивается, расступается» (авт. дата: «21 марта 1877»).

⁴ В письме к П. И. Юргенсону от 14 мая 1877 года Д. В. Стасов писал: «...не захотите ли Вы приобрести несколько сочинений для голоса с ф-п. Мусоргского. Я знаю, у него теперь есть ненапечатанных две серии по три вещи. Одна из них — под названием «Пляски смерти» («Danse macabre») — вещь, по моему мнению, очень драматическая, все вещи с русскими словами» (цит. по кн.: «Труды и дни», стр. 493).

К письму 229

Оригинал не обнаружен. Впервые опубликовано: «Музыкальный современник», 1917, № 5—6, стр. 38—39 (по автографу); перепеч.: Письма и документы, № 199.

¹ Письмо Л. И. Шестаковой не обнаружено.

² 15 июня день именин Мусоргского.

³ Мусоргский ссылается на предыдущее письмо.

⁴ Письмо Д. В. Стасова не обнаружено.

К письму 230

Оригинал не обнаружен. Впервые опубликовано: «Музыкальный современник», 1917, № 5—6, стр. 39 (по автографу); перепеч.: Письма и документы, № 200.

К письму 231

ЦГАЛИ, ф. 143. Впервые опубликовано: «Советская музыка», 1939, № 4, стр. 77—78; Письма к Г.-К., № 22; перепеч.: Избр., № 68.

¹ К этому времени относятся рукописи песни Хиври (авт. дата: «10 июля 1877 г.») и клавираусцуга второго действия «Сорочинской ярмарки».

² Intermezzo «Сон паробка» переделано для хора и оркестра из «Ночи на Лысой горе» (см. комм. 1 к письму 60).

³ Текст рассказа о красной свитке написан А. А. Голенищевым-Кутузовым.

⁴ Авторская дата на рукописи сценария «Сорочинской ярмарки»: «19 мая 1877 г. у А. Я. и О. А. Петровых в Петрограде».

⁵ В приказе об увольнении Мусоргского в отпуск с 1 сентября на шесть недель сказано, что он уезжает «в С.-Петербургскую, Тверскую и Тульскую губернии» (то есть в Царское Село, к Голенищеву-Кутузову и к брату), но никаких сведений об отъезде Мусоргского нет, и уже 22 сентября он пишет Шестаковой из Петербурга (см. следующее письмо). Таким образом, скорее всего следует предположить, что Мусоргский провел часть отпуска в Царском Селе, а затем — в Петербурге.

К письму 232

Оригинал не обнаружен. Впервые опубликовано: «Музыкальный современник», 1917, № 5—б, стр. 40 (по автографу); перепеч.: Письма и документы, № 201.

К письму 233

ГПБ, ф. 492, № 44, л. 7. Впервые опубликовано: Письма и документы, № 202.

К письму 234

ЦГАЛИ, ф. 143. Впервые опубликовано: «Советская музыка», 1939, № 4, стр. 78—81; Письма к Г.-Р., № 23; перепеч.: Избр., № 69.

¹ Мусоргский отвечает на обнаруженное письмо А. А. Голенищева-Кутузова.

² Ср. с письмом В. В. Стасова к А. А. Голенищеву-Кутузову от 7 ноября 1877 года: «Он [Мусоргский] летом сочинил много дрянн в «Сорочинскую ярмарку», но теперь после всеобщих нападков (особенно моих) решился все это выкидать вон, и останется одно хорошее» (цит. по книге: «Труды и дни», стр. 501).

³ Эти же слова протопопа Аввакума использованы в партии Досифея в «Хованщине» (первое действие).

⁴ Ср. с тем же письмом В. В. Стасова к А. А. Голенищеву-Кутузову: «Но теперь, в эти последние недели, он сочинил два цыганских хора [...] превосходных, а один из них женский, — «с топанием и свистом» — просто *chef d'oeuvre*» (цит. по книге: «Труды и дни», стр. 501).

⁵ Под сценой «бродяг» следует понимать сцену под Кромами.

⁶ Кого подразумевает Мусоргский под именем «кучкиста», не установлено; по характеру приведенного высказывания это, скорее всего, может быть Ц. А. Кюи.

⁷ Под названием «Брюсов календарь» известен календарь, ошибочно приписываемый Я. К. Брюсу и содержащий разнообразные указания и предсказания; издан в 1875 году (подлинный Календарь Брюса был издан в 1709 году).

К письму 235

ГПБ, ф. 492, № 44, л. 9—9 об. Написано на визитной карточке «Модест Петрович Мусоргский». Впервые опубликовано: Письма и документы, № 203.

¹ См. следующее письмо.

² Мусоргский говорит здесь о своих хозяевах — П. А. Наумове и М. И. Федоровой (Костюриной).

³ Моласы приглашали Мусоргского на празднование пятилетия со дня их свадьбы. Отказ Мусоргского производит впечатление отговорки.

К письму 236

ГПБ, ф. 492, ед. хр. 21, л. 1. Впервые опубликовано: Письма и документы, № 204.

¹ Мусоргский поздравляет чету Молас с пятилетием со дня их свадьбы, причём перепарафразирует первую строку «Татарской песни» из поэмы Пушкина «Бахчисарайский фонтан»: «Дарует небо человеку».

К письму 237

ГПБ, ф. 492, № 44, л. 10. Впервые опубликовано: Письма и документы, № 205.

¹ Мусоргский и В. В. Стасов «все это время [...] аккуратно всякий вторник бывали у Моласов» (см. письмо В. В. Стасова к А. А. Голенищеву-Кутузову от 7 ноября 1877 года; цит. по кн.: «Труды и дни», стр. 501).

К письму 238

ГПБ, ф. 492, № 44, л. 12. Впервые опубликовано: Письма и документы, № 206.

¹ 27 декабря Мусоргский аккомпанировал в концерте, организованном А. П. Filosoфовой (см.: «Труды и дни», стр. 505).

К письму 239

ГПБ, ф. 492, № 44, л. 14. Впервые опубликовано: Письма и документы, № 207.

К письму 240

ГПБ, ф. 502, № 157, лл. 1—2. Впервые опубликовано: РМГ, 1911, № 28-29, стб. 585; перепеч.: «Письма к В. В. Стасову», стр. 107; Письма и документы, № 208.

¹ Говоря «все мы», Мусоргский подразумевает себя и семью П. А. Наумова. 12 января 1878 года в бенефис М. Г. Савиной в Александринском театре впервые была поставлена комедия А. Н. Островского и Н. Ф. Соловьева «Женитьба Белугина».

К письму 241

ГПБ, ф. 502, № 157, л. 3. Впервые опубликовано: РМГ, 1911, № 28-29, стб. 585; перепеч.: «Письма к В. В. Стасову», стр. 107; Письма и документы, № 209; Избр., № 70.

¹ Картина И. Е. Репина «Протодяков» находится ныне в Третьяковской галерее.

² Картина И. Е. Репина «Из робких» находится ныне в Городской картинной галерее г. Горького.

³ Ср. со статьей В. В. Стасова о шестой Передвижной выставке в «Новом времени» от 29 и 30 марта 1878 года, то есть после письма Мусоргского о картине «Из робких»: «Это заглавие дано самим автором, но, кажется, нельзя его принять иначе, как в ироническом смысле. Правда, словно какая-то запуганность, какая-то оторопельность присутствует на лице у этого человека. Вначале, пожалуй, подумаешь, что он и в самом деле робкий. Но взгляните только на его стеклянный, неподвижно упершийся глаз, переданный с изумительным совершенством, и Вас обдаст холодом и страхом: попадись ему где-нибудь в непоказанном уголке, где ничьей помощи не дождешься, и тут узнаешь, какой он такой «робкий». Пощады и жалости от него не надейся, он хладнокровно зарежет или пристукнет кистенем по макушке —

может быть, у него уже десяток загубленных душ на совести. Но как чудесно схвачен этот тип, какой могучею, здоровою и правдивою кистью он передан!» О картине «Протодиякон»: «...перед глазами воплощение одного из самых истых, глубоко национальных русских типов, «Варлаамиче» из пушкинского «Бориса Годунова» (В. В. Стасов. Избранные сочинения, т. 1. М., «Искусство», 1932, стр. 303—304).

К письму 242

ИРЛИ, ф. 93, оп. 3, № 864, л. 6. Впервые опубликовано: «Советская музыка», 1959, № 3, стр. 49.

Датируется по сопоставлению со следующим письмом.

К письму 243

Оригинал не обнаружен. Впервые опубликовано: «Музыкальный современник», 1917, № 5—6, стр. 40 (по автографу); перепеч.: Письма и документы, № 210.

¹ О. А. Петров скончался 28 февраля 1878 года.

² После длительного перерыва возобновились встречи с М. А. Балакиревым.

³ Летом 1878 года Мусоргский жил в Петергофе на даче у Д. М. Леоновой.

К письму 244

ГПБ, ф. 41. Впервые опубликовано. Письма и документы, № 211.

¹ Первое выступление О. А. Петрова в труппе Жураховского в Елисаветграде состоялось в «Казаче-стихотворце» К. Кавоса в 1826 году.

К письму 245

ИРЛИ, шифр $\frac{30\ 71}{1 \times c}$. Впервые опубликовано: Письма и документы, № 213.

На письме надпись Л. Б. Бертенсона: «Записка М. Мусоргского, адресованная Людмиле Ивановне Шестаковой, сестре М. И. Глинки; Людмиле Ивановной была подарена мне, Л. Бертенсону. Янв. 1916 г.» («янв. 1916 г.» — дата надписи Л. Б. Бертенсона).

В Письмах и документах неверно датировано: 24 ноября.

¹ 8 декабря у Шестаковой состоялся вечер по случаю выхода в свет партитуры оперы Глинки «Руслан и Людмила», о чем писали: Л. И. Шестакова Балакиреву 1 декабря 1878 года, а Балакирев В. В. Стасову 7 декабря 1878 года («Милый Алексеевич Балакирев. Летопись жизни и творчества». Л., «Музыка», 1967, стр. 222).

К письму 246

ЦГАЛИ, ф. 143. Впервые опубликовано: «Советская музыка», 1939, № 4, стр. 82—83; Письма к Г.-К., № 25; перепеч.: Избр., № 71.

Основание датировки: в письме рассказывается о встречах с В. В. Верещагиным, происходивших в декабре 1878 года (см.: «Труды и дни», стр. 519—520), о выходе из печати драматической хроники Голеннищева-Кутузова «Смута» (дата цензуры, разрешения на № 11 журнала «Дело», где напечатана пьеса, — 1 декабря 1878 года), о болезни Мусоргского, о жизни его летом в Петергофе — все это относится именно к 1878 году. В первой публикации ошибочно датировано 1879 годом.

¹ Мусоргский пишет о сборнике стихотворений А. А. Голеннищева-Кутузова «Затишье и буря».

² Мусоргский перечисляет популярные водевилы, шедшие в Петербурге в те годы.

³ Визит В. В. Верещагина состоялся 12 декабря (см.: «Труды и дни», стр. 519).

⁴ Музыкальный вечер у В. В. Стасова состоялся 14 декабря (см. там же, стр. 520).

⁵ А. А. Голенищев-Кутузов знал Н. В. Верещагина как организатора образцовой школы молочного хозяйства в с. Евдокимово Тверской губ. Корчевского уезда, так как родовое имение Голенищева-Кутузова Шубино находилось в том же уезде.

К письму 247

ГПБ, ф. 502, № 157, лл. 8—9 об. Впервые опубликовано: РМГ, 1911, № 30—31, стб. 601—603; перепеч.: «Письма к В. В. Стасову»; Письма и документы, № 214; Избр., № 72.

¹ Картина И. Е. Репина «Царевна Софья Алексеевна через год после заключения ее в Новодевичьем монастыре, во время казни стрельцов и пытки всей ее прислуги в 1698 г.» была выставлена на Передвижной выставке 1879 года (ныне в Третьяковской галерее).

² Портрет А. Д. Литовченко написан И. Н. Крамским (ныне в Третьяковской галерее).

³ «Осужденный» — картина В. Е. Маковского (ныне в Русском музее).

К письму 248

Оригинал не обнаружен. Впервые опубликовано: «Музыкальный современник», 1917, № 5—6, стр. 40 (по автографу); перепеч.: Письма и документы, № 215.

¹ 15 июня, в день своих именин, Мусоргский был у Л. И. Шестаковой.

К письму 249

Оригинал находился во владении Н. Ф. Финдейзена; не обнаружен. Впервые опубликовано: Письма и документы, № 216, по корректурным гранкам, представленным Н. Ф. Финдейзеном А. Н. Римскому-Корсакову (письмо предназначалось для воскресного приложения к газете «Новое время», но не было напечатано); перепеч.: Избр., № 73.

¹ Тетей Мусоргский называет М. И. Федорову (Костюрину), папхен — это П. А. Наумов.

² Афиши концертов Д. М. Леоновой и Мусоргского хранятся в ГПБ (ф. 502).

³ «Думка Параси» написана 9 июля 1879 года в Петергофе (авторская дата на рукописи).

⁴ Под друзьями-школярами подразумеваются, очевидно, приятели — литераторы, собиравшиеся в доме П. А. Наумова.

⁵ Имеется в виду лекарство, которое Мусоргский называет по имени его изобретателя графа Матей.

⁶ Несмотря на, казалось бы, явно антисемитский характер этих строк, зная мировоззрение Мусоргского, а также его личные дружеские связи и творческие интересы, эту бутаду следует объяснить не шовинистическими взглядами композитора, а отвращением к буржуазным, торгашеским элементам вообще (ср., например, с выпадами против буржуазии в письмах 164 и 252).

⁷ Строительство Курско-Харьковской и других железных дорог на юге России осуществлял железнодорожный деятель С. С. Поляков.

Оригинал находился во владении Н. Ф. Финдейзена; ныне в музее «Метрополитен-опера» в Нью-Йорке (США). Впервые опубликовано: Письма и документы, № 217, по корректурным гранкам, предоставленным Н. Ф. Финдейзеном А. Н. Римскому-Корсакову. По фотокопии с оригинала публикуется впервые.

¹ Мусоргский и Д. М. Леонова приехали в Елизаветград 1 августа; концерт состоялся 2 августа.

² Главный командир в Николаеве — командир флота.

³ Чертиком звали одно из домашних животных в семье Наумова.

⁴ Мусоргский рассказывает об успехе своего вокального цикла «Детская».

⁵ Поповкой называют по имени его строителя вице-адмирала А. А. Попова броненосец круглой формы.

⁶ Анонимная заметка в № 88 «Николаевского вестника» посвящена двум первым концертам Леоновой и Мусоргского и дает высокую оценку произведениям и исполнительскому мастерству Мусоргского (см.: «Труды и дни», стр. 529—540).

⁷ Программы концертов опубликованы в сб. «Мусоргский».

К письму 251

Оригинал не обнаружен. Впервые опубликовано: «Музыкальный современник», 1917, № 5—6, стр. 40—43 (по автографу); перепеч.: Письма и документы, № 218; Избр., № 74.

¹ В корреспонденции из Херсона, напечатанной в «Одесском вестнике» № 183 за 1879 год и подписанной Р., о Мусоргском говорится: «М. П. Мусоргский принадлежит к плеяде немногих русских композиторов, сделавших в последнее время резкий переворот в характере и направлении русского творчества в области музыки. Постановка на сцену его известной оперы «Борис Годунов» произвела целую бурю. Одни чрезмерно хвалили новую оперу, другие хулили [...]. В упомянутой выше плеяде русских реалистов в музыке, к которым принадлежит Чайковский, Мусоргский, Римский-Корсаков, Кюи, Балакирев и некоторые другие, два первые занимают наиболее видное место. Из них Мусоргский принадлежит к числу замечательных исполнителей фортепианной музыки и наверное можно утверждать, что никто лучше него не мог бы передать этой типичной оригинальности его собственных произведений».

² В газете «Правда» № 184 от 22 августа 1879 года между другими музыкальными новостями сообщалось, что Бородин оканчивает «Князя Игоря», а Лядов пишет оперу «Княжна Зорька».

³ 16 сентября именины Шестаковой.

К письму 252

ГПБ, ф. 502, № 157, лл. 11—16. Впервые опубликовано: РМГ, 1911, № 30—31, стб. 603—606; перепеч.: «Письма к В. В. Стасову», стр. 111—117; Письма и документы, № 219; Избр., № 75, без начала.

¹ «Верещатинским клоповником» Мусоргский называет картину В. В. Верещагина «Самаркандский زندан», изображающую подземную тюрьму.

² Памятник адмиралу Грейгу в Николаеве выполнен А. М. Опекушиным по модели М. О. Микешина.

³ Мусоргский перечисляет петербургских музыкальных критиков, выступавших против него.

⁴ Яхта «Ливадия» — название императорской яхты.

⁵ Эти записи Мусоргского не обнаружены.

⁶ Семейным праздником Стасовых Мусоргский называет день 17 сентября: именины Софьи Владимировны Фортунато, Надежды Васильевны Стасовой. Надежды Петровны Дюгур.

⁷ Маршрут несколько изменился, и в Самару Мусоргский и Д. М. Леонова не ездили (см. комм. 1 к письму 254).

К письму 253

ГНБ, ф. 502, № 152, лл. 4—5. Впервые опубликовано: РМГ, 1911, № 30-31, стб. 606—607; перепеч.: Письма и документы, № 220.

К письму 254

ИРЛИ, ф. 93, оп. 3, № 863, лл. 1—2 об. Впервые опубликовано: «Советская музыка», 1959, № 3, стр. 47—48.

¹ Предполагаемая поездка по Волге не состоялась: 22 и 24 сентября Леонова и Мусоргский выступали в Ростове, 27 сентября — в Новочеркасске, а 1 октября они приехали в Воронеж, где выступали 11 и 14 октября; между 17 и 19 октября был концерт в Твери; в Петербург вернулись 20 или 21 октября.

² Мусоргский рассчитывал, что гастрольная поездка с Леоновой даст значительный материальный эффект. «Мусоргский в восторге от своей будущей поездки, потому что ожидает от нее около 1000 рублей прибыли!!» — писал В. В. Стасов М. А. Балакиреву 17 июля 1879 года (цит. по кн.: «Труды и дни», стр. 532). Но надежды композитора не оправдались.

К письму 255

ЦГАЛИ, ф. 143. Впервые опубликовано: «Советская музыка», 1939, № 4, стр. 81; Письма к Г.-К., № 24; перепеч.: Избр., № 76.

Год определен по времени переселения Голенищев-Кутузова из деревни в Петербург (А. А. Голенищев-Кутузов. Воспоминания о М. П. Мусоргском. В сб. «Музыкальное наследство», вып. 1. М., Музгиз, 1935, стр. 28).

¹ На издании «Смута» («Царь Василий Шуйский») отдельной книжкой стоит посвящение: «Модесту Петровичу Мусоргскому» (дата цензурного разрешения: 9 января 1879 года).

² Цитируемое Мусоргским выражение Н. А. Добролюбова часто встречается в статьях критика.

³ Лейб-кампанцами пазывалась гренадерская рота лейб-гвардии Преображенского полка по указу от 31 декабря 1741 года. Силами лейб-кампанцев было подавлено восстание Пугачева. Мысль об опере на этот сюжет, возможно, связана с замыслом оперы «Пугачевщина».

К письму 256

Оригинал не обнаружен. Впервые опубликовано: «Музыкальный современник», 1917, № 5—6, стр. 43 (по автографу); перепеч.: Письма и документы, № 221.

¹ С 1 января 1880 года Мусоргскому предстояло увольнение со службы в Госконтроле.

² Л. И. Шестакова прислала Мусоргскому в подарок изданную на ее средства партитуру оперы Глинки «Руслан и Людмила» с дарственной надписью. Этот экземпляр не обнаружен.

К письму 257

ЦГАЛИ, ф. 143, ед. хр. 270. Впервые отрывок опубликован в кн.: «Труды и дни», стр. 417.

Полностью публикуется впервые.

Датируется неопределенно второй половиной 70-х годов — временем дружеских

отношений Мусоргского с А. А. Голенищевым-Кутузовым, так как содержанию письма не дает возможности более точно определить дату его написания.

¹ Графиней Мусоргский называл жену поэта; мать он обычно именовал: «Графиня-татап или «Графиня-мама».

К письму 258

ГПБ, ф. 502, № 146, л. 1—1 об. Впервые опубликовано: РМГ, 1914, № 8—9, стб. 220; перепеч.: Письма и документы, № 223.

¹ По-видимому, Мусоргский подразумевает импровизацию Горбунова на вечеру у Т. И. Филиппова.

К письму 259

ГПБ, ф. 502, № 157, л. 18. Впервые опубликовано: РМГ, 1914, № 30—31, стр. 607; перепеч.: «Письма к В. В. Стасову», стр. 118; Письма и документы, № 224; Избр., № 77.

¹ Хорошая весть — известие о субсидии в размере 100 рублей в месяц, которую решено было выдавать оставшемуся без всяких средств Мусоргскому для окончания «Хованщины». Инициаторами и вкладчиками были В. М. Жемчужников, Т. И. Филиппов, кроме них участвовали: М. Н. Островский, В. В. Стасов и неустановленное лицо — некто Неронов.

К письму 260

ИГМК, ф. 20, оп. 1, ед. хр. 8. Впервые опубликовано: «Советская музыка», 1959, № 3, стр. 49.

Письмо датировано В. В. Стасовым в соответствии с двухсотым представлением оперы Глинки «Руслан и Людмила» в Петербурге.

К письму 261

ГПБ, ф. 502, № 157, л. 21. Впервые опубликовано: РМГ, 1914, № 30—31, стб. 607; перепеч.: «Письма к В. В. Стасову», стр. 118; Письма и документы, № 225.

К письму 262

ЦМБ, отд. VII. 2. М. 917. Впервые опубликовано факсимиле в сб.: «Автографы музыкальных деятелей», СПб., 1889, изд. Бернарда; перепеч.: Письма и документы, № 226.

¹ Наряду с группой, субсидировавшей окончание «Хованщины», среди поклонников Мусоргского вскоре образовалась другая группа, возглавляемая Ф. А. Ван-лярским (имена остальных участников не установлены), выдававшая Мусоргскому 80 рублей в месяц для окончания оперы «Сорочинская ярмарка». По этому поводу Римский-Корсаков писал В. В. Стасову 11 мая 1880 года: «Мне кажется, что Ван-лярский и К°, платящие Мусоргскому за «Сорочинскую», неосновательно действуют, принуждая его печатать у Бернарда отдельные номера, ибо он должен их готовить к печати, кстати, Бернард их теряет, а Мусоргский отвлекается от окончания оперы, которую, впрочем, говорит, что обязаи кончить к ноябрю; окончание же «Хованщины» откладывает до будущего года» (Римский-Корсаков. Соч., т. V, стр. 370).

ГПБ, ф. 502, № 157, л. 24—24 об. Впервые опубликовано: РМГ, 1911, № 30—31, стб. 607—608; перепеч.: «Письма к В. В. Стасову», стр. 119; Письма и документы, № 227; Избр., № 78.

¹ «Рамбов» — измененное еще в XVIII веке на русский лад название Ораниен-баума. Здесь, на даче у Д. М. Леоновой, Мусоргский провел лето 1880 года.

² Письмо В. В. Стасова, на которое отвечает Мусоргский, не обнаружено.

³ В. В. Стасов вернулся из длительной заграничной поездки.

⁴ Заключение сцены саможжения так и не было написано; завершил ее Н. А. Римский-Корсаков по материалам Мусоргского (см. также следующее письмо и комм. 1 к нему).

⁵ «Сонное видение паробка» переделано для хора и оркестра из «Ночи на Лысой горе» (авторская дата на рукописи: «10 мая 1880 г.»).

⁶ Материалы сюиты в рукописном наследии Мусоргского не найдены.

⁷ Два Александра Васильевича — это А. В. Стасов и А. Б. Мейер.

К письму 264

ГПБ, ф. 502, № 157, лл. 26—27. Впервые опубликовано: РМГ, 1911, № 30—31, стб. 608; перепеч.: «Письма к В. В. Стасову», стр. 119—120; Письма и документы, № 228; Избр., № 79.

¹ В комментариях к этому письму А. Н. Римский-Корсаков высказывает следующую мысль: «Можно предположить, что Мусоргскому показалось затруднительным закончить сцену саможжения в последнем акте «Хованщины», пока ему не будет ясно, как это саможжение инсценировать: дело было задолго до представлений вагнеровских опер с эффектами огня и пара в «Feuerzauber» [«Закливание огня» в опере «Валькирия»], впервые показанными Петербургу немецкой труппой Неймана под управлением д-ра Мука. Точно так же, видимо, Мусоргского беспокоил вопрос о том, как изобразить действительно сверхъестественные, нереальные существа вроде чертей и ведьм в своей опере «Сорочинская ярмарка», чтобы это вышло фантастично и не балаганно» (Письма и документы, стр. 413).

² Мусоргский, болев бронхитом, часто терял голос.

³ Мусоргский ссылается на книгу: Jules Michelet. La Sorcière [«Ведьма»], 1862.

⁴ Возможно, что именно к этому письму была приложена программа «Сна паробка».

К письму 265

ГПБ, ф. 502, № 157, лл. 28—29. Впервые опубликовано: РМГ, 1911, № 30—31, стб. 608—609; перепеч.: «Письма к В. В. Стасову», стр. 120—121; Письма и документы, № 229; Избр., № 80.

¹ В конце августа Д. В. Стасов вернулся из административной ссылки в Тулу, где он находился с марта 1880 года.

² Среди рукописей «Сорочинской ярмарки» сохранился относящийся к этому времени набросок ярмарочной сцены.

³ Мусоргский инструментовал только песню Марфы «Исходила младешенька»; при его жизни для концерта БМШ Н. А. Римский-Корсаков оркестровал «Пляску персидок».

К письму 266

ЛГК. Впервые опубликовано: Письма и документы, № 230; перепеч.: Римский-Корсаков. Соч., т. V, стр. 319.

Дата «Декабрь 1880» приписана неустановленным лицом. Датируется на основании сообщения Н. А. Римского-Корсакова С. Н. Кругликову об отправке в Москву партитуры марша (см.: А. А. Орлова, В. Н. Римский-Корсаков, Страницы жизни Н. А. Римского-Корсакова. Летопись жизни и творчества, вып. 2. Л., «Музыка», 1971, стр. 172).

¹ Марш «Взятие Карса» написан к одной из живых картин, которыми предполагалось отметить 25-летие царствования Александра II; переделан из «Марша князей и жрецов», сочиненного для коллективной «Млады» в 1872 году, с добавлением нового трио «alla turca». Позднее марш был назван «Марш с трио alla turca» и исполнен в первый раз под упр. Направника в концерте РМО — 18 октября 1880 года. Марш Мусоргского намечался к исполнению в концерте Филармонического общества в Москве, о чем С. Н. Кругликов писал П. А. Римскому-Корсакову.

БИОГРАФИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ И ДОКУМЕНТЫ

К «Записке для Л. И. Шестаковой»

ИРЛИ, ф. 294, оп. 3, № 253. Впервые опубликована: в выдержках — В. В. Стасовым в биографии Мусоргского в «Вестнике Европы», 1881, кн. 5—6; полностью — Письма и документы, № 86.

Это одна из пяти записок, составленных по просьбе Шестаковой; в двух случаях записки сделаны не теми лицами, о которых собираются сведения: так, записка о Бородине написана Римским-Корсаковым, а записка о Кюи — Мусоргским (см. стр. 275 наст. изд.).

На записке Мусоргского рукой В. В. Стасова надпись: «Эта записка написана в 1871 г. для Л. Ив. Шестаковой (июль — авг.) 1871 г.». Сохраняем датировку Стасова, не вызывающую сомнений.

¹ Скерцо для фортепиано *cis-moll* впервые издано в томе «М. П. Мусоргский. Сочинения для фортепиано в 2 и в 4 руки» под ред. П. А. Ламма. Музгиз, М., 1940.

² Романс «Отчего, скажи, душа девица» впервые издан в 1867 году. Кроме этого, к 1858 году относится сочинение романсов «Где ты, звездочка», «Meines Herzens Sehnsucht», «Веселый час».

³ Музыка сцены в храме к трагедии «Эдип» датирована 23 января 1859 года, первое исполнение состоялось 6 апреля 1861 года в Мариинском театре под упр. К. Н. Лядова.

⁴ Очевидно, вторую редакцию Мусоргский считает основной. Первая написана между 10 и 23 июля 1858 года.

⁵ В «Автобиографической записке» Мусоргский отмечал общение с «обширным кругом передовых русских ученых и литераторов» (см. стр. 263).

⁶ В этом перечне имеется неясность; прежде всего слова «in modo classico» должны быть отнесены к *Intermezzo* (*h-moll*), сочиненному в 1863 году (а не в 1861 году) для фортепиано (без трио) и переделанному для оркестра в 1867 году. Что касается двух следующих произведений, которые Мусоргский упоминает также в «Автобиографической записке» (причем там Менуэт назван «Menuet monstre»), относя их к 1859 году, то о них ничего не известно.

⁷ См. письма 28, 29 и 30, а также 39.

⁸ «Царь Саул» издан в 1863 году. В том же году написаны романсы: «Рассталсь гордо мы», «Песнь старца», «Много есть у меня теремов и садов».

⁹ К 1864 году относится партия «Боевой песни ливийцев», клавираусцуг первой картины третьего действия («Славление Молоха»), «Песни балаарца», первой картины четвертого действия.

¹⁰ В 1865 году написаны только два романса: «Отверженная» и «Молитва».

¹¹ Рукописи «Саламбо», относящиеся к 1865 году, не обнаружены.

¹² Хор «Поражение Синахериба», законченный в январе 1867 года, исполнен 6 марта того же года под упр. Балакирева, издан.

¹³ См. комм. 1 к письму 60.

¹⁴ В 1868 году написаны также обе картины Пролога.

¹⁵ Мусоргский отмечает окончание оперы в первой редакции.

¹⁶ Скерцино «Швея» издано лишь в 1880 году.

¹⁷ Отрицательное решение по поводу постановки «Бориса Годунова» отнесится к февралю 1871 года.

¹⁸ О каком сюжете Гоголя говорит Мусоргский, установить не удалось.

К «Списку сочинений для В. В. Стасова»

ГПБ, ф. 502, № 61. Впервые опубликовано: РМГ, 1911, № 28—29; стб. 123; перепеч.: «Письма к В. В. Стасову», стр. 108—110; Письма и документы, № 212.

Список был составлен Мусоргским, по-видимому, для подготавливаемой в 1874 году В. В. Стасовым статьи «Русские композиторы» для журнала «Всемирная иллюстрация». Статья Стасова осталась ненапечатанной (оригинал хранится в ИРЛИ, архив Стасовых, ф. 294). Лишь после смерти Стасова к 70-летию Балакирева вступление к статье опубликовал Н. Ф. Финдейзен: РМГ, 1906, № 51—52.

В первых публикациях «Список» неверно датирован 1878 годом.

¹ См. комм. 4 к «Записке для Шестаковой».

² Авторская дата в конце партитуры скерцо В-dur: «Модест Мусоргский. С.-Петербург 1868 года ноября 19-го».

³ Intermezzo сочинено в 1863 году (см. письмо 61).

⁴ Авторская дата на рукописи песни «Озорник»: «19 декабря 1867 г.».

⁵ Первый номер «Детской» — «Дитя с няней» — сочинен в 1868 году, остальные — в 1870 году.

⁶ Сочинение «Райка» относится к 1870 году.

⁷ Сочинение отрывков для коллективной оперы-балета «Млада» относится к 1872 году.

⁸ Работа над оперой «Саламбо», начатая в конце 1863 года, продолжалась до 1866 года включительно.

⁹ Песня раскольницы Марфы «Исходила младешенька» написана в 1873 году.

¹⁰ О «Красивой горе» см. комм. 1 к письму 149.

К «Автобиографической записке»

ИРЛИ, ф. 294, оп. 3, № 247, лл. 1—4. Черновая рукопись на русском языке написана Мусоргским; черновой французский вариант написан неустановленным лицом и имеет многочисленные вставки и поправки Мусоргского.

Использована и частично цитирована В. В. Стасовым в его биографии Мусоргского («Вестник Европы», 1881, кн. 5—6) и в его брошюре «Памяти Мусоргского» (1885). Полностью впервые опубликовано В. Д. Комаровой-Стасовой: «Музыкальный современник», 1917, № 5—6, стр. 231; перепеч.: Письма и документы, стр. 421—425, с прежними комментариями Комаровой-Стасовой и с добавлениями к ним А. Н. Римского-Корсакова; в «Советской музыке», 1939, № 4, стр. 78.

Поскольку русский текст написан целиком Мусоргским, следуя примеру предшествовавших публикаций, за основу берется именно этот текст, с добавлением в примечаниях дополнений из французских вариантов.

Датируется 1880 годом на основании указания В. В. Стасова, который, цитируя в брошюре «Памяти Мусоргского» отрывки из «Автобиографической записки», отмечает, что она написана композитором «незадолго до смерти в его краткой автобиографии», которая «предназначалась для одного иностранного издания». Действительно, этот год совпадает с собиранием Г. Риманом материала для его словаря. Анкета рассылалась русским композиторам, по-видимому, через Ц. А. Кюи (один из экземпляров анкеты сохранился среди бумаг А. П. Бородина). М. О. Петухов (М. П.) в «Заметке к биографическому очерку В. В. Стасова о М. П. Мусоргском»

(«Русский музыкальный вестник», 1881, № 29, от 1 октября) рассказывает, что Мусоргский незадолго до смерти отправил Риману автобиографию на французском языке. В первом издании словаря Римана (1882) краткая справка о Мусоргском совпадает с текстом «Автобиографической записки»: в обоих случаях «Песни и пляски смерти» обозначены как «*Danses macabre russes*». Июнь устанавливается на основании указания Мусоргского на пьесы «Байдары» и «Гурзуф», как на изданные.

¹ Мусоргский ошибочно считал днем своего рождения 16 марта; на самом деле он родился 9 марта, что подтверждает метрическая запись о его рождении в имениннике родителей композитора, сельце Карево (в копии указано: «Кажива» — но это явная описка, так как деревня под таким названием у Мусоргских не было).

² К этому периоду можно добавить сведения из «Заметки о брате» Ф. П. Мусоргского: «у Герке [Модесть] продолжал брать уроки, находясь в юнкерской школе, до 1854 года, но последние два года, то есть 1852 и 1853, брал уроки один раз в неделю по субботам» (ГПБ, ф. 502).

³ Польша «Подпрапорщик» («*Port-enseigne*») издана на средства П. А. Мусоргского у Бернарда.

⁴ Знакомство с Даргомыжским состоялось зимой 1856/57 года.

⁵ Мусоргский познакомился с Балакиревым около 15 декабря 1857 года. Вероятно, тогда же состоялось знакомство и с Кюи.

⁶ Знакомство со Стасовым относится к 1857/58 году; с Шестаковой — к началу 1866 года.

⁷ Знакомство с Монюшко могло произойти в последний приезд польского композитора в Россию в начале 1870 года.

⁸ Знакомство с Римским-Корсаковым состоялось не вскоре после встречи с Монюшко, а значительно раньше — осенью 1861 года.

⁹ Знакомство с Достоевским относится к более позднему времени, очевидно поэтому Мусоргский вычеркнул его из перечня своих знакомств 60-х годов. Факт знакомства Мусоргского с Достоевским подтверждается следующими сообщениями: во-первых, имеются сведения о выступлениях писателя и композитора в одних и тех же концертах, во-вторых, знакомство Достоевского с Д. М. Леоновой, у которой писатель бывал и адрес которой имеется в его записной книжке (ИРЛИ). Эти данные не позволяют уяснить, насколько Мусоргский был близок с писателем, но самый факт знакомства они подтверждают. Поэтому представляется необоснованным утверждение В. Д. Комаровой-Стасовой, что Мусоргский вычеркнул имя Достоевского потому, что вообще не был с ним знаком (см.: Письма и документы, стр. 422, примеч. 5).

¹⁰ Мусоргский имеет в виду создание песен «Кобзарь» («Гопак»), «Светик Савишна», «Ах ты пьяная тетеря», «Семинарист» и замысел «Ночи на Лысой горе» (оценку этого произведения см. в письмах 60, 61).

¹¹ Скерцо В-dur для оркестра исполнено 11 января 1860 года в концерте РМО. Что касается «Прелюда» и «Менуэта», то никаких следов этих произведений не обнаружено (см. также «Записку для Л. И. Шестаковой»).

¹² История замужества «Бориса Годунова» изложена в комм. 4 к письму 78; см. также комм. 7 к письму 86.

¹³ Представление трех сцен из «Бориса Годунова» состоялось 5 февраля 1873 года; полная постановка оперы осуществилась через год: премьера — 27 января 1874 года. Д. М. Леонова, исполнявшая партию шинкарки, участвовала только в спектакле 5 февраля 1873 года; в дальнейшем эту партию исполняла Абарина. Однако есть основание предполагать, что и в первом представлении «Бориса» партию шинкарки должна была исполнять Леонова: в экземпляре первого издания клавира «Бориса Годунова», предложенном ГПБ для приобретения (1963) рукой Мусоргского карандашом приписаны исполнители «Бориса Годунова». Перечень их несколько отличается от известного по афише, причем в качестве исполнительницы шинкарки указана именно Леонова (иное распределение ролей названо среди исполнителей некоторых второстепенных партий). Так как клавир вышел из печати

15 января, а афиша первого представления — имеет дату цензурного разрешения — 21 января, то можно предположить, что перемены в распределении партий произошли за эту неделю.

¹⁴ Здесь Мусоргский допускает неточность: замысел «Хованщины» относится к 1871—1872 годам, а «Сорочинской ярмарки» — к 1874—1875 годам. Участие Н. И. Костомарова в выборе сюжетов для опер Мусоргского, кроме «Автобиографической записки», нигде и никем не упоминается. Однако поскольку известно восторженное отношение историка к опере «Борис Годунов» (см.: «Труды и дни», стр. 336), можно предположить, что в обсуждении вопроса о сюжете «Хованщины» Н. И. Костомаров принимал известное участие. Что касается В. В. Никольского, то, хотя о нем больше нигде нет никаких упоминаний в связи с «Хованщиной», его участие в выборе сюжета новой оперы не вызывает сомнения, тем более известно, что именно Никольский снабжал композитора исторической литературой.

¹⁵ В цикле «Песен и плясок смерти» четыре песни.

¹⁶ Хотя в письмах того времени имеются упоминания о предполагаемой поездке по Волге (см. письма 251 и 253), но из довольно точно установленного маршрута Мусоргского выясняется, что поездка по Волге не состоялась (см. комм. 1 к письму 254).

¹⁷ Как видно из этой фразы, Мусоргский не знал о существовании песни Бетховена на тот же текст Гёте.

¹⁸ «Байдары» изданы в № 2 (февраль), а «Гурауф» — в № 6 (июнь) музыкального журнала «Нувеллист» за 1880 год: «Буря на Черном море», исполнявшаяся Мусоргским в концерте под названием «Шторм», по-видимому, не была записана и никаких следов этого сочинения не сохранилось.

¹⁹ Отдельные номера из «Сорочинской ярмарки» Мусоргский подготавливал к печати (для изд. Бернарда) — об этом см. письмо 261 и комм. 1 к нему; что касается «Сюжты на темы Закаспийского края», то никаких следов этого произведения не сохранилось.

²⁰ Вопрос о передаче рукописей Мусоргского в Страсбургскую библиотеку остается неясным. Никаких автографов русского композитора в этой библиотеке нет, об этом сообщает А. Н. Римский-Корсаков в «Письмах и документах», стр. 428; это же подтвердила и Н. Дюшмен-Кушелева, наводившая в конце 1950-х годов справки в Страсбургской библиотеке и приславшая в ГЦММК микрофильм сборника Мусоргского «Юные годы», рукопись которого хранится в Парижской национальной библиотеке. По-видимому, «друг» Мусоргского, фон Мадевайз, не выполнил его просьбы и рукописи оставил у себя. Что касается самого фон Мадевайза, то, за исключением сведений, сообщенных В. Д. Комаровой-Стасовой и А. Н. Римским-Корсаковым в комментариях к «Автобиографической записке», никаких других данных о нем обнаружить не удалось. Комарова-Стасова говорит, что в результате тщательного изучения всех музыкальных словарей, адрес-календарей и других справочных изданий лишь у Pazderic'a удалось найти сведения, что Георг фон Мадевайз является автором нескольких песен и пьес для фортепиано, изданных у Шлезингера, причем и в названном справочнике отсутствуют библиографические сведения об этом лице, а также годы его жизни (см.: Письма и документы, стр. 420). А. Н. Римский-Корсаков дополняет эти данные сообщением, что в 1880 году в нотном приложении к журналу «Воскресный листок музыки и объявлений» (СПб.) напечатана пьеса для фортепиано Георга фон Мадевайза «An die Nähmaschine» [«За швейной машиной»] («Письма и документы», стр. 428). Возникает одно дополнительное предположение: не является ли упомянутый в письме 39 немец-гувернер в семье Кушелевых, образованный музыкант, как расказывает о нем Мусоргский, и Георг фон Мадевайз — одним и тем же лицом? И не он ли тот иностранец, который, по предположению Комаровой-Стасовой, записал под диктовку Мусоргского текст «Автобиографической записки» по-французски?

²¹ На этом рукопись обрывается.

ЦГВИА, ф. 395, оп. 50 1858 года, № 798, пл. 2—3. Впервые опубликовано: «Музыкальная жизнь», 1962, № 23, стр. 11.

¹ Под «домашними обстоятельствами» Мусоргский скрыл истинную причину своего решения оставить военную службу: невозможность совместить ее с творчеством.

К «Объявлению мировому посреднику»

ЦГИА, ф. 577, оп. 31, № 1975, лл. 50—51. Публикуется впервые.

¹ Временнообязанными крестьянами назывались бывшие крепостные после реформы 1861 года до выкупа ими от помещиков назначенных наделов; после выкупа получали название крестьян-собственников.

² Аналогичные «объявления» имеются в деле по имениям Мусоргских в Сохоновской волости Гойтовского общества (ф. 577, оп. 31, № 1975), Новорожской волости Головковского сельского общества (ф. 577, оп. 31, № 1977). Всего Мусоргские владели восемнадцатью деревнями с 10 тысячами десятин земли, населенных 193 «ревизскими душами».

³ Таким образом выясняется, что год смерти П. А. Мусоргского — 1852-й — указан В. В. Стасовым в биографии Мусоргского неверно; на самом деле — 1853 год.

⁴ В деле имеется копия отношения Киевской казенной палаты отдела казначейства (стол второй) от 28 июля 1866 года за № 6479 (ф. 577, оп. 31, № 1975, лл. 61—62).

В другом документе сказано, что на имения Мусоргских «состоит запрещение 1861 г. в ст. 9356, 9357 и 9358, по распоряжению Киевской казенной палаты, в сумме 16 565 р. 57½ коп., в обеспечение рассроченной недоимки, в количестве 50 356 руб. 26¼ коп., по содержанию купцами 1-й гильдии Балаховским, Соколовским и Креницким акцизных сборов с хлебного вина в Киевской губ. с 1859 по 1863 год, о чем по заявлению владельцев производится дело в 1-м Департаменте Правительствующего сената, п. 2) 1861 г. в ст. 28300, 28301 и 28302, по распоряжению 1-го Департамента С.-Петербургской Управы благочиния, на имение, где бы какое ни оказалось, помещиков Мусоргских, в обеспечение предъявленной на них от царскосельского 1-й гильдии купца Александра Федоровича Красильникова претензии, по условию, заключенному 16 сентября 1860 г., на отдачу Мусоргскими Красильникову оценочного свидетельства на свое имение, для представления его залогом по откупам и за невыдачу, согласно тому условию, Красильникову доверенности, неустойки 15 тысяч руб. («там же, л. 64»).

В описи фонда первого департамента Сената по второй экспедиции по винной части под № 6 значится дело «По прощению помещицы: вдовы коллежского секретаря Ивановой и сыновей ее подпоручиков: Мусоргских, жалующихся на Калужскую казенную палату за неправильную выдачу из оной состоявшего в залоге по Малоярославецкому питейному откупу свидетельства Псковской казенной палаты на принадлежащие им имения» и указана дата слушания дела в Сенате: 10 января 1861 года (ЦГИА, ф. 1341, оп. 106 за 1861 год, л. 435). Однако дело это в фонде отсутствует — «уничтожено, как не представляющее интереса». Как явствует из описи, при переписке содержания дела в нем допущены ошибки и неточности: Юлия Ивановна Мусоргская обозначена по отчеству — Иванова, вместо Киевской казенной палаты названа — Калужская. Нет возможности определить документально дату прекращения дела, но, по всей видимости, в конце 60-х годов оно было решено в пользу Мусоргских, так как в документах, относящихся к 1870-м годам, сведений о «запрещении» на их имения больше нет.

⁵ Как свидетельствует акт от 30 декабря 1865 года, после того, как «объявление» было предъявлено крестьянам 10 июня, оно «возвращено владельцам» для исправления усмотренной в нем ошибки (ф. 577, оп. 31, № 1975, л. 56) и 16 декабря «получено исправленное Мусоргскими объявление о требовании обязательного выкупа» (там же, л. 56 об.). Текст этого исправленного «объявления», датированного 15 ноября 1865 года, написан рукой Ф. П. Мусоргского (ЦГИА, ф. 577, оп. 31, № 1975, л. 52—52 об.).

Кроме этого, в делах об имениях Мусоргских имеется еще «Объявление» от 14 января 1869 года, написанное Ф. П. Мусоргским (ЦГИА, ф. 577, оп. 31, № 1976, лл. 10—11).

Здесь в копии Ф. П. Мусоргский ошибочно указал год смерти Ю. И. Мусоргской — 1866-й. Однако к делу приложена снятая собственноручно Ф. П. Мусоргским копия метрической выписки о смерти матери с правильно указанным годом. Приводим полностью текст этой выписки:

«Копия с метрической выписки.
Метрическая выписка.

Псковской губернии Торопецкого уезда, Пошивкинского прихода, сельца Карева помещица вдова Юлия Иванова Мусоргская умерла от водяной болезни семнадцатого (17) числа марта месяца сего тысяча восемьсот шестьдесят пятого (1865) года на 52-м году от роду и в метрических книгах нашей соборной церкви в 3-й части о умерших записана под № 2-м женского пола. Исповедовал и приобщал соборный протоиерей Алексей Модестов с соборными священниками: Иоанном Знаменским и Иоанном Беллавиным и диаконами: торопецкой Успенской церкви Тимофеем Орловым и соборным низведенным на пономарскую должность Алексеем Покровским и дьяконом Василием Карзовым, погребена на Одигитриевском кладбище, погоста Пошивкина, Торопецкого уезда. В чем и дана сия метрическая выписка за надлежащим подписом и приложением церковной печати. Марта 28-го дня 1865-го года. Торопецкого Корсунско-Богородицкого собора протоиерей *Алексей Модестов*, Соборный перер *Иоанн Знаменский*. Соборный священник *Иоанн Беллавин*. Успенской церкви дьякон *Тимофей Орлов*. Соборный дьякон *Василий Карзов*. Низведенный на пономарскую вакансию соборный дьякон *Алексий Покровский*» (ЦГИА, ф. 577, оп. 31, № 1976, л. 14).

В делах по имениям Мусоргских имеется также «Объявление братьев Мусоргских, датированное 1874 годом, подписанное: М. П. Мусоргским 7 марта 1874 и заверенное петербургским нотариусом 9 марта 1874 года, и Ф. П. Мусоргским, подпись которого заверена 4 апреля 1874 года московским нотариусом. Копия сделана неизвестной рукой, относится к селениям Корнилово, Овечково, Бородкино, Кузьмихино и Юрьево Торопецкого уезда, Платиенской волости Юрьевского сельского общества.

Указано, что по этим имениям споров, исков, казенных взысканий, указного ареста или запрещения не имеется и «оное не заложено ни в каком кредитном учреждении» (ЦГИА, ф. 577, оп. 31, № 1977, лл. 3—4).

В уставной грамоте за 1863 год говорится, что крестьяне пользуются большим количеством земли, чем им полагается, и эти излишки будут отрезаны в пользу помещиков (см. там же, л. 11). В дополнении к уставной грамоте 1865 года «навозные пашни и поемные луга от крестьян за 1862 г. отрезаны не были» (там же, л. 18).

К «Прошению в Комитет цензуры иностранной»

ЦГИА, ф. 779, оп. 1, № 227, л. 3. Зарегистрировано под № 998 19 августа 1870 года в деле № 31 за 1870 год по Комитету цензуры иностранной «О музыкальном сочинении под названием «Семинарист» слова и музыка кол[лежского]

ассессора М. Мусоргского». Идентичная копия (но с другим порядком перечисленных в прошении лиц), датированная Мусоргским 19 августа, приложена к его письму к Стасову от 18 августа. Впервые опубликована по экземпляру в письме к Стасову (Письма и документы, № 79). В настоящем издании прошение Мусоргского публикуется впервые по основному экземпляру, хранящемуся в ЦГИА.

¹ Дело начато 7 августа, кончено 2 сентября. В нем хранятся следующие документы:

- 1) отношение в С.-Петербургский цензурный комитет Комитета цензуры иностранной от 7 августа 1870 года за № 850 о том, что поступило 90 экземпляров «музыкального сочинения с текстом под заглавием: <Людмиле Ивановне Шестаковой> Семинарист. Слова и музыка М. Мусоргского. Комитет цензуры иностранной, посылая экземпляр в Петербургский комитет «покорнейше просит сообщить, может ли быть оно допущено к обращению в публике» («Труды и дни», стр. 199);
- 2) С.-Петербургский цензурный комитет возвратил ноты за № 629 с резолюцией: «Ноты эти не могут быть дозволены к обращению в публике» (там же);
- 3) публикуемое прошение Мусоргского;
- 4) копия с представления в Главное управление по делам печати от 28 августа за № 896 с запросом, можно ли удовлетворить просьбу Мусоргского;
- 5) ответ Главного управления по делам печати от 2 сентября за № 2793 с разрешением выдать Мусоргскому просимые им 10 экземпляров и под тем же числом пометка о выдаче Мусоргскому разрешенных экземпляров нот.

К «Прошению об опере «Борис Годунов»

ЦМБ, отд. VII 5, М. 917, инв. 26 089, л. 9 (в 1930-х годах поступило из фонда Дирекции имп. театров в ЦГИА).

Автограф Мусоргского? или писарская рука? — подпись Мусоргского.

Вслед за прошением Мусоргского подшито прошение Ю. Ф. Платоновой (написанное тем же почерком, что и прошение композитора; подпись — Ю. Ф. Платоновой): «Имею честь просить Ваше превосходительство о разрешении мне в бенефис первое представление оперы «Борис Годунов» (л. 10).

Датируется в соответствии с пометкой в деле: «началось 18 января 1874 г.» и по дате докладной записки начальника репертуара П. С. Федорова директору имп. театров С. А. Геденову от 20 января 1874 г. (л. 11).

¹ Судя по дате дела, прошения Мусоргского и Ю. Ф. Платоновой, а также докладная записка П. С. Федорова — пустая формальность для официального утверждения директором разрешения на постановку «Бориса Годунова», так как с 20 декабря 1873 года в Мариинском театре шли репетиции оперы под руководством Э. Ф. Направника (с 20 декабря по 28 декабря — три репетиции солистов, с 31 декабря — с хором, 8 января — корректурная репетиция оркестра, с 12 января — полные репетиции оперы). Ко времени подачи прошений состоялось три или четыре — в зависимости от даты подачи заявлений — полные оркестровые репетиции оперы (см.: «Труды и дни», стр. 318—320, 324—328).

К «Дарственной на имя Т. И. Филиппова»

ЦГИА, ф. 728, оп. 1, № 147. Впервые опубликована по копии. Письма и документы, стр. 525—526.

По оригиналу публикуется впервые.

Дарственная составлена за два дня до смерти Мусоргского, когда наступило резкое ухудшение в его состоянии. Положение Мусоргского было признано безнадежным. Утром 14 марта Ц. А. Кюи писал В. В. Стасову: «Меня Л. Б. Бертенсон просил вас известить [...], что положение Мусоргского настолько опасно, что, не оттягивая ни минуты, сделайте от вас зависящее, чтобы привести в известность его последнюю волю, пока он еще в памяти» (Ц. А. Кюи. Письма, стр. 105).

В этот же день и была совершена формальность о передаче Т. И. Филиппову авторских прав Мусоргского. Возможно, что составление дарственной произошло без ведома Мусоргского и не в его палате, так как он все время находился в сознании и даже на следующий день 15 марта не думал о смерти.

¹ До сих пор — автограф Т. И. Филиппова.

² Автограф А. А. Голенищева-Кутузова.

³ С начала фразы до сих пор — автограф В. В. Стасова.

⁴ Автограф Н. А. Римского-Корсакова.

⁵ Автограф Ф. Д. Гриднина.

К «Записке о Ц. А. Кюи для Л. И. Шестаковой»

ИРЛИ, ф. 294. Впервые опубликовано: Письма и документы, № 87.
Датируется в соответствии с аналогичной «Запиской о Мусоргском».

К «Проекту программы концерта А. Н. Молас»

ГПБ, ф. 492, № 70. Впервые опубликовано: Письма и документы, № 222.

Год указан в приписке Н. П. Моласа, удостоверяющего принадлежность автографа Мусоргскому. Эта датировка не вызывает сомнения и позволяет более точно определить время написания документа. Именно 18 января 1879 года состоялся сольный концерт А. Н. Молас (без афиш) в зале Капеллы, что дает основание для датировки проекта программы (см.: «Труды и дни», стр. 524).

Указатели

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН*

- Абаринова Антонина Ивановна (1842—1901), певица (меццо-сопрано), артистка Мариинского театра, впоследствии драматическая актриса Александринского театра — 361
- Авакум Петрович (1620—1681), протопоп Юрьевца Поволжского, глава раскола — 135, 234, 312, 326, 349, 351
- Адмирал, адмиралтейство — см. *Римский-Корсаков Николай Андреевич*
- Азанчевский Михаил Павлович (1839—1881), пианист и композитор, в 1871—1876 гг. — директор Петербургской консерватории — 172, 307, 329, 333
- А. И. Гр... — см. *Громова Анна Ивановна*
- Айвазовский Иван Константинович (1817—1900), художник-маринист — 161, 321
- Александр I Павлович (1777—1825), император (1801—1825) — 281
- Александр II Николаевич (1818—1881), император (1855—1881) — 13, 19, 357
- Алексей Михайлович (1624—1676), второй царь династии Романовых (1645—1676) — 44
- Алёна — см. *Елена Павловна*
- Альбрехт Евгений Карлович (1824—1894), скрипач, музыкальный деятель, инспектор музыки имп. театров, председатель Петербургского филармонического общества, старшина Общества квартетной музыки — 28
- Альбрехт Константин (Карл) Карлович (1836—1893), виолончелист, музыкальный деятель, музыковед, один из организаторов Московской консерватории, ее инспектор и педагог — 28, 31, 300, 301
- Альфонсина, шансонеточная певица, выступавшая в 1870-х годах в Петербурге — 196, 335
- Америго Веспуччи (1451—1512), итальянский мореплаватель по имени которого названа Америка — 207
- Анастасьев Виктор Иванович, елисаветградский и крымский помещик — 253
- Анна Васильевна — см. *Никольская Анна Васильевна*
- Анна Яковлевна — см. *Петрова-Воробьева Анна Яковлевна*
- Антокольская Елена Юлиановна, жена М. М. Антокольского — 158
- Антокольский Марк Матвеевич (1843—1902), скульптор — 25, 137, 141, 158, 169, 312, 313, 316, 317, 324, 328, 336
- Аполлон, Аполлонтый — см. *Гуссаковский Аполлон Сильвестрович*
- Аравин Петр Васильевич (р. 1909), музыковед — 6, 31
- Арсений — см. *Голенищев-Кутузов Арсений Аркадьевич*
- Арсеньев Александр Петрович, языковед-санскритолог, поэт, певец-любитель, близкий балакиревскому кружку, брат А. П. Захарьиной — 25, 53, 61, 63, 284, 286
- Арсеньев Николай Петрович, военный, певец-любитель, брат А. П. Арсеньева и А. П. Захарьиной — 25
- Архимед (287—212 до н. э.), математик древнего мира, творец механики,

* В указатель включены как прямые, так и косвенные упоминания (например, брат, невестка, директор), а также прозвища. Страницы предисловия, вступительной статьи и комментариев выделены курсивом.

изобретатель рычага, винта и сложного блока, открыл законы равновесия, центр тяжести и закон гидростатики — 83

Асланович К. А., знакомый Мусоргского и Балакирева — 56

Баженов Александр Иванович (1820—1897), адмирал — 249

Байрон Джордж Ноэл Гордон (1788—1824), английский поэт — 173, 264, 268, 282

Балакирев Милий Алексеевич (1836—1910), композитор, пианист, дирижер, музыкально-общественный деятель, глава Могучей кучки, основатель (1862, совместно с Г. Я. Ломаниным) БМШ — 10, 11, 13, 14, 16—20, 23, 26, 86, 92, 95, 105, 110, 118, 122, 125, 139, 142, 143, 149, 172, 173, 202, 238—240, 248, 251, 264, 268, 273, 278, 279; 281—286, 288—292, 295—302, 305, 306, 309—312, 325, 326, 353, 355, 356, 359—361

Балаховский, киевский купец 1-й гильдии — 272, 363

Бамберг Мальвина Рафаиловна — см. *Кюи Мальвина Рафаиловна*

Бамберг Рафаил Леонтьевич, отец М. Р. Кюи — 40

Бамберг, семья — 38, 40

Барч Иван Мартынович (1831—1890), врач — 57

Бах Иоганн Себастиан (1685—1750), немецкий композитор, органист и клавесинист — 61, 270

Бах — см. *Стасов Владимир Васильевич*

Бахи — см. *Стасовы*

Бекетиха — см. *Бекетова*

Бекетова, жена Бекетова Андрея Николаевича (1825—1902) ботаника, в 1861—1895 гг. — профессора, в 1876—1882 гг. — ректора Петербургского университета — 49

Беккер Яков Давидович (?—1901), владелец фортепианной фабрики в Петербурге (основана в 1841 г.) — 35, 74

Беккер, фокусник — 188

Берлиоз Гектор (1803—1869), французский композитор, дирижер, музыкальный критик — 74, 84, 95, 141, 156, 188, 203, 240, 270, 289, 302

Бернард (Бернар) Николай Матвеевич (?—1905), владелец нотопечательской фирмы в Петербурге и издатель музыкального журнала «Ну-

веллист», основанных его отцом Матвеем Ивановичем Бернардом (1794—1871) — 29, 30, 263, 357, 361, 362

Бергсон Лев Бернардович (1850—1929), врач-клиницист, лейб-медик, любитель музыки — 6, 23, 353, 365

Берга, петербургский домовладелец — 213

Бессель Василий Васильевич (1843—1907), основатель (1869) и владелец нотопечательской фирмы «В. Бессель и К°» в Петербурге, издатель многих произведений композиторов Могучей кучки, издатель журнала «Музыкальный листок» (1872—1877) — 26, 31, 122, 131, 142, 146, 155, 170, 306, 309, 310, 315, 316, 325—328, 331, 343

Бессель Иван Васильевич, брат В. В. Бесселя — 155, 162, 319

Бетховен Людвиг ван (1770—1827), немецкий композитор — 36, 56, 60, 63, 84, 111, 141, 156, 173, 267, 270, 284, 286, 362

Бианки Валентина Львовна (1839—1884), певица (сопрано), артистка Мариинского театра — 72

Бисмарк Отто Эдуард Леопольд (1815—1898), немецкий государственный деятель, министр, в 1871—1898 гг. — канцлер — 137, 198, 303, 312

Благосветлов Григорий Евлапиевич (1829—1880), журналист — 184

Блуменфельд, семья — 253

Боголюбов Алексей Петрович (1824—1896), художник-маринист — 196, 335

Борис — см. *Молаас Борис Николаевич*

Бородин Александр Порфирьевич (1833—1887), композитор, химик, общественный деятель, член Могучей кучки — 90, 107, 118, 125, 129, 156, 160, 200, 208, 212, 214, 247, 250, 251, 273, 297, 301, 304, 309, 310, 313, 320, 324, 325, 332, 336, 338, 340, 355, 359, 360

Бородина Екатерина Сергеевна (1832—1887), пианистка, композитор, жена А. П. Бородина — 308, 324

Бородины — 297

Бороздин Николай Александрович (1827—1900), судебный деятель, музыкант-любитель, автор романсов и фортепианных пьес, близкий балакиревскому кружку — 38, 43, 45, 290

Боткин Сергей Петрович (1832—1889), врач (терапевт), один из основоположников русской клинической медицины, с 1861 г. — профессор Медико-хирургической академии, любитель музыки — 81

Бортнянский Дмитрий Степанович (1751—1825), композитор, с 1796 г. — директор Придворной певческой капеллы — 43

Бошняки, семья знакомых Мусоргского в Херсоне — 254

Брамante Донато д'Аньола (1444—1514), итальянский архитектор — 240

Брандус — см. *Брандюз*

Брандюз, парижский нотоиздатель — 250

Брейдф, медиум — 188, 332

Брендель Карл Франц (1811—1868), историк музыки, журналист, педагог — 75

Бровцин Алексей Александрович (1834—1890-е гг.), моряк, в 1877—1880 гг. — командир плавучего дока в Николаеве — 249

Брюс Яков Вильяминович (1670—1738), автор знаменитого «Брюсова календаря», изд. в 1709—1715 гг. с предсказаниями событий до 1821 г. — 351

Бурцев (Бурцов) Николай Алексеевич (?—1869), новгородский помещик, знакомый Мусоргского — 39

Бурцевы — 279

Быков Петр Васильевич (1843—1930), критик и библиограф, редактор журнала «Всемирная иллюстрация» — 342

Вагнер Рихард (1813—1883), немецкий композитор, дирижер, драматург, музыкальный критик — 95, 111, 207, 284, 287

Валуев Петр Александрович (1815—1890), министр внутренних дел в 1860-х гг.; в 1879—1881 гг. — председатель Комитета министров — 323

Ванлярский Федор Ардалионович (1833—1903), член совета особого отдела Государственного дворянского банка, товарищ Мусоргского по Школе гвардейских подпрапорщиков, любитель музыки, — 29, 188, 267, 357

Варфоломеев, знакомый Мусоргского и Шиловских — 43

Васенька — см. *Захарьин Василий Васильевич*

Василий Васильевич — см. *Бессель Василий Васильевич*

Васильев Василий Васильевич, военный врач, окончивший в 1870 г. Медико-хирургическую академию, певец-любитель (тенор), участник музыкальных собраний балакиревского кружка — 25, 31, 128, 309

Васильева, жена В. В. Васильева — 128

Вебер Карл Мариа (1786—1826), немецкий композитор — 111

Вельфль Йозеф (1772—1812), немецкий композитор — 172

Венявский Генрик (1835—1880), польский скрипач и композитор — 83

Вердеревский Василий, товарищ Мусоргского по Школе гвардейских подпрапорщиков — 152

Верди Джузеппе (1813—1901), итальянский композитор — 207, 337

Верещагин Василий Васильевич (1842—1904), живописец, писатель — 8, 242, 266, 353—355

Верещагин Николай Васильевич (1839—1907), основатель первых русских сыроварен на артельных началах и школы молочного хозяйства в с. Евдокимово Тверской губернии, брат В. В. Верещагина — 354

Веригина Софья Яковлевна (урожд. Булгари) (?—1898), любительница музыки, приятельница Д. В. Стасова и А. Г. Рубинштейна, действительный член РМО с первого года его существования — 40

Верстовский Алексей Николаевич (1799—1862), композитор, музыкальный деятель — 55, 92, 284

Вирхов Рудольф (1821—1902), врач и антрополог — 270

Витюшка — см. *Гартман Виктор Александрович*

Владимир Федорович — см. *Пургольд Владимир Федорович*

Воейков, знакомый Мусоргского — 198

Волков И., московский пианист — 284

Волконская, воспитанница Смольного института — 144

Вольф, учитель музыки А. А. Демидова в Москве — 56

Воробьева-Петрова — см. *Петрова-Воробьева Анна Яковлевна*

Гаевский Виктор Павлович (1826—1888), учредитель и председатель Литературного фонда, историк литературы — 128

Гайдн Йозеф (1732—1809), австрийский композитор — 284

- Галлер Константин Петрович (1845—1888), композитор, педагог, музыкальный критик — 254
- Гартман Виктор Александрович (1834—1873), архитектор — 6, 8—10, 13, 126, 158, 159, 266, 269, 320, 328
- Гартманы — 121
- Гашенька — см. *Ломакин Гавриил Якимович*
- Геденов Степан Александрович (1815—1878), археолог, историк литературы, в 1867—1875 г. — директор имп. театров — 115—117, 129, 298, 299, 303, 309, 315, 324, 365
- Гедианов Лука Степанович (1774—1843), князь, отец А. П. Бородина — 320
- Гейне Генрих (1797—1856), немецкий поэт — 20, 105, 150, 317, 324
- Гектор (Nector) — см. *Берлиоз Гектор*
- Геморой — см. *Верстовский Алексей Николаевич*
- Гендель Георг Фридрих (1685—1759), немецкий композитор — 112
- Генерал, генерал-Бах, генералиссимус, генерал от фельетонов — см. *Стасов Владимир Васильевич*
- Гервинус Георг Готфрид (1805—1871), немецкий историк, политический деятель — 270
- Герке Антон Августович (1812—1870), пианист, педагог, с 1862 г. — профессор Петербургской консерватории — 267, 361
- Гермес Николай Николаевич, знакомый Мусоргского — 256
- Герольд Луи Жозеф Фердинан (1791—1833) — 32
- Герц Анри (1803—1888), французский композитор и пианист — 267
- Гёте Иоганн Вольфганг (1749—1832), немецкий поэт — 71, 72, 269, 286, 287, 360
- Гинсбург — см. *Гинцбург Гораций Осипович*
- Гинцбург Анна, баронесса, жена ориенталиста Давида Горацевича Гинцбурга (1857—1910) — 229
- Гинцбург Гораций Осипович, банкир — 47
- Глинка Михаил Иванович (1804—1857), композитор — 23, 141, 156, 181, 217, 248, 250—253, 258, 259, 264, 287, 288, 291, 303, 312, 318, 336, 353, 356, 357
- Глюк Христоф Виллибальд (1714—1787), немецкий композитор — 32, 40, 270
- Гоголь Николай Васильевич (1809—1852), писатель — 11, 12, 23, 103, 141, 179, 232, 261, 266, 269, 300, 325, 360
- Годунов Борис Федорович (ок. 1551—1605), царь с 1598 г. — 124
- Голенищев, капитан в Николаеве — 249
- Голенищев-Кутузов Арсений Аркадьевич (1848—1913), поэт — 7, 8, 11—13, 15, 16, 21, 22, 27, 31, 32, 34, 149, 150, 156, 182, 189, 196, 197, 210, 211, 266, 269, 316—318, 320, 328, 337, 339, 340, 349—351, 353, 354, 356, 357, 366
- Голенищев-Кутузов Петр Аркадьевич, брат А. А. Голенищева-Кутузова — 152, 197
- Голенищева-Кутузова Ольга Андреевна (урожд. Гулевич) (1860—1924), жена А. А. Голенищева-Кутузова — 22, 31, 211, 233, 235, 242, 257, 342, 351, 357
- Голенищева-Кутузова Прасковья Петровна (урожд. Петрова) (?—1900), мать А. А. Голенищева-Кутузова — 151, 178, 184, 195, 199, 200, 204, 233, 235, 242, 357
- Голицын Василий Васильевич (1643—1714), государственный деятель в правление царевны Софьи Алексеевны (1682—1689) — 311
- Голицын Юрий Николаевич (1823—1872), композитор, хоровой дирижер, организатор и руководитель хора — 53
- Гольбах Поль Анри (1723—1789), французский философ-материалист — 286
- Гомер (XII—XI вв. до н. э.), легендарный эпический поэт Древней Греции — 141
- Гончаров Иван Александрович (1811—1891), писатель — 282
- Горбунов Иван Федорович (1881—1895), актер, писатель, историк театра — 28, 30, 151, 155, 258, 259, 318, 357
- Гордеев Василий Иванович, певец (тенор), артист русской оперы — 73, 287
- Графиня-татап — см. *Голенищева-Кутузова Прасковья Петровна*
- Грейг Алексей Самойлович (1775—1845), главный командир черноморского флота и Севастопольский губернатор — 254, 355
- Грессер Ю., владелец музыкального магазина в Москве — 53, 284
- Грибоедов Александр Сергеевич (1795—1829), драматург, поэт, пианист, композитор, дипломат — 44, 133, 281, 311, 337

- Григорьев Дмитрий Васильевич (1822—1899), писатель — 161, 268, 321
- Гридин Федор Дмитриевич (1844—1917), журналист, переводчик, гражданский муж Д. М. Леоновой — 244, 248, 366
- Громова Анна Ивановна, жена петербургского купца-миллионера, любителя музыки Ильи Федуловича Громова, любительница музыки, приятельница Л. И. Шестаковой — 230, 342
- Гуд Томас (1798—1845), английский поэт — 313
- Гуно Шарль (1818—1893), французский композитор — 74, 288
- Гуссакевич — см. *Гуссаковский Аполлон Сильвестрович*
- Гуссаковский Аполлон Сильвестрович (1841—1875), композитор, один из участников балакиревского кружка, химик-почвовед — 36, 50—55, 61, 278, 282—284
- Гуссак — см. *Гуссаковский Аполлон Сильвестрович*
- Гэна — см. *Антокольская Елена Юлиановна*
- Губнер Юлий Юльевич, врач, друг семьи Кюи — 97, 105, 122, 202, 297
- Гюго Виктор (1802—1885), французский писатель, поэт — 190, 275, 320
- Давидович Елизавета Леонидовна (род. 1902), искусствовед — 6
- Дарвин Чарльз Роберт (1809—1882), английский естествоиспытатель — 140, 141, 198
- Дарго, Даргопех, Даргун, Даргунчик — см. *Даргомыжский Александр Сергеевич*
- Даргомыжский Александр Сергеевич (1813—1869) композитор — 17, 23, 25, 32, 43, 47, 52, 61, 75, 76, 82, 95, 97—99, 117, 141—144, 248, 251, 267, 268, 278, 285, 287, 288, 291, 292, 297—299, 302, 307, 309, 314, 321, 361
- Даргомыжский Сергей Николаевич (1789—1864), отец А. С. Даргомыжского — 75, 288
- Дарья Михайловна — см. *Леонова Дарья Михайловна*
- Дедушка — см. *Петров Осип Афанасьевич*
- Де Лазари А. М., пианистка-любительница (в Херсоне) — 253
- Де-Лазари, семья любителей музыки в Херсоне — 253
- Демидов Александр Александрович (1842—1919), нижегородский помещик, знакомый Балакирева — 53, 54, 56, 284
- Демидов Григорий Александрович (1838—1871), композитор, с 1865 г. — инспектор Петербургской консерватории; товарищ Мусоргского по Преображенскому полку — 108, 300
- Димитрий — см. *Стасов Дмитрий Васильевич*
- Директор — см. *Гедеонов Степан Александрович*
- Дмитрий Иванович Донской (1350—1389), великий князь всея Руси с 1359 г. — 44
- Добролюбов Николай Александрович (1836—1861), революционный демократ, литературный критик — 257, 356
- Донья Анна-Лаура — см. *Пургольд Александра Николаевна*
- Достоевский Федор Михайлович (1821—1881), писатель — 268, 361
- Дубинштейн — см. *Рубинштейн Антон Григорьевич*
- Дюпюи (Dupuis) хормейстер у Шиловских — 43
- Дютур Надежда Петровна (в замуж. Кларк) (1852—1920), дочь В. В. Стасова и С. Н. Дютур — 327, 355
- Дюшмен-Кушелева Нина Владимировна (р. 1911), педагог, внучка Н. Е. Кушелевой — 362
- Дяинька — см. *Никольский Владимир Васильевич*
- Евдокимов Василий, неуставленное лицо — 172
- Егарев, владелец популярного в 1870 г. увеселительного заведения в Петербурге — 196, 335
- Екатерина II Алексеевна (1729—1796) императрица (1762—1796) — 324, 349, 347
- Елена Павловна, вел. княгиня (1806—1873), покровительница РМО — 62, 98, 113, 129, 286, 297, 303
- Есипова Анна Николаевна (1851—1914), пианистка; с 1893 г. — профессор Петербургской консерватории — 188, 332
- Желябужский Иван Афанасьевич (1638—1709), дипломат, думный дворянин, автор «Записок» — 135, 162

- Жемчужников Александр Михайлович (1826—1896), писатель, один из создателей «Козьмы Прутков» — 151, 152, 198
- Жемчужников Владимир Михайлович (1830—1884), литератор, один из создателей «Козьмы Прутков», крупный чиновник, приятель Балакирева — 20, 29, 144, 357
- Жуковский Василий Андреевич (1783—1852), поэт, переводчик — 320
- Жуковский, домовладелец в Царском Селе — 222—225
- Жураховский, театральный антрепренер в Елисаветграде — 353
- Жюдик Ани (1850—1911), французская опереточная и эстрадная актриса — 187, 332
- Заремба Николай Иванович (1821—1879), музыкальный теоретик и композитор; с 1862 г. — профессор, в 1867—1871 гг. — директор Петербургской консерватории — 62, 112
- Заремба, домовладелец в Петербурге — 22, 123, 124, 151, 307
- Заржемба — см. *Заремба, домовладелец*
- Захарын Василий Васильевич (1830-е гг. — 1889), флотский офицер, певец-любитель, близкий балакиревскому кружку — 25, 42, 45, 49, 58
- Захарьина Авдотья Петровна (урожд. Арсеньева) (?—1903), пианистка-любительница, жена В. В. Захарьина — 25, 47, 50
- Захарьины — 25, 50, 282
- Иван (Иоанн) III Васильевич (1440—1505), вел. князь Московский — 44
- Иван (Иоанн) IV Васильевич, Грозный (1530—1584), царь и великий князь всея Руси (1543—1584) — 204
- Иванов Михаил Михайлович (1849—1927), музыкальный критик, композитор — 144, 254, 314
- Ишимова Александра Осиповна (1804—1881), детская писательница — 172, 326
- Кавелин Константин Дмитриевич (1818—1885), юрист, историк и публицист, профессор Московского и Петербургского университетов (до 1862 г.), затем Военно-юридической академии — 268
- Кавос Катерино Альбертович (1776—1840), итальянский композитор, работавший в России, главный дирижер русской оперы — 353
- Казак — см. *Гордеев Василий Иванович*
- Калинин Николай Иванович, певец (тенор), ученик Г. Я. Ломакина — 63
- Каменская Мария Даниловна (урожд. Вальтер) (1852—1925), певица (меццо-сопрано), в 1874—1906 гг. (с перерывом в 1886—1891 гг.) — артистка Мариинского театра — 188
- Карамзин Николай Михайлович (1766—1826), писатель и историк — 315
- Каратацци (Картацци) Иван Егорович (1838—1903), астроном, начальник астрономической и компасной обсерватории в Николаеве — 249, 250
- Каратыгин Вячеслав Гаврилович (1875—1925), музыкальный критик, композитор и педагог — 326
- Карл — см. *Шуберт Карл Богданович*
- Кармалин Николай Николаевич (1824—?), генерал, муж Л. И. Кармалиной — 180
- Кармалина Любовь Ивановна (урожд. Беленицына) (1836—1903), певица (сопрано), ученица Даргомыжского и Глинки, близкая балакиревскому кружку — 25, 30, 74, 288, 325, 329, 332
- Каррик Георгий Андреевич, врач, постоянно лечивший Мусоргского — 201
- Катенин Андрей Александрович (?—1898), композитор-любитель — 27, 171, 199, 200, 204, 234
- Катенина, жена А. А. Катенина — 204
- Кашкаров Павел Александрович, зять Даргомыжского, отец и опекун его наследников — 307
- Квей — см. *Кюи Цезарь Антонович*
- Кеневич Владислав Феофилович (1831—1879), историк и теоретик литературы — 177, 187, 204
- Киль Эрнестина Ивановна, домоправительница в семье Стасовых — 163
- Киреев, домовладелец в Петербурге — 307
- Кито, Китущка, Китишка — см. *Мусоргский Филарет Петрович*
- Клара — см. *Шуман Клара*
- Кларк Василий (Вильям) Матвеевич (1818—1893), брат жены Н. В. Стасова, Маргариты Матвеевны — 144
- Клейнеке Авдотья Константиновна (урожд. Антонова) (1809—1873), мать А. П. Бородина — 160, 320
- Кологривов Василий Алексеевич (1827—1875), музыкальный деятель, виолончелист, один из первых пяти директоров-основателей РМО — 99, 286, 297

- Кольцов Алексей Васильевич (1809—1842), поэт — 96
- Колуш, знакомый Мусоргского — 198
- Комарова-Стасова Варвара Дмитриевна (псевд. *Влад. Каренин*) (1862—1943), писательница, музыковед, дочь Д. В. и П. С. Стасовых — 23, 30, 32, 307, 326, 360—362
- Комиссаржевский Федор Петрович (1838—1905), певец (тенор), в 1863—1878 гг. — артист Мариинского театра — 269
- Компанейский Николай Иванович (1849—1910), музыковед — 283
- Кондрачев Геннадий Петрович (1834—1905), певец (баритон); в 1865—1872 гг. — артист, а в 1872—1900 гг. — главный режиссер Мариинского театра — 195, 199, 205, 315
- Коноплева Ирина Александровна (р. 1910), научный сотрудник ГПБ — 6
- Константин, лакей Мусоргских — 63
- Коппе Франсуа (1842—?), французский поэт — 156, 320
- Корницкий, киевский купец 1-й гильдии — 272, 361
- Корсик, Корсиканский адмирал, Корсинья — см. *Римский-Корсаков Николай Андреевич*
- Корф — 323
- Корш Валентин Федорович (1828—1883), историк литературы, журналист, редактор-издатель (1863—1874) «С.-Петербургских ведомостей» — 292
- Косецкая Е. Р., певица (сопрано), артистка Киевской оперы — 188
- Костомаров Николай Иванович (1817—1885), историк и писатель — 268, 269, 362
- Костюрина Мария Измайловна — см. *Федорова Мария Измайловна*
- Крамской Иван Николаевич (1837—1887), живописец, педагог, художественный критик, общественный деятель — 243, 354
- Красильников Александр Федорович, царскосельский купец 1-й гильдии — 363
- Крекшин Петр Никифорович (1684—1763), историк царствования Петра I — 135
- Кругликов Семен Николаевич (1851—1910), музыкальный критик, деятель БМШ, с 1881 г. — профессор, в 1898—1901 гг. — директор Филармонического училища в Москве — 359
- Крупский Кирилл Кириллович, священник, законоучитель в Школе гвардейских подпрапорщиков, знаток старинной церковной музыки — 267
- Крылов Виктор Александрович (псевдоним *Виктор Александров*) (1838—1906), поэт, драматург, переводчик — 309
- Кутателадзе Лариса Михайловна (р. 1902), музыковед — 6
- Кутузов — см. *Голенищев-Кутузов Арсений Аркадьевич*
- Кушелева Наталья Егоровна, жена родственника Мусоргского по матери, Луки Кушелева — 60, 61, 286
- Кушелевы — 362
- Кюи Александр Цезаревич (1860-е гг. — после 1917), сын Ц. А. Кюи, крестьянин Мусоргского — 23, 122, 170, 306, 324
- Кюи Лидия Цезаревна (1872 — ?), дочь Ц. А. Кюи, по мужу Амореtti — 170, 306, 324
- Кюи Мальвина Рафаиловна (урожд. Бамберг) (1836—1899), певица-любительница, ученица Даргомыжского, жена Ц. А. Кюи — 23, 72, 78, 98, 104, 281, 295, 306
- Кюп Цезарь Антонович (1835—1918), композитор, музыкальный критик, член балакиревского кружка, специалист по фортификации — 6, 8, 14, 17, 23, 28, 30, 32, 38, 40, 41, 49, 54, 55, 59, 63, 69, 70, 72, 77, 79, 82, 83, 87, 93, 99, 101, 106, 116, 120, 124, 126, 131, 142, 144, 146, 160, 170, 175, 176, 190, 200, 202, 214, 251, 268, 271, 275, 281, 284—287, 290, 291, 295, 297—301, 303, 306, 309, 310, 313—316, 320, 325, 327, 328, 333, 335, 337, 340, 351, 355, 359—361, 365
- Кюи, семья — 43, 44
- Лаверецкий Николай Акимович (1837—1907), скульптор — 213, 341
- Лавров, певец (бас) — 248
- Лавровская Елизавета Андреевна (в замужестве Цертелева) (1845—1919), певица (меццо-сопрано), в 1868—1872 гг. — артистка Мариинского театра — 248
- Лазарев Михаил Петрович (1788—1851), адмирал — 254
- Ламанский Владимир Иванович (1833—1914), славист-историк, академик — 268
- Ламм Павел Александрович (1882—1951), музыковед, текстолог и пианист — 6
- Ланг, владелец дено роялей в Москве — 53

Лара, неуставленное лицо — 49, 282
 Ларин Николай Константинович, зна-
 комый Мусоргского — 198
 Ларош Герман Августович (1845—
 1904), музыковед, музыкальный
 критик — 26, 135, 136, 254, 307, 329,
 333
 Лафатер Иоганн Каспар (1741—1801),
 швейцарский философ, физионо-
 мист — 40
 Левашов Николай Александрович, това-
 рищ Мусоргского по Школе гвар-
 дейских подпоручиков — 52, 57
 Левицкий Сергей Львович (1819—1898),
 дагеротипист и фотограф — 336
 Леонид — см. *Логинов Леонид*
 Леонова Дарья Михайловна (1829—
 1896), певица (контральто), учени-
 ца Глинки; в 1852—1873 гг. — арти-
 стка петербургской русской опе-
 ры — 6, 19, 23, 242, 244—249, 252,
 254, 256, 269, 353—356, 358, 361
 Лермонтов Михаил Юрьевич (1814—
 1841), поэт — 13, 141, 149, 287
 Лешетинский Теодор (Федор) Осипович
 (1830—1915), польский композитор,
 пианист; с 1852 г. жил в России;
 до 1878 г. — профессор Петербург-
 ской консерватории, затем педагог
 в Вене — 69, 128
 Лжедмитрий, царь московский в
 1505—1506 гг. — 327
 Лигист — см. *Арсеньев Александр*
Петрович
 Лист Ференц (1811—1886), венгерский
 композитор, пианист и писатель о
 музыке — 53, 95, 96, 147, 154—156,
 158, 162, 164, 166, 207, 247, 251, 267,
 270, 292, 316, 319—321, 325
 Литовченко Александр Дмитриевич
 (1835—1890), исторический живопи-
 сец — 243, 354
 Лобковский Михаил Михайлович, на-
 чальник Мусоргского в Лесном де-
 партаменте — 186, 321, 332
 Логинов Леонид Алексеевич, сожитель
 Мусоргского по «коммуне» — 74
 Логинов Петр Алексеевич, сожитель
 Мусоргского по «коммуне», брат
 Л. А. Логинова — 74
 Лодий Петр Андреевич (1855—1920),
 певец (тенор), педагог, в 1878—
 1880 гг. — артист Мариинского те-
 atra — 230, 231, 233
 Лодыженские — 101
 Лодыженский Николай Николаевич
 (1842—1916), дипломат, композитор-
 любитель, близкий балакиревскому
 кружку в 1866—1877 гг. — 22, 123,
 128, 297, 298, 306

Ломакин Гавриил Якимович (1812—
 1885), хоровой дирижер, основатель
 (1862, совместно с Балакиревым)
 БМШ — 63, 173, 264, 285, 286
 Лукашевич Николай Алексеевич (1821—
 после 1894), с 1851 г. — хранитель
 картинной галереи Эрмитажа и од-
 новременно с 1868 г. — главный
 гардеробмейстер, а в 1879—1881 гг.
 — начальник репертуарной части и
 заведующий декорационной и гар-
 деробной частью имп. театров — 126,
 171, 269, 308, 324, 325
 Лукка Паулина (1841—1908), итальян-
 ская певица (сопрано), неодно-
 кратно выступавшая в Петербур-
 ге — 308
 Лукьянов Иван, священник, автор со-
 чинения «Путешествие в Святую
 землю» — 139
 Львов Алексей Федорович (1798—1870),
 скрипач, композитор; в 1837—
 1861 гг. — директор Придворной
 певческой капеллы — 287
 Львов Леонид Федорович, в 1861—
 1864 гг. — управляющий московски-
 ми имп. театрами, брат А. Ф. Льво-
 ва — 55, 284
 Любонька — см. *Миллер Любовь Федо-
 ровна*
 Людмила Ивановна — см. *Шестакова*
Людмила Ивановна
 Лядов Анатолий Константинович
 (1855—1914), композитор; с 1878 г. —
 преподаватель, затем профессор
 Петербургской консерватории —
 160, 252, 355
 Лядов Константин Николаевич (1820—
 1871), дирижер Петербургской рус-
 ской оперы, композитор, отец
 А. К. Лядова — 57, 160, 263, 285, 359
 Мадевайз Георг фон, композитор-любитель
 (?), знакомый Мусоргского, гу-
 вернер Кушелевых (?) («горячий
 пруссак») — 60, 61, 270, 286, 362
 Макаров Евгений Кириллович (1842—
 1884), художник — 158
 Маковский Владимир Егорович (1846—
 1920), живописец, педагог — 354
 Маковский Константин Егорович (1839—
 1915), портретист и исторический
 живописец — 329
 Максимилиан Фердинанд (1832—1867),
 в 1863—1867 гг. — мексиканский
 император — 88, 292
 Макухины, семья героя Севастополь-
 ской обороны Николая Павловича

- Макухина (1835—1893), моряка, знакомого В. В. Стасова — 254
- Мальвина — см. *Кюи Мальвина Рафаиловна*
- Мальвинин Алкивиад — см. *Кюи Цезарь Антонович*
- Мальтус Томас Роберт (1766—1834), английский экономист, автор сочинения «Опыт о народонаселении» (русский перевод в 1868 г.) — 134, 137
- Мамонтов — 157
- Мария Федоровна (1759—1828), императрица, жена Павла I, учредительница ряда женских учебных заведений — 144
- Маркова, неустановленное лицо — 49, 282
- Матвеев Андрей Артамонович (1666—1728), граф, государственный деятель, автор описания стрелецкого бунта — 135, 162
- Матен, граф, изобретатель лекарства — 244, 354
- Медведев Сильвестр, автор «Записок» из времен царя Алексея Михайловича — 135
- Медведева — см. *Фортуна Софья Владимировна*
- Мей Лев Александрович (1822—1862), поэт, драматург, переводчик — 149, 204, 268
- Мейендорф Ольга Александровна (урожд. Горчакова), баронеса, близкий друг Листа в последние годы его жизни — 154
- Мейндорф, домовладелец в Петербурге — 52
- Мейер Александр Васильевич, друг семьи Стасовых, брат доктора Н. В. Мейера, выведенного Лермонтовым в «Герое нашего времени» под именем доктора Вернера — 161, 194, 223, 255, 260, 304, 334, 358
- Мейербер Джакомо (1791—1864), французский композитор — 305, 337
- Мекк Надежда Филаретовна, фон (1831—1894), владелица железнодорожных концессий, любительница музыки, друг Чайковского — 312
- Мекленбург-Стрелицкая Екатерина Михайловна (1827—1895), великая княгиня, дочь вел. кн. Елены Павловны — 188
- Мелихов, петербургский домовладелец — 135, 157, 320
- Мельников Иван Александрович (1832—1906), певец (баритон), в 1867—1892 гг. — артист Мариинского театра — 188
- Менген Георгий Федорович (1836—1902), военный (умер в чине генерал-майора), товарищ Мусоргского по Школе гвардейских подпорщиков — 50, 279, 282, 292
- Менген Зинаида Николаевна, дочь Н. А. Бурцева — 279
- Менгден — 39, 280
- Мендель — см. *Мендельсон-Бартольди Феликс*
- Мендельсон-Бартольди Феликс (1809—1847), немецкий композитор, дирижер, музыкально-общественный деятель — 53, 56, 62, 69, 73, 84, 207, 284, 287, 288, 290, 291
- Меньшикова Александра Григорьевна (в замужестве Меньшова) (1846—1902), певица (сопрано), в 1871—1902 гг. — артистка Мариинского театра — 248
- Меньшов, генерал, муж А. Г. Меньшиковой — 248
- Меньшова-Меньшикова — см. *Меньшикова Александра Григорьевна*
- Микешин Михаил Осипович (1836—1896), художник, скульптор — 136, 254, 312, 349, 355
- Милий — см. *Балакирев Милий Алексеевич*
- Миллер Любовь Федоровна, певица-любительница, ученица и гражданская жена Даргомыжского, затем жена Энгельгардта — 43, 75, 289
- Миллер Орест Федорович (1833—1889), историк русской литературы, профессор Петербургского университета — 184
- Милорадович Елизавета Ивановна, полтавская помещица, любительница музыки — 244, 245, 248, 253
- Милорадович Михаил Александрович, любитель музыки, близкий балакиревскому кружку — 254
- Минин-Сухорукий Кузьма Захарович (? — 1616), нижегородский купец, земской староста, сформировал с князем Д. С. Пожарским ополчение в 1612 г. — 279
- Минина Юлия, певица — 170, 324
- Миф — см. *Лодыженский Николай Николаевич*
- Мифы — см. *Лодыженские*
- Михаил Антонович — см. *Фортуна Михаил Антонович*
- Михайлов Михаил Илларионович (1830—1865), поэт, революционер-демократ — 20
- Мишле Жюль (1798—1874), французский историк — 261

Младенец — см. *Фаминцын Александр Сергеевич*

Молас Александра Николаевна (урожд. Пургольд) (1844—1929), певица (меццо-сопрано) — 6, 24, 25, 30, 31, 118, 125, 184, 214—216, 234, 236, 237, 269, 273, 302—306, 342, 366

Молас Борис Николаевич, сын А. Н. Молас — 214, 234, 236, 237, 305

Молас Николай Павлович (1843—1917), художник-любитель, служащий удельного ведомства, позднее — заведующий типографией имп. театров, муж А. Н. Пургольд — 25, 366

Моласы — 159, 182, 184, 227, 351, 352

Мольер Жан Батист (наст. фамилия Поклон) (1622—1773), французский драматург — 291

Монументальный Миша — см. *Микешин Михаил Осипович*

Монферран (наст. фамилия Рикар) Огюст (1786—1858), французский архитектор, работавший в России — 320

Монишко Станислав (1819—1872), польский композитор, дирижер, педагог, музыкально-общественный деятель — 83, 268, 275, 291, 361

Мордовцев Даниил Лукич (1830—1905), писатель — 182

Мордух — см. *Антокольский Марк Маркович*

Морозов Александр Степанович, управляющий имением в с. Кареве — 28, 225, 226, 349

Морозова Мария Михайловна, жена А. С. Морозова — 28, 225, 226, 349

Мосоловы, знакомые Мусоргского в Полтаве — 244

Моцарт Вольфганг Амадей (1756—1791), австрийский композитор — 32, 40

Муза Евтерпа — см. *Елена Павловна*

Мук Карл (1859—1940), немецкий дирижер — 358

Мусоргская Татьяна Павловна (урожд. Балкашина) (1837—1897), жена Ф. П. Мусоргского — 81, 297

Мусоргская Ирина Егоровна, бабушка композитора — 151, 318

Мусоргская Надежда Алексеевна, тетка композитора — 49, 282, 318

Мусоргская Олимпиада Алексеевна, тетка композитора — 318

Мусоргская Юлия Ивановна (урожд. Чирикова) (1814—1865), мать композитора (taman) — 42, 45, 47, 49, 50, 57, 58, 70, 178, 267, 363, 364

Мусоргский Алексей Григорьевич, военный, дед композитора — 318

Мусоргский Петр Алексеевич (?—1853),

псковский помещик, отец композитора — 267, 272, 318, 361, 363

Мусоргский Филарет (Евгений) Петрович (1836—1890 или 1891), брат композитора — 36—42, 45, 47—50, 53, 57, 58, 63, 122, 279, 296, 291, 297, 342, 361, 363, 364

Мустафа — см. *Арсеньев Александр Петрович*

Мышецкий, князь, один из участников раскола, автор повествования «Глыбь» — 135

Мясоедов Григорий Григорьевич (1835—1912), живописец — 254

Надежда Васильевна — см. *Стасова Надежда Васильевна*

Надежда Петровна — см. *Опочинина Надежда Петровна*

Наполеон I Бонапарт (1769—1821), французский император с 1804 г. — 132, 311

Направник Эдуард Францевич (1839—1916), композитор и дирижер; чех по национальности, с 1861 г. переселился в Петербург; с 1863 г. — дирижер, с 1869 г. — главный дирижер Мариинского театра — 25, 26, 30, 145, 147, 224, 225, 315, 327, 359, 365

Наумов Александр Павлович, старший сын П. А. Наумова — 245

Наумов Павел Александрович (серед. 1830-х гг. — конец 1880-х гг.), приятель Мусоргского — 22, 27, 30, 31, 151, 196, 198, 204—206, 213, 214, 222, 227, 255, 335, 338, 341, 346, 351, 352, 354, 355

Наумов Сергей Петрович, сын П. А. Наумова («Сергучок») — 27, 30, 31, 227

Невестунка — см. *Мусоргская Татьяна Павловна*

Нейман Анжело (1838—1910), певец, дирижер, антрепренер — 356

Некрасов Николай Алексеевич (1821—1878), поэт — 12, 13, 149, 263, 268

Неронов Ф. П., знакомый Балакирева и В. М. Жемчужникова, член группы, материально поддерживавшей Мусоргского — 357

Николай I Павлович (1796—1855), император (1825—1855) — 13, 267, 281

Никольская Анна Васильевна (1840-е гг. — 1919), сестра В. В. Никольского, приятельница и компаньонка Л. И. Шестаковой — 78, 85, 90, 104, 327

Никольская Мария Ивановна (урожд. Скроботова), жена В. В. Никольского — 104, 326

- Никольский Владимир Васильевич (1836—1883), историк, литературовед, профессор и инспектор Александровского лицея, профессор Петербургской духовной академии—12, 15, 16, 20, 21, 30, 79, 85, 100, 109, 123, 194, 217, 230, 231, 251, 269, 273, 286, 297, 301, 303, 310, 334, 362
- Никон (1605—1670-е гг.), патриарх всея Руси (1652—1666)—43, 44, 281
- Нисен-Саломан Генриетта (1819—1879), шведская певица (сопрано), педагог, с 1859 г.—профессор музыкальных классов РМО, а затем петербургской консерватории—95, 296
- Норде Бланш, артистка оперетты, выступавшая в Петербурге в 70-х гг.—181, 330
- Обер Даниэль Франсуа Эспри (1782—1871), французский композитор—279, 306
- Олсуфьев, домовладелец в Петербурге—78, 111
- Оля—см. *Шестакова Оля*
- Опекушин Александр Михайлович (1840—1923), скульптор—355
- Опочинин Александр Петрович, старший (1805—1887), крупный чиновник, начальник архива Инженерного департамента, певец-любитель (бас)—114, 118, 140, 188, 297, 301
- Опочинин Владимир Петрович (1810—1889), моряк, контр-адмирал, певец-любитель (бас), ученик А. С. Даргомыжского—116
- Опочинин «малый», родственник Опочининых, неустановленное лицо—109
- Опочинина Надежда Петровна (1821—1874), сестра А. П. и В. П. Опочининых, друг Мусоргского—108, 297, 301, 313
- Опочинины—98, 114, 305, 307
- Оркестр—см. *Пургольд Надежда Николаевна*
- Орлов Алексей Георгиевич (р. 1938), журналист—6
- Орлов Дмитрий Александрович (1842—1919), певец (тенор); в 1869—1890 гг.—артист Мариинского театра—143, 314
- Орлов Михаил Георгиевич (р. 1938), инженер—6
- Островский Александр Николаевич (1823—1886), драматург—264, 337, 352
- Островский Михаил Николаевич (1817—1901), крупный чиновник; в 1881—1893 гг.—министр государственных имуществ, брат драматурга—29, 350, 357
- Оффенбах Жак (1819—1880), французский композитор—332
- Павел Александрович—см. *Наумов Павел Александрович*
- Павлов Платон Васильевич (1823—1895), профессор истории и теории искусства, основатель воскресных народных школ—182, 196, 197, 314
- Палестрина Джованни Пьерлуиджи (1524 или 1525—1594), итальянский композитор—270
- Папхон—см. *Наумов Павел Александрович*
- Паскалов Виктор Никандрович (1841—1885), композитор—138, 139, 312, 313
- Патти Аделина (1843—1919), итальянская певица (колоратурное сопрано)—112
- Пахомыч—см. *Никольский Владимир Васильевич*
- Пашенко, семья любителей музыки в Херсоне—253
- Перевлевский Петр Миронович, преподаватель русского языка в Школе гвардейских подпрапорщиков—103
- Перов Василий Григорьевич (1838—1882), живописец—137, 312
- Петенька—см. *Логинов Петр*
- Петерсен Павел Леонтьевич (1831—1895), пианист, педагог; с 1871 г.—совладелец фортепианной фабрики «Я. Беккер» (совместно с М. А. Битеншамом)—215
- Петр—см. *Голенищев-Кутузов Петр Аркадьевич*
- Петр I Алексеевич (1672—1725), император—311, 342
- Петра, Петруша—см. *Бороздин Николай Александрович*
- Петров Осип Афанасьевич (1807—1878), певец (бас), ученик Глинки; с 1830 г.—артист петербургской русской оперы—117, 181, 182, 188, 212, 213, 217, 239, 245, 251, 252, 269, 330, 336—342, 350, 353
- Петрова Екатерина Осиповна, стенографистка, дочь О. А. и А. Я. Петровых—183, 184, 193
- Петрова-Воробьева Анна Яковлевна (1816—1901), певица (контральто); в 1832—1845 гг.—артистка петербургской русской оперы; жена О. А. Петрова—195, 233, 252, 350
- Петровы—170, 183, 184, 195, 221, 335, 336

- Петухов Михаил Онисифорович (псевд. М. П.) (1843—1895), музыковед и критик, окончил Школу гвардейских подпрапорщиков, чиновник военного ведомства — 360
- Петя — см. *Чайковский Петр Ильич*
- Пивоварова Наталья Федоровна, педагог, внучатая племянница Стасовых, воспитывавшаяся в их семье — 327
- Пий IX, граф Мاستан-Феретти (1792—1878), с 1846 г. — папа римский; в 1870 г. установивший догмат о непогрешимости папы, в 1870 г. лишился Рима, в 1871 г. начал «культуркампф» с Германией — 80
- Писемский Алексей Феофилактович (1820—1881), писатель — 264
- Пифагор (ок. 580—500 до н. э.), греческий философ-математик — 260
- Платон — см. *Павлов Платон Васильевич*
- Платонова Юлия Федоровна (наст. фамилия Гардер, по мужу Тванева) (1841—1892), певица (сопрано), педагог; в 1863—1876 гг. — артистка Мариинского театра — 185, 228, 269, 308, 324, 331, 349, 365
- Пожарский Дмитрий Михайлович (1578—1641), деятель Смутного времени, начальник нижегородского ополчения — 279
- Поляков Самуил Соломонович (1837—1888), владелец железных дорог — 245, 354
- Помазанский Иван Александрович (1848—1918), арфист, хормейстер, дирижер, композитор; с 1868 г. — артист оперного оркестра Мариинского театра — 142, 188
- Попов Андрей Александрович (1821—1898), адмирал, строитель круглого броненосца, названного в его честь «Поповка» — 355
- Попов, домовладелец в Павловске — 77
- Прахов Андриан Викторович (1846—1916), историк искусства и археолог, профессор Петербургского университета — 169, 324
- Прахов Мстислав Викторович (псевдоним *Фавн с флейтой*) (1840—1879), филолог, переводчик, педагог — 169, 324
- Президент — см. *Стасов Александр Васильевич*
- Приндик, чешский пианист — 248
- Прокопий Герасимович — см. *Шемаев Прокопий Герасимович*
- Прохаска Людвиг (1837—1888), чешский композитор и вокальный педагог — 83
- Пугачев Емельян Иванович (ок. 1730—1775), донской казак, предводитель крестьянского восстания — 356
- Пуни Цезарь (1805—1870), итальянский композитор, с 1851 г. работавший в Петербурге при имп. театрах в звании «сочинителя балетной музыки» — 48
- Пургольд Александра Николаевна — см. *Молас Александра Николаевна*
- Пургольд Анна Антоновна (урожд. Марцинкевич) (1810?—1870), мать А. Н. Молас и Н. Н. Римской-Корсаковой — 304
- Пургольд Владимир Федорович (1818—1895), крупный чиновник, любитель музыки, дядя А. Н. Молас и Н. Н. Римской-Корсаковой — 110, 126, 130, 269, 273, 308
- Пургольд Надежда Николаевна — см. *Римская-Корсакова Надежда Николаевна*
- Пургольды — 118, 119, 125, 127, 139, 305, 308, 310, 314
- Пушилов Константин Николаевич (1840 — после 1896), скрипач — 73
- Пушкин Александр Сергеевич (1799—1837) — 11, 12, 141, 149, 204, 205, 232, 268, 315, 317, 333, 337, 352
- Разумовский Дмитрий Васильевич (1818—1889) историк церковного пения, профессор Московской консерватории, протоиерей — 154, 162
- Раухфус Карл Андреевич (1835—1915), врач (педиатр и ларинголог); с 1869 г. — директор и главный врач детской больницы Ольденбургского в Петербурге — 318
- Редер Карл Готтлиб (1812—1883), основатель (1846) и владелец крупнейшей в Европе нотопечатни в Лейпциге, обслуживавшей множество нотопечатательств — 174, 240, 326
- Райнеке Карл Генрих Карстен (1824—1910), немецкий композитор, пианист, дирижер — 53
- Репин Илья Ефимович (1844—1930), живописец — 8, 11, 16, 25, 30, 128, 137, 141, 156, 158, 196, 202, 238, 243, 254, 309, 310, 316, 317, 335, 336, 352, 354
- Репина Вера Алексеевна (1855—1918), жена И. Е. Репина — 148, 158, 316
- Репина Вера Ильинишна (1872—1948), дочь И. Е. Репина — 148, 158, 316
- Риман Гуго (1849—1919), теоретик и

- историк музыки, составитель энциклопедического музыкального словаря — 360, 361
- Римлянин — см. *Римский-Корсаков Николай Андреевич*
- Римская-Корсакова Надежда Николаевна (урожд. Пургольд) (1848—1919), пианистка, композитор, жена Н. А. Римского-Корсакова — 24, 25, 30, 31, 118, 125, 126, 139, 203, 219, 269, 273, 302, 304, 305, 307, 308, 313, 314, 337, 343
- Римская-Корсакова Софья Николаевна (в замужестве Троицкая) (1875—1943), старшая дочь Н. А. и Н. П. Римских-Корсаковых — 219, 343
- Римские-Корсаковы, семья — 19, 323
- Римский-Корсаков Андрей Николаевич (1878—1940), музыковед, сын Н. А. Римского-Корсакова — 6, 15, 21, 26, 27, 30—33, 301, 306, 313, 315, 342, 354, 355, 358, 360, 362
- Римский-Корсаков Владимир Николаевич (1882—1970), скрипач, музыковед, сын Н. А. Римского-Корсакова — 341
- Римский-Корсаков Михаил Николаевич (1873—1951), биолог; старший сын Н. А. Римского-Корсакова — 169, 219, 324, 343
- Римский-Корсаков Николай Андреевич (1844—1908), композитор, дирижер, педагог, музыкальный деятель, член балакиревского кружка — 5, 7, 9, 10, 12, 16, 19—22, 25, 26, 30, 32, 59, 61, 63, 79, 86, 89, 93, 98, 99, 104, 110, 124, 125, 127, 129, 142, 149, 154, 160, 161, 169, 197, 202, 214, 240, 251, 268, 273, 285, 286, 292, 293, 295, 297—310, 313, 320, 325, 328, 329, 333—335, 337, 339, 340, 343, 347, 355, 357—359, 361, 366
- Риттер, домовладелец в Петербурге — 47
- Розанов Александр Семенович (р. 1910), музыковед — 6
- Романовы, династия русских царей (1613—1917) — 44
- Росси Карл Иванович (1775—1849), итальянский архитектор, живший и работавший в России — 13, 281
- Ростислав — см. *Толстой Феофил Матвеевич*
- Рубин — см. *Рубинштейн Антон Григорьевич*
- Рубинштейн Антон Григорьевич (1829—1894), пианист, композитор, дирижер, педагог, музыкальный деятель, основатель и в 1862—1867 гг. и 1887—1891 гг. — директор Петербургской консерватории — 15, 23, 51, 53—55, 59, 61, 62, 80, 83, 108, 124, 125, 263, 268, 275, 284, 290, 306, 307
- Рубинштейн Николай Григорьевич (1835—1881), пианист, дирижер, педагог, музыкально-общественный деятель, основатель Московской консерватории, в 1866—1881 гг. ее директор — 54, 284, 307, 337
- Рубинштейн Яков Григорьевич (? — 1863), врач, брат А. Г. и Н. Г. Рубинштейнов — 69
- Руссинов Д. И., владелец театра в Николаеве — 249
- Рюмина Олимпиада Алексеевна (урожд. Бороздина) (1807—1865), статс-дама — 267
- Рюрик, легендарный варяжский витязь, основатель русского государства в 862 г. — 323
- Савина Мария Гавриловна (1854—1915), драматическая актриса; с 1874 г. — артистка Александринского театра, театрально-общественная деятельница — 352
- Садык-паша — см. *Чайковский Петр Ильич*
- Сазиков, домовладелец в Петербурге — 185
- Салтыков-Щедрин Михаил Евграфович (1826—1889), писатель — 15
- Сальм-Сальма, князь, генерал, приближенный мексиканского императора Максимилиана — 88, 292
- Самарин Юрий Федорович (1819—1896), славянофил и общественный деятель — 298
- Самарин, владелец ресторана в Москве — 44
- Санд Жорж (наст. Аврора Дюпен, в замуж. Дюдеван) (1804—1876), французская писательница — 318
- Сариотти Михаил Иванович (наст. фамилия Спроткин) (1839—1878), певец (бас); с 1864 г. — артист Мариинского театра; заведующий музыкальным отделом журнала «Всемирная иллюстрация» — 76
- Саца — см. *Наумов Александр Павлович*
- Свах — см. *Кологривов Василий Алексеевич*
- Селпачев И., ученик Балакирева — 63
- Селпачевы — 51
- Семевский Михаил Иванович (1838—1892), историк, издатель журнала

- «Русская старина», общественный деятель — 135
- Сенковский Осип Иванович (псевд. *Бабон Брамбеус*) (1800—1858), востоковед, профессор Петербургского университета, писатель, журналист — 106
- Сен-Санс Камилл (1835—1921), французский композитор, пианист, органист, автор статей о музыке — 203, 207, 337, 338
- Сергушок — см. *Наумов Сергей Павлович*
- Серов Александр Николаевич (1820—1871), композитор, музыкальный критик, музыкально-общественный деятель — 10, 41, 64, 65, 67—69, 72, 92, 93, 112, 156, 251, 287, 295, 299, 302, 305
- Серова Валентина Семеновна (урожд. Бергман) (1846—1924), композитор, писательница, общественная деятельница, жена А. Н. Серова — 295
- Синебрюхова, домовладелица в Петербурге — 149
- Скальковская Ольга Аполлоновна (1850—?), певица (сопрано); в 1875—1877 гг. — артистка Мариинского театра, жена Л. Б. Бертенсона — 23
- Скрипицын, двоюродный брат А. А. Голенищева-Кутузова — 200
- Слонимский Николай Леонидович (р. 1894), американский музыковед, дирижер и педагог, родом из России — 6
- Сметана Берджих (1824—1884), чешский композитор и пианист — 79, 81, 83, 85, 290
- Соколовский, киевский купец 1-й гильдии — 272, 363
- Соловьев Николай Феопемтович (1846—1916), композитор, музыкальный критик, педагог; в 1874—1909 г. — профессор Петербургской консерватории, с 1905 г. — управляющий Придворной певческой капеллой — 26, 254, 329, 352
- Соловьев Сергей Михайлович (1820—1879), историк — 169, 324
- Соломоновича — см. *Нисен-Саломан Генриета*
- Софокл (ок. 496—406 до н. э.), древнегреческий драматург — 263
- Софья Алексеевна (1657—1704), царевна-правительница — 243, 253, 311, 342
- Софья Владимировна — см. *Фортуна Софья Владимировна*
- Софья Ивановна — см. *Эдиет Софья Ивановна*
- Сперанский Михаил Михайлович (1772—1839), государственный деятель — 152
- Станюкович Константин Михайлович (1844—1903), писатель — 28, 31
- Стасов Александр Васильевич (1819—1904), брат В. В., Д. В. и Н. В. Стасовых — 45, 149, 260, 317, 357
- Стасов Василий Петрович (1769—1848), архитектор, отец В. В. и Д. В. Стасовых — 45, 281
- Стасов Владимир Васильевич (1824—1906), художественный и музыкальный критик, археолог, историк искусства, идеолог Могучей кучки — 7—22, 25, 26, 29—31, 34, 38, 45, 50, 52, 53, 72, 88, 114, 124, 141, 147—149, 163, 182, 184, 198, 209, 234, 242, 252, 257, 269, 273, 279, 281, 284, 287, 289, 295, 298, 301—305, 307—316, 319—321, 323—330, 334—338, 340—343, 346, 347, 349, 351—354, 357—360, 363, 365, 366
- Стасов Дмитрий Васильевич (1828—1918), юрист, музыкально-общественный деятель, один из учредителей РМО, брат А. В., В. В. и Н. В. Стасовых — 23, 24, 30, 45, 51, 124, 125, 153, 158, 166, 176, 178, 188, 231, 261, 281, 283, 303, 307, 311, 319, 323, 324, 326, 331, 332, 334, 350, 358
- Стасов Николай Васильевич (1818—1879), брат А. В., В. В. и Д. В. Стасовых — 45, 161, 224, 321, 324, 349
- Стасова Маргарита Матвеевна (урожд. Кларк), жена Н. В. Стасова — 163
- Стасова Надежда Васильевна (1822—1895), общественная деятельница в области высшего женского образования, сестра А. В., В. В., Д. В. и Н. В. Стасовых — 24, 30, 161, 251, 255, 355
- Стасова Ольга Николаевна (?—1876), дочь П. В. Стасова — 163, 321, 349
- Стасова Поликсена (Полина) Степановна (урожд. Кузнецова) (1839—1918), общественная деятельница в области высшего женского образования и детского воспитания, жена Д. В. Стасова — 9, 16, 24, 30, 154, 161, 163, 212, 229, 318, 319, 331, 338
- Стасовы — 37, 43, 49, 51, 52, 194, 209, 223, 255, 268, 279, 304, 316, 317, 320, 321, 355
- Стенбок-Фермор, петербургский домовладелец — 312

Сю Эжен (1804—1857), французский писатель — 287
Сюзор Павел Юрьевич (1844—?), архитектор — 327

Тамара, знакомые Мусоргского в Полтаве — 244

Танеев Александр Сергеевич (1850—1918), композитор, ученик Н. А. Римского-Корсакова и М. А. Балакирева, крупный чиновник — 188

Татищев, петербургский домовладелец — 166, 323

Терпигорев, знакомый Пушкина — 204
Терпигоревы — 204

Тетья — см. *Федорова (Костюрина) Мария Измайловна*

Тимофеев Григорий Николаевич (1866—1919), музыкальный критик — 30

Тихонравов Николай Саввич (1832—1893), историк русской литературы — 135, 311

Толстой Алексей Константинович (1817—1875), поэт и драматург — 196, 229, 269, 335, 346, 349

Толстой Феофил Матвеевич (псевдоним *Ростислав*) (1810—1881), музыкальный критик, композитор, либреттор — 82, 83, 112, 113, 135

Томсон — см. *Фаминцын Александр Сергеевич*

Тредьяковский Василий Кириллович (1703—1769), поэт и переводчик — 230, 235

Трепов Федор Федорович (1803—1889), петербургский градоначальник — 205, 206, 210, 340

Троицкий Иван Егорович (1834—1901), историк церкви, профессор петербургской духовной академии — 109

Троицкий Матвей Михайлович (1835—1889), философ, профессор Казанского, Варшавского и Московского университетов — 107, 300

Тупинштейн — см. *Рубинштейн Антон Григорьевич*

Тургенев Иван Сергеевич (1818—1883), писатель — 196, 268, 335

Устимович Григорий Андрианович (?—1872), знакомый Мусоргского в Москве — 56, 284

Фавн с флейтой — см. *Прахов Мстислав Викторович*

Фаминцын Александр Сергеевич (1841—1896), музыкальный критик, историк, библиограф, композитор;

в 1867—1872 гг. — профессор Петербургской консерватории, в 1869—1871 гг. — редактор журнала «Музыкальный сезон», в 1863—1880 гг. — секретарь главной дирекции РМО — 26, 112, 113, 135, 207, 208, 302, 312, 329, 333, 338

Федор Алексеевич (1661—1682), царь (1677—1682) — 311

Федор Дмитриевич — см. *Гриднев Федор Дмитриевич*

Федоров Павел Степанович (1803—1879), с 1853 г. — начальник репертуарной части Петербургских имп. театров и управляющий театральным училищем, автор водевилей — 28, 31, 145, 294, 299, 315, 333, 365

Федорова Мария Измайловна (урожд. Костюрина), невестка и гражданская жена П. А. Наумова — 27, 30, 31, 201, 203, 227, 337, 338, 351, 355

Ферреро Иван Осипович (1817—1877), контрабасист; с 1845 г. — артист оркестра петербургской итальянской оперы; в 1871—1877 гг. — инспектор музыки имп. театров — 171, 324, 325

Филиппов Третий Иванович (1826—1899), крупный чиновник, певец-любитель, собиратель русских народных песен, председатель песенной комиссии при Русском географическом обществе; приятель Мусоргского и его душеприказчик — 6, 20, 26, 28—31, 258, 261, 337, 365

Философова Анна Павловна (1837—1912), общественная деятельница в области высшего женского образования — 352

Финльд Джон (1782—1837), ирландский пианист, композитор и педагог, переселившийся в Россию — 267

Фим — см. *Лодыженский Николай Николаевич*

Фимы — см. *Лодыженские*

Финдейзен Николай Федорович (1868—1928), музыковед; в 1894—1918 гг. — основатель и издатель «Русской музыкальной газеты» — 31, 354, 355, 360

Фиф, Фифила — см. *Толстой Феофил Матвеевич*

Флакон — см. *Щербачев Николай Владимирович*

Флейта с фавном — см. *Прахов Андриан Викторович*

Флобер Гюстав (1821—1880), французский писатель — 263

Фонвизин Денис Иванович (1745—1792), драматург — 45

- Фортунато Михаил Антонович, второй муж дочери В. В. Стасова С. В. Сербиной — 252, 253, 255, 260
- Фортунато Софья Владимировна (урожденная Сербина, в первом браке Медведева) (1850—1929), общественная деятельница, дочь В. В. Стасова — 240, 251—253, 255, 335
- Франц Роберт (1815—1892), немецкий композитор — 111
- Фрей — неустановленное лицо — 74
- Ф. Ф. — см. *Трепов Федор Федорович*
- Халуев — см. *Валуев Петр Александрович*
- Хованский Иван Андреевич, по прозвищу Тараруй (?—1682), боярин, видный деятель в правление Софьи Алексеевны, начальник стрельцов, сторонник раскола — 323
- Хотинский Матвей Степанович (1810—1866), писатель — 87, 292
- Христианович Николай Филиппович (1828—1890), композитор, пианист, автор книги «Письма о Шуберте, Шумане и Шопене» — 75, 76
- Христианович, знакомые Мусоргского в Полтаве — 244
- Цезарь — см. *Кюи Цезарь Антонович*
- Цукунфтист — см. *Серов Александр Николаевич*
- Чайковский Петр Ильич (1840—1893), композитор, дирижер, музыкально-общественный деятель — 7, 23, 26, 28, 139, 142—144, 203, 281, 301, 313, 314, 337, 355
- Чарушников Зоя Михайловна, знакомая Стасовых, поклонница Мусоргского — 327
- Шаши — см. *Пургольд Александра Николаевна и Надежда Николаевна*
- Шебор Карел (1843—1903), чешский композитор, дирижер — 79, 81, 83, 290
- Шевченко Тарас Григорьевич (1814—1861), украинский поэт, художник, революционный демократ — 264, 268, 269
- Шекспир Уильям (1654—1616), английский драматург — 76, 141, 281, 289, 314
- Шемаев Прокопий Герасимович, метрдопель трактира «Малый Ярославец» — 16, 27, 31, 245, 250
- Шереметев Дмитрий Николаевич, владелец крепостного хора — 43, 285
- Шестаков Василий Илларионович (?—1870), смоленский помещик, муж Л. И. Шестаковой — 304
- Шестакова Людмила Ивановна (урожд. Глинка) (1816—1906), сестра М. И. Глинки, музыкально-общественная деятельница — 6, 12, 15, 16, 20, 21, 23, 25, 30, 31, 34, 81, 83, 88, 90, 96, 101—104, 110, 111, 115, 117—121, 124, 126, 143, 170, 200, 221, 222, 232, 239, 253, 268, 269, 273, 279, 289—291, 297, 298, 303—305, 307, 311, 324, 330, 333, 334, 336, 340—342, 346—348, 350, 351, 353—356, 359, 361, 365
- Шестакова Оля (1853—1863), дочь Л. И. Шестаковой и Д. В. Стасова — 133, 311
- Шиловская Мария Васильевна (урожд. Вердеревская, во втором браке Бегичева) (1830—1879), певица-любительница — 41, 43, 281, 284, 313
- Шиловские — 42, 43, 51, 57, 281, 282
- Шиловский Константин Степанович (по сцене Лошивский) (1849—1893), дилетант художник, поэт и музыкант; в 1888—1893 гг. — артист Малого театра; сын М. В. Шиловской — 281
- Шиловский Степан Степанович (1822—1870), муж М. В. Шиловской — 32, 43, 54, 55, 57
- Шипек, чешский скрипач — 188
- Шлезингер Морис Адольф (1798—1871), французский музыкальный издатель и журналист — 362
- Шопен Фридерик (1810—1849), польский композитор и пианист — 54, 56, 247, 251, 284
- Шорн Аделаида фон, пианистка, ученица Ф. Листа — 319
- Шорник — см. *Шебор Карел*
- Шпильгаген Фридрих (1829—1911), немецкий писатель — 318
- Шпор Людвиг (1784—1859), немецкий скрипач, композитор и дирижер — 74
- Шредер, знакомые Мусоргского в Полтаве — 244
- Штейн, врач (психиатр), основатель психиатрической клиники в Петербурге — 108, 300
- Штраус Иоганн (1825—1899), австрийский композитор — 330
- Шуберт Карл Богданович (1811—1863), виолончелист, дирижер, композитор, инспектор музыки театрально-

го училища, руководитель университетских концертов — 61, 286
Шуберт Франц (1797—1828), австрийский композитор — 53, 54, 56, 251
Шуман Клары (урожд. Вик) (1819—1896), немецкая пианистка и композитор, жена Р. Шумана — 74
Шуман Роберт (1810—1856), немецкий композитор и писатель о музыке — 38, 45, 53, 56, 74, 108, 111, 203, 251, 284, 289, 300
Шунвала — см. *Кюи Александр Цезаревич*
Шустов А. С., член главной дирекции РМО — 125

Щебальский Петр Карлович (1810—1886), историк — 135
Щербачев Николай Владимирович (1853—?), композитор и пианист, участник балакиревского кружка — 169, 188, 324, 325, 332
Щербина Николай Федорович (1821—1869), поэт — 135
Щукарев, знакомый Мусоргского в Москве — 56, 284

Эдиет Карл Христианович (?—1895), муж С. И. Эдиет — 60
Эдиет Софья Ивановна (?—1885), квартирная хозяйка М. А. Балакирева — 41, 45, 49, 60

Энгельгардт Анна Николаевна (урожд. Макарова) (1835—1903), журналистка, переводчица, деятельница в области высшего женского образования, жена публициста, народника А. Н. Энгельгардта (1832—1893) — 226

Энгельгардт Василий Павлович (1828—1915), астроном, музыкально-общественный деятель — 75, 289

Эрнестина — см. *Киль Эрнестина Ивановна*

Юлий Цезарь (100—44 до н. э.), римский полководец и государственный деятель — 297, 335

Юлий Юльевич — см. *Гюбнер Юлий Юльевич*

Юргенсон Петр Иванович (1836—1904), основатель и глава нотопечательской фирмы в Москве — 23, 178, 229, 232, 350

Юрковские, семья А. Н. Юрковского — 249, 254

Юрковский Андрей Николаевич (?—1887), капитан, редактор «Николаевского вестника» — 249

Язвинская Елена Ричардовна (р. 1902), арфистка, музыковед — 6
Яша, — лакей — 52

Alphonsine — см. *Альфонсина*

Brédiff — см. *Бредиф*

Cesare — см. *Кюи Цезарь Антонович*

Dottore doctissime — см. *Гюбнер Юлий Юльевич*

Drigabier — см. *Бородин Александр Порфиревич*

Dupuis — см. *Дюпюи*

Franz Robert — см. *Франц Роберт*

Gervinus — см. *Гервинус Георг Готфрид*

Gounod — см. *Гуно Шарль*

Hinzburg Anna — см. *Гинцбург Анна*
Hugo V. — см. *Гюго Виктор*

Judick — см. *Жюдик Ани*

Liszt — см. *Лист Ференц*

Michelet — см. *Мишле Жюль*

N. — см. *Наумов Павел Александрович*
Naumini — см. *Наумов Павел Александрович*

Saint-Saëns — см. *Сен-Санс Камиль*

Sand George — см. *Санд Жорж*

Schumann — см. *Шуман Роберт*

Stephan de Schillow — см. *Шиловский Степан Степанович*

Virchow — см. *Вирхов Рудольф*

МУЗЫКАЛЬНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ, ОБРАБОТОК И ЗАМЫСЛОВ М. П. МУСОРСКОГО*

Альбом из детской жизни — см. *«Детская»*

Альбом-серия на выставку произведений [...] Гартмана — см. *«Картинки с выставки»*

«Ах ты, пьяная тетеря» («Из похождения Пахомыча»), песня на слова М. П. Мусоргского; соч.: 1866, посв. В. В. Никольскому — 21, 361

«Байдары» — см. *«Близ южного берега Крыма»*

«Без солища», вокальный цикл на слова А. А. Голенищева-Кутузова (1. «В четырех стенах»; 2. «Меня ты в толпе не узнала»; 3. «Окончен праздный шумный день»; 4. «Скучай»; 5. «Элегия»; 6. «Над рекой»); соч.: 1874, посв. А. А. Голенищеву-Кутузову — 9, 22, 26, 191, 192, 266, 331, 333, 339

«Близ южного берега Крыма» («Байдары»), саргисцо для ф-п.; соч.: 1880 — 29, 269, 361, 362

«Блоха» — см. *«Песня Мефистофеля в погребке Ауэрбаха о блохе»*

«Боевая песнь ливийцев» — из оперы «Саламбо» (см.)

Большая сюита на средне-азиатские темы, для ф-п., арф и оркестра; неосуществленный замысел, 1880 — 260, 269, 353, 362

«Борис Годунов», опера в четырех действиях с прологом («По Пушкину и Карамзину»); соч.: 1-я ред. — 1868—1869, 2-я ред. — 1871—1872; посв. балакиревскому кружку, исполнителям и издателю (В. В. Бесселю) — 5, 8—12, 14, 18, 20, 21, 23, 25, 26, 28, 30, 115, 117, 119, 122—128, 130, 131, 133, 134, 138, 139, 142, 143, 145, 146, 153, 162, 169, 170, 174—176, 180, 183, 194, 205, 227, 232, 235, 264, 266, 269, 274, 301, 303, 304, 306—310, 314—319, 321, 323—328, 334, 337, 338, 341, 349, 351, 353, 355, 359—362, 365

«Буря на Черном море», для ф-п., утраченное произведение; соч.: 1879—269, 362

«Ведьмы» — см. *«Ночь на Лысой горе»*
«Веселый час» («Дайте бокалы! Дайте вина!»), застольная песня для голоса с ф-п. на слова А. В. Кольцова; соч.: 1858; посв. В. В. Захарьину — 359

«Взятие Карса» (Marcia alla turca), марш для оркестра; соч.: 1880 — 26, 262, 359

«Видение» («Я видел ночь»), романс на слова А. А. Голенищева-Кутузова; соч.: 1877; посв. Е. А. Гудевич — 22

* В Указателе отражены не только прямые, но также и косвенные упоминания произведений М. П. Мусоргского. Части произведений (отдельные номера из опер, песни и романсы из вокальных циклов), упоминаемые в книге, приводятся под названием основного произведения (например, гадание Марфы следует смотреть — «Хованщина»; «Серенада» — «Песни и пляски смерти»; «Жук» — «Детская»). Страницы предисловия, вступительной статьи и комментариев выделены курсивом.

«Владыка дней моих», вокальный квартет на стихи Пушкина, несохранившееся сочинение; соч.: 1860—50
Вторая испанская увертюра Глинки — см. «Ночь в Мадриде»

«Восточная колыбельная песня» Н. Н. Лодыженского, обработка Мусоргского, 1874; посв. А. А. Голенищеву-Кутузову — 22

«Ган Исландец» опера на сюжет В. Гюго, неосуществленный замысел, 1856—263

«Гартман» — см. «Картинки с выставками»

«Где ты, звездочка» («Сельская песня») на слова Н. П. Грекова; соч.: 1858; посв. И. Л. Грюнберг — 359

«Гопака» («Гоп, гоп, гоп, гопака! Полюбила казака»), песня на текст Т. Г. Шевченко (из поэмы «Гайдамаки») в переводе Л. А. Мея; соч.: 1866; посв. Н. А. Римскому-Корсакову — 20, 260, 268, 269, 361

«Гурзуф» — см. «На южном берегу Крыма»

«Детская» (Эпизоды из детской жизни), цикл песен на слова М. П. Мусоргского (1. «С няней»; соч.: 1868; посв. А. С. Даргомыжскому; 2. «В углу»; соч.: 1870; посв. В. А. Гартману; 3. «Жук»; соч.: 1870, посв. В. В. Стасову; 4. «С куклой», колыбельная; соч.: 1870, посв. Тане и Гоге Мусоргским; 5. «На сон грядущий»; соч.: 1870; посв. Саше Кюи) — 20, 23, 24, 26, 100, 131, 142, 155, 158, 162, 254, 264, 265, 268, 276, 304, 309, 310, 319, 355, 360

«Детская песенка» («Во саду, ах во садочке»), для голоса с ф-п. на слова Л. А. Мея; соч. 1868—26, 264, 265, 268, 304

«Детская песня Нанина» — см. «Детская песенка»

«Детские игры — уголки» («Ein Kinderschmerz» [«Детское скорцо»]) для ф-п.: соч.: 1859; посв. Н. А. Левашеву — 50, 119, 263, 265, 268, 304, 325

«Еврейская песня» («Я цветок полевой»), романс на слова Л. А. Мея; соч.: 1867; посв. Ф. П. и

Т. П. Мусоргским — 264, 265, 268
«Еремушка» — см. «Колыбельная Еремушки»

«Желание сердца» — см. «Meines Herzens Sehnsucht»

«Женитьба», первое действие оперы в четырех сценах на текст комедии Н. В. Гоголя (с небольшими сокращениями); соч.: 1868; посв. В. В. Стасову — 8, 12, 20, 21, 23, 97—106, 143, 232, 264, 266, 297—299, 314

«Забывтый» («Он смерть нашел в краю чужом»), вокальная баллада на слова А. А. Голенищева-Кутузова «с Верещагина»; соч.: 1874; посв. В. В. Верещагину — 8, 26, 242, 245, 266, 268

«Иванова ночь на Лысой горе» — см. «Ночь на Лысой горе»

«Иисус Навин» («Стой, солнце! Велением Иеговы сокрушить Израиль должен хананеи нечестивых»), для хора, солистов и ф-п. на библейский текст в обработке М. П. Мусоргского; соч.: 1877; посв. Н. Н. Римской-Корсаковой — 25, 229, 233, 265, 268, 350

«Как на славных степях было Саратовских», донская песня «сложена для юбилея войска Донского» на народный текст XVI века; соч.: 1875—332

«Калистрат» («Надо мной певала матушка»), песня на несколько измененные слова Н. А. Некрасова; соч.: 1864; посв. А. П. Опочинину — 13, 78, 263, 347

«Картинки с выставки», цикл пьес для ф-п.; соч.: 1874; посв. В. В. Стасову — 9, 10, 20, 178, 179, 266, 269, 328, 329

Квартет Бетховена, op. 130 (B-dur) переложение для двух ф-п. в 4 руки, 1862—60, 63, 286

«Классик» («Я прост, я ясен, я скром, вежлив, я прекрасен»), музыкальный памфлет для голоса с ф-п. на слова М. П. Мусоргского («В ответ на заметку Фаминцына по поводу еретичества русской школы»); соч.: 1867; посв. Н. П. Опочининой — 264, 266, 268, 276, 302

«Кобзарь» — см. «Гопак»
«Козел» («Светская сказочка»; «Шла девица прогуляться»), песня на слова М. П. Мусоргского, соч.: 1867; посв. А. П. Бородину — 260, 265, 306

«Колыбельная Еремушки» («Баю-бай, бай, ниже тоненькой былиночки надо голову клонить»), песня на слова Н. А. Некрасова; соч.: 1868; А. С. Даргомыжскому — 13, 26, 100, 264, 265, 268, 304, 349

«Колыбельная» из «Воеводы» Островского — см. «Спи усни, крестьянский сын»

«Король Лир» — см. «Музыка к трагедии Шекспира «Король Лир»

«Крапивная гора» — см. «Рак»

«Крестьянская пирушка» — см. «Пирушка»

«Макабра» — см. «Песни и пляски смерти»

«Млада», отрывки для оперы-балета, писавшиеся Кюи, Римским-Корсаковым, Мусоргским и Бородиным, сюжет и сценарий С. А. Геденова, либретто И. А. Крылова. Мусоргскому принадлежат: во втором действии «Сцена торга» и «Марш князей и жрецов», в третьем действии — «Славление Чернобога»; соч.: 1872—129, 131, 266, 292, 309, 310, 314, 359, 360

«Много есть у меня теремов и садов», романс на стихи А. В. Кольцова; соч.: 1863—359

«Музыка к трагедии Шекспира «Король Лир» (увертюра, антракты) М. А. Балакирева, переложение для ф-п. в 4 руки 1859—1860—44, 51, 52, 283
Музыка к «Эдипу» — см. «Эдип»

«На даче» («Из детской жизни»), песни на слова М. П. Мусоргского (1. «Рот Матрос»; 2. «Поехал на палочке»); соч.: 1872; посв. Д. В. и П. С. Стасовым — 24, 266

«На Днепре» («Песня Яремы»; «Стой, Днепр! Слушай, Днепр!»), песня на слова Т. Г. Шевченко (из поэмы «Гайдамаки») в переводе Л. А. Мея; соч.: 1-я ред. 1866, 2-я ред. 1879; посв. С. П. Наумову — 27, 78, 264

Народная историческая музыкальная драма с участием приволжской казачины, неосуществленный замысел — 264

«На южном берегу Крыма» («Гурауф у Аю-Дага. Из путевых заметок»), пьеса для ф-п.; соч.: 1879; посв. Д. М. Леоновой — 29, 269, 361, 362,

«Непонятная» («Тиха и молчалива»), романс на слова М. П. Мусоргского; соч.: 1875; посв. М. И. Федоровой (Костюриной) — 27

«Но если бы с тобою я встретиться могла» («Расстались гордо мы»), романс на слова В. С. Курочкина; соч.: 1863; посв. Н. П. Опочининой — 359

«Ночь» («Мой голос для тебя»), фантазия для голоса с ф-п. на слова (измененные) А. С. Пушкина; соч.: 1864; посв. Н. П. Опочининой — 26, 263, 265, 268, 276, 304

«Ночь» — см. «Ночь на Лысой горе»

«Ночь в Мадриде» М. И. Глинки, переложение для ф-п. в 4 руки — 51

«Ночь на Лысой горе», симфоническая картина; соч.: 1867—9, 19, 50, 77, 86—89, 92—95, 250, 264, 282, 289, 292, 293, 296, 310, 350, 358, 361

«Озорник» («Ох, баушка, ох, родная, раскрасавушка, обернись»), песня на слова М. П. Мусоргского; соч.: 1867; посв. В. В. Стасову — 20, 26, 264, 265, 268, 269, 304, 349, 360

«Ой, честь ли то молодцу лен прясти», песня на слова А. К. Толстого; соч.: 1877—229, 350

«Отчего, скажи, душа девица», романс на текст неизвестного автора; соч.: 1858; посв. З. А. Бурцевой — 40, 263, 359

«Персидка» — «Пляска персидок» из Хованщины (см.)

«Песни и пляски смерти», вокальный цикл на слова А. А. Голенищева-Кутузова (1. «Колыбельная»; соч.: 1875; посв. А. Я. Петровой-Воробьевой; 2. «Серенада»; соч.: 1875; посв. Л. И. Шестаковой; 3. «Трепак»; соч.: 1875; посв. О. А. Петрову; 4. «Полководец»; соч.: 1877; посв. А. А. Голенищеву-Кутузову) — 21, 22, 191, 209, 229, 230, 232, 233, 269, 332, 333, 350, 361, 362

«Песнь старца» («Стану скромно у порога») на слова И. В. Гёте (из «Вильгельма Мейстера») для голоса с ф-п.; соч.: 1863; посв. А. П. Опочинину — 71, 72, 359

«Песнь Яремы» — 1-я ред. песни «На Днепре» (см.)

«Песня Мефистофеля в погребке Ауэрбаха о блохе» («Жил-был король когда-то, при нем блоха жила»), для голоса с ф-п. на слова И. В. Гёте (из «Фауста») в переводе А. Н. Струговщикова; соч.: 1879; посв. Д. М. Леоновой — 269

«Пирушка» («Ворота тесовы растворились»), песня на слова А. В. Кольцова; соч.: 1867; посв. Л. И. Шестаковой — 21, 96, 264, 265, 296

«По грибы» («Рыжиков, волвяночек, белых беляночек»), песенка на слова Л. А. Мея; соч.: 1867; посв. В. В. Никольскому — 21, 264, 265, 268

«Подибрад» — симфоническая поэма, сохранились только наброски в письме к Н. А. Римскому-Корсакову; замысел 1867—12, 19, 90, 91, 293

«Подираторщик» («Porte-enseigne») полька для ф-п.*; соч.: 1852; посв. товарищам по Школе гвардейских подираторщиков — 29, 261

Полька — неизвестное сочинение; соч.: 1859 (?) — 41

«Поражение Сеннахериба», хор на слова Дж. Байрона в свободной обработке М. П. Мусоргского; 1-я ред. соч.: 1867; посв. М. А. Балакиреву; 2-я ред. соч.: 1873; посв. В. В. Стасову — 18—20, 173, 264, 265, 268, 326, 359

«Про Иисуса Навина» — см. «Иисус Навин»

«Пряха» — см. «Швея»

«Пугачевщина», неосуществленный замысел оперы — 356

«Раек» («Эй, почтенны господа, захватите-ко глаза»), музыкальная шутка для голоса с ф-п. на слова М. П. Мусоргского; соч.: 1870; посв. В. В. Стасову — 20, 24, 26, 110, 112, 113, 118, 264, 268, 276, 302—304, 329, 360

«Раздумье» («Листок из альбома»), Méditation («Feuillet d'album»), пьеса для ф-п.; соч.: 1880 (?) — 29

«Рак» («Крапивная гора»; «Между небом и землей, в месте вовсе неиз-

вестном»), песня на слова М. П. Мусоргского, сохранились наброски, 1874—22, 179, 266, 328, 329, 360

«Рассеивается, расступается», песня на слова А. К. Толстого; соч.: 1877—229, 266, 350

«Расстались гордо мы» — см. «Но если бы с тобою я встретился могла»

«Ребенок» — песня «С няней», № 1 из цикла «Детская» (см.)

Романсы — 117, 263

«Савишна» — см. «Светик Савишна»

«Саламбо», или «Ливиец», неоконченная опера по роману Г. Флобера «Саламбо», либретто М. П. Мусоргского с добавлением стихов В. А. Жуковского, А. Н. Майкова, А. И. Полежаева; соч.: 1863—1866—77, 263, 264, 266, 289, 350, 359

«Светик Савишна» («Свет мой, Савишна, сокол ясныйкий»), песня на слова М. П. Мусоргского; соч.: 1866; посв. Ц. А. Кюи — 23, 24, 80, 89, 95, 96, 100, 235, 264, 265, 268, 269, 276, 289, 291, 349, 361

«Светская сказочка» — см. «Козел»

«Семинарист» («Panis, piscis, crinitis... Ах ты, горе, мое горе»), песня на слова М. П. Мусоргского; соч.: 1866, посв. Л. И. Шестаковой — 21, 24, 109, 110, 114, 118, 119, 235, 264, 265, 268, 273, 302, 304, 361, 365

Симфония D-dur, неизвестное сочинение; замысел 1861—1862; посв. «Товариществу среды» (балакиревскому кружку) — 54, 59, 60, 63, 285

«Сиротка» («Барин мой миленький, барин мой добренький»), песня на слова М. П. Мусоргского; соч.: 1868, посв. Е. С. Бородинной — 26, 100, 245, 264, 265, 269, 304, 349

Скерцино «Швея» — см. «Швея»

Скерцо для оркестра D-dur; соч.: 1858; посв. А. С. Гуссаковскому — 23, 263, 265, 268, 360, 361

Скерцо для ф-п. cis-moll; 1-я ред. соч.: 1858; посв. Л. М. Бубе; 2-я ред. соч.: 1858; посв. А. Ф. Извольской — 263, 268, 359

Скерцо в переложении для ф-п. в 4 руки (из симфонии D-dur?); соч.:

* Полька долго оставалась неизвестной. Лишь незадолго до Великой отечественной войны найден был печатный экземпляр ее. Пьеса была опубликована в приложениях к статье М. С. Пекелеса «Неизвестное произведение Мусоргского» («Советская музыка», 1947, № 2).

- 1860; посв. «Товариществу средь» (балакиревскому кружку) — 55, 56
- Соната для ф-п. D-dur, неизвестное сочинение, 1862—60
- Соната для ф-п. Es-dur, неизвестное сочинение, 1858—38, 39
- Соната для ф-п. fis-moll, неизвестное сочинение, 1858—40
- Соната, неизвестное сочинение, 1860—49
- «Сорочинская ярмарка», неоконченная комическая опера в трех действиях на сюжет одноименной повести Н. В. Гоголя, сценарий М. П. Мусоргского и А. Я. Петровой-Воробьевой, либретто М. П. Мусоргского; соч.: 1875—1880 («Думка Параси», соч.: 1879; посв. Е. А. Милорадович; «Песня Хиври»; соч.: 1877; посв. А. Н. Молаас — 12, 19, 22, 24, 29, 179, 189, 221, 224, 227, 231—235, 241, 254, 260—262, 269, 292, 329, 332, 350, 351, 353, 354, 357, 358, 362
- «Спесь», песня на слова А. К. Толстого; соч.: 1877—229, 350
- «Спи, усни, крестьянский сын», колыбельная песня на слова А. Н. Островского из комедии «Воевода»; соч.: 1865; посв. памяти Ю. И. Мусоргской — 26, 264, 304
- «Стрекотунья белобока» и «Колокольчики звенят», шутка для голоса с ф-п. на слова А. С. Пушкина (текст несколько изменен); соч.: 1867; посв. А. П. и Н. П. Опочининым — 26, 264, 265, 268, 300, 306
- «Съездил в Южки» — см. «Верхом на палочке» из цикла «На даче» (см.)
- «Хованщина», народная музыкальная драма в пяти действиях и шести картинах, либретто М. П. Мусоргского; соч.: 1872—1880; посв. В. В. Стасову («Гаданье Марфы» соч.: 1878; посв. Д. М. Леопольд; песня раскольницы Марфы «Исходила младешенька» соч.: 1873; посв. А. Я. Петровой-Воробьевой; «Пляска персидок» соч.: 1877; посв. О. А. Голеннищевой-Кутузовой; начало последней картины соч.: 1880; посв. М. П. Федоровой) — 5, 8—12, 19, 20, 22, 25—29, 32, 134, 138, 139, 141, 144, 151, 153, 154, 156—158, 161—169, 172, 178—180, 184, 185, 187, 189, 195—198, 208—210, 212, 213, 216, 221—225, 227, 242, 245, 254, 260—
- 262, 269, 301, 311, 314, 317—324, 330—332, 335, 336, 338, 340—348, 351, 357, 358, 360, 362
- Хор в венгерском роде, неосуществленный замысел — 80
- «Царь Саул» («О вожди, если выйдет на долю мою»), для голоса с ф-п. слова Дж. Байрона в переводе П. А. Козлова; соч.: 1863; посв. А. П. Опочинину — 26, 263, 265, 268, 304, 359
- Шабаш ведьм — см. «Ночь на Лысой горе»
- «Швея», скерцино для ф-п.; соч.: 1871—29, 264, 265, 268, 305, 360
- «Шторм» — см. «Буря на Черном море»
- «Эдип», — музыка к трагедии Софокла «Царь Эдип»; соч.: 1860—1861 (сохранилась только сцена в храме) соч.: 1860; посв. М. А. Балакиреву — 18, 38, 40, 49—51, 57, 263, 279—283, 285, 359
- Экспромпт — см. *Impromptu*
- «Я видел ночь» — см. «Видение»
- Allegro для ф-п. или оркестра, неизвестное произведение; соч.: 1858—37
- Impromptu для ф-п. — 268
- Intermezzo (in modo classico); 1-я ред. для ф-п. (без трио); соч.: 1863; 2-я ред. для оркестра; соч.: 1867; посв. А. П. Бородину — 11, 19, 21, 70, 90, 92, 263, 265, 268, 293, 325, 359, 360
- «Han d'Island» — см. «Ган Исландец»
- Kinderbalsam — см. «Детские игры — уголки»
- Kinderschermo — см. «Детские игры — уголки»
- «Meines Herzens Sehnsucht» («Желание сердца»), романс на текст неизвестного автора, соч.: 1858; посв. М. Р. Кюи — 23, 359
- Menuetto для оркестра или ф-п., известное сочинение, 1861—263, 268, 360
- «Port-enseigne», polka — см. «Подпорки»
- «Preludio in modo classico» — см. *Intermezzo in modo classico* h-moll

УКАЗАТЕЛЬ

МУЗЫКАЛЬНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ РАЗНЫХ АВТОРОВ*

«Аида», опера Верди — 207, 208, 338
«Альцеста», опера Глюка — 32, 40
«Анджело», опера Кюи — 23, 28, 142,
146, 160, 190, 197, 200, 213, 275,
320, 333, 336

«Антар» (вторая симфония), симфони-
ческая сюита Римского-Корсако-
ва — 98, 101, 106, 203, 297—300

«Армида», опера Глюка — 32, 40

«Аталия», музыка Мендельсона к дра-
ме Расина, ор. 74—69, 287

«Бабочки» — см. *«Papillons»*

Богатырская симфония — см. *Симфония
Бородина № 2*

«Божественная комедия» — см. *«К
Божественной комедии» Данте»*

«Валькирия», опера Вагнера — 358

«Введи меня, о ночь», романс Балаки-
рева, посв. Мусоргскому — 18

«Венгрия», симфоническая поэма Ли-
ста — 292

«Вильям Ратклиф», опера Кюи — 23, 70,
105, 275, 286, 287, 297—299, 316

«Восточная колыбельная песня», Лоды-
женского — 22

«Вражья сила», опера Серова — 121,
299, 305, 323

Вторая испанская увертюра Глинки —
см. *«Ночь в Мадриде» Глинки*

«Галька», опера Монюшко — 291

«Гарольд в Италии», симфония Берлио-
за — 239

Героическая симфония Бородина — см.
Симфония Бородина № 2

«Громобой», опера Верстовского — 284

«Грузинская песня» («Не пой, краса-
вица, при мне»), романс Балаки-
рева — 95

«Гугеноты», опера Мейербера — 204,
337

«Да, я вновь с тобой» романс Лоды-
женского — 276

«Двойник», песня Ф. Шуберта — 95

«Демон», опера Рубинштейна — 125,
307

«Душа моя мрачна», романс А. Г. Ру-
бинштейна — 55, 284

«Евгений Онегин», опера Чайковско-
го — 281

«Еврейская песня», романс Римского-
Корсакова — 309

«Жизнь за царя» — см. *«Иван Сусанин»*

«Заколдованное место», музыкальная
картина для оркестра Н. Н. Рим-
ской-Корсаковой, посв. Мусорг-
скому — 25

«За прялкой» — см. *«Au rouet»*

«Иван Сусанин», опера Глинки — 43,
44, 74, 83, 181, 248, 290, 330, 337,
342

«Игорь» — см. *«Князь Игорь»*

«Индиго» («Али-Баба и 40 разбойни-
ков»), оперетта И. Штрауса —
182, 330

* Страницы вступительной статьи и комментариев выделены курсивом.

Испанская увертюра № 2 Глинки — см. *«Ночь в Мадриде»*

«Иуда Маккавей», оратория Генделя — 113

«Ифигения в Авлиде», опера Глюка — 32, 40

«Кавказский пленник», опера Кюи — 275, 285

«Казац-стихотворец», оперетта Кавоса — 351

«Каменный гость», опера Даргомыжского — 32, 116, 117, 125, 127, 128, 144, 170, 302—304, 307, 309

«Картинка» — см. *«Тысяча лет»*

«К «Божественной комедии» Данте», симфония Листа — 96, 203

Квартет Бетховена, ор. 59 № 1 — 56, 63

Квартет Бетховена, ор. 130—60, 286

Квартет Чайковского № 1—141

«Княжна Зорька», неосуществленная опера Лядова — 250, 355

«Князь Игорь», опера Бородина — 200, 250, 310, 336, 355

«Князь Холмский», музыка Глинки к одноименной трагедии Кукольника — 40

Концерт для ф-п. с оркестром Сен-Санса, № 3—338

Концерт для ф-п. с оркестром Фильда — 267

Концерт для ф-п. с оркестром Чайковского № 1 — 203, 335

Концерт для ф-п. с оркестром Шумана — 74

Концертное рондо для ф-п. Герца — 267

«Король жил в Фуле когда-то», песня Листа — 247

«Король Лир», музыка Балакирева к трагедии Шекспира — 44, 51, 52, 54, 57, 76, 281, 283, 285

«Леллио», мелодрама Берлиоза — 74

«Лесной царь», песня Шуберта — 249, 253

«Любила, люблю я, век буду любить», романс Даргомыжского — 248, 292, 321

«Мадам Ариидюк», оперетта Оффенбаха — 187, 332

Мазурка для ф-п. Кюи (h-moll)—275

Мазурки (шесть) и пьески (двадцать три) для ф-п. Кюи — 275

«Маккавей» — см. *«Иуда Маккавей»*

Месса Бетховена № 2—156

«Миньона», опера Тома — 125, 308

«Млада», опера-балет Кюи, Римского-Корсакова, Мусоргского и Бородина — 128, 131, 142, 292, 309, 310, 314, 359, 360

«Млада», опера-балет Римского-Корсакова — 310

«Море», романс Бородина — 247

«Морская тишь и счастливое плавание», увертюра Мендельсона — 73, 288

«Моя баловница», песня Шопена — 247

«Не пой, красавица, при мне» — см. *«Грузинская песня»*

«Ни даль расстояния» — см. *«Любила, люблю я, век буду любить»*

«Ночной смотр», вокальная баллада Глинки — 95

«Ночь в Мадриде», увертюра Глинки — 51

«Ночь пролетала», романс Римского-Корсакова — 276

«Океан», симфония А. Г. Рубинштейна № 2—53, 284

Оперы Моноюшко — 83

«Опричник» («Опричники»), опера Чайковского — 142, 143, 314

«Отравой полны мои песни», романс Бородина — 276

«Пакеретта», балет Пуни — 48

Песни Мендельсона — 84, 291

«Песня золотой рыбки», романс Балакирева — 95, 296

«Песня о блохе» (из «Фауста» Гёте) Бетховена — 360

«Пляска смерти» («Danse macabre»), парафраза на «Dies irae» для ф-п. с оркестром Листа — 156, 207, 292, 320

«Письмо после бала», романс Леоновой на текст Мусоргского — 246, 247

«Прекрасная Елена», оперетта Оффенбаха — 150

Прелюдия и fuga для ф-п. Баха (E-dur)—61

«Прости, не помни дней паденья», романс Кюи — 95

«Псковитянка», опера Римского-Корсакова — 100, 106, 117, 125, 143, 298, 299, 302, 304, 305, 307—309, 338

«Ратклиф» — см. *«Вильям Ратклиф»*

«Реквием» для хора, солистов и оркестра Моцарта — 32, 40

- «Роберт-дьявол», опера Мейербера — 121, 305
- «Рогнеда», опера Серова — 92, 295, 302, 323
- Романсы Кюи — 275
- «Ромео и Юлия», драматическая симфония Берлиоза — 76, 289
- «Русалка», опера Даргомыжского — 64, 337, 338
- «Руслан и Людмила», опера Глинки — 41, 73, 83, 156, 240, 247, 258, 259, 287, 337, 338, 342, 353, 356, 357
- «Русская увертюра» — см. «Тысяча лет»
- «Русская увертюра» — см. *Увертюра на русские темы Римского-Корсакова*
- «Рыбка» — см. «Песня золотой рыбки»
- «Садко», музыкальная картина для оркестра Римского-Корсакова — 88, 91—93, 96, 106, 295
- «Самсон и Далила», опера Сен-Санса — 207
- «Сарданапал», опера Фаминцина — 207, 208, 338
- «Свадебное шествие» («Свадебный марш») Пасхалова для ф-п. — 138, 139, 312—313
- «Сербская фантазия» для оркестра Римского-Корсакова — 96
- Симфония Балакирева (fis-moll), неизвестное сочинение — 55
- Симфония Бетховена № 2—36
- Симфония Бетховена № 9—90
- Симфония Бородина № 2 («Богатырская») — 206, 337, 338, 340
- Симфония Гайдна (D-dur) — 285
- Симфония Римского-Корсакова № 1 — 59, 61, 79, 96, 285, 295
- Симфония Римского-Корсакова № 3 — 320
- Симфония Чайковского № 3—335
- Симфония Шпора (c-moll) — 74
- Симфония Шуберта (C-dur) («Большая») — 53, 54, 56
- Симфония Шуберта (C-dur) («Большая») в переложении для ф-п. Рейнеке — 53
- Симфония Шумана № 1 (B-dur) — 38
- Симфония Шумана № 2 (C-dur) — 38
- Симфония Шумана № 3 (Es-dur) — 202
- Скерцо для ф-п. Кюи (впоследствии инструментованное для оркестра), № 2—275
- Скерцо Кюи C-dur — 275
- Скерцо Римского-Корсакова, третья часть симфонии № 1 (см.)
- Соната для скрипки и ф-п. Кюи — 275
- Соната для ф-п. Бетховена («Quasi una fantasia», ор. 27 № 2 т. наз. «Лунная») — 40
- Соната для ф-п. Бетховена ор. 26—207
- Соната для ф-п. Шумана (fis-moll) — 53, 56
- Соната для ф-п. Бетховена — 40
- «Сон в летнюю ночь», музыка Мендельсона к комедии Шекспира — 289
- «Спящая княжна», романс Бородина — 156
- «Сто русских народных песен», сборник Римского-Корсакова — 343
- «Сцены из «Фауста» Гёте» Шумана — 108, 203, 300
- «Сын Мандарина», опера Кюи — 275
- «Тайные судьбы», увертюра Берлиоза — 188
- «Так и рвется душа», романс Кюи — 275
- Тарантелла для оркестра Кюи — 273
- «Тизба» — см. «Анжелло»
- «Торжество Вахха», опера-балет Даргомыжского — 82, 285, 291
- «Тростар» — см. «Трубадур»
- «Троянцы», оперная дилогия («Взятие Трои» и «Троянцы в Карфагене») Берлиоза — 203
- «Трубадур», опера Верди — 207
- «Тысяча лет» (во 2-й ред. «Русь»), симфоническая картина Балакирева — 70, 76, 288
- Увертюра Бетховена из «Музыки к пьесе А. Копебу «Король Стефан, или Первый благодетель Венгрии» — 284
- «Увертюра на три русские темы» Римского-Корсакова — 96
- Увертюра Бетховена ор. 124—74
- «Ундина», опера Львова — 73, 287
- Фантазия для ф-п. Шумана — 53
- «Фауст», опера Гуно — 74, 288, 337
- «Фауст», увертюра Вагнера — 284
- «Фауст» Шумана — см. «Сцены из «Фауста» Гёте»
- «Фенелла», опера Обера — 279
- «Фиделио», опера Бетховена — 173
- «Фра дьяволо», опера Обера — 121, 306
- Фуги Баха — 61
- Фуги Римского-Корсакова — 197
- «Фулийский царь» — см. «Король жил в Фуле когда-то»
- «Цампа», опера Герольда — 32, 40
- «Чухонская фантазия» для оркестра Даргомыжского — 142, 143, 314

«Щекою к щеке ты моей приложись»,
романс Римского-Корсакова, п о с в.
Мусоргскому — 20

Этюд для ф-п. Н. В. Щербачева
(H-dur)—169

«Юдифь», опера Серова — 10, 30, 64—69,
72, 248, 287, 295

«Южная ночь», романс Римского-Кор-
сакова — 95

«Юлий Цезарь», увертюра Шумана —
289

«Я верю, я любим», романс Римского-
Корсакова — 276

«Я вновь с тобой» — см. *«Да, я вновь
с тобой»*

«Я не сержусь», романс Шумана — 95

Allegro для оркестра Гуссаковского
(Es-dur)—50, 53, 282, 283

Allegro tranquillo для ф-п. Азанчевско-
го — 172

Andante spianato et grande polonaise
для ф-п. с оркестром Шопена — 284

«An der Nähmaschine» пьеса для ф-п.
Г. фон Мадевайза — 362

«Au rouet» («За прялкой»), пьеса для
ф-п. Н. В. Щербачева — 188, 332

«Danse macabre» («Пляска смерти»),
симфоническая поэма Сен-Санса —
207, 338

«Danse macabre» — см. *«Пляска смер-
сти» Листа*

«Divina commedia» — см. «К «Божественной комедии» Данте»

«Doppelgänger» — см. «Двойник»

«Energico», пьеса для ф-п. Вёльфля —
172

«Erlkönig» — см. «Лесной царь»

«Franc-Juges» — см. «Тайные судьи»

«Hungaria» — см. «Венгрия»

«Ich grolle nicht» — см. «Я не сержусь»

«La reine Mab» («Царица Маб»), третья часть драматической симфонии Берлиоза «Ромео и Юлия» (см.)

«Lauda Sion» («Хвалебная песнь»), симфония-кантата Мендельсона — 284

«Les Troyens» — см. «Троянцы»

«Marche burlesque» Кюи — 275

«Papillons» («Бабочки») пьеса для ф-п. Н. В. Щербачева — 188, 332

«Quasi una fantasia» — см. Соната для ф-п. Бетховена, op. 27 № 2

Scherzo для оркестра Кюи, № 1—275

«Te Deum», духовный гимн для хора, солистов, оркестра и органа Берлиоза — 156

УКАЗАТЕЛЬ АДРЕСАТОВ*

Альбрехт Евгений Карлович — 196
Альбрехт Константин (Карл) Карлович — 73

Балакирев Милий Алексеевич — 1—19,
21—42, 44—54, 56—58, 63, 64, 72, 98,
101

Бернард Николай Матвеевич — 262
Бессель Василий Васильевич — 103, 116,
118, 133, 139, 140, 145

Васильев Василий Васильевич — 96

Голенищев-Кутузов Арсений Аркадьевич — 122, 123, 146, 153, 158, 163,
164, 168—171, 174, 177, 179, 184, 187,
192, 194, 222, 223, 227, 231,
234, 246, 255, 257

Голенищева-Кутузова Ольга Андреевна — 206

Горбунов Иван Федорович — 258

Захарьина Авдотья Петровна — 20

Кармалина Любовь Ивановна — 136,
150, 165

Кюи Мальвина Рафаиловна — 87, 132,
182

Кюи Цезарь Антонович — 43, 66, 70

Лист Ференц — 134

Молас Николай Павлович — 202, 203,
207, 233, 235, 237—239

Моласы Александра Николаевна и Николай Павлович — 236

Морозовы Александр Степанович и Мария Михайловна — 221

Направник Эдуард Францевич — 114,
143

Никольский Владимир Васильевич — 61,
69, 74, 77, 91, 97, 100

Пургольд Александра Николаевна —
93, 94

Пургольд Александра Николаевна
и Надежда Николаевна — 75, 76, 78

Репин Илья Ефимович — 120

Римский-Корсаков Николай Андреевич — 60, 62, 65, 68, 71, 80, 83, 85,
89, 211, 266

Станюкович Константин Михайлович —
141

Старшины Артистического кружка в
Москве — 185, 185-а

Стасов Владимир Васильевич — 79, 81,
82, 86, 88, 90, 92, 95, 99, 102, 104,
106—113, 115, 117, 119,
121, 125, 127, 129, 130, 135, 137, 138,
142, 144, 147—149, 162, 172, 180, 183,
189, 195, 200, 212, 215, 218, 224, 240,
241, 244, 247, 252, 259, 261, 263—265

Стасов Дмитрий Васильевич — 84, 107,
198, 228

Стасова Надежда Васильевна — 128, 253

Стасова Поликсена Степановна — 124,
126, 160, 161, 190, 226

Федоров Павел Степанович — 166

Федорова Мария Измайловна и Пауловы Павел Александрович и Сергей Павлович — 249, 250

Шемаев Прокопий Герасимович — 254

Шестакова Людмила Ивановна — 55,
59, 67, 105, 131, 151, 152, 155—157,
159, 167, 173, 175, 178, 181, 186, 188,
191, 193, 199, 201, 204, 205, 208—
210, 213, 214, 216, 217, 219, 220,
225, 229, 230, 232, 242,
243, 245, 248, 251, 256, 260

СОДЕРЖАНИЕ *

От редактора	5
Эпистолярное наследие Мусоргского	7

ПИСЬМА

1857 год

1. М. А. Балакиреву, 15 декабря 1857 г.	35	278
2. М. А. Балакиреву, 17 декабря 1857 г.	35	278
3. М. А. Балакиреву, 6 января 1858 г.	36	278
4. М. А. Балакиреву, 13 января 1858 г.	36	278
5. М. А. Балакиреву, 23 января 1858 г.	37	279
6. М. А. Балакиреву, 25 января 1858 г.	37	279
7. М. А. Балакиреву, 8 июля 1858 г.	37	279
8. М. А. Балакиреву, ночь с 12 на 13 августа 1858 г.	39	279

1859 год

9. М. А. Балакиреву, 7 января 1859 г.	41	280
10. М. А. Балакиреву, 26 января 1859 г.	41	280
11. М. А. Балакиреву, 7 февраля 1859 г.	42	280
12. М. А. Балакиреву, 2 мая 1859 г.	42	280
13. М. А. Балакиреву, 12 июня 1859 г.	42	281
14. М. А. Балакиреву, 23 июня 1859 г.	42	281
15. М. А. Балакиреву, 20 сентября 1859 г.	44	281
16. М. А. Балакиреву, 4 октября 1859 г.	45	281
17. М. А. Балакиреву, 8 октября 1859 г.	45	281
18. М. А. Балакиреву, ночь с 17 на 18 октября 1859 г.	45	282
19. М. А. Балакиреву, 19 октября 1859 г.	46	282
20. А. П. Захарьиной, 1 апреля, конец 1850-х—начало 1860-х гг.	47	282

1860 год

21. М. А. Балакиреву, 10 февраля 1860 г.	48	282
22. М. А. Балакиреву, 14 февраля 1860 г.	49	282
23. М. А. Балакиреву, 26 сентября 1860 г.	49	282
24. М. А. Балакиреву, 5 ноября 1860 г.	50	283
25. М. А. Балакиреву, 9 ноября 1860 г.	51	283

* Вторая колонка цифр указывает страницы комментариев.

26. М. А. Балакиреву, 24 декабря 1860 г.	51	283
27. М. А. Балакиреву, 27 декабря 1860 г.	52	283
28. М. А. Балакиреву, конец декабря 1860 г., до 1 января 1861 г.	52	283

1861 год

29. М. А. Балакиреву, 13 января 1861 г.	52	283
30. М. А. Балакиреву, 16—17 января 1861 г.	54	284
31. М. А. Балакиреву, 19 января 1861 г.	55	284
32. М. А. Балакиреву, 6 февраля 1861 г.	57	285
33. М. А. Балакиреву, 24 марта 1861 г.	57	285
34. М. А. Балакиреву, 1 мая 1861 г.	58	285
35. М. А. Балакиреву, 3 мая 1861 г.	58	285
36. М. А. Балакиреву, 14 октября 1861 г.	58	285

1862 год

37. М. А. Балакиреву, 11 марта 1862 г.	59	285
38. М. А. Балакиреву, 31 марта 1862 г.	60	286
39. М. А. Балакиреву, 28 апреля 1862 г.	62	286
40. М. А. Балакиреву, 22 октября 1862 г.	63	286

1863 год

41. М. А. Балакиреву, 14 марта 1863 г.	64	286
42. М. А. Балакиреву, 10 июня 1863 г.	64	287
43. Ц. А. Кюи, 22 июня 1863 г.	70	287
44. М. А. Балакиреву, 1863 г.	72	287

1864 год

45. М. А. Балакиреву, 16 января 1864 г.	73	287
46. М. А. Балакиреву, до 6 февраля 1864 г.	73	288
47. М. А. Балакиреву, до 20 февраля 1864 г.	74	288
48. М. А. Балакиреву, 29 февраля 1864 г.	74	288
49. М. А. Балакиреву, конец марта (?) 1864 г.	74	288
50. М. А. Балакиреву, между 2 и 6 апреля 1864 г.	75	288
51. М. А. Балакиреву, 3 мая 1864 г.	75	288

1866 год

52. М. А. Балакиреву, 27 января 1866 г.	76	289
53. М. А. Балакиреву, 20 апреля 1866 г.	77	289
54. М. А. Балакиреву, 14 августа 1866 г.	77	289

1867 год

55. Л. И. Шестаковой, 5 января 1867 г.	78	289
56. М. А. Балакиреву, 8 января 1867 г.	78	289
57. М. А. Балакиреву, 23 января 1867 г.	80	290
58. М. А. Балакиреву, 26 января 1867 г.	82	291
59. Л. И. Шестаковой, до 16 апреля 1867 г.	85	291
60. Н. А. Римскому-Корсакову, 5 июля 1867 г.	86	292
61. В. В. Никольскому, 12 июля 1867 г.	88	292
62. Н. А. Римскому-Корсакову, 15 июля 1867 г.	90	293
63. М. А. Балакиреву, начало сентября 1867 г.	93	296
64. М. А. Балакиреву, 24 сентября 1867 г.	93	296
65. Н. А. Римскому-Корсакову, до 4 октября 1867 г.	95	296

1868 год

66. Ц. А. Кюи, 3—10 июля 1868 г.	97	296
67. Л. И. Шестаковой, 30 июля 1868 г.	99	297
68. Н. А. Римскому-Корсакову, 30 июля 1868 г.	101	297
69. В. В. Никольскому, 15 августа 1868 г.	102	298
70. Ц. А. Кюи, 15 августа 1868 г.	104	298
71. Н. А. Римскому-Корсакову, 15 августа 1868 г.	105	299

1869 год

72. М. А. Балакиреву, 27 сентября 1869 г.	107	300
73. К. К. Альбрехту, декабрь 1869 г.	108	300

1870 год

74. В. В. Никольскому, 19 мая 1870 г.	109	301
75. А. Н. и Н. Н. Пургольд, 18 июня 1870 г.	109	302
76. А. Н. и Н. Н. Пургольд, 24 июня 1870 г.	111	302
77. В. В. Никольскому, 28 июня 1870 г.	112	302
78. А. Н. и Н. Н. Пургольд, 13 июля 1870 г.	115	303
79. В. В. Стасову, 14 июля 1870 г.	116	303
80. Н. А. Римскому-Корсакову, 23 июля 1870 г.	116	303
81. В. В. Стасову, 18 августа 1870 г.	118	304
82. В. В. Стасову, 22 августа 1870 г.	119	304

1871 год

83. Н. А. Римскому-Корсакову, 8 января 1871 г.	119	305
84. В. В. Стасову, 21 января 1871 г.	120	305
85. Н. А. Римскому-Корсакову, 27 марта 1871 г.	120	305
86. В. В. Стасову, 18 апреля 1871 г.	121	305
87. М. Р. Кюи, 1 июля 1871 г.	122	306
88. В. В. Стасову, 10 августа 1871 г.	122	306
89. Н. А. Римскому-Корсакову, 17 августа 1871 г.	124	307
90. В. В. Стасову, 11 сентября 1871 г.	124	307
91. В. В. Никольскому, 10 декабря 1871 г.	125	308
92. В. В. Стасову, 14 декабря 1871 г.	125	308
93. А. Н. Пургольд, конец 1871 или начало 1872 г.	126	308

1872 год

94. А. Н. Пургольд, 3 января 1872 г.	126	308
95. В. В. Стасову, 7 января 1872 г.	127	308
96. В. В. Васильеву, 14 января 1872 г.	127	309
97. В. В. Никольскому, 14 февраля 1872 г.	128	309
98. М. А. Балакиреву, 22 марта 1872 г.	128	309
99. В. В. Стасову, 31 марта 1872 г.	129	309
100. В. В. Никольскому, 7 апреля 1872 г.	130	310
101. М. А. Балакиреву, 24 апреля 1872 г.	130	310
102. В. В. Стасову, 1 мая 1872 г.	131	310
103. В. В. Бесселю, 6 мая 1872 г.	131	310
104. В. В. Стасову, 16 и 22 июня 1872 г.	131	311
105. Л. И. Шестаковой, 11 июля 1872 г.	133	311
106. Л. И. Шестаковой, 13 июля 1872 г.	134	311
107. В. В. Стасову, 15 июля 1872 г.	138	312
108. В. В. Стасову, ночь с 12 на 13 сентября 1872 г.	138	312
109. В. В. Стасову, 29 сентября 1872 г.	139	313
110. В. В. Стасову, 18 октября 1872 г.	140	313
111. В. В. Стасову, 26 декабря 1872 г.	142	314

1873 год

112. В. В. Стасову, 2 января 1873 г.	143	314
113. В. В. Стасову, 30 января 1873 г.	145	314
114. Э. Ф. Направнику, 6 февраля 1873 г.	145	315
115. В. В. Стасову, 3 мая 1873 г.	146	315
116. В. В. Бесселю, 14 мая 1873 г.	146	315
117. В. В. Стасову, 16 мая 1873 г.	146	316
118. В. В. Бесселю конец весны — начало лета 1873 г.	147	316
119. В. В. Стасову, ночь с 31 мая на 1 июня 1873 г.	147	316
120. И. Е. Репину, 13 июня 1873 г.	147	316
121. В. В. Стасову, 19 июня 1873 г.	149	317
122. А. А. Голенищеву-Кутузову, ночь с 28 на 29 июня 1873 г.	150	317
123. А. А. Голенищеву-Кутузову, 22—23 июля 1873 г.	150	317
124. П. С. Стасовой, 23 июля 1873 г.	152	318
125. В. В. Стасову, 23 июля 1873 г.	154	319
126. П. С. Стасовой, 26 июля 1873 г.	157	320
127. В. В. Стасову, 2 августа 1873 г.	159	320
128. Н. В. Стасовой, 2 августа 1873 г.	163	321
129. В. В. Стасову, 6 августа 1873 г.	163	321
130. В. В. Стасову, 6 сентября 1873 г.	166	323
131. М. Р. Кюи, 21 сентября 1873 г.	170	324
132. Л. И. Шестаковой, 2 октября 1873 г.	170	324
133. В. В. Бесселю, 22 октября 1873 г.	170	324
134. Ф. Листу, 28 октября 1873 г.	170	325
135. В. В. Стасову, 1 декабря 1873 г.	171	325
136. Л. И. Кармалиной, 5 декабря 1873 г.	171	325
137. В. В. Стасову, 6 декабря 1873 г.	172	325

1874 год

138. В. В. Стасову, 2 января 1874 г.	173	326
139. В. В. Бесселю, 4 января 1874 г.	174	326
140. В. В. Бесселю, между 4 и 15 января 1874 г.	174	326
141. К. М. Станюковичу, 23 января 1874 г.	174	327
142. В. В. Стасову, 28 января 1874 г.	175	327
143. Э. Ф. Направнику, 2 февраля 1874 г.	175	327
144. В. В. Стасову, 6 февраля 1874 г.	175	327
145. В. В. Бесселю, 26 февраля 1874 г.	176	328
146. А. А. Голенищеву-Кутузову, 2 марта 1874 г.	177	328
147. В. В. Стасову, 9 марта 1874 г.	178	328
148. В. В. Стасову, 12 или 19 июня 1874 г.	178	328
149. В. В. Стасову, 20 июня 1874 г.	179	329
150. Л. И. Кармалиной, 23 июля 1874 г.	179	329
151. Л. И. Шестаковой, 27 октября 1874 г.	180	330
152. Л. И. Шестаковой, ночь с 28 на 29 октября 1874 г.	181	330
153. А. А. Голенищеву-Кутузову, ночь с 7 на 8 ноября 1874 г.	182	330
154. В Музыкальную торговлю «В. Бессель и К ^о »	183	330
155. Л. И. Шестаковой, 16 ноября 1874 г.	183	330
156. Л. И. Шестаковой, 27 ноября 1874 г.	183	330
157. Л. И. Шестаковой, 6 декабря 1874 г.	184	331
158. А. А. Голенищеву-Кутузову, 29 декабря 1874 г.	184	331
159. Л. И. Шестаковой, середина 1870-х годов	185	331

1875 год

160. П. С. Стасовой, 13 января 1875 г.	185	331
161. П. С. Стасовой, 28 февраля 1875 г.	185	331
162. В. В. Стасову, 5 марта 1875 г.	186	331
163. А. А. Голенищеву-Кутузову, 7 марта 1875 г.	186	332
164. А. А. Голенищеву-Кутузову, 18 марта 1875 г.	187	332

165. Л. И. Кармалиной, 20 апреля 1875 г.	189	332
166. П. С. Федорову, 5 мая 1875 г.	190	333
167. Л. И. Шестаковой, 9 мая 1875 г.	190	333
168. А. А. Голенищеву-Кутузову, 11 мая 1875 г.	191	333
169. А. А. Голенищеву-Кутузову, 22 мая 1875 г.	191	333
170. А. А. Голенищеву-Кутузову, 22 мая 1875 г.	192	334
171. А. А. Голенищеву-Кутузову, 25 мая 1875 г.	193	334
172. В. В. Стасову, 13 июня 1875 г.	194	334
173. Л. И. Шестаковой, 27 июня 1875 г.	194	334
174. А. А. Голенищеву-Кутузову, середина июля (?) 1875 г.	195	334
175. Л. И. Шестаковой, 2 августа 1875 г.	195	335
176. В. В. Стасову, 7 августа 1875 г.	196	335
177. А. А. Голенищеву-Кутузову, 17 августа 1875 г.	197	335
178. Л. И. Шестаковой, 16 сентября 1875 г.	198	335
179. А. А. Голенищеву-Кутузову, сентябрь — 3 октября 1875 г.	199	336
180. В. В. Стасову, 14 октября 1875 г.	201	336
181. Л. И. Шестаковой, 14 октября 1875 г.	201	336
182. М. Р. Кюи, 14 октября 1875 г.	201	336
183. В. В. Стасову, 19—20 октября 1875 г.	202	336
184. А. А. Голенищеву-Кутузову, 31 октября 1875 г.	204	337
185. Старшинам Артистического кружка в Москве, 1 ноября 1875 г.	205	337
185 а. Старшинам Артистического кружка в Москве, 1 ноября 1875 г.	205	337
186 Л. И. Шестаковой, 7 ноября 1875 г.	205	337
187. А. А. Голенищеву-Кутузову, 9 ноября 1875 г.	206	338
188. Л. И. Шестаковой, 22 ноября 1875 г.	206	338
189. В. В. Стасову, 23 ноября 1875 г.	207	338
190. П. С. Стасовой, ночь с 23 на 24 ноября 1875 г.	208	338
191. Л. И. Шестаковой, осень 1875 г.	208	339
192. А. А. Голенищеву-Кутузову, 9—11 декабря 1875 г.	208	339
193. Л. И. Шестаковой, 17 декабря 1875 г.	209	339
194. А. А. Голенищеву-Кутузову, ночь с 23 на 24 декабря 1875 г.	210	339
195. В. В. Стасову, ночь с 29 на 30 декабря 1875 г.	210	340
196. Е. К. Альбрехту, конец 1875 г.	211	340

1876 год

197. Д. В. Стасову, 1 января 1876 г.	211	340
198. Д. В. Стасову, 3 января 1876 г.	212	340
199. Л. И. Шестаковой, 17 января 1876 г.	212	340
200. В. В. Стасову, 12 февраля 1876 г.	213	341
201. Л. И. Шестаковой, ночь с 28 на 29 февраля 1876 г.	213	341
202. Н. П. Моласу, 9 марта 1876 г.	214	341
203. Н. П. Моласу, 14 марта 1876 г.	215	341
204. Л. И. Шестаковой, вторая половина марта 1876 г.	215	341
205. Л. И. Шестаковой, 27 марта 1876 г.	215	341
206. О. А. Голенищевой-Кутузовой, 9 апреля 1876 г.	216	342
207. Н. П. Моласу, 12 апреля 1876 г.	216	342
208. Л. И. Шестаковой, 19 апреля 1876 г.	216	342
209. Л. И. Шестаковой, до 21 апреля 1876 г.	217	342
210. Л. И. Шестаковой, 27 апреля 1876 г.	217	342
211. Н. А. Римскому-Корсакову, ночь с 15 на 16 мая 1876 г.	218	343
212. В. В. Стасову, 15 июня 1876 г.	219	343
213. Л. И. Шестаковой, 15 июня 1876 г.	220	346
214. Л. И. Шестаковой, 18 июня 1876 г.	220	346
215. В. В. Стасову, 14 июля 1876 г.	221	346
216. Л. И. Шестаковой, 24 июля 1876 г.	221	346
217. Л. И. Шестаковой, 2—6 августа 1876 г.	222	346

218. В. В. Стасову, 13 августа 1876 г.	223	347
219. Л. И. Шестаковой, 31 августа 1876 г.	224	348
220. Л. И. Шестаковой, 10 сентября 1876 г.	225	348
221. А. С. и М. М. Морозовым, 26 ноября 1876 г.	225	349
222. А. А. Голенищеву-Кутузову, 29 ноября 1876 г.	226	349
223. А. А. Голенищеву-Кутузову, осень 1876 г.	226	349
224. В. В. Стасову, 25 декабря 1876 г.	227	349
225. Л. И. Шестаковой, 25 декабря 1876 г.	228	349

1877 год

226. П. С. Стасовой, 11 января 1877 г.	228	349
227. А. А. Голенищеву-Кутузову, 5 или 6 июня 1877 г.	229	350
228. Д. В. Стасову, ночь с 14 на 15 июня 1877 г.	229	350
229. Л. И. Шестаковой, ночь с 14 на 15 июня 1877 г.	230	350
230. Л. И. Шестаковой, 18 июня 1877 г.	231	350
231. А. А. Голенищеву-Кутузову, 15 августа 1877 г.	231	350
232. Л. И. Шестаковой, 22 сентября 1877 г.	233	351
233. Н. П. Моласу, 31 октября 1877 г.	234	351
234. А. А. Голенищеву-Кутузову, 10 ноября 1877 г.	234	351
235. Н. П. Моласу, 11 ноября 1877 г.	236	351
236. А. Н. и Н. П. Моласам, 12 ноября 1877 г.	236	352
237. Н. П. Моласу, 5 декабря 1877 г.	236	352
238. Н. П. Моласу, 26 декабря 1877 г.	237	352

1878 год

239. Н. П. Моласу, 9 января 1878 г.	237	352
240. В. В. Стасову, 7 февраля 1878 г.	237	352
241. В. В. Стасову, 22 марта 1878 г.	238	352
242. Л. И. Шестаковой, до 26 июля 1878 г.	238	353
243. Л. И. Шестаковой, 26 июля 1878 г.	239	353
244. В. В. Стасову, 28 июля 1878 г.	239	353
245. Л. И. Шестаковой, 29 ноября 1878 г.	241	353
246. А. А. Голенищеву-Кутузову, конец декабря 1878 г.	241	353

1879 год

247. В. В. Стасову, 7 марта 1879 г.	243	354
248. Л. И. Шестаковой, 16 июня 1879 г.	244	354
249. М. И. Федоровой и П. А. и С. П. Наумовым, 30 июля 1879 г.	244	354
250. М. И. Федоровой и П. А. и С. П. Наумовым, 3—15 августа 1879 г.	245	355
251. Л. И. Шестаковой, 9 сентября 1879 г.	250	355
252. В. В. Стасову, 10 сентября 1879 г.	252	355
253. Н. В. Стасовой, 11 сентября 1879 г.	255	356
254. П. Г. Шемаеву, 19 сентября 1879 г.	255	356
255. А. А. Голенищеву-Кутузову, 14 ноября 1879 г.	257	356
256. Л. И. Шестаковой, 19 декабря 1879 г.	257	356
257. А. А. Голенищеву-Кутузову, вторая половина 1870-х гг.	258	356

1880 год

258. И. Ф. Горбунову, ночь с 4 на 5 января 1880 г.	258	357
259. В. В. Стасову, 16 января 1880 г.	259	357
260. Л. И. Шестаковой, 22 января 1880 г.	259	357
261. В. В. Стасову, 9 февраля 1880 г.	260	357
262. Н. М. Бернарду, 1 мая 1880 г.	260	357
263. В. В. Стасову, 5 августа 1880 г.	260	358
264. В. В. Стасову, 22 августа 1880 г.	261	358
265. В. В. Стасову, ночь с 27 на 28 августа 1880 г.	261	358
266. Н. А. Римскому-Корсакову, между 27 и 30 ноября 1880 г.	262	358

БИОГРАФИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ И ДОКУМЕНТЫ

Записка для Л. И. Шестаковой, июль — август 1871 г.	263	359
Список сочинений для В. В. Стасова, 26 августа 1874 г.	265	360
Автобиографическая записка, июнь 1880 г.	267	360
Прощение об отставке, 1 мая 1858 г.	270	363
Объявление мировому посреднику, 1 июля 1865 г.	271	363
Прощение в Комитет цензуры иностранной, 18 августа 1870 г.	273	364
Прощение об опере «Борис Годунов», между 18 и 20 января 1874 г.	274	365
Дарственная на имя Т. И. Филиппова, 14 марта 1881 г.	274	365
Записка о Ц. А. Кюи для Л. И. Шестаковой, июль — август 1871 г.	275	366
Проект программы концерта А. Н. Молас, до 18 января 1879 г.	276	366

КОММЕНТАРИИ	277
--------------------	-----

УКАЗАТЕЛИ

Указатель имен	367
Указатель музыкальных произведений, обработок и замыслов М. П. Мусоргского	384
Указатель музыкальных произведений разных авторов	389
Указатель адресатов	393

ОПЕЧАТКИ И ПОПРАВКИ

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
18	21 снизу	постепенно	постоянно
106	6 снизу	А я Вас	А я Вам
111	11 сверху	чем больше	чем более
152	17 сверху	и подступ	и подступы
181	9 сверху	группость	гладкость
196	16 снизу	если власти	что если власти
201	11 сверху	сдается мне, единственный	сдается, единственный
235	11 снизу	вешний	летний
239	9 снизу	мне быть сегодня	мне сегодня быть
259	1 снизу	(я было всплакнул сегодня).	(а я было всплакнул сегодня).

Индекс 9-1-2

М. П. МУСОРГСКИЙ

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ

Письма. Биографические материалы и документы.

Редактор Е. Гордеева
Худож. редактор Ю. Зеленков Техн. редактор И. Левитас Корректор И. Белоброва
Художник Е. Ганушкин
Подписано к печати 9/VIII 1971 г. А-12285 Формат бумаги 70×90¹/₁₆ Печ. л. 27,06 (включая вклейки)
(Усл. п. л. 31,16) Уч.-изд. л. 30,68 (включая вклейки) Тираж 4000 экз. Изд. № 4163
Т. п. 1971 г., № 695 Зак. 1345. Цена 2 р. 40 к. на бумаге № 1

Издательство «Музыка», Москва, Неглинная, 14.

Московская типография № 6 Главполиграфпрома
Комитета по печати при Совете Министров СССР
Москва, Ж-88, 1-й Южно-портовый пр., 17.